

СБОРНИКЪ МАТЕРІАЛОВЪ

ДЛЯ ОПИСАНІЯ

МѢСТНОСТЕЙ И ПЛЕМЕНЪ КАВКАЗА.

Изданіе Управленія Кавказскаго Учебнаго Округа.

ВЫПУСКЪ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ.

ТИФЛИСЪ.

Типографіи: Канцеляріи Главнагоначальствующаго гражд. частію на Кавказѣ и
К. Козловскаго.

1901.

Оглавленіе.

	<i>Стр.</i>
Предисловіе (съ мотивами сказокъ и указателемъ пнень) <i>Л. Г. Лопатинскаго</i>	I—X.

Отдѣль первый.

Свѣдѣнія арабскихъ писателей о Кавказѣ, Арменіи и Азербейджанѣ. I. Ал-Истахрій. <i>Н. А. Караулова</i>	1— 73
Единицы цѣнности у первобытныхъ народовъ. <i>Н. Остроумова</i>	75— 94
Хроника Эрнстовскаго Акаефта.	95—114
Канчаветскій „жамъ-гулани“ и историческія приписки его кинелоса	115—137
Грузинскія надписи Ахталы.	138—145
Ультиматумъ персидскаго шаха Ага-Магометъ-хана грузинскому царю Ираклію II. <i>Е. С. Такайшвили</i>	146—148
Армянскія древнія рукописи монастыря св. Өомы. <i>А. И. Туманова</i>	1— 18
Изгнаніе Адама изъ рай, Нимродъ и семь послѣпотопныхъ народовъ. <i>М. Г. Джанашивили</i>	19— 44
Армянскіе цыганы. <i>Г. Ванціана</i>	45— 70
✕ Очеркъ быта темиргоевцевъ. <i>В. В. Василькова</i>	71—122
Очеркъ жизни калмыковъ на Терекѣ. <i>Г. Губанова</i>.	123—154

Экскурсія на Цейскій ледникъ. <i>С. Θ. Мельникова-Разведенкова</i>	155—182
Минеральные источники Эриванской губернии и Карсской области. <i>В. И. Двигачаго</i>	183—200
Столица Лечхума. <i>И. С. Моисеева</i>	201—220.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Колонія Еленендорфъ, Елисаветпольской губернии и уѣзда. <i>Ф. Циммера</i>	1— 24
Сел. Квемо-Чала, Горійскаго уѣзда, Тифлисской губернии. <i>А. Микеладзе</i>	25— 44
Сел. Лагичъ, Геокчайскаго уѣзда, Вакнискской губернии. <i>Мамедъ-Гасана-Эфендіева</i>	45— 96.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Суевѣрія, повѣрья, примѣты, заговоры....., собранные въ гор. Ейскѣ. <i>М. Харламова</i>	1— 48
Свадьба въ стан. Ладожской, Бубанской области. <i>М. Васильковой</i>	49— 86
Пѣсни, записанныя въ стан. Ладожской, Бубанской области. <i>М. Васильковой</i>	87—108
Пѣсни, поющіяся въ стан. Галюгаевской, Моздокскаго отдѣла, Терской области. <i>М. А. Караулова</i>	109—162.

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Чеченскіе тексты. 1. Младшій изъ шестидесяти сныковей. 2. Отцовское наслѣдство. 3. Три диковинки. 4. Хитрая лисица. 5. Лиса и куропатка. 6. Старая хлѣбъ-соль забывается. Записаны <i>Т. Эльдархановымъ</i>	1— 33
Замѣтка <i>Л. Л.</i>	33—34
Адыгскіе тексты. Набардинское нарѣчіе. 1. Силачъ Куаловъ. 2. Преданіе о Гошегагъ. <i>И. Тамбіева</i>	35— 58.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ I отдѣлѣ XXIX выпуска Сборника помѣщены статьи весьма разнообразнаго содержанія.

Отдѣлъ открывается статьями, относящимися къ исторіи Кавказа и древней грузинской и армянской письменности.

Статья *Н. А. Караулова* „Свѣдѣнія арабскихъ писателей о Кавказѣ, Арменіи и Азербейджанѣ. I. Ал-Истахрій“ начинается серію такихъ же описаній древними писателями Кавказа, какъ и помѣщенные въ IV и IX выпускахъ Сборника („Извѣстія греческихъ и римскихъ писателей о Кавказѣ“). Переводъ арабскаго текста, сдѣланный молодымъ ученымъ и provato академикомъ бар. Розеномъ, снабженъ многочисленными примѣчаніями автора, безъ которыхъ пользованія текстомъ было бы весьма затруднительнымъ, такъ какъ встрѣчающаяся въ немъ географическая номенклатура въ нѣкоторыхъ случаяхъ не даетъ возможности узнать въ арабской транскрипціи современныя русскія и туземныя названія.

Статья *Н. П. Остроумова* „Единицы цѣнности у первобытныхъ народовъ“ даетъ краткій очеркъ разнообразныхъ естественныхъ денежныхъ знаковъ, существовавшихъ и существующихъ еще до сихъ поръ среди первобытныхъ народовъ и постепенно замѣняемыхъ искусственными.

Цѣлый рядъ статей *Е. С. Такайшвили*: „Хроника Эриванскаго Акаенста“, „Банчаветскій жемъ-гулани и историческія приписки его кинелоса“, „Грузинскія надписи Ахталы“ и „Ультиматумъ персидскаго шаха Ага-Магомедъ-хана грузинскому царю Ирак-

лію II“ служитъ продолженіемъ работъ автора, помѣщаемыхъ въ Сборникѣ, по изученію источниковъ исторіи Грузіи. Написанныя уважаемымъ авторомъ введенія къ каждой въ отдѣльности статьѣ и сопровождающія ихъ примѣчанія устанавливають не только научное ихъ значеніе, но и выясняютъ вполнѣ то, что требовало объясненія.

Статья „Армянскія древнія рукописи монастыря св. Өомы“ *А. П. Туманова* даетъ нѣкоторые образцы армянской эпиграфики, которые не лишены историческаго интереса. Въ особенности заслуживаютъ вниманія замѣтки современника о нашествіи персидскаго шаха Ага-Магометъ-хана. Замѣтки эти примыкають по своему содержанию къ помѣщенному выше ультиматуму того же шаха.

Въ статьѣ „Изгнаніе Адама изъ рая, Нимродъ и семь послѣпотопныхъ народовъ“ *М. Г. Джанашвили* сообщается одинъ изъ источниковъ „Картлисъ-Цховреба“, считавшійся до сихъ поръ утеряннымъ и только въ прошломъ году найденный уважаемымъ авторомъ въ числѣ рукописей Груз. церк. музея. Значеніе этой рукописи выяснено авторомъ въ предисловіи къ статьѣ.

Далѣе идутъ двѣ статьи этнографическаго характера и одна смѣшаннаго—этнографическо-описательная.

Статья „Армянскіе цыганы“ *Г. Ванціана* составляетъ новую обработку статьи того же автора, появившейся въ одномъ изъ армянскихъ изданій. Написанная легкимъ языкомъ, она даетъ намъ ясное представленіе о любопытномъ народцѣ—бошахъ, сохранившемся въ нагорной полосѣ юго-западной части Закавказья.

Статья „Очеркъ быта темиргоевцевъ“ *В. В. Василькова* знакомитъ насъ съ бытомъ этого отпрыска нижнечеркесскаго племени, расселившагося нѣсколькими аулами по рѣкѣ Лабѣ и ея притокамъ. Рядомъ съ довольно обстоятельнымъ описаніемъ такихъ бытовыхъ сторонъ черве-

совь, какъ аталычество и клятвенное братство, въ статьѣ заключается подробное описаніе темиргоевской свадьбы и похоронныхъ обрядовъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми данными о черкесской мѣологии. Параллельныя вѣровапія у другихъ черкесскихъ племенъ и абхазцевъ указаны мною въ примѣчаніяхъ.

Статья „**Очеркъ жизни калмыковъ на Терекѣ**“ воспитанника Кутаисской уч. сем. *Григорія Губанова* даетъ намъ довольно ясное представленіе о бытѣ терскихъ калмыковъ, о которыхъ на страницахъ нашего Сборника еще не появлялось почти никакихъ свѣдѣній. Калмыки, кромѣ двухъ улусовъ въ Терской области, на сѣверъ отъ ст. Наурской, живутъ еще въ степяхъ Ставропольской губерніи, примыкая своими кочевьями къ астраханскимъ калмыкамъ.

Послѣднія три статьи перваго отдѣла относятся къ описательнымъ.

Статья „**Экскурсія на Цейскій ледникъ**“ *С. Ѳ. Мельникова-Разведенкова* въ живыхъ краскахъ описываетъ экскурсію въ одну изъ горныхъ тущобъ Осетіи, при чемъ слегка затрогиваетъ съ археологической стороны извѣстное осетинское святилище, называемое „Рекомъ“.

Въ статьѣ „**Минеральные источники Эриванской губерніи и Карсской области**“ *В. И. Дьвицкаго* помѣщено описаніе пяти минеральныхъ источниковъ: Арзнипскаго, Чермука, Кѣтавскаго, Кизилъ-Чахчахскаго и Сарыкамшскаго, извѣстныхъ мѣстному населенію, но еще мало изслѣдованныхъ.

Статья „**Столица Лечхума**“ *И. С. Моисеева* дополняетъ собою статью того же автора „Уголокъ Лечхума“, помѣщенную въ XXVII выпускѣ Сборника. Такимъ образомъ, два населенныхъ пункта Лечхумскаго уѣзда, теперешняя его столица Цагеры и прежняя — Лайлаши описаны на страницахъ Сборника.

*
**

Во II отдѣлѣ помѣщены описанія трехъ мѣстностей Закавказскаго края: 1) **Болоніи Еленендорфъ, Елисаветпольской губерніи и уѣзда** (статья *Ф. Циммера*), населенной пѣмечкими колонистами, призванными въ край еще въ началѣ истекшаго столѣтія и достигшими высокой степени благосостоянія; 2) грузинскаго селенія **Бвемо-Чала, Горійскаго уѣзда, Тифлисскаго губерніи** (статья *А. Микеладзе*) и 3) татскаго селенія **Лагичъ, Геокчайскаго уѣзда, Вакинской губерніи** (статья *Мамедъ-Гасана-Эфендіева*), не только имѣющаго въ край довольно большое значеніе своимъ кустарнымъ промысломъ, но любопытнаго также и въ этнографическомъ отношеніи.

*
**

Отдѣлъ III редактированъ *М. И. Карпинскимъ*, которому и принадлежитъ предисловіе къ нему.

*
**

Въ отдѣлѣ IV помѣщены чеченскіе и адыгскіе тексты. „**Чеченскіе тексты**“, записанные *Т. Эльдархановымъ*, служатъ продолженіемъ такихъ же текстовъ, помѣщенныхъ въ XXVIII выпускѣ Сборника.

Сказка „**Младшій изъ шестидесяти сыновей**“ принадлежитъ къ богатырскому эпосу чеченцевъ. Начало ея напоминаетъ нѣсколько балкарское сказаніе „**Богатырь Еце-мей, сынъ Ецел**“¹⁾, карачаевское „**Ачимез**“²⁾, кабардинское „**Ашемез**“³⁾ и осетипское „**Какъ Сосрыко поссорил-**

¹⁾ Сборникъ матер. по опис. мѣст. и плем. Кавк., вып. XXI, отд. II, стр. 76.

²⁾ Сборн. мат. III, II, 140.

³⁾ Сборн. мат. XII, Каб. тексты, 38.

ся съ Алымбеевымъ¹⁾). Разница заключается только въ слѣдующей детали: въ нашемъ сказаніи спрашиваютъ мать объ отсутствующемъ отцѣ *всѣхъ ея 60 сыновей*, между тѣмъ какъ въ сравниваемыхъ сказаніяхъ *одинъ* только герой сказки допрашиваетъ мать о томъ, кто убійца отца. Дальше наша сказка развивается самостоятельно. Изъ всѣхъ 60 сыновей только младшій чувствуетъ въ себѣ богатырскую силу и обладаетъ даромъ предчувствія будущаго. Онъ находитъ отца, который, вернувшись домой и налюбовавшись своими сыновьями, идетъ разыскивать человѣка, у котораго было бы столько дочерей, сколько у него сыновей. Такого человѣка онъ находитъ, и посылаетъ своихъ сыновей свататься. Во второй своей половинѣ сказаніе имѣетъ нѣкоторые детали, общія со сказками другихъ народовъ, какъ, напримѣръ, измѣна старшихъ братьевъ младшему; борьба младшаго брата со змѣемъ-чудищемъ, похитившимъ его невѣсту²⁾).

Къ богатырскому эпосу относится и сказка „Отцовское наслѣдство“. Наслѣдство заключается въ боевомъ конѣ и отцовскихъ доспѣхахъ, отличающихся необыкновенными качествами: боевой конь питается желѣзомъ, какъ и золотистый „гарпанъ“ карачаевскаго богатыря Алаугача³⁾; броня такъ тяжела, что только 15 дѣвушекъ могутъ съ трудомъ ее сдвинуть съ мѣста, да и пашка не каждому по силамъ. Нѣсколько другими качествами обладаетъ оружіе, унаслѣдованное Апемезомъ⁴⁾: оно обдаетъ огненнымъ жаромъ всякаго при приближеніи къ нему. Нашъ герой, въ которомъ, незамѣтно для другихъ, скрывалась богатырская сила, легко справляется съ конемъ и безъ всякаго труда надѣваетъ отцовскіе доспѣхи.

¹⁾ Свѣдѣнія о кавк. горцахъ, V, IV, 12.

²⁾ Литература предмета отмѣчена въ предисловіяхъ къ предыдущимъ выпускамъ Сборника.

³⁾ Сборн. мат. XXV, I, 77.

⁴⁾ Сборн. мат. XXII, Каб. тексты, 53.

Отправившись бродить по бѣлу-свѣту, онъ встрѣчаетъ семь братьевъ-эрхустойцевъ ¹⁾. Кони нартовъ и нашего героя вступаютъ въ перебранку между собою. Эпизодъ этотъ не встрѣчается въ другихъ сказкахъ; въ сказкахъ другихъ народовъ вѣщій конь предупреждаетъ героя объ опасности и даетъ ему совѣты ²⁾.

Очугившись въ незнакомомъ городѣ, нашъ герой останавливается въ домѣ одной вдовы, на краю города. Отъ вдовы онъ узнаетъ о царской дочери, и рѣшается добиться ея руки. Несмотря на препятствія онъ достигаетъ своей цѣли. Это весьма распростраенный мотивъ, разработанный какъ кавказскими сказками, такъ и сказками другихъ народовъ.

Второй своей половиной наша сказка расходится съ другими. Уѣзжая со своею невѣстою домой, нашъ герой по дорогѣ встрѣчаетъ нартовъ-эрхустойцевъ, которые у него посредствомъ обмана отнимаютъ невѣсту. Шашка его выручаетъ, и онъ отбиваетъ невѣсту у похитителей. Наконецъ, нашъ герой повѣнчался съ царевной, но въ первую же ночь молодая жена была похищена у него, но кѣмъ—неизвѣстно. Отправившись на поиски, онъ встрѣчаетъ пастуха, странное поведеніе котораго ему бросилось въ глаза. Пастухъ этотъ ему посовѣтовалъ, гдѣ отыскать похитителя и какъ легче съ нимъ справиться. Той же шашкой онъ отрубилъ похитителю голову и освободилъ свою жену.

Сказка „Три диковинки“ представляетъ очень много общаго съ кабардинской „Чья заслуга больше“ ³⁾ и въ особенности съ вариантомъ послѣдней—сванетской сказкой

¹⁾ О семи нартахъ-эрхустойцахъ см. Пред. къ XXII вып., Сборн. мат. стр. VI; ст. Ахріева „Изъ чеченскихъ сказаній“ въ IV вып. Сборника свѣдѣній о кавк. горцахъ и ст. Лаудаева „Чеченское племя“ въ VI вып. того же Сборника.

²⁾ Сборн. мат. XXI, II, 81, 215 Литература предмета въ Пред. къ XXI вып., стр. XXXII.

³⁾ Сборн. мат. XII, 92.

„Три брата“¹⁾). Царевна, не зная, кому изъ трехъ царевичей отдать руку, даетъ каждому изъ нихъ деньги, съ порученіемъ купить какую-нибудь рѣдкостную вещь. Царевичи отправились вмѣстѣ, и на перекресткѣ разѣхались въ разныя стороны. Каждый изъ нихъ привозитъ по чудесному предмету; предметы эти—стаканъ, зеркало и бурка. Последний предметъ, очевидно, замѣняетъ собою коверъ-самолетъ другихъ сказокъ²⁾). При помощи этихъ предметовъ они спасли царевну отъ неминуемой смерти. Но кому изъ жениховъ царевна отдала предпочтеніе, такъ и осталось невыясненнымъ.

Сказка „Хитрая лисица“ по основной своей мысли и нѣкоторымъ деталямъ приближается къ русской сказкѣ: „Овца, лиса и волеъ“³⁾).

Сказка „Лиса и куропатка“ имѣетъ свои параллели и въ сказкахъ другихъ народовъ⁴⁾). Въ нашей сказкѣ, какъ и въ татарской⁵⁾), лисица перехитрила куропатку, но потомъ, въ свою очередь, была одурчена ею.

Въ сказкѣ „Старая хлѣбъ-соль забывается“ лисица, желая отблагодарить бѣдняка, отпустившаго ее на волю, распускаетъ посредствомъ хитрыхъ уловокъ слухъ о его богатствѣ, а потомъ сватаетъ за него дочь богатого князя. Женихъ ѣдетъ съ невестой домой въ роскошномъ экипажѣ, сопровождаемый большой свитой, и на пути лисица старается посредствомъ запугиванія встрѣчныхъ доставить жениху побольше всякаго богатства: табунъ лошадей, стада рогатаго скота и овецъ и, наконецъ, водворяетъ

¹⁾ Сборн. мат. V, II, 94.

²⁾ Сборн. мат. IX, II, 99; XXIII, III, 84; XXIV, II, 179, 268; XXVI, II, 108; XXVIII, II, 87. Литература мотива о чудесныхъ предметахъ въ Пред. къ XXIII вып. Сб., стр. XII.

³⁾ Аванасьевъ, Народныя русскія сказки, I, 9.

⁴⁾ Ае. I, 11; Сб. мат. XXVI, II, 197; XXVIII, II, 140—142 и др.

⁵⁾ Сборн. мат. XXVIII, II, 162.

его въ замѣѣ змѣя-чудовища, предварительно выгнаннаго ею оттуда при посредствѣ той же хитрости. Желая испытать благодарность благодѣтельствованнаго ею челоѣка, она прикидывается мертвой, но хозяинъ велѣлъ ее безжалостно выбросить вопъ. Тогда она бѣжитъ къ чудовищу, чтобы побудить его снова завладѣть своимъ замкомъ, но герой сказки, не растерявшись, наводитъ страхъ на чудовище, которое, бросившись бѣжать, ударомъ хвоста убиваетъ лисицу. Не такъ неблагодарнымъ оказался маркизь Караба по отношенію къ коту-благодѣтелю въ извѣстной сказкѣ Perrault: „Le chat botté“. Можно указать еще и другія параллели къ нашей сказкѣ ¹⁾.

„Адыгскіе тексты“, записанные *Паю Тамбіевымъ*, состоятъ изъ двухъ преданій: „Силачъ Куаловъ“ и „Преданіе о Гошегагъ“.

Преданіе о „Силачѣ Куаловѣ“ составляетъ варіантъ кабардинскаго же преданія „Созырыхо, сынъ Коала“ ²⁾. Послѣдній рассказъ въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ дополняетъ первый. Такъ въ немъ объяснено, почему въ Кабардѣ силачи скрывали свою силу: борьба всегда оканчивалась для побѣжденнаго или смертью, или тяжкимъ увѣщемъ. Кромѣ того, названа фамилія князя, переманившаго къ себѣ борца князя Атажукина; это былъ могущественный тогда въ Кабардѣ князь, Шужей Мисостовъ. Наконецъ и обстоятельство, заставившее обоихъ князей дать другъ другу клятву въ вѣрности, но съ заднею мыслию со стороны Атажукина нарушить ее, выяснено подробнѣе: это было сдѣлано по наущенію князя Алагика, соперника князя Шужей. Вообще сравниваемый рассказъ богаче нашего подробностями и нѣкоторыми эпизодами. Нельзя не упомянуть объ одной детали, въ которой оба рассказа расходятся: въ на-

¹⁾ Ао. I, 8; Сб. мат. XXVII, IV, 211 и др.

²⁾ Сборникъ свѣд., в. VI.

шемъ разсказѣ князь, желая погубить Куалова, даетъ ему выпить чарку бузы, съ *иголкой* (для пшжей) на днѣ ея, между тѣмъ какъ въ сравниваемомъ самъ онъ опускаетъ въ горло Коалова *капая* (трехгранный короткій ножикъ).

Преданіе о „Гошегагѣ“ напоминаетъ по своей основной идеѣ кабардинское же преданіе „Два друга“¹⁾. По-дробностями оба разсказа расходятся существеннымъ образомъ, за исключеніемъ одной—месты оскорбленной въ своихъ чувствахъ женщины: какъ въ томъ, такъ и въ другомъ разсказѣ женщина посредствомъ какихъ-то сладобьевъ причиняетъ отвергнувшему ее мужчинѣ неизлѣчиму ю болѣзнь—проказу. Конецъ обоихъ разсказовъ совершенно различный: въ сравниваемомъ разсказѣ пострадавшій мужъ, излѣченный отъ страшной болѣзни чудеснымъ средствомъ, мститъ жестоко своей злой женѣ, между тѣмъ какъ нашъ герой женится на женщинѣ, вылѣчившей его отъ проказы, бросивъ первую жену и отнявъ у нея дѣтей. Заключительный тонъ разсказа элегическій. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ брошенная жена въ отчаяніи билась объ скалу ногами, брызнулъ влочь чистой и холодной, какъ ледъ, воды.

*
* *

Въ заключеніе Редакція считаетъ своимъ долгомъ выразить искреннюю благодарность академику барону Розену, профессору петерб. университета, за любезно взятый на себя трудъ просмотра арабскаго текста и провѣрки перевода его на русскій языкъ.

Л. Лопатинскій.

8 сентября 1901 г.

Тифлисъ.

¹⁾ Ibid.

Указатель предметовъ (мотивовъ сказокъ).

IV отдѣла.

- Б.** *Блеститъ молнія*, когда преворачивается царица на бокъ 13. *Болезнь*, прилипшая снадобьями 56. *Борьба* силачей 43. *Борьба* съ чудовищемъ 6. *Броня* съ необыкновенными качествами 12. *Бурка* волшебная 18.
- В.** *Волкъ*, обманутой лисой 21.
- Г.** *Городъ* незнакомный 12.
- Д.** *Диковинки* 18. *Домикъ* вдовы на краю города 12;—на краю дороги 5. *Достыли* отцовскіе см. броя.
- З.** *Замокъ* змѣя 32. *Зеркало* волшебное 18. *Змѣй-чудовище* похищаетъ невѣсту 5;—убѣгаетъ 32.
- К.** *Клятва* 44. *Конь* богатыйскій 12. *Кричать* горломъ, глазами 23. *Куропатка* сманивается лисицей 23;—перехитрила лису 24.
- Л.** *Лисица* хитрая 20. 23;—сваха 31;—запугиваетъ другихъ 31;—прикидывается мертвой 32;—испытываетъ неблагодарность 33.
- М.** *Мѣркой* измѣряютъ деньги 30.
- О.** *Отецъ-бѣднякъ* 4. 12. *Одежда* ветхая бросается въ рѣку.
- П.** *Похищеніе* невѣсты 13. 56;—жены 14. *Пастухъ* то смѣющійся, то плачущій 14.
- Р.** *Ружье* маджарское 6.
- С.** *Свидѣтелемъ* призываетъ ягненокъ собаку 21. *Силачъ* скрываетъ свою силу 12. *Сосутъ* грудь, чтобы снаться 45. *Стадо* овецъ и скота 32. *Стаканъ* волшебный 18.
- Т.** *Табунъ* лошадей 31.
- Х.** *Хлѣбъ-соль* старая забывается 30.
- Ц.** *Царевны* руки добиваются три царевича 18.
- Ч.** *Число* (эпическое): 7 нартовъ-эрхустойцевъ—12; 120 всадниковъ—13; 60 сыповей—4; 60 дочерей—5.
- Ш.** *Шашка* особенная 12;—чармагламальная 6.
- Я.** *Ягненокъ* 21.

Указатель именъ.

Атажукниъ 44, 55. Влбердовъ 54. Гелалъ 30. Гошегага 54. Каза 55. Катина 55. Куаловъ 42. Кубанъ 58. Нельбѣевичъ 12. Татартуль 44. Чуара 12. Шужей 54. Яхомнготъ 54.

ОТДѢЛЪ I.

Свѣдѣнія арабскихъ писателей о Кавказѣ, Арменіи и Азербейджанѣ.

I. Ал-Истахрій. (Писалъ около 930 г. по Р. X.).

Абу-Исхакъ-Ибрахимъ-ибнъ-Мухаммедъ ал-Фарисій ал-Истахрій, о жизни котораго намъ почти ничего неизвѣстно, оставилъ послѣ себя сочиненіе подъ заглавіемъ: „Китабу месалик-ил-мемаликъ (книга путей царствъ)“. Это сочиненіе представляетъ изъ себя изданіе трудовъ его предшественника Абу-Зейда-Ахмед-ибнъ-Сахля ал-Балхія, дополненное самимъ ал-Истахріемъ.

Ал-Балхій, уроженецъ города Балха, изучалъ въ Иракѣ философію подъ руководствомъ ад-Киндія и былъ секретаремъ балхскаго князя Ахмед-ибнъ-Сахл-ибнъ-Хашима ал-Мервезія. Ал-Балхій составилъ атласъ географическихъ картъ: „Сувар-ил-акалимъ (изображеніе поясовъ земли)“ съ краткими объясненіями, значительно распространенными впоследствии ал-Истахріемъ. Первое изданіе этого атласа вышло въ 307 г. или въ 308 г. хиджры, а второе между 318 и 319 годами хиджры. Ал-Балхій скончался въ 322 г. хиджры (934 г. по Р. X.).

Текстъ ал-Истахрія составляетъ первый томъ „*Bibliotheca geographorum arabicorum. Lugd. Batav. 1870*“, изданія de Goeje.

Страницы I-го тома изданія de Goeje указаны на поляхъ текста и перевода.

При переводѣ мы пользовались основнымъ текстомъ ал-Истахрія, установленнымъ de Goeje, указывая лишь на наиболѣе заслуживающіе вниманія варианты другихъ списковъ даннаго автора.

Буквы латинскаго алфавита относятся къ подстрочнымъ примѣчаніямъ, касающимся текста, а цифры относятся къ объясненіямъ, помѣщеннымъ отдѣльно въ концѣ текста и перевода.

من كتاب مسالك الممالك

لابي اسحاق ابراهيم بن محمد الفارسي الاصطخري
المعروف بالكرخي

١٨٠ (١٤) قد انتهينا في حدّ المشرق الى آخر حدود الاسلام
و نرجع الى حدّ الروم غربا فنصف اقاليمها الى آخر
الاسلام في حدّ المشرق فالذي نبتدا به ارمينية والران
و انريجان و قد جعلناها اقليما واحدا •

ارمينية والران وانريجان

فاما ارمينية والران و انريجان فاما جمعها في صورة
واحدة و جعلناها اقليما واحدا والذي يحيط بها مما يلي
المشرق الجبال والديلم وغربي بحر الخزر والذي يحيط
بها مما يلي المغرب حدود الارمن والآن وشيء من
حدّ الجزيرة (a) والذي يحيط بها مما يلي الشمال المآن
وجبال القبق والذي يحيط بها مما يلي الجنوب حدود
العراق وشيء من حدود الجزيرة •

فاما انريجان فان اكبر مدينة بها ارنيبيل و بها

a) Список Волжский—A; список Беринский—B; острова голанские,
к югу с которых дала Медера—C; происхождение Пон-Харуала—D; герман-
ский вариант—K. C انريجان: مدينة الخزر

Изъ книги путей царствъ

Абу-Исхака Ибрагима-ибн-Мухаммеда ал-Фарисія ал-Истахрія, извѣстнаго подъ именемъ ал-Беркія.

180(14) Въ своемъ описаніи мы съ восточной стороны достигли уже крайнихъ предѣловъ ислама ¹⁾ и возвращаемся вновь къ предѣламъ Рума ²⁾ на западъ. Итакъ мы дадимъ описаніе этого пояса до крайнихъ предѣловъ ислама на востокѣ; начнемъ же мы со странъ Арменіи, Аррана и Азербейджана, считая ихъ за одну область.

Арменія, Арранъ и Азербейджанъ.

181 Арменію, Арранъ и Азербейджанъ мы соединяемъ на одной картѣ ³⁾ и рассматриваемъ какъ одну область. Съ ними граничатъ, прилегая съ востока, Джибаль ⁴⁾, Дейлемъ ⁵⁾ и западный берегъ Хазарскаго моря ⁶⁾; съ запада предѣлы Армана ⁷⁾, Аллановъ ⁸⁾ и отчасти границы Джазиры ⁹⁾; съ сѣвера Алланы и горы Кабъ ¹⁰⁾; съ юга граничить съ ними Иракъ ¹¹⁾ и отчасти предѣлы Джазиры.

Самый большой городъ въ Азербейджанѣ Ардабилъ ¹²⁾;

а) С. имѣетъ: „предѣлы хазарь“.

المعسكر ودار الامارة وهى مدينة تكون ثلثى فرسخ
فى مثلها وعليها سور فيه ثلاثة ابواب (a) وبنائها الغالب عليه
الطين وهى مدينة خصبة واسعارها رخيصة وبها رساتيق
وكور (b) و بها جبل نحو فرسخين يسرى سبلان (c)
عظيم مرتفع (d) لا يفارقه الثلج شتاء ولا صيفا ولا يكون
به (e) عمارة •

وتلى اردبيل فى الكبر المراجعة و كانت فى قديم
الايام المعسكر ودار الامارة والمراجعة نزهة جدا خصيبة كثيرة
الساتين والرساتيق والزروع و كان عليه سور خرّبه ابن
ابى الساج •

ثم تلى المراجعة فى الكبر ارضية وهى مدينة نزهة
كثيرة الخير رخيصة الاسعار على شطّ بحيرة الشراة (f) •
واما الميانج والخنوج (g) وأجن و داخرقان (h) وخوى
و سلحاس (i) ومزند وقبريز وبرزند وورذان (k) وموقان
وجابروان (l) و أشنه فاتها مدن صغار متقاربة فى الكبر،

-
- a) C иметь: عليه اربعة ابواب
b) В списке C добавлено: كثيرة D добавляет: جليّة
c) A, B, C и D: سبلان; E правильно: سبلان
d) C добавляет: جدا
e) C: بهذا الثلج
f) A и B имеют: السراة; C: عين السراة
g) E имеет: ميانج و خوند
h) A и B: داخرقان و داخرقان; E: وبرذنان; ниже в A и B: داخرقان и داخرقان
C и E: ديرخرقان
i) E добавляет: و النشوى т. е. ونشوى
k) A и B: ومزند ودرنان
l) A и B: وهابروان; E: وخابران; D: الجاببران

въ немъ лагерь войска и дворець правителя. Этотъ городъ занимаетъ двѣ трети фарсаха ¹³⁾ въ длину и столько же въ ширину, а вокругъ него стѣна, и въ ней трое воротъ ^{a)}; большая часть построекъ его глиняныя; городъ этотъ цвѣтущій и цѣны въ немъ дешевыя; у него есть волости и округа ^{b)}. Приблизительно въ двухъ фарсахъ отъ Ардабиля огромная и высокая ^{c)} гора, называемая Сабаланъ ^{d)} ¹⁴⁾. На ней лежитъ снѣгъ и зиму и лѣто, и она ^{e)} необитаема.

За Ардабилемъ по величинѣ слѣдуетъ Мерага ¹⁵⁾; тамъ въ прежнія времена былъ лагерь войскъ и дворець правителя. Мерага мѣстность весьма здоровая, цвѣтущая, обильная садами, волостями и посѣвами; а вокругъ нея стѣна, которую разрушилъ Ибн-аби-с-Саджъ ¹⁶⁾.

Далѣе по величинѣ за Мерагой слѣдуетъ Урмія ¹⁷⁾; это городъ здоровый, обильный продуктами, и цѣны въ немъ дешевыя. Лежитъ онъ при озерѣ „аш-Шуратъ ^{f)} ¹⁸⁾.

182 Меяниджъ, Хунаджъ ^{g)}, Уджанъ, Дахарраванъ ^{h)}, Хувей, Саламасъ, ⁱ⁾, Мерандъ, Тибризь, Берзендъ, Варсанъ ^{k)}, Муканъ, Джабраванъ ^{l)} и Ушнухъ ¹⁹⁾ города незначительные и сходные по величинѣ.

a) С. имѣеть: „и въ ней четверо воротъ“.

b) Въ списокѣ С прибавлено: „обильные“, D добавляетъ: „значительные“.

c) С добавляетъ: „чрезвычайно“.

d) A, B, C и D: „Саяланъ“; E правильно: „Сабаланъ“.

e) C: „на этомъ снѣгу (нѣтъ жилищъ)“.

f) A B имѣють: „ас-Суратъ“; C: „’айн-ус-Суратъ“.

g) E имѣеть: „Міанъ и Хунъ“.

h) A и B: „и Ахраманъ“; E: „и Бервананъ“. Ниже въ A и B: „Харраканъ“ и „Дахараканъ“; C и E: „Дир-Хараканъ“.

i) E добавляетъ: „и Нашавъ“ т. е. и „анъ-Нашавъ“.

k) A и B: чтеніе не выяснено за отсутствіемъ точекъ при буквахъ.

l) A и B: „и Хабраваръ“; E: „и Хабиранъ“; D: „ал-Джабиранъ“.

واقا جابروان a) و تبريز وأشنه الأدرية b) فان هذه
الثلاثة مدن وما تحفّ به تعرف بالرديني c) •
واقا برنعة فانها مدينة كبيرة جدًا تكون اكبر من
فرسخ في فرسخ وهي نزهة خصيبة كثيرة الزروع والثمار جدًا
و ليس فيما بين العراق و خراسان بعد الرى واصبهان
مدينة اكبر ولا اخصب ولا احسن موضعًا و مرافق من
برنعة ومنها على اقل من فرسخ موضع يسمى الاندراب d)
ما بين كرنة ولصوب e) و يقطان f) اكثر من مسيرة
يوم في يوم مشتبكة البساتين والباغات كلها فواكه و
فيها البندق الجيد اجود من بندق سمرقند وبها شاهبلوط
اجود من شاهبلوط الشام و لهم فاكهة تسمى الزوقال في
تقدير العبيراء و له نوى حلو الطعم اذا ادرك وفيه مرارة g)
قبل ان يدرك،

واقا الشاهبلوط فانه على تقدير نصف جوزة سوداء
يقارب طعمه طعم البندق والرطب،
و ببرنعة تين يحمل من لصوب يفضل على جنسه
ويرتفع من الابريسم شيء كثير يرتى على توت مباح

a) A и B: دحابروان ; D: داهرقان

b) A: الأدرية ; B: الأروية

c) A: يعرف للرديني ; B: يعرف للروسي ; D: يعرف للرديني

d) B و D: الأندارات

e) E имѣеть: لصوت

f) A و B безъ точекъ ; E: نقطان ; Якутъ: يقطان

g) B имѣеть: مزارة

Что касается до Джабравана ^{a)}, Тибриза и Ушнух-ал-Лазарія ^{b)}, то эти три города и область, охватываемая ими, называются Рудайніей ^{c)}.

Что касается до Берда'а ²⁰⁾, то это городъ большой, болѣе фарсаха въ длину и въ ширину, здоровый, цвѣтущій и весьма обильный посѣвами и плодами. Въ Иракѣ и Хорасанѣ послѣ Рея и Испагани нѣтъ города болѣе значительнаго, болѣе цвѣтущаго и болѣе красиваго по мѣстоположенію и угодыямъ, чѣмъ Берда'а. Отъ него менѣе чѣмъ въ одномъ фарсахѣ есть мѣсто по имени Андарабъ ^{d)} между Керне, Ласубъ ^{e)} и Яктанъ ^{f)}, занимающее пространство болѣе чѣмъ день пути ²¹⁾ въ длину и ширину. Мѣсто это заполнено садами и огородами. Въ немъ произрастаютъ всевозможные плоды, и между прочимъ превосходный волоцкій орѣхъ, лучше орѣха самаркандскаго. Среди плодовъ „шахибаллутъ“ ²²⁾ лучше шахибаллута сирійскаго. Тамъ же растетъ плодъ по имени „зукаль“ ²³⁾, величиной приблизительно въ „губейра“ ²⁴⁾. Въ немъ есть восточка, и онъ сладокъ, когда созрѣетъ, и горкій ^{g)} до созрѣванія.

183

Что же касается шахибаллута, то онъ величиной въ половину чернаго грецкаго орѣха, а вкусъ его близокъ ко вкусу волоцкаго орѣха и спѣлаго финика.

Смоквы ²⁵⁾ въ Берда'а привозятся изъ Ласуба, и считаются онѣ лучшимъ сортомъ изъ этого рода плодовъ. Изъ Берда'а вывозится много шелку. Червей шелковичныхъ вскармливаютъ на тутовыхъ деревьяхъ, не принадлежащихъ ни-

a) А и В: „и Хабраваръ“; D: „Дахараванъ“.

b) А: вѣроятно: „ал-Адрия“; В: вѣроятно: „ал-Арвля“.

c) А: „называютъ ар-Рудайнія“; В повидимому: „называютъ аръ-Рувейнія“; D: „называютъ племенемъ ар-Рудайнія“.

d) В и D: „ал-Андаратъ“.

e) Е имѣетъ: „Ласутъ“.

f) А и В безъ точекъ; Е: „Яктанъ“; Якутъ: „Нактанъ“.

g) В имѣетъ: „кислосладкій“.

لا مالك له و يجتهد منه الى فارس a) و خوزستان
شيء كثير،

وعلى ثلث فرسخ b) من بردعة نهر الكتر و بنهر الكتر
السرداهى الذى يحمل الى الافاق مالحة و يرتفع من نهر الكتر
سمك يسمى الزراقتن c) والعشوبة d) سمكان يفضلان على
اجناس السمك بتلك النواحي،

وعلى باب بردعة يسمى باب الاكراد سوق يسمى
الكركى مقدار فرسخ فى فرسخ يجتمع فيه الناس كل يوم احد
وينتابه الناس من كل مكان حتى من العراق e) وهو اكبر
من سوق كولسره f) وقد غلب على هذا يوم لدوامه اسم
الكركى حتى ان كثيرا منهم اذا عد ايام الجمعة قال السبت
والكركى والاثنين والثلاثاء حتى يعد ايام الجمعة،

وبيت مالهم فى مسجد الجامع على رسم الشام فان
بيوت اموال الشام فى مساجدها وهو بيت مال مرضص
السطح و عليه باب حديد وهو على تسعة اساطين و دار الامارة
بجنب مسجد الجامع فى المدينة والاسواق فى ررضها ●

a) Вместо: فارس E вместо: عراق

b) C و D: على ثلثة فراسخ

c) A: الرراهن ; B: الدراهد ; C: الدراقتن ; D: الزراقتن ; E: رافتن

d) A: والعشوبه ; B: والعسوبه ; C: والعسوبه ; D: والعسوبه ; E: وعشور ;

словарь Якута: والعشوبه

e) E добавляет: وخراملان

f) A: لوكسره ; B: كولسره ; E: لوره سره ; D: كورسره ; Якуты: كورسره

Въ путеводителѣ (ниже): A و B: كواسره ; B, C و E: كولسره ; D: كورسره و كورسره

кому. Много его (шелку) отправляется оттуда въ Персію ^{a)} и Хузистанъ.

Въ одной трети фарсаха ^{b)} отъ Берда'а рѣка Кура, а въ рѣкѣ Курѣ рыба „сурмахи“ ²⁶⁾, доставляемая въ соленомъ видѣ въ разныя страны. Изъ Куры вылавливается также рыба, называемая: „зераканъ“ ^{c)} и „ишубеть“ ^{d)} ²⁷⁾. Эти обѣ рыбы предпочитаются другимъ сортамъ рыбъ въ этихъ странахъ.

Около воротъ Берда'а, называемыхъ „Воротами курдовъ“, рынокъ по имени „ал-Кюркій“ ²⁸⁾, величиною фарсахъ въ квадратъ. На него собирается народъ каждое воскресенье, и стекаются сюда люди изъ всевозможныхъ странъ, даже изъ Ирака ^{e)}. Этотъ рынокъ значительное рынка „Кульсере“ ^{f)}. Наименованіе рынка: „ал-Кюркій“ взяло перевѣсъ надъ именемъ дня по причинѣ постоянного открытія рынка въ этотъ день, такъ что часто жители, считая дни недѣли говорятъ: „суббота, кюркій, понедѣльникъ, вторникъ“, пова не досчитаютъ всю недѣлю.

184

Казнохранилище у нихъ въ соборной мечети по сирійскому обычаю, а сирійскія казнохранилища всегда въ мечетяхъ. Казнохранилище это имѣетъ крытую свинцомъ плоскую крышу съ желѣзной дверью, на девяти колоннахъ. Дворецъ правителя рядомъ съ соборной мечетью въ городѣ, а рынки въ предмѣстьи города.

a) Въмѣсто: „Фарись (Персія)“ Е имѣеть: „Иракъ“.

b) С и D: „въ трехъ фарсахъ“.

c) А: не ясно, безъ точекъ; В: тоже безъ точекъ; С: „ад-дераганъ“ D: „аз-зераки“; Е: „рафанъ“.

d) А: неясно безъ точекъ; В, С и D тоже безъ точекъ; Е: „и ашр“; словарь Якута: „и ал-ушубъ“.

e) Е добавляетъ: „и Хорасана“.

f) А: „лук-сере“; В: „куль-сере“; Е: „луре-сере“; D: „кур-сере“; Якуты: „кур-сере“. Въ путеводителѣ (ниже): А и В: „вева-сере“; В, С и Е: „куль-сере“; D: „кур-сере“ и „ку-сере“.

واقا باب الابواب فاتها مدينة على البحر وعلى وسطها
 حرسى للسفن وبين هذا المرسى وبين البحر قد بنى على
 حافتى البحر سدان حتى ضاق مدخل السنين وجعل المدخل
 ملتويا وعلى هذا الفم سلسلة ممدودة لا يخرج المركب
 ولا يدخل الا بامر وهذان السدان من صخر ورصاص

و باب الابواب على بحر طبرستان هي مدينة تكون
 اكبر من اردبيل (a) ولهم زروع كثيرة وثمار قليلة الا ما يحمل
 اليهم من النواحي وهي مدينة عليها سور من حجارة وأجرت
 وطين وهي فرضة بحر الخزر من السير وسائر البلدان
 الكفر وهي ايضا فرضة جرجان وطبرستان والديلم وديلم
 حفا ثياب كتان وليس بالران وارمينية وادربيجان ثياب كتان
 الا هناك وبها زعفران ويقع اليها رقيق من سائر دور الهند

وتفليس مدينة دون باب الابواب ثم الكير وديلمها

110

بعض ميثاق من ميثاق

بعض ميثاق من ميثاق

وعلى مدينة سور من الحجارة بسد من الحجار ثم الكير
 عبرنى عرض لا وصلت على جملها من بلاد فارس

Городъ Баб-ул-Абвабъ ²⁹⁾ лежитъ при морѣ ³⁰⁾, а въ центрѣ его рейдъ для судовъ. Между рейдомъ и моремъ выстроено параллельно берегамъ моря двѣ стѣны; проходъ для судовъ тѣсенъ, а входъ сдѣланъ извилистымъ, и въ устьѣ порта протянута цѣпь, такъ что не можетъ судно ни выйти, ни войти иначе какъ съ разрѣшенія. Эти двѣ стѣны изъ камней и свинцу.

Баб-ул-Абвабъ лежитъ на Табаристанскомъ морѣ. Городъ этотъ больше Ардабиля ^{а)}, и тамъ много посѣвовъ, но незначительное количество плодовъ, не считая того, что привозятъ сюда изъ окрестныхъ странъ. Вокругъ этого города стѣна изъ камня, обожженного кирпича и глины, и городъ этотъ служитъ портомъ на Хазарскомъ морѣ для Серира ³¹⁾ и иныхъ странъ „кяфировъ“ ³²⁾; онъ служитъ также портомъ для Джурджана, Табаристана и Дейлема ³³⁾. Изъ Баб-ул-Абваба вывозятся полотняныя одежды, и не выдѣлывается полотняныхъ одеждъ въ Арранѣ, Арменіи и Азербейджанѣ нигдѣ, кромѣ этихъ мѣстъ. Тамъ же произрастаетъ шафранъ. Въ Баб-ул-Абвабѣ встрѣчаются рабы изъ разныхъ странъ „кяфировъ“ ^{б)}.

185

Тифлисъ—городъ меньше Баб-ул-Абваба по величинѣ; вокругъ него двѣ стѣны изъ глины, а въ нихъ трое во-

а) Якутъ добавляетъ: „около двухъ миль въ длину и въ ширину“.

б) С, Е и Якутъ даютъ много болѣе. (Якутъ—знаменитый арабскій географъ. Родился въ 1179 году въ Византіи. Еще мальчикомъ былъ взятъ въ плѣвъ мусульманами. Съ 1213 года много путешествовалъ и составилъ объемистый географическій словарь: „Китаб-муджам-ал-Буданъ (Алфавитный реестръ странъ)“, изданный въ 1866—1870 годахъ Вюстенфельдомъ въ Лейпцигѣ въ 6-ти томахъ. Умеръ онъ въ Алеппо въ 1224 году по Р. Х. 50-ти лѣтъ отъ роду). Мы даемъ текстъ Якута:

„Вокругъ города каменная стѣна, простирающаяся отъ горы къ морю, длинная, но не широкая. Черезъ гору у этого города нѣтъ пути въ города мусульманъ вслѣдствіе испор-

سوران من طين ولها ثلاثة ابواب وهي خصيبة جدًا كثيرة

الطرق وصعوبة المسالك من بلاد الكفر الى بلاد المسلمين
ومع طول السور قد مدّ قطعة من السور في البحر شبه انف
طولاني (a) ليمنع من تقارب السفن من السور وهو محكمة
البناء موثقة الاساس من بناء انوشروان؛

وهي احد الثغور الجليلة (b) العظيمة لآنها كثيرة الاعداء
الذين قد حقوا بها من امم شتى والسنة مختلفة وعدد كثير؛

والى جنبها جبل عظيم يعرف بالذئب يجمع فى راسه
فى كل عام حطب كثير ليشعلوا فيه النار ان احتاجوا اليه
فيندروا اهل انريجان واران وارمينية بالعدو ان دهمهم؛

وربما اصاب ماء البحر سور هذه المدينة؛

وقيل ان فى اعلى جبلها (c) الممتد المتصل بباب الابواب
نيقا وسبعين امة لكل امة لغة لا يعرفها مجاورهم وكانت
الاكاسرة كثيرة الاهتمام بهذا الثغر لا يفترون عن النظر فى
مصالحه لعظم خطره وشدة خوفه (d) واقيمت لهذا المكان

a) Е нить: مقدار شش برج

b) Е нить: واين شهرى بزرك ومعرفت

c) C: على هذا الجبل; E: در نواحى آن كوه

d) C: واز دشمان بسيار رعايت; E: واز دشمان بسيار رعايت; E: واز دشمان بسيار رعايت; E: واز دشمان بسيار رعايت
کرده اند

186 ротъ. Городъ этотъ весьма цвѣтущъ и богатъ плодами и по-
сѣвами. Это пограничный городъ. Въ немъ находятся бани,
ченности дороги и затруднительности путешествія изъ зе-
мель „кафировъ“ въ земли мусульманъ. При (значительной)
длині стѣны въ море еще вдается подобно длинному ^{a)} носу
часть ея, и такимъ образомъ городъ со стороны стѣны за-
щищенъ отъ приближенія судовъ. Стѣна эта основательной
постройки на огромномъ фундаментѣ; строилъ ее Анушир-
ванъ ³⁴⁾.

Баб-ул-Аббабъ одна изъ знаменитыхъ и значительныхъ
пограничныхъ мѣстностей ^{b)}, потому что въ весьма громад-
номъ количествѣ окружаютъ ее враги разныхъ національно-
стей и языковъ въ большомъ числѣ.

Рядомъ съ городомъ находится высокая гора по имени
„Дзы’бъ“. На вершинѣ этой горы ежегодно собираютъ боль-
шое количество дровъ и зажигаютъ на ней костры въ слу-
чаѣ необходимости, и такимъ образомъ жители Азербейджа-
на, Аррана и Арменіи предупреждаются о внезапномъ на-
паденіи враговъ ³⁵⁾.

Воды моря иногда повреждаютъ стѣну этого города.

Говорятъ, что на вершинахъ горъ, ^{c)} простирающихся
въ смежности съ Баб-ул-Аббабомъ, живетъ болѣе семиде-
сяти различныхъ племенъ, и у каждаго племени особый
языкъ, такъ что они не понимаютъ другъ друга. Хосрой ³⁶⁾
прилагали большую заботу въ этой пограничной мѣстности
и не ослабляли наблюденія за ея положеніемъ вслѣдствіе
великой опасности съ этой стороны и сильной боязни ея ^{d)}.

a) Е имѣетъ: „величиною въ шесть валовъ“.

b) Е имѣетъ: „и этотъ городъ великъ и слаженъ“.

c) С: „на этой горѣ“; Е: „въ мѣстностяхъ этой горы“.

d) С: „и могуществу силъ ихъ“; Е даетъ это мѣсто такъ: „по многочис-
ленности враговъ обрашали вниманіе“.

الفواكه والزروع وهي ثغر وبها حمامات مثل حمامات طبرقة مأوها سخن من غير نار،

حفظة من ناقلة البلدان و اهل الثقة عندهم لحفظه و اطلقواهم عمارة ما قدروا عليه بلا كلفة للسلطان ولا مؤامرة فيه ولا مراجعة حرصا على عمارة هذا الثغر وصيانته من اصناف الترك والكفر والاعداء فممن رتبوا هناك من الحفظة امة يقال لها طبرسران وامة الى جنبهم تعرف بفيلان وامة يعرفون باللکز كثير عددهم عظيمة شوكتهم والليران وشروان وغيرهم وجعل لكل صنف من هاؤلاه مركز يحفظه وهم اولو عدد وشدة رجاله و فرسان،

وباب الابواب فرضة لذلك البحر يجتمع اليه الخزر والسرير وشنندان و خيزان و كرج و رقلان و زريكران و غميك هذه من جهة شماليتها و يجتمع اليه ايضا من جرجان و طبرستان والذيلم و الجيل،

وقد يقع بها شغل ثياب كتان وليس بازان و ارمينية و انر بيجان كتان الا بها و برساتيقها و بها زعفران و يقع بها من الرقيق من كل نوع،

و يجنبها مما يلي بلاد الاسلام على ساحل البحر رستاق

187 въ родѣ Табарійскихъ, и вода въ нихъ горяча безъ помощи огня ³⁸).

Въ этомъ мѣстѣ были поселены стражники изъ переселенцевъ разныхъ областей и надежныхъ по мнѣнію ихъ (хосроевъ) для охраны, и вся населенная мѣстность, которую они завладѣють, была предоставлена въ ихъ исключительное пользованіе безъ всякихъ расходовъ для правительства, безъ хлопотъ объ этомъ край и безъ вмѣшательства въ его дѣла; все это было сдѣлано изъ сильнаго желанія заселить этотъ край надежными людьми и тѣмъ самымъ защитить отъ различныхъ враждебныхъ племенъ турокъ и „кяфировъ“. Въ числѣ поселенныхъ здѣсь для охраны границъ находилось племя Табарсеранъ, а по сосѣдству съ послѣднимъ племена, извѣстныя подъ именами Филанъ и Лавзъ; послѣдніе особенно многочисленны и храбры. Кромѣ того, тамъ есть племена Лиранъ, Шарванъ и другія. Для каждаго племени было назначено мѣсто пребыванія, которое они должны были охранять. Они многочисленны и сильны, и есть у нихъ какъ конница, такъ и пѣхота.

Баб-ул-Абвабъ портъ на этомъ морѣ. Къ нему стекаются Хазары, Сериры, Шензаны, Хайзаны, Курджи ³⁷), Рукланы, Зерикераны и Гумикъ съ сѣвера, а также являються туда люди изъ Джуржана, Табаристана, Дейлема и Джиля ³⁹).

Жители Баб-ул-Аббаба занимаются выдѣлкой полотняныхъ одеждъ, и готовится въ областяхъ Аррана, Арменіи и Азербейджана полотно только въ Баб-ул-Абвабѣ и волостяхъ его; тамъ же шафранъ. Въ Баб-ул-Абвабѣ встрѣчаются рабы изъ различныхъ племенъ.

По сосѣдству съ Баб-ул-Аббабомъ къ предѣламъ исламскихъ государствъ на берегу моря есть волость по име-

وليس بالران مدينة اكبر من برذعه والباب وتفليس
فاما بيلقان وورثان وبرديج (a) وبرزنج والشاخية (b) وشروان
والابحاز (c) والشابران وقبله وشكى وجنزة (d) وشمكور

يقال له مسقط ويليه بلد اللكر وهم ام كثيرة نووخلق
واجسام وضياع عامرة وكورة ماهولة فيها احرار يعرفون
بالخماشرة وفوقهم الملوكت ودونهم المشاق ثم الاكرة والمهان
وبينهم وبين باب الابواب بلد طبرسران وهم بهذه الصفة
من الباس والشدة والعمارة الكثيرة الا ان اللكر اكثر عدداً
واوسع بلدًا وفوق ذلك فيلان وليس بكورة كبيرة،

وعلى ساحل هذا البحر دون المسقط مدينة الشابران
صغيرة حصينة كثيرة الرساتيق و فوقها رستاق جشمدان
ووراء ذلك ضياع الجبل وشروان الى حدّ باكوه ودرنيق
واللكز ومجمع النهرين ثم الليران خلف ذلك و بها قلعة
كبيرة حصينة يذكر ان في هذه القلعة عيون خردارة
وهي منيعة جدًا،

-
- a) B: برزنج ورومان وبرديج ; въ E въ одномъ мѣстѣ только: برزنج
a въ другомъ только: برديج ; въ A и D нѣтъ: برزنج
b) E и Якутъ: شامو
c) B: والادكلن ; D: والابحاز ; E: والاتمان و لايحاز
d) E: كنجہ

Въ Арранѣ не существуетъ городовъ значительные, чѣмъ Берда'а, Баб-ул-Абвабъ и Тифлисъ. Байлаканъ, Варсанъ, Бердиджъ ^{а)}, Берзенджъ, Шемахія ^{б)}, Шарванъ, Абхазъ ^{в)}, Шабаранъ, Кабала, Шакки, Джанза ^{д)}, Шамкуръ

ни Маскатъ, а рядомъ съ нею земля Лакзовъ. Эти послѣдніе—племя значительное, мужественное и рослое; у нихъ есть плантаціи и постоянно обитаемая область. Привилегированный классъ у нихъ называется: „Хамашира“, и управляютъ ими цари; а ниже ихъ „Мишахъ“, потомъ слѣдуетъ „Ал-акра“ и „Меганъ“ ⁴⁰⁾. Между ними и между Баб-ул-Абвабомъ страна Табарсеранъ; жители ея такъ же мужественны и храбры, какъ Лавзы, и страна ихъ такъ же густо населена, какъ и у тѣхъ; развѣ только, что Лавзы превосходятъ Табарсеранцевъ числомъ, и владѣнія ихъ гораздо обширнѣе. А выше лежитъ Филанъ; это незначительная область.

За Маскатомъ по берегу этого моря городъ Шабиранъ, незначительный, но укрѣпленный и богатый волостями. Далѣе слѣдуетъ волость Джашемданъ, а затѣмъ хутора Джабала и Шарвана до предѣловъ Баку, Дерника, Лакзовъ и Меджма-ал-Нахрайнъ ⁴¹⁾. Далѣе позади этого Лиранъ, и въ этой странѣ большой укрѣпленный замокъ. Рассказываютъ, что въ этомъ замкѣ есть журчащіе ключи, и онъ самъ неприступенъ“.

а) В: „-- ламавъ, Руманъ (или Равманъ) и -ерв- -хъ“; въ Е въ одномъ мѣстѣ только: „Берзендж“, а въ другомъ только: „Бердендж“; въ А и D нѣтъ „Берзендж“.

б) Е и Якутъ: „Шемаха“.

в) В: „и ал-А-ханъ“; D: „и ал-Абджанъ“; Е: „и ал-Атханъ“ и „Ляйджанъ“.

д) Е: „Кенджа“.

وخصان (a) فاتها صغار متقاربة في الكبر خصبة واسعة
المراعى •

واما دبيل فاتها مدينة الكبر من اردبيل وهي قصبة ارمينية
وبها دار الامارة كما ان دار الامارة بالران بردعة ودار الامارة
بانر بيجان اردبيل وعليها سور (b) والنصارى بها كثير ومسجد
الجامع لجنب البيعة ويرتفع بها ثياب الصوف من بسط ووسائد
ومقاعد وتكك وغير ذلك من اصناف الارمينى ولهم صبغ
يسمى القرمز به يصبغ الصوف وبلغنى انه دودة تسج على
نفسها مثل دودة القز (c) وبلغنى انه يرتفع بها بزبون كثير،

وهي قصبة ارمينية وكان بها سباط بن آشوط ولم تزل
في ايدى الكبراء من النصارى وهم الغالب على اهل ارمينية
وهي مملكة الارمن متاخمين للروم فحد لهم الى بردعة
وحد لهم الى الجزيرة (d) وحد لهم الى اذربيجان (e) والشعر
الذى يلى الروم من ارمينية قاليقلا واليها يغزو اهل اذربيجان
والجبال والرى وما والاها ولهم مدخل الى الروم يعرف
بطرابزنده يجتمع فيه التجار فيدخلون بلد الروم للتجارة

a) E опуская въ этомъ мѣстѣ **خصان** прибавляетъ: وشتر وشه

b) E добавляетъ: بس فراخ وحصايب

c) C добавляетъ: اذا نسجت علونفسها القز

d) C имѣеть: الكزر

e) C добавляетъ: وجبل اذربيجان ممتد حتى يجوز الرى وما والاها **والاها** **والاها** **والاها** **والاها**

188 и Хунанъ ^{a)}—города незначительные и сходные по величинѣ, но цвѣтуци и богаты угодыми ⁴²).

Дабиль ⁴³) больше Ардабиля; городъ этотъ служить столицей Арменіи и въ немъ дворець правителя подобно тому, какъ дворець правителя Аррана въ Берда'а и дворець правителя Азербейджана въ Ардабилѣ. Вокругъ Дабилы стѣна ^{b)}; здѣсь много христіанъ, и соборная мечеть города рядомъ съ церковью. Въ этомъ городѣ выдѣлываются шерстяныя платья и ковры, подушки, сидѣнія, шнуры и другіе предметы армянскаго производства. У нихъ же добывается краска, называемая „кирмизъ“ ⁴⁴), и ею красятъ сувно. Я узналъ, что это червякъ, который прядетъ вокругъ себя подобіе шелковичнаго червя ^{c)}; а, кромѣ того, узналъ я, что тамъ же выдѣлываютъ много шелковыхъ матерій.

Дабиль столица Арменіи и въ немъ Санбать, сынъ Ашура ⁴⁵). Городъ постоянно находился въ рукахъ знатныхъ христіанъ, а христіане составляютъ большую часть обитателей Арменіи, она же „царство Арманъ“. Арменія граничитъ съ Румомъ и предѣлы ея до Берда'а, до Джазиры ^{d)} и до Азербейджана ^{e)}. Пограничная мѣстность, прилегающая къ Руму со стороны Арменіи—Каликала. На Арменію дѣлають набѣги обитатели Азербейджана, Джибала, Рея и сосѣднихъ съ ними странъ. Есть у нихъ мѣсто, откуда входятъ въ Румъ, извѣстное подъ именемъ „Тарабезунда“ ⁴⁶). Туда стекаются купцы, а затѣмъ отправля-

a) Е опускаетъ въ этомъ мѣстѣ: „Хунанъ“ прибавляетъ: „и Ш-труша“.

b) Е добавляетъ: „очень высокая и удивительная“.

c) С добавляетъ: „когда спрядетъ шелковичный червь вокругъ себя“.

d) С имѣетъ: „хазаръ.“

e) С добавляетъ: „а горы Азербейджана тянутся пока не проходятъ черезъ Рей и сосѣднія съ нимъ страны“, выпускаетъ далѣе: „Джибала—сосѣднихъ съ ними“.

فما وقع من دبابيچ و بزيون و ثياب الروم الى تلك النواحي
فمن طرابزنده؛

واما نشوى و بركرى و خلاط و مَناز كَرْد (a) و بَدليس
و قَالِقَلا و آرزن و مَيافارقين و سراج (b) فهى بلدان صغار
متقاربة فى المقدار خصبة كلها عامرة كثيرة الخير،
و مَيافارقين يعدها قوم من الجزيرة الا انها دون دجلة
و خلفها حدّ الجزيرة فيما صورنا ما بين دجلة و الفرات
فلذلك جعلناها بارمينية •

واما الانهار بهذه البلاد التى تجرى فيها السفن فهى الكر
و نهر الرّس فاما سبينرود التى بين اردبيل و زنجان فهى
يصغر عن جرى السفن فيه؛

والكر نهر عذب مرى خفيف يخرج من ناحية الجبل
على حدود جنزة و شمكور الى قرب تفليس ثم يقع فى
بلدان الكفر (c)؛

واما نهر الرّس فانه نهر عذب طيب يخرج من ارمينية

a) C: ملاز كَرْد ; D: مَناز كَرْد

b) E و D: و سراج ; C опускается ; A و B: و سراج ; по всей вѣроятности
سراج الطير

c) Въ C это мѣсто читается: يجرى ساكنًا من ناحية اللان

من جبال بين ثم يمر على مدينة تفليس ثم على خان
قلعة تعرف بقلعة التراب تلّ عظيم عليه قلعة ثم الى شكى
و من جانبه جنزة و شمكور فيجرى على باب بردعة الى

برزنج؛

ются для торговли въ страны Рума. Такимъ образомъ все, что попадаетъ изъ парчи, шелку и румскихъ одеждъ въ этия страны, — это изъ Тарабезундѣ.

Нашава ⁴⁷⁾, Бервери, Хилать, Маназкирдъ ^{а)}, Бадлисъ, Каликала, Арзанъ, Маяфарикинъ и Сираджъ ^{б)} — это города незначительные, сходные по величинѣ, но цвѣтушіе, и все населеніе ихъ богато.

Маяфарикинъ считаютъ принадлежащимъ къ Джазирѣ, если не принять во вниманіе, что онъ лежитъ по ту сторону Тигра, а Тигръ служитъ границей Джазиры, о чемъ мы упоминали, изображая мѣстности между Тигромъ и Евфратомъ. Поэтому и присоединили мы Маяфарикинъ къ Арменіи.

89 Что касается до судоходныхъ рѣкъ, то таковы рѣки Кура и Рассъ (ар-Рассъ) ⁴⁸⁾, а Сабидрудъ, находящійся между Ардабилемъ и Зенджаномъ, — рѣка не настолько значительная, чтобы по ней плавали суда.

Въ рѣкѣ Курѣ вода прѣсная, здоровая и легкая; Кура вытекаетъ изъ горъ въ странѣ Джанзы и Шамкура близъ Тифлиса и течетъ въ земли „кафировъ“ ^{с)}.

Вода Расса прѣсная и пріятная; выходитъ она изъ

а) С: „Малазкердъ“; D: „Маназжердъ“.

б) E и D: „и Суруджъ“; C опускаетъ; A и B: „и С-р-джъ“. По всей вѣроятности: „Сирадж-ат-Тайръ“.

с) Въ С это мѣсто читается: „она (т. е. Кура) медленно течетъ изъ страны Аллановъ изъ горъ между... потомъ течетъ черезъ городъ Тифлисъ, далѣе черезъ Хунанъ, замокъ, извѣстный подъ именемъ „Кал’а-т-Турабъ“; это огромный холмъ, а на немъ замокъ; потомъ течетъ она въ Шавки и изъ страны Джанза и Шамгуръ черезъ Баб-Берда’а къ Бервенджу“.

حتى ينتهي الى باب ورثان ثم ينتهي الى خلف موقان
وخلف مخرج نهر الكز فيقع في البحر a) ●
واما بحارها فان بادربيجان بحيرة تعرف ببخيرة ارمية
مالح الماء وفيها سمك وفيها دابة تسمى كلب الماء b) وهي
كبيرة وحواليها كلها عمارة قرى ورساتيق وبين هذه البحيرة
وبين مراغة ثلاثة فراسخ وبينها وبين ارمية فرسخان c)
وبين داخرقان وشط البحيرة نحو اربعة d) فراسخ وطولها
نحو اربعة ايام سير الدواب واما للريح فانه ربما يسار في
ليلة،

ونهر الرتم دون نهر الكز في الكبر a) C такъ имѣеть:
والعنوبة ومخرجه من وراء ارمينية حتى ينتهي الى باب
ورثان ثم ينتهي الى موقان حتى يصاقب رستاقي من شروان
يعرف بدرنيق وهي ارض زكية فيجتمع مع الكز فيقع في
البحر الطبرى،

ونهر السّمور هو نهر يجري ببلد اللكز يعرف بالسّمور
مخرجه من جبال تصاقب شكي ربما زادت (مياهه) وربما
نقصت الا انه نهر واسع كثير الخلاجان،

وليس لسائر الانهار من الغائلة والكبر ما يدكر في عداد هذه،

و درو هيچ جانور نباشد كوئند كه
b) Такъ въ !A, B и C; E напротивъ: وليس فيها سمك ولا دابة
a D имѣеть: سك ابي باشد

c) C добавляетъ: وفي وسطها قرى كثيرة

d) E имѣеть: بني

Арменіи и течетъ, пока не достигаетъ Баб-Варсана; далѣе доходитъ до задней части Мукана ⁴⁹⁾ и русла Куры, а затѣмъ впадаетъ въ море ^{a)}.

190

Что касается до морей Арменіи, Аррана и Азербейджана, то въ Азербейджанѣ есть озеро, называемое озеромъ Урміей, съ соленой водой; въ немъ водится рыба и животное ⁵¹⁾, называемое „водяной собакой“ ^{b)}; озеро это велико ⁵²⁾, а вокругъ всего озера населенныя мѣста, села и волости. Между этимъ озеромъ и Мерагой три фарсаха; между озеромъ и городомъ Урмія два фарсаха ^{c)}; между Дахарраканомъ и берегомъ озера около четырехъ ^{d)} фарсаховъ; длина озера около четырехъ дней пути верхового животного, а при вѣтрѣ удается иногда проплыть его въ одну ночь.

a) С такъ имѣетъ: „Рѣка Рассъ по величинѣ меньше Куры, она прѣсная и истоки ея за Арменіей; Рассъ протекаетъ до Баб-Варсана, а потомъ доходитъ до Мукана и течетъ далѣе, пока не доходитъ до волости Шарвана, называемой Дарникъ; земля этой волости плодородная. Соединяется Рассъ съ Курой и впадаетъ въ море Табаристанское.

Рѣка Самуръ ⁵⁰⁾ течетъ по странѣ Лакзовъ, называемой Самуръ. Истоки ея въ горахъ, и доходитъ она до Шаки. Иногда она увеличивается, а иногда уменьшается, но рѣка эта обильная водой и богатая притоками.

Ни одна изъ другихъ упомянутыхъ нами рѣкъ не разливается и не увеличивается такъ, чтобы стоило о томъ упомянуть“.

b) Такъ въ А, В и С; Е напротивъ: „въ немъ никакихъ животныхъ нѣтъ, но, говорятъ, въ немъ водится водяная собака“; а D имѣетъ: „нѣтъ въ немъ ни рыбъ, ни животныхъ“.

c) С добавляетъ: „а въ промежуткѣ много селъ“.

d) Е имѣетъ: „пять“.

وبحيرة بارمينية تعرف ببخيرة أرجيش^٤ a) يرتفع منه
سكك الطرّيح يحمل الى الافاق،
ولهم بحر طبرستان وعليه من المدن باب الابواب
وباكوه (b) وبياكوه النفط،

فاما دجلة فان شيئا يسيرا ينتهي منها الى ارمينية
وقد عوّنا دجلة في صورة جزيرة والعراق ●
و يرتفع من نواحي بردعة بغال تجلب الى الاناق
ويرتفع منها هذه القوة التي تجلب الى بلاد الهند وسائر
المواضع c) ●

وحّد الزان من باب الابواب الى تفليس الى قرب
نهر الرسق مكان يعرف بحجيران (d)،
و انريجان حدّها الجبل حتى ينتهي الى ظهر

a) E на вѣтъ: فزديك ارزيز و خلاط

b) послѣ слова الابواب въ C читается слѣдующее:

و عليه معدن النفط الاخضر و النفط الابيض بياكوه
ومدينة موقان وبينهما فوهة البهر منها يصطاد السرماهي
الذي يحمل الى الافاق و على جنباتها موقان وهي
قرى كثيرة كانت لقوم من الجويس والى جنبها الجبل
ثم قطعة من الديلم بحدّ سالوسر ثم طبرستان الى آبسكون
ثم تسور حول البحر مفاوز الى جبل سياكوه الى ان
ينتهي الى الخزر ثم الى باب الابواب،

c) هذه الترمز الذي يصغ به الثياب يحمل الى بلاد الهند وسائر المواضع C:

d) A, B и C безъ точекъ. De Goeje предлагаетъ читать: نكجوان

Другое озеро въ Арменіи, называемое „озеромъ Арджишъ“ а) ⁵³). Вылавливается изъ него рыба „тиррихъ“ и вывозится во всѣ страны.

Эти страны омываетъ море Табаристанское; на этомъ морѣ лежатъ города Баб-ул-Абвабъ и Баку б), а въ Баку нефть.

Что касается Тигра, то лишь весьма незначительная часть его касается Арменіи, и мы уже изобразили Тигръ на картѣ Джазиры и Ирака.

Изъ страны Берда'а выводятся мулы и доставляются во всѣ страны. Вывозятъ также оттуда марену ⁵⁵), доставляемую въ страны Индіи и другія мѣста с).

Границы Аррана отъ Баб-ул-Абваба до Тифлиса и до мѣста, извѣстнаго подъ именемъ: „Хаджиранъ“ d), близъ рѣки Расса.

Граница Азербейджана: горная цѣпь, доходящая до

а) Е имѣеть: „близъ Арзиза и Хилата“.

б) Послѣ слова: „Баб-ул-Абвабъ“ въ С читается слѣдующее: „и на немъ (морѣ) источники бѣлой и темносѣрой нефти въ Баку и въ городѣ Муканъ, а между послѣдними заливъ моря въ которомъ ловятъ „сермахи“ (шамая); ее вывозятъ во всѣ страны. Въ сторонѣ отъ залива Муканъ большое село, населенное магами, а недалеко отъ него Джиль. Далѣе часть Дейлема до предѣловъ Салуса, а потомъ Табаристанъ до Абаскуна. За Абаскуномъ идутъ вокругъ моря степи до горы Сіях-Кухъ; степи эти тянутся до Хазарь, а затѣмъ доходятъ до предѣловъ Баб-ул-Абваба“.

с) С: „(вывозятъ оттуда) тотъ карминъ, которымъ красятъ сукна, и отправляютъ его въ страны Индіи и другія мѣста“.

д) А, В и С безъ точекъ. De Goeje предлагаетъ читать: „Нахджаванъ“. Очевидно Нахичеванъ.

الظَّرمِ الي حَذِّ زَنْجَانِ الي ظَهْرِ الدِّبَّورِ ثمَّ يَدورُ الي
ظَهْرِ حَلْوَانِ وِشَهْرزُورِ حَتَّى يَنْتَهِي الي قَرَبِ دَجَلَةِ ثمَّ
يَطوفُ عَلى حُدودِ اَرْمِينِيَّةِ،

وقد بيَّنا حدَّ ارمينية قبل هذا •

وبهذه المدن من السعر الرخيص ما يبلغ في بعض
المواضع الشاة بدرهمين وربما بلغ العسل في بعض
اقاليمها المنوين و الثلاثة بدرهم (a) و بها من النخص ما
ان ذكر لمن لم يشاهده انكره لعظمه،

وبها ملوك في الاطراف اماكنهم مثل الممالك لهم
دملكة واسعة واموال (b) منهم ملكت شروان يعرف بشروان شاه
و ملكت الابخاز يعرف بالابخاز شاه (c) •

والغالب على اذربيجان و ارمينية و الزان الجبال
و بدبيل جبل عظيم يسمي الحارث لا يرتقى الي اعلاه من ارتفاعه
و معوية مسلكه و الثلوج عليه دائمة و دونه جبل صغير يسمي
الحويرث و تخرج من الحارث مياههم و محتطبهم و متصيدهم
فيه و يقال انه لا يعرف جبل اعلى منه بهذه المدن •

a) C: العن بدرهم

b) C: الواسعة ولهم اموال و مواش كثيرة

c) C добавляете: و همدان شاه و خندان شاه و اهرار و رانشاه

و هو صاحب السرير و الغالب على اروام الملوك حسن العشرة لمن يختلط بهم من الغرباء

Вместо Хизраншах Властитель, носящій титуль صاحب السرير, появляется у Беладзори (стр. 196) подъ видомъ
وهرايزانشاه

крайняго предѣла Тарма и до Зенджана: потомъ касается она крайнихъ предѣловъ Динавера, далѣе тянется за Хуланомъ и Шагразуромъ, пока не приближается въ Тигру, а затѣмъ окружаетъ предѣлы Арменіи.

Границы Арменіи мы уже объяснили раньше этого.

191

Въ этихъ городахъ цѣны настолько дешевыя, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ цѣна овцы доходитъ до двухъ диргемовъ ⁵⁶⁾, а цѣна меду въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ доходитъ до того, что два или три мана ⁵⁷⁾ стоятъ диргемъ ^{а)}. Тамъ все въ изобиліи, хотя тотъ, кто не былъ очевидцемъ этого, при разсказѣ объ этомъ, отрицаетъ возможность такого изобилія продуктовъ.

Тамъ есть цари въ областяхъ, и владѣнія ихъ представляютъ отдѣльныя государства; земля ихъ обширна и имущества въ изобиліи ^{б)}. Къ нимъ принадлежатъ царь Шарвана, называемый шарваншахъ, и царь Абхаза, называемый абхазшахъ ^{в)}.

Большая часть Азербейджана, Арменіи и Аррана гориста. Около Дабилы находится высокая гора по имени: „ал-Харисъ“ ⁵⁸⁾; на нее не взбираются вслѣдствіе ея высоты и трудности подъема; на ней лежитъ вѣчный снѣгъ. Позади нея другая гора ниже называемая „ал-Хувейрисъ“. Съ Хариса стекаютъ источники, а взбираются на него только за дровами, да охотники. Говорятъ, что въ тѣхъ странахъ нѣтъ горы выше этой.

а) С: „одинъ манъ за диргемъ“.

б) С: „обширна и у нихъ имущество и скоть въ изобиліи“.

в) С добавляетъ: „существуютъ у нихъ“ Диран-шахъ, Табарсеран-шахъ, Филан-шахъ, Хандаган-шахъ и Агарауран-шахъ, онъ-же „Сахиб-ас-Сериръ“; большую часть цари эти привѣтливъ съ посѣщающими ихъ иностранцами“. Въмѣсто „Хандаган-шахъ“ по всей вѣроятности слѣдуетъ читать: „Хайзан-шахъ“. Властитель, носящій титулъ: „Сахиб-ас-Сериръ“, появляется у Белаэдзори (стр. 196) подъ видомъ: „Ваграрзан-шахъ“. Во времена Мас'уди (II, стр. 41) Филашахъ былъ владѣтелемъ этого титула.

و من اردبيل الف درهم واربعون درهماً مثل منا شيراز
الأ ابن بشيراز يسمي المنا و باردبيل يسمي الرطل (a) ●
ولسان انريجان و ارمينية و الزان الفارسيّة والعربيّة
غير ان اهل دبيل وحواليها يتكلمون بالارمينية و نواحي
برذعة لسانهم الرائيّة،

و لهم جبل يسمونها القبق و تحيط بها السنة مختلفه
كثيرة للكفار ●

نقود ادربيجان و الزان و ارمينية الذهب والفضّة
جميعاً ●

المسافات بهذه النواحي

الطريق من برذعة الى اردبيل من برذعة الى
يونان (b) v فراسخ و من يونان الى بيلقان v فراسخ
و من بيلقان الى ورثان v فراسخ و من ورثان الى بلخاب
(c) v فراسخ و من بلخاب الى برزند v فراسخ و من
برزند الى اردبيل ١٥ فرسخاً ●

الطريق من برذعة الى باب الابواب من برذعة الى
برزنج ١٨ فرسخاً و من برزنج الى معبر الكز الى
الشاخية (d) ١٤ فرسخاً و من الشاخية الى شروان

a) C выпускная даље до المسافات вставляются:

و دراوله برذعة وشمکور عننف من الارمن يقال لهم الصياوردية اهل العبث و الفساد والتلصص

b) A و E: تومان, B: تومان, C: تومان و توبان, D: تومان;

يونان (مுகاداسي: توبار و توبار; у Беладзори пишется (стр. ٢٠٩)

c) A و D: بلخاب, B: بلخاب, E: بلخان, C: تهاب

d) Якуть добавляется: و ليس فيها منبر

Мань Ардабиля 1040 диргемовъ, въ родѣ мана ширазскаго, только въ Ширазѣ называется онъ „мань“, а въ Ардабиля „ритль“ а).

192

Языкъ въ Азербейджанѣ, Арменіи и Арранѣ персидскій и арабскій, исключая области города Дабиля: вокругъ него говорятъ по-армянски: въ странѣ Берда'а языкъ арранскій.

Въ этихъ странахъ находятся горы Кабкъ, какъ ихъ называютъ, и тамъ существуетъ много различныхъ языковъ у невѣрныхъ народовъ и много племенъ „кяфировъ“.

Ходячая монета Азербейджана, Аррана и Арменіи золотая, равно какъ и серебряная.

Разстоянія въ этихъ областяхъ.

Путь изъ Берда'а въ Ардабиль ⁵⁹): изъ Берда'а въ Юнанъ ^b) 7 фарсаховъ; изъ Юнана въ Байлаканъ 7 фарсаховъ; изъ Байлакана въ Варсанъ 7 фарсаховъ; изъ Варсана въ Балхабъ ^c) 7 фарсаховъ; изъ Балхаба въ Берзендъ 7 фарсаховъ, и изъ Берзенда въ Ардабиль 15 фарсаховъ.

Путь изъ Берда'а въ Баб-ул-Абвабъ ⁶⁰): изъ Берда'а въ Берзенджъ 18 фарсаховъ; изъ Берзенджа на бродъ черезъ Куру въ Шемахию ^d) 14 фарсаховъ; изъ Шемахи въ

а) С, выпуская далѣе до: „Разстоянія.....“, вставляетъ: „а за Берда'а и Шамкуромъ народъ изъ племени армянъ по имени Сивардіицы бездѣльники, испорченные и разбойники“.

б) А и Е внятно безъ точекъ; В: „—уманъ“; С: „Тубанъ“ и „Туманъ“; Д: „Юманъ“; Мукаддаси: „Туляръ“ и „Тубаръ“; у Беладзори пишется (стр. 209): „Юманъ“.

с) А и Д: „-- лхабъ“; В: внятно; Е: „- лханъ“; С: „Теллабъ“.

д) Якутъ добавляетъ: „а въ ней пѣтъ мечети“.

a) ٣ أيام و من شروان الى الانجاز b) يومان و من الانجاز الى جسر سمور ١٢ فرسخًا و من جسر سمور c) الى باب الابواب ٢٠ فرسخًا d) ●

الطريق من بردعة الى تفليس من بردعة الى جنزة مدينة ٩ فراسخ و من جنزة e) الى شمكور ١٠ فراسخ f) و من شمكور الى خان مدينة ٢١ g) فرسخًا و من خان

وهي مدينة: و شابران و شابهران و يضافون: a) С вместе съ Якутомъ читаютъ и добавляють: صغيرة فيد منبر

b) A: الأيجان; B: الأيجان; E: الأيجان

c) E: السور; C: جسر سمور; E: جسر سمور

d) C دаетъ عشرة فراسخ و يضافون:

و على جبال باب الابواب قصور بناها الأكاسرة فيها قوم رثبوا لحفظ تلك المسالك التي كانت الخزر تسلكها الى بلد الاسلام وهي اربعة عشر قصرًا يسكنها قوم من الموصل و ديار ربيعة والشام معروفة بهم و اللغة باقية في اعقابهم لا يد لاحد عليهم و هم مطَّلون على الباب و بين اللکز و شروان حدّ و بين شروان والليران حدّ مناخم و بين الليران و الموقانية حدّ و كذلك بلاد العبسية و هي كورة ليست بكثيرة القرى فيها قلعة حصينة ظهرها ممّا يلي بلاد اللکز الى جبالها و هم يحامون عليها لميل صاحب العبسية اليهم و حسن جواره ايامهم ثم العبرية ثم السارية ثم تفليس

e) E: كنجہ

f) E: مرحله; C: جہار; E: مرحله

g) E: يازده

Шарванъ ^{а)} 3 дня пути; изъ Шарвана въ Абхазъ ^{б)} 2 дня пути; изъ Абхаза въ Джасар-Самуръ 12 фарсаховъ, и изъ Джасар-Самура ^{в)} въ Баб-ул-Абвабъ 20 фарсаховъ ^{д)}.

193

Путь изъ Берда'а въ Тифлисъ ⁶²⁾: изъ Берда'а въ Джанза, городъ, 9 фарсаховъ; изъ Джанза ^{е)} въ Шамгуръ 10 фарсаховъ ^{ф)}; отъ Шамгура до Хануна, города, 21 ^{г)} фарсахъ;

а) С вмѣстѣ съ Якутомъ читаютъ: „Шабиранъ“, и добавляютъ: „и это (городъ) незначительный; въ немъ мечеть“.

б) А: „ал-Ла-ханъ“; В: „ал-Лайджанъ“; Е: „Лайджанъ“.

в) Е: „Джасар-Меймунъ“; С: „ас-Самуръ“; Мукад.: „Шамуръ“.

д) С даетъ: „меньше десяти фарсаховъ“, и добавляетъ: „на горахъ Баб-ул-Абваба крѣпости, построенныя Хосроями; въ крѣпостяхъ этихъ обитаетъ народъ, приставленный для охраны этихъ дорогъ, по которымъ ходятъ хазары въ земли исламскія. Такихъ крѣпостей четырнадцать, и живутъ въ нихъ люди изъ Мосула, Діар-Габія ⁶¹⁾ и Сиріи. Онѣ извѣстны подъ именемъ этихъ же племенъ, и языкъ (арабскій) сохраняется изъ рода въ родъ. Надъ ними нѣтъ никакого начальника, и они наблюдаютъ за Бабомъ (Воротами). Между Лавзами и Ширваномъ граница, а между Ширваномъ и Лираномъ смежная граница; у Лирана съ Мукавіей граница, и со странюю Абсіа тоже. Въ этой мѣстности мало городовъ. Здѣсь есть укрѣпленный замокъ, а за нимъ въ горахъ мѣстность, сосѣдняя Лавзамъ. Лавзы и охраняютъ замокъ, такъ какъ владѣтель Абсіа чувствуетъ склонность къ нимъ и старательно ихъ защищаетъ. Далѣе слѣдуетъ земля Шакави, потомъ Абрія, затѣмъ Сарія, и наконецъ Тифлисъ.

е) Е: „Кенджа“.

ф) Е: „четыре“; Мукадаси: „одинъ переходъ“.

г) Е: „одиннадцать“.

الى قلعة ابن كندمان ١١ فراسخ ومن القلعة الى تفليس ١٢
فرسخا •

الطريق من بردعة الى دبيل من بردعة الى قلقاطوس
٩ فراسخ و من قلقاطوس الى متريس ١٣ فرسخا و من
متريس الى دو كيس ١٢ فرسخا و من دوميس الى كيل
كوى (a) ١٥ فرسخا و من كيل كوى الى سيسجان (b)
١٥ فرسخا و من سيسجان الى دبيل ١٥ فرسخا

و الطريق من بردعة الى دبيل في الارمن و هذه
القرى كلها مملكة سنباط من آشوط •

و الطريق من اردبيل الى زنجان من اردبيل الى
قنطرة سبينرود مرحلتان و من القنطرة الى السراة يوم
و من السراة الى نوى يوم و من نوى الى زنجان
يوم •

و من اردبيل الى المراغة من اردبيل الى الميانج
٢٠ فرسخا و من الميانج الى خونج مدينة ٧ فراسخ و من
خونج الى كولسره رستاق سوق عظيم لامبر فيه ٣ (c)
فراسخ و من كولسره الى المراغة ١٠ فراسخ •

الطريق من اردبيل الى آمد من اردبيل الى المراغة
٢٠ فرسخا و من المراغة الى داخرقان (d) منبر مرحلتان
و منها الى ارمية مرحلتان و من ارمية الى سلماش

ككوى Мукадаси كليكون E: ككولوين D: كيل كوره B: Безъ точекъ; Янугъ: ككوى

b) E: سيسجان

c) C و E: عشرة; Мукадаси имѣеть: مرحلة

d) A و B: خرقان; C و E: دير خرقان

отъ Хунана до Кал'а-ибн-Кандаманъ 10 фарсаховъ, и отъ Кал'а до Тифлиса 12 фарсаховъ.

Путь изъ Берда'а въ Дабиль ⁶³): отъ Берда'а до Калькатуса 9 фарсаховъ; изъ Калькатуса въ Метрисъ 13 фарсаховъ; изъ Метриса въ Давмисъ 12 фарсаховъ; изъ Давмиса въ Киль-Куй ^а) 16 фарсаховъ; отъ Киль-Куй до Сисаджана ^б) 16 фарсаховъ и отъ Сисаджана до Дабилы 16 фарсаховъ.

194 Путь изъ Берда'а въ Дабиль идетъ по землямъ армянъ, и всѣ эти города въ царствѣ Санбата, сына Ашута.

Путь изъ Ардабиля въ Зенджанъ ⁶⁴): отъ Ардабиля до Кантара-Сабидруда два перехода; отъ Кантары до Серата одинъ день; отъ Серата до Нувейя одинъ день пути и отъ Нувейя до Зенджана одинъ день пути.

Путь изъ Ардабиля въ Мерагу ⁶⁵): отъ Ардабиля до Меяниджа 20 фарсаховъ; отъ Меяниджа до Хунаджа, города, 7 фарсаховъ; отъ Хунаджа до волости Куль-сере съ громаднымъ рынкомъ, но безъ мечети, 3 ^с) фарсаха, и отъ Куль-сере до Мераги 10 фарсаховъ.

Путь изъ Ардабиля въ Амидъ ⁶⁶): отъ Ардабиля до Мераги 40 фарсаховъ; отъ Мераги до Дахарракана ^д), города съ мечетью, два перехода; отъ него до Урмин, города.

а) А безъ точекъ; В: „Киль-куръ“; Д: „К-н-куинъ“; Е: „Килкуинъ“; Мукаддаси: „Килвай“; Якутъ: „Килькуй“.

б) Е: „Сисаинъ“.

с) С и Е: „десять“; Мукаддаси: „одинъ переходъ“.

д) А и В: „Харраванъ“ С и Е: „Дир-харраванъ“.

مرحلتان و a) من سلماس الى خوب v فراسخ و من
خوى الى بركرى ٣ فرسخا و من بركرى الى ارجيش
يوم b) واحد و من ارجيش الى خلاط ٣ ايام c) و من
خلاط الى بدليس يوم d) و من بدليس الى ميافارقين e)
الى آمد يومان f) ●

الطريق من المراغة الى دبيل من مراغة الى ارمية ٣
فرسخا و من ارمية الى سلماس ١٤ فرسخا و من سلماس
الى خوى v فراسخ و من خوى الى نشوى ٣ ايام
و من نشوى الى دبيل ٤ مراحل ●
و من المراغة الى الدينور ٥ فرسخا g) ليس فيه
صنابر ●

بحر الخزر

و اما بحر الخزر فان شرقيته بعض الديلم و طبرستان
و جرجان و بعض المفازة التي بين جرجان و خوارزم

٢١٧

-
- ا) C و E со словъ منها и имѣютъ: منها و منها الى تبريز مرحلتان و منها
الى مرند مرحلتان و من مرند الى سلماس مرحة (مرحلتان)
- b) D, E и Мукадаси: يومان
- c) A и B: يوم
- d) D, E и Мукадаси: ثلاثة ايام
- e) D و E و Muqadasi: اربعة ايام; C: و من اذن و من بدليس الى اوزن يومان و من اذن
الى ميافارقين يوم
- f) E و Muqadasi: اربعة ايام
- g) Въ C добавлено: فرسخا ٣ فرسخا الى الدينور ٣ فرسخا

2 перехода; отъ Урміи до Саламаса 2 перехода ^{a)}); отъ Саламаса до Хувейи 7 фарсаховъ; отъ Хувейи до Беркери 30 фарсаховъ; отъ Беркери до Арджиша одинъ день ^{b)}); отъ Арджиша до Хилата 3 дня ^{c)}); изъ Хилата въ Бедлисъ одинъ день ^{d)}); отъ Бедлиса до Міяфарикина 3 дня ^{e)}), и отъ Міяфарикина до Амида 2 дня ^{f)}).

Путь изъ Мераги въ Дабиль ^{g)}): отъ Мераги до Урміи 30 фарсаховъ; отъ Урміи до Саламаса 14 фарсаховъ; отъ Саламаса до Хувейи 7 фарсаховъ; отъ Хувейи до Нашава 3 дня, и отъ Нашава до Дабиля 4 перехода.

Отъ Мераги до Динавера 60 фарсаховъ ^{g)}), и на этой дорогѣ нѣтъ мечетей ^{g²)}).

Хазарское море ^{g³)}.

217 Съ восточной стороны къ хазарскому морю прилегаютъ часть Дейлема, Табаристанъ, Джурджанъ и часть пустыни,

а) С и Е со словъ: „отъ него“, имѣютъ: „отъ него до Тибриза 2 перехода; отътуда до Мераида 2 перехода и изъ Мераида до Саламаса одинъ переходъ (Е 2 перехода)“.

б) D, Е и Муаддаси: „2 дня“.

с) А и В: „одинъ день“.

д) D, Е и Муаддаси: „три дня“.

е) D и Муаддаси: „четыре дня“; С: „отъ Бедлиса до Арзана 2 дня и отъ Арзана до Міяфарикина одинъ день“.

ф) Е и Муаддаси: „четыре дня“.

г) Вь С добавлено: „другой путь изъ Мераги въ Динаверъ 30 фарсаховъ“.

و غربيته اِران a) و حدود السير و بلاد الخزر و بعض
مفازة الغزوة و شماليه مفازة الغزوة b) بناحية سيآكوه
وجنوبيته الجبل والديلم c) •

و هذا البحر ليس له اتصال بشيء من البحار على
وجه الارض غلوا بن رجل طاف بهذا البحر ارجع الى
مكانه الذي ابتداء منه لا يمنعه مانع الا نهر عذب يقع فيه
وهو بحر صالح و لا مثله و لا جزر و هو بحر مظلم تفره
طين بخلاف بحر القلزم و سائر بحر فارس فان في بعض
المواضع من بحر فارس ربما يرى عمقه لصناء ما تحته من
الحجارة البيض و لا يرتفع من هذا البحر شيء من
لؤلؤ او مرجان او غيره مما يرتفع من البحار و لا ينتفع
بشيء مما يخرج منه سوى السموات و يركب فيه التجار
من اراضي المسلمين الى ارض الخزر و ما بين الران
والجبل و طبرستان و جرجان،

و ليس في هذا البحر جزيرة مسكونة فيها عمارة
كما ذكرنا في بحري فارس و الروم الا ان فيها جزائر
فيها غياض و مياه و اشجار و ليس بها انيس و منها جزيرة

a) E добавляет: و موقان ; C и D: التبق ; اِران من جبال التبق

b) Якут добавляет: و هم صند من الترك

c) C и Якут: و بعض الديلم ; D добавляет: و ما داني ذلك

находящейся между Джурджаномъ и Хорезмомъ; съ запада—Арранъ ^{а)}, предѣлы Серира, земли Хазаръ и часть Гузійской пустыни; съ сѣвера—пустыня Гузійская ^{б)} со стороны Сія-Кухъ ⁷⁰⁾, а съ юга Джилъ и Дейлемъ ^{в)}.

218 Это море не соединяется ни съ какимъ другимъ изъ морей, находящихся на поверхности земли; дѣйствительно, если кто-нибудь обойдетъ вокругъ этого моря, то вернется въ тому пункту, съ котораго началъ обходить, и ему на пути не явится никакого препятствія, развѣ только какая-нибудь прѣсноводная рѣка, впадающая въ это море. Это море соленое и въ немъ не бываетъ ни прилива, ни отлива. Дно этого моря темное, илистое, въ противоположность морю Кульзумъ ⁷¹⁾ и всему Персидскому морю, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Персидскаго моря видно его дно благодаря чистотѣ бѣлыхъ камней, лежащихъ подъ водою его. Не извлекаютъ изъ этого моря никакихъ драгоцѣнныхъ камней въ родѣ жемчуга, или краснаго коралла, или иного чего, что извлекаютъ изъ другихъ морей. Единственный продуктъ этого моря—рыба. По нему (морю) плаваютъ купцы изъ земель мусульманскихъ въ землю хазаръ и области Аррана, Джиля, Табаристана и Джурджана.

На этомъ морѣ нѣтъ обитаемыхъ острововъ, на которыхъ были бы поселенія, и каковыя, какъ мы упоминали, существуютъ на моряхъ Персидскомъ и Румскомъ ⁷²⁾. Единственно на немъ есть острова покрытыя зарослями, источниками и кустарниками, но людей на нихъ нѣтъ. Изъ такихъ острововъ выдающійся Сія-кухъ; этотъ островъ ве-

а) Е добавляетъ: „и Мукавъ“. С пишетъ: „Арранъ отъ горъ Кабкъ до предѣловъ Серира“.

б) Якутъ добавляетъ: „а они тюрское племя“.

в) С и Якутъ: „и часть Дейлсма“; Д добавляетъ: „и что по близости въ немъ“.

سياكوه وهى جزيرة كبيرة بها عيون و اشجار وغياض a) و بها دواب وحش b) ،

و منها جزيرة بحداء الكز c) وهى كبيرة بها غياض واشجار ومياه ويرتفع منها الفوة ويخرج اليها من نواحي برنعة فيحملون منها الفوة ويحملون فى السفن اليها نواب من نواحي برنعة و سائر المواضع فتسرح فيها حتى تسمن • d)

و من آبسكون عن يسارها الى الخزر فى عمارة متصلة الا شيئا بين باب الابواب والخزر وذلك انك اذا اذت من آبسكون مضيت على حدود جرجان و طبرستان و الديلم والجيل ثم تدخل فى حدود الران و اذا جرت موقان الى باب الابواب على يومين فهو بلد شروان شاه e) ثم تتجاوزه الى سمندر اربعة f) ايام ومن سمندر الى ائل g) سبعة ايام مفاوز • و لهذا البحر بناحية سياكوه زنقة يخاف على السفن

(٨) ٢١٩

a) C: ورياض ; E: زراعات واشجار ; Якуть добавляють: ومياه عذبة

b) E: ودد ودام آبجا ماهى دارند ; Мельгуновъ: ودد ودام ماوا كرفتند اند

c) E: بعد لكران

d) C и Якуть добавляють: وجزيرة تعرف بجزيرة الروسية (و جزائر مغار)

e) A: سيدان شاه ; B: سيندان شاه ; вместо этого у C и Якута:

و موقان و شروان و السقط و الباب (باب الابواب)

f) A و B: سبعة

g) A و B въ этомъ мѣстѣ: آئل

ликъ, покрытъ источниками, кустарниками и зарослями ^{a)}, и на немъ живутъ дикіе звѣри ^{b)}.

Другой выдающійся островъ въ устьѣ рѣки Куры ^{c)}; это значительный островъ ⁷³⁾, покрытый зарослями, кустарниками и источниками, и съ него вывозятъ марену. Къ нему приходятъ люди изъ Берда'а, и вывозятъ съ него марену, а кромѣ того перевозятъ на него на судахъ изъ Берда'а и иныхъ мѣстъ домашнихъ животныхъ, затѣмъ пускаютъ ихъ на свободу, пока тѣ не потучи́ють ^{d)}.

. ⁷⁴⁾.

219 (8) Отъ Абаскуна ⁷⁵⁾ по лѣвому берегу моря до земли Хазаръ путь сначала лежитъ черезъ смежныя населенныя мѣстности, а между Баб-ул-Аббабомъ и Хазарами нѣтъ поселеній; такимъ образомъ, когда начнешь итти отъ Абаскуна, то сначала идешь по землямъ Джурджана, Табаристана, Дейлема и Джила, потомъ войдешь въ предѣлы Аррана и, когда пройдеши Муканъ, то до Баб-ул-Аббаба два дня пути по странѣ Шарваншаха ^{e)}; далѣе пройдеши эту страну до Семендера въ 4 ^{f)} дня, а отъ Семендера до Итиля ^{g)} семидневныи путь по пустынѣ.

На этомъ морѣ въ сторонѣ Сія-кухъ находится узкій проливъ, въ которомъ суда входящія въ него подвергаются

а) С: „луга“; Е: „травы и кустарники“; Якутъ добавляетъ: „и прѣсноводныя источники“.

б) Е: „хищныя звѣри и дикія животныя обгьають“. Мельгуновъ: „хищныя звѣри и дикія животныя находятся тамъ“.

с) Е: „въ предѣлахъ Лакзовъ“.

д) С и Якутъ добавляютъ: „Островъ по имени: „островъ русскій“ ⁷⁶⁾ и мелкіе острова“.

е) А: „С—бзав-шахъ“. В: „Синданшахъ“. Въ мѣсто этого у С и Якута: „п Муканъ, и Шарванъ, и Маскаты и Бабъ (Баб-ул-Аббабъ)“.

ф) А и В: „семь“.

г) А и В въ этомъ мѣстѣ: „Амулъ“.

الداخلة بها الريح (a) ان تنكسر و اذا انكسرت السفن
هناك لم يتهماً جمع شيء منها من الاثراك فانهم يستولون
على ذلك •

و اما الخزر فانه اسم الاقليم و تصبته تسمى اثل
و اثل اسم النهر الذي يجري اليه (b) الزوس و بلغار
و اثل قطعتان قطعة على غربي هذا النهر المسمى اثل
و هي اكبرهما و قطعة على شرقيه و الملك يسكن في
غربي منهما ويسمى الملك بلسانهم بك و يسمى ايضا
بان و هذه القطعة مقدارها في الطول نحو غرسخ و
يحيط بها سور الا انه مقترش البناء و ابنتهم خراكات
امود الا شيئاً يسيراً بنى من طين و لهم اسواق و حمامات (c)
و فيها خلق (d) من المسلمين يقال انهم يزيدون على
عشرة آلاف مسلم (e) و لهم نحو ثلاثين مسجداً و قصر
الملك بعيد من شط النهر و قصره من آجر و ليس لاحد
بناؤه من آجر غيره و لا يستغ الملك لاحد ان يبنى
بالآجر،

و لهذا السور ابواب اربعة منها الى ما يلي النهر
و منها الى ما يلي الصحراء على ظهر هذا المدينة،

ا) Якут: اذا اخذتها ربيع هناك, D: اذا اخذتها الريح اليها

E: اكر باد كشتي بانجا برد

b) C و D: اليها, Якут: الى الخزر, E: بدريا

c) E добавляет: و مسجد

d) Якут добавляет: كثيرة

e) E добавляет: باقى هه جهود

благодаря вѣтру ^{a)} опасности разбиться, когда они туда будутъ загнаны; когда судно разобьется, то невозможно ничего спасти изъ его остатковъ отъ турокъ, потому что они немедленно захватятъ все это, а они владѣютъ этой мѣстностью.

290

Хазарь—это имя страны, а столица ея Итиль; равнымъ образомъ Итиль имя рѣки, текущей къ городу ^{b)} изъ страны Руссовъ и Болгарь. Городъ Итиль дѣлится на двѣ части ⁷⁷⁾ одна часть на западномъ берегу рѣки, по имени „Итиль“, и это ббольшая часть; а другая на восточномъ берегу. Царь живетъ въ западной части и называется онъ на ихъ языкѣ „бекъ“, а также называютъ его „бакъ“. Величина этой части (города) въ длину около фарсаха, и окружаетъ ее стѣна. Постройки этого города разбросаны и жилищами въ немъ служатъ войлочные палатки, за исключеніемъ нѣкоторыхъ жилищъ, выстроенныхъ изъ глины; у нихъ есть рынки и бани ^{c)}; среди нихъ множество ^{d)} мусульманъ ⁷⁸⁾; говорятъ, что между ними находится болѣе десяти тысячъ мусульманъ ^{e)}, и у нихъ около тридцати мечетей. Дворецъ царя далекъ отъ берега рѣки и выстроенъ онъ изъ обожженного кирпича. Ни у кого нѣтъ постройки изъ обожженного кирпича, кромѣ царя, и онъ не позволяетъ никому строиться изъ кирпича.

Въ этой стѣнѣ четверо воротъ; одни обращены къ рѣкѣ, а другіе къ степи, что разстилается за стѣною города.

а) Якутъ: „если захватить его вѣтеръ въ немъ“; D: „если захватить его вѣтеръ здѣсь“; E: „Если захватить въ этомъ мѣстѣ вѣтеръ“.

b) C и D: „къ нему“; Якутъ: „къ Хазарамъ“; E: „къ морю“.

c) E добавляетъ: „не мечети“.

d) Якутъ добавляетъ: „многое, обильное“.

e) E добавляетъ: „остальные всѣ иудей“.

و ملكهم يهودى يقال ان له من الحاشية نحو اربعة
آلاف رجل والخزر مسلمون ونصارى و يهود (a) وفيهم
عبدة اوثان و اقبل الفرق اليهود و اكثرهم المسلمون و
النصارى الا ان الملك و خاصته يهود و الغالب على
اخلاقهم اخلاق اهل الاوثان يسجد بعضهم لبعض عند التعظيم
و احكام خصوا بها على رسوم قديمة مخالفة لدين المسلمين
و اليهود و النصارى؛

و للملك من الجيش اثنا عشر الف رجل و اذا مات
منهم رجل أقيم آخر مكانه (a) و ليست لهم جراية دائمة
الا شىء نذري سير يصل اليهم نى المدة الطويلة اذا كان
لهم حرب او حزيهم امر يجتمعون له؛

و ابواب مال هذا الملك من الارصاد و عشور
التجارات على رسوم لهم من كل طريق و بحر و نهر
و لهم و وظائف على اهل المحال و النواحي من كل
صنف مما يحتاج اليه من طعام و شراب و غير ذلك؛
و للملك سبعة (c) من الاحكام من اليهود و النصارى
و المسلمين و اهل الاوثان اذا عرض للناس حكومة قضى
فيها هاؤلاء ولا يصل اهل الحوائج الى الملك نفسه و اما

ا: از مسلمان و باقى از ترسا و جهود E: يقال انهم مسلمون و نصارى و B: A و
Мельгуновъ: يهود D و Якуть не имѣютъ: از مسلمان و خزر و ترسا و بت پرست

b) Якуть добавляется: فلا ينقص هذه العدة ابداً

c) C, E و Якуть: تسعة

Царь ихъ іудейскаго вѣроисповѣданія, и говорятъ, что свита его числомъ около 4000 человекъ. Хазары мусульмане, христіане, и іудеи^{а)}, и среди нихъ есть идолопоклонники. Самый малочисленный классъ іудеи, а самый большой—мусульмане и христіане, но все-таки царь и приближенные его—іудеи. Большую часть обычаевъ ихъ составляютъ обычаи идолопоклонниковъ, и они кланяются до земли другъ-другу для выраженія почтенія. А установленія ихъ, которыми они отличаются отъ другихъ народовъ, основаны на древнихъ обычаяхъ и противорѣчатъ религіямъ мусульманской, іудейской и христіанской.

221

У царя ихъ войска 12000 человекъ⁷⁹⁾; когда умретъ изъ числа ихъ одинъ человекъ, то немедленно ставятъ на его мѣсто другого^{б)}. У нихъ нѣтъ опредѣленнаго постоянного жалованія, развѣ только малая толика перепадетъ на ихъ долю послѣ длиннаго промежутка времени въ случаѣ войны, или когда ихъ постигаетъ какое нибудь дѣло, изъ-за котораго они всѣ соединяются.

Источникъ доходовъ царя составляетъ взиманіе пошлинъ на заставахъ на сухихъ, морскихъ и рѣчныхъ путяхъ. На обитателяхъ городскихъ кварталовъ и окрестностей лежить повинность доставлять имъ всякаго рода необходимый провіантъ, напитки и прочее⁸⁰⁾.

При царѣ 7^{с)} судій изъ іудеевъ, христіанъ, мусульманъ и язычниковъ. Въ случаѣ тяжбы между людьми рѣшаютъ ее эти судьи; нуждающіеся не являются къ самому царю, но обращаются къ этимъ судьямъ. Въ день суда меж-

а) А и В: „говорить, что они мусульмане и христіане“; Е: „изъ мусульманъ, а остальные изъ христіанъ и іудеевъ“. Мельгуновъ: „изъ мусульманъ, хазаръ, христіанъ и идолопоклонниковъ“. Д и Якутъ не имѣютъ: „іудеевъ“.

б) Якутъ добавляетъ: „и это количество никогда не убавляется“.

с) С, Е и Якутъ: „девятъ“.

يصل الى هاؤلاه الحكام و بين هاؤلاه الحكام يوم القضاء
و بين الملك (a) سفير يرسلونه فيما يجرى من الامر و
ينتهون اليه فيرد عليهم امره و يمضونه،

و ليس لهذا المدينة قرى الا ان مزارعهم منتشرة
يخرجون في الصيف في الزروع نحو عشرين فرسخا
ليزرعوا و يجمعوا (b) بعضه على النهر و بعضه على الصحارى
فينقلون غلاتهم بالعجل و في النهر و الغالب على قوتهم
الارز و السمك (c) و هذا الذي يحمل منهم من العسل
و الشمع اثما يحمل اليهم من ناحية الروس و بلغار و كنداك
هذه الجلود الخز التي تحمل الى الافاق لا تكون الا
في تلك الانهار التي بناحية بلغار و الروس و كويابا ولا
تكون في شىء من الاقاليم فيما علمته،

و النصف الشرقي من (d) الخزر فيه دعظم التجار و
المسلمين و المتاجر و الغربي خاصة للملك (e) و جسده
و الخزر الخالص،

و لسان الخزر غير لسان التراك و الفارسيه و لا
يشاركه لسان فريق من الامم •

و اما نهر اثل فانه فيما بلغنى يخرج من قرب
خرخيز فيجرى فيما بين الكيماكيه و الغزيه و هو الحد

a) فاذا جلسوا للتساءل كان بين الملك و بينهم (c)

b) Изуть: فيزرعون و يجمعون اذا ادرك

c) Е добавляет: و عسل

d) Изуть добавляет: مدينة

e) C и D добавляет: وحاشيته

ду этими судьями и царемъ ^{а)} бываетъ посредникъ. При его посредствѣ судьи входятъ въ сношеніе съ царемъ относительно случающихся дѣлъ, и такимъ образомъ дѣла представляются ему (царю) на разсмотрѣніе, а онъ передаетъ имъ свой приказъ, и они приводятъ его въ исполненіе.

При этомъ городѣ нѣтъ сель, а пашни ихъ разбросаны. Лѣтомъ они выходятъ на пашни приблизительно на 20 фарсаховъ въ окружности для посѣвовъ, собираютъ хлѣба ^{б)} частью надъ рѣкой, а частью въ степи, и перевозятъ хлѣба свои на повозкахъ и рѣкою на судахъ. Питаются они преимущественно рисомъ и рыбой ^{в)}; то что вывозится отъ нихъ изъ меду и воску, ввозится къ нимъ изъ земель Руссовъ и Болгаръ; точно также какъ и бобровыя шкуры, которыя развозятся во всѣ страны, добываются исключительно въ рѣкахъ земель Руссовъ, Болгаръ и Кіева и не встрѣчаются ни въ одной иной странѣ, насколько я знаю ^{г)}).

222

Въ восточной части ^{д)} Хазаръ живутъ преимущественно купцы и мусульмане и находятся товары, а западная часть его исключительно предоставлена царю ^{е)}, войску его и истиннымъ Хазарамъ.

Языкъ Хазаръ не сходенъ съ языкомъ Турокъ и Персовъ, и вообще онъ не похожъ на языкъ ни одного изъ народовъ (намъ извѣстныхъ).

Рѣка Итиль ^{г)}, какъ я узналъ, беретъ начало близъ земель Хирхивъ и протекаетъ между землями Каймаковъ и Гуззовъ и представляетъ естественную границу между этими

а) С: „Когда засѣдаютъ для суда, бываетъ между царемъ и ими“.

б) Якутъ: „сѣютъ и собираютъ когда созрѣетъ“.

в) Е добавляетъ: „и медомъ“.

д) Якутъ добавляетъ: „города“.

е) С и D добавляютъ: „и свиты его“.

بين الكيماكية و الغززية ثم يذهب غربا على ظهر بلغار و يعود راجعا الى ما يلي المشرق حتى يجوز على الترس ثم يمر على بلغار ثم على برطاس حتى يقع في بحر الخزر ويقال انه يتشعب من هذا النهر نيف و سبعون نهرا و يبقى عمود النهر يجري على الخزر حتى يقع في البحر و يقال ان هذا المياه اذا كانت مجموعة في نهر و احد اعلاه يزيد على جيحون و بلغ من كثرة هذه المياه و غزارتها انها تنتهي الى البحر فتجري في البحر داخلا مسيرة يومين و تغلب على ماء البحر حتى يجمد في الشتاء لعذوبته و حلاوته و يبين في البحر لونه من لون ماء البحر ●

و للخزر مدينة تسمى سمندر فيما بينها و بين باب الابواب لها بستين كثيرة و يقال انها تشتمل على نحو من اربعة آلاف كرم الى حد السرير a و الغالب على ثمارها الاعناب و فيها خلق من المسلمين ولهم بها مساجد و ابنيتهم من خشب قد نسجت و سطوحهم مسمة و ملكهم من اليهود قرابة ملك الخزر و بينهم و بين حد السرير فرسخان و بينهم و بين صاحب السرير هدنة ●

۲۲۳

بساتين كثيرة: В посыле: بستان كرم و هي ملاصقة لحد ملك السرير a) Дуать: چنانك از دربند تا (حد) سرير باغستان بود (باغ و بوستان اين شهر نمبته: است) كويند چهل (چهار) هزار باغ معور دارد

народами. Потомъ проходить рѣка эта за Болгарами на западъ и возвращается на востокъ, пока не протекаетъ черезъ земли Руссовъ; затѣмъ проходить она черезъ земли Болгарь, потомъ черезъ земли Буртась, пока не впадаетъ въ Хазарское море. Говорятъ, что рѣка эта развѣтвляется болѣе, чѣмъ на 70 рукавовъ, и остается кромѣ того главный потокъ рѣки; проходить онъ черезъ земли Хазарь и впадаетъ въ море. Говорятъ, что, когда эти потоки соединяются въ одну рѣку во время разлива, то она превосходитъ величиной Джайхунъ, и происходитъ отъ многоводности ея то обстоятельство, что она, достигая моря, впадаетъ въ него, врѣзываясь на разстояніе двухдневнаго пути и вытѣсня морскую воду, такъ что замерзаетъ зимою благодаря своей прѣсности и мягкости. Цвѣтъ ея въ морѣ отличается отъ цвѣта морской воды.

У Хазарь есть еще городъ по имени Семендеръ ⁸³⁾; въ пространствѣ между нимъ и Баб-ул-Аббабомъ находятся многочисленные сады, принадлежащіе Семендеру; и говорятъ, что они содержатъ въ себѣ приблизительно около 4000 виноградныхъ лозь, доходя до предѣловъ Серира ^{a)}, и главную часть плодовъ въ этихъ садахъ составляетъ виноградъ. Въ Семендерѣ множество мусульманъ, и у нихъ въ этомъ городѣ мечети; постройки Семендерцевъ деревянные, плетенныя; кровли на домахъ выпуклыя. Царь Семендера іудейскаго вѣроисповѣданія и находится въ родствѣ съ царемъ Хазарь. Между Семендеромъ и предѣлами Серира два фарсаха разстоянія. Между Семендерцами и Сахиб-ас-Сериромъ перемиріе.

а) Якутъ: „около 4000 виноградниковъ, а эти доходятъ до царства Серира“. Е послѣ „многочисленные сады“ имѣеть: „такимъ образомъ отъ Дербенда до (предѣловъ) (Серира сады (сады и цвѣтники этого города); говорятъ что онъ имѣеть сорокъ (четыре) тысячъ воздѣланныхъ садовъ“.

و السريير هم نصارى و يقال ان هذا السريير هو
لبعض ملوك الفرس من ذهب فلما زال ملكهم حمل
الى السريير و حمله بعض ملوك الفرس بلغنى انه من
اولاد بهرام جوبين b) و الملك الى يومنا هذا فيهم و يقال
ان هذا السريير عمل لبعض الاكاسرة فى سنين كثيرة
و بين السريير و بين المسلمين هدفة c)

و لا اعلم فى عمل الخزر مجمع ناس سوى سمندر •

و برطاس هم امة متاخمون للخزر ليس بينهم و بين
الخزر امة اخرى و هم قوم مفترشون على وادى
اثل و برطاس اسم الناحية و كذلك الروس و الخزر
و السريير اسم للمملكة لا للمدينة و لا للناس •

و الخزر لا يشبهون الاتراك و هم سود الشعر و هم
صنفان صنف يستون قراخزر a) و هم سمر يضربون
لشدة السمرة الى السواد كائهم صنف من الهند و صنف
بيض ظاهر الحسن و الجمال و الذى يقع من رقيق
الخزر هم اهل الاوثان الذين يستجيزون بيع اولادهم و
استرقاق بعضهم بعضا فاما اليهود منهم و النصارى فاتها
تدين بتحريم استرقاق بعضهم بعضا مثل المسلمين
و بلد الخزر لا يرفق شىء منه يحمل الى الافاق غير

a) Якуты: جور

b) Далъ С и Якуты добавляють: يهذر (منهما) كل واحد (صاحبه وان كان كل واحد منهما) يهذر (هذرا من)

c) فراهور C: قرى خزر A:

Народъ Серира ⁸⁴⁾ (трона)—христiане; говорятъ, что этотъ тронъ изъ золота принадлежалъ нѣкому изъ персидскихъ царей; по прекращенiи ихъ владычества тронъ этотъ былъ отвезенъ въ страну Сериръ; и отвезъ его одинъ изъ царей персидскихъ, какъ я узналъ, потомокъ Бахрам-Джубина ^{a)}. Власть тамъ до сихъ поръ принадлежитъ его потомкамъ. Говорятъ, что тронъ этотъ былъ дѣланъ для одного изъ Хосроевъ нѣсколько лѣтъ. Между Сериромъ и мусульманами перемирие ^{b)}.

Я не знаю въ области Хазаръ ни одного густо-населеннаго пункта, кромѣ Семендера.

Буртасы ⁸⁵⁾ племя сосѣднее съ Хазарами; между ними и Хазарами не живетъ никакого другого народа; это народъ разсѣянный по долинѣ рѣки Итиль. Буртасы имя страны точно такъ же, какъ Русь и Хазаръ, а Сериръ имя государства, не города и не людей.

Хазары не похожи на Турокъ; они черноволосы и ихъ два класса: одни называются „Карахазары“ ^{c)}; они смуглые, даже почти черные, подобно индiйцамъ; другой классъ—бѣлый, видный по красотѣ и наружнымъ качествамъ. Все, что попадаетъ къ намъ изъ рабовъ Хазаръ, принадлежитъ къ язычникамъ, разрѣшающимъ продажу своихъ дѣтей и порабощенiе другъ-друга, а находящiеся среди нихъ iудеи и христiане, подобно мусульманамъ, не допускаютъ по своимъ религiознымъ воззрѣнiямъ рабства другъ-друга.

Въ странѣ Хазаръ добывается и вывозится во всѣ страны только клей. Что же касается до рту-

a) Якутъ: „Джура“.

b) Далѣе С и Якутъ добавляють: „хотя обыкновенно каждый (изъ нихъ) остерегается своего союзника“.

c) А: „Кара-хазаръ“; С: „Кара-Джуръ“.

الغرى و اما الزبيق a) والعسل و الشمع و الخبز و الاوبار
فمجلوب اليها،

ولباس الخزر و ما حوالها القراطق و الاقبية و ليس يكون
عندهم شىء من الملبوس و اما يحمل اليهم من نواحي
جرجان و طبرستان و ارمينية و انريجان و الروم •

و اما سياستهم و امر المملكة بهم فان عظيمهم يسمى
خاقان خزر و هو اجل من ملك الخزر الا ان ملك
الخزر هو الذى يقيمه و اذا ارادوا ان يقيموا هذا الخاقان
جاءوا به فيخنقونه بحريرة حتى اذا قارب ان ينقطع نفسه
قالوا له كم تشتهى مدة الملك فيقول كذا و كذا سنة فان
مات دونها و الا قتل اذا بلغ تلك السنة و لا تصلح الخاقانية
عندهم الا غى اهل بيت معروفين و ليس له من الامر والنهى
شىء الا انه يعظم و يسجد له اذا دخل اليه و لا يصل اليه
احد الا نفر يسير مثل الملك و من فى طبقتة و لا يدخل
عليه الملك الا لحادثة فاذا دخل عليه b) تمرغ فى التراب
و سجد و قام من بعد حتى يانن له بالتقرب و اذا حزبه
حزب عظيم اخرج فيه خاقان فلا يراه احد من الاتراك
و من يصاقبهم من اصناف الكفر الا انصرف و لم يقاتله

موثيند و پشم و برده : Е перечисляеть; الدقيق : Якуть; الرقيق : D
و عسل و شمع

b) C добавляеть: الملك

224 ти ^{а)}, меду, воску, бобровыхъ шкуръ и шерсти, то все это доставляется къ нимъ изъ другихъ странъ.

Одежду Хазаръ и сосѣднихъ съ ними народовъ составляютъ куртки и мужскія туники. Сами Хазары одежду не выдѣлываютъ, но онѣ исключительно ввозятся къ нимъ изъ странъ Джурджана, Табаристана, Арменіи, Азербейджана и Рума.

Что касается до управленія ими и правителя, то глава ихъ называется: „хаканъ-хазаръ“ ⁸⁷⁾. Онъ выше царя хазарскаго, но его самого назначаетъ царь. Когда они желаютъ поставить кого-нибудь этимъ хаканомъ, то приводятъ его и начинаютъ душить шелковымъ шнуромъ. Когда онъ уже близокъ въ тому, чтобы испустить духъ, говорятъ ему: „Какъ долго желаешь царствовать?“ — онъ отвѣчаетъ: „Столько-то и столько-то лѣтъ“. Если онъ раньше умретъ (то его счастье), а если нѣтъ, то его убиваютъ по достиженіи назначеннаго числа лѣтъ царствованія. Хаканство у нихъ дается только лицамъ изъ знатныхъ фамилій. У хакана власть номинальная, его только почитаютъ и преклоняются передъ нимъ при представленіи. Къ хакану входитъ только царь и лица одного класса съ нимъ. Царь входитъ къ хакану только въ случаѣ важнаго событія и, при входѣ къ нему ^{б)}, падаетъ ницъ на землю и кланяется, а потомъ становится вдали, пока не разрѣшитъ ему хаканъ приблизиться. Когда постигаетъ ихъ какая-нибудь великая опасность, то они выводятъ хакана; и какъ только увидитъ его кто-нибудь изъ Турокъ или сосѣднихъ народовъ „кяфировъ“, тотчасъ же обращается въ бѣгство, и никто изъ нихъ не рѣшается воевать съ нимъ вслѣдствіе большого къ нему

а) D: „рабы“; Якутъ: „мука“; E перечисляетъ: „шерсть, шкуры, рабы, медъ и воскъ.“

б) C добавляетъ: „царь“.

تعظيماً a) له واذامات و دفن لم يمتز بقبره احد الا نرجل
و سجد ولا يركب ما لم يغب عن قبره،

و يبلغ من طاعتهم لملكهم ان احدهم ربّما يجب عليه
للقتل ويكون من كبرائهم فلا يحب الملك ان يقتله ظاهراً
فيامره ان يقتل نفسه فينصرف الى منزله و يقتل نفسه،

و الخاقانيّة في قوم معروفين ليس لهم مملكة ويسار
فاذا انتهت الرياسة الى احدهم عقدوا له ولم ينظروا الى
ما عليه حاله ولقد اخبرني من أثق به انه رأى في بعض
اسواقهم شاباً يبيع الخبز كانوا يقولون ان خاقانهم اذامات
فليس احد احق منه بالحاقانيّة الا انه كان مسلماً ولا تعقد
الحاقانيّة الا لمن يدين باليهوديّة و السرير و القبّة الذهب
التي لهم لا تضرب الا لحاقان و مضاربه اذا برزوا غوق ٢٢٥
مضارب الملك و مسكنه في البلد ارفع منزل من مسكن
الملك •

.....
المسافات بين بلاد بحر الخزر و نواحيها

٢٢٥ (١٣)

من آبسكون الى بلاد الخزر عن اليمين نحو ٣٠٠

ا) C добавляет: واجلالا

почтенія а). Когда онъ умретъ и его похоронятъ, то мимо могилы его ни одинъ человекъ не проѣзжаетъ безъ того, чтобы не спѣшиться и не поклониться его праху, и не садится на лошадь, пова не скроется изъ его глазъ могила хакана.

Хазары настолько повинуются царю, что когда одного изъ нихъ иной разъ необходимо убить, будь онъ даже изъ старѣйшинъ хазарскихъ, но царь не желаетъ въ то же время, чтобы тотъ былъ убитъ открыто, то приказываетъ ему покончить самоубійствомъ, а тотъ удаляется къ себѣ домой и убиваетъ самъ себя.

Хаканство у нихъ дается лицамъ знатныхъ фамилій, хотя бы не имѣющимъ ни владѣній, ни богатствъ; такъ что, когда кто-нибудь изъ нихъ получить главенство и его дѣлаютъ начальникомъ, то присягаютъ ему, несмотря на то, каково его имущественное положеніе. Мнѣ сообщилъ одинъ человекъ, которому я довѣряю въ этомъ, что онъ видѣлъ на какомъ-то изъ ихъ рынковъ юношу, продававшего хлѣбъ, а Хазары говорили, что, по смерти ихъ хакана, никто не имѣлъ бы болѣе правъ на хаканство, чѣмъ этотъ юноша, развѣ только, что онъ мусульманинъ, а хаканство дается только исповѣдующему іудейскую религію. Золотой тронъ и балдахинъ приготовляютъ у нихъ только для хакана; шатеръ хакана, когда его разобьютъ, выше шатра царя, а жилище его въ городѣ выше мѣста жительства царя.

225

..... 88).

226

Разстоянія между городами и странами Хазарскаго моря.

Отъ Абаскуна до города Хазаръ по правому (берегу

а) С добавляетъ: „и величію его“.

فرسخ ومن أبسكون عن يسار السائر الى الخزر نحو
٣٠٠ فرسخ ومن أبسكون الى دهستان ٥ مراحل ويقطع
هذا البحر اذا طابت الريح عرضاً من طبرستان الى باب
الابواب في اسبوع واما من أبسكون الى بلاد الخزر
فاته زائد على العرض لانه مزوى،

ومن اثل الى سمندر ٨ ايام ومن سمندر الى باب
الابواب ٤ ايام و بين مملكة السرير و باب الابواب ٣ ا) ايام •

227

моря) около 300 фарсаховъ, а по лѣвому тоже около 300 фарсаховъ. Отъ Абаскуна до Дигистана ⁸⁹⁾ шесть переходовъ, а переправляются черезъ это море, если случайно благопріятствуетъ вѣтеръ, изъ Табаристана въ Баб-ул-Аб-вабъ въ недѣлю. А путь изъ Абаскуна до царства Хазаръ длиннѣе ширины (моря) потому, что Абаскунъ находится въ углу моря.

Отъ Итиля до Семендера 8 дней, а отъ Семендера до Баб-ул-Абваба 4 дня пути. Между царствомъ Сериръ и Баб-ул-Абвабомъ 3 ^{а)} дня пути ⁹⁰⁾.

а) С даетъ: „четыре“.

ПРИМЪЧАНІЯ

къ „Книгѣ путей и царствъ“ ал-Истахрія.

1) Описанію Арменіи, Аррава и Азербейджана у ал-Истахрія предшествуетъ описаніе страны Синдъ, представляющей крайній предѣлъ распространенія ислама на Востокѣ. За этой страной идутъ уже земли «кафировъ»—невѣрныхъ, людей не исповѣдывающихъ ислама. Понятіе «исламъ» нерѣдко встрѣчается у мусульманскими писателей въ смыслѣ: «страны, исповѣдующія исламъ». Въ такомъ же смыслѣ употребляется и понятіе: «айцо ислама».

2) Румъ—искаженное Римъ, Рома. Это наименованіе сохранилось за Малой Азіей и побережьями Средиземнаго (Румскаго) моря современъ римскаго владычества. Византійская имперія точно также называлась Румомъ, сохранивъ за собой прежнее наименованіе. Сѣверное побережье Африки, входившее отчасти въ арабскій халифатъ называлось «Меграбъ», т. е. Западъ.

3) Какъ мы упомянули въ краткомъ біографическомъ очеркѣ, предосланномъ тексту и переводу, ал-Истахрій издалъ и дополнилъ трудъ ал-Балхія, называемый «Сувар-ал-Авалимъ»—(изображенія поясовъ земли), представляющей изъ себя атласъ географическихъ картъ, котораго, къ сожалѣнію, не сохранилось. Объ этихъ-то картахъ и упоминаетъ ал-Истахрій въ данномъ мѣстѣ и ниже.

4) Джибаль или Джабаль—наименованіе области, лежащей къ востоку отъ Тигра и извѣстной въ настоящее время подъ именемъ Персидскаго Ирана; этимъ же именемъ называлась древняя Мидія, т. е. всѣ страны, лежація къ востоку отъ Тигра. Значеніе этого слова: «горы, гористая мѣстность».

5) Дейлемъ или Дейлюмъ—страна, лежащая на юго-западномъ побережьѣ Каспійскаго моря.

6) Одно изъ именъ Каспійскаго моря, которое называется обыкновенно по именамъ омываемыхъ имъ странъ, какъ Джурджапъ, Табаристанъ, Дейлемъ, Джиланъ и др.

7) Арманъ то же, что и Арменія. Здѣсь этимъ именемъ обо-

значается Малая Арменія, находившаяся во времена ал-Истахрія во владѣніяхъ Рума (Византіи). Черезъ два съ половиною столѣтія, именно въ 1080 г. по Р. Хр., Малая Арменія приобрѣла самостоятельность.

в) Алланы или аланы—народъ, часто упоминаемый во время переселенія народовъ между германскими племенами, но принадлежащій въ дѣйствительности къ скиескому племени, которое, въ свою очередь, также часто причисляется къ арійцамъ. Аланы обитали сначала на Кавказѣ; отсюда они—презрасные наѣздики и стрѣлки,—распространили свои владѣнія къ сѣверу до Дона и предпринимали часто набѣги въ Арменію и Малую Азію; противъ этихъ набѣговъ уже царь пароянскій Вологезъ искалъ защиты у Веспасіана; съ ними въ царствованіе Адріана боролся Арріанъ, въ качествѣ наѣстника Каппадокіи, и отрывокъ составленнаго имъ описанія этой войны дошелъ до насъ. Будучи завербованы Авреліаномъ для войны съ Персіей, они послѣ его смерти опустошили Малую Азію, пока императоръ Тацитъ въ 276 г. послѣ Р. Хр. не заставилъ ихъ возвратиться въ занимаемыя ими прежде мѣстности. Почти 100 лѣтъ спустя, около 375 г., они въ союзѣ съ гуннами разгромили царства короля остготскаго Германриха, вытѣснили остготовъ изъ мѣстностей между Дономъ и Дунаемъ, присоединились къ великому движенію народовъ на западъ и затѣмъ въ 406 г. въ союзѣ съ свевами и вандалами вторглись въ Галлію. Часть ихъ, поселившаяся въ мѣстностяхъ южнѣе Луары, въ 451 г. является въ числѣ союзниковъ Боэція въ борьбѣ его съ Атиллой и была позже мало-по-малу уничтожена. Другая часть въ 409 г. перешла въ Испанію, была тамъ разбита соединившимся съ римлянами Вестготскимъ королемъ Валлійемъ (418) и оттѣснена въ Лузитанію, гдѣ имя ихъ съ теченіемъ времени исчезаетъ. Въ верхнюю Италію вторглись еще въ 464 г. толпы алановъ, но были разбиты Рисимеромъ. Въ позднѣйшую Византійскую эпоху аланы упоминаются еще и на Кавказѣ. На сѣверномъ Кавказѣ въ южной части Терской области и отчасти по горному хребту живутъ потомки алановъ осетины.

в) Джазира—Месопотамія, лежитъ между Тигромъ и Евфратомъ. Слова «Джазира» означаетъ «островъ, полуостровъ»; названа такъ благодаря тому, что имѣетъ сходство съ полуостровомъ. Джазира представляетъ изъ себя каменистую песчаную рав-

нину, понижающуюся къ югу. Продукты ея нефть и чернильный орѣшекъ, во многихъ мѣстахъ встрѣчается финиковая пальма. Изъ животныхъ между прочимъ есть львы, газели и страусы. Въ настоящее время Джазира принадлежитъ Турціи и входитъ въ составъ вилайетовъ Діарбекръ, Багдадъ и Алеппо. Жители преимущественно арабы, затѣмъ курды, турки, сирійцы и армяне. Особенно процвѣтала Джазира при вавилонскомъ и ассирійскомъ владычествѣ, равно какъ и во времена владычества арабовъ, а въ настоящее время страна эта начала приходить въ упадокъ и мѣстами представляетъ неплодную пустыню.

¹⁰⁾ Кабкъ или Кайсакъ—вывѣшній Кавказскій хребетъ со всѣми отрогами.

¹¹⁾ Иракъ—общее названіе мѣстности между сирійской пустыней и горами Эльбурсъ. Иракъ дѣлится на *Иракъ-Аджами* (Персидскій) и *Иракъ-Араби* (Арабскій).

Иракъ-Аджами, называющійся и Джабаль (горы) или Куги-станъ (горная мѣстность)—одна изъ 11 провинцій Персіи, занимаетъ большую часть западной половины государства (6500 кв. миль). Направленіе горныхъ цѣпей къ З и В или СЗ и ЮВ. Главная рѣка, принадлежащая къ Ираку лишь въ своемъ среднемъ теченіи—Кизиль-Узень или Сефид-рудъ (Сабид-рудъ у ал-Истахрія), орошающая бассейнъ въ 1200 кв. миль; она течетъ изъ горъ Курдистана и впадаетъ въ Каспійское море. Продукты Ирака: хлѣбъ, рисъ, макъ, хлопокъ, фрукты, миндаль, фисташки, шафранъ, шелкъ, табакъ, лошади, рогатый скотъ, верблюды, овцы, козы и пчелы. Главныя произведенія: шелковыя и бумажныя издѣлія, ковры, фарфоръ, стекло. Въ провинціи Иракъ находятся значительно упавшіе сравнительно съ прежнимъ ихъ величіемъ города Персіи: Испаганъ, Кумъ, Тегеранъ.

Иракъ-Араби или Ирак-ал-Араби, часто называемой просто Иракъ—область Азіатской Турціи, между Тигромъ и Евфратомъ. Къ западу отъ Евфрата Иракъ представляетъ песчаную пустыню, въ остальныхъ же мѣстахъ, особенно по берегамъ рѣкъ—болотистую или плодородную черноземную полосу, плохо вздѣланную; между тѣмъ здѣсь въ древности и еще въ средніе вѣка процвѣтало земледѣіе. Арабское населеніе вывѣшняго Ирака почти совершенно независимо. Одиннадцать тринадцатыхъ всего населенія — кочевники. Главнѣйшіе города: Басра, Багдадъ и Мешед-Али,

мѣсто паломничества персовъ шитовъ. Въ настоящее время Иракъ извѣстенъ какъ одинъ изъ главныхъ очаговъ чумы.

12) Ардабилъ—существующій и въ настоящее время городъ съ тѣмъ же самымъ именемъ въ Персидскомъ Азербейджанѣ (см. карту).

13) Фарсахъ (греч.: *παρσαχῦς*) путевая мѣра у арабовъ, равняющаяся тремъ арабскимъ милямъ или 5,6 версты.

14) Гора Сабаланъ или Саяланъ—теперь Наминъ къ сѣверо-востоку отъ Ардабиля, высотой 4536 фут. надъ уровнемъ моря.

15) Мерага—въ настоящее время городъ Персимъ съ тѣмъ же именемъ (см. карту).

16) Юсуф-ибн-Аби-Саджъ—одинъ изъ выдающихся полководцевъ при халифѣ ал-Муктадир-Биллахѣ, царствовавшемъ въ началѣ IX в. по Р. Хр.

17) Нынѣшній городъ Урмیا при озерѣ того же имени (см. карту).

18) Озеро Шурать (по другимъ спискамъ Сурать) означаетъ «озеро схизматиковъ»; названо такъ по жителямъ небольшого островка, лежащаго на этомъ озерѣ. Имя островка Кабудзанъ, почему иногда называютъ такъ и озеро. Теперь озеро называется «Урмیا» по имени города, лежащаго на западномъ берегу его. Другіе географы называютъ озеро это только «озеромъ Урмیا», не давая ему особаго наименованія.

19) См. карту. Нѣкоторые города, какъ Міане (Меяниджъ), Хуне (Хунаджъ), Хой (Хувей), Саламась, Тебризь и Муканъ, до сихъ поръ носятъ тѣ же имена.

20) Берда'а—теперь развалины, недалеко отъ селенія Барда, въ дельтѣ рѣки Тертера, праваго притока Куры. Нѣкогда въ высшей степени цвѣтущая мѣстность.

21) День пути у арабовъ равнялся 5—7 фарсахамъ, т. е. 30—40 версты.

22) Шахибаллуть—каштанъ.

23) Зукаль (по другимъ спискамъ «руваль»)—кизиль. Растетъ кустарникомъ или небольшимъ деревцомъ съ яйцевидными или эллиптическими листьями. Плодъ продолговатый вишнево-красный съ косточкой, похожей на финиковую. Изъ косточекъ въ Турціи дѣлаютъ четки. Твердая, крѣпкая древесина идетъ на мелкія подѣлки и употребляется въ часовомъ производствѣ (на

колеса), а также для музыкальных инструментовъ. Туземцы Закавказья и теперь называютъ его «зукаль».

24) «Губейра» плодъ дерева «габра» (فبر).

25) Смоквы, фиги или винныя ягоды (инжиръ) растутъ повсюду въ Закавказь въ дикомъ состояніи. Это мягкій, сочный и сладкій до приторности плодъ грушевидной формы съ массою сѣмячекъ внутри, произрастающій на толстыхъ большихъ широколиственныхъ деревьяхъ.

26) Сурмахи—шамая; это очень жирная и вкусная рыба, употребляемая преимущественно въ копченомъ видѣ. Встрѣчается на Кавказѣ въ Курьѣ и въ рѣкѣ Донѣ, но донская шамая стоитъ по своимъ качествамъ гораздо ниже куринской. Считается шамая однимъ изъ лучшихъ сортовъ рыбъ.

27) Зераканъ и ишубетъ—вѣроятно осетръ и окунь, о которыхъ упоминаютъ и другіе авторы. По всей вѣроятности это испорченныя туземныя названія рыбъ, о чемъ свидѣлствуетъ разногласіе въ начертаніи этихъ словъ въ спискахъ ал-Истахрія и въ текстахъ другихъ авторовъ (см. примѣчанія къ этимъ словамъ въ текстѣ).

28) «Ал-Кюркію»—греческое слово *χοριακός* въ арабской транскрипціи и значить: «священный». Вполнѣ понятно что арранцы, какъ христіане называли такъ Воскресеніе, которое называется у арабовъ «первымъ днемъ» недѣли («яуму-л-ахаду»). Здѣсь авторъ впадаетъ въ заблужденіе, приписывая наименованіе дня «ал-кюркію» вліянію рынка; напротивъ рынокъ такъ назывался по дню, въ который обыкновенно происходило его открытіе.

29) и 30) Бабъ-ул-Абвабъ (у персовъ: Дербендъ)—теперь Дербентъ, лежащій при Каспійскомъ морѣ. Въ настоящее время это портовый городъ Дагестанской области, на западномъ берегу Каспійскаго моря. Расположенъ на отрогахъ Табасеранскихъ горъ и замыкаетъ собою узкую береговую полосу, известную подъ названіемъ Дербентскаго прохода; это единственный удобный естественный путь для прохода изъ Предкавказья въ Закавказье. Въ древнія времена здѣсь происходили постоянныя передвиженія народовъ; хазары долгое время отвоевывали у персидскихъ Сасанидовъ этотъ проходъ, который, по уничтоженіи Сасанидской монархіи перешелъ въ руки арабовъ; полчища Тамерлана проникли черезъ него въ Предкавказье, гдѣ произошло столкновеніе

ихъ съ ордою Тохтамыша. Въ самомъ узкомъ мѣстѣ прохода съ давнихъ временъ было построено укрѣпленіе; еще классическіе писатели упоминали объ *Албанскихъ воротахъ* (*Pylae albanicae*) на западномъ берегу Каспійскаго моря; армянскіе историки говорятъ о Гунскомъ проходѣ или о вратахъ *Джора*, *Чога* или *Чола*, черезъ которыя гунны проникли въ Закавказье. Нынѣшній Дербентъ, надо думать, построенъ на этомъ самомъ мѣстѣ, что отчасти подтверждается названіемъ Дербента на лакскомъ языкѣ— *Чуруль*, а у даргинцевъ и кайтахцевъ онъ извѣстенъ подъ именемъ *Чулли*; оба эти наименованія сходны съ армянскимъ *Чога* или *Чола*. Слово Дербентъ—персидское (*дер*—дверь и *бент*—преграда, застава); у арабовъ Дербентъ называется *Баб-ул-абвабъ* (ворота воротъ) или *Баб-ул-хадидъ* (железные ворота); турецкое названіе *Темир-капыси* (железные ворота), грузинское— *Дзгис кари* (морскія ворота); всѣ эти названія ясно указываютъ значеніе города. Основаніе города, въ концѣ V или началѣ VI столѣтія, приписывается персидскому шаху Кубазу, изъ династіи Сасанидовъ; окончательная постройка стѣнъ и цитадели принадлежитъ сыну его Хосрою I Ануширвану, царствовавшему съ 531—579 годъ по Р. Хр. Владѣтелями города были большею частью персидскіе шахи, но нерѣдко городъ попадалъ въ руки хазарь, турокъ, арабовъ или сосѣднихъ властителей. Къ Россіи окончательно былъ присоединенъ по Гюлистанскому договору въ 1813 году.

Въ настоящее время Дербентъ—оригинальный, живописный городокъ, расположенный узкой полосой по склону горъ; длина его 3 версты, а ширина по берегу не превышаетъ 330 саж. съ сѣвера и юга. Дербентъ обнесенъ высокими стѣнами, которыя заканчиваются съ западной стороны цитаделью (Нарык-кале), расположенной на вершинѣ горы и обнесенной стѣной; камни, изъ которыхъ сложены стѣны, имѣютъ отъ 4½ до 6 саж. вышины и отъ 4 до 7 фут. толщины; на стѣнахъ видны арабскія и сасанидскія надписи. На протяженіи 80 верстъ къ западу отъ города видны развалины стѣнъ и башенъ, построенныхъ Ануширваномъ, какъ сообщаетъ Ибн-ал-Факихъ, арабскій географъ, при описаніи постройки стѣнъ. Близъ города мусульманское кладбище, гдѣ, по преданію, погребены 4000 мусульманъ во главѣ съ Сальман-ибн-Рабіей, убитыхъ хазарами въ первой половинѣ VII столѣтія, въ

халифатъ Османа. Оградъ Сальмана явился сюда для водворенія въ этихъ земляхъ ислама.

Главнымъ занятіемъ жителей до сихъ поръ служить садоводство. Вблизи города до 1500 фруктовыхъ и виноградныхъ садовъ.

³¹⁾ Народъ «Серира» жилъ въ нынѣшнемъ Дагестанѣ въ горахъ. *Сериръ*—значить «тронъ». О происхожденіи этого имени будетъ сказано ниже.

³²⁾ «Кяфиръ»—невѣрный, безбожникъ. Этимъ именемъ мусульмане называли всѣхъ иновѣрцевъ, кромѣ христіанъ (насара) и іудеевъ (яхудъ).

³³⁾ Страны на юго-восточномъ, южномъ и юго-западномъ побережьи Каспійскаго моря (см. карту).

³⁴⁾ О стѣнѣ см. примѣчанія ²⁹⁾ и ³⁰⁾. Хосрой I Великій—изъ династїи Сассанидовъ. Царствовалъ отъ 530 г. до 579 года по Р. Хр., въ періодъ расцвѣта персидской монархіи. Прозванъ Ануширваномъ (справедливымъ). Велъ нѣсколько счастливыхъ войнъ съ Византіей и хазарами.

³⁵⁾ Такой способъ практиковался еще въ недавнее время на Кавказѣ во время покоренія его русскими. И вообще это обычный способъ предупрежденія сосѣдей о нашествїи враговъ у горныхъ жителей всѣхъ странъ.

³⁶⁾ «Хосрой»—общее имя всѣхъ персидскихъ царей Сассанидской династїи.

³⁷⁾ Куриджъ или Курджъ—грузины, повидимому гурійцы. Остальные народы, упоминаемые въ этомъ мѣстѣ ал-Истахрімъ, обитали въ восточной части сѣвернаго Кавказа.

³⁸⁾ Тифлисъ—и теперь городъ съ прежнимъ именемъ на Курѣ. Расположенъ въ котловинѣ и раскинутъ по обѣимъ сторонамъ рѣки. Надъ городомъ на горѣ находятся развалины стариннаго укрѣпленія о которомъ, повидимому, и идетъ рѣчь у автора въ данномъ мѣстѣ. Тифлисъ здѣсь названъ пограничнымъ городомъ (сугуръ); это наименованіе относится ко всему тифлисскому округу. Такіе *сугуры*, т. е. пограничныя мѣстности окружали весь арабскій халифатъ; въ нихъ содержалось особое войско, начальникъ котораго назывался «ал-гази», т. е. руководитель набѣговъ на сосѣднія вражескія земли. Упоминаемыя у ал-Истахрія сѣрныя горячія бани существуютъ въ Тифлисѣ и въ настоящее время.

39) Джилъ или Джиланъ—прибрежная страна, лежащая у Каспійскаго моря выше Дейлема.

40) Лахзы—нынѣшніе *лаки*, какъ себя называетъ одинъ изъ горскихъ народовъ Дагестана, извѣстный у кумыковъ и у русскихъ подъ именемъ *казикумуховъ* или *казикумыковъ*. Лаки живутъ въ Казикумухскомъ, Даргинскомъ и Самурскомъ округахъ, всего 91 аулъ (около 48000 человекъ). Лаки, классическіе *Леги* (Λῆγες) въ концѣ VIII столѣтія были покорены арабскимъ полководцемъ Абу-Муслимомъ, утвердившимъ среди нихъ исламъ и отдавшимъ страну ихъ въ управленіе одному изъ потомковъ пророка, Шах-Баалу, получившему титулъ шамкала и вали (т. е. намѣстника) Дагестана. Дѣлились они, какъ мы видимъ у ал-Истахрія, на четыре класса: *хамашира*, *мишакъ*, *ал-акра* и *меганъ*. Де Гоежé предполагаетъ, что послѣдніе два класса означаютъ ремесленники (меганъ) и земледѣльцы (ал-акра), но утверждать это мы не станемъ. Вѣрнѣе это испорченныя мѣстныя имена классовъ.

41) Меджма'ал-Нахрайнъ—соединеніе или сліяніе двухъ рѣкъ, т. е. Куры и Расса (Аракса).

42) Эти незначительные города почти всѣ существуютъ, отчасти съ прежними именами, отчасти съ измѣненными.

Байлаканъ—при сліяніи Куры и Расса, теперь не существуетъ. Въ долинѣ Алазани существуетъ селеніе Байлаканъ или Бѣлоканы, основанное, повидимому, выходцами изъ стараго Байлакана, давшими имя своего родного города вновь основанному селенію.

Берзэнджъ и Варсанъ (первый на Курѣ, а второй на Араксѣ) теперь не существуютъ.

Шарванъ—теперь Шемаха, а древняя Шемахія находилась къ западу отъ Шарвана, къ р. Курѣ.

Абхазъ—теперь Куба.

Шаки—теперь Нуха. Туземцы и теперь называютъ этотъ городъ «Шаки». Нуха въ настоящее время уѣздный городъ Елизаветпольской губерніи, лежащій у подошвы Главнаго Кавказскаго хребта на высотѣ 2454 фут. надъ уровнемъ моря въ сѣверо-восточной части ущелья, по которому протекаетъ р. Киш-чай. Съ нашествія Надиръ-Шаха на Закавказье (1734—1740 г.) была столицей Шекинскаго ханства, а съ 1819 года ханство это было

присоединено къ Россіи подъ именемъ Шеккинской провинціи. Здѣсь очень развито шелководственное дѣло.

Джанза, Кенджа или Ганджа—теперь Елисаветполь. Ганджа—бывшее ханство въ Закавказьѣ, присоединенное къ Грузіи 1801 году княземъ Циціановымъ, подъ названіемъ Елисаветпольскаго округа. Гюлистанскій договоръ 12 октября 1813 года подтвердилъ присоединеніе Ганджи къ Россіи. Ганджа—ханство находилось приблизительно въ районѣ нынѣшняго Елисаветпольскаго уѣзда. Ганджа былъ главный городъ ханства, взятый штурмомъ княземъ Циціановымъ 3 января 1804 г. и переименованный въ Елисаветполь въ честь императрицы Елизаветы Алексѣевны. Циціановъ установилъ штрафъ въ 1 рубль серебромъ съ тѣхъ, кто будетъ называть этотъ городъ прежнимъ именемъ, но среди туземцевъ этотъ городъ все-таки извѣстенъ болѣе подъ именемъ Ганджа. Это былъ древній и обширный городъ, о чемъ свидѣтельствуютъ его громадныя кладбища. Онъ принадлежалъ поочередно народамъ, ведшимъ постоянныя войны на равнинѣ р. Куры. При Тигранѣ VII былъ разоренъ персами, а около половины VII вѣка арабами. Въ концѣ VII вѣка городъ былъ центромъ военныхъ дѣйствій между хазарами и арабами. Въ 1138 г. послѣ сильнаго землетрясенія, разрушившаго почти весь городъ, онъ былъ перенесенъ въ другое мѣсто. Въ концѣ XIV вѣка городъ былъ разоренъ Тимуромъ. Въ началѣ XVI вѣка много пострадалъ отъ борьбы, сопровождавшей распространеніе шиизма. Въ началѣ XVII вѣка Шахъ-Аббасъ перенесъ городъ въ нынѣ занимаемое имъ мѣсто, перевелъ сюда изъ Персіи персіянъ и азербейджанъ—татаръ и много заботился объ украшеніи и процвѣтаніи города.

Изъ древнихъ намятниковъ города сохранилась среди развалинъ стараго города «зеленая» мечеть (Гек-Месджидъ), украшенная изразцами и арабскими надписями. Мечеть имѣетъ большіе вакфы (неотчуждаемыя имущества для богоугодныхъ цѣлей), считается особо священной и въ извѣстное время года посѣщается множествомъ богомольцевъ. Другая достопримѣчательность древней Джанзы—мавзолей съ куполомъ, подъ которымъ, по преданію, похороненъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ персидскихъ поэтовъ Шейх-Низамъ (Низам-эд-Динъ). Джанза лежитъ на высотѣ 1449 фут. надъ уровнемъ моря, въ 181 верстѣ отъ Тифлиса (по-

вычисленію ад-Истахрія въ 53 фарсахъ, т. е. въ 300 вер.).

Шамкуръ—нынѣшній Шамхоръ. Въ первой половинѣ VII вѣка по Р. Хр. Сальман-ибн-Рабія покорилъ его подъ власть арабскаго халифа Османа. Послѣ того возставшіе Савардійцы (сосѣдніе обитатели) разрушили этотъ городъ, по вольноотпущенику халифа Мустасима, по имени Буг'а, турокъ родомъ, возстановилъ его и назвалъ Мутеваккилей. Лишь впоследствии городъ принялъ свое прежнее имя.

Хунанъ приблизительно на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Казахъ.

⁴³⁾ Армянская столица Товинъ или Дуинъ.

⁴⁴⁾ Кирмизъ—карминъ, кошениль, которая въ изобилии водится въ мѣстностяхъ, принадлежавшихъ древней Арменіи. Карминомъ въ Закавказьи красятъ шерсть.

⁴⁵⁾ Сумбатъ I Мученикъ—сынъ Ашуда I Великаго (859—890 г. по Р. Хр.), перваго царя армянскаго, коронованнаго халифомъ Му'тамидомъ въ 885 г. послѣ Р. Хр. Царствовалъ Сумбатъ I отъ 891 г. до 914 г. по Р. Хр. Послѣ него вступилъ на престолъ сынъ его Ашудъ II.

⁴⁶⁾ Трапезунтъ—турецкій портъ на Черномъ морѣ; прежде составлялъ часть Византійской имперіи, затѣмъ былъ самостоятельной имперіей, павшей съ нашествіемъ турокъ.

⁴⁷⁾ Нашава (у друг. авторовъ: Нахджаванъ)—нынѣшняя Нахичеванъ, уѣздный городъ Эриванской губерніи; нѣкоторые историки относятъ основаніе ея къ 1539 году до Р. Хр. Нѣсколько разъ Нашава подвергалась разоренію персами, арабами и турками; съ 1828 г. принадлежитъ Россіи по Туркманчайскому договору.

Арзанъ—Эрзерумъ.

Изъ другихъ городовъ нѣкоторые до сихъ поръ сохранили свои прежнія названія, такъ Хилать—теперь Ахлят-кале въ Турціи, Малазкердъ—Мелазгертъ, тамъ же и Бадлисъ—теперь Битлисъ въ Турціи.

⁴⁸⁾ Рассъ или ар-Рассъ—рѣка Араксъ. Арабы въ словѣ «Эрасхъ» нашли арабскій членъ «ал» и имя «рассъ» и стали звать рѣку «ар-Рассъ». Вообще нужно замѣтить, что арабы имѣли обыкновеніе приурочивать всѣ имена иностранныя къ арабскимъ, благодаря чему всегда искажали произношеніе иностранныхъ собственныхъ именъ.

49) Область Муканъ занимала нынѣшнюю Муганскую степь, а городъ Муканъ лежалъ при Каспійскомъ морѣ на мѣстѣ нынѣшней Ленкорани.

50) Здѣсь Самуромъ названа рѣка Алазань. Кромѣ того, другой Самуръ течетъ по Дагестану и до настоящаго времени называется Самуромъ. Объ этомъ другомъ Самурѣ ал-Истахрій упоминаетъ ниже въ описаніи разстояній. Быть-можетъ, эти рѣки носили одно и то же имя, и потому географы считали ихъ за одну рѣку, что весьма допустимо, если принять во вниманіе, что географы далеко не всегда сами видѣли то, что описывали.

51) Описанія животнаго, называемаго «водяной собакой» авторъ намъ не даетъ. Можно предположить, что здѣсь рѣчь идетъ о сомѣ, котораго многіе народы называютъ «водяной собакой» и мясо котораго поэтому не ѣдятъ. Баронъ В. Р. Розенъ, профессоръ арабскаго словесности С.-Петербургскаго университета, полагаетъ, что подъ «водяной собакой» можно разумѣть тюленя.

52) Мы переводимъ данное мѣсто: «озеро это велико», но по конструкціи текста понятіе «велико» можно отнести какъ къ «озеру», такъ и къ «животному». Мы болѣе склонны думать, что здѣсь дѣло касается озера.

53) Теперь озеро Ванъ; оно же называется верѣдко «озеромъ Хилать».

54) Тиррихъ—греч. *τίρριχα*—мелкая жирная рыба, довольно вкусная. Употребляется въ копченомъ видѣ.

55) Марена (*rubia tinctorum*)—крапъ, багранка, многолѣтнее травяное растеніе изъ семейства мареновыхъ. Растетъ въ дикомъ состояніи въ Малой Азій, на Кавказѣ и въ Греціи, и разводится въ Европѣ. Высушенные и необработанные корни марены называются на востокѣ *ализари* или *лизари* и содержатъ въ себѣ красящія вещества ализаринъ и пурпуринъ.

56) Диргемъ—одной двадцатой части динара; а динаръ на наши деньги=3 рублямъ, слѣдовательно диргемъ=15 коп.

57) Манъ=2 ритлямъ, а ритль вѣсомъ немного меньше одного фунта.

58) Ал-Харисъ—Большой Араратъ, а ал-Хувайрисъ—Малый Араратъ; первый высотою 16916 фун. надъ уровнемъ моря, а второй нѣсколько ниже.

⁵⁹⁾ Нижеслѣдующее описаніе растояній въ этихъ странахъ представляетъ изъ себя путеводитель для путешественниковъ. Первымъ стоитъ обозначеніе пути изъ Берда'а въ Ардабиль.

Берда'а, какъ мы упоминали, лежала въ дельтѣ Тертера, праваго притока р. Куры. Первое селеніе, встрѣчающееся на пути къ юго-востоку—Юванъ или Туманъ, а по другимъ авторамъ Дерманъ; это селеніе по мѣстоположенію соотвѣтствуетъ нынѣшнему Дейрану. Далѣе почти у слиянія Куры съ Араксомъ лежитъ Байлаканъ, отъ котораго не осталось никакихъ слѣдовъ. Еще далѣе вверхъ по теченію Аракса лежитъ Варсанъ въ устьѣ нынѣшней рѣки Кара-су, въ верховьяхъ которой находится Ардабиль. До самаго Ардабиля путь лежитъ по теченію упомянутой рѣки, при чемъ на пути встрѣчается Балхабъ или Теглабъ (соотвѣтствуетъ нынѣшнему Салби-Ага), а затѣмъ Берзендъ, приблизительно лежащій въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Элиджа.

⁶⁰⁾ Путь въ Бабъ-ул-Абвабъ представляетъ много трудностей. Сначала въ Берзенджъ внизъ по Курѣ, затѣмъ переправа черезъ Куру и остановка въ Шемахин, гдѣ, между прочимъ, какъ замѣчаетъ авторъ, нѣтъ мечети—замѣчаніе весьма важное для мусульманина. Далѣе дорога идетъ на гористой мѣстности на Шарванъ (Шемаха), на Абхазъ (Куба), и, наконецъ, въ Джасаръ-Самуръ, что въ переводѣ на русскій языкъ значитъ: «Самурская плотина». Такъ называлась дамба, по которой шла дорога черезъ самурскую долину, заливаемую водами Самура очень часто. Самуръ и въ настоящее время сильно разливается, нерѣдко размывая полотно желѣзной дороги.

⁶¹⁾ Діяр-Рабія—область въ Джазирѣ.

⁶²⁾ Путь въ Тифлисъ идетъ все время по правому берегу рѣки Куры. Встрѣчающійся на пути городъ Хунанъ, носить кромѣ того, имя «Кал'ат-Турабъ».

⁶³⁾ Изъ Берда'а въ Дабиль (Товинъ) путь идетъ вверхъ по Тертеру, далѣе черезъ горы, огмбая озеро Севанга (Гокча), по рѣкѣ Араксу, а затѣмъ по р. Занга до Дабиля (Товина), развалины котораго находятся недалеко отъ Эривани.

⁶⁴⁾ Первые два перехода на пути изъ Ардабиля въ Зенджанъ идутъ по землямъ Азербейджана, а далѣе надо переправиться черезъ рѣку Сабид-рудъ у Кантара-Сабидрудъ, что въ переводѣ на русскій языкъ значитъ: «каменный мостъ Сабидруда».

65) Меяниджъ и Хунаджъ теперь носятъ названія Міане и Хуне. Куль-сере или Лук-сере въ 16 верстахъ отъ Хуне. О громадной, превышающей даже всякія вѣроятія, ярмаркѣ въ этомъ мѣстечкѣ упоминается и у другихъ авторовъ. Мечети не было, вѣроятно, потому, что собирався народъ въ Куль-сере только въ опредѣленное время, а въ остальное время мѣстечко пустовало.

66) Дорога въ Амидъ идетъ почти черезъ весь Азербейджанъ и черезъ всю Арменію. Амидъ—самый сѣверный городъ Джазиры.

67) Изъ Мераги въ Дабиль дорога идетъ сначала до Урміи, города, огибая озеро, а затѣмъ на сѣверъ черезъ Хувей до Нахичевани, и, наконецъ, по р. Араксу и р. Зангъ до Дабилы.

68) На этомъ заканчивается глава объ Арменіи, Арранѣ и Азербейджанѣ. Немного неясно у ал-Истахрія описаніе западной и сѣверо-западной части этой мѣстности. Въ только что приведенномъ путеводителѣ ал-Истахрія мы замѣчаемъ значительную разницу между даваемыми авторомъ расстояніями и дѣйствительными, которыя можно разсчитать въ настоящее время, напр. между Джанза и Тифлисъ 181 верста, а ал-Истахрій даетъ 300 в. Это легко объясняется тѣмъ, что люди разстоянія измѣряли ходомъ верхового животнаго. Арабы, живя на равнинѣ, проходили свои разстоянія скорѣе, чѣмъ путешествуя въ гористыхъ мѣстахъ Кавказа, гдѣ разстояніе дѣйствительно могло показаться гораздо большимъ, чѣмъ было на самомъ дѣлѣ; къ измѣренію разстоянія другими способами арабы рѣдко прибѣгали.

69) Хазарское море—нынѣшнее Каспійское. Какъ сообщаютъ арабскіе географы, оно совершенно изолировано отъ другихъ морей и не соединяется ни съ однимъ изъ нихъ посредствомъ какого-либо пролива; но нѣкоторые географы, какъ напр. Мас'уди, сообщаютъ о существованіи въ хазарской землѣ пролива, или канала, соединявшаго Итиль (Волгу) съ Дономъ. Мас'уди очень подробно описываетъ этотъ проливъ въ разсказѣ о нашествіи Русовъ на Закавказье. Проливъ этотъ, по описанію географовъ, приблизительно въ томъ мѣстѣ, гдѣ Волга наиболѣе приближается къ Дону, а, можетъ-быть, и нѣсколько ниже.

70) Въ Каспійскомъ морѣ существовалъ большой островъ, по имени Сіах-кухъ (черная гора). Островъ этотъ лежалъ въ сѣверной части Каспійскаго моря и былъ покрытъ, какъ передаетъ ал-Истахрій, деревьями и кустарникомъ и богатъ источниками и

животными. Точно опредѣлить мѣстоположеніе этого острова невозможно, но вѣроятно, что это былъ нынѣшній полуостровъ Маягишлакъ, отдѣленный отъ суши проливомъ, теперь исчезнувшимъ, или же нынѣшній о. Тюлений (Колалы).

71) Море Кульзумъ—Черное (Красное) море, а подъ именемъ Персидскаго моря былъ извѣстенъ нынѣшній Персидскій заливъ и прилегающая къ нему часть Индійскаго океана.

72) Румскимъ моремъ называлось Средиземное море, а иногда Черное, хотя послѣднее часто носить названіе Бунтусъ (Pontus), Нитасъ, и даже Хазаръ.

73) Дельта р. Куры и нѣкоторые мелкіе острова въ заливѣ Бзыл-агачъ.

74) Мы пропускаемъ здѣсь описаніе пути по восточному берегу Каспійскаго моря отъ Абаскуна до Итиля.

75) Абаскунъ—прежде значительный полуостровъ на восточномъ берегу Каспійскаго моря, теперь почти совершенно исчезнувшій, находившійся близъ залива Балханскаго.

76) Островъ Руссійскій, упоминаемый у Якута, лежалъ противъ Баку; это тотъ самый островъ, на которомъ расположились въ 913 году Руссы при своемъ вторженіи въ Закавказье. Тамъ они прожили около двухъ лѣтъ, по временамъ сѣвзяя для грабежа на берегъ. По ихъ удаленіи островъ сталъ называться въ память ихъ Руссійскимъ.

77) Итиль, Хамлиджъ или Амуль, столица хазарскаго царства, лежалъ на мѣстѣ нынѣшней Астрахани или немного выше. Ал-Истахрій говоритъ о двухъ частяхъ города, а у другихъ арабскихъ писателей упоминается и третья часть, находившаяся на островѣ и служившая мѣстопребываніемъ царя и хакана.

78) Находившіеся въ Итилѣ мусульмане были переселенцы изъ различныхъ мусульманскихъ государствъ. Одни изъ нихъ занимались торговлей, а другіе служили въ рядахъ войскъ, гдѣ они за свою смѣлость и расторопность очень цѣнились. Кромѣ мусульманъ-переселенцевъ, были и мусульмане-туземцы, такъ какъ многіе язычники принимали исламъ; но, несмотря на обиліе мусульманъ въ земляхъ хазаръ, первенствующее значеніе принадлежало іудейской религіи. Это объясняется тѣмъ, что хазары, принявъ во главѣ со своимъ царемъ и знатью іудейскую религію еще до знакомства съ исламомъ, ставили іудейство выше ислама, какъ-

религии новой и пришлой. Тѣмъ не менѣе мусульмане, христіане, іудеи и язычники, при различіи религіозныхъ воззрѣній, относились другъ къ другу съ большимъ уваженіемъ; единственно только въ случаѣ войны хазарь съ мусульманами другихъ странъ хазары-мусульмане держались въ сторонѣ и даже не выступали въ походъ, а тѣмъ болѣе не вступали въ сраженіе.

79) Далекое не всѣ арабскіе писатели указываютъ одинаковое количество войска у хазарь. Отрядъ, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, былъ, повидимому, гвардіей царя хазарь и былъ сформированъ по образцу отряда «безсмертныхъ», состоявшаго при древнихъ персидскихъ царяхъ. Жалованья воины не получали, по ихъ содержали остальные жители Итиля, которыхъ это войско защищало въ случаѣ необходимости.

80) На заставахъ хазарскаго царя, находившихся при всѣхъ путяхъ и дорогахъ, взыскивалась обыкновенно съ проѣзжихъ купцовъ десятина со всего, что провозилось или проводилось черезъ хазарскія земли, а въ виду того что торговля русскихъ и мусульманскихъ купцовъ играла въ тѣ времена немаловажную роль и путь между этими странами лежалъ черезъ землю хазарь, то и доходы хазарскаго царя являлись очень солидными. Десятина (у'шрѣ) была обычной пошлиной со всѣхъ предметовъ ввоза и вывоза.

81) Утверждая, что бобровыя шкуры добываются исключительно въ рѣкахъ руссовъ и болгарь, ал-Истахрій желаетъ опровергнуть ошибочное мнѣніе, существовавшее среди мусульманъ, что, кромѣ того, бобровыя шкуры вывозятся изъ Андалузін, т. е. Испаніи и Франціи. Ал-Истахрій желаетъ сказать, что и андалузскіе бобры происходятъ изъ русскихъ рѣкъ. Дѣйствительно очень немногіе арабскіе писатели знали о существованіи торговаго пути между Русью и Западной Европой. Проникая въ послѣднюю, бобровыя шкуры шли, въ большинствѣ случаевъ, уже въ обработанномъ видѣ снова на востокъ, но уже по Средиземному морю, что легко вводило въ заблужденіе лицъ, мало знакомыхъ съ чужими землями. Кромѣ бобровыхъ шкуръ, черезъ земли хазарь шли на Востокъ шкуры лисьи, куньи и песцовыя, но преимущество отдавалось бобровымъ шкурамъ, цѣнившимся на Востокѣ довольно высоко.

82) Теченіе Итиля, или Волги, описано ал-Истахріемъ не совсемъ точно, что объясняется знакомствомъ автора съ этой рѣкой

только по слухамъ и по сообщеніямъ купцовъ и путешественниковъ. Въ своемъ описаніи онъ говоритъ очень часто: «какъ я узналъ, какъ говорятъ». Народъ *хирхизъ*—киргизы, хотя мало вѣроятія, чтобы они когда-либо жили у истоковъ Волги. Упоминаемая ниже рѣка Джайхунъ—это Оксъ, или Аму-Дарья.

⁸³⁾ Семендѣрь, повидимому, находился на мѣстѣ нынѣшняго Петровска или сел. Тарки. Мѣстность вокругъ него и теперь отличается плодородіемъ и обиліемъ виноградниковъ.

⁸⁴⁾ Народъ Серира принялъ христіанство около VI вѣка. Настоящее имя этого народа неизвѣстно; можетъ быть, это были нынѣшніе лезгины, живущіе теперь на земляхъ Серира. Лезгины тоже были нѣкогда христіане; у нихъ былъ нѣкогда, какъ они говорятъ, нуцаль (ханъ) Суракатъ, сначала ревностный христіанинъ; онъ велъ удачныя войны съ арабами, и даже какъ-то одержалъ надъ ними блестящую побѣду, но въ результатѣ все-таки смирился и принялъ мусульманство, а его примѣру послѣдовалъ и весь его народъ.

Здѣсь необходимо выяснитъ, какое отношеніе имѣлъ тронъ персидскаго царя къ странѣ Серира. Слово «сериръ» на арабскомъ языкѣ значить «тронъ». Мас'уди въ своемъ сочиненіи «Лука золота и рудники драгоценныхъ камней» сообщаетъ, что послѣ завоеванія Персіи арабами въ началѣ VII вѣка династія персидскихъ царей Сассанидовъ прекратила свое существованіе. Послѣдній царь изъ этой династіи, по имени Ездеджердъ, бѣжалъ отъ арабовъ, а впереди себя послалъ челоуѣка изъ потомковъ Бахрам-Джубина со своей казной и золотымъ трономъ. Яздеджердъ былъ убитъ въ Хоросанѣ, а посланный его прибылъ вмѣстѣ съ трономъ и богатствами въ нынѣшній горный Дагестанъ, гдѣ и сдѣлался царемъ обитавшаго тамъ народа. Самъ царь сталъ именоваться: «Сахиб-ас-Сериръ», а его подданные—народомъ Серира. Власть надъ этимъ народомъ сдѣлалась наследственнымъ достоинствомъ фамилии этого потомка Бахрам-Джубина. Самъ Бахрам-Джубинъ былъ полководцемъ царя персидскаго Ормузда; въ 590 г. по Р. Хр. онъ возмутился противъ царя и убилъ его, но вскорѣ самъ былъ разбитъ на-голову византійскимъ императоромъ Маврикіемъ, возвратившимъ престолъ прежней династіи.

⁸⁵⁾ Бургасы (по Мас'уди и ал-Балхию) жили выше хазаръ по Волгѣ. Городовъ они не имѣли, а жили мелкими поселками,

разбросанными по долинам рѣки. Языкъ ихъ не сходенъ съ языками хазаръ и болгаръ. У Ибн-Рустѣ мы находимъ цѣлую главу, посвященную описанію этого народа. Онъ говоритъ, что буртасы жили въ 15 дняхъ пути отъ хазаръ вверхъ по Волгѣ, были подчинены царю хазаръ и отличались красотой и воинственностью. Занимались они земледѣліемъ, но главное ихъ богатство медь и лисьи мѣха, извѣстные у арабовъ подъ именемъ «буртасскихъ лисьихъ мѣховъ». Сначала буртасы были язычниками, но затѣмъ приняли исламъ и вели постоянную борьбу съ русскими. Профессоръ Хвольсонъ предполагаетъ, что буртасы жили по берегу р. Оки при впаденіи ея въ Волгу. Вопросъ о народности буртасъ и о ихъ принадлежности къ тому или другому племени до сихъ поръ остался не выясненнымъ.

⁸⁶⁾ Многие считали, что всѣ эти продукты шли непосредственно отъ хазаръ, на самомъ же дѣлѣ, какъ то подтверждаетъ и ал-Истахрій, все это только проходило черезъ руки хазаръ или просто провозилось иностранными купцами черезъ ихъ земли. Въ основномъ текстѣ изданія de Goeje стоитъ слово *зибакъ*, что значить «ртуть», въ числѣ продуктовъ, вывозимыхъ отъ хазаръ; мы сомнѣваемся, чтобы здѣсь дѣйствительно шла рѣчь о ртути, и болѣе склонны признать заслуживающимъ вниманія вариантъ списка Д, гдѣ стоитъ *дакыкъ*—*рабы*, и списка Е, гдѣ стоитъ *бердэ*—*рабы*.

⁸⁷⁾ Хаканъ (въ русской литературѣ: *каганъ*) былъ священной личностью у хазаръ; онъ пользовался большимъ почетомъ и неприкосновенностью. Онъ, какъ говоритъ Иби-Хаукаль, назначалъ царя, но не вмѣшивался въ дѣла управленія, велъ замкнутую жизнь въ своемъ дворцѣ среди женъ, и беспокоили его только въ особо важныхъ случаяхъ.

⁸⁸⁾ Здѣсь мы выпускаемъ описаніе народовъ, жившихъ въ средней полосѣ Россіи и по теченію р. Волги выше хазаръ.

⁸⁹⁾ Дигистанъ, лежавшій на восточномъ берегу Каспійскаго моря на мѣстѣ нынѣшняго Усть-Урта, не должно смѣшивать съ нынѣшнимъ Дагестаномъ.

⁹⁰⁾ Здѣсь заканчиваетъ ал-Истахрій описаніе мѣстностей, прилегающихъ къ Кавказу. Конецъ настоящей главы представляетъ описаніе разстояній между землями, лежащими къ сѣверу отъ хазаръ.

Нельзя не замѣтить, что свѣдѣнія, даваемые ал-Истахріемъ, далеко не всегда точны; эти неточности и сбивчивыя показанія за-

висятъ отъ того, что географы многое описывали, основываясь на сообщеніяхъ купцовъ и случайныхъ путешественниковъ. Особенно въ этомъ отношеніи страдаютъ имена странъ, городовъ и народовъ. Въ каждомъ чуждомъ словѣ арабскій писатель старался найти созвучіе съ арабскимъ словомъ и искажалъ слышанное имъ иностранное слово; переписчики тоже исправляли текстъ по своему усмотрѣнію, считая себя въ нѣкоторыхъ случаяхъ болѣе компетентными, результатомъ чего и являлось искаженіе слова до неузнаваемости. Къ сожалѣнію, почти всѣ труды арабскихъ писателей сохранились въ спискахъ, нерѣдко противорѣчащихъ другъ другу (это видно изъ подстрочныхъ примѣчаній приводимыхъ нами), или даже только въ извлеченіяхъ, а самые подлинники утеряны. Во всякомъ случаѣ большая часть свѣдѣній, даваемыхъ арабами, имѣетъ значительную цѣнность.

Н. А. Карауловъ.

ЕДИНИЦЫ ЦѢННОСТИ У ПЕРВОБЫТНЫХЪ НАРОДОВЪ*).

Археологическими и историческими изысканіями установлено, что у первобытныхъ народовъ не было опредѣленныхъ знаковъ цѣнности: металлическихъ денегъ не могло быть у нихъ потому, что съ обработкой металловъ они познакомились уже въ позднѣйшій періодъ своей жизни; купля-продажа также не имѣла у этихъ народовъ того значенія, которымъ она стала пользоваться въ послѣдующее время. Кромѣ того, первобытные народы въ торговлѣ не имѣли и надобности, такъ какъ они сами приготавливали все необходимое для себя изъ тѣхъ матеріаловъ, какіе были у нихъ подъ руками, какъ это извѣстно относительно многихъ некультурныхъ народовъ не только Африки, Америки и Австраліи, но и древнихъ европейскихъ и азіатскихъ народовъ. Не говоря о жизни дикарей разныхъ странъ, упомянемъ, что еще у грековъ въ эпоху Гомера (Иліада VI, 490—491), а у евреевъ даже и при Соломонѣ (Прит. XXXI) женщины своими руками пряли шерсть и ленъ и ткали на всю семью матеріи для одежды и ковры для дома своего¹⁾. То же было у древнихъ арабовъ и другихъ народовъ. О другихъ сторонахъ первобыт-

*) Читано въ собраніи членовъ Туркестанскаго Кружка любителей археологіи 19 марта 1901 г.

¹⁾ Нѣтъ сомнѣній, что ткацкое искусство у евреевъ было извѣстно еще при Авраамѣ; но важно здѣсь замѣтить, что представитель культурнаго періода еврейской исторіи, царь Соломонъ, ставилъ идеаломъ доброй жены—умѣнье пряхать и ткать собственными руками.

ной жизни европейских и азиатских народов можно судить по описаниям их домашнего быта, переданным в сочинениях древних греческих и римских историков, средневековых и современных европейских путешественников и миссионеров, посещавших отдаленные и малоизвестные страны Азии, Африки, Австралии и Америки. Наш отечественный летописец упоминает о „звериных обычаях“ некоторых славянских племен в догосударственный период их жизни.

Средневековые арабские путешественники и Марко-Поло (XIII в.), а равно и недавно скончавшийся Н. М. Пржевальский передают то же самое о народах центральной Азии. Христианские миссионеры отмечают, кроме того, низкую степень умственного и нравственного религиозного развития полудиких племен Африки, Америки и Австралии. Все эти народы, в зависимости от климата, почвы и др. физических условий, ведут очень несложный образ жизни и стараются обходиться во всем собственными средствами. Жилща, одежда, обувь, пища, домашняя обстановка и необходимые орудия их—жалкие, но удовлетворяют их неразвитым потребностям. Звероловы, скотоводы и земледельцы живут сообразно с главным своим занятием, обуславливаемым физическими свойствами занимаемых ими местностей. Скотоводы, подобно монголам XIII в. (Марко-Поло гл. XXXVI), питаются мясом и молоком своих животных, а также дичью, которую убивают на охоту. Народы, живущие близ рек и озер, подобно лобь-порцам Пржевальского (четвертое путешествие) питаются, главным образом, рыбой вареной и сушеной. Земледельческие народы, кроме продуктов, доставляемых домашним скотом, употребляют в пищу плоды своих полей и огородов. Звероловы находят себе пищу в мясе диких животных и в дикорастущих плодах. Подобно индейцам, первобытные народы из шкур жи-

вотныхъ сами приготовляли себѣ одежду и обувь, какъ объ этомъ можно судить по описаніямъ только что названныхъ Марко Поло и Пржевальскаго. Собственными средствами первобытные народы приготовляли себѣ жилища и всѣ необходимыя домашнія орудія и принадлежности охоты и потому въ покупкѣ такихъ предметовъ не нуждались; не было надобности у нихъ и въ денежныхъ знакахъ, такъ какъ въ рѣдкихъ случаяхъ обмѣна они пользовались предметами и продуктами, находившимися у нихъ въ непосредственномъ распоряженіи. Эм. де-Лавеле¹⁾ говорить, что „простѣйшей формой обмѣна служитъ мѣна товара на товаръ, во времена доисторическія употреблявшаяся исключительно и существующая среди дикарей еще и въ настоящее время: за свинью дикарю даютъ топоръ, а за корзину банановъ—гвоздь. По словамъ одного римскаго юриста, всякій, сообразно съ требованіями времени и обстоятельствъ, промѣнивалъ то, что для него было не нужно, на то, что было для него полезно, такъ какъ часто случается, что одинъ въ изобиліи имѣетъ то, въ чемъ другой нуждается“. Рельефный примѣръ такого обмѣна указанъ еще въ Илиадѣ (VII, 472—475): „...мужи ахейскіе мѣной вино покупали; тѣ—за звенящую мѣдь, за съдое желѣзо мѣняли: тѣ—за воловыя кожи, или за воловъ бруторогихъ; тѣ—за своихъ полоненныхъ“. Въ другихъ мѣстахъ Гомеръ точно обозначаетъ условную стоимость обмѣниваемыхъ предметовъ: золотой доспѣхъ Главка стоялъ *сто* тельцовъ, а мѣдный доспѣхъ Діомеда—только *девять*²⁾ тельцовъ (Илиада, VI, 235—236). Воспѣвая похоронную тризну по случаю смерти Патрокла, поэтъ рассказываетъ, что сынъ

¹⁾ Основанія Политической экономіи. Перев. Н. Свядковскаго. Москва, 1897. Стр. 188.

²⁾ Отсюда нельзя еще заключать, что греки гомеровскаго періода цѣнили золото въ 11 разъ дороже мѣди, потому что размѣры и вѣсъ золотого и мѣднаго доспѣховъ могли быть неодинаковы.

Пелеевъ, назначивъ борьбу, выставилъ для борцовъ награды: для побѣдителя — огромный мѣдный для разведенія огня треножникъ, который аргивяне оцѣнили въ *двадцать* воловъ, а въ награду побѣжденному — юную плѣнницу-руководьльницу, которую оцѣнили въ *четыре* вола (Илиада, XIII, 700 — 705). Въ Одиссеѣ (I, 428—432) Гомеръ далъ другой примѣръ оцѣнки рабыни, когда говоритъ, что Лаерть, отецъ Одиссея, купилъ себѣ Евриклею, дочь Опса, когда она была еще млада, заплативъ за нее *двадцать* воловъ, и считалъ ее у себя въ домѣ одинаково со своею хлопотливою супругою¹⁾.

Изъ этихъ примѣровъ видно, что греки гомеровскаго периода определенной единицей цѣнности считали воловъ и тельцовъ. У древнихъ римлянъ, подобно грекамъ, предметы малоцѣнные оплачивались *овцами*, а болѣе цѣнные — быками. И. Тейлоръ²⁾ замѣчаетъ, что заключенія лингвистической палеонтологіи сходятся съ заключеніями до-исторической археологіи: древніе арійцы до своего раздѣленія были неолитическимъ народомъ и вели скорѣе пастушескую, чѣмъ земледѣльческую жизнь. Богатство ихъ состояло въ стадахъ животныхъ, почему общее названіе *скота*, въ санскритскомъ, зендскомъ, латинскомъ, литовскомъ и нѣмецкомъ языкахъ про-

¹⁾ Происхожденіе арійцевъ и до-историческій человекъ. Москва, 1897. Стр. 153 и сл.

²⁾ Въ „Русской Правдѣ“ (изд. Н. Калачовымъ; Спб. 1889) читаемъ по Академическому списку:

Ст. 14. Аще гдѣ възыщеть на друзѣ проче, а онъ ся запрати почнеть: то ити ему на изводъ предъ 12 человекъ, да аще боудеть обида не вдалъ боудеть. достоинно емоу свои скотъ, а за обиду 3 гривнѣ?

Ст. 15. Аще кто челядникъ пояти хоцеть, познавъ свои, то къ оному вестн, оу кого та боудеть коупилъ, а тои ся ведеть о другомоу, даже доведеть до третьего, то рци третьемоу: вдан ты мнѣ свои челядинъ, а ты своего скота ищи при видоцѣ.

Ст. 17. А иже изломить копые, любо щить, любо портъ, а начнеть хотѣти его деръжати оу себе, то приати скота оу него; а иже есть изломилъ, аще ли начнеть примѣтати, то скотомъ емоу заплатити, колько далъ боудеть на немъ.

исходятъ отъ корня *pac*—связывать, привязывать, откуда латинское *recus*, послужившее потомъ основаніемъ для *recupia*—деньги. Въ готскомъ языкѣ „*скагъ*“ и въ русскомъ „*скотъ*“ означаютъ стадо и казну, въ нѣм. яз. „*шатцъ*“ также—казна. Санскритское „*рупія*“, служащее названіемъ современной серебряной монеты въ Индустанѣ и Авганпстанѣ, происходитъ отъ „*рупа*“ скоть. ¹⁾ На нѣкоторыхъ греческихъ и римскихъ монетахъ было изображеніе быка, какъ указаніе на то, что въ древнее время это животное служило для арійцевъ единицею цѣнности при обмѣнѣ однихъ предметовъ на другіе. Доказательства этого мы уже видѣли въ твореніяхъ Гомера, а подтвержденіе естественности такого способа обмѣна находимъ и у современныхъ намъ кочевниковъ-скотоводовъ. Монголы, киргизы и разные другіе инородцы Сѣверной Россіи и Сибири и до сихъ поръ при покупкахъ на мѣстѣ расплачиваются своимъ *скотомъ*, при чемъ киргизы меньшей единицей цѣнности считаютъ *барана*. Числомъ барановъ киргизы опредѣляютъ стоимость и другихъ животныхъ. Двухгодовалый жеребенокъ (тай) цѣнится *тремя* баранами, трехлѣтній (гупав)—*пятью* баранами, а пятилѣтній (бишли)—*семью* баранами подобно тому, какъ у древнихъ римлянъ стоимость вола приравнивалась цѣнности *десяти* (*пяти*?) овецъ. Даже осѣдлые жители нашихъ кншлаговъ (сарты) нерѣдко ведутъ между собою расчетъ въ домашнихъ сдѣлкахъ *быками*. При покупкѣ привозныхъ товаровъ кочевникъ, по необходимости, устанавливаетъ стоимость покупаемаго предмета по взаимному соглашенію съ продавцомъ.

Домашній скоть, служившій первобытнымъ народамъ средствомъ обмѣна, представлялъ большія неудобства тѣмъ, что не могъ быть сохраняемъ безъ расходовъ на его прокормъ и на уходъ за нимъ, и тѣмъ, что подверженъ разнымъ случай-

¹⁾ Стало-быть, и русский *рубль* (Горяевъ, Сравнит. этим. словарь русск. яз. Тифлисъ. 1896 г.).

ностямъ и болѣзнямъ, особенно во время эпизоотій, когда цѣнность скота можетъ вдругъ сильно измѣниться. Кроме того, скотъ можетъ быть пригоденъ для мѣны только въ тѣхъ случаяхъ, когда находится въ соответствіи со стоимостью вымѣниваемыхъ предметовъ; между тѣмъ животныя одной и той же породы имѣютъ неодинаковую цѣнность въ зависимости отъ пола, лѣтъ, здоровья, силы, роста и даже масти и не могутъ быть дѣльны на части безъ того, чтобы не поступить тотчасъ же въ потребление и обезцѣниться. Съ другой стороны, одни домашнія животныя цѣнились по своей рабочей силѣ, другія—какъ дающія питательное мясо, а третьи—за пригодную въ домашнемъ обиходѣ шкуру (овцы). Шкуры овецъ поступали въ обмѣнъ по условной стоимости каждой отдѣльной штуки, а въ случаѣ малоцѣнности—десятками и сотнями. Бараньи шкурки еще въ XIII в. замѣняли жителямъ Феррарскихъ острововъ деньги, а въ Средней Азійи и до сихъ поръ не только мелкія бараньи шкурки, но и шкуры крупнаго рогатаго скота и конныя продаются десятками и сотнями. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ объектомъ обмѣна служатъ уже деньги, но для продавца-собственника цѣнность опредѣляется предлагаемымъ имъ товаромъ, какъ символомъ древняго способа мѣны живого скота на продуктъ чужеземнаго производства

Подобно этому, народы, живущіе охотой на пушныхъ звѣрей, какъ въ древности, такъ и въ настоящее время, употребляютъ въ значеніи денегъ шкурки бобровъ, лисицъ и бѣлокъ: въ Сѣв. Америкѣ преимущественно употребляется шкурка бобра какъ единица цѣнности, а у инородцевъ Сѣв. Сибири—соболь ¹⁾ и бѣлка ²⁾. Арабскій путешественникъ X в.

¹⁾ Въ Омскѣ въ 1621 г. 1 соболь=1/2 бобра, 1 козлаку, 1/2 лисицы „лиственничной цвѣтъ“, 1/2 лисицы чернубурой, 1/2 красной лисицы, 1 куница и т. д. Въ Якутскомъ уѣздѣ въ 1655 г. 1 соболь приравнивался 1 лисицѣ черночеревой, или 2-мъ лисицамъ краснымъ. Плохой соболь цѣ-

Ибнъ-Даста видѣлъ у волжскихъ болгаръ въ обращеніи вмѣсто денегъ куньи шкурки, по 2¹/₂ диргема (45 коп.) каждая. Скандинавы расплачивались шкурками разныхъ пушныхъ звѣрей даже за оскорбленія: за брань платили лисью шкуру, за пощечину—бунцу, а за болѣе тяжкое оскорбленіе—соболя. Въ русскихъ грамотахъ, лѣтописяхъ и писцовыхъ книгахъ XIV—XVI вв. упоминаются шкурки бѣлокъ, служившія денежною единицей и цѣнившіяся по двѣ деньги каждая. Такъ, игумень Михайловскаго Новгородскаго монастыря (1389—1414) обязался уплатить за купленную имъ землю „*семь рублевъ, считая по сто бѣлокъ за рубль*“. Въ 1553 году въ Пермской Уставной грамотѣ сказано: „за тысячу чтыреста бѣлокъ чтырнадцать рублей, по двѣ деньги за бѣлку“. Такая цѣнность бѣлокъ продержалась въ Сибири до конца XVII в., а у вогуловъ бѣлка и до настоящаго времени означаетъ копейку, а сто бѣлокъ рубль¹⁾. У турецкихъ инородцевъ Россіи копейка переводится словомъ *тинъ* (тѣн), означющимъ *бѣлку*. Изъ времени древне-новгородской торговли извѣстно также, что пріуральскіе инородцы платили за покупаемыя у торговцевъ металлическія издѣлія (ножи, топоры, котлы) шкурками пушныхъ звѣрей, при чемъ ловкій торговецъ выпрашивалъ за топоръ такую шкуру, которая могла заполнить собою отверстіе для топорща, а въ котелъ, по предложенію продавца, пакладывались шкурки разныхъ пушныхъ звѣрей доверху.

Съ теченіемъ времени шкурки пушныхъ звѣрей стали

шли въ 1652 г. по мѣшѣ, какъ въ 1 р. 50 к. (П. Буцилскій. Заселеніе Сибири и пр. Харьковъ 1889, стр. 313 и 317. Въ Изслѣдованіи Лаппо-Давилевскаго „Организація прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ.“ С.-Петербургъ, 1890. Стр. 420.

¹⁾ Записки Приамурскаго отдѣла И. Р. Г. О. (Хабаровскъ. 1899) т. V. вып. 1. Камчатка и ея обитатели, стр. 122. Полит. экономія въ связи съ финансами. Л. В. Ходскаго, стр. 88.

¹⁾ Энциклоп. словарь Брокъ и Ефрона, подъ сл. „Бѣлка“ и „Деньги“.

замѣняются частями ихъ, какъ символами; таковы были извѣстные въ древней Россіи «буны мордки».

Отъ шкурокъ пушныхъ звѣрей и замѣнившихъ ихъ головокъ (мордокъ) былъ переходъ къ кожанымъ деньгамъ, употреблявшимся въ Скандинавіи и древнемъ Кароленѣ. По словамъ Летурно, кароленяне придумали монету изъ небольшого предмета (величиною съ монету въ четыре драхмы), которую обертывали кускомъ кожи. Эта кожаная обертка была запечатана¹⁾. Можетъ-быть, къ разряду кожаныхъ денегъ нужно отнести древне-русскія «рѣзаны» и «куны»²⁾.

Были ли въ употребленіи у первобытныхъ народовъ каменные или глиняныя деньги, утверждать не смѣю, а предполагать могу. Въ числѣ находимыхъ мною и другими въ древнихъ моплахъ кружочкахъ съ отверстіемъ въ срединѣ можно, мнѣ кажется, видѣть образцы денежныхъ знаковъ народовъ каменнаго вѣка. На Каролинскихъ островахъ наиболѣе употребительною единицею цѣнности служитъ „доу“, состоящая изъ большихъ кусковъ бѣловато-желтаго известняка, въ видѣ жернововъ отъ $\frac{1}{8}$ до 2 м. въ поперечникѣ и дюнсволькихъ тоннъ вѣса.

У Марко-Поло есть описаніе древнихъ бумажныхъ денегъ, употреблявшихся въ его время (въ XIII в.) въ г. Камбалу, во владѣніяхъ Великаго монгольскаго хана. Объ этихъ деньгахъ онъ рассказываетъ такъ: ханъ приказываетъ снимать кору съ такихъ шелковичныхъ деревьевъ, которыхъ листья служатъ пищею шелкопичнымъ червямъ, и брать ея тонкую внутреннюю кожицу, что между грубѣйшею корою и древесною. Потомъ велитъ мочить ее, а послѣ растирать, пока она сдѣлается кашей, изъ которой и выдѣлываютъ бумагу. Она похожа на ту, какую дѣлаютъ изъ хлопчатника,

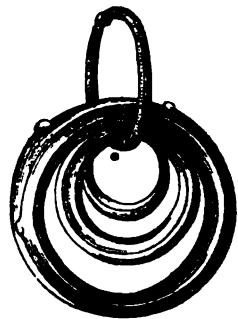
¹⁾ Эволюція собственности. Рус. пер. въ „Рус. Богатствѣ“ за 1890 г. III, стр. 387.

²⁾ Энциклопед. словарь Брокгауза и Ефрона, подъ словомъ «Куна».

но совершенно чернаго цвѣта. Когда бумага готова, ее разрѣзываютъ на куски различной величины, почти четверугольныя, впрочемъ, иногда болѣе въ длину, чѣмъ въ ширину. Самый маленькій изъ нихъ ходитъ за малый грошъ, нѣсколько большій за венеціанскій серебряный грошъ, другой за два гроша, потомъ есть въ 5 и 10; другіе куски ходятъ по одному, по два, по три и даже по 10 золотыхъ византиновъ. Всѣ эти бумажки такой великолѣпной и тонкой работы, какъ будто бы онѣ приготовлены изъ настоящаго серебра и чистаго золота. Чиновники, нарочно для этого поставленные, не только выставляютъ свои имена на всякой бумажкѣ, но и прикладываютъ къ ней свои печати; когда же всѣ они по порядку сдѣлаютъ это, главный монетчикъ, приставленный ханомъ, опускаетъ въ киноварь вѣренную ему печать и прикладываетъ ее къ бумажкѣ, на которой потомъ и выходитъ красное круглое клеймо. Такимъ образомъ, бумажка получаетъ силу настоящей монеты; а кто сталъ бы поддѣлывать ее, тотъ наказывается, какъ самый важный преступникъ. Когда множество бумажекъ съ такими печатями пущено въ обращеніе по всему царству Великаго хана, никто, подѣ страхомъ смертной казни, не смѣетъ не принимать ихъ. Всѣ его подданные берутъ ихъ немедленно, потому что вездѣ, куда бы ни привели ихъ дѣла, они покупаютъ за нихъ товары, какъ бы за жемчугъ, алмазы, золото или серебро; короче сказать, за нихъ можно имѣть всѣ товары, какихъ только захочешь. Въ Пекинѣ бумажныя деньги были введены въ обращеніе еще при ханѣ Октаѣ, который въ этомъ случаѣ только послѣдовалъ примѣру китайской династіи, предшествовавшей Чынгисъ-хановой. Въ 1234 году тамъ дѣлали бумажныя деньги, которыя назывались „чао“. Къ нимъ прикладывалась печать пу-чинъ-се, или главнаго казначея области, и тогда онѣ получали совершенную цѣну. Ханъ Кублай прибѣгнувъ къ бумажнымъ деньгамъ по примѣру госуда-

рей изъ династіи Сунгъ, даже изъ династіи Тангъ, которые начали выдавать бумажныя деньги, такъ что онѣ извѣстны были въ Китаѣ еще за 200 лѣтъ передъ тѣмъ. Осмотрительность и предосторожности, употребляемыя на всякій случай Кублаемъ при способѣ выпуска бумажныхъ денегъ, показываютъ, что этому уже предшествовалъ вѣковой опытъ. Во время Марко-Поло бумажныя деньги были въ обращеніи и въ другихъ мѣстностяхъ имперіи монгольскаго хана¹⁾.

Золотыя слитки, при отсутствіи вѣсовъ, сначала цѣнились одинаково съ бронзой и серебромъ, па глазомѣръ, а золотой песокъ въ африканскихъ странахъ насыпался въ пустой стволъ птичьихъ перьевъ, которыя и служили единицей цѣнности. Затѣмъ, когда первобытные люди научились плавить и ковать золото, изъ него готовились большія кольца, служившія одновременно и какъ украшенія и какъ единицы цѣнности. Причина, почему золоту придавали форму колецъ, заключается, по всей вѣроятности, въ томъ, что кольца можно было надѣвать на шею и такимъ образомъ сохранять ихъ отъ покражи и потери. Въ древнихъ гробницахъ находились связки золотыхъ колецъ разнаго размѣра, соединенныхъ вмѣстѣ общимъ кольцомъ большаго діаметра. Такова, напримѣръ, связка колецъ, найденныхъ въ Моравіи, по поводу которой М. Гернесъ замѣчаетъ: „Украшенія составляютъ въ то же время богатство и нерѣдко единственное достояніе дикаря. Обиліе украшеній есть признакъ полной казны, ибо самыя употребительныя украшенія служатъ въ то же время деньгами, на которыя можно

Кольца—монеты, найденныя въ Моравіи.

¹⁾ Путешествія Венеціанца Марко-Поло въ XIII столѣтіи, переводъ съ нѣмецкаго А. Н. Шемякина. Москва, 1863 г. Стр. 269—272. См. также 352, 367, 369, 379, 389.

вымѣнивать полезныя вещи, а, сверхъ того, подобныя цѣнности находятся въ полной безопасности лишь тогда, когда онѣ надѣты на тѣлѣ ихъ обладателей. Поэтому-то самыя старинныя европейскія деньги имѣютъ форму колець, и о подобномъ значеніи ихъ можно было догадаться лишь потому, что отдѣльныя кольца различались по вѣсу и были надѣты на общее колечко, замѣнявшее дикарю кошелекъ¹⁾).

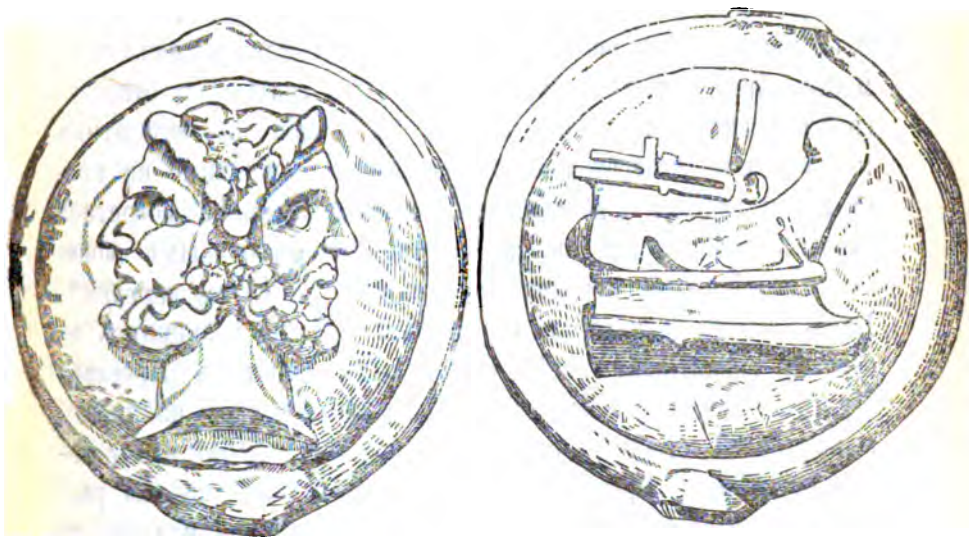
Металлическіе бруски и пластинки, а также и кольца, при всей своей неизящной формѣ съ современной точки зрѣнія, представляли для древняго челоуѣка болѣе точное мѣрило цѣнности сравнительно съ другими средствами обмѣна. Не говоря о раковинахъ и бусахъ, имѣвшихъ значеніе только въ глазахъ дикарей, даже у народовъ кочевыхъ и земледѣльцевъ домашній скотъ не могъ считаться универсальнымъ средствомъ обмѣна, такъ какъ цѣнность однихъ и тѣхъ же породъ скота была въ разное время и при разныхъ условіяхъ непостоянная, а въ разныхъ мѣстностяхъ считались пригодными разныя породы животныхъ. Различный возрастъ однихъ и тѣхъ же животныхъ и случайныя ихъ достоинства и недостатки всегда имѣли значеніе при колебаніи цѣнности ихъ, между тѣмъ какъ два слитка металла, при условномъ вѣсѣ, сохраняли одинаковую цѣнность даже въ разныхъ мѣстностяхъ: фунтъ серебра или мѣди вездѣ оставался въ своей цѣнѣ, а овца, быкъ, верблюдъ цѣнились очень разнo, въ зависимости отъ разныхъ условій. У металла было, кромѣ того, другое преимущество—его малый объемъ и удобство перевозки изъ одного мѣста въ другое и храненія безъ расходовъ; живой скотъ не только затруднялъ передвиженіе его изъ одного пункта въ другой, но и вызывалъ неизбѣжный расходъ на его прокормленіе.

¹⁾ Исторія первобытнаго челоуѣчества. Перев. съ нѣм., Н. Бре-
зана. С.-Петербургъ, 1896 г., стр. 14.

Слѣдующею ступенью въ развитіи денежныхъ металлическихъ знаковъ служило установленіе опредѣленнаго вѣса для нихъ, и это было постепенно достигнуто съ развитіемъ международныхъ сношеній. Мелкія доли разновѣса были извѣстны древнимъ вавилонянамъ, а отъ нихъ перешли къ финикіянамъ, кароагенянамъ, римлянамъ и грекамъ. До установленія единицъ вѣса, разные народы пользовались вѣсомъ хлѣбныхъ зеренъ, на что указываетъ современное названіе *гранъ*, происходящее отъ латин. *granum*—зерно. Крупныхъ единицъ вѣса древніе народы не звали. Употребленіе металловъ безформенными кусками представляло, по словамъ А. Смита¹⁾, два большія неудобства: трудность взвѣшивать ихъ и опредѣлять ихъ стоимость. Гораздо труднѣе было опредѣлять достоинство металла, почему до введенія чеканной монеты постоянно приходилось подвергаться обманамъ и получать въ обмѣнъ на свой товаръ, вмѣсто фунта чистаго серебра, какую-нибудь смѣсь изъ самыхъ грубыхъ и негодныхъ веществъ, только снаружи похожую на эти монеты. Чтобы избѣжать такихъ злоупотребленій, облегчить мѣновныя сдѣлки и поощрить торговлю и промышленность въ странахъ, сдѣлавшихъ наибольшіе успѣхи на пути къ благосостоянію, признали необходимымъ отмѣчать публичнымъ клеймомъ опредѣленные куски тѣхъ металловъ, которыми привыкли тамъ пользоваться при покупкѣ товаровъ. Отсюда—начало чеканной монеты и учреждений, въ которыхъ она приготовлялась. Кажется, что первыя публичныя клейма, накладывавшіяся на куски металловъ, имѣли цѣлью доказать доброту и степень чистоты металла, но не вѣсъ его. Въ Библии (Быт. 23, 16) сказано объ Авраамѣ, что онъ при покупкѣ у Ефрона хеттеянина пещеры Махпелы для погребенія умершей жены своей Сарры, *отвѣсилъ* ему 400 сиклей серебра,

¹⁾ Изслѣдованіе о богатствѣ народовъ. Стр. 40—42. Digitized by Google

какое ходило у купцов¹⁾). Первая римская монета *асъ* равнялась фунту чистой мѣди. Русская «*гривна*» также имѣла опредѣленный вѣсъ²⁾). Трудность и неудобство съ точно-

Монета азъ въ натуральную величину. На лицевой сторонѣ изображеніе Януса, на обратной—корабельнаго носа.

стью взвѣшивать эти металлы повели къ установленію *чекана*, удостовѣрившаго не только въ вѣрности пробы, но и вѣса металла, изъ котораго приготовлена монета. Съ тѣхъ поръ чеканная монета стала приниматься счетомъ, и взвѣшивать ее каждый разъ не было уже надобности. Въ 279 г. до Р. Хр. у римлянъ была введена серебряная монета (дипарій), а затѣмъ уже (по мнѣнію нѣкоторыхъ—при Цезарѣ) и золотыя дубльоны (*aureus*). Отъ названія греческихъ монетъ—

¹⁾ Внуку Авраама, Иаковъ купилъ въ Сихемѣ у сыновъ Эммора часть поля за сто монетъ (Быт. XXXIII, 14). По словамъ Летурно, на каждой изъ этихъ монетъ было изображеніе ягненка (Эволюція собственности, стр. 387), но онъ не указываетъ, на чемъ основываетъ свое предположеніе.

²⁾ Энцикл. слов. подъ словомъ „Гривна“.

нумизма (лат. nummus) получила название „нумизматика“¹⁾.

Въ Россіи до св. Владимира своихъ монетъ не было, а въ обращеніи были монеты сассанидскія (персидскія) и диргемы омаядскихъ и аббасидскихъ халифовъ. Эти монеты принимались по вѣсу, а не по номинальной ихъ стоимости. Древнѣйшія русскія монеты были золотыя и относятся къ концу X и началу XI вв. На лѣвой сторонѣ этихъ монетъ было изображеніе кн. Владимира, сидящаго на престолѣ, и надпись „Владимиръ на столѣ“, а на оборотной сторонѣ изображеніе Иисуса Христа. На серебряныхъ монетахъ св. Владимира значилась надпись „а се его серебро“. Какъ золотыя, такъ и серебряныя монеты чеканились по образцу византийскихъ. На серебряныхъ монетахъ Ярослава Мудраго было изображеніе св. Георгія съ греческою надписью, а на другой сторонѣ—славянская подпись „Ярославле серебро.“ Послѣ Ярослава М. въ Россіи ходили монеты разныхъ западно-европейскихъ государствъ и принимались на вѣсъ, а во время татарскаго владычества—золотоордынскіе диргемы. Но въ Московскій періодъ снова стали чеканиться русскія монеты, на которыхъ вмѣстѣ съ именемъ московскаго князя выбивалось и имя татарскаго хана. Обычай этотъ прекратился при Іоаннѣ III. Татарское вліяніе сказалось на самомъ названіи древне-русскихъ серебряныхъ денегъ (*деньга*==*тянтя*) и мѣдныхъ (*тулы*==*туль*). При Алексѣѣ Михайловичѣ были въ обращеніи сначала западно-европейскіе талеры, а затѣмъ по этому образцу чеканились и русскія монеты съ изображеніемъ на одной сторонѣ царя на конѣ, съ царскимъ титуломъ вокругъ, а съ другой—русскаго госу-

¹⁾ Древнѣйшая монета принадлежитъ Британскому музею и представляетъ толстый слитокъ сплава золота и серебра) эллиптической формы съ грубымъ изображеніемъ оленя и надписью: „Я изображаю собою Фана“, можетъ-быть, богатаго торговца, примѣру котораго стали потомъ подражать правители народовъ („Правит. Вѣстн.“ 1900 г. № 282).

дарственного герба, словомъ „рубль“ и годомъ. Тогда же появились мѣдныя *полтины*, величиною въ серебряный рубль. Золотыя монеты чеканились, но въ обращеніе не поступали, а служили для наградъ, въ значеніи медалей. При Петрѣ Великомъ были выбиты серебряныя „*полтины*“ (1699 г.), и съ тѣхъ поръ въ Россіи производится постоянный правильный чеканъ монеты ¹⁾).

Въ заключеніе укажемъ на единицы цѣнности у народовъ, стоящихъ на низкой ступени цивилизаціи, у дикарей. При всемъ разнообразіи употребляемыхъ ими единицъ цѣнности, эти послѣднія имѣютъ то общее, что въ одно и то же время служатъ для дикихъ народовъ украшеніями и деньгами, каковы: раковины, бусы, жемчугъ, зубы нѣкоторыхъ животныхъ, мѣдныя предметы, просверленные монеты, зерна разныхъ пищевыхъ растений, а также соль, табакъ, кирпичный чай и т. п. Въ глухихъ мѣстностяхъ Африки значеніе денегъ признается даже за нѣкоторыми камнями, стеклянными и фарфоровыми черепками, кусочками эмали и пр. На Палаускихъ островахъ у простыхъ людей въ качествѣ денегъ употребляются бѣлые и зеленые стеклянные осколки, а у начальниковъ ихъ—отшлифованныя эмалевыя бусы. Уже въ XVI в. у туземцевъ берега Анголы бусы имѣли цѣнность денегъ: старинныя венеціанскія бусы были находимы въ могилахъ совершенно стертшихся отъ обращенія. Въ верховьяхъ Нила вмѣсто денегъ употреблялся мѣдь и латунь, въ формѣ колецъ, а въ экваторіальной Африкѣ—железные топоры и кольца, и также куски желѣза, въ формѣ подковы и мотыки; на озерѣ Бемба отъ Ливингстона туземцы потребовали три мотыки, какъ плату за переправу десяти человекъ ²⁾). Во вре-

¹⁾ См. Энциклопед. словарь Брокгауза и Ефрона, томъ XXVIII, 859—860, ст. „Русскія монеты“. Тамъ же и рисунки древне-русскихъ монетъ.

²⁾ Народовѣдѣніе Фр. Ратцеля, т. I, стр. 232—244, 503, 611; т. II, стр. 60.

мя путешествія Комба и Тамизье по Африкѣ, въ Абиссиніи вмѣсто монеты ходили синія стеклянныя бусы, а также пакетки съ толстыми швейными иглками и др. предметы¹⁾.

На Каролинскихъ островахъ въ значеніи денегъ употребляются наизащпыя на шнурки жемчужныя раковины и затѣмъ свертки цыновогъ грубой работы и различной цѣнности. Другой родъ денегъ на островахъ составляютъ камни различной шлифовки и точеныя раковины, наизащпыя въ видѣ ожерелья и употребляемыя только начальниками. Наизащпыя на длинныя кокосовыя шнурки, попеременно, бѣлыя и черныя пластинки изъ орѣховой скорлупы и раковинъ служатъ также шейнымъ украшеніемъ и деньгами для обитателей Джилбертовыхъ острововъ. Океанійцы, какъ нѣкогда древніе американцы, вообще любятъ такія наизащпыя ровныя или суживающіяся на концахъ пластинки. Бусы изъ отшлифованной кокосовой скорлупы, черепаховыя запястья и браслеты изъ позвонковъ служатъ мѣновыми знаками на Мортлокѣ. Въ восточной Африкѣ въ значеніи денегъ употребляются мелкія коралловыя бусы, а также стеклянныя и фарфоровыя. Во время путешествій Марко-Поло фарфоровыя раковины употреблялись вмѣсто денегъ въ Караянѣ и Толоманѣ (гл. 39 и 48). Въ 1858 г. Бертанъ платилъ за фунтъ говядины десять такихъ бусинокъ. Бусы изъ морскихъ раковинъ (вампумы) часто были паходимы сотнями штукъ въ курганахъ и на жертвенникахъ. Многіе бусы приготовлялись и искусственнымъ путемъ съ величайшими трудностями изъ внутреннихъ частей известняковыхъ раковинъ. Болѣе мелкія морскія раковины просверливались и служили украшеніями и денежными знаками. Въ древнихъ могилахъ находили также раковины морскихъ улитокъ и слизняковъ.

Въ глухихъ мѣстностяхъ Африки до сихъ поръ упо-

¹⁾ У Легурно, стр. 384.

требляются въ значеніи денежныхъ знаковъ раковинки *каури*, которыя нанизываются на нитки и въ такомъ видѣ употребляются дикарями при взаимныхъ торговыхъ сдѣлкахъ. Достоинство вниманія археологовъ въ этомъ случаѣ, что *каури* находились въ развалинахъ Пиневии и въ погребальныхъ урнахъ Сѣв. Америки, Англіи и Швеціи (въ послѣдней вмѣстѣ съ арабскими диргемами IX в.). *Каури* или ужомки извѣстны и нѣкоторымъ російскимъ инородцамъ, употребляющимъ эти раковинки для украшенія своего костюма, а въ Индіи ими увязываютъ сбрую лошадей и слоновъ. Наши сарты-арбакены до сихъ поръ украшаютъ узды своихъ лошадей бѣлыми раковинками, а многіе привязываютъ ихъ по одной или по нѣсколькѣ нитокъ на шею своихъ лошадей, при чемъ раковины имѣютъ значеніе уже не денегъ, а только—талисмановъ, предохраняющихъ лошадей противъ дурного глаза. У сѣверо-американскихъ индѣйцевъ въ значеніи денегъ чаще употреблялись раковины въ обдѣланной формѣ маленькихъ черныхъ, красныхъ или бѣлыхъ¹⁾ полированныхъ цилиндриковъ, нанизывавшихся на нитки, а въ Калифорніи—вырѣзанныя изъ раковинъ и продыравленные въ срединѣ круглыя и четырехугольныя пластинки. Раковинныя деньги имѣютъ до сихъ поръ сбытъ среди индѣйцевъ Аляски. На островахъ Тихаго океана вмѣсто денегъ употребляются булы разной формы изъ стекла, эмали и цвѣтныхъ камней. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Китая въ старину вмѣсто денегъ служили пластинки изъ черепаховой брони; на островахъ Фиджи—зубы акулы и кошелота, а на Соломоновыхъ островахъ—зубы дельфина. Шошоны и банноки въ Айдего, по словамъ Ратцеля, еще и теперь употребляютъ въ качествѣ денегъ зубы вапити, при чемъ глазной зубъ

¹⁾ На Соломоновыхъ островахъ за шнурокъ въ 7 метровъ длины изъ красныхъ бѣлыхъ и черныхъ раковинъ туземецъ можетъ купить себѣ жену (Ратцель, I, №24).

цѣнится дороже всего¹⁾. Можетъ-быть, найденные г. Симоновымъ въ 1893 году при раскопкѣ урочища «*Джиты-асаръ*» (въ 100 вер. отъ Кармакчей) зубы акулы также служили денежными знаками для древнихъ обитателей этой мѣстности.

Своеобразный родъ денежныхъ знаковъ составляютъ перья краснаго папугая²⁾, растущія около глазъ курицы перышки и красные волосы, растущіе подъ ухомъ лисицы. Еще болѣе оригинальны деньги въ видѣ череповъ буйволовъ, оленей и тигровъ, количествомъ которыхъ дикари измѣряютъ свое богатство и покупаютъ на эти черепа ножи, украшения и даже рабовъ. У другихъ дикарей самые рабы считались денежными знаками и служили средствомъ обмена на привозимые товары: на западномъ берегу Британской Колумбіи молодая женщина вымѣнивалась на 30 шерстяныхъ одѣялъ, а въ Викторіи (на остр. Ванкуверѣ) за табую женщину давали 50—60 одѣялъ³⁾.

Въ Калифорніи голова краснопераго дятла равнялась по цѣнности почти пяти долларамъ. Въ Исландіи за единицу цѣнности принималась рыба *треска*, какъ и на Шотландскихъ островахъ⁴⁾. Въ древней Мексикѣ въ качествѣ мелкихъ денегъ служили зерна *какао* въ особыхъ мѣшечкахъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Америки—табачные листья⁵⁾. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Индо-Китая, во всей центральной Африкѣ, въ Абиссиніи, въ Новой Каледоніи и на Каролинскихъ островахъ монетной единицей служить каменная соль, которую нѣкоторые вожди дикихъ племенъ пожираютъ съ жад-

¹⁾ Народовѣдѣніе, I, стр. 504.

²⁾ Въ Полиневіи во время Кука все покупалось на красныя перья (Летурно, 385).

³⁾ Фр. Гельвальдъ. Земля и ея народы Т. I. стр. 49.

⁴⁾ Энциклопед. словарь Брокгауза и Ефрона, подъ сл. „Деньги“.

⁵⁾ Эллерсъ, Популярная политическая экономія. Одесса, 1895 г. стр. 84; Летурно, 383.

ностью. Въ Якутской области обыкновенныя деньги не имѣютъ значенія, ибо ихъ замѣняютъ кирпичный чай и водка¹⁾. Въ стыду европейцевъ, бутылка рома до сихъ поръ служитъ средствомъ обмѣна при расплатѣ съ полудикарями тропическихкихъ странъ, а наши сибирскіе инородцы отдають заѣзжимъ скупщикамъ свою пушнину за водку или за спиртъ, разбавленный водою. Въ Сѣверной Америкѣ мѣновою единицей служатъ стрѣлы, приготовленныя изъ толстыхъ бутылокъ отъ виски²⁾. Гвозди и вообще куски желѣза употребляются при обмѣнѣ на Малайскихъ островахъ: за большой, даже за сломанный гвоздь можно было купить какой-угодно товаръ³⁾.

Наконецъ, въ Мексикѣ и Нубіи монету замѣняетъ золотой песокъ, насыпанный въ стволы перьевъ. Въ области Гаинду (къ сѣв. зап. отъ Юннана), во время Марко-Поло, деньги имѣли видъ золотыхъ палочекъ безъ штемпеля и цѣнились по вѣсу⁴⁾. Съ развитіемъ сношеній съ европейцами у дикарей, какъ и у кочевниковъ азіатскихъ степей стали входить въ употребленіе мануфактурныя товары, на которые не только вымѣнивались разные мѣстные продукты, но иногда путешественники расплачивались мануфактурой даже за трудъ туземцевъ. Кусокъ миткаля или цвѣтного ситца (предпочтительно липючаго) принимался за единицу стоимости: по степени полноты ситца дикари судятъ о давности приготовления предмета одждь (Летурно, 384). Въ наше время Памирскіе инородцы не знаютъ торговли, и посѣтившій эти страны въ 1899 г. г-нъ Кирхгофъ совѣтуетъ путешественникамъ брать съ собой для расплаты съ туземцами куски

¹⁾ Ш. Летурно. Эволюція собственности. СПБ. 1890 г. О деньгахъ. Стр. 382.

²⁾ Гельвальдъ. Земля и ея народы, т. II. стр. 339.

³⁾ Рагцель. 513.

⁴⁾ Путешествія, стр. 38.

маты, коленкора и под., такъ какъ деньги не имѣютъ значенія въ глазахъ бѣдныхъ памирскихъ обитателей ¹⁾).

Изложенныя данныя показываютъ, что некультурные народы разныхъ мѣстностей также имѣютъ нужду въ куплѣ-продажѣ и пользуются для этой цѣли тѣми предметами, какіе находятся у нихъ въ распоряженіи. Встрѣчи съ европейцами расширили ихъ мѣновые обороты, ввели въ употребленіе предметы европейскаго производства и тѣмъ самымъ оказали вліяніе на измѣненіе денежныхъ знаковъ. Дальнѣйшія сношенія съ культурными народами должны привести и некультурные народы къ постепенной замѣнѣ естественныхъ денежныхъ знаковъ искусственными, что необходимо послѣдуетъ съ подчиненіемъ современныхъ дикихъ народовъ чужеземному господству, какъ это извѣстно изъ исторіи завоеванной европейскими народами въ разныхъ странахъ свѣта.

Во всякомъ случаѣ, денежные знаки служатъ намъ хорошими показателями степени культурности народа, и археологія такимъ образомъ помогаетъ исторіи въ уясненіи этого важнаго вопроса своими изысканіями: археологическія раскопки, съ одной стороны, подтверждаютъ показанія историческихъ свидѣтельствъ, а съ другой — доставляютъ новыя данныя для исторіи человѣческой культуры ²⁾).

Н. П. Остроумовъ.

29 мая 1901 г.

Ташкентъ.

¹⁾ Извѣстія Туркест. отд. Географ. Общ. Т. П. вып. 1. Ташкентъ, 1900 г. Стр. 169—170.

²⁾ При составленіи настоящаго реферата авторъ пользовался указанными въ текстѣ сочиненіями и статьями, при чемъ считаетъ долгомъ высказать свою благодарность за указанія Н. В. Коренькову и П. А. Комарову.

Хроника Эрнстовскаго Акаѣиста.

Предлагаемая краткая хроника имѣется въ рукописномъ акаѣистѣ Божьей Матери, который я видѣлъ лѣтомъ 1898 года въ Кахетіи, въ домѣ генерала Кіазо Эрнстова, въ селеніи Киситаури. Акаѣистъ составляетъ приданое супруги К. Эрнстова, которая происходитъ изъ рода эрнстововъ ксанскихъ. Самъ князь Кіазо потомокъ арагвскихъ эрнстововъ, переселенныхъ въ Кахетію царемъ Иракліемъ II. Акаѣистъ въ 20×14 сант. писанъ на прекрасной лощеной бумагѣ строчными буквами «хуцури»; заглавія писаны вязью «асомтаврули» и киноварью. Рукопись въ переплетѣ; всѣхъ листовъ 86. Текстъ каждой страницы въ бордюръ изъ золота. Богатство и цѣнность рукописи заключаются главнымъ образомъ въ миниатюрахъ прекрасной работы. Всѣхъ рисунковъ 73. Краски свѣжи, композиція и техника превосходны. Можно сказать, что здѣсь мы имѣемъ лучшія миниатюрныя работы XVII вѣка. Рукопись переписана въ 1681 г. по инициативѣ католика Николая изъ фамиліи Амилахваровъ и составляла, какъ видно, его собственность. Писецъ Микель. Изъ рисунковъ обращаютъ наше вниманіе: Благовѣщеніе, Св. Георгій, Соломонъ, Кириллъ, Елизавета и Марія, сомнѣніе Іосифа, видѣніе кущи Моисеевъ, видѣніе звѣзды магами, Давидъ, три отрока, возвращеніе волхвовъ, Св. Евимій, бѣгство въ Египетъ, Срѣтеніе, Савва, Божья Матерь съ Младенцемъ, Прокопій, Св. Христофоръ (съ птичьею фізіономіей), Св. Нина, Іоаннъ Златоустъ, Квирикѣ и Ивлиа,

Аванасій, Самарянна, Марія Магдалина, Григорій Логоветъ, Св. Николай, Модестъ, Діонисій Ареопагитъ, Григорій Бого-словъ, Рожденіе Богородицы, Рожденіе Іоанна Крестителя, Іоаннъ Дамаскинъ, Петръ и Павелъ, Іоаннъ Милостивый, евангелистъ Лука, Св. Артемій, Василій, Антипа, Несторъ, Стефанъ, Меодій, Марпа, евангелистъ Іоаннъ, Усѣьновеніе главы Іоанна Крестителя, Св. Іосифъ, который написалъ параклитонъ, евангелпсть Матѳей, Тайная Вечера, еванге-листъ Маркъ и проч.

Всѣ рисунки сопровождаются записями такого содер-жанія:

ღრ: დღეგრძელობით: აკმატე: კათალიკოზს: ნიკოლოზს:

«Боже, дай въ долгоденствіи пользоваться католикосу Николаю».

თქვენ: მეოხ: ექმენ: წინაშე: მღთისა: კზს: ნიკოლოზს:

Будьте вы заступнигами передъ Богомъ католикосу Николаю.

Въ записи въ концѣ манускрипта рукою текста чи-таемъ:

დბღ ღნ უღისა კთღისა წარმმართველსა ოვისა
 შეწვენითა აღუწერინე წღ ესე წიგნი დაუგდო-
 მელი მისის შედეგებითა და ზიარების ღოცუხნითა
 შეკამეკე და დაკასტუინე მე ამღმხორის შვილ-
 მნ კზს ზატრონმზ ნიკზს ცოდგთა ჩწთა შესანდობ-
 ლად დღეთა ჩწთა წარსაშრთებღად: შფობამსა
 ზატრონის გრგვისსა: ჭკსა: ტათ: გღით მიქელისწთა:
 ღრ შე ფღ ცღელი მიჭლი.
 ღრ შე ფღ ცღელი კზს აწ ო

„Слава споспѣшествующему всему хорошему Богу, съ помощью Котораго велѣлъ переписать священную сію книгу, акаенсть, съ его продолженіемъ и молитвами причастія, украсилъ и распорядился снабдить миниатюрами я, Амилахвари, католикосъ-патронъ, Николай, въ прощеніе грѣховъ

нашихъ и въ преуспѣваніе жизни нашей, въ царствованіе патрона Георгія, въ корониконъ 369 (1681 г.), рукою Микеля. Боже, помилуй многогрѣшнаго Микеля. Боже, помилуй многогрѣшнаго католикаса Николая, аминь“.

Царь Георгій, упоминаемый въ записи, есть Георгій XI или Шахъ-Навазь II (1679—1688; 1691—1695).

Въ концѣ рукописи пришиты два листа совершенно другой бумаги и другого письма. Текстъ этихъ листовъ писанъ въ два столбца строчнымъ хуцурн и содержитъ въ себѣ краткую хроникую отъ смерти Баграта IV (1072) до 1605 г. Названная хроника нѣкоторымъ образомъ служить связывающимъ звеномъ между Исторіею Багратидовъ Сумбата, которая обрывается на Багратъ IV, Парижской Хроникой и Хроникой Месхійской Псалтири, содержащей въ себѣ историческія записи второй половины XVI вѣка (О первой и послѣдней хроникахъ см. XXVIII выпускъ сборника). Судя по бумагѣ и почерку, Хроника Акаенста писана раньше самой рукописи и по всей вѣроятности принадлежитъ той эпохѣ, до которой доведена хроника, т. е. началу XVII вѣка, тогда какъ акаенствъ переписанъ, какъ указано, въ послѣдней четверти того же вѣка. Хроника пришита къ рукописи, такъ сказать, для лучшаго сохраненія и никакого отношенія къ акаенсту не имѣетъ.

По составу разбираемая хроника представляетъ типъ сводной хроники, составленной изъ записей разныхъ источниковъ, разныхъ временъ и разныхъ авторовъ. Характеръ записей весьма краткій. Записи эти сообщаютъ обыкновенно о смерти царей, нашествіи враговъ и битвахъ. Такой же характеръ имѣютъ историческія приписки пасхальныхъ цикловъ, или кингловъ, образцы которыхъ напечатаны мною въ XXI вып. Сборника. Поэтому я полагаю, что не буду далеко отъ истины, если скажу, что главнымъ источникомъ для составленія нашей хроники должны были служить исто-

рическія приписки кингловъ. Другія записи могли быть взяты изъ приписокъ разныхъ рукописей. Нѣкоторыя записи, которыя составитель имѣлъ въ рукахъ, повидимому были дефекты. Этими, напримѣръ, можно объяснить записку 1601 года, гдѣ фраза не докончена (см. ниже, стр. 20). Вѣроятно добросовѣтный составитель хроники передалъ намъ эту фразу въ томъ видѣ, въ какомъ самъ нашелъ въ своемъ источникѣ. Для XIV вѣка у автора нашей хроники не было матеріала подъ руками; поэтому въ хроникѣ ни одного факта не приведено изъ этой эпохи.

Первые 12 параграфовъ нашей хроники сообщаютъ о событіяхъ, хронологія которыхъ, болѣею частью, не приведена въ спискѣ Картлисъ-Цховреба царя Маріи, а также въ древнемъ переводѣ грузинской хроники на армянскій языкъ или въ такъ называемой Армянской Хроникѣ. Въ позднихъ спискахъ Вахтанговской редакціи чаще попадаются хронологическія указанія, но эти указанія въ большинствѣ случаевъ, по нашему мнѣнію, попали въ текстъ съ полей, впрочемъ въ нѣкоторыхъ спискахъ они и до сихъ поръ сохранились на поляхъ. Чѣмъ позднее списки, тѣмъ хронологическихъ указаній больше; иногда эти указанія сопровождаются замѣтками, что взяты изъ другихъ источниковъ. При такомъ положеніи вещей пріятно имѣть новыя хронологическія указанія, которыя во всякомъ случаѣ не составляютъ плодъ досужной фантазіи, а взяты по всемъ признакамъ изъ старыхъ источниковъ. Наша хроника въ многихъ случаяхъ оправдываетъ хронологическія извѣстія древняго текста Картлисъ-Цховреба, въ другихъ подтверждаетъ сообщенія армянскихъ авторовъ, а тамъ, гдѣ хронологію приходилось устанавливать на основаніи косвенныхъ указаній, даетъ опредѣленную дату. Нѣкоторые хронологическіе выводы, приводимые академикомъ Броссе на основаніи

тѣхъ или иныхъ соображеній, находятъ блистательное подтвержденіе въ нашей хроникѣ.

Остальные параграфы (12—49) сообщаютъ о событіяхъ, большая часть которыхъ намъ извѣстна изъ такъ называемой Грузинской хроники Парижской библиотеки, болѣе извѣстной подъ названіемъ *Chronique Géorgienne*, а также изъ Продолженія Картлисъ-Цховреба (*Suite des annales*) и изъ хронологическихъ данныхъ царевича Вахушта. Особенно подробно, а иногда и слово въ слово, повторяются эти извѣстія въ первой изъ названныхъ хроникъ. Мы далеки отъ мнѣнія, чтобы наша хроника послужила прямымъ источникомъ для Парижской Хроники. Этого нельзя сказать уже потому, что въ Парижской Хроникѣ нѣтъ первыхъ 12 параграфовъ разбираемой хроники. Парижская Хроника начинается событіями послѣдней четверти XIV вѣка и первые 14 параграфовъ ея обнимаютъ извѣстія отъ 1373 до 1447 г., которыхъ, въ свою очередь, не имѣется въ нашей хроникѣ. Если бы составитель Парижской Хроники имѣлъ въ рукахъ Хроникку Эрстовскаго Акаонста, то онъ не преминулъ бы воспользоваться первыми 12 параграфами ея и началъ бы свою хроникку отъ смерти Баграта IV (1072), а не отъ 1373 г. Нужно полагать, что группа фактовъ, обнимающихъ въ нашей хроникѣ параграфы 13—49, составляла особый источникъ, въ видѣ ли приписокъ или глоссы или отдѣльныхъ записей—это все равно, изъ котораго составители хроникъ нашей и Парижской взяли указанные извѣстія¹⁾. По времени возникновенія Хроника Эрстовскаго Акаонста безусловно древнѣе Парижской Хроники. Послѣдняя доведена до 1703 г., а потому составленіе ея нельзя отпести

¹⁾ Этими же извѣстіями пользуется составитель Продолженія Картлисъ-Цховреба, но онъ въ иныхъ случаяхъ расширяетъ ихъ болѣе подробными разсказами изъ другихъ источниковъ.

къ эпохѣ, предшествовавшей этому времени; она, вѣроятно, составлена въ началѣ XVIII вѣка, тогда какъ Хроника Эрпстовскаго Акаенста, какъ мы видѣли, должна быть составлена въ началѣ XVII вѣка и во всякомъ случаѣ не позднѣе 1689 г. Поэтому провѣрка известной группы фактовъ Парижской Хроники другимъ болѣе древнимъ спискомъ тѣхъ же фактовъ для насъ должно имѣть немаловажное значеніе. Значеніе это еще болѣе увеличивается въ нашемъ сознаниі, когда намъ уже известно, что Парижская Хроника вообще допускаетъ много ошибокъ противъ оригинала. Въ этомъ мы убѣждаемся изъ сравненія текста Парижской Хроники съ текстомъ Хроники Месхійской Псалтири, которая цѣликомъ вошла въ составъ первой хроники. Хроника Месхійской Псалтири дошла до насъ, если не цѣликомъ, то по крайней мѣрѣ, въ части, въ первоначальной своей формѣ, т. е. въ автографѣ, и сравнительно съ нею Парижская Хроника допускаетъ ошибки въ хронологіи, въ названіяхъ мѣстности, въ собственныхъ именахъ лицъ, въ отдѣльныхъ словахъ и выраженіяхъ¹⁾; поэтому неудивительно, что она могла допустить то же самое и относительно той группы фактовъ, которая имѣетъ общій источникъ съ разбираемой хроникой. Дѣйствительно, изъ сравненія нашей хроники съ Парижскою иногда безъ ошибки можно установить фактъ невѣрной передачи того или другого слова Парижскою Хроникой. Есть, конечно, явленія и обратныя.

Чаще попадаются несогласія въ передачѣ короникововъ на одинъ или два года, при чемъ въ такихъ случаяхъ наша хроника согласна съ указаніями Продолженія Карлпль-Цховреба, а иногда съ указаніями хронологическихъ данныхъ Вахушта.

¹⁾ Въ этомъ можно убѣдиться при просмотрѣ примѣчаній нашего перевода Хроники Месхійской Псалтири (XXVIII вып. Сборника, стр. 183—214).

Такия отступленія отъ одной хроникки и согласія съ другими объясняется, кромѣ ошибокъ или недосмотра переписчиковъ, и характеромъ первоначальнаго источника извѣстій. Въ припискахъ кинкловъ иногда записи начинаются въ такомъ мѣстѣ, что нельзя въ точности опредѣлить, къ какому корониону онѣ относятся; сомнѣнія вызываютъ обыкновенно единицы чиселъ коронионовъ, а потому ошибка на одинъ или два года въ хронологическихъ фактахъ, взятыхъ изъ приписки кинкловъ, есть, такъ сказать, субъективная ошибка: одинъ относитъ запись къ предыдущему корониону, другой послѣдующему; поэтому въ разныхъ спискахъ такихъ записей, хотя и взятыхъ изъ одного оригинала, очень часто бываютъ несогласія на одинъ или два года. Я уже не говорю о записяхъ попорченныхъ, неразборчивыхъ или дефектныхъ, когда переписчику приходится самому возстановлять смыслъ записей. Въ такихъ случаяхъ у разныхъ авторовъ еще больше будутъ встрѣчаться несогласія, и подобныя явленія въ старыхъ рукописяхъ очень часты.

Изъ сказаннаго ясно, что Хроника Эристовскаго Акаонста въ извѣстной своей части (§§ 13—49) представляетъ группу извѣстій, которая составляла отдѣльный источникъ, свѣдѣнія котораго вошли въ составъ Парижской Хроникки и Продолженія Барглись-Цховреба; они же отчасти послужили матеріаломъ для хронологическихъ данныхъ царевича Вахушта. Какъ Парижская Хроника, такъ и Продолженіе Барглись-Цховреба представляютъ изъ себя сводныя хроникки, источники которыхъ отчасти уже появились на свѣтъ Божій, отчасти ждутъ еще своего появленія. Тамъ, гдѣ нельзя указать прямого источника, важно указать по крайней мѣрѣ составныя части хроникки или отдѣльныя группы фактовъ, которыя можно выдѣлить въ особый, хотя еще и неизвѣстный, источникъ. Одну такую группу мы можемъ теперь вы-

дѣлать изъ Парижской Хроники, благодаря Хроникѣ Эристовскаго Акаѳиста.

Другими составными частями Парижской Хроники служатъ, какъ я о томъ уже писалъ ¹⁾, „Хроника древняго судовника Имеретин изъ Гелата“, о которой упоминаетъ Вахушты въ числѣ своихъ источниковъ, Хроника Месхійской Псалтири, которая издава мною какъ на грузинскомъ, такъ и на русскомъ языкѣ, и историческія записки или дневникъ Великаго Моурава Саакадзе. Послѣдній источникъ, по моему мнѣнію, имѣется у насъ въ двухъ видахъ, въ прозѣ и въ стихахъ. Прозаическая форма въ видѣ отдѣльнаго сочиненія пока неизвѣстна, но она безспорно входитъ въ составъ Парижской Хроники. Въ стихи дневникъ этотъ былъ переложень внукомъ Великаго Моурава Іосифомъ Тбилели, который, какъ мы въ томъ убѣждены, написалъ свой «Дидъ-Моуровіани», или Жпзнь Великаго Моурава на основаніи дневника своего дѣда, имѣющагося у него, по всей вѣроятности, въ видѣ особаго произведенія. Указанное сочиненіе Іосифа Тбилели, писателя второй половины XVII вѣка, кромѣ предисловія и заключенія, представляетъ буквальное воспроизведеніе въ стихахъ дневника Георгія Саакадзе, какъ нужно полагать, цѣликомъ вошедшаго въ Парижскую Хронику. Приходится удивляться, какъ авторъ искусно передалъ стихами не только смыслъ, но и отдѣльныя слова и выраженія прозаическаго подлинника.

Въ заключеніе мы должны указать, что составитель Хроники Эристовскаго Акаѳиста не всегда держится въ записяхъ хронологической послѣдовательности; мы удерживаемъ порядокъ оригинала, только допускаемъ отступленіе въ томъ, что каждый новый колонконокъ начинаемъ съ новой строки. Дѣленіе на параграфы принадлежитъ намъ.

¹⁾ См. Три историческія хроники, на грузин. яз., Тифлисъ 1890 г., стр. CXLII—CXLVII.

1. ჭგნსა: სპობ: მიცვლას პანკრატ გურკატპალატი:	Въ корониконъ 292—1072
Панкрать куроцалать умеръ ¹⁾ .
2. ჭგნსა: ტიე: დთა აღმშენებლი მეფედ დაჯდა:	Въ корониконъ 315—1095
Давидъ Возобновитель сѣлъ царемъ ²⁾ .
3. ჭგნსა: სამას ოცდა შვიდსა: იწყო შენებდა კელთისა:	Въ корониконъ 327—1107
опъ началъ строить Гелати ³⁾ .
4. ჭგნსა: სშს ორმოცდა სშსა: მიცვლად დთ აღმშენებლი [დ]ჲ მე მისი დიმიტრი მეფედ დაჯდა:	Въ корониконъ 343—1123
Давидъ Возобновитель умеръ, и сынъ его Димитрій сѣлъ царемъ ⁴⁾ .

¹⁾ Слово Панкрать употреблено здѣсь вмѣсто Баграть, точно также употребляется слово Панкратовани, вмѣсто Багратовани—Багратидь. Багратовъ было много, но въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ о Багратѣ IV, который по всѣмъ имѣющимся у насъ свѣдѣнiямъ дѣйствительно умеръ въ указанномъ въ нашей хроникѣ году (Brosset. Histoire de la Géorgie, t. I, p. 336).

²⁾ По другимъ источникамъ Давидъ Возобновитель вступилъ на престолъ послѣ смерти отца своего Георгія II въ 1089 г. (Brosset. Histoire de la Géorgie, t. I, p. 345. Такайшвили. Историческія приписки двухъ киньлосовъ и хронологическій перечень событій по нѣкоторымъ другимъ источникамъ, XXI вып. Сборника матеріаловъ для описанiя мѣстностей и племенъ Кавказа, стр. 57).

³⁾ Приписка киньлоса Шемокмедскаго гулани то же самое событіе относитъ къ 1106 году (Баградзе, Археол. пут. по Гуріи и Аджарѣ, стр. 151). По мнѣнію Дюбуа (Voyage... II, 181—182), Давидъ только возобновилъ Гелати.

⁴⁾ Списокъ Карлисъ-Цховреба царицы Маріи (мое изданіе, стр. 334) смерть Давида Возобновителя относитъ къ 24 января 1125 г., и этотъ годъ оправдывается и другими источниками (Brosset, Additions, p. 235—236). Другіе списки Карлисъ-Цховреба, какъ напримѣръ, Мингрельскаго и самого Броссе даютъ ошибочныя даты: по короникону 325=1105, а по Р. X. 1120. Вахуштъ ошибочно указываетъ 1130 г.; то же самое мы находимъ въ одномъ перечнѣ событій (XXI вып. Сборника, стр. 57).

5. Հոսն սոսն սմոհա տեղո- Въ корониконъ 375—1155
ժոտս: Թիոդոզե ճոմոտո: Димитрій умеръ, и сына его
ճա թյ թոսո ճոտ թյոյոտ ճա- Давида поставили царемъ ¹⁾.
սոսն:
6. Հոսն: սոսն սմոհա տեղո- Въ корониконъ 375—1155
ժոտս: Թիոդոզե ճոտ թյոյ: царь Давидъ умеръ послѣ че-
տոտեղոյ թյոտոյո թյոտոյոս: Թոս тырехмѣсячнаго царствова-
Գոլ ճա թյ թոսն ճոտ թյոյոյ թյ ния, и вмѣсто него царемъ
թոս: сдѣлался сынъ его Георгій ²⁾.

¹⁾ Рѣчь идетъ о царѣ Димитріи I, сынѣ Давида Возобновителя. Наша хроника оправдываетъ сообщеніе армянскаго писателя Вардана Великаго, который смерть Димитрія I относитъ къ этому же 1155 году (Эмманъ. Всеобщая Исторія Вардана Великаго, стр. 154). По словамъ Карглисъ-Цховреба Вахтанговской редакціи, Димитрій умеръ въ монастырѣ въ одинъ годъ со своимъ сыномъ Давидомъ. Вахуштъ смерть Димитрія относитъ къ 1150 г., а Броссе къ 1154 г. (Н. G. I, p. 381).

²⁾ Въ спискѣ Карглисъ-Цховреба царицы Маріи нѣтъ исторіи Димитрія и его сына Давида и то, что сообщается объ нихъ въ спискахъ Вахтанговской редакціи, по всей вѣроятности составлено на основаніи немногихъ словъ списка Маріи въ концѣ царствованія Давида Возобновителя и въ началѣ исторіи царицы Тамары (послѣдняя заключаетъ въ себѣ въ видѣ предисловія и исторію ея отца Георгія) и на основаніи другихъ свѣдѣній, которыя вѣроятно были у Вахтанга, но до насъ не дошли. Георгій былъ братъ, а не сынъ Давида, и, по Вардану, послѣдній царствовалъ только одинъ мѣсяць и умеръ въ 1155 г. Текстъ Карглисъ-Цховреба Вахтанговской редакціи и царевичъ Вахуштъ приписываютъ Давиду шестимѣсячное царствованіе. Историкъ Парсаданъ Горгджанидзе передаетъ, что Давидъ былъ младшій сынъ Димитрія и, чтобы захватить престолъ, поднялъ восстаніе, однихъ царедворцевъ убилъ, другихъ приказалъ отравить и на короткое время достигъ своей цѣли (Н. G. I, p. 392, п. 2). Текстъ К. Ц. списка Маріи (стр. 364) нѣкоторымъ образомъ подтверждаетъ это сообщеніе, ибо, какъ ни затемненъ смыслъ списка Маріи въ данномъ мѣстѣ, но изъ него всетаки явствуется, что у Димитрія было два сына, Давидъ и Георгій, и что Георгію предпочли младшаго брата, но Богъ, внимлюющій моленіямъ, возвеличилъ Георгія сокращеніемъ жизни Давида. „Нѣкоторые го-

7. ჭკნის ოთხს და სმის მი-
ცვლად მეფე გი: და ბე მისი
თამარ მეფეთ დასყეს.
8. ჭკნის: ოთხს და თოთხმეტს
ლამა იშვიდა ბე მეფისა თამარისა. და იქმნა სიხარული
დადი:
9. ჭკნის: ოთხს: ოცდამ შვიდს
თამარ მეფე მიიწვლად. და
ბე მისი ლამა მეფე იქმნა.
10. ჭკნის ოთხს ოცდამ სმ-
ს ლამა გი მიიწვლად. და
მისი რუსუდანი მეფე იქმნა.
- Въ корониконъ 403—1183
царь Георгій умеръ и дочь
его Тамару поставили ца-
рицею ¹⁾.
- Въ корониконъ 414—1194
родился Лаша, сынъ царицы
Тамары, и велика была ра-
дость ²⁾.
- Въ корониконъ 427—1207
царица Тамара умерла, и
сынъ ея Лаша сдѣлался ца-
ремъ ³⁾.
- Въ корониконъ 443—1223
Георгій Лаша умеръ. Сестра
его Русудана сдѣлалась ца-
рицею ⁴⁾.

ворять, передаетъ намъ Варданъ Великій, что онъ (Давидъ) погибъ отъ извѣпы Сембата и Ивале Орбеліановыхъ за назначеніе на ихъ мѣсто (въ должности военачальника) Тивкаша и что они заранѣе условились въ этомъ съ Георгіемъ, братомъ Давида, который обѣщалъ имъ назна-чить ихъ военачальниками. Въ 605—1156 году Георгій наследовалъ корону своего брата“ (Всеобщая Исторія Вардана Великаго, стр. 154).

¹⁾ Броссе (Н. G. I, 403), смерть Георгія относитъ къ 1184 году. У Вахушта и въ Баратовскомъ спискѣ К. Ц. ошибочная дата, 1174 годъ.

²⁾ Въ К. Ц. не указывается прямо годъ рожденія Георгія Лаши, но сообщается, что, когда Тамара умерла и Георгій вступилъ на престолъ, ему было 18 лѣтъ. Тамара умерла въ 1212 г., и на основаніи этого временемъ рожденія Георгія Лаши Броссе совершенно вѣрно принимаетъ 1194 г., который теперь находитъ подтвержденіе въ нашей хроникѣ.

³⁾ Тамара умерла, какъ мы указали, въ 1212 г. Поводомъ перенесенія начала царствованія Георгія Лаши къ 1207 г., вѣроятно, послужило то обстоятельство, что въ указанномъ году Тамара короновала Георгія въ царя (Н. G. I, 481).

⁴⁾ Картелисъ-Цховреба года смерти Георгія не указываетъ, но сообщаетъ, что онъ умеръ въ среду, 18 января. 18 января приходилось

11. ქუნსა ოთხს ორმოცდა რვა- Въ корониковъ 448—1228
სა ნობნნი მოკვიდეს საქართვე- поины пришли въ Грузію¹⁾.
ლასა ზს.
12. ქუნსა: ოთხსს სძედა ქქეს- Въ корониковъ 466—1246
სს. რუსუდან მეფე მიცვლა: царица Русудана скончалась²⁾.
13. ქუნსა: ეს ორმოცდა ოთხსა Въ корониковъ 144—1456
უზონ ასან მოუკდა ქართლსა на Карталинію напалъ Узунъ-
და ამოსწყვიტა და აკურ Асанъ, разорилъ и опусто-
უოა: კე ტასის კარამდე: шилъ ее до Тасисъ-Кари³⁾.

въ среду въ 223 году; кромѣ того, есть извѣстія, что Георгій умеръ черезъ 10 лѣтъ послѣ смерти Тамары. На основаніи этихъ и другихъ указаній Броссе отнесъ смерть Георгія Лаши къ 1223 г. (Н. Г. I, 495, п. 3), что и подтверждается нашей хроникой.

¹⁾ Ноинами въ грузинскихъ лѣтописяхъ извѣстны монгольскіе военачальники. Въ данномъ случаѣ имѣется въ виду четыре ноина, сыновья главнаго монгольскаго хана: Чармаганъ, Чагатаръ, Юсуръ и Бичуи, которые, по словамъ Карлисъ-Цховреба, были присланы въ Грузію для размышанія хваразмійскаго хана Джелалъ-Эддина; но въ которомъ году это было, не сообщается. Вахуштъ подъ 1228 г. указываетъ разореніе Тифлиса Джелалъ-Эддиномъ (Н. Г. I, 505, п. 1; 510).

²⁾ Годъ смерти Русуданы, дочери царицы Тамары, въ текстѣ Б. Ц. Маріи не указывается; въ спискахъ Вахтанговской редакціи, имѣющихся въ рукахъ Броссе, приводится 1231 г. (Н. Г. 528). Въ Баратовскомъ спискѣ указывается на полѣ 1243 г., но тутъ же прибавлено, что дата взята изъ другого источника (Списокъ Маріи, стр. 622, прим. 7). Вахуштъ годомъ смерти Русуданы ошибочно считаетъ 1237 г.; върнѣе сообщеніе армянскаго историка Чамчяна, по извѣстіямъ котораго Русудана отравилась въ 1247 г. Броссе полагаетъ, что она умерла въ 1248 или 49 г. (Н. Г. 528, п. 6).

³⁾ Это извѣстіе находитъ подтвержденіе въ такъ называемомъ Продолженіи Карлисъ-Цховреба—*Suite des Annales* (Brosset. Histoire de la Géorgie t. I, p. 687—689; t. II, livr. 1, p. 322—376). Грузинскій текстъ переведанъ мною на основаніи двухъ новыхъ списковъ, Мингрельскаго и Баратовскаго, въ приложеніи Карлисъ-Цховреба царицы Маріи. То же самое мы находимъ въ Парижской Хроникѣ, извѣстной у Броссе подъ названіемъ *Chronique Géorgienne* (см. Ме-

14. ქვეს სსოფლას თორმეტს კოსტანტინოლი დაიჭირეს ოსმანს. Въ корониконъ 132—1444 османы заняли Константинополь ¹⁾.
15. ქვეს ას სსოფლას თერთმეტს თვეს აგვისტოს ცამეტს მუჟე კოსტანტინე და საბაგო ჟვარჯვარე შეიბნეს არადეთს და საბაგს გაუმარჯვა. Въ корониконъ 171—1483, тринадцатого августа мѣсяца, царь Константинъ и атабегъ Кваркваре сразились въ Арადетъ, и атабегъ побѣдилъ ²⁾.
16. ქვეს ას ოთხმოცდა თერთმეტს მუჟე კოსტანტინე მიიგულა: Въ корониконъ 191—1503 царь Константинъ умеръ ³⁾.
17. ქვეს ორას და ერთს მუჟე დთ ქართლის და მე[ფე] გო კახეთის შეიბნეს მუხრანს და მუჟეს დთს გაუმარჯვა და გო კვთ დარჩა და მსვე წელს მოკლეს: Въ корониконъ 201—1513 карталинскій царь Давидъ и царь кахетинскій Георгій сразились въ Мухрани, и царь Давидъ побѣдилъ. Георгія взяли въ плѣнъ и въ томъ же году убили ⁴⁾.

moires de l'Académie Imp. VI-me série, t. 5, p. 220—245).
Ссылаясь далѣе на эти хроникн, первую мы обозначаемъ для краткости буквами Прод., а вторую буквами П. Х.

¹⁾ Константинополь былъ взятъ турками 29 мая 1453 г., но во всехъ грузинскихъ хроникахъ, кромѣ Исторіи царевича Вахушта, это событие приводится подъ 1444 г. (см. XXI вып. Сборника для описанія хѣтностей и племенъ Кавказа, стр. 5 и 24).

²⁾ То же самое въ П. Х. и Прод.

³⁾ Тоже самое въ П. Х. и Прод.

⁴⁾ Георгія Кахетинскаго взяли въ плѣнъ не Давидъ, а братъ Давида Багратъ, владѣтель Мухрани. Въ остальномъ извѣстіе совпадаетъ съ извѣстіями П. Х. и Прод., только въ послѣднемъ источникѣ у Броссе неврная дата 1514 г. (Н. Г. II, 1, p. 333); въ моемъ изданіи приведемъ 1513 г. по Баратовскому списку.

18. ქენსა ორას ღა თაობებუტს
შუა დონ მიტყაღაჲ ქაჟსა: Въ корониконѣ 214—1526
царь Давидъ умеръ въ Тиф-
лисѣ ¹⁾).
19. ქენსა ორასსა სუანთქარი მო-
კიდა ლინთ იმერეთი და გულა
თი დაწკაჲ და ქუთათისი: Въ корониконѣ 200—1512
султанъ пришелъ въ Лихтъ-
Имеретию и отегъ Гелать и
Куталсъ ²⁾).
20. ქენს ორას ოღდა სუთსა შუ-
ანეს მუხუთს თაბაგზუდ
მუფუს ბაგრტს გაუმრჯაჲ: Въ корониконѣ 225—1537
было сраженіе въ Мурджа-
хетѣ. Царь Багратъ взялъ
верхъ надъ атабагожъ ³⁾).
21. ქენსა ორას ოღდა სუთსა
კახი მეფე ბტნი ალექსანდრე
იშვა: მეფე სუმონ იშვაჲ: Въ корониконѣ 225—1537
родились кахетинскій царь
владѣтель Александръ и царь
Свинонъ ⁴⁾).
22. ქენს ორას ოღდა ცხრასა
შაშთამოჲ უყინი მოჰარეთ
ქლქს მოკიდა ამოსწუილა
აღაკრამა: Въ корониконѣ 229—1541
Шахъ-Тамазъ шахъ укрاد-
кою подошелъ къ Тифлису,
разорилъ и опустошилъ его ⁵⁾).
23. ქენსა ორას ორმოღდა ორ-
სა შთამოჲ უყინი ქლქს Въ корониконѣ 242—1554
Шахъ-Тамазъ шахъ пришелъ

¹⁾ То же самое въ Прод.

²⁾ П. X. и Прод. то же самое событіе относятся къ 28 ноября 1509 г.

³⁾ П. X. и Прод. относятся то же самое событіе къ 13 августу 1535 г., но у Вахушта (см. *Dates recueillies par Vakhoucht. H. G. t. II, livr. 1, p. 386*) приводится тотъ же самый годъ, что и въ нашей хроникѣ.

⁴⁾ П. X. и Прод. упоминаютъ подъ этииъ годомъ только о рожденіи Свинона, сына царя Дуарсаба, и рожденіе Александра, сына кахетинскаго царя Леона, относятся къ 1535.

⁵⁾ Вахуштъ (*Dates*) относитъ это событіе къ 1536 г. О томъ же предметъ упоминается также въ Прод.

მოკლდა და ხმალწვევით ქუნდა
იგი ქრთლასა:

24. ქუნსა ორას ოცდა თორმეტ-
სა ბასიანს შეიბნეს და ჯორჯით
გაუმარჯვა მუფსინი ბეოტნი
მორჩნეს:

25. ქუნსა ორას ორმოცდა ოთხ-
სა გარის შეიბნეს ქართველები
ვიზლბანში. ქართველთა გა-
უმარჯვა. და ქს შწმე ლუარ-
საბ მუნ აღესრდა. და მუ მი
სი სუმონ მუფე აქმნა:

26. ქუნს ორას ორმოცდა ცხრასა
აქმნა ომი ციხე დიდსა და
თათართა გაუმარჯვა: და მუ
მუფისა ლეონისა მოკლეს.

27. ქუნსა: ორას ორმოცდა თხუ-
თმეტსა მუფე სუმონ და და-
ჟოთხან შეიბნეს დიღჯამს და
მუფეს გაუმარჯვა:

въ Тифлисъ и опустошилъ
страну карталинскую ¹⁾.

Въ корониконъ 232—1544
было сраженіе въ Басіанъ, и
урумы (турки) побѣдили.
Цари сясались бѣгствомъ ²⁾.

Въ корониконъ 244—1556
грузины и кизилбаши срази-
лись въ Гарисѣ. Грузины по-
бѣдили, но мученикъ Христа
Луарсабъ скончался тамъ, и
сынъ его Свимонъ сдѣлался
царемъ ³⁾.

Въ корониконъ 249—1561
было сраженіе въ Цихъ-Дидѣ.
Татары побѣдили и убили
сына царя Леона ⁴⁾

Въ корониконъ 255—1567
царь Свимонъ и Даутъ-Ханъ
сразились въ Дигомѣ, и царь
побѣдилъ ⁵⁾.

¹⁾ П. X., Прод. и Dates Вахушта относятъ это событіе къ 1553 г.

²⁾ П. X., Прод. и Dates Вахушта относятъ эту битву къ 1545 г. Пораженіе потерпѣли ивертинскій царь Багратъ и карталинскій Луарсабъ. Причиной пораженія была ссора между карталинцами и месхами, которые не хотѣли уступить другъ другу чести сражаться въ переднихъ рядахъ.

³⁾ П. X., Прод. и Dates Вахушта относятъ эти извѣстія къ 1558 г.

⁴⁾ П. X., Прод. и Dates указываютъ этотъ же самый годъ. Убитъ былъ сынъ кахетинскаго царя Леона, Георгій.

⁵⁾ П. X., Прод. и Dates согласны съ извѣстіемъ нашей хро-
ники.

28. ქვსა ორას ორმოცდა ხუთ-
სა მეფე სუძონ და დაუთ-
ხან შეიბნეს სამადლოს და
მეფეს გაემარჯვა:

29. ქვსა ორას ორმოცდა ჩუდ-
მეტსა. იქმნა ომი ფარსუხეთს.
და მეფე სუძონ კლთ დარ-
ჩა უბილბშთა:.

30. ქვსა ორას სმოც და სამ-
სა ღის მოურე მეფე ლე-
ონ მიიგულა:.

31. ქვსა ორას სმოცდა სამს
მეფე კახთა ალექსანდრე და
ძმისწული მისი შეიბნეს ჭა-
ურს და მეფეს ალექსანდრეს
გაემარჯვა და ძმის წულ-
ნი მისნი დაიკოცნეს:

32. ქვსა: ორას სამოცდა ექს-
სა ლალა ფაშა გმოვიდა
რღ არს ლალა გმზრდელი
ხუანთქრისა: აკვიტოს:

33. ქვსა: ორას სმოცდა ექუს-
სა მეფე სუძონ[6] მოვიდა
ტუტობიდაძან. და ცბე გო-

Въ корониконъ 245—1557
царь Свимонъ и Даутъ-Ханъ
сразились въ Самадо, и царь
побѣдилъ ¹⁾.

Въ ворониконъ 257—1569
было сраженіе въ Парехетъ, и
царь Свимонъ попалъ въ ру-
ки кизилбашей ²⁾.

Въ корониконъ 263—1575
боголюбивый царь Леонъ пре-
ставился ³⁾.

Въ корониконъ 263—1575
царь вахетинскій Александръ
и племянники его сразились
въ Чауръ. Царь Александръ
побѣдилъ, и племянники его
были убиты ⁴⁾.

Въ корониконъ 266—1578,
въ августъ, Лала-Паша вы-
ступилъ; Лала же значить
воспитатель султана ⁵⁾.

Въ корониконъ 266—1578
царь Свимонъ вернулся изъ
плѣна, взявъ Горійскую крѣ-

¹⁾ Всѣ три источника, упомянутые въ предыдущихъ примѣчаніяхъ,
относятъ эту битву къ 1568 г. Въ нашей хроникѣ, видимо, невѣрно пе-
реданъ корониконъ.

²⁾ Всѣ три источника указываютъ тотъ же самый годъ.

³⁾ То же самое въ Прод.; П. X. указываетъ 1578 г., Dates—
1574 г.

⁴⁾ То же самое въ Прод.; въ П. X. приводится 1578 г., и мѣст-
ность названа Чауромъ.

⁵⁾ Всѣ три источника и, кромѣ того, Хроника Месхійскаго Псалти-
ри указываютъ этотъ же годъ.

რის აიღო და დაიპურა ქარ-
თლი სომხითი და ღორე:

34. ქენსა ორასს სამოცდა ცხრას
სა ბე (читай მეფე) სუმონ
და მეფე განთა ალექსანდრე
შეიბნეს მარტყოფს ჭოტორს
და მეფეს სუმონს გაემარჯვა:

35. ქენსა ორასს სმოცდა ცხრ-
სა მოკიდა სარდარი რომელ-
სა ეწოდა მანჭიდ ფაშა და-
ხუდა მეფე სუმონ მუნრანს
შეიბნეს და მეფე სუმონს გა-
ემარჯვა და ფაშა ღებოლევი-
ლი ქლექს მიკიდა:.

36. ქენსა ორასს სმოცდა ცა-
მეტსა მეფე სუმონ და ფა-
შა ღორის შეიბნეს და მეფეს
გაემარჯვა და მოისრა ურ-
ბი (читай ურუბი) გრ ოთ-
ხასს სამოცდა თორმეტნი:

37. ქენსა ორასს სმოცდა ცა-
მეტსა მეფემ აიღოდა ღო-
რეს ქებაი გრ ცხრე:

пость, покорилъ Карталиню,
Сомхитію и Лоре ¹⁾).

Въ корониконь 269—1581
царь Свимонъ и царь кахе-
тинскій Александръ сразились
въ Марткопѣ, у Чотора, и
царь Свимонъ побѣдилъ.

Въ корониконь 269—1581
пришелъ сардаръ, котораго
звали Махмадъ-Паша. Царь
Свимонъ встрѣтилъ его въ
Мухрани. Произошло сраже-
ніе. Царь Свимонъ побѣдилъ,
и паша, обращенный въ бѣг-
ство, пришелъ въ Тифлисъ ²⁾).

Въ корониконь 273—1585
царь Свимонъ и паша срази-
лись въ Лорѣ. Царь побѣ-
дилъ, и урумовъ было убито
до 472 ³⁾).

Въ корониконь 273—1585
царь взялъ приступомъ 9 ло-
рійскихъ нещеръ.

¹⁾ По извѣстіямъ всѣхъ трехъ источниковъ, царь Свимонъ былъ освобожденъ изъ Аламутской крѣпости шахомъ Шахъ-Исмаиломъ еще въ 1576 г., а въ Грузію онъ пріѣхалъ въ 1578 г., при шахѣ Худа-Бандѣ, о чемъ имѣется свѣдѣніе и въ Месхійской Псалтири (стр. 204).

²⁾ Эти два параграфа слово въ слово повторяются въ П. Х.

³⁾ Этотъ параграфъ тоже повторяется въ П. Х., только въ по-
слѣдней слово ურუბი—уруби (турки) по ошибкѣ прочтено какъ ურიცხვი
ურიცხვი (безчисленное), и количество убитыхъ показано однимъ человѣ-
комъ больше.

38. ქვეს ორას სმოცდა ცხ-
მეტს მეფე სუმონ მოადგე
ცხესს ლორესსა: აბრელს
ერთს და ადლო იენისისს
ათსა:
39. ქვეს ორას სმოცდა თოთ-
ხმეტს მეფე სუმონ და ფა-
შა ქლქისა ასან შეიბნეს
ტახემელს და მეფეს გა-
შრქაჲ: მოასრე ურუმი
კრ ხუთასი: ამჟე ქვეს ა-
დლო გალანანი ტფილისისს
და უკან ცხეს:
40. ქვეს ორას სმოცდა ცხრა-
მეტს მეფე სუმონ და მეფე
ლეონ შეიბნეს გოფანთს და
მეფეს სუმონს გაშრქაჲ:
41. ამჟე ქრნიკსა ლეონ მეფე
დაიქირა მამია დადამბე
და მუნ აღესრულაჲ:
42. ქვეს ორას თხმეტს. მე-
ფეი სუმონ ადლო ცხეს ქუ-
თათისისს. და ბაკრატ გმო-
იყვანა მის წულო გე მე-
ფისს. და ფაშა ქლქისა და-
სუბა:
- Въ корониконъ 273—1585,
апрѣля перваго, царь Сви-
монъ окружилъ крѣпость Лоре
и взялъ ее 10-го іюня.
- Въ корониконъ 274—1586
царь Свимонъ и тифлисскій
паша Асанъ сразились въ
Табахмель, и царь побѣдилъ.
Урумовъ было убито до 500.
Въ этотъ же корониконъ царь
овладѣлъ тифлисскими стѣ-
нами и заднею крѣпостью ¹⁾.
- Въ корониконъ 279—1591
царь Свимонъ и царь Леонъ
сразились въ Гофантъ, и царь
Свимонъ побѣдилъ ²⁾.
- Въ этотъ же корониконъ
Мамія Дадіани взялъ въ плѣнъ
царя Левана. Онъ тамъ (въ
плѣну) и умеръ ³⁾.
- Въ корониконъ 280—1592
царь Свимонъ взялъ Кутаис-
скую крѣпость, вывелъ оттуда
Баграта, племянника (по брату)
царя Георгія, и водворилъ
тамъ тифлисскаго пашу.

¹⁾ Последніе три параграфа слово въ слово повторяются въ П. X.

²⁾ П. X. битву въ Гофантъ между карталинскимъ царемъ Свимо-
номъ и имеретинскимъ — Леономъ относятъ къ 1587 г.; Dates — къ 1588 г.

³⁾ П. X. указываетъ 1587 г.; Dates — 1590 г., а Прод. отно-
ситъ этотъ фактъ какъ и событіе предыдущаго параграфа къ 1590 г.
(Н. Г. II, 1, р. 370).

43. აშგე ქგნსა იმერეთისა ი-
ღეს ქუთათისა:

44. აშგე ქგნსა წრვიდა სუძონ
მეფე დაჭირვად იმერეთისა:
და აიღო ციხე კაცხისა კუ-
რს სკანდა *) და ქუთათისა:

45. აშგე ქგნსა შეიძნეს მეფე
სუძონ და მამია დადიანი და
იმერეთისა დადიანსა და იმე-
რეთისა გაემარკადა. და მე
კოსტანტინესა კოსტომი მე-
ფედ დასკეს ქუთათისა:.

46. ქგნსა ორას ოთხმოცდა
თორმეტსა მიცვალა მე კტ-
რონის კოსტანტინესა ღწს
მურე მეფე კოსტომი:.

47. ქგნსა ორას ოთხმოცდა
შვიდსა მეფე სუძონ აიღო
ციხე გორისა: ამავე ქგნსა
მოვიდა სარდარი ჯაფარ ფა-
შ და ლაშქარი ურდოსუ იქ-
მსა და ომი ძღერი მეფე
სუძონ კვლთ დარჩა და და-

Въ этотъ же корониконъ
имеретинны взяли Кутаисъ.

Въ этотъ же корониконъ
царь Свимонъ отправился для
завоеванія Имеретин, взялъ
Качхскую крѣпость, Квару,
Сканду и Кутаисскую крѣ-
пость ¹⁾).

Въ этотъ же корониконъ
сразились царь Свимонъ, Ма-
мია Дадіани и имеретинны. Да-
діани и имеретинны побѣдили и
посадили церемъ въ Кутаисѣ
Ростома, сына Константина ²⁾).

Въ корониконъ 292 — 1604
преставился сынъ патрона Кон-
стантина, боголюбивый царь
Ростомъ ³⁾).

Въ корониконъ 287 — 1599
царь Свимонъ взялъ Горій-
скую крѣпость ⁴⁾).

Въ этотъ же корониконъ
пришелъ сардаръ Джапаръ-
паша. Войско было несмѣтное,
а сраженіе сильное. Царь Сви-

*) П. Х. по ошибкѣ соединяетъ эти два названія въ одно слово
კუარავანდა.

¹⁾ П. Х. прибавляетъ „въ Опискудъ“.

²⁾ Последніе 4 параграфа слово въ слово повторяются въ П. Х.;
только годъ какъ въ этомъ источникѣ, такъ и въ Прод., указывается
1591. Вахуштъ (Dates) относитъ все это къ 1590 г.

³⁾ Dates: 1605 г.

⁴⁾ Этотъ же годъ указывается въ П. Х. и въ Dates Вахушта.

იმჟრე უნ სძნითა და ლორე:

монъ попался въ плѣнъ, и онъ (Джапаръ) покорилъ всю Сомхетию и Лоре ¹⁾.

48. ქენსა ღრას ოთხმოცდაცხრასა. მეფე კახთა ალექსანდრე:.....

Въ корониконъ 289—1601 царь кахетин. Александръ...²⁾.

49. ქენსა ღრას ოთხმოცდაცხრამეტსა მოკლას მეფე კახთა ალექსანდრე უპრწყმესნ მძმ მისძნ კოსტანტინე და მე მისი გონ და იმეფა შთ წილ კოსტანტინე ერთ წელ და მოკლდა ლაშქართან თსთა სრეულებითა მებურთბილ იქმნა და მიიღო მეფობა მის წილ მეძნ მისძნ ერთ წელ და მიცვალდა.

Въ корониконъ 293—1605 кахетинскаго царя Александра и сына его Георгія убилъ младшій его (Александра) сынъ Константинъ и царствовалъ онъ вмѣсто нихъ одинъ годъ. Будучи пораженъ болѣзнями, онъ былъ убитъ своими воинами. Вмѣсто него царскую власть получилъ сынъ его Давидъ, и умеръ послѣ годичнаго царствованія ³⁾.

¹⁾ П. X. это относить къ 1599 г.; Прод. и Dates—къ 1600 г.

²⁾ Эта дефектная фраза въ этомъ же видѣ приводится въ оригиналѣ безъ всякихъ оговорокъ и оставленія мѣста.

³⁾ П. X. и Dates убиство кахетинскаго царя Александра и его сына Георгія относятъ къ этому же году. Александръ былъ убитъ на глазахъ русскихъ пословъ по наущенію Шахъ-Аббаса за его приверженность къ русской политикѣ (Блѣкуровъ. Сношенія Россіи съ Грузією, стр. 484—485. Броссе. Переписка грузин. царей съ російскими государями, стр. XVI).

Е. Такайшвили.

Канчаеетскій „жамъ-гулани“ и историческія приписки его кинклосо *).

Рукопись in 4°, 25×18,5 сент., писана на хорошей воощенной бумагѣ строчными буквами хуцури; чернила черныя, заглавья, нѣкоторыя фразы и буквы писаны кивоварью. Переплетъ рукописи досчатый, обтянутый черною кожей. Пагинація идетъ по тетрадямъ буквами хуцури на поляхъ снизу листовъ. Всѣхъ тетрадей 68, въ каждой тетради по 8 листовъ. Рукопись наша снабжена довольно многочислен-

*) Гулани—это сборникъ церковныхъ чтеній и молитвъ на всѣ дни и праздники цѣлаго года, а „жамъ-гулани“ (часословъ-гулани) сокращенный гулани, въ которомъ чтенія и молитвы распределяются въ порядкѣ часослова. Такимъ образомъ „жамъ-гулани“ представляетъ нѣчто среднее между настоящимъ гулани и часословомъ. Интересующій насъ „жамъ-гулани“ принадлежитъ Кабенской церкви Богоматери въ Канчаеѣ, Душетскаго уѣзда, и былъ любезно предоставленъ мнѣ для разбора въ маѣ 1897 года священникомъ Кахветской церкви Маркомъ Ткемаладзе, который времени привезъ его въ Тифлисъ. Нѣкоторыя свѣдѣнія объ этой рукописи были напечатаны А. Н. въ газетѣ „Иверія“ за 1897 г. № 103, отъ 29 мая. Затѣмъ историческія приписки его до XVIII вѣка появились въ трудѣ Ѳ. Жорданія „Хроника и другіе материалы для исторіи Грузіи“, т. II. Тифлисъ, 1897 г. Полностью всѣ приписки, равно какъ переводъ ихъ на русскій языкъ представляются мною впервые. Кромя того, сознавая всю важность этой рукописи въ дѣлѣ изученія грузинскихъ миниатюръ XVII вѣка, я распорядился снять фотографически всѣ рисунки указанной рукописи, и желающіе могутъ приобрести ихъ въ фотографіи Роннова.

... в различных рукописях, исполненных в разных
 ... в рукописях около 60; прежде их было еще
 ... много вырезаны. Каждый рисунок при-
 ... шелковой матерію, обстоятельство,
 ... владелец дорожил своею рукописью.
 Записи рукописи сообщают, что она переписана в

1674 году по приказанію урбійскаго архіепископа Евдемоза
 Ратишвили, а затѣмъ въ послѣдующіе годы, какъ нужно
 полагать, украшена и снабжена рисунками. Въ началѣ, на
 четырехъ первыхъ листахъ, записи писемомъ мхедрули позд-
 няго времени, которыя заключаютъ въ себѣ рецепты по раз-
 нымъ болѣзнямъ. Мы приведемъ только главныя записи на-
 шей рукописи:

1. На полѣ сбоку послѣдняго листа кинклоса:

ღმრთე ჴე ცნითჳთჳრ კეთილგონი ირის ბრძანებითა აღწერა უმ-
 ბუნა ესე. პირველად კეთილ უბნელი მერმე მანგლელი და მერმე
 მთავარ კეთილგონ ჴრთლის ჴესა: ტბად:-

«Боже, помилуй грѣшнаго архіепископа, по приказанію
 котораго переписанъ сей жамъ-гулани. Сначала я былъ
 урбнелемъ, потомъ манглелемъ, а затѣмъ архіепископомъ
 карталинскимъ, въ коронконъ 372—1674».

2. მე უდ უღირსმა მთერ ებისკოპოსმა ედემოზ ჴესწირე ხა-
 მელეს ხმსა კბენის მონასტრისა კასპანისა ღთის მშობელსა
 და ჴერისხდი შხ მერ ღნსაო მსოფლოდ შობილო და წო ღნს მშო-
 ბელო ვინც გმობწიროს და გმოკუეას ტადარსა შხს. ან ზე (?)

«Я самый недостойный архіепископъ Евдемозъ пожертво-
 валь сію книгу усыпальницѣ моей, Кабенскому монастырю,
 Гевсаманской Богородицѣ, и Вы, единородный Сынъ Божій
 и Святая Богородица, явите гнѣвъ на того, кто возьметъ
 и похититъ сію у храма вашего.»

3. Послѣ ряда ветхозавѣтныхъ картинъ въ началѣ
 рукописи, въ раскрашенномъ четырехугольникѣ, украшенномъ
 цвѣтами, читаемъ:

რა შუა ცოდული ზქრია, რნ ესე ჟმეგულანი რმცე უქლარისა
 ჩა ექლო მოკიტირეჲ კრგად გვეთუბა ბრძნობითა მთვარ კვისისა რა-
 ტისშეილის. ედემოზისხითა რინა კლმცა არს ხკრსნბლი მისნი
 იყო ტებაჲ სიტყუთა მძუდ გლთა და ესე სკრკულ იქმნა. კბრძნებისა
 და კვახელ მს ღშესა ჟა ცხიკრხსა შეძინა სუნესა მცირესა გო-
 დოლსა მს თა იყო ზღუდე გალწინისა ხამლელე წურთა: ია გშო-
 კულ სკმრისათხ კრწთთა კრდამიცდა თრკი და ძირსა დავარდი
 მის გლწინისა და კადვე უზიანოთ მოკრჩი ღჯ შეწინითა და მუო-
 ხბითა წისა მშისა ღთსხითა ღნს გლსთს შნდობით მომიკხნეთ
 ნახბისა მს: ქკსა: ტბ:

«Господи, помилуй грѣшнаго Захарію, который по мѣрѣ
 слабыхъ силъ своихъ потщился хорошо сдѣлать сей
 жамъ-гулянн, по приказанію архіепископа Ратишвили Ев-
 демоза, котораго память да будетъ благословена; онъ былъ
 сладокъ въ рѣчахъ, правомъ тихъ. И случилось нѣчто уди-
 вительное: онъ приказалъ и я явился къ нему; въ ту ночь,
 на зарѣ, я спалъ въ небольшой кельѣ; тамъ около башни
 была стѣна ограды въ 11 локтей въ вышину; я вышелъ
 по надобности плотской, посколькунулся и упалъ съ той огра-
 ды, но остался невредимъ съ помощью Бога и ходатайствомъ
 святого отца Давида. Ради Бога, помяните съ прощениемъ
 нацарапавшаго сіе, въ корониконъ 380—1692».

4. Въ концѣ виндлоса:

ესე ჟმეგულანი დაძვეარგა. არაგვის ერისთვის შეიღმა გრიგოლ
 იშოკნა კახენის გუხამანიხა ღთის მშობლის შეწირული იყო მე უდ
 უღირხმა მთვარ კბიკოპოზმა ედემოზ თეშკაში მივართვი და ის-
 რეჲ გისამინასა ღთის მშობელს შეესწირე და ესე აღთქმა დაუდეჲ
 გრიგოლს ხარებობას დღეს კახენს წინამძღუარო ვინც იქნებოდეს და
 დეკანოზი უამსა სწირედეჲ გრიგოლის მშას ჰაპუას მისს მეუღელს
 დარეჲანს მათს შვილთა ზურაბს და კამიეს და გრიგოლი ხარკაშ-
 ხელს მოიკხნებდეს თუ ეს დააკლონ სსუთეუელსამც დააკლდებიან.
 და ჩხთა ცდკთა ნაცვლად იგინიმც განიკითხვიან რლმნც (отсюда на

ными и хорошими рисунками, исполненными въ разныхъ краскахъ. Всѣхъ рисунковъ около 60; прежде ихъ было еще больше, но теперь многіе вырѣзаны. Каждый рисунокъ прикрытъ тонкою цвѣтною шелковою матеріею, обстоятельство, указывающее, насколько владѣлецъ дорожилъ своею рукописью.

Записи рукописи сообщаютъ, что она переписана въ 1674 году по приказанію урбнѣйскаго архіепископа Евдемоза Ратишвили, а затѣмъ въ послѣдующіе годы, какъ нужно полагать, украшена и снабжена рисунками. Въ началѣ, на четырехъ первыхъ листахъ, записи письмомъ мхедрули поздняго времени, которыя заключаютъ въ себѣ рецепты по разнымъ болѣзнямъ. Мы приведемъ только главныя записи нашей рукописи:

1. На полѣ сбоку послѣдняго листа бинклоса:

ღო შუა ცო მთავარ ეფესკოპოსი ირისა ბრძანებოთა აღწერა უამ-
გულანო ესე. პირველად ვითაც უამბუნელი მერამე მხნგლეული და მერამე
მთავარ ეფესკოპოსს ჩრთლანს ქვას: ცნობ:-

«Боже, помилуй грѣшнаго архіепископа, по приказанію котораго переписанъ сей жамъ-гулани. Сначала я былъ урбнелемъ, потомъ мангледемъ, а затѣмъ архіепископомъ карталинскимъ, въ корониконъ 372—1674».

2. მე უღ უღირსმა მთავარ ებისკოპოსმა ედემოზ შუკუირე ხა-
მულესა ჩმსა კებენან მონასტერისა კასამანიას ღთის მშობელსა
და შერისხდი შხ მეთა დანათა ძილოლოდ შობილო და წო ღის მშო-
ბელო ვინც გამობწირონ და გმოკუეკას ტამარსა შხს. ან ჩოგ (?)

«Я самый недостойный архіепископъ Евдемозъ пожертво-
валъ сію книгу усыпальницѣ моей, Кабенскому монастырю, Гевсиманской Богородицѣ, и Вы, единородный Сынъ Божій и Святая Богородица, явите гнѣвъ на того, кто возьметъ и похититъ сію у храма вашего.

3. Послѣ ряда ветхозавѣтныхъ картинъ въ началѣ рукописи, въ раскрашенномъ четырехугольникѣ, украшенномъ цвѣтами, читаемъ:

რე შენ დედადი ზეჭრია, რნ ესე ჟმეგულანი რმცე უღღრისსა
 წა ეკლო მოვიტირვე ვრგად გვეთუბა ბრძნობითა შთვარ ეპსიბს რა-
 ტიბშვილის. ედემოზინხთა რინა გლმცა არნ სკრსნილი მიხნი
 იყო ტკბალ სიტყვთა მძუდ გლთა და ესე სკრულ იქმნა. ებრძნებინა
 და ვეახულ მს ღმესა ჟს ციხეარსსა შემინა სენესა მცირესა გო-
 დოლსა მს თა იყო ზღუდე გაღწინის ხიმღლე წყროთა: ია გმო-
 კელ სკმრინათნ გრტთთა გრდამცდა თრკი და მირსა დაკარდი
 რის გლწინისსა და კადვე უზიანთ მოკრჩი ღმე შეწინითა და მუო-
 ხობითა წისა მშისა ღთსმთა ღრბ გლსთს შნდობით მომიკხნეთ
 ნახხბსს ამს: ქკსს: ტბ:

«Господи, помилуй грѣшнаго Захарію, который по мѣрѣ
 слабыхъ силъ своихъ потщился хорошо сдѣлать сей
 жамъ-гулани, по приказанію архіепископа Ратишвили Ев-
 демоза, котораго память да будетъ благословена; онъ былъ
 сладокъ въ рѣчахъ, правомъ тихъ. И случилось нѣчто уди-
 вительное: онъ приказалъ и я явился къ нему; въ ту ночь,
 на зарѣ, я спалъ въ небольшой кельѣ; тамъ около башни
 была стѣна ограды въ 11 локтей въ вышину; я вышелъ
 по надобности плотской, поскользнулся и упалъ съ той огра-
 ды, но остался невредимъ съ помощью Бога и ходатайствомъ
 святого отца Давида. Ради Бога, помяните съ прощеніемъ
 вацарапавшаго сіе, въ корониконъ 380—1692».

4. Въ концѣ киндлоса:

ესე ჟმეგულანი დაძვეარგა. არაგვის ერისთვის შეიღმა გრიგოლ
 იშოვნა კახენის გუხამანიბსა ღთიბ მშობლის შეწირული იყო მე უდ
 უღღრისმა შთვარ ებინგოპოზმა ედემოზ თეშგამი მიუართვი და ის-
 რვე გისამინასა ღთიბ მშობელს შესწირე და ესე აღთქმა დაუდვე
 გრიგოლს ხარებობას დღეს კახენს წინამძღუარო ვინც იქნებოდეს და
 დეკანოზი ჟამსა სწირუკედეს გრიგოლის მშისა ჰამუსას მისს მეუღლეს
 დარეჟანს მათს შეიღთა ზურაბს და კამიუს და გრიგოლი ხარკაშ-
 ნელს მოიკსენებდეს თუ ეს დააკლონ სსოფუეკელსამც დააკლდებიან.
 და ნწთა წდკთა ნაცვლად ივინიმც განიკითსიან რღმმც (отсюда на

другой страницѣ снизу) წინამდგარმა და დეკანოზმა წელიწადში ერთი წირვა და აღაზი დააკლეს: ქვე: ტბე:—

«Я потерялъ сей жамъ-гулани и арагвскій эриставъ Григоль обрѣлъ его. *Такъ какъ* онъ былъ пожертвованъ раньше Кабелу, Гевсиманской Божьей Матери, то я, самый недостойный архіепископъ Евдемозъ, выкунилъ его подарками и снова пожертвовалъ Гевсиманской Божьей Матери, а Григолю далъ сіе обѣщаніе: въ день Благовѣщенія кабелскій цинамдзгуаръ (настоятель), кто бы онъ ни былъ, и деканозъ должны служить обѣдию и помянуть отца Григорія Папуу, его жену Дареджану и сыновей послѣднихъ—Зураба, Вампка и Григорія Харчашнели (харчашнійскаго епископа). Если они его (Григола) лишатъ этого, пусть будутъ лишены царства Божья, а кто изъ цинамдзгваровъ и деканозовъ въ годъ разъ не отслужитъ ему литургію и агапи, пусть будетъ отвѣтчикомъ за наши грѣхи, въ корониконъ 386—1698»

5. ქვე აღადე გლონის თქვე ქსნის ერისთავთ ერისთავის სხლის ძე უბნელ მთავარ ეპისკოპოსი ეკდემოზ.

«Христе, возвеличи Глониствадзде, сродника (по матери) эристава эриставовъ ксанскихъ, урбвійскаго архіепископа Евдемоза».

Точно такая же запись повторяется еще въ другомъ мѣстѣ, а затѣмъ въ четырехъ мѣстахъ имѣются еще записи, въ которыхъ Евдемозъ умоляетъ Бога о помилованіи.

6. Снизу раскрашенной красивой заставки сначала прекрасною вязью хуцური, а потомъ буквами мхедрули имѣется такая запись:

აღოცვიდით: და: აძარსვიდით: რა: არა (დაღე კინოვარუ მხედრული) უხვიდეთ: განსაცდელსა: სულა: გულის: მოდებენას: ხოლო: კორცხი: უძღურ: მამკობელი ამისი მანგელი ეკდემონ.

«Молитесь и поститесь, чтобы не впасть въ искушеніе: душа покорна сердцу, плоть же немощна. Украситель сего Мангели Евдемонъ». На одномъ изъ начальныхъ

листовъ имѣется общая формула отпущенія грѣховъ, писанная буквами иxedрули, а на другомъ формула отпущенія грѣховъ, практикуемая Евдемозомъ; она писана алфавитомъ хуцури; внизу запись: კვეძმონ მონაჲ ღწ. «Евдемонъ рабъ Божій». Приведемъ для образца эту молитву: „მონაჲ ღთისაჲ ჳეშმარტისა და მოღვაწე მახსურებოდა მისისა სუღაიური მამა და მოძღვარი შენი მთავარ კეთესკობოზი მოგანიჳებ ჳრისტეს მიერისა შენდობასა შენ სუღაიურად აღმსარებელსა ჩემსა წინაშე უფელისა (სრულთ სასულოთ). შენდობილი იყავ და შეგინდუნეს და მოგატყუნეს შენ უოკელნი შევოდკებანი შენნა რაოდენნი აღმარენ და რაოდენნი დაგაკიწუდა იყავ შენდობილი და შეგინდუნეს ღმერთმან და მოგატყუნეს უოკელნი ცოდვანი შენნი ნებსითნი და უნებღაეთნი საქმითნი და სიტყუთნი და მოგონსებულნი მეწინარებოთა და უმეტრებოთ მეოხებოთა უდ წმიდასა დედოფელისა ჩუენისა ღწს მშობლისა მარადის ჳალწულისა მარიაშისა და უოკელთა წმიდათა ღთისათა ამან კვეძმონ მონაჲ ღწ“

Последній рисунокъ нашего гулани представляетъ портретъ самого Евдемоза въ архіерейскомъ облаченіи. Онъ лѣвою рукою подаетъ свой даръ, т. е. описываемый манускриптъ Богоматери, которая протягиваетъ ему правую руку изъ сферы. Богоматерь сидитъ на тронѣ, на колѣняхъ у ней сидитъ Христось-Отрокъ. Богоматерь лѣвою рукою поддерживаетъ Христа, правую принимаетъ книгу отъ Евдемоза. Христось-Отрокъ благословляетъ даръ. Сверху и снизу этого рисунка записи иxedрули:

უდ: წმიდასა: მისა:
 ღთისა: ძვედრე
 კლი: უნდო: და უღირსი:
 უოკელთა: კაცთა უნარჩუკულესა: სახით
 ა: ბერა: სოლო: საქმითა: არა: ღირ-
 სი: ბერა: ცოდვილი: მანგლელი:
 კვეძმონ
 მამკობელი წიგნისა ამის.

«Умоляющий пресвятого Сына Божья, убогий и недостойный, последний между всеми людьми, по виду монахъ, а по дѣламъ недостойный быть монахомъ, грѣшный Мангели Евдемозъ, украситель сей книги».

Сбоку рисунка стихи Евдемоза въ честь Спасителя и Богородицы:

ჭ. შენ ხარ სუწნელთა საუბრე კვარონს ზურმუხტიანი,
მუშაკად მრავალთ უუკილთა კარდ შრომან თინიანი,
აღბასტრ შტახსი კასია, ოჭრო მურ გუნდრუკიანი
და შენზედა აღშენებულან წმიდანი კელესიანი.

ჭ. უოკლად უხრწნელო, შენ ხარ სადიდებულნი მღთისანი,
სრულად მედმისად გმსახურებს თორმეტნი გუნდნი ცისანი,
როდეს დასრულდებიან გლობა მღთის მშობლისანი
და ცოდვით მოჭენეს მთინე მადლი შენისა ძისანი.

.
.

კ. ა თუ გეწიოს, ზი სულო, ალი სინხას მთებარე
და შენ გამიჭარკე, ქაღწელო, იგი უშირეტად მგზებარე:

Рисунокъ грѣхопаденія первыхъ людей снабженъ стихами Евдемоза, въ которыхъ онъ упрекаетъ Адама и Еву за то, что они своимъ поступкомъ наказали всѣхъ насъ:

ადამს და ევას გემდურვი მღთისაგან შეჭმინლს მიწებსა,
მან თქვენი დანაშაუბი ბოლოს ჟამს ჩვენცა გავწევსა,
დაგვსაჯეთ ამა სოფელსა, აწ ეს სიკედილი გავწევსა
და ეამე სულისა შიში მწევსა, თუ რომ მიწა მიწასთან მიწევსა.

Затѣмъ идутъ стихи по адресу змѣя и дьявола, которые наполовину испорчены.

Рисунокъ распятія тоже снабженъ стихами Евдемоза:

ჭ. ჩვენთვის მოკრუდა და ეწამა მოწულე ტბილი იესო,
სრულ ანგელოზნი შეძრწუნდენ, მას რომ ღახვარი მიესო,

გვერდითა სისხლმა შეღება, ჟვარსაცა ბეჭრა მიესო
და ზეტრე ტირის და ცრემლსა ურის, როგორღა ვახსო მიესო *).

Стихи эти доказываютъ, что Евдемозъ не лишень былъ дара стихосложенія и не отставалъ отъ просвѣщенныхъ современниковъ, которые усердно изощрялись въ стихотворствѣ и тѣмъ отдавали дань своему времени.

Красивыя полуарки по всѣмъ четыремъ сторонамъ рисунковъ предназначались для текстовъ священнаго писанія, которые должны были указать содержаніе рисунковъ, но тексты приведены только на семи первыхъ рисункахъ, сюжеты которыхъ взяты изъ книги Бытія. Тутъ представлены рисунки сотворенія неба и земли, сотворенія дня и ночи, сотворенія растеній и злаковъ, сотворенія Адама, къ которому подходятъ животныя и который даетъ имъ названія; сотворенія Евы, грѣхопаденія и низверженія злыхъ ангеловъ. Вмѣстѣ съ рыбами въ созданномъ Богомъ морѣ видны и сирены. Изъ другихъ рисунковъ отмѣтимъ: Христось благословляетъ Петра и Павла; Воздвиженіе Честнаго Креста (по сторонамъ Константинъ и Елена); Вознесеніе Елисейа на колесницѣ (изъ угла рука Божья, внизу Давидъ отсѣбаетъ голову Голиаѳу, за колесницу кто-то хватается); посланіе учениковъ на проповѣдь (Христось во словѣ); Явленіе Христа ученикамъ въ Іерусалимѣ; явленіе Христа ученикамъ во время бури; два столпника; ангелы возносятъ евангелиста Іоанна; евангелистъ Іоаннъ диктуетъ евангеліе Марку (Іоаннъ съ орломъ, позади него Христось); Св. Димитрій на конѣ (онъ убиваетъ юношу, позади него на лошади челоуѣкъ); Введеніе во храмъ Богоматери; Св. Савва (съ нимъ и другой святой); явленіе ангела пастухамъ; Рождество Христово и Виодемская звѣзда; Христа-Мальчиға хотятъ забросить камнями; Св. Василій; Крещеніе; Срѣтеніе (надпись сверху греческая); сорокъ мучениковъ, память кото-

*) Должно быть: ბე ჟესო.

рыхъ празднуется 9 марта (сверху поясное изображеніе Христа); Благовѣщеніе Богоматери; Св. Георгій на бѣломъ конѣ убиваетъ дракона (позади него на лошади сидитъ царевна съ сосудомъ въ рукѣ); Петръ и Павелъ получаютъ благословеніе отъ Христа, посреди нихъ церковь; Бвирике и Ивлита съ греческою надписью: *Нѣλιτα, Κυριακας* (изъ сферы праваго угла виденъ Христосъ); Преображеніе; Успеніе Богородицы; Усыновленіе главы Іоанна (просьба Иродіады на пиру Ирода, отрѣзаніе головы, слуга съ блюдомъ); Воскрешеніе Лазаря; торжественный входъ въ Іерусалимъ; Тайная Вечеря; умовеніе ногъ; распятіе; снятіе съ креста; невѣріе Фомы (Христосъ показываетъ рану); бесѣда съ самарянякою; исцѣленіе слѣпыхъ у Силоамской купели; Вознесеніе Богородицы и другіе. Рисунки канчаецкаго жамъ-гулани гораздо сложнѣе и разнообразнѣе рисунковъ Эриванскаго акаѣиста и вмѣстѣ съ послѣдними составляютъ богатый матеріалъ для изученія грузинскихъ миниатюръ XVII вѣка.

Книжечка канчаецкаго гулани, заключающій въ себѣ 12 страницъ, имѣетъ въ началѣ записъ:

ეს ქება დაწერა სხთა იმედხათა სწრა უცთობულო:-

„Этотъ корониконъ (книжечка) полный и безошибочный написанъ по іерусалимскому образцу“).

Въ концѣ книжечки записъ говоритъ, что когда циклъ (532 г.) кончится, надо начинать снова: *ოდეს ეს ქება დაუ-სრულეს თათობნაჲ იწუჲ სდაჲ ქან-წილო იჯდეს უთაღბო ჩემბო.*

Историческія приписки нашего книжечки писаны одною и тою же рукою алфавитомъ хуцური до 1679 года включительно. Изъ этого можно заключить, что онѣ списаны цѣлкомъ изъ другою источника, скорѣе всего съ аналогичнаго книжечки другой рукописи, а не внесены въ рукопись читателями жамъ-гулани. Остальныя записи сдѣланы разными

*) Такую же записъ имѣютъ и другіе книжечки (см. XXI вып. Сбор., стр. 3).

руками частью алфавитомъ хуцури, частью мхедрули и безспорно принадлежать современникамъ событій, упоминаемыхъ въ записяхъ. Мы знаемъ даже автора одной большой записи, въ которой вѣрно характеризуется современное состояніе Грузіи, но которая, къ сожалѣнію, не цѣликомъ сохранилась. Авторъ ея сынъ мухранскаго владѣтеля Мамука.

Историческія записи нашей рукописи обнимаютъ событія отъ второй половины XV вѣка до второй половины XVIII вѣка. Однѣ изъ нихъ составляютъ буквальное повтореніе записей другихъ кинелосовъ, уже изданныхъ нами въ XXI вып. Сборника; другія намъ извѣстны изъ разныхъ хроникъ, источниками которыхъ безспорно послужили записи кинелосовъ въ родѣ разбираемыхъ; есть, наконецъ, и такія записи, свѣдѣнія о которыхъ намъ становятся извѣстными впервые. Въ общемъ для сличенія фактовъ, уясненія деталей и окончательнаго выясненія нѣкоторыхъ спорныхъ хронологическихъ данныхъ всѣ записи имѣютъ для насъ значеніе, а потому мы цѣликомъ предлагаемъ ихъ читателямъ. По мѣсту происхожденія записи должны быть отнесены къ Восточной Грузіи, скорѣе всего Карталиніи. О событіяхъ Западной Грузіи упоминаются въ припискахъ востольку, поскольку они сопрягаются съ событіями Восточной Грузіи.

ԺԽԿ. აჭა კოსტანტინოლი 132—1444. Въ этотъ годъ
დაიჭირეს ურუმთა და ურумы (турки) завоевали
სე საბერძნეთი:— Константинополь и всю
Грецію.

ԺԾԴ. აჭა უეხი მოკიდა და 173—1485. Въ этотъ годъ
სმცხე ამოსწუდა ახალ-пришелъ шахъ и опусто-
ცხე და აწუგებრი იღეს шилъ Самцхе. Ахалцихъ
და აწუგრის ღმს მძებლი и Ацкуръ были взяты, и

- დასტურებს:-
ახსრ. აქ დიდი უფარუარე მი- 186—1498. Въ этотъ годъ
 იცვალა:-
 იცვალა:-
ახსრ. აქ მე უფარუარესი ქა- 188—1500. Въ этотъ годъ
 ხობრო მიიცივალა:-
 умерь сынъ Кваркваре
 Кайхосро ²⁾).
ბწ. აქ ქართლის მეფე დ. თ. ღ 201—1513. Въ этотъ годъ
 გ. ხი მეფე გ. ი შეიბნეს
 მეხრანს და გ. ი მეფე
 მოკლეს ძალის შეიბნეს:-
 карталинскій царь Давидъ
 и кахетинскій царь Георгій
 сразились въ Мухрани,
 и царя Георгія убили; быт-
 ва была въ Дзалисѣ ³⁾).
ბწ. აქ ვტრონი ვსეკსბუკ 204—1516. Въ этотъ годъ
 მიიცივალა:-
 умерь патронъ Мзедча-
 бугъ ⁴⁾).
ბწ. აქ ქსა არის დასბა- 222—1534. Въ этотъ коро-
 მიოგნ წელნი: ხბ:-
 კე აქმოძე:-
 никовъ отъ сотворенія мі-
 ра до сего времени 6022
 года ⁵⁾).

¹⁾ Подъ 1486 г. П. X. сообщаетъ: „Шахъ опустошилъ Самихе“, а поды 1486 г. даетъ такое извѣстіе: „Пришелъ шахъ Ялубъ, взялъ Ахалцихъ и Ацкуръ и плѣнилъ Ацкурскую Божью Матерь 25-го сентября. Владѣтель Манучаръ выкупилъ ее“.

²⁾ Эти два параграфа повторяются въ изданныхъ мною припискахъ другихъ книжковъ (см. XXI вып. Сборника, стр. 5—6). Аонскій синодикъ, изданный въ Тифлисѣ при Церковномъ Музеѣ (стр. 266), смерть Кваркваре относитъ къ этому же году.

³⁾ Объ этомъ см. Хроникъ Эриванскаго Академста поды 1513 г., прил. 4.

⁴⁾ То же самое въ изданныхъ мною припискахъ книжковъ и въ П. X.

⁵⁾ Если отъ сотворенія міра до Р. X. считать по греческому численію 5508 л., то слѣдовало здѣсь указать 6042 г., ибо 5508 + 1534 = 6042. См. также XXI вып. Сборника, стр. 7.

- 644.** აქ მურჯახეთს შეიბნეს:- 223—1535. Въ этотъ годъ сразились въ Мурджахетѣ ¹⁾).
- 645.** აქ სომეხნი შეიშალნეს და თუკდლორობის კვრამ ჭამეს:- 227—1539. Въ этотъ годъ армяне впади въ заблужденіе и разговмялись въ Өоминое воскресенье ²⁾).
- 646.** აქ შასთამაზ უყენი მოკლდა და ქლქი ამოსწყუდა:- 229—1541. Въ этотъ годъ пришелъ шахъ Шахъ-Тамазъ и разорилъ Тифлисъ ³⁾).
- 647.** აქ იუო ქარსაქის *) ომი ურუმნი მოკიდეს, ტაო ამოსწყუდეს და ბგ^რტ მუჟუმინ გაიმ^რჟჟა და მრავალნი ამოსწყუდნა:- 231—1543. Въ этотъ годъ произошла Кархакская ⁴⁾ битва. Явились урумы (турки) и опустошили Тао, и царь Багратъ одержалъ верхъ и многихъ истребилъ ⁵⁾).
- 648.** აქ ტაოს ქუნს დაიჭირეს ურუმთა: 238—1550. Въ этотъ годъ урумы заняли область Тао ⁶⁾).

¹⁾ Объ этомъ см. выше, Эрнстовскую Хроникку подь 1537 г., а также XXI вып. Сборника, стр. 6—7.

²⁾ Объ этомъ обстоятельстве упоминаетъ еще приписка Шемонедскаго епископа (Баградзе. Археолог. пут. по Гурин и Адчарѣ, стр. 151). Заблужденіе, по смыслу записи, заключалось во времени празднованія дня Пасхи. Вахуштъ указываетъ этотъ же годъ (Dates).

³⁾ Объ этомъ см. Эрст. Хр. подь 1541 г. Вахуштъ относитъ это къ 1536 г. (Dates).

⁴⁾ Тутъ очевидно ошибка, вмѣсто ქარსაქის должно быть ქალაქის გალახის, т. е. Тифлисская. Царь Багратъ въ указанномъ году дѣйствительно одержалъ побѣду надъ турками.

⁵⁾ Нашъ источникъ согласенъ съ П. Х. относительно года этой битвы. У Вахушта 1541 г. (Dates).

⁶⁾ Тоже самое въ Прод. и у Вахушта (Dates). Въ П. Х. 1549 г.

- სპე.** აქ არტანუჯი წაართუეს:- 241—1553. Въ этотъ годъ они отняли Артануджъ ¹⁾).
- სპე.** აქ დასამიძე და ვახუშტი 242—1554. Въ этотъ годъ плѣ-
დაიჭირეს:-
და ამჟამს ქვეს შესთამაზ
ყენი ქართლს მოკიდა
და მოსწუჯდა ქვეს ქართ-
ლისს. და მუჟე იმერეთ
წავიდა:-
- სპე.** აქ რბი ციხედიდს იუო 249—1561. Въ этотъ годъ
და მოკლეს მე მეფისა
ლუონისი გო:-
- სპე.** აქ დიდი შვი შვიქნის:- 254—1566. Въ этотъ годъ
было большое моровое по-
вѣтріе ¹⁾).
- სპე.** აქ მეფე სვიონ დაიჭი- 257—1569. Въ этотъ годъ
რეს რბი იონადობთა:-
кизилбашы во время бит-
вы взяли въ плѣнъ царя
Свимона ¹⁾).

¹⁾ То же самое въ П. X. и въ Прод.; Dates: 1552 г.

²⁾ П. X. и Прод. относятъ это къ предъидущему коронному, т. е. къ 1552 г. Вахушта сомасенъ съ нашимъ источникомъ, только въ числѣ плѣнниковъ указываетъ Вахуштіа Диасамидзе, а не Диасамидзе и Вахуштіа, какъ это дѣлаютъ нашъ источникъ, Прод. и П. X.

³⁾ То же самое въ П. X., Прод. и у Вахушта, только послѣдній мѣстоу битвы указываетъ Дзегви, село около Цахе-Диди. См. Эрст. Хр. подъ 1561 г.

⁴⁾ Приниска другого кивлоса о чумѣ упоминаетъ подъ 1568 г. (см. XXI вып. Сборника, стр. 8).

⁵⁾ Всѣ три источника указываютъ этотъ же годъ.

- ბზყ.** აქა ჰტრონი ქაისოსრო 262—1574. Въ этотъ годъ უაზმიკს მიიღველა:— патровъ Кайхосро умеръ въ Казвинѣ ¹⁾.
- ბზხ.** აქა ლალა ფაშა გამო- 267—1579. Въ этотъ годъ ვიდაა:— пришелъ Лала-Паша.
- ბზჩ.** აქა სინამ ფაშა გამო- 268—1580. Въ этотъ годъ ვიდაა:— пришелъ Синамъ-Паша ²⁾.
- ბოღ.** აქა ჰტრონს მანუჩარს 271—1583. Въ этотъ годъ აწუგარს ულაღატეს და გაემრჯუა:— патрову Манучару измѣнили въ Ацкурѣ, но онъ побѣдилъ ³⁾.
- ბსყ.** აქა დელოფლი თინთინ 282—1594. Въ этотъ годъ გრდაიგველა:— царица Тинатина умерла ⁴⁾.
- ბსხ.** აქა მეფე სვიმონ დაიჭი- 287—1599. Въ этотъ годъ რეს ურუბთა:— урумы плѣнили цари Свимона ⁵⁾.
- ბყყ.** აქა მოკლდა კასიმონ კო- 292—1604. Въ этотъ годъ სტანტინე შმა და მმა:— Константинъ Кахетинскій და თუტისა მეშუდგისა მო- убилъ отца и брата сво- გლეს კსთა შკლეგელი ego, а на седьмой мѣсяцъ შმისა და მმისა კოსტონ- кахетинцы умертвили от-

¹⁾ Хроника Месхійской Псалтири (стр. 189), Прод., П. X. и Вахушта относятъ смерть Кайхосро къ 1573 г.

²⁾ Хроника Месхійской Псалтири (стр. 207—208) второй приходъ Лала-Паши и появленіе Синамъ-Паши относятъ къ указаннымъ годамъ.

³⁾ Хроника Месхійской Псалтири (стр. 211), П. X. и Dates Вахушта относятъ это къ 1582 г.

⁴⁾ П. X. указываетъ 1591 г., но въ грузинскомъ текстѣ назван- ной хроники замѣчается недостатокъ одного или двухъ словъ и, быть можетъ, корониконъ былъ первоначально согласный съ нашимъ источни- комъ.

⁵⁾ То же самое въ П. X. Вахушта и Прод. указываютъ 1600 г.

- ტანუ: . ცე-ი-братоубійцу Константина ¹⁾).
- ს 4 6 .** აქა თათარსანი მოკიდა 297—1609. Въ этотъ годъ ქართლს და ლუარსაბ მუ- въ Карталинію пришелъ ოფინ გამირჯუაჲ: - Татаръ-Ханъ, и царь Луарсабъ побѣдилъ ²⁾).
- ქ 8 .** აქა ბტონმა თაიმურაზ გა- 304—1016. Въ этотъ годъ იმრჯუა უიზილბაშ ოზა: - владѣтель Теймуразъ одержалъ верхъ надъ кизил-башами ³⁾).
- ქ 5 .** აქა ლუარსაბ მუფე უაენ- 301—1613. Въ этотъ годъ თან წავიდა: . თა აგუ- царь Луарсабъ отправился სტოსსა: - къ шаху въ мѣсяцѣ августѣ ⁴⁾).
- ქ 4 .** ამა ქესა არნ დასაბა- 312—1624. Въ этотъ коро- მითონ წელნი: სრდა. ნиконъ отъ сотворенія мі- აქა ყორჩიბაში მო- ра 7131 г. ⁵⁾). Въ этотъ კიდა და დიდი რძი იყო. годъ пришелъ корчибашъ и было большое сраже- ние ⁶⁾).
- ქ 4 .** აქა ბატონმა თაიმურაზ 315—1627. Въ этотъ годъ გამირჯუა მოურავუკიდა. владѣтель Теймуразъ одер-

¹⁾ Всѣ источники относятъ это событіе къ 1605 г.

²⁾ П. Х. и Dates указываютъ этотъ же годъ.

³⁾ Этотъ же годъ указанъ въ П. Х. и въ Dates Вахушта.

⁴⁾ По свидѣніямъ П. Х., Луарсабъ былъ отправленъ въ Персію въ 1614 г., а по Вахушту (Dates), въ 1615 г.

⁵⁾ Буква ს=6000 въ этой датѣ ошибочно приведена вмѣсто 7—7000. Эти буквы въ произношеніи давно уже не различаются, а потому ошибка понятна. Указанное число соответствуетъ 1623 г. (7131—5508=1623).

⁶⁾ То же самое въ Dates Вахушта.

- 1644.** აქ სუანთქარი გამოვიდა და ერევანი აიღო. 323—1635. Въ этотъ годъ выступилъ султанъ и взялъ Эривань ¹⁾.
- 1644.** აქ გურიელის შვილი ოტია მიიტყალა:- 333—1645. Въ этотъ годъ умеръ сынъ Гуріели Отія ²⁾.
- 1644.** აქ არჩილ დაიბადა მე მეფისა შანაყვისა:- აქუბტონისშვილი დათუნა მკლავს როსტომ მეფუნ:- 336—1648. Въ этотъ годъ родился Арчилъ, сынъ царя Шахъ-Наваза. Въ этотъ же годъ царь Ростомъ убилъ царевича Датуну ³⁾.
- 1644.** აქ როსტომ მეფე მიიტყალა: აქუ მეფედ დაჰდა ბტონისშვილი ვახტანგ:- 346—1658. Въ этотъ годъ царь Ростомъ умеръ. Въ этотъ же годъ царемъ съль царевичъ Вахтангъ ⁴⁾.
- 1644.** აქ მოათხოვა დადიანმა ვამიყ ასლი თსი მეფე- 347—1659. Въ этотъ годъ Дадіани Вамикъ помол-

¹⁾ Вахушгъ указываетъ 1626 г. (Dates),

²⁾ По Вахушту, султанъ Мурадъ взялъ Эривань въ 1636 г. (Dates). То же самое въ П. X,

³⁾ Отія былъ сынъ жены царя Ростомъ Маріи отъ перваго ея мужа Гуріели Свимиона. Отія похороненъ въ Мцхетѣ и въ эпитафій времени смерти показанъ 1646 г., но дошедшій до насъ мцхетскій актъ удостовѣряетъ, что Отія умеръ 25 января 1645 г. (Ө. Жорданія. Хроника и друг. мат. на груз. языкѣ, т. II, стр. 457).

⁴⁾ Годъ рожденія Арчила не указанъ въ П. X. Прод. и у Вахушта, по Вахушту Датунა, сынъ царя Теймураза I, былъ убитъ въ Магаро въ указанномъ году.

⁵⁾ Съ этимъ указаніемъ согласенъ Вахуштъ и „Описаніе событій“ (XXI вып. Сборника, стр. 34). П. X, указываетъ 1659 г. Царевичъ Вахтангъ былъ усыновленъ Ростомомъ въ 1653 г. Онъ вступилъ на престолъ подъ именемъ Шахъ-Наваза I.

სა შინაკაზს ძისა თსი-
სათს: ტმმ დაძეორესა
წყელსა სხთა შიათხოკა
იგოი:

ქქ. აქა მეფე შინაკაზ მიუგდა
დადასსა კამიეს, რელსა
კეზურს იმერითი და ოდი-
ში. დადაანი მოკლეკს. მი-
სი ცოლი და შვილი
წმოსასამ. იმერითი და
ოდიში დანიკირა- გური-
ელი ჭაფსაზი ექმო. იმე-
რეთს გაბატონს ძე თსი
არქილ. და ოდიშს და-
დაანი შამადავლე და მო-
კიდა მშუდობით სამეფო-
საკე თსისა ზს მრავლი-
სა ურიცხვთა ღარითა
აღსაკეს:-

ქქჴ. აქა მობრძანდა ანტიოქის
პატრიარქი მკაკრიოზ.

ვფლვ свою дочь за сына
царя Шахъ-Наваза ¹⁾, а
въ слѣдующемъ 1650 го-
ду ту же дочь выдалъ за-
мужъ за другого.

350—1662. Въ этотъ годъ
царь Шахъ-Навазъ напалъ
на Вамика Дадіани, ко-
торый владѣлъ Имеретією
и Одишомъ. Дадіани былъ
убитъ. Царь забралъ его
жену и дѣтей; завоевалъ
Имеретію и Одиши; Гური-
ели и абхазцы подчини-
лись ему; въ Имеретіи
онъ посадилъ правителемъ
сына своего Арчила, а въ
Одиши Дадіани Шамада-
вле, и вернулся благопо-
лучно въ свое царство
отягченный многочислен-
ной и несмѣтной добы-
чею ²⁾.

352—1664. Въ этотъ годъ
прибылъ въ Грузію анти-
охійскій патріархъ Мака-
ріосъ.

¹⁾ Въ текстѣ дословно сказано: „выдалъ свою дочь царю Шахъ-Навазу въ супруги для сына его“. Вамикъ Дадіани помолвилъ свою дочь за сына Шахъ-Наваза I Арчила, а потомъ выдалъ ее за Бешана Гогоберидзе, но когда то и другое было, изъ другихъ источниковъ неизвѣстно (Н. Г. II; 1. р. 277).

²⁾ Вахуштъ относить все это къ 1661 г. (ibid. р. 278).

- ჲჩ.** აქა მობრძანდა ალექსანდრის ბატონაჲი ჰასიოს და სინის მთავრუბისკობოსი ახანი. 353—1665. Въ этотъ годъ прибыли въ Грузію александрійскій патріархъ Пансіось и синайскаго архіепископъ Аваній ¹⁾).
- ჲძ.** ამა ჭკსა მიიგვალა განძლიერებული და აღმატებული სხვათ დიდი მუჲე შანჯაზ. 365—1677. Въ этотъ корониконъ умеръ всеильный и возвышенный надъ другими великаго царя Шахъ-Навазъ ²⁾).
- ჲწ.** ამა ჭკსა დაჯდა შუდ მუჲესისა შანჯაზისა ჭართლს ბრძენი და ღის მოუყარე გმირი და ლომგული გლახაკთა და დავრომილთა კელისამჲურობელი ბერთა და მდღელთა დიდად ჰატოის მიმღი. მშუდი და ლობიერი მუჲე გიორგი: ახანასა: იუ: 367—1679. Въ этотъ корониконъ сѣлъ царемъ въ Карталиніи сынъ царя Шахъ-Наваза, мудрый и боголюбивый, сильный и львиное сердце, прирѣвающій нищихъ и жалѣкъ, радѣтель монаховъ и священниковъ, кроткаго и ласковый царь Георгій, января 15-го ³⁾).
- ჲო.** ამა ჭკსა მობრძანდა კრეკლე მუჲე ჭართლს ბატონად და გაბატონდა. 376—1688. Въ этотъ корониконъ изволилъ пребыть правителемъ въ

¹⁾ Свѣдѣнія этихъ двухъ параграфовъ въ указанныхъ выше источникахъ неизвѣстны.

²⁾ П. Х. относитъ смерть Шахъ-Наваза I къ сентябрю 1676 г.

³⁾ Вахуштъ сообщаетъ, что Георгій XI отправился къ шаху для полученія царской власти въ 1675 г. и вернулся царемъ 10 января 1676 г. Сехниа Чхендзе намъ передаетъ, что шахъ потребовалъ къ себѣ сына Шахъ-Наваза Георгія въ 1678 г.; черезъ 5 мѣсяцевъ онъ назначилъ его властелиномъ Грузіи и отпустилъ съ несмѣтными подарками, и

- 379—1691. Въ этотъ корониконъ карталинцы отложились отъ царя Ираклія ¹⁾.
- 381—1693. Въ этотъ корониконъ кахетинцы и карталинцы сразились въ

что онъ, Георгій, пріѣхалъ въ продолженіе года. Существуетъ актъ, данный Георгіемъ въ 1678 г. Алхазу Мачабели, помѣстный первый индикціонъ его царствованія. Другой актъ, обнаруженный мною и подписанный Георгіемъ и братомъ его Леваномъ, отиѣченъ 18 октября 1676 г., но въ этомъ актѣ недостаетъ начала, и потому нельзя сказать, даетъ ли онъ эту жалованную грамоту, какъ царь или какъ царевичъ. Кроме того, до насъ дошла епитафія жены Георгія Тамары, умершей въ 1684 г. и похороненной въ Мцхетскомъ соборѣ. Въ этой епитафіи Георгій рассказываетъ, что онъ лишился своей жены въ пятый индикціонъ своего царствованія, въ корониконъ 372—1684. Судя по этому, Георгій воцарился въ 1679 г., что вполне согласуется съ извѣстіемъ нашего источника. На нашъ взглядъ эти противорѣчивыя повидимому извѣстія можно объяснить такъ: въ 1678 г. Георгій отправился въ Персію и, когда получилъ титулъ царя или правителя Грузіи, могъ дать актъ и назвать 1778 г. первымъ индикціономъ своего царствованія, такъ какъ онъ въ этомъ году получилъ титулъ царя, хотя еще въ Грузіи не царствовалъ. Актъ, вѣроятно, данъ въ Персіи. Затѣмъ онъ пріѣхалъ и воцарился въ Грузіи 15 января 1679 г. и въ другихъ актахъ начиналъ индикціонъ съ этого фактическаго своего воцаренія въ Грузіи; поэтому индикціонъ епитафіи Тамары и извѣстіе нашего источника нѣ кажутся правильными (Brosset. Н. Г. II, 1, р. 82 л. 1; II, 2, р. 10. Voyage archéol. I Варр. р. 24—25. Такайшвили. Древности грузинскія, на груз. яз., т. I, стр. 123).

¹⁾ То же самое у Вахушта (Dates. Н. Г. II, 1, р. 86). Начиная съ этого параграфа, записи кингдоса писаны не рукою текста, такъ что послѣдняя запись рукою текста относится къ 1679 г.

²⁾ То же самое у Вахушта (ibid).

კმარჯვით და ამჟამ ქო-
რონიკონის თვეს მესა-
მეს კ(ულაკ) კახთ გუ-
მარჯვით ქართუელთა ზე-
და თ¹ნეთის (?) ქედზედ.

[Лило] и кахетинцы по-
бѣдили. Въ этотъ же ко-
рониконъ, на третій мѣ-
сяцъ, кахетинцы снова
одержали верхъ надъ кар-
талинцами на [Тіонет-
скомъ] гребнѣ ¹⁾.

144. აქა ვახტანგ ბატონისძე-
ლი იმერეთისადმი მოვიდა.

390—1702. Въ этотъ годъ
царевичъ Вахтангъ при-
былъ изъ Имеретіи ²⁾.

145. აქა მობძანდა ლევან მე
მეფის შინაზისა:-

391—1703. Въ этотъ годъ
изволилъ пріѣхать Ле-
ванъ, сынъ царя Шахъ-
Наваза ³⁾.

146. ამა ქვის ამაღლებულსა
და აღმატებულსა ქართ-
ლისა ქორმანისა უნდა-
არისა გიორგიისა აღლა-
თისა მშურებელ მქონე-
ბელსა მეფეს გიორგის
უღალატა აკლანმა ღმერთ
ქუჩმაგებში და მოკლეს.

397—1709. Въ этотъ коро-
никонъ возвышенному и
возвеличенному царю Ге-
оргію, владѣтелю и пра-
вителю Карталиніи, Бир-
мана, Кандагара, Гирш-
шка и Айалата измѣнилъ
авганецъ и убилъ его
ночью въ постелѣ ⁴⁾.

147. ამა ქორანიკონს: ღაზა-
რობას: ბატონიშვილმა.

413—1725. Въ этотъ коро-
никонъ, въ день Лазаря,

¹⁾ Объ этихъ битвахъ, рассказывается у Вахушта (Н. Г. т. II, 1., р. 190—193), между 1691—1694 г. Слова, заключенныя въ скобкахъ, въ оригиналѣ попорчены и потому гадательны. По Вахушту, первая битва скорѣе была въ Нино-Цминдѣ, а вторая въ Тіонетіи.

²⁾ По Вахушту, онъ прибылъ въ 1701 г. (ibid. р. 98).

³⁾ По Вахушту, Леванъ, братъ Георгія XI, пріѣхалъ въ іюль указаннаго года (Dates).

⁴⁾ Этотъ же годъ указанъ у Вахушта (Н. Г. II, 1, р. 103).

ჭმმა (კათალიკოზმა):
 დომენტომ: მცხეთას: მუ-
 ხრანის ბატონის უმა წილ-
 კნის. კუისკოპოზი: რა-
 ტკარადღ: ძველთაგან: უო-
 ფილიყო: ისრუ: ახლა:
 მიტრიათ: და: ბისონი-
 თა: აკურთხა: გაბრიალ:
 უგუნითი: უგუნისამდე:
 მოუშლელად: ესეცა: და:
 ამას უგან: კინც:
 დარჩება: ისინა: ესლა:
 ასე: უნდა: კეურთხოს:
 და: წიგნიც: ასე: უბოძა:
 მუხრანის: ბატონიშვილი
 მამუკა: იქ ახლდა.

царевичъ-католикосъ До-
 ментій, какъ это изстари
 практиковалось, такъ и
 теперь съ митрою и би-
 сономъ посвятилъ въ
 Мцхетѣвъ цилванскіе епис-
 копы Гавріила, поддан-
 наго мухранскаго владѣ-
 теля. Такъ и должно
 быть неизмѣнимо во вѣки
 вѣговъ. Кто будетъ за
 нимъ слѣдовать и тотъ
 такимъ образомъ долженъ
 быть посвященъ. Въ та-
 комъ же родѣ онъ и по-
 лучилъ грамоту. Сынъ му-
 хранскаго владѣтеля Ма-
 муба былъ тамъ при
 немъ ¹⁾).

ო. 16: ქ. ჭქსა უიდა: ამ დროს:
 ქართლი: (თათრებს) ეჭი-
 რა: და ერანის მამული
 თაკრუზი და თაკრუზს
 აქეთი ქალაქები ქუეუბო
 განჯა ერეკანი შუმასია
 და მრავალი სხვა ასე და-
 მორჩილებული და დამო-
 ნებული უკანდათ სეჭართ-
 კელოს (შვილნი) დარბა-
 ისელები რომ თათრის
 ერს არ კირთებოდა...
 ნდა... კახეთი იმაჲ დროს

414—1726. Въ это время
 Карталинію занимали тур-
 ки, и иранская земля,
 Тавризь, земли и города
 по сю сторону Тавриза,
 Ганджа, Эривань, Шемаха
 и многіе другіе были со-
 вершенно подчинены и по-
 рабощены ими. Если бы
 именитые грузины не вое-
 вали съ турками... Ка-
 хетію въ то время опу-
 стошали лезгины, а так-

¹⁾ Этот параграфъ написанъ алфавитомъ мхедрули.

ლეკს ეკირთებოდა და
საქართველო არბუ-
დნენ. მუსრანის ქვეყანა
წამხდარი იყო ... ანა-
ხურს ზე ძირამდე
წილობა იყო სპტობო...
სა... არი ... მეფე: რუ-
სეთს: იყო: ცოლშვი-
ლითა: და: ბერნი: გინ-
ძე: წყენენ: საქართვე-
ლოსი: და: კახეთის:
დარბაისუღნი: და: კუთის-
კოპოზნი: ამაჲ: დროს:
ბატონიშვილი: კონი: დო-
მენტი: სტამბოლს: სკან-
თქართან: იყო: და: იქაც:
კინა: კინ: საქართველოს:
დარბაისუღნი: მუსრანის:
ბატონი: არაგვის: ერის-
თავი: ქსნის: ერისთავი:
ამილახვარი: ესენი: ერთ-
მანეთის: მტურნი: და:
მოქაშნი: იყენენ: არც:
ერთმანეთს: ასკეებდენ:
და არც: ქვეყანას: და:
ამით: მტურმა: უფრო:
ძალა: წამოატანს: და:
ღჩაგრა: თორუმ: თუ:
ამით: ერთი: პირი: ქონე-
ბოდათ: გერჯარას: უზამ-
დენ: გერჯარას: სხვა: მტე-
რი: წართმედათ: რას-
მე: ამითი: საქმე: ნია-

же дѣлали набѣги на Кар-
талинію... Мухранская об-
ласть была разорена...
Выше Аванура... до под-
ношевія былъ споръ...
патріаршія *владѣнія*...
Царь [Вахтангъ VI] съ
семействомъ пребывалъ въ
Россіи. Очень многіе име-
нитые люди изъ Карта-
линніи и Кахетіи и епис-
копы выѣхали вмѣстѣ съ
царемъ. Въ то же время
католибось Доментій былъ
въ Константинополѣ у
султана и вмѣстѣ съ
нимъ находилсь пѣко-
торые знатные грузины.
Владѣтель Мухрани, эри-
ставы арагвскій и ксан-
скій и Амилахвари тоже
находились между собою
во враждѣ и соперни-
чествѣ; ни другъ другу
не давали покою, ни
странѣ, и этимъ непри-
ятель больше успиался и
унизилъ ихъ. Если бы
они дѣйствовали заодно,
никакой врагъ ничего съ
ними не могъ бы сдѣлать,
ни отнять что-нибудь. Дѣ-
ла ихъ всегда кончались

დაგ: ასე: ერთმანეთის:
 მესისსლეობით: გათაჟუ-
 ბულა: და: წამკდარა: მა-
 გრამ: ამ სსქმეს: არც
 (მოკლეობას): და: არც:
 მოუმღაით: მე ტომ: უფ-
 ლისამ: რაც: დაკითმინე:
 უოკელთა: ადამიანთაგან:
 უწარხინუმან: ძირ: მოდ-
 გმით: იესიანის: და:
 ტომობით: აწ: მანკრა-
 ტიონად: წოდებულმა:
 მუსკანის: ბატონის:
 ერეკლეს: მემან: ბატო-
 ნიშვილმა მამკამ: გოგუ-
 ლე და შემოკსწორე: ესე:
 ამ ჩემს რომ ვინ...
 დარჩეს არ დაემღალეს ამ-
 თის და რაკვარმა
 ქრისტიანი კაცის მტე-
 რობა.. თორემ ... ცო-
 ცხალი ადღეკულეს და
 შეენიერს სსგვარეს...
 შემანკველი.... ატუეონ
 ამინ კირიელეისონ.

ქ. ღთი ამას იქით რას ტვი-
 შმიდა ეს კი არ ვირე-
 დით.

и портялись кровавою
 мезтью, учиненною другъ
 противъ друга, но отъ
 такого поступка никогда
 не отступали, ни отста-
 вали. Я потомокъ Господ-
 а, выдающійся между
 людьми, отрасль Иессея,
 нынѣ прозванный по ро-
 ду Вагратидомъ, сынъ му-
 хранскаго владѣтеля Ира-
 клия, владѣтельскій сынъ
 Мамука потщился и по-
 жертвовалъ сей гулани...
 кто измѣнить..., пусть
 будетъ измѣнникомъ хри-
 стианства... (далѣе было въ-
 роятно обычное провятіе),
 аминь, киріелейсонъ.

Что Богъ готовилъ далѣе для
 насъ, этого мы не зна-
 ли ¹⁾.

¹⁾ Этотъ параграфъ написанъ алфавитомъ иждрули и помѣщенъ
 отдѣльно отъ кеннлеса на полѣ послѣ миниатюры Благовѣщенія. Къ со-
 жалѣнію, эта интересная записка къ серединѣ и концѣ совершенно по-
 порчена и цѣлкомъ не можетъ быть восстановлена.

44. შა: ქორენიკონს: რატო 420—1732. Въ этотъ коро-
შვილი: შილში დაიბადა: ნოვонъ родился Шюшъ
Ратишвили ¹).
- 0.54. ქ. გუნზახის ბატონს და 442—1754. Владѣтель Хун-
უმარცხდა მკაცის ჯგუფს ძა-
მარინობის თვის: ით: ღდა
ქონს უბ.
- ძაჯა პოტერпѣлъ пораже-
нiе въ Мчадисъ-Джварѣ,
мѣсяца августа 19-го, въ
корониконъ 442 ²).

Е. Такайшвили.

¹) Этотъ параграфъ тоже исполненъ алфавитомъ мхедрули.

²) Этотъ параграфъ написанъ алфавитомъ мхедрули и не принадлежить записанъ киньлоса, а написанъ на другой сторонѣ послѣдняго листа киньлоса.

Грузинскія надписи Ахталы.

Въ верстахъ 75 отъ Тифлиса въ бассейнѣ р. Дебеды, недалеко отъ станціи Кареской желѣзной дороги Ахтала, находится замѣчательный по своей архитектурѣ грузинскій монастырь, извѣстный подъ названіемъ Ахталъскаго. Какъ рѣдкій памятникъ христіанскаго искусства, онъ давно привлекалъ вниманіе специалистовъ архитекторовъ и археологовъ и потому Ахталъскій монастырь хорошо извѣстенъ въ литературѣ (литературу предмета см. у Баврадзе, Кавказъ въ древнихъ памятникахъ христіанства, стр. 33—35). Что касается надписей изъ этой мѣстности, то онѣ, какъ это ни странно, почти совсѣмъ неизвѣстны. Если я не ошибаюсь, свѣдѣніе имѣется только объ одной армянской надписи, вырѣзанной на каменномъ крестѣ у дороги, близъ монастыря. Между тѣмъ еще Д. Баврадзе писалъ, что онъ питаетъ надежду найти въ Ахталѣ надписи, и дѣйствительно, надписи въ Ахталѣ имѣются, но только не на главномъ храмѣ, а на другихъ церквахъ и каменныхъ крестахъ, во множествѣ разбросанныхъ кругомъ главнаго монастыря. Число этихъ надписей должно увеличиться, когда мѣстность кругомъ Ахталы будетъ тщательно обследована. Пока мы предлагаемъ вниманію читателей то немногое, что намъ извѣстно.

1. Многоуважаемый А. Д. Ерицовъ передалъ мнѣ для разбора тщательно снятую имъ при помощи пропускной бумаги большую грузинскую надпись, которая оказалась ахталъскою надписью, лично мною видѣнною. Я былъ въ Ахталѣ въ лѣтомъ 1894 г. всего на нѣсколько часовъ и все по-

что время употребилъ на осмотръ главнаго храма и близъ лежащей другой церкви и только при возвращеніи въ Ахпаты, гдѣ я тогда производилъ раскопки, поздно вечеромъ подъѣхалъ къ той церкви, которая, какъ оказалось, сохранила снятую А. Ерицовымъ надпись. Я успѣлъ разобрать только двѣ строчки; отъ чтенія остальной части надписи долженъ былъ отказаться за наступленіемъ сумерекъ. Затѣмъ мнѣ больше не случилось быть въ Ахталѣ, такъ что надпись эту я привожу по снимку уважаемаго А. Д. Ерицова. О самой церкви, на которой вырѣзана интересующая насъ надпись, въ моемъ дневникѣ имѣются такія отмѣтки: „Небольшая церковь изъ тесаного камня, обычнаго типа, хорошо сохранилась; длину имѣетъ 11 аршинъ, 4 вершка, ширину 7 аршинъ 11 вершковъ; находится почти къ востоку отъ главнаго храма на возвышенной площадкѣ. Надпись имѣетъ надъ западною дверью. У мѣстныхъ жителей она извѣстна церковью св. Георгія“.

Разбираемая надпись въ 10 строкъ, исполнена алфавитомъ «асомтаврули», т. е. заглавнаго церковнаго письма, на камнѣ, длина котораго, судя по строкамъ надписи, 2 аршина, ширина 14 вершковъ. Надпись не имѣетъ даты, но все-таки, по моему мнѣнію, появленіе ея можно опредѣлить приблизительно вѣрно, такъ какъ въ ней упоминается атабегъ Авагъ. Званіе атабега вводится въ Грузію со временъ царицы Тамары, а потому надпись не можетъ быть ранѣ XII вѣка. Въ Грузіи извѣстны атабеги самцхійскіе и сомхетскіе. О самцхійскихъ атабегахъ и рѣчи не можетъ быть въ нашей надписи, разъ она найдена въ Сомхетіи. Изъ сомхетскихъ атабеговъ имя Авага носилъ сынъ Иване Мхаргдзели. Какъ Иване, такъ и Авагъ играютъ большую роль въ исторіи Грузіи, первый при царицѣ Тамарѣ и Георгіи Лашѣ, а второй при царицѣ Русуданѣ. Авагъ былъ спасаларомъ грузинскихъ войскъ и совершилъ два путешествія въ Монго-

ლიუ. Въ 1240 году онъ былъ посланъ къ Батюю въ Золотую Орду и оттуда отправленъ въ Каракорумъ къ великому хану Огадаю; по возвращеніи въ Грузію въ 1242 году принялъ участіе въ войнѣ противъ Гаиатъ-Еддина. Послѣ этого Авагъ еще разъ совершилъ трудное путешествіе въ Каракорумъ и жилъ при дворѣ хана вмѣстѣ съ двумя грузинскими царями, Давидомъ, сыномъ Русуданы, и Давидомъ, сыномъ Георгія Лашп. Онъ былъ щедро одаренъ ханомъ, за нимъ утверждены его владѣнія и выдана замужъ красавица Есломъ, принцесса царской (ханской) крови. Авагъ вернулся въ Грузію изъ второго путешествія въ Монголію въ 1249 г. и умеръ, по Вардану Великому, въ 1250 году.

Авагъ, какъ сказано, сначала носилъ званіе спасалара и только послѣ перваго путешествія въ Монголію въ 1242 году былъ возведенъ царицею Русуданою въ атабеги; поэтому разбираемая надпись должна была появиться въ промежутокъ 1242—1250 гг. Она и по палеографическому своему характеру принадлежитъ XIII вѣку *).

1. .ჟ: . მე ოჯდარსა: . და სლათა: . სწულბა: . წ: . ზ: . ღარს
ვიქმნ აღმუნბ: . გუჯტრსა

2. ამის: . სხლსა ზა წთა მცაქლთსა სადიდიბლდ შთდა და
შლ შტრნთა და გმზრდლთა

3. ღთაი წთა: . სმლტლდ: . და სლთისა წისა სლტლსაჰსნბლდ
და გრნეჩინე ათრმტთა შტქლთა დღსსწლი(ს)

4. მეორე დღე: . ვინტა წისა გოჯრსა კწი იუს: . მისისა
შლთსაჰბრ მშთა გმსნბდეს: . და წესათა: . მიწრებდს და მე თქნთა

5. ღტლთა შა მმოქსნბდეთ: . და ოჯტოჯ წთა: . ტდგთა მსტლთა
მშგს ღწ: . და წისა გრისა კწი აღწა ვინ: . იუთს თქნ ქს: . მურნო

*) Brosset. „Histoire de la Géorgie“, t. I, pp. 500, 508, 514, 514, 518, 521, 523, 542—43, 554. „Additions“, pp. 317, 323, 328, 425, 426, 427, 431. Эмшинъ. „Всеобщая Исторія Вардана Великаго“, стр. 181.

6. და შხგჳსნო: . შ: წ: და უნოკუ მწნო: ვინცა ვტრინის აუგ ათბვისა სამწირვლას ჩმგნით აღშნბლას ზს ღირს უს და აღირ

7. სოთ: ელ ვტრინთა და თქნ: ჩინცა სლი: შხგჳ იოჯრვობ ღაოჯვლბლდ ჩთა კლთათა და ძმისწლისა ჩრისა აღწინისათა აუგ-შნბია. და არა

8. რინ გოჯმტლდბის: ოჯსნბლბსა: . ესე ჩმგნით გწნლო ანოჯ ჩმისა გოჯარისა კწმბ ანოჯ რინ სხუ შმეოდეს და დაჯ

9. ლოს და მწვლს შმცა იგვლბის შჯლსიგწნ ჭნთაჲს: და ცდვთა ჩმთა ესხიშნ

10. აგოს წგ ღს

Безъ сокращенія надпись я читаю такъ:

ქ. შე უღირსია და სუღითა საწყალობული წინამძღვარი ვეტრე ღირს ვიჭმენ აღშენებლად გეტრისა ჰმის სახელსა ზედა წმიდათა მოცნაჭლთასა, სადიდებლად მათდა, და პირველ ვატრონთა და გამწრდელთა ღირსთა ¹⁾ ჩემთა სამლოცველოდ, და სუღისა ჩემისა სალოცველ-საკსენებლად, და განვიზინე თორმეტთა მოცნაჭლთა დღესასწაულის მეორე დღე. ვინცა ჩემისა გუარისა კაცი იყოს, მისისა ძლი-საგებრ ძმთა გამბისკებდეს და წესითა²⁾ მიწირვებდეს, და შე თქვენთა ლოცვათა შინა მომიკსენებდეთ, და უკეთე ჩემთა ცოდვათა მისა-გული მომიგოს ღმერთმან და ჩემისა გუარისა კაცი აღარავინ იყოს, თქვენ ჭრისტეს მოუყარებო და შხგჳსნო მამანო წმიდანო და უოკულბოკუ ძმანო, ვინცა ვატრონისა აუგ ათაბავისა სამწირველოსა, ჩემგნით აღშენებულსა, ზედა ღირსიყოს და აღირსოთ პირველ ვატრონთა და თქვენ, ჩემიცა სული მანკე იურგოს დაუკლებლად. ჩემითა კვლათა და ძმის-წუღისა ჩემისა იღაროინისითა აუკომენება და არა-გინ ეტუქმართლებს უკსენებლობასა. ესე ჩემგნით გაჩენილი ანუ ჩემისა გუარისა კაცმან, ანუ რინ სხუჲა შემოკვიდეს და დაჯვლოს და შეცვლოს, შემცნადვლებს შჯუღისაგწნ ჭრისტაინეთაჲსა და ცოდვთა ჩემთა ზასუხი მინ აგოს წინაშე ღვთისა:

ესე

ესე

¹⁾ ღრია собственно, если тутъ ничего не пропущено, нужно читать **ღმერთთა**, но такое чтение не даетъ смысла.

²⁾ Это слово плохо вышло въ списки и чтение мое гадательное.

„Я недостойный и убогий душою цинамдзгварь Петръ удостоился построить сію часовню ¹⁾ во имя святыхъ апостоловъ въ возвсліченіе ихъ и въ моленіе сперва за патроровъ и достойныхъ воспитателей моихъ, и въ моленіе и поминовеніе души моей, и опредѣлилъ себѣ (для поминовенія) слѣдующій день праздника двѣнадцати апостоловъ. Кто будетъ (цинамдзгваромъ) изъ моихъ однофамильцевъ, тотъ пусть вспомнить обо мнѣ съ братією и по закону отслужить мнѣ обѣдню, и я да буду воспоминаемъ въ молитвахъ вашихъ. Если же достойное грѣховъ моихъ возмездіе воздастъ мнѣ Богъ, и изъ моихъ однофамильцевъ никого не будетъ, то кого вы, возлюбленные и хриstopодобные святые отцы и всѣ братья, найдете достойнымъ, и онъ будетъ опредѣленъ (цинамдзгваромъ) сперва патронами, а потомъ вами надъ построенной мною молельнію патрoпа атабега Авага, — пусть тотъ, не измѣняя ничего, позаботится о душѣ моей. Построена (сія молельня) моею рукою и рукою сына брата моего Иларіона, и никто не въ правѣ не вспоминать насъ. Если это мое опредѣленіе уменьшить и измѣнить кто-нибудь, будь онъ мой однофамилецъ или кто-нибудь другой нововестунившій, пусть будетъ измѣнникомъ христіанской религіи и отвѣтчикомъ за грѣхъ мой предъ Богомъ“.

Приведенная надпись по содержанию находится въ тѣсной связи съ армянскою надписью на крестѣ, о которой мы выше говорили и которая въ переводѣ гласитъ:

„Воздвигнуть сей крестъ во спасеніе Авага, въ аббатство Амазасна и въ цинамдзгварство Петре, въ годъ армянскаго лѣтосчисленія 693 (1244)“.

Это свидѣніе не оставляетъ никакого сомнѣнія, что грузинская надпись отнесется къ указанному нами времени

¹⁾ ճշմարտ եղերի собственно значить предѣлъ, но можетъ означать и отдѣльную молельню, часовню.

и лицамъ. Амазаспъ—армянскій епископъ, былъ настоятелемъ Ахпатскаго монастыря въ XIII вѣгѣ ¹⁾). Армянская надпись выраженіе *настоятель* въ примѣненіи къ Амазаспу выражаетъ армянскимъ словомъ, а въ примѣніи къ Петру—грузинскимъ. Причина этого понятна: Амазаспъ былъ армянинъ григоріанской вѣры и настоятелемъ армянскаго монастыря, а Петръ былъ грузинъ, православной вѣры и настоятелемъ православнаго Ахталскаго монастыря. Цинамдзгварство въ фамиліи, къ которой принадлежалъ Петре, какъ видно, было наследственное.

Мы должны еще замѣтить, что спасаларъ Иване и его сынъ Авагъ, армяне по происхожденію, по вѣроисповѣданію были православные. По словамъ армянскихъ историковъ Вардана Великаго, Киракоза Гандзавійскаго и Степана Орбелиани, Иване, принявъ православіе, взялъ у армянъ мѣстность, называемую *Пндзаханкъ* (мѣдный рудникъ), и воздвигъ тамъ грузинскій монастырь *Пндзаванкъ* (мѣдный монастырь). По свидѣтельству тѣхъ же историковъ, Иване и Авагъ похоронены у дверей *Пндзаванка*. На этомъ основаніи постройку главнаго Ахталскаго храма А. Д. Ерицовъ и нѣкоторые другіе относятъ ко времени царицы Тамары ²⁾. Но, если нельзя вѣрить сообщенію Вахушта, что нынѣшній Ахталскій монастырь построенъ Вахтангомъ Горгасланомъ, который учредилъ здѣсь епископскую кафедру, и мѣстному преданію, по которому Ахталскій монастырь будто былъ

¹⁾ Амазаспъ былъ родомъ изъ Ани. 1245 г. онъ воздвигъ въ Ахпатѣ прекрасную колокольню, въ слѣдующемъ году построилъ ворота монастырской ограды, а въ 1257 онъ соорудилъ въ Ахпатѣ великолѣпное зданіе, которое въ честь его названо „Амазаспомъ“. (Эрицовъ. Монастырь Ахтала въ Кавказской Старинѣ № 1, 1892 г., и Ахпатскій монастырь въ № 3 того же года. Муравьевъ. Грузія и Арменія ч. II, стр. 316).

²⁾ Ibid.

сооруженъ греческимъ императоромъ Иракліемъ въ VII в., то, принимая во вниманіе стиль монастыря, нельзя отнести его и къ такому позднему сравнительно времени, какъ вѣкъ царицы Тамары. Какъ ни блестяще царствованіе царицы Тамары, но въ архитектурѣ ея вѣкъ представляетъ скорѣе паденіе, чѣмъ прогрессъ. Намъ случалось видѣть почти всѣ грузинскія церкви, о которыхъ мы знаемъ, что онѣ дѣйствительно построены при Тамарѣ, но ни одна изъ нихъ не можетъ сравниться съ простотою, изяществомъ и тщательностью отдѣлки Ахталскаго монастыря. Ахталскій монастырь скорѣе произведеніе X—XI в., чѣмъ XII. Этимъ не умаляется свидѣтельство указанныхъ армянскихъ историковъ. Мѣстность Ахтала, гдѣ всегда добывалась мѣдная руда, могла называться *Пендзаханкомъ*, и Иване могъ и, вѣроятно, построить тамъ церковь, но была ли она главною Ахталскою церковью или другою, это еще вопросъ.

II. Въ этой церкви внутри, на престольномъ камнѣ, я нашелъ каменный крестъ, на которомъ красивыми буквами асомтавули написано:

✝^o ✝^o
 „Крестъ Христовъ.“
 օճճն՝Ն Մ՛Ն: ԼԵ:
 ԸՆ: ԵՆԵ ՕՅԿՄ՝ՐՈ: Ն
 ԳԶԼՈ ՆԳՄ՝Ր ԵՂ

„Да помянетъ Богъ Іордана, который сіе негодное мѣсто сдѣлалъ годнымъ“.

Крестъ этотъ, какъ видно, принесенъ сюда изъ другого мѣста Ахталы, которое могъ расчислить Іорданъ и воздвигнуть тамъ указанный крестъ.

III. Около завода у самой рѣчки имѣется двойная церковь въ честь Св. Троицы, которая выпзу имѣетъ нѣчто въ родѣ подвала. Эта церковь, какъ видно, имѣла много грузинскихъ надписей, но нѣкоторыя изъ нихъ исчезли при

новой реставраціи, другіе буквами асомтаврули еще имѣются на стѣнахъ и могильныхъ камняхъ.

1. ღისთვის ღცვა უკთ მძნო წონო
წღღისასა მოსე კნდეღვისათს.

„Ради Бога, святые отцы, сотворите молитву для грѣш-
наго Мосе (Моисея) Банделаки“.

2. იოანეს: უნ: ღნ
„Иоанна да проститъ Богъ“.

3. მოსეს მძს უნ ღნ
„Священника Мосе да простятъ Богъ“.

4. დეკნზი ნკლზ უნ ღნ
„Деваноза Николая да проститъ Богъ“.

5. სიმონს: უნ: ოფლო: ღო:
„Симона помилуй, Господи Боже“!

III. На грестѣ внутри церкви:

ძლეკე ქსი
„Побѣда Христа“
ამა ადგ
იღისა მშენე
ბეღთა ღტრეს
გის ღს სუნს
უნ ღთო
ღო

„Устроителей сего мѣста Димитрія, Георгія и Симеона
помилуй, Господи Боже“!

Е. Такайшвили.

Ультиматумъ персидскаго шаха Ага-Магометъ-Хана грузинскому царю Ираклію II.

Предлагаемый ультиматумъ составляетъ переводъ на грузинскій языкъ персидскаго фирмана Ираклію II. Онъ написанъ на полу-листѣ свней бумаги красивымъ письмомъ иждрули и любезно переданъ мнѣ многоуважаемымъ А. Д. Ерицовымъ, который, въ свою очередь, получилъ его отъ А. Туманова вмѣстѣ съ цѣлымъ мѣшкомъ другихъ грузинскихъ актовъ и бумагъ. Ультиматумъ шаха не имѣетъ даты, по крайней мѣрѣ ея нѣтъ въ грузинскомъ переводѣ, но не подлежитъ сомнѣнію, что онъ присланъ Ираклію до сентября 1795 года, т. е. до разоренія Тифлиса Ага-Магометъ-Ханомъ. Насколько намъ извѣстно, персидскаго оригинала этого ультиматума не существуетъ. Мы предлагаемъ грузинскій текстъ съ переводомъ его на русскій языкъ.

კმაღლობ ღწისა, რომელ დიდ არს სახელა მისი და დიდება.

ბეკედი
კრანის კელმწიფის
აღამაჰმად-შაჰისა.

ბრძანებას ამას ჩუქნისა გამოუცხადებთ მისს სიმაღლეს საქართველოს მეფეს.

მოდლოდნესა წულობისა ჩუქნისა ვითარმედ ესრეთ გუჯუნოს: სამეორდა ათისა წლისა უწინარეს რომელიდა საჩქე უანდაარს ქართველთა დაიჭირეს და კრანის ნამუსი წასდინეს, ის საჩქე, რომელიდა აწ გამოცხადებულად, რომელ შაჰ-სულთან უსუანგ მოიქუდარი-

არის და აღარც არის. ახლა თქვენმა უმაღლესობამაც იცის, რომ ეს
ასი თაობა არის, რომე ერანისანი ქყოფილ-ხართ. ახლა განკურნე-
ბით ვებრძანებთ, ვითამც რუსებს მოჰკიდებინართ, რომელთაც ამის
გარდა სხუა არა არის რა, რომ ერანში ივაჭრონ, რომელთაც საქმე
სოკდაგრობა არის. ოთხმოცდა ათის წლის კაცი ხარ და ამისთანა
საქმეებს ქმნიები, რომ ურჯულონი მოგიუწინა და მითან შეერთე-
ბულხართ, ნება მოგიცია, თუძეა თქუნი ქსჯული და ჩუნი ქსჯული
სხუა და სხუა არის და განთვსება აქეს, მაგრამ ყოველთვს ერანთან
შეერთება გჭინათ. ერანში თათარი, ქართველი, სომეხი, ურჯული
და მრავლის ქსჯულის სხვნინა არიან, ამისთვს ჰქამს, რომ ყო-
ვისავე სირცხული შენ გასწოა და ეს საქმე არა ქმნა. შარშანდელს
დროსა რამდენიმე ქართველნი მე გამაფრებინე, მეტადრე ჩუნი ნება
არ იყო, რომ ჩუნი უმანი ჩუნი გელით წამახდენინე. ახლა ქსწო-
რე ეს არის, ჩუნი ღთის მოწყალებით, რომლისაც ძლიერებითა ამს
დიდებასა შინა აღვიდით, ახლა ჩუნი დიდებული ნება ეს არის, რომ
თქვენ ერთი ჰკვიანი კაცი ხართ, ამგურნი საქმეები განიმოხროთ, რომ
ქუნი თანსლობიც არის, და რუსების შეერთებულება დაჰქმნა. თუ
ამს არა იქმ, რაც ვკიდრძანებთ, ამ ცოტას ხანში საქართველოზე მო-
კალთ, რუსთა და ქართველთ სისხლს ერთად დაგაქრვით და მტკიცის
მსკანსად მდინარეთა გააკვებთ. რადგანაც ამის შეტუობინება სჯი-
რო იყო, ამისთვს ეს ფარმანი მოგწერეთ, ჩუნი ბრძანებას არ გა-
დახუდე და შენი მდგომარეობა იცნა.

Благодарю Бога, ибо велика есть слава Его.

Печать
царя Ирана
Ага-Магометъ-Шаха.

Приказъ сей объявляемъ Его Высочеству царю грузин-
скому.

Ожидающему вашу милость да будетъ вѣдомо: дѣло,
которое грузины учинили семьдесятъ лѣтъ тому назадъ въ
Кандагарѣ и какъ они уронили честь Ирана,—это нынѣ уже
извѣстно, ибо Шахъ-Султанъ-Гусейнъ умеръ и его уже

нѣтъ болѣе въ живыхъ. Нынѣ и Ваше Высочество знаетъ, что въ продолженіе этихъ ста поколѣній Вы были подвластны Ирану; теперь же съ удивленіемъ изволимъ мы сказать, что Вы примкнули къ русскимъ, у которыхъ нѣтъ другихъ задачъ, какъ торговать въ Иранѣ и дѣло которыхъ только торговля. Ты человѣкъ пятидесяти лѣтъ и такія вещи допускаешь: привелъ невѣрныхъ, соединился съ ними и даешь имъ волю! Хотя ваша вѣра и наша неодинаковы и различны, но Вы всегда имѣли связь съ Ираномъ. Въ Иранѣ много татаръ, грузинъ, армянъ, невѣрныхъ и другихъ религій; поэтому слѣдуетъ, чтобы Вы постыдились предъ всѣми и не допустили этого дѣла. Въ прошломъ году ты заставилъ меня погубить нѣсколькихъ грузинъ, хотя мы совершенно не желали, чтобы наши подданные погибли нашою же рукою. Теперь по милости Бога, силой Котораго мы достигли столь большого величія, вѣрность заключается въ слѣдующемъ: нынѣ великая наша воля, чтобы Вы, какъ умный человѣкъ, бросили такого рода дѣло, такъ какъ въ этомъ и говоръ (желаніе) страны, и порвали бы связь съ русскими. Если приказанное не исполнишь, то въ это короткое время совершимъ походъ на Грузію, прольемъ вмѣстѣ русскую и грузинскую кровь и изъ нея создадимъ рѣки наподобіе Куры. Такъ какъ слѣдовало извѣстить тебя объ этомъ, для этого мы Вамъ написали сей фирманъ, чтобы ты не ослушался нашего приказанія и позналъ свое положеніе.

Е. Такайшвилл.

АРМЯНСКІЯ ДРЕВНІЯ РУКОПИСИ

монастыря св. Өомы ¹⁾).

Послѣ изобрѣтенія св. Месропомъ армянскаго алфавита (въ 406 г.), переводомъ Библии начинается армянская литература. Съ переводомъ Библии, при разныхъ монастыряхъ Арменіи стали открываться школы, гдѣ монахи, съ цѣлью готовить будущихъ церковнослужителей, стали обучать дѣтей ученію Христа и армянскому азыку. Такимъ образомъ школьное дѣло вмѣстѣ съ литературой долгое время служило у армянъ, какъ и у другихъ народовъ, монополіей въ рукахъ духовенства, которое, для поддержанія своего авторитета и сословнаго вліянія на народъ, дало литературѣ церковное направленіе. Церковная литература у армянъ, благодаря своей односторонности, служила какою-то китайской стѣной между Европой и Арменіей. Европейскія науки, движеніе новыхъ мыслей и цивилизація, благодаря этой китайской стѣнѣ, долгое время не имѣли доступа въ Арменію. Армянское духовенство день и ночь заботилось только о церковныхъ книгахъ, коими всегда оно старалось заполнять монастыри и церкви. Монахи, сидя въ своихъ кельяхъ, съ великимъ терпѣніемъ цѣлыми годами трудились «для спасенія своей души», переписывая на пергаментахъ молитвословы, часословы, псалтыри и проч., разрисовывали ихъ разноцвѣтными красками, украшали ихъ золотыми буквами и орнаментами

¹⁾ Монастырь этотъ описанъ нами въ XIII вып. „Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“.

и просили читателей грядущих поколѣвій не поминать лихоюъ такого-то «недостойнаго слугу», написавшаго такую-то книгу, а пожелать ему царства небеснаго. Несмотря на то что многочисленныя рукописи, по распоряженію армянскихъ верховныхъ патріарховъ, изъ разныхъ концовъ Арменіи собраны въ Эчмиадзинскій музей, но все же и до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ попадаются интересные экземпляры. Такуъ, во время моего путешествія по Эриванской губерніи, въ Акулисскомъ¹⁾ монастырѣ св. Өомы миѣ пришлось разобрать 70 такихъ древнихъ рукописей, изъ коихъ 18 евангелій, 4 словаря (съ древне-армянскаго на ново-армянскій), 1 грамматика древняго армянскаго языка и логика, а остальные — разныя духовныя книги. На обложкахъ и на первыхъ и послѣднихъ страницахъ нѣкоторыхъ изъ этихъ рукописей есть нѣсколько интересныхъ замѣтокъ и народныхъ медицинскихъ совѣтовъ. Мы остановимся лишь на тѣхъ замѣткахъ, которыя болѣе или менѣе проливаютъ свѣтъ на исторію армянъ и Кавказа. Мы здѣсь по порядку приводимъ армянскій оригиналъ этихъ историческихъ замѣтокъ, съ ихъ переводомъ на русскій языкъ.

На первыхъ страницахъ одного рукописнаго евангелія есть интересныя замѣтки объ Ага-Мамедъ-ханѣ. Замѣтки эти записаны архимандритомъ Авраамомъ Астапатскимъ²⁾ 12-го января 1796 года, по приказу гоxtанскаго³⁾ епархіальнаго начальника, жившаго въ монастырѣ св. Өомы. Какъ мы увидимъ изъ нижеприведеннаго текста, самъ Авраамъ Астапатскій былъ современникомъ Ага-Мамедъ-хана. Евангеліе же, о которомъ идетъ рѣчь, относится къ болѣе отдаленному вре-

¹⁾ Сел. Акулисм находится въ Ордубатскомъ участкѣ Нахичеванскаго уѣзда.

²⁾ Сел. Астапатъ, около города Нахичевани Эрив. губ.

³⁾ Сел. Акулисм и его окрестности встарину наз. областью Гоxtъ.

мени—въ 1661 году; оно написано, какъ о томъ свидѣтельствуетъ надпись на обложкѣ книги, Агамаломъ Джульфинскимъ въ городѣ Тифлисѣ, при вѣтоливосѣ Яковѣ и при грузинскомъ царѣ Шахнувазѣ. Это евангеліе было похищено магометанами, но впоследствии было выкуплено акулисскимъ богачомъ, Мартиросомъ Тутяномъ, и пожертвовано монастырю св. Θомы, гдѣ и хранится донынѣ.

Вотъ что пишетъ Авраамъ Астапатскій объ Ага-Медъ-ханѣ.

„Առ մերոյս ժամանակաւ որդին Մահմադ.—Հասանայ՝ մեծագոր բռնաւորին՝ Աղայ-Մամադ խանն՝ ըստ յաջողելոյ բազդին զօրացեալ յոյժ՝ ինքն գրաւեաց զբողանգակ աշխարհն պարսից և արբեաց մասնաւորապէս նաև ալլոց աշխարհաց. և թագաւորական շքով և անուամբ նստէր ՚ի քաղաքն Թէհրան: Սա ՚ի թուականիս մերում ՌՄԽ եկն անթիւ բազմութեամբ զօրաց ի Դաւրէժ քաղաք և ի Մարանդ գաւառ. և անտի հրաւիրակս առաքեալ՝ զԱտրպատական երկրի ինքն կոչեաց զամենայն նախարարս, այսինքն՝ զխանս Հատրպէճանու, սկսեալ ի յորմոյ մինչև յԱրտաւիլ, ընդ որս և զքաջ իշխողն նախուանու՝ զԲեալպալի խանն՝ զորդին Հասան խանին: Որք հնազանդութեամբ գնացին առ նա և եղեն նմա հարկատուք: Եւ նորա մեծապէս պատուեալ զսոսա զամենեւին, գարձոյց իւրաքանչիւր տեղիս, առնելով պատանդս, այսինքն զավալս ի նոցանէ, զոմանց կանայս և զոմանց որդիս և զեղբայրս: Բայց Հերակլ բարեպաշտ արքայն Վրաց և նախարարքն Շուշի բերդին և Երևանայ՝ ոչ կամեցան մտանել ընդ լծով հնազանդութեան նորա: Եւ նա ի նմին ամի գարձ արարեալ՝ գնաց ի քաղաքն իւր ի Թէհրան: Եւ զկնի երկուց ամաց առաքեաց զՍուլէյման խանն, որոյ եկեալ նստաւ ի Դաւրէժ քաղաքի և կոչեաց առ ինքն զԲեալպալի խանն նախուանայ, կասկածեալ ի նմանէ վասն քաջութեան նորին, զի մի ապստամբեցի: Զոր առեալ ընդ իւր տարաւ ի

Թէհրան առ Աղայ Մահմադ խանն: Որ և մնաց անդէն առ նմին տմս երկու և ի բազում տեղիս՝ բազում քաջագործութիւնս և յազթութիւնս արարեալ՝ պատուեցաւ եւ փառաւորեցաւ յօրթ ի նմանէ, և ստացաւ անուն Քաջութեան. վասն զի նոս ինքն Քեալպալա խանն՝ էր իրաւասէր և արգարագատ, խնամող Հայկազեանս ազգի, սիրող եկեղեցեաց և վանորէից, միանգամայն և քաջամուտ և յաջողակ ի զինուորական իրողութիւնս, և առիւծանմա՝ հզօր ի պատերազմի, որ անձամբ անձին՝ մղեալէ զբազում պատերազմունս՝ յազթական: գտեալ յամենայնի օգնականութեամբ վերին զօրութեան: Քանզի ի թուականութեան մերում ՌՄԼԸ, նախարարն Ահարայ, այնէ Ղարադաղի Մուստաֆայ խանն՝ եկն բազում զօրօք ի վերայ Գողթան գաւառիս. և կողոպտեալ յաւարի էառ զամենայն ինչս մեծի առաքելական Աթուոյս. և եկեալ Քեալպալի խանին՝ խորտակեաց զզօրութիւն նորա՝ մեծաւ քաջութեամբ և փախոյց զնա ամսթով յետս: Եւ զկնի երկուց ամաց՝ Իպրահիմ խանն Շուշի բերդին՝ ժողովեալ զլեւնականս, որք Լեկզի կոչին, եկն ի վերայ սորա ծանր զօրօք. և սա ամբացաւ ի բերդն իւր ի նախշուան: Եւ յետ քանի մի աւուրց օգնութիւն գտեալ ի յերևանայ և ի Մոյոյ, ել ի յամրոցէն և եհար չարաչար զզօրս նորա և ցանկցիր կացուցեալ՝ փախտական արար: Եւ այլ բազում մասնաւոր քաջութիւնս գործեաց, զորոց չէ տեղւոյս գրել մի ըստ միոջէ: Զոր և ի թուականութեան մերում ՌՄԽԳ, առեալ ընդ իւր Աղայ Մահմադ խանին՝ գնաց ի վերայ Նիւթալի խանին՝ որ նստէրն ի Քիրման քաղաքի: Զոր յետ պաշարելոյն ամիսս ութ, էառ մեծաւ պատերազմաւ. զբազումս ի բնակչացն սրոյ ճարակ ետ և զնոյն ինքն՝ զՆիւթալի խանն՝ ձերբակալ արարեալ, կուրացոյց զաչս նորա, որ զկնի սակաւուց իւրովի դեղակուր եղեալ՝ վճարեցաւ ի կենաց: Յետ որոյ առաւել ևս զօրացեալ Աղայ Մահմադ խանին, հաստատեցաւ յիշխանութիւն իւրում: Եւ ի թուականիս մեր ՌՄԽԹ եկն միւս անգամ անթիւ բազմութեամբ զօրաց պարսից ի յԱտրպատական երկիր, բերելով ընդ իւր և

զՔեալպալա խանն: Եւ անցեալ ընդ Երասխ գետ, դիմեաց ի յԱրցախ աշխարհն, որ է Ղարաբաղ, և պատեաց զանառիկ և զընդարձակ բերդն Ծուշի: Եւ անտի ասպատակ սփռեալ՝ յաւարի էառ զդաւառան Աբանդայ՝ զՁաւանդուր և զԳիւնէիւզ և գերեաց զբազումս: Եւ զեղբայրն իւր զԱլիզուլի խանն առաքեաց երկոտասան հազարօք առ Նախջուանաւ ի վերայ Երևանայ. որոյ եկեալ բանակեցաւ հանդէպ բերդին, ուր եկն ընդ առաջ նորա աստուածապատիւ Հայրապետն մեր տէր Ղուկաս իրջանիկ կաթողիկոսն սուրբ Աթոռոյն Էջմիածնի, իբրև քաջ հովիւ՝ գնելով զանձն իւր ի վերայ հօտին: Եւ մատոյց նմա բազում ընծայս՝ ըստ արժանւոյն՝ ջանահնար լինելով յամենայնի, զերծ պահել զսուրբ Աթոռն ի գլխաւոր վնասուց, և առ այս՝ ծախեաց անդէն առ դրան նորա չափազանց գրամս: Եւ ինքն սրբազան Հայրապետն՝ մեծապէս պատուեալ՝ փառաւորեցաւ և խիլայեցաւ ի նմանէ: Իսկ յետ աւուրց ինչ զօրավարն պարօից մեկնեցաւ անախ, առեալ պատանդս ի Մահմադ խանէն Երևանայ՝ զկին և զեղբայրն նորին. և գնաց դէպ ի Վրաստան: Քանզի Աղայ Մահմադ խանն (որ նստէրն ի վերայ Ծուշի բերդին) իբրև ետես՝ եթէ պաշարումն քաղաքի երկարի յոյժ և դժուարին է առնուլն, եթող զայն և խողաց ամենայն հեթանոսական բազմութեամբ յաշխարհն վրաց. և փախուցեալ զարքայն նոցա զբարեպաշտ Հերակլ, էառ զմայրաքաղաքն Տփլիս՝ սր է Թիֆլիզ. քանզեալ աւերեաց զշինուածս քաղաքին, կոտորեաց զբազումս ի բերան սրոյ. և զանհամար քրիստոնեայս՝ մանաւանդ զհայս ի գերութիւն վարեաց՝ ընդ ծովացեալ մեղաց մերոց. և յաւարի էառ զամենայն ինչս և ստացաւծս նոցա և զանօթս եկեղեցեացն: Մանաւանդ զմայր Աթոռոյն մերոյ՝ սրբոյն Էջմիածնի՝ մեծագին զգեստս, և զմարգարտաշար և զտկանակուռ թագս և սողաւարտս, և զոսկեղէն և զարծաթեղէն ծանրագին անօթս, որք անդէն ի նմին քաղաքի ի պահեստի էին. ընդ նոսին և զբազում պատուական գրեանս: Եւ յետ աւուրց, ընդ կրունկն դարձաւ անախ Աղայ

Մահմադ խանն և եկն ի սահմանս Գանձակայ, որէ Գանջայ: Եւ զի Քեալպալի խանն Նախջուանու՝ փեսայ էր Մահմադ խանին Երևանայ, զսա առաքեաց անտի առ Մահմադ խանն հաւանեցուցանել զնա և ածել առ ինքն: Որոյ եկեալ յԵրևան, միամտեցոյց զաներն իւր, երեշխաւօր զնելով զինքն վասն նորա առաջի Աղայ Մահմադ խանին, և առեալ ընդ իւր՝ տարաւ առ նա: Զոր բազում սիրով ընկալեալ Սղայ Մահմադ խանին, մեծապէս պատուեաց, իբրև զազգակտն իւր՝ քանզի և իշխողն Երևանայ բուն ազգաւ պարսիկ էր, որոյ ցեղն յատուկ անուամբ Ղաճեար կոչի: Եւ յեա սակաւուց՝ չուեաց անտի Աղայ Մահմադ խանն և եկն ի յարգաւանդահող և ի յընդարձակ դաշտն Մուղան. և բանակ հարեալ՝ նստաւ անդ: Եւ ի նմին տեղւոջ խիլայեաց զՄահմադ խանն Երևանայ. և մեծապէս փառաւորեաց, կացուցեալ զնա մարզպան, այսինքն է՝ պէկլարբակի, և դարձոյց ի տեղի իւր: Եւ քանզի անդր քան զԿուր գետն՝ եղեալ նախարարք, այսինքն՝ Դարբանդայ, և Բաքուայ, և Նուխուսոյ, և այլոց տեղեաց ևս խանքն՝ հնադանգեալ էին Աղայ Մահմադ խանին և թոշակ աային զօրաց նորա, և միայն Շամախի էր ի միջի անդ ապստամբ: Վասնորոյ առաքեաց Աղայ Մահմադ խանն զքոջ զօրավարն իւր զՔեալպալի խանն բազում զօրօք ի վերայ Շամախուոյ: Որոյ գնացեալ անդր, յապականութիւն դարձոյց զերկիրն, և պատեալ՝ պաշարեաց զամրոցն, ուր էր արգելեալ ինքն նախարարն Շամախուոյ: Բայց զկնի սակաւուց՝ ի տեղի Քեալպալի խանին՝ առաքեաց Աղայ Մահմադ խանն՝ զայլ ոմն զօրավար և զնա երբր առ ինքն. և մեծապէս պատուեալ՝ փառաւորեաց, և դարձոյց խիլայիւ ի քաղաքն իւր ի Նախջուան: Եւ ինքն Աղայ Մահմադ խանն բանակեալ է խառ այժմ ի Մուղան դաշտին, ունի ձմերել անդէն, և յաւուրս դարնան զնալ վերստին ի վերայ Շուշի բերդին. և առ նոյն ժամանակաւ՝ թէ զինչ իրագործութիւնք հանգերձեալ են լինել, Աստուծոյ է գիտել, Որ է Տէրն ժամանակաց...“

П Е Р Е В О Д Ъ .

„Въ наше время сынъ Мамедъ-Гасана, великаго и могучаго тирана, Ага-Мамедъ-ханъ, по своему счастью чрезвычайно усилившись, покорилъ вполнѣ персидскую землю, завладѣлъ отчасти другими землями и, объявивши себя царемъ, сталъ жить въ городѣ Тегеранѣ. Онъ въ 1240 (=1791) году нашей эры съ безчисленнымъ войскомъ отправился въ городъ Даврежъ (Тавризь) и область Марандъ и, оттуда разославъ пословъ, вызвалъ къ себѣ всѣхъ вельможъ страны Атрапатана¹⁾, т. е. хановъ Азербеджана, начиная отъ Урміи до Артавила (Ардабиля), вмѣстѣ съ коими вызвалъ и храбраго владѣтеля Нахичевани, Кялбалай-хана, сына Гасанъ-хана; всѣ они съ покорностью пошли къ нему и сдѣлались его подданными. Онъ съ большими почестями принялъ ихъ и возвратилъ каждому изъ нихъ въ ихъ владѣнія, отобравъ отъ нихъ заложниковъ—у кого женъ, у кого дѣтей и братьевъ. Но Ираклій, благочестивый царь Грузіи, и владѣтели шушинской и эриванской крѣпостей не захотѣли подчиниться ему. *Ага-Мамедъ-ханъ* въ томъ же году вернулся въ свой городъ Тегеранъ. И черезъ два года онъ отправилъ Сулейманъ-хана въ Тавризь; тотъ, пришедши сюда, вызвалъ къ себѣ Кялбалай-хана Нахичеванскаго, но, опасаясь его храбрости, какъ бы онъ не возсталъ,—взялъ его съ собой въ Тегеранъ къ Ага-Мамедъ-хану. Тамъ оставался *Кялбалай-ханъ* два года и, въ разныхъ мѣстахъ совершивъ много подвиговъ и одержавъ много побѣдъ, прославился у него (царя), какъ герой. Бъ тому же, Кялбалай-ханъ всегда любилъ истину, былъ справедливъ, оберегалъ гайганскій нашъ народъ, любилъ церкви и монастыри, былъ искусный знатокъ военнаго дѣла и на войнѣ былъ могучъ, какъ левъ; онъ лично велъ много

¹⁾ По греч. называлась сѣверная часть Мидіи 'Ατροπατηνὴ или 'Ατροπατῖα Μηδία; въ настоящее время—Азербеджанъ. *Ред.*

войнъ и всегда одерживалъ побѣды съ помощью силы Всевышняго. Когда въ 1238 (=1789) году владѣтель Агара ¹⁾, Гарадагскій Мустафа-ханъ, со многочисленнымъ войскомъ напалъ на область нашу Гохтвъ и разграбилъ всё имущество нашего великаго апостольскаго престола, то тогда пришелъ Кялбалай-ханъ, съ большей храбростью разбилъ его силы и обратилъ его въ постыдное бѣгство. И черезъ два года, Ибрагимъ, ханъ шушинской крѣпости, собравъ горцевъ, называемыхъ лезгинами, съ огромнымъ войскомъ двинулся на *Кялбалай-хана*, но тотъ укрѣпился въ своей крѣпости, въ Нахичевани. Черезъ нѣсколько дней, получивъ помощь изъ Эривани и изъ Хоя, онъ вышелъ изъ крѣпости, разбилъ *неприятельское* войско и обратилъ въ бѣгство. И много другихъ подвиговъ онъ совершилъ, о которыхъ здѣсь неумѣстно распространяться. Въ 1243 (=1794) году нашей эры Ага-Мамедъ-ханъ взялъ его съ собой и пошелъ на Нютали-хана ²⁾, который жилъ въ городѣ Кирманъ ³⁾. Послѣ восьмимѣсячной осады и большой битвы онъ взялъ городъ, многихъ изъ жителей перерѣзалъ и, поймавъ самого же Нютали-хана, ослѣпилъ его; черезъ нѣкоторое время, онъ (Нютали-ханъ) отравился и покончилъ со своей жизнью. Послѣ этого, еще больше усилившись, Ага-Мамедъ-ханъ упрочился въ своей власти. И въ 1244 (=1795) году, съ безчисленнымъ войскомъ персидскимъ онъ снова направился въ страну Атрапатаканъ, взявъ съ собою и Кялбалай-хана. Перейдя черезъ рѣку Араксъ, онъ направился въ страну Арцахъ, т. е. Карабагъ и обложилъ неприступную и большую крѣпость Шушу. Тамъ онъ разграбилъ земли Абандъ, Човундуръ, Гюнеюзъ и взялъ оттуда много плѣнниковъ. Брата своего, Алигули-хана, онъ отправилъ съ 12,000 войска на Эриванъ; *когда* тотъ пришелъ и остановился лагеремъ

¹⁾ Городъ къ сѣверо-западу отъ Ардабила.

²⁾ Навтали-ханъ.

³⁾ Керманъ—городъ въ юго-восточной Персiи.

противъ крѣпости, то сюда пришелъ ему навстрѣчу богочестивый отецъ нашъ, блаженный католикосъ св. Эчмиадзинскаго престола, Лука, который, какъ храбрый пастырь, оберегалъ свою паству. И приподнесъ онъ ему много цѣнныхъ подарковъ, стараясь этимъ спасти св. Престолъ отъ крупныхъ убытковъ; съ этой цѣлью онъ потратилъ много денегъ. Самъ святѣйшій католикосъ былъ принятъ ханомъ благосклонно и съ большими почестями. Черезъ нѣсколько дней персидскій полководецъ, отобравъ въ заложники у Мамедъ-хана Эриванскаго его жену и брата, удалился оттуда и пошелъ на Грузію. Ибо когда Ага-Мамедъ-ханъ, осаждавшій шущинскую крѣпость, увидѣлъ, что осада города слишкомъ долго тянется и трудно будетъ его взять, то оставилъ осаду и двинулся со всей языческой толпой своей на Грузію; *затѣмъ*, обративъ въ бѣгство грузинскаго царя, благочестиваго Ираклія, взялъ столицу Тпхисъ, т. е. Тифлисъ; разрушилъ и превратилъ въ развалины постройки города, перерѣзалъ многихъ и взялъ въ плѣнъ безчисленное множество христіанъ, въ особенности армянъ, за наши тяжкіе грѣхи; разграбилъ все имущество и церковныя сосуды. Онъ въ особенности разграбилъ имущество, принадлежавшее Престолу нашему св. Эчмиадзина—дорогія ризы, осыпанныя дорогими камнями и жемчугомъ, короны и митры, золотыя и серебряныя дорогіе сосуды и много хорошихъ книгъ, которыя хранились въ томъ городѣ. И черезъ нѣсколько дней Ага-Мамедъ-ханъ вернулся оттуда и двинулся къ границамъ Гандзака, т. е. Ганджи ¹⁾). И такъ какъ Кялбалай-ханъ Нахичеванскій былъ зять Мамедъ-хана Эриванскаго, поѣтому *Ага-Мамедъ-ханъ* отправилъ его оттуда къ Мамедъ-хану уговорить его пріѣхать къ царю. *Кялбалай-ханъ* отправился въ Эриванъ къ своему тестю, сталъ его уговаривать, успокаивать и, поручившись за него своей

¹⁾ Елисаветполь, по арм. Гандзакъ=гандз (сокровище)—аз (источникъ).

жизнью, взявъ его съ собой къ Ага-Мамедъ-хану. Ага-Мамедъ-ханъ любезно и съ большими почестями принялъ его, какъ своего единоплеменника, ибо и сей владѣтель Эривани принадлежалъ къ персидскому племени Гаджаръ. Черезъ нѣкоторое время Ага-Мамедъ-ханъ удалился оттуда и, придя въ плодосную и пространную Муганскую степь, остановился здѣсь лагеремъ; здѣсь онъ наградилъ Мамедъ-хана Эриванскаго дорогими подарками и, назначивъ его беглярбегомъ, отпустилъ въ его владѣнія. И такъ какъ все ханы, владѣвшіе землями по ту сторону Буры, т. е. ханы Дербенда, Баку, Нухи и др., были подчинены Ага-Мамедъ-хану и давали жалованье его войскамъ, а ханъ шемахинскій все восставалъ противъ него, поѣтому онъ (Ага-Мамедъ-ханъ) отправилъ съ большимъ войскомъ своего храбраго полководца Бялбалай-хана на Шемаху. Тотъ предалъ опустошенію весь край и осадилъ крѣпость, гдѣ находился самъ владѣтель Шемахи: Но черезъ нѣкоторое время, на мѣсто Бялбалай-хана Ага-Мамедъ-ханъ отправилъ другого полководца, а его вызвалъ къ себѣ, наградилъ и отправилъ обратно въ Нахичевань. Самъ же Ага-Мамедъ-ханъ въ настоящее время стоитъ лагерь въ Муганской степи и, по истеченіи зимы, думаетъ весною снова двинуться на Шушинскую крѣпость; а то, что случится въ будущемъ, только вѣдаетъ Богъ, Который есть Владыка временъ...¹⁾“

Одна изъ самыхъ древнихъ рукописей монастыря св. Өомы есть евангеліе, написанное въ 1295 году, въ царствованіе армянскаго царя Гетума. Приводимъ замѣтки, записанныя въ этомъ евангеліи.

¹⁾ Предчувствіе архимандрита Авраама сбылось: черезъ годъ послѣ того какъ имъ были написаны эти замѣтки, въ 1897 г., Ага-Мамедъ-ханъ былъ убитъ подъ Шушою его же слугою. *Ред.*

„Նորհիւ Տեառն սկսայ և ողորմութեամբ Նորին կաա-
րեցի զփրկաւէա աւետարանս ես, Թորոս, ի ԶԻ Թուականիս,
ի Թագաւորութեանս բարեպաշտ և աստուածասէր արքային
Հայոց Հեթմոյ, որդւոյ Լեոնի, ի դառն և ի գժնդակ ժա-
մանակիս, որ էր հալածումն քրիստոնէից, զոր յայսմ ամի
քանգեալ աւերեցան գեղեցկաշէն քաղաքքն հռովմայեցւոց ծո-
վեղերեայքն Տրսպոլսոյ և Աքայիոյ. և եկեղեցիք քրիստոնէից
եղեն հօտից և խաշանց փարախ. և զկնի մի ամի առաւ աս-
տուածարեալ գղեական Հռովմայ ի գոռոզէն Փարաւոնէ, որ
էր աթոռ հայրապետացն Հայոց. և սպասք սրբութեան գե-
րի վարեցաւ հանգերձ մեր գլխովն հայրապետաւն, որոյ
անունն էր Ստեփաննոս. և հասեալ ի քաղաքն Դամասկեա
ճշնաւորական հանդիսիւ փոխեցաւ յաստեացս, և եթող սուգ
անմխիթար ազ. իս Հայոց. և յայնժամ խորհուրդ ի մէջ ա-
ռեալ Թագաւորն Հայոց Հեթում բոլոր ուխտիւն եկեղեցւոյ և
իշխանօքն հանգերձ, շնորհել բերդ ամուր և երկիր առատ
սուրբ Աթոռոյ Լուսաւորչին առ ի հաստատել վերստին. և
առաքեն զիմս նուաստութիւն և զսիրելի և զաննգտից եղ-
բայրն իմ զպատուելի եպիսկոպոս՝ զտէր Թումաս՝ յաշխարհս
արևելից, առ ի մեծաբանս եպիսկոպոսաց և իշխանաց, գալ
վերստին նորոգել զԱթոռ սուրբ Լուսաւորչին. և մեզ հրա-
մայեալ ի Թագաւորէն և ի սուրբ ժողովոյն, յառաջագոյն
գալ ի գիրս սուրբ առաքելոյն Թագէտոսի, առ գերահուչակ
և արժանապատիւ եպիսկոպոսն տէր տիրացուն, որ էր առաջ-
նորդ սուրբ ուխտիս Թագէտոսի առաքելոյ: Եւ յայսմ ժամա-
նակի փայլէր, իբրև ջահ վառեալ ի մէջ գիշերի, որ էր նա-
ւահանգիստ վտանգելոց, քաղցելոց և ծարաւելոց, շնորհօք
սուրբ առաքելոյն, և ը ամաւ յառաջ եկեալ սուրբ արքայն
Հայոց Լեոն բարի և սնուցող և երախտաւոր տէրն իմ յայս
սուրբ ուխտս. և բազում սէր գտեալ արքային Հայոց ի սի-
րոյ եպիսկոպոսէս տէր տիրացուէ. նաև ես նուաստս Թորոս
վայելեալ ի սէր սորա և ի “

П Е Р Е В О Д Ъ.

„Съ помощью Бога и милостью Его написалъ сіе спасительное Евангеліе я, Торось, въ 740 (=1295) году, въ царствованіе благочестиваго и боголюбиваго царя армянскаго, Гетума ¹⁾, сына Левона, въ горькое и лихое время, когда было гоненіе на христіанъ; въ этомъ году были разрушены прекрасныя приморскіе римскіе города, Траполь ²⁾ и Ахая ³⁾ и христіанскія церкви были превращены въ хлѣва и овчарни. Черезъ годъ гордымъ фараономъ ⁴⁾ была взята крѣпость Громкля ⁵⁾, гдѣ находился престолъ армянскихъ патріарховъ; все церковное имущество, вмѣстѣ съ нашимъ католикосомъ Степаносомъ, было взято непріателемъ; католикосъ въ городѣ Дамаскѣ скончался и оставилъ народъ армянскій въ траурѣ. Тогда армянскій царь Гетумъ, посовѣтовавшись со всею братіей церкви и со всѣми вельможами, рѣшилъ перестроить крѣпость и возобновить св. Престолъ Просвѣтителя. И отправили меня, низайшаго слугу, и родного брата моего, почтеннаго епископа Томаса, на востокъ пригласить епископовъ и вельможъ прійти и возобновить св. Престолъ Просвѣтителя; намъ было приказано отъ царя и отъ священнаго собора заблаговременно прибыть въ монастырь св. апостола Фаддея ⁶⁾ къ преосвященному здѣшнему епископу. И въ это время этотъ епископъ сіялъ, какъ зажженная ночью люстра; онъ былъ спасительной пристанью для погибающихъ и голодающихъ. Восемь лѣтъ тому назадь, святой царь армянскій Левонъ, добродѣтельный мой повелитель, былъ въ этомъ монастырѣ и былъ возлюбленъ этимъ епископомъ; я, Торось, тоже удостоился его любви... (Далѣе не хватаетъ листовъ).

¹⁾ ՀԵՏՈՒՆ.

²⁾ Вѣроятно, Τρίπολις въ древней Финикіи.

³⁾ Вѣроятно, Ἀχαΐα въ Малой Азіи. *Ред.*

⁴⁾ Египетскимъ султаномъ, послѣ послѣдняго Крестоваго похода.

⁵⁾ Հրոմկլա, одна изъ сильныхъ крѣпостей древней Арменіи.

⁶⁾ Монастырь св. Фаддея находится въ Макинскомъ ханствѣ, въ сѣверо-западной Персіи, недалеко отъ р. Аракса.

Въ послѣсловіи книги «Толковаія Сергія Благодатнаго», написанной въ 1489 году, мы нашли слѣдующія замѣтки.
„Գրեցաւ սա յերկիրս Ռշուռնեաց, ի գիւղս որ կոչի Շատուան, ընդ հովանեաւ սուրբ Աստուածածնին և սրբոյն Սոփանոսի նախավկային և սուրբ Գէորգայ զօրավարի, յամի եառն ՋԼԸ յառաջնորդութեան տեառն Զաքարիայի նորընծայ կաթուղիկոսի: Այլ և յաշխարհակալութեան Աղուլթ խանին՝ ի դառն և վշտաբեր ժամանակի, յորում միահամուռ ամենեքեան ընթացան զհետ ոչնչին եւ գաանեն զոչինչ եւ դարձան ի մոլոր օրէնսն Սահմեդի, որ արձակ ճանապարհաւն տանի ի կորուստ. և բռնադատեն զամենեսեան զմանկունս եկեղեցւոյ դառնալ ի սնոտի և ի պատիր յոյսն իւրեանց, հալածեն, նեղեն և տառապեցուցանեն, զոմանց զինչսն յափշտակելով, զոմն տանջելով, զոմն հայհոյելով. և ոչ այսու վերջացան՝ այլ և զբազում եկեղեցիս տապալեցին,² և զխաչ, և զաւետարան նախատեցին: Եւ այս ամենայն եկն ի վերայ մեր վասն մեզաց մերոց, և ոչ դառնամք և ոչ զզջանամք, զի միմիանս տատմք, փոխանակ սիրոյ, և մատնեմք, փոխանակ բարւոյ: Եւ Տէր Ամենակալ երկայնամիտ լինի ի վերայ չարեաց մերոց...“

П Е Р Е В О Д Ъ .

„Написано сіе въ землѣ Рштуникъ *), въ селеніи Шатуанъ, въ 1489 году, годъ покровомъ св. Богородицы, св. Степаноса Первомученика и св. Георгія Побѣдосца, при католикобѣ Захаріи и при Агуть-ханѣ, въ горькое и печальное время, когда всѣ, заблудившись, приняли ничтожную религію Магомета, ведущую всѣхъ прямымъ путемъ къ гибели; всѣхъ дѣтей церкви насильно заставляли принять ихъ пустое лжеученіе, преслѣдовали (христіанъ), мучили; у одного грабили имущество, другого мучили, притѣсняли, третьяго бранили. Кроме того, разрушили много церквей, осквернили

*) Часть Васпуракана, обширѣйшей провинціи древней Арменіи. Въ этой провинціи находится озеро Ванское.

евангеліе и крестъ; и все это пришло на насъ за наши грѣхи, ибо мы не каемся; ибо, вмѣсто любви, ненавидимъ другъ друга; вмѣсто добра, выдаемъ другъ друга. И пусть Всемо-гущій Богъ спасетъ насъ отъ всѣхъ золъ...“

Замѣтки, записанныя въ евангеліи въ 1579 году

Այլև գրեմ զպատճառն աւետարանիս ի թուարբերութեան հայկազեան տօմարիս ՌԻՇ Թուրին: Սպանեցաւ Եահ-Իսմայիլն ի ձեռն ըստ ոսոխին իւրոյ, և կանգնեցաւ թագաւոր մի արիւնարբու և անողորմ, անուն Խուդաբանգալ կոչեցեալ, որ էր եղբայր Եահ-Իսմայիլին. և ի թագաւորելն նորա՝ շարժեաց բարկութիւն աստուածային ի վերայ երկրի: Ահա առաջինն վերացաւ սէրն ի մարգկան: Յառաջ աստուածայինն և ապա իշխանացն. զարձեալ բորբոքեցաւ սուր սուսերի և պատերազմունք. և եկն սով աստիկ և մահաարածամ: Ով եղբայրք, մի ամօթ համարէք բանս այս և. սուգ մեծ մնացեալ է ի որդիս մարդոյ, և տեսանք աջօք մերովք, որ աւերեցաւ բազում երկիր և եկեղեցեաց ճրագ անցաւ. եւ զոմն մահաջինջ եղեւ, և զոմն անօրինաց ահէն կոծայր, և ոմն նեղեալ սովու, և թարշամեալ անձինն՝ վայ տայր. լալու է ժամանակս այս, որ հայրքն ոչ ճանաչէին զորդիս իւրեանց. և այլք իզազիր յիրօք կերակրեցան. և մի ոմն ճաշակեաց զմիս որդւոյն և եղբօր իւրոյ. և այլք բազումք մեռան, կորստական և կերակուր եղան գազանաց և ըստ օրինացն իւրոց ոչ թաղեցան. և եկն այսամենայն պատուհաս վասն ծովացեալ մեղաց մերոց: Եւ այր ոմն Սիմէօն անուն և կողակիցն իւր Նանէն, որ էին հեղև խոնարհ, հիւրընկալ և աստուածասէր. որ ունէին որդի Ե և դուստրն այլև Ե, որ անունք սոցա՝ առաջինն—Նասիպ, Մանկասար, Պողոսասար, Մելքում, Քասպար. և գտերացն—Ուստիանա, Աղիզ, Հուռուսիմա, Սանամ, Դովլաթ: Եւ գառն մահուամբ, որպէս ծաղիկ, թարշամեցան և իջան ի գերեզան խաչիւ, աջով և քահանայիւ. և ծնողս սոցա Սիմէօն և Նանէն...

խնդրեցին զրել մեծաւ փափազանօք զաւետարանս վասն յիշատակի և վասն փրկութեան հոգւոյն իւրոյ: Այլ և ես, մեզօք զառաժեալ, սուտ անուն Առաքել արեղայս, վասն ծովացեալ մեղացս իմոյ և եզայ ալեկոծման ի վերայ երկրի, հանդիպեցայ սոցա և սիրով ընկալն զիս հոգւոր որդի իւրեանց, և ի սոցին փափազանացն զրեցի զաւետարանն, եւ վասն փրկութեան հոգւոյն Սիմէօնին և կողակցին Նանին և հոգեւոր որդւոյ միւս Առաքելին և աստուածասէր կարգացողաց: Ով սուրբ ընթերցողք և լսողք, լի բերանով թողութիւն շնորհեցէք սոցա եւ Աստուած թողցէ զյանցանս ձեր ամենեցուն, ամէն:“

П Е Р Е В О Д Ъ .

«Пишу о причинѣ писанія сего евангелія, въ 1028 (=1579) году гайканской нашей эры. Былъ убитъ своими врагами Шахъ-Исмаилъ; вступилъ на престолъ кровавадный и безпощадный царь, по имени Худабанда, братъ Шахъ-Исмаила. И въ царствованіе сего разразился гнѣвъ Божій на насъ. Прежде всего у людей больше не осталось любви другъ къ другу; начались войны, насталъ голодъ, пришла смерть. О, братья, не считайте постыдными мои слова! Мы сами видѣли своими глазами, какъ разрушилось много земель и погасъ свѣточъ церкви; одни сдѣлались жертвами смерти, другіе рыдали отъ страха невѣрныхъ; третьи, измученные голодомъ, охали и плакали. Времена эти плачевны: отцы не узнавали своихъ дѣтей, многіе питались погаными вещами; кто-то вкушалъ мясо своего сына и брата; много другихъ умерло голодною смертью; нѣкоторые сдѣлались жертвою звѣрей и не были похоронены по правиламъ своей церкви; и эта кара нашла на насъ за наши тяжкіе грѣхи. И жилъ нѣкто, по имени Симеонъ, со своей супругой Наной. Они были скромны, смиренны, гостепріимны и боголюбивы; у нихъ

было пятеро сыновей и пятеро дочерей; имена сыновей: Насибъ, Мангасаръ, Вольтасаръ, Мелконъ и Каспаръ; имена дочерей: Устинія, Азизъ, Рипсимія, Санама и Довлатъ. Всѣ они, какъ цвѣтки, завяли, умерли горькою смертию и сошли въ могилу... И родители ихъ, Симеонъ и Нана, съ большимъ желаніемъ просили меня написать сіе евангеліе въ память ихъ и дѣтей и за спасеніе ихъ души. И я, грѣшный и недостойный монахъ, по ложному имени Аракегъ *), встрѣтившись съ ними, былъ принять ими въ духовные сыновья. По ихъ желанію, я написалъ сіе евангеліе за спасеніе души Симеона, его супруги Наны, ихъ духовнаго сына Аракега и боголюбивыхъ читателей. О, святые читатели и слушатели, отъ всей души простите ихъ; да Богъ проститъ вамъ грѣхи ваши, аминь!

Кромѣ рукописей, разобранныхъ нами въ монастырѣ св. Фомы, мы съ благодарностью получили отъ инженера-технолога Мхитара Теръ-Андреасяна нѣсколько другихъ древнихъ рукописей. Въ концѣ одной изъ этихъ рукописей (Циркуляръ армянскаго католикоса Нерсеса“) мы нашли замѣтки, записанныя одиннадцатилѣтнимъ послушникомъ, Саакомъ, въ городѣ Каменцѣ-Подольскомъ, въ 1640 году. Вся книга написана мелкимъ, четкимъ и прекраснымъ почеркомъ, безъ всякихъ украшеній и рисунковъ. Замѣтки эти хотя не представляютъ историческаго интереса, но въ виду ихъ оригинальности заслуживаютъ быть помѣщенными въ нашей статьѣ. Кромѣ того, онѣ служатъ доказательствомъ, что армяне Юго-Западнаго края и Галиціи, принявшіе съ теченіемъ

*) Аракегъ по-армянски значить апостоль (Առաքել); какъ видно, вышеупомянутый монахъ считаетъ себя недостойнымъ называться Аракегомъ.

времени, вследствие присоединения въ 1624 г. къ римской церкви, польскій языкъ, въ средіяв XVII столѣтія говорѣли еще по-армянски.

...Վարժապետն իմ, աէր Թորոս եպիսկոպոսն, հրամայեաց ինձ գրել մեծաւ զգուշութեամբ: Զոր եւ ես անարժանս ամենայնի ապաւինելով Աստուծոյ, ըստ կարողութեան իմոյ սկսայ նստարել. եւ անկելեալ կատարեցի Աստուծոյ օգնականութեամբն ի թուականիս Հայոց ՌՁԹ յունիս ամսոյ Լ, ի աստուածապահ քաղաքն, որ կոչի Կամինից: Արգ գրեցաւ ձեռամբ անվարժ եւ անկիրթ ծառայ ծառայիցն Աստուծոյ ի Սահակ պատանեակի, որդի Գրիգորին: Արգ երես անկեալ, աղաչեմ զձեզ, հայրք եւ տեւորք իմ, հանդիպողք այսմ մասենիս, անմեղադիր լերսւք յաղագս սխալութեան եւ անզարգարութեան գրոյս: Բայց չէ զարմանք, քանզի մանուկ աիօք գրեցի, այսինքն՝ ՓԱ ամաց էի, 'Ի ամիս պակաս: Եւ մանականգ թերեւս չէի հմուտ գրչութեան արուեստի. բայց հրամանն եւ երկիւղ, եւ սաստ վարժապետին իմոյ ստիպեաց զիս, զի այսպիսի աստուածային գանձն կարող զօրութեամբ Աստուծոյ, անկալեաւ կատարեցի: Զոր նմա փառք այժմ եւ միշտ, յաւիտեան, յաւիտենից, ամէն:՝՝

П Е Р Е В О Д Ъ .

„Учитель мой, епископъ Торось, велѣлъ мнѣ написать (сію книгу) съ большой осторожностью. И я, недостойный ученикъ, вопиѣвъ полагаясь на Бога, по мѣрѣ моихъ силъ, сталъ писать и, съ помощью Бога, исполнилъ (свой трудъ) 30-го іюня 1089 года нашей армянской эры, въ богосохранимомъ градѣ Каменцѣ. Написано (сіе) рукою неопытнаго и неученаго Божьяго слуги слугъ, отрока Саака, сына Григорія. Нынѣ, кланяясь низко, умоляю васъ, отцы и господа, встрѣчающіе эту книгу, простите меня за мои ошибки и за то, что я не украсилъ сію книгу! Но неудивительно, ибо я написалъ это въ дѣтствѣ: мнѣ было 11 лѣтъ безъ 4 мѣ-

сяцевъ. И въ особенности я тогда еще не былъ искусенъ въ письмѣ; но приказаніе, страхъ и внушеніе моего учителя заставили меня исполнить это съ помощью Всемогущаго Бога; слава Ему и днесь, и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь“.

Преподаватель Тифлисской 2-й женской
гимназій и Заведенія св. Нины *А. И. Тумановъ*.

Изгнаніе Адама изъ рая, Нимродъ и семь послѣдпотопныхъ народовъ.

Книга Нимрода.

Въ короткое сравнительно время открыто достаточно много источниковъ, которыми пользовались составители разныхъ частей и отдѣловъ «Картлисъ-Цховреба». Къ числу этихъ вновь открытыхъ источниковъ нужно отнести также «Книгу Нимрода»*), сочиненіе, на которое неоднократно ссылаются грузинскія лѣтописи. „Книга Нимрода“ до послѣдняго времени считалась утерянною, и только въ прошломъ году мы нашли ее въ числѣ рукописей грузинскаго церковнаго музея. Этотъ манускриптъ (№ 153, in quarto, стр. 376), переписанный почеркомъ *нухури*, не древнѣе XVII вѣка и содержитъ въ себѣ слѣдующія статьи:

1. «Выходъ Адама и Евы изъ рая» (стр. 1—54).
2. «Сотвореніе міра и человѣка», сочиненіе отца Ефрема (стр. 54—142).
3. «Толкованіе на книгу Бытія» (стр. 142—190).
4. «Родословіе патриарховъ отъ Адама до Христа» (стр. 190—222).
5. «Мудрыя изреченія философовъ» (стр. 222—251)..
6. «Ученіе Іоанна Златоуста» (стр. 251—266).
7. «Благовѣстническое странствіе апостола Павла» (стр. 266—292).

*) Нимродъ *Nimrodus*, по груз. *Небротн* (*ნებრთნი*) (2716 г. до Р. X.).

8. Разныя мелкія статьи отцовъ церкви (стр. 292—376).

Неизвѣстно, кто былъ переписчикъ этого сборника, съ какого оригинала и когда (въ какомъ году) онъ списанъ. Переписчикъ заключилъ свою работу только слѣдующимъ неопредѣленнымъ выраженіемъ:

«Господи, да будетъ «мраваль-жаміеръ» (два слова намѣренно выскоблены), но призыванію котораго переписана сія святая и душу просвѣщающая книга».

Авторъ первой статьи неизвѣстенъ, другія же (2—4), повидимому, составлены нѣкимъ Ефремомъ; можетъ-быть, онъ есть тотъ Ефремъ, который оставилъ намъ толкованіе на Библию.

Четыре первыя статьи суть апокрифическія, и о нихъ рѣчь наша. Но прежде чѣмъ перейти къ апокрифамъ, считаю нужнымъ привести одно важное сказаніе «Картлисъ-Цховреба», которое въ эти лѣтописи могло попасть только изъ «Книги Нимрода».

Въ «Картлисъ-Цховреба» (стр. 84) мы читаемъ:

«Царь Миріанъ († 342 г.), будучи еще язычникомъ, часто призывалъ къ себѣ мцхетскаго еврейскаго священника Авіаѳара, знатока древнихъ и новыхъ книгъ, и, бесѣдуя съ нимъ, входилъ въ изслѣдованіе ученія Христа. И самъ царь Миріанъ тоже *имѣлъ* «Книгу Нимрода», и въ ней написано было такъ: «Во время постройки башни вавилонской послышался голосъ съ неба и голосъ этотъ былъ обращенъ къ Нимроду: «Я, Михаилъ, назначенъ Богомъ, Княземъ Востока. Выступи изъ этого города, который защититъ Богъ. Придетъ время, когда явится Владыка небесъ, Тотъ, Котораго хочешь видѣть ты, поруганный Непоруганнаго. Отъ страха Его разсѣются прелести міра сего, цари оставятъ царствованіе и изберутъ себѣ убожество, но Тотъ, увидя тебя въ печали, спасетъ тебя». Тогда (послѣ прочтенія этихъ словъ въ «Книгѣ Нимрода») Миріанъ понялъ, что *древнія* и *но-*

«*она*» книги одинаково свидѣтельствуютъ (о явленіи Мессіи), и «Книга Нимрода» также подтверждаетъ ихъ сказанія, и по-сѣй этого онъ рѣшился принять христіанство».

Еще болѣе интересную выдержку изъ той же «Книги Нимрода» приводитъ хроникеръ Джуаншеръ Джуаншеріани, вѣтъ царя Арчила II († 718 г.). Этотъ хроникеръ въ уста царя Вахтанга Горгасала († 532 г.) влагаетъ слѣдующія слова:

«Аборигены Картліи, родственники царей Картліи! Вы царствуете силою царей вашихъ, мы же, цари ваши, происходимъ отъ героя Нимрода; въ ихъ же (выродовскихъ) книгахъ написамо такъ: «Небродъ сдѣлался царемъ раньше всѣхъ царей міра. Онъ былъ такъ смелъ, что одолевалъ льва, какъ какую-нибудь кошку; будучи пѣшимъ, догонялъ дикихъ ословъ и сернь. Могущество его было столь велико, что ему подчинялись всѣ потоки Ноя. Онъ началъ строить городъ, употребляя вмѣсто камня золото и дѣлая лѣстницы изъ серебра, облицовку стѣнъ изъ кирпича на извести, дверные карнизы изъ іакинѳа и изумруда. И воздвигъ онъ удивительные дворцы и башни. Невозможно представить себѣ, какою онъ обладалъ мудростью: лѣстницы его постройки высотой были въ три дня пути; и по этимъ лѣстницамъ онъ желалъ достигнуть до небесъ и увидѣть тамъ небожителей; однако, когда строители, переступивъ границу воздушнаго пространства, вступили въ планетный міръ, они уже не въ силахъ были продолжать работу, ибо золото и серебро стали таять подъ вліяніемъ ээира, отъ котораго плавится всякій земной предметъ. Изъ этого ээирнаго пространства строители башни услышали хулу, которая исходила отъ семи чиновъ ангельскихъ. Всѣ страшно перепугались и каждый родъ людей сталъ говорить на особомъ языкѣ и, не понимая другъ друга, разсѣялись въ разныя стороны. Нимроду же было сказано на *персидскомъ языкѣ*»:

«Я, ангелъ Михаилъ, поставленъ Богомъ надъ царствомъ восточнымъ; изыди изъ сего города, который пощадить Богъ. Рай находится по близости этого твоего строенія, и въ немъ (въ раѣ) взгромоздилась вотъ эта гора, изъ-за которой восходитъ солнце и съ которой стекають рѣки Нилъ и Геонъ; послѣдняя приноситъ изъ рая благовонное древо и сѣно съ мускусомъ. Теперь иди и поселись между двумя рѣками—Евфратомъ и Джилой, а народамъ этимъ позволь итти туда, кто куда хочетъ, ибо такова воля Господня; ты же будешь господствовать надъ всѣми царями. *Впоследствии придетъ Владыка небесъ*, Котораго ты хочешь видѣть въ народѣ посрамленномъ. Отъ страха Его изсякнутъ прелести міра сего, цари оставятъ царствованіе и будутъ искать нищенства. Онъ, увидѣвъ тебя въ печали, спасетъ тебя.

«И, оставивъ городъ, ушли всѣ: говоряшіе по-индски отправились въ индети *), *синды* **) пошли въ Сидію, *кромы*—въ Ромъ (Римъ), *бердзены* (греки)—въ Грецію, *агъ* и *магугъ*—въ Магугетію ***), *персы*—въ Персію. Первоначаль-

*) Названіе грузинскаго слова *индети*, *инди* постоянно переводятъ словами *Индія*, *индіецъ*, между тѣмъ какъ эти слова иногда означаютъ также Евѳію и вообще пустыню. Такъ, „... міеѳ ігі сачмелад эрса мас індоетисаса“ (Псал. 73, 14); то же по-русски: „Отдалъ людямъ пустыни (евѳіопскимъ)“. „... індоні шеуврден“ (Псал. 71, 9), по-русски: „Падуть предъ нимъ жители пустынь“.

**) Синды (*σινδοί*) въ числѣ народовъ сѣверо-западнаго Кавказа упоминаются Иродотомъ, Страбономъ и другими греческими писателями (Сборникъ свѣд. для опис. мѣст. и пл. Кав., вып. IV, ст. Гана „Извѣстія др. гр. и рим. пис. о Кавк.“, стр. 8, 10, 16, 17, 25, 60, 98, 133, 201, 202, 208). Но здѣсь, вѣроятно, имѣются въ виду *σιναι* или *σιναι*—*китайцы*.

***) Если *агъ* грузинское слово, то оно, образовавшись отъ глагола *агеба*—строить, можетъ означать „домъ“ (въ сванскомъ вмѣсто агъ *арми*—домъ). Съ прибавленіемъ *поиніс агентіс м*, *ма* получаемъ Маргветі, Аргветія (въ Имеретіи), т.-е. „мѣсто домовъ“, „мѣсто населенія“; отъ аг-уги (строй, строй ему) *Маг-угети*—мѣсто построекъ, мѣсто населенное. Въ арабскомъ вмѣсто аг-магуги встрѣчается жужъ-мажужъ, который близокъ къ названію журжъ—грузинъ. *Агъ*, *угъ* (м-аг-угъ), можетъ быть, идетъ изъ того же корня, изъ котораго образовались названія *агуа* мингрелецъ по-абхазски (м-аргали, м-эгрели мингрелецъ по-гру-

нымъ же (человѣческимъ) языкомъ былъ ассирійскій; до (смерти) Нимрода люди говорили на этихъ семи языкахъ (т. е. на индскомъ, синдскомъ, римскомъ, греческомъ, магугскомъ, персидскомъ и ассирійскомъ).

«Я рассказалъ вамъ это потому, что отцы наши держали эту книгу («Книгу Нимрода») въ секретъ, меня же заставило открыть ее божественное рвеніе. Черезъ эту книгу отецъ нашъ Миріанъ увѣровалъ въ евангеліе св. Нины... И Христосъ, увидѣвъ Нимрода въ аду, спасъ его.

«Нимродъ былъ первый царь, и пророкъ Даніилъ свидѣтельствуетъ, что архангелъ Михаилъ былъ поставленъ въ помощь персамъ» *).

Это сказаніе о Нимродѣ, очевидно, попавшее въ «Картлис-Цховреба» изъ «Книги Нимрода», напоминаетъ намъ другое легендарное сказаніе той же лѣтописи о владычествѣ Нимрода надъ всѣмъ Кавказомъ и о колоссальной борьбѣ грузинъ вмѣстѣ съ союзниками съ вавилонскимъ героемъ Нимродомъ; по этой легендѣ, ожесточенная война между грузинами и Нимродомъ окончилась убіеніемъ послѣдняго и сверженіемъ съ Грузіи и Арменіи ига вавилонскаго. Мы тутъ замѣтимъ еще, что «Картлис-Цховреба», передавшая намъ эту легенду, висколько не противорѣчитъ свѣдѣніямъ, почерпнутымъ кунееологами изъ чтенія ванскихъ клинообразныхъ над-

писки), *Эрис* Мингрелія (отъ *Эрис-цхам* Ингуръ, букв. „Мингрельская рѣка“), *Эрос* братъ мненческаго Картлоса, *аура* гуріецъ по-абхазски. Можетъ-быть, къ этому же корню относится названіе народа ужи (ужики), которое упоминается во второмъ стихѣ 2-й главы Дѣяній Апостоловъ: „паряне, ужики и еламиты и жители Месопотаміи, Іудеи и Каппадокіи, Понта и Асій“ (см. общепринятое грузинское Евангеліе, послѣдній разъ редактированное св. Георгіемъ Мтацминдели въ XI вѣкѣ). По „Новому варианту житія св. Нины“ (см. изданіе Таквйшвили, стр. 11—12) страна ужовъ есть Грузія. Такъ, когда св. Нино, находясь еще въ Иерусалимѣ, спросила свою учительницу: „Гдѣ страна, въ которой обрѣтается Хитонъ Господа“, получила въ отвѣтъ, что онъ находится въ городѣ Мцхетѣ, въ *странѣ ужиковъ*.

*) Картлис-Цховреба, стр. 122—123.

писей. Эти надписи намъ говорятъ то же, что и грузинскія летописи. «Ассирійскіе цари», говоритъ уважаемый Никольскій, авторъ книги о вавилонскихъ клинообразныхъ надписяхъ: «стремились создать изъ мелкихъ государствъ Передней Азіи одну всемірную монархію подъ своимъ скипетромъ, но эти второстепенныя государства упорно отстаивали свою независимость... Въ числѣ этихъ второстепенныхъ монархій даже оказались и такія, которыя являются соперницами Ассиріи на ея всемірноисторическомъ поприщѣ... Таковыми сильными соперниками Ассиріи были народы, населяющіе верховья рѣкъ месопотамскихъ, долину Аракса, близъ озеръ Вана и Урміи. Здѣсь цари Ассиріи боролись не только за свое право на обладаніе этими народами, но, въ нѣкоторые періоды, и за свою собственную независимость».

Во главѣ же этихъ второстепенныхъ государствъ стояли урартійцы, народъ, который оставилъ клинообразныя надписи на скалахъ Вана и который, по общему убѣжденію однихъ и болѣе чѣмъ вѣроятному предположенію другихъ, долженъ быть отнесенъ къ картвельскому племени.

«Многовѣковая борьба между семитскимъ и урартскимъ племенемъ окончилась», заключаетъ Никольскій: «и скипетръ міровой монархіи остался въ рукахъ Ассиріи; раздавленное ею урартское племя должно было угаснуть окончательно. Но и Ассирія не для себя работала, разрушивъ могущество сѣверныхъ народовъ; она ускорила этимъ свое паденіе, очистивъ дорогу на сѣверъ для вторженія киммерійцевъ, скифовъ и другихъ арійскихъ кочевниковъ. Не сдерживаемый на сѣверѣ могущественною военною преградой, этотъ потокъ наводнилъ предѣлы Ассиріи и содѣйствовалъ быстрому крушенію этой монархіи. Ея наслѣдство перешло чрезъ халдеевъ къ персамъ».

Мы тутъ замѣтили еще, что по Картлисѣ-Цховреба грузины первоначально населяли все межгорье Арарата и Маси-

са, и сказаніе это вполне подтверждается чтеніями вавскихъ клинообразныхъ надписей, языкъ которыхъ безспорно есть древне-вартвельскій языкъ (Вавской литературѣ мы вскорѣ посвятимъ особую статью).

Далѣе привожу содержаніе интересующей насъ «Книги Нимрода».

I.

საკობაჲი ჳღამ და ევასი სამოთ- Сказаніе о выходѣ Адама и Евы
ხოთ გამოსლვისი: . გკნ. შმო: . изъ рая. Благослови, Отче!

Адамъ и жена его Ева вышли изъ рая. Адамъ устроилъ кущу на восточной сторонѣ рая, и они оба вошли въ нее, проливая горькія слезы по потерянномъ мѣстѣ блаженства. Прошло 7 дней. Они проголодались. Ева сказала Адаму: «Господишь мой, Адамъ! встань, обрѣти пищу, чтобы мы ѣли и просуществовали до дня осужденія. Можетъ-быть, Богъ оиять вернетъ насъ обратно въ рай». Адамъ всталъ и пошелъ по лицу земли отыскивать пищу, но нигдѣ не могъ найти такой, какую они ѣли, находясь въ раю. И сказалъ Адамъ Евѣ: „Насъ постигнетъ смерть!“ Она сказала: „О если бы умерла только я, а тебя бы Богъ оиять принялъ въ рай!“ Адамъ отвѣтилъ, что онъ не можетъ убить Еву, которая плоть отъ плоти его.

Не находя нигдѣ „плода жизни“, они предались раскаянію. Адамъ сказалъ Евѣ: „Встань и иди къ рѣкѣ Тигру и, войдя въ нее, поставь подъ ноги свои камень, голову до плечъ покрой платьемъ и молись безмолвно 34 дня. Я сдѣлаю то же самое, ставъ въ рѣкѣ Іордани. Буду каяться и молиться 40 дней, такъ какъ я старше тебя 5-ю днями. Такъ они и поступили; Адамъ, войдя въ р. Іорданъ, сказалъ: „Соберитесь всѣ твари и плачьте по мнѣ, лишенномъ пропитанія!“ И всѣ твари собрались и стали по сторонамъ его; р. Іорданъ

тоже остановила свое теченіе. Уже былъ 12-ый день, когда дьяволъ, преобразившись въ человѣка, пришелъ къ Евѣ и сказалъ ей: „Молитву вашу Богъ услышалъ. Адамъ прислалъ меня привести тебя къ нему. Выйди изъ Тигра и слѣдуй за мною“. Ева повѣрила сатанѣ, вышла изъ рѣки и пошла. Адамъ, увидѣвъ Еву, сталъ упрекать ее, что она послушалась дьявола и согрѣшила вторично. Ева, узнавъ, что проводникамъ ея былъ дьяволъ, лишилась чувствъ и упала на землю. Адамъ, изнывая сердцемъ, просилъ дьявола сказать, почему онъ преслѣдуетъ ихъ. Дьяволъ объяснилъ Адаму, что всякое униженіе онъ потерпѣлъ въ день сотворенія человѣка. «Когда въ тебя Богъ вдунулъ душу», говорилъ дьяволъ Адаму: „тогда ты имѣлъ образъ и подобіе Божіе. Пришелъ ангелъ Михаилъ и, приподнявъ тебя, заставилъ поклониться Богу. Тогда Богъ сказалъ Михаилу: «Я сотворилъ Адама по образу и божеству моему». И Михаилъ, призвавъ все воинство ангеловъ, сказалъ имъ: „Воздайте поклонъ подобію и образу божества!“ Въ числѣ ихъ былъ и я: Всѣ поклонились тебѣ, Адаму, я же сказалъ Михаилу: «Отойди отъ меня, я не буду кланяться меньшему возрастомъ меня: я старше его и подобаешь, чтобы онъ кланялся мнѣ». Шестъ другихъ ангеловъ тоже склонились на мою сторону и отказались воздать тебѣ поклонъ*). Разгнѣвался Богъ и приказалъ низвергнуть насъ съ мѣстопробыванія нашего. Тебѣ же Онъ опредѣлилъ быть въ раю и блаженствовать въ немъ. Я, находясь въ униженіи по твоей причинѣ, успѣлъ соблазнить тебя и лишить мѣста наслажденія“.

Адамъ просилъ Бога удалить отъ него врага, успѣвшаго обмануть Еву и желающаго погубить и его. Вельзевулъ сдѣлался невидимымъ. Адамъ продолжалъ молиться и ка-

*) 32 ст. II гл. Корана: „Когда мы повелѣли ангеламъ поклониться Адаму, они всѣ поклонились, исключая Эблиса; онъ отказался и надулся отъ гнѣва и сдѣлался изъ числа неблагодарныхъ“ (стр. 8).

аться. Ева, очнувшись, приподнялась и сказала мужу: „Пойду я въ сторону восхода солнца и до смерти своей буду ѣсть сѣно, пишу скота, ибо я болѣе не достойна ѣсть пишу живую“. И отправилась она къ восходу солнца и пребывала тамъ въ плачѣ и стenaniи. Было уже 3 мѣсяца, какъ зачался во чревѣ ея Каинъ. Когда наступило время родовъ, она обратилась къ Богу и возопила тремлемъ голосомъ: «Гдѣ Адамъ, который бы могъ сблечить страданiя мои? Кто можетъ сообщить ему о болѣзни моей? Кто изъ пернатыхъ прилетитъ къ нему и скажетъ: „Иди и помогай Евѣ, женѣ своей“. Умоляю васъ, пернатые, и васъ, небожители, когда придете на Востокъ, сообщите господину моему о болѣзняхъ моихъ!».

Адамъ, продолжавшiй молиться въ р. Иордани, услышалъ гласъ плача и моленiя Евы. И Богъ, внявъ моленiю Адама, явилъ къ нему ангела Михаила съ сѣменемъ, къ которому была приложена божественная печать. Ангелъ научилъ Адама сѣять сѣмя, обрабатывать землю и продолжать свое существованiе.

Адамъ всталъ и отправился къ женѣ. По ихъ молитвѣ сошли съ неба чины ангельскiе и, прикоснувшись къ лицу и груди Евы, сказали: „Блаженна ты, Ева! Велики предъ Господомъ молитвы Адама, избравника и раба Божiя. Молитвы его спасутъ тебя. Та зачала во чревѣ своемъ тернiе. Возстанъ и готовься родить его!“. Встала она и родила ребенка, который былъ похожъ на звѣзду. Онъ не остался на рукахъ воспрiемника, но, слетѣвъ на полъ, сталъ крошить сѣно, котораго было много въ кущѣ его матери. И воспрiемникъ сказалъ ему: «Ты, Каинъ, развратникъ и убiйца добра; ты уничтожитель плодоноснаго древа, а не возраститель; ты огорчающiй, а не улаждающiй!».

Черезъ 8 лѣтъ и 2 мѣсяца Адамъ вошелъ къ Евѣ, ко-

торая зачала и родила другого сына, котораго небесная Сила назвала Авелемъ.

Вариантъ *): „По изгнаніи изъ рая Адамъ и Ева поселились на одной горѣ, въ пещерѣ. Это былъ центръ вселенной. Адамъ, собравъ много золота, смирны и ладана и спустившись внизъ на долину, вошелъ къ Евѣ. Она зачала и родила близнецовъ *Каина сестру* и его *Ліудъ*. Потомъ опять вошелъ Адамъ къ Евѣ, и она, зачавъ, родила еще близнецовъ— *Авеля* и *сестру* его *Калману*. Когда они выросли, Адамъ сказалъ: „Пусть Каинъ женится на Калманѣ, а Авель на Ліудѣ“. Каинъ сказалъ матери: „Ліудъ я возьму, а Авель пусть беретъ Калману“. Ліудъ же была красивѣе Калманы. Адамъ, узнавъ объ этомъ, очень огорчился, и сказалъ: „Вотъ еще новое нарушение завѣта! Тебѣ ли, Каинъ, жениться на сестрѣ, родившейся вмѣстѣ съ тобою? Возьми ты изъ плодовъ земныхъ, а Авель пусть беретъ изъ плодовъ стада, и взойдемъ на вершину святой горы и принесемъ тамъ жертву; молитесь вы тамъ предъ Господомъ, и Онъ уважетъ вамъ женъ. И взошли на гору первосвященникъ (Адамъ), Каинъ и Авель. Тогда въ душу Каина вошелъ сатана и склонилъ его убить Авеля, чтобы отбить отъ него Ліудъ, сестру свою. Поэтому Богъ не принялъ жертвы Каина, жертву же Авеля-невиннаго принялъ. Каинъ огорчился, и когда они спустились на равнину, онъ убилъ Авеля, которому камнемъ разможилъ голову“.

Смерть Авеля отъ руки Каина Ева предугрѣла еще тогда, когда Авель былъ ребенкомъ. Она видѣла во снѣ, что кровью Авеля наполнялся ротъ Каина; онъ пилъ ее безжалостно, хотя Авель умолялъ пощадить его. Адамъ объяснилъ, что Каинъ убьетъ брата своего. Они впали въ страшную печаль. Богъ прислалъ Михаила утѣшить ихъ рожденіемъ другого сына. Когда пришло время убійства и пролитія челоуѣческой крови, Каинъ и Авель вышли играть, и когда

*) Стр. 53 рукописи (II-ая статья).

они вмѣстѣ танцовали, явились два дьявола, преобразившіеся—одинъ въ Каина, а другой въ Авеля, и тотъ, который похожъ былъ на Каина, хрустальнымъ камнемъ отрубилъ голову другого дьявола. Каинъ, увидя это, взялъ тотъ же камень и бросился на Авеля, и хотя Авель умолялъ брата и говорилъ ему: «Братъ Каинъ, не убивай меня», онъ все же убилъ его.

Адамъ и Ева оплакивали Авеля 100 лѣтъ. Потомъ онъ пошамъ Еву, и она родила Сноа. Послѣ того у него родились еще дѣти—*30 сыновей и 30 дочерей*. И было дней жизни Адама 930 лѣтъ. Отъ него размножился родъ человѣческій и населилъ землю. Въ 930 году онъ заболѣлъ и возопилъ громкимъ голосомъ: „Соберитесь всѣ родившіеся отъ меня, чтобы я могъ видѣть васъ прежде моей смерти“. И собрались всѣ возлѣ него. Они тогда владѣли $\frac{3}{4}$ земной поверхности.

Когда всѣ собрались предъ дверьми Адамова жилища и молитвеннаго дома его, въ которомъ онъ лежалъ больнымъ, тогда сыновья спрашивали его о причинѣ болѣзни. И онъ повѣдалъ имъ, что онъ и Ева поселены были въ рай; онъ оберегалъ восточную и сѣверную часть райа, а Ева южную и западную. Въ охрану ихъ по ночамъ сходили по 12 ангеловъ. Дьяволъ, завидуя ихъ блаженству, соблазнилъ Еву въ то время, когда ангелы удалились на небесную высь. Она поѣла запрещенный плодъ и дала мужу, и онъ ѣлъ. Богъ разгнѣвался на нихъ за нарушеніе его завета и явилъ на нихъ 70 болѣзней.

Затѣмъ Адамъ послалъ Сноа и Еву въ рай просить ангела, охраняющаго рай, отпустить каплю мѣры, исходящаго отъ древа жизни: «Имъ я помажусь и успокоюсь», говорилъ Адамъ.

Сноа и Ева, придя къ оградѣ райа, стали молиться и просить Бога прислать имъ ангела, властителя души

человѣческой. И ангелъ явился и сказалъ Сноу: „Человѣкъ Божій! не твори молитвы и не проси мѣра для помазанія отца своего Адама. Не теперь, а когда исполнится 5500 лѣтъ, совершится помазаніе его. *Въ 5500 году придетъ на землю Возлюбленный Отца Бога, Христосъ,— придетъ, приметъ крещеніе въ Иордани и, когда выйдетъ изъ рѣки, помажется Онъ и весь родъ Адама, котораго освободитъ отъ наказанія.* „*Въ день воскресенія, сказалъ Господь, возстанутъ всѣ и введу Я ихъ въ рай и помажу мѣромъ симъ*“. Иди теперь къ отцу своему: чрезъ три дня душа оставитъ его“. Ангелъ скрылся подъ дровомъ рая, а Сноу и Ева вернулись въ кушу, гдѣ Адама нашли плачущимъ.

Причина плача Адама была слѣдующая. Когда Сноу и Ева, по порученію Адама, шли въ рай, они по дорогѣ встрѣтили одного человѣка, котораго терзалъ какой то хищный звѣрь. Этотъ послѣдній, увидѣвъ путниковъ, убѣжалъ. Израненный же звѣремъ человѣкъ всталъ и началъ упрекать Еву, говоря, что благодаря ея легковѣрью родъ человѣческій постигло величайшее несчастье, и что даже звѣри, которые до того подчинялись человѣку, теперь безбоязненно нападаютъ на него. Ева завопила жалостно и продолжала путь. Раненый человѣкъ пришелъ къ Адаму и сталъ его упрекать, что онъ и жена его послужили причиною его несчастія. Возвратившейся Евѣ Адамъ сказалъ: «Что это сдѣлала ты съ нами? Весь родъ человѣческій посылаетъ проклятіе на насъ за грѣхъ нашъ». Ева стала плакать и, каясь въ грѣхѣ, повѣдала всѣмъ краткую исторію грѣхопаденія. Послѣ этого она увидѣла, что открылись двери *всѣхъ семи небесъ*, отгуда сошли ангелъ Михаилъ и др. ангелы. Шестикрылый Серафимъ, взявъ тѣло Адама, который уже испустилъ духъ, троекратно выкупалъ его въ потокъ Хевронъ и затѣмъ представилъ предъ лицомъ Господа и престола Его,

находящагося на 7-омъ небѣ *). Михаила и Гавриила Богъ послалъ въ рай, находящійся на 3-ьемъ небѣ, и приказалъ имъ принести 3 плащаницы синдскія, завернуть въ нихъ тѣло Адама и затѣмъ возлить сверху животворящее мѣро. Ангелы такъ и сдѣлали. Тогда Богъ приказалъ ангеламъ принести и тѣло Авеля, которое до того лежало на одной скалѣ. Ангелы исполнили порученіе Божіе. Богъ приказалъ взять тѣла усопшихъ и похоронить на томъ мѣстѣ, гдѣ Онъ создалъ Адама изъ земли. Михаилъ вырылъ могилы, другіе ангелы по волѣ Бога доставили изъ рая разныя благовонія. Возливъ на тѣла усопшихъ благовонія, похоронили ихъ. Тогда Богъ сказалъ: «Адамъ!» Изъ могилы послышалось: «Я, Фарао!» **) Богъ же: «Земля еси ты и въ землю отыдеши; воскресеніе же твое будетъ въ день воскресенья». Затѣмъ Богъ запечаталъ гробъ Адама. На шестой день послѣ этого скончалась Ева и ее похоронили вмѣстѣ съ Адамомъ въ одной могилѣ.

Статья заканчивается словами (стр. 54): «Книга сія по-гречески называется *αποκρυφα* (ἀποκρυφος апокрифъ) и есть назидательное чтеніе, но чтеніе не для всего народа, а только для людей ученыхъ, нанъ законъ вѣры».

II.

თქმლი წინა მამისა ჩნისა ევრემისი თარგმანებაჲ დაბადებინაჲ. ცისა და ქრისა და ადამისი ვრ მიცელეს გუამი მისი და დამარავს გოლგოთას.

Сказаніе св. отца Ефрема о твореніи неба, земли и Адама, о смерти послѣдняго и преданіи землѣ тѣла его на Голгоѣѣ.

*) 27 ст. II гл. Корана: „Богъ съ твердостью держится на небѣ и образуетъ тамъ семь небесъ со всѣмъ совершенствомъ“ (стр. 7). По Корану небеса слѣдуютъ одно за другимъ. Выше же всѣхъ безвѣдное небо, гдѣ находится престолъ Бога «Зльаритъ» (глава 37, стр. 6, примѣч. 2).

**) Фарао по-грузински знач. Фараонъ.

Мірозданіе, начатое въ воскресеніи, закончено шестымъ днемъ. Въ пятницу, въ часъ пополудни, Господь взялъ по частичкѣ всѣхъ слоевъ земли, всѣхъ водъ, всѣхъ вѣтровъ движущихся и всѣхъ теплотъ огненныхъ, и изъ этихъ четырехъ стихій, т. е. *холода, тепла, влаги и суши* создалъ Адама. Господь далъ ему образъ и подобіе свое. Лицо его блистало, а глаза испускали блескъ солнца и горѣли, какъ пламя. Богъ вдунулъ въ него душу. Онъ поднялся на ноги и сталъ на томъ мѣстѣ, гдѣ впоследствии водруженъ былъ крестъ Христа Спасителя. Адамъ надѣлъ на себя царскую одежду, на голову положилъ корону и сдѣлался царемъ, священникомъ и пророкомъ. Господь посадилъ его на престолъ. Пришли всѣ твари и Адамъ далъ имъ соотвѣтствующія имена. Господь объявилъ его владыкою всего творенія. Явились чины всѣхъ ангеловъ и поклонились сначала Богу, а потомъ Адаму. Затѣмъ Богъ ввелъ его въ рай*). И тутъ опять поклонились ему ангелы. Послѣ того Адамъ легъ и заснулъ. Пока онъ спалъ, Богъ изъ его ребра создалъ ему жену, Еву. Проснувшись, Адамъ обрадовался, увидѣвъ возлѣ себя жену. Во славѣ провели они 3 часа времени. Рай же находится въ воздушномъ пространствѣ, выше всѣхъ высокихъ горъ на 30 *пѣрсахъ* **)... и показалъ имъ Господь древо жизни, изъ котораго потомъ былъ сдѣланъ крестъ Христа. Древо жизни *саберки* ***)) изображено

*) Такая же послѣдовательность соблюдена и въ Коранѣ (Гл. II, ст. 29—38). „Богъ научилъ Адама именамъ всѣхъ существъ; потомъ привелъ ихъ къ ангеламъ, сказалъ: „Назовите мнѣ ихъ, если вы истосердечны“. „Да будетъ прославлено имя Твое!“ Отвѣтили ангелы; мы не обладаемъ другими познаніями, кромѣ тѣхъ, которыми Ты научилъ насъ“. Богъ сказалъ Адаму: «Научи ихъ именамъ всѣхъ существъ», и Адамъ сдѣлалъ это... Потомъ по повелѣнію Бога Адаму поклонились всѣ ангелы, исключая Ѳблиса. Богъ сказалъ Адаму: „Живи въ саду съ супругой“...

***) персидскій пѣрсаханъ (=7фверстамъ).

***) Это слово негрузинское, если оно не есть *сабеки* древо священія.

въ центрѣ вселенной. Дьяволъ, позавидовавъ блаженству Адама и Евы, вошелъ въ змѣя и ввелъ его въ рай. И тамъ, чтобы Ева, увидѣвъ его, не испугалась, онъ превратился въ птицу *Зоракъ* *). Эту птицу мудрые люди учатъ говорить такъ: ставять предъ нею зеркало; она, увидѣвъ въ немъ образъ птицы, приходитъ въ восторгъ и начинаетъ говорить съ „подругой“, и такъ мало-по-малу привыкаетъ говорить на человѣческомъ языкѣ—на нарѣчїи *іонанъ* и др. народовъ. Такъ-то дьяволъ предсталъ предъ Евой и ввелъ ее въ грѣхъ: она сорвала плодъ отъ запрещеннаго дерева, вкусила и дала Адаму, и тотъ тоже вкусилъ. Богъ выгналъ ихъ изъ рая, сказавъ уходящимъ: „*Наступитъ время и пришло Я вамъ сына своего. Онъ войдетъ въ утробу св. Дѣвы и изъ нея выйдетъ въ образъ челоутка—вочелоутчится. Онъ спасетъ тебя и введетъ въ рай*“ **).

Предъ смертью Адамъ открылъ Сноу „часъ молитвы“, т. е. кому когда слѣдуетъ славить Бога, а именно:

Въ продолженіе дня: въ 1 часъ дня молятся дѣти мои и возносятъ молитву къ Создателю вселенной и надѣются получить милости Его; въ 2 ч. величаютъ Бога ангелы и славятъ Его; въ 3 часа всѣ птицы, славя Бога, воспѣваютъ Его; въ 4 ч. молитву творять всѣ твари; въ 5 ч. славословятъ Бога всѣ живыя существа; въ 6 ч. славятъ Бога Херувимы, воздаютъ Ему поклонъ и приносятъ молитвы; въ 7 ч. Богъ принимаетъ всѣ моленія; въ 8 ч. славятъ Бога птицы небесныя и пресмыкающіяся; въ 9 ч. отрывается молитва ангеловъ, стоящихъ у престола Божества; въ 10 ч. бываетъ молитва водъ, на которыя сходитъ Духъ Божій и блескомъ своимъ изгоняетъ всѣхъ злыхъ духовъ; въ 11 ч. наступаетъ часъ радости всѣхъ праведниковъ, и въ 12 ч. Богъ

*) Попугай.

***) Ср. выше.

пріемлетъ вопли сыновъ человѣческихъ. „О сынъ мой, сохрани въ сердцѣ своемъ все это“.

Въ продолженіе ночи: въ часъ ночи всѣ дьяволы со страхомъ преклоняются предъ Богомъ, не имѣя возможности причинить человѣку никакого вреда; въ 2 ч. славятъ Бога всѣ земноводныя и подземныя существа; въ 3 ч. бываетъ слава огня, находящагося ниже всѣхъ звѣздъ и не могущаго быть выразимымъ человѣческимъ словомъ, ниже постижимымъ кѣмъ бы то ни было; въ 4 ч. явленіе Серафимовъ, которыхъ я (Адамъ) видывалъ до своего грѣхопаденія; въ 5 ч. величаютъ Бога тѣ воды, которыя находятся на небесахъ и внизу, на которыхъ ходятъ люди и колеса (קורמבס״א טוּז־אלב״ו); въ 6 ч. величаютъ Бога всѣ земныя чины (ללעזא ןַעֲסִיב״ן), и тогда бываетъ страхъ и трепеть; въ 7 ч. призываніе силы и земли. Воды останавливаются, и священникъ черпаетъ воду и, соединивъ ее съ мромъ, помазуетъ ею больного или страдающаго бессонницей и исцѣляетъ; въ 8 ч. изъ земли прозябаетъ зелень (גַּמְזוּזֶלֶב זְװַז־אֲבֵג); въ 9 ч. величаютъ Бога ангелы, и творятъ молитву служащіе Ему; въ 10 ч. открываются двери небсныя. Въ это время кто изъ вѣрующихъ сыновъ помолится Богу съ чистымъ сердцемъ, Онъ исполнитъ просьбу его. На нихъ сходятъ благодать и даръ Божій *); въ это же время Серафимы и птицы воспѣваютъ Бога и возносятъ славу Богу; въ 11 ч. священники воскуриваютъ өмміамъ и поклоняются Богу; и въ 12 ч. съ Востока нисходитъ благодать на землю и всѣ края вселенной освѣщаетъ блескомъ своимъ.

*) Поразительна живучесть этого преданія. Народное сказаніе о раскрытіи неба мы имѣли случай сообщить редакціи Сборника матеріаловъ (См. вып. XVII, стр. 150). Въ томъ же выпускѣ изъ Гуріи сообщаютъ: «Въ Гуріи существуетъ повѣрье, что небо иногда раскрывается. Если кому-нибудь это явленіе удастся замѣтить, онъ долженъ пожелать себѣ чего-нибудь, и желаніе его непременно сбудется».

Далѣ приведена исторія патріарховъ и описаніе потопа... Борабль Ноя носился нацѣ водной стихіей 150 дней и въ 17-ый день седьмого мѣсяца остановился на горѣ *Шнеди*, что находится въ *Арай ратъ* *). Вода стала убавляться, и на 10 мѣсяцѣ послѣ этого показались верхи горъ, а 11 мая Ной выпустилъ ворона... По выходѣ изъ ковчега дѣти Ноя воздѣлали ниву и насадили виноградникъ... Ной осудилъ Хама за непочтительность. Въ душу Хама вошелъ сатана и повелъ его по слѣдамъ Каина. Онъ научился играть на свирѣли, гуслихъ и арфѣ и изучилъ всѣ дьявольскія искусства. Отъ него всѣмъ этимъ дьявольскимъ наводеніямъ научилось и его потомство—египтяне, хабаши и эіюпы.

Въ эту же статью привнесено интересное сказаніе о столпотвореніи вавилонскомъ и о происхожденіи „*Книги Нимрода*“.

Во дни Пналега, всѣ племена Ноя, собравшись вмѣстѣ, отправились на Востокъ и, нашедши страну равнинную съ рывтинами, поселились въ ней. Рѣчь у нихъ была одна. Всѣ люди, начиная отъ Адама до этого времени, говорили на одномъ языкѣ—*ассирійскомъ*, который былъ распространенъ и вплоть до *Сомсетліи* (Арменіи). Этотъ языкъ есть царь всѣхъ языковъ. Съ того времени, къ письменамъ, коими люди писали издревле, прибавилось и еврейское (письмо). Языкъ ассирійскій преобладалъ надъ всѣми языками; писать же они (ассиріяне) умѣютъ справа налево,

*) По словамъ Беровъ халдейскаго эта гора называлась *Кордійскою*; св. Епифаній (IV в.) ее называетъ горою Лубаръ, нѣкоторые склонны думать, что она есть Барисъ (Баридъ) Стравона (Баронъ Усларъ, стр. 25). Для отысканія настоящаго названія „Горы Ковчега“ потрачено много учености, и мы, не касаясь вовсе этого вопроса, замѣтимъ только, что названіе «*Корди-скій*» не имѣетъ ничего общаго съ названіемъ народа *курды*, переселеннаго сюда персидскимъ царемъ въ началѣ VI в. по Р. Х. Объ этомъ намъ придется поговорить въ другой разъ

письмо же грековъ и римлянъ начинается слѣва и идетъ направо, предзнаменуя, что эти народы (греки и римляне) будутъ находиться одесную Всевышняго, а не ошуюю.

Въ дни Эбера выстроили башню въ Байбилонѣ (Вавилонѣ), и, по смѣшеніи языковъ, народы разсѣялись по лицу всей земли; мѣсто же то стало называться Вавилономъ, по причинѣ смѣшенія языковъ. Эберъ умеръ въ великой печали, печалился же онъ потому, что разсѣяніе народовъ случилось въ его дни. Рагавъ, Секторъ и Сакторъ, сыновья Эбера, похоронили его отца въ мѣстности Мехлинъ. Съ того времени образовалось 70 языковъ и 400 княжествъ, и каждый языкъ сталъ имѣть своего царя. Въ родѣ *Иафета* было 37 языковъ и царей, имена коихъ слѣдующія: Амама, Эминонь, Уція, Мсакъ, Іаредъ и сыновья ихъ: Авнанъ, Ашкхаранъ, Рапханнъ, Акрама, Батана, хавна, Шитъхулимъ, ханаіа, Пназараіа, Калана, Шатиміа, Асбай, Барсикъ, Варсемъ, Зарабимъ, Пхесліай, Баркаіа, Микхаіай, Алгада, Санабіа, Улвалаіанъ, Латукіаіа, Ланпъ, Кала, Барашкна, Салатрашесъ, хабрауль, Ламаіа, хабралосъ, Алаловой, Ламаспіани. Вотъ эти цари и языки происходятъ отъ *Иафета* и владѣютъ границами восточными, отъ горы Нудъ, которая вдастся въ востоку, до Тигра, и съ запада отъ Негриси до Гнадара.

Дѣти Хамовы суть *египтяне, хабаша* *), *инды, амабы, габдакины, луваны, лавдины, арпнаны, самзады*.

Дѣти *Симовы* владѣютъ Персіей отъ востока до моря *хаери* и находятся также на западѣ, въ Междорѣчьи, и, царствуя, царствуютъ и владѣютъ землей.

Аргу жилъ 32 года и родилъ Сектора. Въ 212 году жизни *Аргу* царствовалъ герой Небро (Нимродъ) 19 лѣтъ. Онъ былъ первымъ царемъ вавилонскимъ. Въ небесахъ ему

*) Абиссинцы.

показалась корона (царская). Онъ позвалъ ткача Сирай и приказалъ ему сплести подобіе того, что онъ видѣлъ на небѣ. Сирай сплелъ и возложилъ на голову Нимрода. Поэтому-то люди говорятъ, что *корона нисходитъ на царей съ небесъ*.

Въ дни Аргу исполнилось 4000 лѣтъ отъ сотворенія міра, и тогда образовалось царство въ Египтѣ, царь котораго сталъ называться Нофосъ и царствовалъ 68 лѣтъ. Съ тѣхъ поръ царей Египта назначали вавилоняне.

Въ дни Аргу въ странѣ Анпиръ и Уджліа царствовало семь царей. Изъ нихъ одна была женщина, именемъ *Сабити*, которая жила много лѣтъ. Послѣ нея сталъ царствовать *Карони*, который воздвигъ городъ и выстроилъ Упиръ изъ золотыхъ камней и родъ свой возвелъ въ царское достоинство. Одинъ, называемый Джулай, выстроилъ еще городъ Джулай.

Умеръ Арго 209 лѣтъ, и сыновья его Серукъ, Накпоръ и Тарай *) похоронили отца въ странѣ *Ріана*. ... въ 900 г. жизни Тары было повелѣніе (Божіе) по всемъ мѣстностямъ и въ странѣ, называемой *Ариани*, которую устроилъ *Арай*, сынъ Эбера. Онъ былъ весьма богатъ и умеръ. Сынъ его воздвигъ золотого идола на могилѣ отца своего...

Въ дни героя Нимрода **) появилось огнепоклонство на Востокѣ. Огонь сталъ исходить изъ земли, и Нимродъ началъ служить ему. Онъ поставилъ священниковъ и приказалъ имъ кланяться огню и воскуривать иміамъ. Тутъ же былъ одинъ источникъ. Надъ нимъ Нимродъ привѣсилъ бѣлую стрѣлу. Кто приходилъ купаться въ источникъ, предварительно поклонялся стрѣлѣ ***).

*) Тарай=Тарра, отецъ Авраама.

**) Въ 2716 г. до Р. Х.

***) По «К-съ-Ц-ба» и „Ростоміани“ (=Шахъ-наме) огнепоклонство впервые появилось близъ Каспійскаго моря. Зардаштъ [Зороастръ], объявивъ себя пророкомъ персидскому шаху Госташабу (Вишташабу).

Въ тѣ дни Нимродъ вступилъ въ *Ланкинъ*, страну Іуды, и, прибывъ къ вмѣстилищу морскому, нашелъ тамъ женщину Іунитану. Нимродъ, выкупавшись въ морѣ, воздасть поклонъ Іунитанѣ. Она сказала ему: «Ты царь, не слѣдуетъ тебѣ поклоняться мнѣ». Отвѣтилъ Нимродъ: «Изъ-за тебя я пришелъ сюда». И провелъ онъ съ ней 3 года и отъ Іунитаны позналъ *книгу мудрости*. Тогда Іунитана сказала ему: «Въ другое время болѣе не приходи сюда».

Нимродъ вернулся обратно на Востокъ и сталъ изучать книгу мудрости. Весь народъ чрезвычайно удивлялся, слыша мудрые разговоры Нимрода. Священникъ *Андибайнъ*, служитель огня, увидѣвъ это (такое отношеніе народа къ Нимроду), сталъ умолять дьявола, являющагося ему въ огнѣ, научить его мудростямъ Нимрода. Дьяволъ же, имѣя обыкновеніе вводить людей въ грѣхъ, сказалъ священнику Андибайну: «Человѣкъ не можетъ сдѣлаться мудрымъ, если онъ не соединится съ матерью, сестрой и дочерью своею». Тогда магъ Андибайнъ сдѣлалъ такъ, какъ сказалъ дьяволъ. Съ тѣхъ поръ жрецы, волхвы и маги стали брать себѣ въ жены своихъ матерей и сестеръ *). Андибайнъ же впервые сталъ

принесъ огонь изъ рай. Госташабъ увѣровалъ въ него и, посадивъ священное дерево—тополь, предъ нимъ воздвигъ храмъ огня; длина и высота храма были по 40 «веревокъ». Вокругъ него онъ насадилъ розы, самый храмъ украсилъ золототканными явзаянцами и лазуревыми камнями. Затѣмъ онъ издалъ повелѣніе, призывая всѣхъ оставить «старую вѣру» и кланяться этому священному дереву и храму огня. (См. наши «Извѣстія»... (Въ Сборникѣ матеріаловъ, вып. XXVI стр. 100).

*) Этотъ обмчай, судя по Корану, сильно былъ распространенъ по всему Востоку даже во времена историческія. Въ 27 ст. IV главы Корана пророкъ излагаетъ: «Вамъ запрещено жениться на вашихъ матеряхъ, дочеряхъ, сестрахъ, теткахъ съ отцовской и материнской стороны, племянницахъ, кормилицахъ, молочныхъ сестрахъ, тещахъ... На дочеряхъ вашихъ сыновей, ни на двухъ сестрахъ». (См. Коранъ Маго-

заниматься звѣздочетствомъ, чародѣйствомъ, предска­зывани­емъ судьбы, волшебствомъ, баснословіемъ. Такъ изучилъ онъ всѣ степени порока, т.-е всякое искусство дьявольское. *Научившіеся этому искусству отъ дьявола вмѣстѣ съ дьяволами будутъ наказаны въ день Воскресенія.*

Книгу же, которую изучилъ Нимродъ отъ волшебницы Іунитаны, первовные *учители не приняли*, ибо она есть книга звѣздочетства. Персы считаютъ ее достойною книгой и называютъ священною; греки считаютъ ее звѣздочетствомъ, а маги даютъ ей имя «Пнедь» (𐎱𐎠𐎡𐎹*), что значитъ „книга слова“. Она есть книга волшебства и ученіе дьявольской грѣховности. Невѣжды говорятъ, что это книга истинная, но, нѣтъ: она только степень волшебства и поруганія.

Тогда Нимродъ воздвигъ на Востокъ большіе города, которые суть: Байблони, Ниневи, Расатхани, Сулаки, Дарджани, Бестапхани и Сомалани.

III.

Излагается краткая исторія еврейскаго народа отъ Авраама до персидскаго царя Курай (Кхурай Киръ). Въ этой исторіи «новаго» весьма мало, и мы ее оставляемъ безъ перевода.

мета, перев. съ арабскаго на французскій яз. Казимирскимъ, стр. 611). Такое же кровосмѣшеніе существовало и въ авмечской Грузіи. Такъ, въ I вѣкѣ нашей эры въ Грузіи царствовалъ Пхареманъ, а въ Арменіи братъ его Мнеридать. Этотъ Мнеридать былъ женатъ на дочери своего брата Пхарсмана, а сынъ послѣдняго Радамствъ состоялъ въ бракѣ съ Зивовіей, дочерью своего дяди Мнеридата (Тацитъ, Annals, 46 и 51).

*) По-персидски пнадар и по по-осетински фід значить отецъ. „Книга пнедь“ не есть ли «Книга отцовъ»?

Статья оканчивается послѣсловіемъ автора, который сообщаетъ, что еврейскія книги были сожжены два раза— при Антиохѣ и Иродѣ, и потому евреи потеряли родословіе патриарховъ и Дѣвы Маріи, и, не сумѣвъ возстановить его, писали такъ, какъ хотѣли. Эту путаницу избѣгли отцы церкви и дали намъ надлежащее родословіе. Я же, получивъ благодать Духа Святаго, восполнилъ недостающее (въ родословіи Христа). Родословіе Христа я изслѣдовалъ и изложилъ весьма старательно. Такъ подробно, какъ у меня, не изложено ни у какого писателя и ни въ какихъ писаніяхъ (стр. 190).

IV.

Родословіе патриарховъ отъ Адама до Христа.

Адамъ родилъ Сива отъ Евы. Сивъ женился на Калманѣ, сестрѣ Авеля Праведнаго, и родилъ Эноса. Эносъ, женившись на дочери Сивова сына, родилъ Кайнана. Кайнанъ родилъ Малалаэля **). Малалаэль, женившись на дочери Эноса, родилъ Іареда *), отъ котораго родился Маѳусайль. Маѳусайль женился на дочери Эноха и родилъ Ламеха *), отца Ноя. Ной женился на Тадварѣ, дочери Ма-

*) Стр. 87 рукописи: Ламехъ, находясь въ Нудѣ, убилъ Каина. Ламехъ, страдая глазами, сидѣлъ, имѣя при себѣ первороднаго сына своего, еще малютку. Въ это время проходилъ Каинъ. Ламехъ, не видя его, кинулъ камень и попалъ въ лобъ. Каинъ свалился бездыханнымъ. Малютка сказала отцу: «ты убилъ человѣка!» Ламехъ затрепеталъ отъ неожиданности и такъ сильно приударилъ руками, что разможнилъ голову своего малютки.

**) „Іаредомъ“ назывался также царь Грузіи, поставленный владѣть на Кавказѣ. «Персидскій царь Афридонъ, говоритъ „К-съ-Ц-ба“, назначилъ въ Грузіи сына своего Іареда (Іареджу Фирдеуси) и Адарму [Ардама], который происходилъ изъ племени сыновей Нимрода» [стр. 23].

еусалова сына, и родилъ Сима. Симъ, женившись на дочери Энохова сына, родилъ Арфаксада. Арфаксадъ женился на дочери Іафета и родилъ Салу. Сала женился на дочери Сима и родилъ Эбера, который родилъ Арфаксада. Арфаксадъ родилъ Фалега, *Отца* Мельхиседека и Аргу. Аргу женился на дочери Эбера и родилъ Фарру. Фарра имѣлъ двухъ женъ, имя одной Іонанъ и другой Салмаеъ. Отъ Іонанъ родился Авраамъ, а отъ Салмаеъ Сарра. Авраамъ же женился на Саррѣ, рожденной Салмаеой. Отъ нея родился Исаакъ. Исаакъ женился на Ревеккѣ, дочери Баеуила, и родилъ Исаава и Іакова. Іаковъ женился на дочери Лабана и родилъ Іуду, который родилъ Фареза и Зару отъ Тамары. Фарезъ женился на дочери Левія и родилъ Эсрома, родившаго Арама. Арамъ женился на дочери Іуды и родилъ Аминадаба; Аминадабъ женился на дочери Эсромова сына, Асера, и родилъ Наасона. Наасонъ женился на дочери Арама, и родилъ Салу. Сала, женившись на Рехабѣ, дочери Аминадабова сына, родилъ Вооза, который родилъ Іобедъ. Іобедъ, женившись на дочери Сафлы, родилъ Іессея. Іессей, женившись на дочери Вооза, родилъ царя Давида. Давидъ, женившись на женѣ Уріи, родилъ Соломона. Соломонъ, женившись на Наманѣ, происходящей изъ аманскихъ дочерей Лота, родилъ Ровоама. Ровоамъ родилъ Авію. Авія, женившись на дочери Авессалома, родилъ Асу. Аса женили на Уріи, и онъ родилъ Іосафата. Іосафатъ, женившись на Микту, родилъ Іорама, который родилъ Оховію. Оховія родилъ Іорая. Іорай—Амоса, который, женившись на дочери Седекіи, родилъ Іоатъама. Іоатъамъ женился на дочери Фареса и родилъ Ахаза. Ахазъ женился на дочери пророка Захѣріи и родилъ Эзекію, родившаго Манасію. Манасія родилъ Амона. Амонъ женился на дочери Азора и родила Осая. Осай, женившись на дочери пророка Іереми, родилъ Арохана бездѣтнаго. Послѣ него царствовалъ братъ его, отъ котораго забеременѣла жена Арохана и родила Іоакима. Іоакимъ родилъ Іоайхиса. Іоайхисъ родила Балбидъ, который женился на дочери Вагана, родилъ Зоровавелю. Зоровавелъ женился на дочери Эзры и родилъ Эліуда. Эліудъ, женившись на дочери Седекіи, родилъ Эліакима, родившаго Азора. Азоръ родилъ Садука, Садукъ Наннъ, Нанну Эліуда. Эліудъ женился на дочери Селія и родилъ Азара. Азаръ женился на происходящей изъ дочерей Левія и родилъ Матаеана. Матаеанъ женился на происходящей отъ Финеза и называемой Сахуеъ и родилъ двухъ сыновей—Іакова и Іонохана, который назывался Іоакимомъ. Іаковъ

женился на дочери Азры и родилъ Іосифа. Марія вышла за него замужъ и родила Христа. Іоакимъ женился на Аннѣ, дочери Зорова сына Фадуга, и Анна на 60-омъ году жизни родила Марію, мать Христа, Бога нашего.

«Итакъ, я привелъ васъ къ истинѣ, которую до меня никто не въ состояніи былъ постичь.

Во дни Кира исполнилось 5000 лѣтъ отъ сотворенія міра, отъ Кира же до Христа протекло 500 лѣтъ. Евреи же не признали Его: одни изъ нихъ доназывали, что еще не наступило время Его пришествія; другіе говорили, что это время уже прошло, и Христось погибъ отъ руки евреевъ. Но вы, любящіе просвѣщеніе, слушайте меня. Христось родился на 42-мъ году царствованія кесаря Августа въ Вилеємѣ Іудейскомъ. Еще за 2 года до Рождества Христа маги увидѣли необыкновенную звѣзду: въ срединѣ ея сидѣла молодая Дѣва съ младенцемъ и звѣздочками, а надъ нею видѣлась корона. Они очень испугались, предполагая, что звѣзда предзнаменуетъ выступленіе царя іонянъ противъ страны Нимрода, противъ персовъ. И, взявъ „*Книгу Нимрода*“, прочли въ ней, что *долженъ явиться въ міръ Царь*“ *). Тогда они взяли золото царское, смирну цѣлительную и ладанъ священнической, предназначенные въ привошеніе Царю, Цѣлителю и Священнику, и пустились въ путь. Путниками этими были цари и царевичи, изъ коихъ бирмиз и Махрзе были царями персовъ, а Адрибиджанъ, сынъ Дали, былъ царемъ Собайля, т.-е. Востока.

Далѣе изложена исторія земной жизни Спасителя до Его вознесенія на небо и сошествія Духа Святаго на апостоловъ.

Въ концѣ (стр. 222): «Вотъ и окончилось сказаніе мірозданія отъ Адама до Христа, принятое каволическою цер-

*) По «Картлїсь-Цховреба»: „Миріанъ, прочитавъ въ „Книгѣ Нимрода“: «Наступитъ время, когда придетъ Владыка небесъ», принялъ христіанство.

ковью, и мы прославляемъ Отца, Сына и Св. Духа нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь» *).

«Картлясъ-Цховреба» сообщала намъ только слудныя свѣдѣнія о какой-то «Книгѣ Нимрода». И вотъ теперь мы знаемъ въ рукахъ если не самую «Книгу Нимрода», то, по крайней мѣрѣ, компиляцію изъ нея. Мы знаемъ теперь, что «Книга Нимрода» содержала въ себѣ «мудрости» (вавилонскія) и на языкѣ маговъ называлась *пнед*, и что отцы церкви отвергли ее какъ апокрифическую книгу.

Кто могъ занести въ Грузію «Книгу Нимрода», если она обрѣталась здѣсь при царѣ Мирианѣ?

Съ древняго времени кавказскіе народы, особенно же грузины и армяне, имѣли культурныя и политическія связи съ Ассири-Вавилоніей, Мидіей, Персіей и «Тураномъ». Всѣ эти народы жили общею «азиатскою» жизнью, хотя весьма часто находились и въ непріязненныхъ отношеніяхъ. Въ томъ и другомъ случаѣ каждое культурное пріобрѣтеніе быстро переходило отъ одного народа къ другому и на новой родинѣ получало широкое распространеніе. Большая часть народныхъ повѣрій, притчъ и сказаній, способъ обрабатыванія земли и орудія, употребляемыя при этомъ, образъ государственнаго устройства и семейнаго общегитія и пр. у всѣхъ этихъ народовъ поразительно сходственны. Они всѣ въ древнемъ періодѣ своей жизни поклонялись огню, небеснымъ свѣтиламъ и всякимъ духамъ. Герой Рустевъ столь же миль персамъ, сколь тотъ же герой, но уже не Рустевъ, а Ростомъ, народнымъ героемъ въ Грузіи и на Кавказѣ вообще. Таковы же у всѣхъ этихъ народовъ герои Нимродъ, Амиранъ, Хозрой, Зурабъ, Джимшеръ, Диларъ, врачи Локманъ, Джанаозъ и др.

*) Полный текстъ этой интересной рукописи нами списанъ и будетъ напечатанъ особо.

При такомъ отношеіи Грузіи къ Вавилону и Персіи струя южная (вавилонская) или восточная (персидская) легко могла занести къ намъ «Книгу Нимрода». Самъ царь Грузіи Миріанъ, въ рукахъ котораго имѣлась «Книга Нимрода», былъ персъ, сынъ шаха. Онъ же, можетъ-быть, впервые и привезъ ее въ Грузію.

Преподаватель Тифлискаго реальнаго училища *М. Джанашивили*.

АРМЯНСКІЕ ЦЫГАНЫ.

Въ числѣ многочисленныхъ кавказскихъ народовъ армянскіе цыганы, извѣстные подъ названіемъ „боша“, занимаютъ самое незамѣтное мѣсто. Цѣль нашей статьи — дать читателямъ понятіе о бытѣ и вообще объ особенностяхъ жизни ахалкалакскихъ, ахалцихскихъ и александропольскихъ цыганъ, которые подъ предводительствомъ извѣстнаго епископа Карапета въ 1828 г. переселились изъ Верхней Арменіи (Эрзерумскаго вилаета) въ только что завоеванныя русскими области. Число ихъ намъ въ точности неизвѣстно, да и наврядъ ли кто вѣрно опредѣлитъ его, такъ какъ они своимъ бродячимъ образомъ жизни всегда избѣгали и избѣгаютъ правильной народной переписи. Приблизительное число ихъ можно опредѣлить слѣдующимъ образомъ: въ Ахалкалакахъ—25 дымовъ, Ахалцихъ—16, Александрополь—40, Карсѣ—25, въ селеніи Ахтала Ахалкалакскаго уѣзда—8 дымовъ, въ селеніи Дамала (на Цалкѣ)—20 дымовъ, въ томъ же участкѣ въ селеніи Кызыль-Килисѣ—4 дыма. Особенно много ихъ въ мѣстностяхъ, приобретенныхъ русскими во время послѣдней русско-турецкой войны, преимущественно въ Аджаріи. О точномъ числѣ этихъ послѣднихъ ничего мы не можемъ сказать за неимѣніемъ вѣрныхъ источниковъ. Въ одно время какъ въ Эривани, такъ и въ Елисаветполѣ также жили боши, хотя ихъ тамъ было мало; но они впоследствии, оставивъ свой первоначальный образъ жизни, слились съ мѣстными армянами. Въ предѣлахъ Кавказа боши живутъ только въ вышеупомянутыхъ мѣстахъ; большая же часть ихъ живетъ въ Турецкой Арме-

ніи и Малой Азіи, главнымъ образомъ, въ окрестностяхъ городовъ Синопа и Токата (Евдокіи).

I.

Боши по языку и вѣронсповѣданію почти армяне, почему многіе ихъ и называютъ «гай-боша» (армянскіе цыганы), но по своему характеру и обычаямъ они представляютъ въ высшей степени своеобразно-типичный, вполне независимый народъ, который надѣленъ удивительно оригинальными особенностями, достойными вниманія этнографа.

Боши имѣютъ въ себѣ много привлекательныхъ сторонъ. Ихъ благородныя черты особенно рѣзко бросаются намъ въ глаза, когда мы сравниваемъ ихъ не съ болѣе или менѣе культурными народами, отъ которыхъ они значительно отстали, а съ магометанами «гичу-карачи», народомъ одного съ ними племени и добывающимъ себѣ кусокъ хлѣба однимъ и тѣмъ же способомъ. Хотя условія жизни и традиціонныя занятія ихъ одинаковы, хотя по происхожденію они одного племени, тѣмъ не менѣе боши по сравненію стоятъ гораздо выше карачи. Тогда какъ магометанинъ-гичу въ каждую удобную минуту, не упуская ни одного случая, готовъ обокрасть домъ, куда онъ вошелъ, стащить всякій попавшійся ему на глаза предметъ, если за нимъ никто не слѣдитъ, гай-боша никогда, ни въ какихъ случаяхъ не позволитъ себѣ и прикоснуться къ чужой собственности. „Не воровать“—одно изъ традиціонныхъ и самыхъ святыхъ завѣтовъ его племени. Никогда боша не былъ пойманъ въ воровствѣ, по крайней мѣрѣ мы никогда не встрѣчали человѣка, который бы утверждалъ противное. „Боша воровать не умѣетъ“—вотъ общее мнѣніе той части простого народа, которая имѣетъ непосредственное дѣло съ ними. Неудивительно поэтому, что боша всюду имѣетъ доступъ и что каждый домохозяинъ питаетъ къ нему довѣріе, зная его безусловную честность. Магомета-

ина-гичу, наоборотъ, никто не впускаетъ въ свой домъ, благодаря известной всѣмъ склонности ихъ къ воровству. Вслѣдствіе этого они обыкновенно прибѣгаютъ къ хитрости, чтобы раздобыть денегъ, умѣя слишкомъ хорошо для достиженія своихъ цѣлей пользоваться народнымъ суевѣріемъ: женщины ихъ своими «фал-ами» (колдовствомъ), свою безнравственной, но завлекательной пляской, какъ пивки высасываютъ кровь у простаго доврчиваго народа.

Внѣшностью своею гай-боша отличается отъ гичу; послѣдній совсѣмъ лишенъ чувства стыда и изящества въ одеждѣ: онъ шатается почти голымъ безъ стѣсненія, между тѣмъ какъ гай-боша избѣгаетъ всегда этого: на его старомъ платьѣ вы найдете множество разноцвѣтныхъ заплатъ, но никогда вы не увидите его въ неприличномъ, порванномъ платьѣ.

О другихъ нравственныхъ достоинствахъ боши долго распространяться здѣсь не мѣсто,—оно могло бы уклонить насъ отъ прямой нашей цѣли. Однако надо замѣтить, что разница между этими двумя разновидностями одного племени и одного рода занятій имѣетъ свои причины. Гичу исповѣдуютъ магометанскую религію, и, можетъ-быть, вслѣдствіе того презрѣнія, съ которымъ къ нимъ относятся другіе исповѣдники этой религіи, они, лишившись лучшихъ своихъ традицій, должны были застыть въ своей обособленности и деморализоваться, тогда какъ «гай-боши», какъ христіане, живя и вращаясь среди армянъ, не могли не воспользоваться благотворнымъ вліяніемъ христіанскихъ началъ.

Оставляя въ сторонѣ детальное ихъ сравненіе, мы перейдемъ къ прямой цѣли нашей статьи, а именно къ изображенію быта армянскихъ цыганъ..

II.

Народъ, который не умѣетъ ни пахать, ни сѣять, ни косить, но который живетъ, какъ вольная птица, подъ си-

нимъ небеснымъ сводомъ; народъ, для котораго цѣлый міръ составляетъ родину, какъ говорится, „ubi bene, ibi patria“, для котораго ешакъ и нѣсколько кусковъ старья составляютъ все богатство,—вотъ это «боша». Гордый въ своей нищетѣ, любящій свободу и независимость, но безъ признаковъ какого-нибудь геройства, завоеватель безъ оружія и порабощенія—вотъ выдающіеся черты характера боши. Онъ увѣренъ, что всюду, куда бы ни забросила его судьба, онъ можетъ найти кусокъ хлѣба; онъ знаетъ, что отъ всякаго получить удовлетвореніе своимъ потребностямъ; поэтому его можно видѣть всюду и вездѣ, гдѣ только есть хоть одна живая душа. Ни непроходимыя горы, ни лощины, ни лѣса дремучіе не въ состояніи измѣнить направленіе разъ уже намѣченнаго ими пути; моря и пустыни не мѣшаютъ ему скитаться безъ конца. Ни жгучее солнце, ни слякоть, ни дождь, ни снѣгъ или буря не пугаютъ его: стойко, геройски перенося всѣ естественныя преграды, всѣ капризы природы, онъ въ самую сильную жару или въ самый сильный морозъ, какъ, тѣнь, является то въ томъ или другомъ уѣздѣ, то въ той или другой губерніи и, какъ тѣнь, опять исчезаетъ.

Не имѣя частной, личной собственности, онъ весь міръ, все достояніе людей считаетъ своею собственностью; поэтому онъ смѣло, съ увѣренностью собственника и безъ всякаго стѣсненія заходитъ во всякій домъ съ законными, по своему понятію, требованіями, хотя требованія свои онъ облачаетъ всегда въ форму прошенія, мольбы. Боша не попрошайничаетъ подобно нищимъ или другимъ цыганамъ, но горе тому, кто не уважитъ его просьбы—польются на него потоки проклятій, которыхъ суевѣрный людъ страшно боится. Боша живетъ, пользуясь своимъ бойкимъ и ловкимъ языкомъ и приводящими простой людъ въ трепеть проклятіями.

Говоря о бошѣ, намъ необходимо будетъ въ точности опредѣлить положеніе боши-мужчины и боши-женщины, взаимныя отношенія которыхъ носятъ весьма оригинальный характеръ. У бошей какъ будто оба пола помѣнялись своими ролями: мужчинѣ въ ихъ дѣятельности замѣняютъ женщины и наоборотъ. Подобно тому какъ цыганы вообще являются паразитами, лишнею обузою для человѣчества, такъ и мужчина-боша—паразитъ и лишняя обуза для женъ своихъ, на долю которыхъ выпала такая нелегкая обязанность, какъ содержать не только дѣтей, но и мужей въ придачу. Женщину-бошу своими достоинствами и недостатками можно считать дѣйствительною представительницею своего народа; слѣдовательно, ей исключительно надо приписать всѣ вышеизложенныя нами достоинства боши. Мужчины-боши играютъ какую-то второстепенную, совершенно пассивную роль среди этого народа; они живутъ трудами женъ и дочерей своихъ; поэтому значеніе ихъ для общества въ борьбѣ за существованіе очень незамѣтно. Женщины и защищаютъ и обезпечиваютъ ихъ существованіе; онѣ же пекутся о повседневныхъ нуждахъ семьи.

Какъ бы ни были ограничены требованія семьи боши, тѣмъ не менѣе ихъ трудно удовлетворять. Беря на себя такую нелегкую обязанность, какъ содержать дѣтей и мужей своихъ, женщина-боша съ замѣчательною стойкостью, доходящей до геройства, исполняетъ ее. Лишенная правъ и тѣхъ преимуществъ, которыя свойственны ея полу, она удовлетворяетъ не только насущныя потребности семьи, число членовъ которой доходитъ часто до 4—8, но даже заботится для мужа о такой роскоши, какъ куреніе табаку и употребленіе водки. И взамѣнъ всего этого она получаетъ отъ мужа одни лишь побои и подвергается незаслуженному презрѣнію къ своему полу.

Женщину-бошу очень рѣдко можно видѣть у домашняго очага. Она проводитъ дни и ночи на чужбинѣ, хотя въ дѣйствитель-

ности для нея нѣтъ чужбины. Она не стѣсняется національностью кого бы то ни было, но посѣщаетъ всѣхъ безъ исключенія, заходитъ въ домъ каждаго, хотя и дѣлаетъ различіе между богатымъ и бѣднымъ, отдавая предпочтеніе послѣднему, такъ какъ отъ него гораздо легче получить все нужное себѣ. Очень рѣдко случается, чтобы она выходила изъ чужого дома съ пустыми руками; она проситъ безъ разбора, все, что ей нужно: хлѣба, муки, пшеницы, ячменя, кислаго молока, масла, сыру, платья, старую обувь и т. п. Если во всемъ этомъ ей отказываютъ, то тогда она проситъ дать ей соли, дровъ, чего-нибудь горячаго, словомъ всего, что можно найти у хозяйки дома. Она своими пронизательными глазами видитъ всѣ уголки дома; не упускаетъ изъ виду ни одного предмета, который можетъ ей пригодиться. Если просьба ея остается безъ послѣдствія, тогда она перемѣняетъ тонъ и начинаетъ уже требовать. Своимъ требованіямъ она предпосылаетъ всегда извѣстную рѣчь; она старается всегда найти слабую струнку хозяйки (нужно замѣтить, что онѣ имѣютъ дѣло всегда съ женщинами), что легко удается ей, ибо она опытомъ уже изучила всѣ женскія слабости. Съ необыкновеннымъ краснорѣчіемъ она восхваляетъ черные и красивые глаза хозяйки, ея точно выточенный носъ, красивый ротъ, черные волосы, наконецъ — платье; отъ внѣшности она переходитъ къ внутреннимъ качествамъ хозяйки: рисуетъ ее какъ добрую, милосердную женщину и т. д. Если хозяйка старая ея знакомая или если она родомъ изъ чужихъ краевъ, то тогда боша ловко выдумываетъ отъ себя разные поклоны отъ знакомыхъ, родныхъ и такимъ образомъ старается привлечь къ себѣ ея вниманіе. Бѣда, если кто-нибудь увлекается живымъ краснорѣчіемъ и вступаетъ съ нею въ интимную болтовню. Боша мастерски пользуется подобнымъ моментомъ и доводитъ хозяйку дома до того, что эта послѣдняя своими руками наполняетъ суму боши разными припасами. Послѣ

странствующихъ торгашей и коробейниковъ, ловко обманывающихъ наивныхъ крестьянъ и крестьянокъ, слѣдующее мѣсто принадлежитъ несомнѣнно бошѣ.

Женщины-боши ходятъ обыкновенно по двѣ безъ мужчинъ. Почти никогда не случается, чтобы молодая дѣвица-боша ходила по домамъ. Но коль скоро она выходитъ замужъ, на 4 и 5 мѣсяцѣ послѣ свадьбы, начинаются ея хожденія, но при этомъ ею руководитъ опытная пожилая женщина, свекровь ея или близкая родственница, если таковая имѣется, а если нѣтъ, то сосѣдка или вообще знакомая молодой; эти старухи научаютъ молодую всѣмъ приемамъ, посредствомъ которыхъ надо добывать хлѣбъ и содержать семью. Ходятъ женщины-боши съ палкой въ рукахъ и кожаной сумой за спиной. Въ другой рукѣ онѣ держатъ вадку, которую наполняютъ по дорогѣ или свѣжимъ масломъ, или сыромъ, или мацономъ (варенцомъ). Не довольствуясь этимъ, онѣ тащутъ съ собою еще нѣсколько ситъ для продажи сельчанамъ. Когда имъ приходится ходить далеко, то онѣ берутъ съ собою клубокъ нитки и по дорогѣ вяжутъ носки.

Иногда боши бродятъ цѣлыми семействами; это случается тогда, когда на старомъ мѣстѣ ихъ женщины исходили всѣ углы и понавѣдались во всѣ почти дома; тогда боши толпою направляются въ другіе уѣзды и губерніи. Во время такихъ передвиженій вы увидите цыганку-бошу на ослѣ; одного ребенка она держитъ у себя впереди, другого помѣстила позади, третьяго—въ одно отдѣленіе хурджина *), а съ другой стороны висятъ мѣшки и сита; сидитъ она преспокойно и вяжетъ себѣ носки; сзади идетъ ея мужъ и громадной дубиной погоняетъ осла. Такъ происходитъ передвиженіе нѣсколькихъ семействъ, и происходитъ оно безъ всякаго порядка. Дойдя до какого-нибудь селенія, боши остава-

*) Переметныя сумки.

вливаются—мужчины остаются подъ открытымъ небомъ недалеко отъ селенія съ дѣтьми, за которыми, по ихъ мнѣнію, не требуется большого ухода, пасутъ своихъ ослонъ, плетутъ сита, а женщины, какъ сказали мы, идутъ ходить по домамъ „собирать, подобно коровамъ, молоко, чтобы вечеромъ можно было ихъ доить“ (такъ говорятъ мужчины про своихъ женъ). Изъ собраннаго здѣсь молока «макона» они дѣлаютъ масло, сыръ и тутъ же продаютъ или же берутъ съ собою домой, а муку, хлѣбъ и другіе необходимые припасы оставляютъ себѣ на зиму. Исходя здѣсь всѣ дома, они снова продолжаютъ свой путь до другого селенія.

Такъ какъ боши теперь ведутъ полуосѣдлую жизнь, то поэтому подобныя передвиженія цѣлыми семьями дѣлаются рѣдко. Обыкновенно женщины бродятъ однѣ и часто мѣсяцами пропадаютъ въ чужихъ краяхъ. Такъ, на примѣръ, ахалкалакскія женщины—боши, исхотивъ уѣзды Ахалкалакскій, Ахалцихскій и Александропольскій, направляются къ Тифлису, Телаву и Сигнаху, ироходя все это разстояніе пѣшкомъ.

Несмотря на долгое отсутствіе и на многія способствующія нравственному паденію условія, женщины-боши сохраняютъ всегда безусловную нравственную чистоту. По этой самой причинѣ не напрасно то довѣріе, которое питаютъ мужчины-боши къ женщинамъ. Пуская ее одну безъ руководителя, безъ особаго надзора за нею, онъ разъ навсегда увѣренъ, что пока она пользуется своимъ ловкимъ языкомъ, которымъ она можетъ ужалить, какъ змѣя; пока съ нею ея вѣрная подруга—палка, честь ея будетъ защищена.

Мы сказали, что боша не воръ. Это касается больше женщинъ, ибо за мужчинами замѣчены маленькіе грѣшки: они ловко, съ неподражаемымъ мастерствомъ умѣютъ, когда подвернется случай, отрѣзать хвостъ у лошади, волоса отъ которой идутъ на плетеніе ситъ. Но женщину никто не можетъ обличить въ воровствѣ. Въ полуосѣдломъ народѣ дѣй-

ствительно удивительно видѣть такія похвальныя черты; въ этомъ отношеніи имъ могутъ позавидовать многіе цивилизованныя народы. Иногда лѣтомъ, когда крестьяне и крестьянки бываютъ на полевыхъ работахъ или на гуинѣ, женщины-боша заходитъ въ домъ; въ отсутствіе хозяевъ тутъ ей представляется прекрасный случай стащить все, что хочетъ; но она этого не дѣлаетъ и остается вѣрной традиціи: „не брать ничего собственными руками“ даже съ позволенія хозяйки. Замѣчено, что цыганка-боша обманываетъ, но не воруетъ. Надо сказать, что онѣ имѣютъ обыкновеніе брать съ собою гнилыя яблоки, груши и другіе фрукты, которыми обманываютъ дѣтей и при ихъ посредствѣ берутъ все нужное. Если случится въ это время, что кто-нибудь изъ старшихъ застигнетъ ихъ, то онѣ начинаютъ оправдываться тѣмъ, что не сами взяли, а дѣти имъ дали.

Бродя изъ страны въ страну, имѣя дѣло со всевозможными людьми и обществами, имѣя доступъ ко всѣмъ, женщины-боши пріобрѣтаютъ практическій умъ и удивительное остроуміе, вошедшее въ пословицу у простого народа. Этимъ объясняется, почему многіе интересуются ими, желая получить отъ нихъ остроумныя, вызывающіе смѣхъ, отвѣты на разные вопросы. И ни одинъ вопросъ, ни одинъ намекъ, ни одно ироническое замѣчаніе со стороны другихъ не остаются безъ отвѣта; на все она возражаетъ быстро и въ высшей степени находчиво и ѣдко. Случается, что нѣкоторые нахалы пускаютъ по ея адресу очень плоскія оскорбительныя шутки; тогда она, не стѣсняясь, смѣло даетъ не менѣе того оскорбительный отпоръ. Отвѣты боши всегда бываютъ двусмысленны, такъ что часто съ виду они кажутся неоскорбительными; ими она ограждаетъ себя отъ многихъ неприяностей: пока ея противникъ ломаетъ себѣ голову надъ дѣйствительнымъ смысломъ ея выходки, она успѣваетъ уже скрыться изъ виду.

Въ трудныя минуты, когда дѣло доходить до открытой борьбы, она геройски умѣетъ защищать свою честь.

Вѣроятно, быстрые и остроумные отвѣты женщины-боши дали начало той народной поговоркѣ, которая употребляется по отношенію къ находчивымъ лицамъ: «онъ, подобно бошѣ, за словомъ въ карманъ не полѣзетъ». Кромѣ остроумія, боша обладаетъ еще умѣніемъ провлинать. Противъ сельскихъ ребяташекъ-шалуновъ, которые толпами нападаютъ на нихъ и не даютъ имъ покоя; это умѣнье единственное и лучшее оружіе. Чтобы дать понятіе объ этой способности боши, необходимо самому слышать, и тогда удивляешься, насколько неисчерпаемы и всесторонни ихъ проклятія.

III.

Вернемся теперь къ мужчинѣ-бошѣ. Онъ большую часть своей неподвижной, бездѣятельной жизни проводитъ подъ кровлей старой хижины, не принимая участія въ вѣчно-бродячей жизни своей неутомимой труженицы-жены; слѣдовательно, онъ вовсе не раздѣляетъ съ нею ни тѣхъ лишеній ни тѣхъ страданій, которыя суждено ей переносить всю жизнь. Боша, какъ истый типъ азіатца, возлагая большую часть заботъ семейныхъ на свою трудолюбивую жену, самъ ничего не дѣлаетъ; сидя у себя въ хижинѣ, онъ самымъ безцеремоннымъ образомъ пользуется трудомъ своей жены: онъ является самымъ жестокимъ эксплуататоромъ по отношенію къ ней. Эта послѣдняя—только собирательница всего необходимаго, въ чемъ заключается ея обязанность; дальше этого права ея не распространяются. Полнымъ же господиномъ собранныхъ ею припасовъ является мужъ. Онъ одинъ только рѣшаетъ, кому сколько слѣдуетъ дать того или другого, что слѣдуетъ оставить для семьи, что продать. Собранныя почти по каплѣ молого, „мацонъ“, масло переходятъ въ руки му-

жа-эксплуататора; онъ ими распоряжается, какъ ему вздумается. Это—настоящій трутень въ семьѣ бошей.

Несмотря на свою лѣнь, мужчина-боша имѣетъ самыя ограниченныя потребности. Единственное, къ чему онъ стремится, это—табакъ и водка; послѣдняя, въ особенности, составляетъ его любимый предметъ роскоши. Не колеблясь, можно сказать, что пьянство среди мужчинъ-бошей сдѣлалось общественнымъ недугомъ. Другихъ предметовъ роскоши у боши нѣтъ. Онъ живетъ очень просто, подчасъ даже нищенски. Его внѣшность вполне соответствуетъ его нищенскому положенію: „аргалугъ“*), покрытый безчисленнымъ множествомъ разноцвѣтныхъ заплатъ, старая „чуха“ и шаровары, трещащія, какъ говорится, по швамъ. Въ настоящее время, хотя и встрѣчаются такіе, которые, кромѣ экономической обезнеченности, имѣютъ и наличныя деньги, тѣмъ не менѣе никто изъ нихъ не хочетъ и не согласится замѣнить свое бѣдное и грязное одѣяніе мало-мальски чистымъ и приличнымъ. Боша при всѣхъ своихъ богатствахъ остается вѣчнымъ нищимъ: экономическое благосостояніе ни на волосъ не измѣняетъ его положенія.

Свободные часы свои боши проводятъ въ бесѣдѣ и куреніи табаку въ той или другой хижинѣ. Случаи изъ бродячей жизни своихъ жень, видѣнное и слышанное ими въ той или другой странѣ, рассказы о различныхъ предметахъ и явленіяхъ составляютъ неистощимый матеріалъ ихъ разговоровъ. Большую роль играютъ въ этихъ вечернихъ бесѣдахъ народныя пѣвцы, которые богатымъ запасомъ своихъ пѣсень, сказокъ, пословицъ и загадокъ развлекаютъ своихъ слушателей. И мужчины-боши наслаждаются этимъ вельствомъ: никакія заботы, никакія думы не нарушаютъ ихъ созерцательнаго спокойствія—они живутъ точно въ нирванѣ. Понятно, что только матеріальною и умственною ограниченностью ихъ интересовъ можно объяснить подобную безпечность.

*) Верхнее одѣяніе туземцевъ.

Говоря все это, мы, конечно, не должны забывать во имя справедливости, что и они имѣютъ свои, какъ бы онѣ ни были ничтожны, заботы и свои дѣла. Да и трудно въ самомъ дѣлѣ представить себѣ человѣка, по цѣлымъ днямъ сидящимъ, сложа руки, или лежащимъ и плюющимъ отъ нечего дѣлать въ потолокъ.

Какъ мы видѣли раньше, боша всѣ свои обязанности возлагаетъ на жену и только во время отсутствія ея самъ исполняетъ домашнія дѣла, если, конечно, дома нѣтъ другой женщины. Сидя, какъ женщина, дома, смотря и ухаживая за дѣтьми, онъ большею частью занимается однимъ ремесломъ—плетеніемъ ситъ, которое передалось ему по наслѣдству и которое составляетъ исключительное его занятіе; оно не требуетъ отъ него никакого умственного напряженія и приличествуетъ скорѣе женщинѣ, нежели мужчинѣ. Боши гордятся своимъ ремесломъ и нѣкоторые изъ нихъ называютъ себя „макричь“ (очищающій) на томъ основаніи, что они готовятъ сито, очищающее пшеницу отъ плевелъ и муку отъ отрубей. «Зовите меня не боша, а макричь!» говорятъ другіе болѣе самолюбивые. Кромѣ ситъ, которыя плетутся ими изъ волосъ лошадиного хвоста, они дѣлаютъ еще барабаны, бубенчики и другія дѣтскія игрушки, которыя они мѣняютъ на нужные себѣ припасы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ, на примѣръ, въ Синопѣ и вообще по анатолійскимъ городамъ боши занимаются и кузнечествомъ, лучше сказать, производствомъ мелкихъ желѣзныхъ издѣлій. У боши нѣтъ ни средствъ, ни охоты, ни желанія быть совершеннымъ кузнецомъ, на что требуется большой трудъ и стараніе, а что главное—осѣдность жизни. Онъ куетъ подковы для своего осла, чинитъ старые ножи, серпы или косы—вотъ и все его кузнечество. Кромѣ того, есть боши, которые занимаются для себя шитьемъ простыхъ сапогъ или башмаковъ.

Какъ видно, въ числѣ перечисленныхъ нами занятій боши нѣтъ ни одного, которое бы требовало мало-мальски значительнаго напряженія умственныхъ или даже физическихъ силъ. Выборъ боши падаетъ всегда на то, что требуетъ наименьшаго примѣненія тѣхъ или другихъ силъ. Боша избѣгаетъ даже возможности этого напряженія. Конечно, нельзя положительно утверждать, что они неспособны ни къ какому умственному или физическому труду, и хотя наличные факты даютъ намъ право такъ думать, но съ нѣкоторою вѣроятностью можно утверждать, что многолѣтнее ничегонедѣланіе боши, его паразитство притупили въ немъ тѣ силы, которыми живутъ люди, способные трудиться.

Единственное занятіе, гдѣ въ большей или меньшей степени обнаруживаются его умственныя способности, гдѣ видишь его мировоззрѣніе и чувства, гдѣ слышишь его краснорѣчіе и остроуміе, однимъ словомъ, гдѣ видишь полную картину его душевной жизни—это занятіе народнаго пѣвца, занятіе, между ними особенно распространенное. Между этими пѣвцами попадаются довольно выдающіеся, которые даже среди армянъ пользуются большимъ почетомъ и уваженіемъ не столько за неистощимую импровизацію, сколько за мѣткое остроуміе. Они поютъ на своемъ нарѣчій, но, главнымъ образомъ, на татарскомъ языкѣ; они большіе мастера рассказывать сказки. Своими сказками на разнообразныя темы, передаваемыми образнымъ и увлекательнымъ языкомъ, они въ длинные зимніе вечера занимаютъ многочисленныхъ крестьянъ, отъ которыхъ, какъ вознагражденіе, получаютъ пшеницу или ячмень.

На свадьбахъ, праздникахъ, на общественныхъ играхъ, во время кутежей, какъ среди бошей, такъ и армянъ эти народныя пѣвцы являются непремѣнными членами, общими всѣхъ лыбимцами.

IV.

Изъ вышесказаннаго о женщинѣ- и мужчинѣ-бошѣ читатель, какъ кажется, составилъ себѣ нѣкоторое понятіе о ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Лучшее представленіе о послѣднихъ даетъ намъ обѣтъ невѣсты въ день свадьбы своему жениху. Когда наступаетъ часъ вѣчанія, то, какъ рассказываютъ, женихъ прячется въ тонирѣ (азиатская пекарня); невѣста подходитъ къ тониру и начинаетъ нѣскольکو разъ убѣдительно просить жениха выйти оттуда, повторяя: «Дус эго, тодикверид мерним, дус эго, мурам, курам ке-зи к паем» (выдь оттуда, дорогой мой, выдь; я буду по міру ходить—тебя кормить). Получивъ такой обѣтъ отъ невѣсты, женихъ выходитъ, и они идутъ вѣчаться.

Дѣвица-боша свободна: она не бродитъ для куска хлѣба и живетъ у отца, исполняя только легкія домашнія обязанности; лицо ея не прикрыто вуалью; ей не запрещаютъ показываться мужчинамъ; словомъ, она пользуется достаточною свободой. Но послѣ того какъ она обручена, особенно послѣ того какъ она произнесла роковой для нея обѣтъ, она уже, какъ членъ новаго семейства, на обязанности котораго лежитъ думать и заботиться о нуждахъ семьи, лишается той свободы, той самостоятельности, которыми пользовалась подъ своей родной кровлей: на нѣкоторое время она лишается права вступать въ открытый разговоръ со старшими; лицо закрываетъ вуалью и носить ее до тѣхъ поръ, пока не наступитъ пора бродяжничества, пока не возьметъ она въ руки дубину и суму. На первыхъ порахъ своей бродяжнической жизни она бываетъ застѣнчивой и несмѣлой, а потому ею руководить, какъ менторъ, какая-нибудь пожилая и опытная женщина; а затѣмъ, приобретаая съ теченіемъ времени все большую и большую практику и житейскую мудрость, она перестаетъ нуждаться въ менторѣ и, блуждая самостоятельно, доставля-

еть такимъ образомъ семьѣ средства къ существованію. Последніе мѣсяцы своей беременності она обыкновенно перестаетъ бродить и остается дома; впрочемъ, случается нерѣдко, что она возвращается домой, принося съ собою вмѣстѣ съ другими припасами и ребенка въ подарокъ мужу.

Понятно, что женщина-боша, представляя изъ себя крупную силу въ семьѣ, единственную печальницу о нуждахъ домашнихъ и единственную работницу, имѣетъ дорогую цѣну. Каждый женихъ обязанъ уплатить роднымъ невѣсты довольно почетную, относительно говоря, сумму денегъ; она называется «*Համվառի*» — латемаси (согласіе), которая въ Ахалкалакскомъ уѣздѣ опредѣлена до 115 р.: раньше она опредѣлялась гораздо большею суммой, но года два тому назадъ общество ахалкалакскихъ бошей единогласно рѣшило не платить и не требовать больше 115 р. Эту сравнительно большую сумму они платятъ безъ особыхъ затрудненій. Если сравнимъ въ этомъ отношеніи ахалкалакскихъ бошей съ армянами-сельчанами, среди которыхъ также существуетъ такой обычай, то мы увидимъ, что первые платятъ несравненно больше, а что важнѣе, несравненно легче вторыхъ. Это и нѣкоторыя другія обстоятельства показываютъ, что боши, живя бѣдно, почти нищенски, откладываютъ кое-что на «черный день». Несмотря на это обстоятельство, они всегда стараются выдавать себя за бѣдныхъ, нищихъ, не имѣющихъ ничего за душою.

Получая такую сумму отъ жениха, родители невѣсты даютъ очень бѣдное приданое своей дочери: крѣпкую отборную дубину, большую кожаную суму, пару (и это не всегда) сдѣланнаго изъ дешевой матеріи платья—вотъ и приданое готово.

Свадьба ихъ лишена внѣшняго блеска, но она имѣетъ свои довольно интересныя и оригинальныя стороны. Обиліе водки, составляющей любимый напитокъ бошей, даетъ имъ возможность безгранично веселиться и вдоволь напиваться.

Тогда этоть и безъ того вѣчно-веселый народъ, подь вліаніемъ напитоковъ, затягиваетъ свои пѣсни, пляшетъ, даетъ полную свободу своему остроумію, кричитъ, шумить, подчасъ даже буннить; здѣсь увидите вы всѣхъ—и близкихъ и дальнихъ родственниковъ, и сосѣдей, и старыхъ и малыхъ, и женщинъ и молодыхъ дѣвушекъ, словомъ, всѣхъ безъ разбору, что составляетъ довольно пеструю картину.

Какъ веселье, такъ и горе существуютъ у нихъ одинаково для всѣхъ. Плачь или смѣхъ, горе или радость, доставшіяся на долю одному изъ нихъ, раздѣляются всѣмъ обществомъ и наоборотъ.

Боши не любятъ жить крупными обществами; но зато, живя мелкими, они бываютъ очень дружны и тѣсны.

Надо замѣтить, что боша вступаетъ въ бракъ очень рано: обыкновенно, 15—18-лѣтній парень и 12—15-лѣтняя дѣвушка уже считаются зрѣлыми и слѣдовательно способными вступать въ брачный союзъ. Достойно вниманія то обстоятельство, бросающееся поневолѣ въ глаза, что боши, хотя и называютъ себя „гай“ (армянинъ)*) и, посѣщая армянскія церкви, связаны съ армянами тѣсными религіозными узами, всегда избѣгаютъ брака съ ними; впрочемъ надо замѣтить, что и эти послѣдніе съ не меньшимъ упорствомъ уклоняются отъ родственныхъ съ ними связей. Насколько я слышалъ отъ самихъ бошей, со дня переселенія ихъ въ Ахалкалаки, т.-е. съ 1828 года до настоящаго времени, былъ только одинъ случай брака боши-дѣвушки съ армяниномъ, хотя было и есть немало способствующихъ тому условій.

*) Если вы спросите бошу, къ какой національности онъ принадлежитъ, то получите отвѣтъ: „Я армянинъ“. На языкѣ своемъ армянъ они называютъ „каларавъ“, а себя „ломъ“. Этими они какъ будто безсознательно помнятъ свое происхожденіе и имя.

Положительно можно сказать, что число женщинъ между ними несравненно меньше числа мужчинъ. Такъ какъ бракъ съ армянкой и вообще съ дѣвушкой другой національности не допускается, то поэтому они принуждены вступать въ бракъ съ 'кровными близкими родственницами; хотя это церковными законами запрещено, тѣмъ не менѣе они умѣютъ ловко обойти законы, пользуясь тѣмъ обстоятельствомъ, что армянскіе священники не такъ близко знаютъ ихъ.

Хотя у насъ въ рукахъ нѣтъ точныхъ статистическихъ данныхъ, но на основаніи собранныхъ свѣдѣній мы рѣшаемся сказать, что приростъ населенія среди бошей гораздо меньше, нежели у армянъ. Это явленіе несомнѣнно приходится объяснять вѣчно-бродячею, неусидчивою жизнью боши-женщины.

V.

Что вы скажете о томъ немногочисленномъ народѣ, который, несмотря на свое невѣжество и на раздробленность, лишенный самостоятельнаго положенія и такихъ социальнo-экономическихъ условій, безъ которыхъ дѣлается невозможнымъ существованіе каждаго человѣка, каждаго народа среди другихъ многочисленныхъ, болѣе культурныхъ народовъ,—несмотря, я говорю, на эти весьма плохія условія, молча и стойко продолжаетъ борьбу за существованіе, подобно всякому культурному народу. Жизнь этого народца можно уподобить маленькимъ грибокамъ, сидящимъ въ дуплѣ какаго-нибудь дерева и спокойно живущимъ на счетъ чужихъ соковъ, не обнаруживая ни малѣйшаго признака слабости или же безсилія.

Среди первобытныхъ народовъ немало такихъ, въ жилахъ которыхъ течетъ свободная кровь, но это чаще всего обуславливается или дикою горною странюю, которою они ограждены отъ чуждыхъ имъ вліяній, или же тою сильною

и тѣсною національною организаціею, безъ которой они бы неминуемо погибли; но по сравненію съ ними, любовь боши къ свободѣ представляетъ какое-то странное, вполне своеобразное явленіе; отнять свободу эту у боши никто не можетъ. Онъ отстаиваетъ ее не подъ прикрытіемъ неприступныхъ горныхъ вершинъ, не смѣлымъ и дерзкимъ нападеніемъ, не геройствомъ на полѣ брани—нѣтъ: онъ свободенъ вездѣ, во всѣхъ странахъ, во всѣхъ уголкахъ стараго свѣта; свобода далась ему какъ-то сама собою вѣками, благодаря его вѣчно-бродячей, вѣчно-кочующей жизни.

Боша замкнуть самъ въ себѣ; онъ ведетъ островную жизнь; онъ почти оторванъ отъ вѣшняго міра. Случайно попадетъ онъ то къ тѣмъ, то къ другимъ, попроситъ у нихъ или потрегуетъ хлѣба и исчезнетъ. Этимъ и ограничиваются его сношенія съ вѣшнимъ міромъ; въ остальныхъ случаяхъ онъ рѣдко имѣетъ дѣло съ чуждымъ ему народомъ или обществомъ. Если бы онъ имѣлъ возможность, то забылъ бы совсѣмъ о существованіи другихъ народовъ. Онъ знаетъ съ ними только потому, что получаетъ отъ нихъ крохи на пропитаніе; въ остальныхъ случаяхъ его нисколько не интересуетъ ихъ жизнь, да и самъ онъ не позволяетъ, чтобы наблюдательные глаза какого-нибудь инородца проникли въ его внутреннюю жизнь. вмѣстѣ съ младенческою наивною и непосредственною чувства вы найдете въ немъ и скрытность характера, если дѣло касается его домашнихъ или общественныхъ интересовъ. При постороннихъ онъ говоритъ на непонятномъ для другого языкѣ. вмѣстѣ съ этой чисто китайской скрытностью боша обнаруживаетъ во многихъ дѣлахъ стойкость, свойственную еврейскому племени.

Боша всё дѣла своей начинаетъ и кончаетъ самъ, безъ чужого вмѣшательства. Еще ни разу судьбѣ не приходилось разбирать жалобу отъ боши, ни разу бошѣ не приходилось бывать ни въ одномъ учрежденіи; еще ни разу боша за проступки не изго-

нялся изъ страны, ни одинъ боша не былъ обвиненъ въ уголовномъ преступленіи. Нельзя не отмѣтить этихъ благородныхъ качествъ боши, которымъ дѣйствительно могутъ позавидовать даже самые культурные народы. Существованіе подобныхъ качествъ въ бошѣ обуславливается тѣмъ, что онъ всегда доволенъ своимъ социальнымъ положеніемъ и ведетъ совершенно обособленную жизнь. Боша другимъ никогда не сдѣлаетъ зла; онъ никогда не украдетъ, не ограбитъ, не станетъ буянить съ другими; непріятности если и бываютъ, то только со своими, да и то онѣ кончаются обыкновенно руганью или же небольшой потасовкой. Боша не носитъ и не держитъ оружія, по крайней мѣрѣ мы его не видѣли ни у кого изъ представителей этого народца. Своею тихою и безмятежною жизнью онъ никогда не требовалъ и не требуетъ какихъ бы то ни было заботъ со стороны Правительства.

Конечно, нѣтъ такого народа, который бы не нуждался въ главарѣ; нѣтъ такого народа, который бы не имѣлъ какихъ-нибудь правилъ или законовъ, которымъ долженъ подчиняться каждый его членъ. Такъ, боши, какъ народъ, хотя и маленькій, но живущій вполне своеобразною, патриархальною жизнью, имѣютъ для управленія какъ внѣшними, такъ и внутренними дѣлами своего представителя, главаря, который зовется *аторакаль*.

VI.

Аторакала избираютъ сами боши изъ среды болѣе достойныхъ членовъ племени, а священникъ своимъ благословеніемъ утверждаетъ его въ должности. Среди бошей аторакаль пользуется большимъ почетомъ и уваженіемъ. Онъ одинъ заботится о всѣхъ общественныхъ дѣлахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ является судьей во всѣхъ спорахъ и недоразумѣніяхъ между отдѣльными членами племени. Въ какихъ бы то ни было правонарушеніяхъ онъ кладетъ свое властное veto. Вотъ при-

чина, почему боша никогда не обращается къ правительственнымъ судьямъ. На свадьбахъ, общественныхъ играхъ и другихъ увеселительныхъ собраніяхъ аторакаль занимаетъ второе мѣсто послѣ священника. Даже дѣла, имѣющія болѣе частный, чисто семейный характеръ, рѣшеніе которыхъ зависитъ отъ усмотрѣнія гражданскаго или духовнаго правленій, поступаютъ сначала на разсмотрѣніе аторакала. Выдача свидѣтельства о томъ, что вступающіе въ бракъ молодые люди не близкіе родственники, принадлежитъ ему. Понятно, что всѣ эти дѣла исполняются имъ безъ какого-либо матеріальнаго вознагражденія, взамѣнъ чего онъ довольствуется только почетомъ и нравственнымъ вліяніемъ среди своихъ. Неудивительно, что если аторакаль человѣкъ, обладающій настойчивой волей и неглупый, то онъ можетъ играть прямо роль неограниченнаго владыки. Роль, которую играетъ аторакаль, напоминаетъ намъ древнюю форму правленія шейха у курдовъ.

Прежде, когда боши не были христіанами, священникъ, конечно, не могъ утверждать аторакала въ должности: оно началось со времени принятія ими христіанства. Это обстоятельство даетъ намъ право говорить о томъ, какое вліяніе вообще имѣло на нихъ христіанство: оно воспитало въ нихъ уваженіе къ духовенству; эти послѣдніе дѣйствительно пользуются ихъ искреннимъ уваженіемъ и почетомъ.

Но несмотря на это, ихъ религіозныя понятія, частью благодаря невниманію армянскаго духовенства, частью же вслѣдствіе крайней индифферентности самихъ бошей къ ученіямъ религіи и вообще ихъ крайняго невѣжества, слишкомъ ограниченны и поверхностны. Боша знаетъ объ имени Іисуса Христа и только; знаетъ также неопредѣленно объ имени „Маріи, Божьей матери“; умѣетъ правильно креститься, какъ „армянинъ-христіанинъ“, и знаетъ, наконецъ, нѣсколько словъ изъ молитвы „Отче нашъ“. Впрочемъ, женщины у нихъ болѣе благочестивы, чѣмъ мужчины.

Вотъ весь запасъ его религіозныхъ познаній; дальше онъ не имѣетъ никакого понятія ни о религіи ни о церкви. На одинъ только вопросъ: „кто ты?“ онъ безъ обиняковъ вамъ отвѣтитъ: „я армянинъ“; и это онъ скажетъ вамъ съ такимъ видомъ, какъ будто въ этомъ отвѣтѣ заключается все. Въ немъ, дѣйствительно, все для него: и религія, и вѣра, и церковь, и даже нація. Мы склонны думать, что боши всегда останутся вѣрными своей религіи, имѣя въ виду ихъ нерасположеніе ко всякимъ новшествамъ. Интересно звать, проповѣдуютъ ли католическіе или протестантскіе миссіонеры среди бошей въ Турецкой Арменіи, и если да, то насколько они успѣваютъ въ этомъ?

Изъ сказаннаго вытекаетъ какъ бы само собою, что боши свое бѣдное по содержанию религіозное мировоззрѣніе должны бы пополнить всевозможными предубѣжденіями и вздорными суевѣрными представленіями, что очень свойственно всякому, стоящему на низкой степени развитія, народу; но въ дѣйствительности это не такъ. Хотя боша не въ состояніи понять и усвоить сущность христіанства, но онъ гораздо меньше суевѣренъ, чѣмъ армяне. Во всякомъ случаѣ, какъ скудость религіозныхъ мировоззрѣній, такъ и сравнительное отсутствіе суевѣрій у боши насъ не должно удивлять: боша любитъ во всемъ простоту, — сложныя религіозныя понятія, а также всякія бессмысленныя, доходящія до фантастичности предразсудки, ему недоступны; онъ разъ на всегда считаетъ лишнимъ утруждать свой умъ разными сложными понятіями и представленіями. Умъ боши—дѣтскій умъ; онъ любитъ и легко усваиваетъ только то, что элементарно по замыслу и просто по выраженію.

VII.

Боши не любятъ образованія. Нѣкоторые изъ нихъ, живя въ городахъ по сосѣдству съ армянами, изрѣдка посылаютъ дѣтей своихъ въ школы, существующія среди армянскаго населенія. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Ахалкалакскую начальную школу ходило 2—3 дѣтей бошей, и тѣ, не окончивъ тутъ полнаго курса ученія, оставили школу,—это были первые и послѣдніе. Въ этомъ году въ той же школѣ учился одинъ мальчикъ-боша и тотъ, къ несчастію, не уснѣваетъ въ ученіи. По поводу такого удивительнаго равнодушія, доходящаго до нелюбви бошей къ образованію, въ народѣ сложилась довольно вѣрная поговорка: «курдатѣн наша, бошатѣн кѣшиш олмаз» (Изъ курда не выйдетъ наша, изъ боши—священникъ).

У боши нѣтъ стремленія къ чему-нибудь новому и лучшему,—для этого онъ слишкомъ лѣнивъ. Это касается главнымъ образомъ мужчинъ-бошей, которые во всѣхъ отношеніяхъ стоятъ куда ниже своихъ женъ. Боша—ребенокъ, дитя со всѣми его слабостями, но зато лишень дѣтской любознательности и воспріимчивости. Если это такъ, то очень естественно, почему онъ не понимаетъ и не интересуется понятъ великаго значенія прогресса въ человѣческомъ мирѣ. Поэтому онъ вѣчно стоитъ, какъ говорятъ, на точкѣ замерзанія и, по видимому, вовсе не стремится подняться нѣсколько выше, ради того хотя бы, чтобы посмотреть, чтó творится вокругъ. Довольствуясь собранными женой крохами, боша живетъ съ чувствомъ самодовольной гордости. На все окружающее его, на богатства людей, на ихъ благоденствіе и роскошь онъ смотритъ съ удивительнымъ пренебреженіемъ. Съ дѣтской простотой онъ озирается кругомъ себя и какъ будто не замѣчаетъ или не понимаетъ, чтó происходитъ въ тѣхъ краяхъ,

гдѣ онъ часто бываетъ, среди тѣхъ народовъ, куда такъ нерѣдко забрасываетъ его судьба. Видитъ боша, какъ черезъ неприступныя горы, по которымъ онъ не разъ проходилъ, теперь проведены прямыя, гладкія и широкія дороги; видитъ онъ, какъ шоссе, по которому онъ не разъ совершалъ свои длинныя путешествія, теперь превратилось въ желѣзную дорогу; видитъ онъ, какъ на мѣсто бѣдной избышки его сосѣда воздвигнуть высокій, многоэтажный великолѣпный домъ — смотреть боша на все это и какъ будто не замѣчаетъ. До слуха его доходятъ шумъ и грохотъ, свидѣтельствующіе о прогрессирующей жизни; но онъ ихъ не слышитъ. Все это представляется ему какъ сонъ, какъ непонятный плодъ хитросплетеній человѣческаго ума, какъ вѣяніе чаръ злыхъ духовъ, вызывая въ немъ, вмѣсто удивленія, презрѣніе къ нимъ, и онъ какъ будто повторяетъ, только это одно: «Работайте, трудитесь! Напрасныя ваши старанія, напрасный трудъ! Я живу и буду жить такъ; все равно вы недовольны тѣмъ, что имѣете, а я буду жить спокойно и невозмутимо».

Боша слишкомъ далека отъ пониманія цивилизаціи; онъ не только не понимаетъ ея, но прямо чувствуетъ, что она его врагъ; онъ догадывается, что она можетъ лишить его спокойной, невозмутимой жизни; поэтому онъ избѣгаетъ всего, что носитъ на себѣ отпечатокъ цивилизаціи. Онъ ищетъ такихъ мѣстъ, которыя бы спали безмятежнымъ сномъ; ищетъ отдаленныхъ, недоступныхъ культурному вліянію уголковъ, откуда легче ему получать средства къ существованію. Попробуйте зайти въ хижину боши, спросите о его жизни, языкъ, постарайтесь разузнать подробности его житья-бытья, а вы увидите, что это вамъ не удастся. Вашъ костюмъ испугаетъ его; онъ станетъ притворяться передъ вами, мастерски постарается скрыть отъ васъ всѣ темныя стороны своей жизни; станетъ умолять васъ, просить, чтобы вы постарались приобрести для него пахотную землю; будетъ увѣрять васъ, что съ радостью

занялся бы земледѣіемъ, да только нѣтъ у него земли; будетъ убѣждать васъ, что ему надоѣло его противное ремесло; станетъ притворяться жалкимъ; будетъ унижать себя,—но какъ только вы успѣете повернуться, чтобы уйти, онъ высунетъ языкъ и будетъ смѣяться надъ вами.

Боша умѣетъ только обманывать; онъ пренебрегаетъ всякими занятіями, въ особенности занятіями тѣхъ людей, безъ которыхъ не смогъ бы жить. «Нипцій и гордый»— вотъ характерная сторона его натуры. На свое происхожденіе онъ смотритъ такъ, какъ дворянинъ на прерогативы своего сословія и свой древній родъ; отсюда всякое занятіе, которое не его—низкое и недостойное боши. „*hъshъshъ шшцъ (шшцъ) qnqn.nq, hъshъshъ hъnъ qnqn.nq*“ (Да будетъ суждено тебѣ слышать скрипъ колесъ арбы, но не слышать крика осла)—вотъ самое сильное проклятіе, которымъ можетъ проклинать одинъ боша другого. Смыслъ проклятія таковъ: желаю, чтобы ты сдѣлался земледѣльцемъ, чтобы ты вѣчно имѣлъ дѣло съ быками и арбой, чтобы вѣчно слышалъ неприятный скрипъ колесъ. По мнѣнію боши, быть крестьяниномъ, лишеннымъ свободы, вѣчно тащущимся за арбой и глотающимъ пыль отъ колесъ, недостойно благороднаго боши, который свободенъ отъ всякой крестьянской тяготы и до слуха котораго доходить не неприятный и противный скрипъ колесъ, а сладкій, ухо ласкающій крикъ милаго «нардоса» *) (осла). Вотъ до чего доходитъ пренебреженіе боши земледѣіемъ; вотъ какого мнѣнія онъ о собственномъ своемъ занятіи!

VIII.

Простота и неопрятность—этими словами можно охарактеризовать всю жизненную обстановку боши. Избушка

*) Нардосъ (такъ деликатно они называютъ своего осла).

даже у видныхъ между ними богачей носить на себѣ отпечатокъ полнѣйшей бѣдности. Она заключаетъ въ себѣ жилую комнату, гдѣ обыкновенно снѣтъ и обѣдаютъ, а въ одномъ углу—конюшню и «оду»; эта послѣдняя составляетъ часть конюшни, раздѣленной отъ нея простою досчатою рѣшеткой. Зимую оду не топятъ; она получаетъ теплоту изъ конюшни черезъ отверстіе рѣшетки. Въ жилой комнатѣ вы замѣтите: въ серединѣ ея «торниръ», который замѣняетъ собою печку, глиняную посуду, нѣсколько кусковъ старья, постель, нѣсколько старыхъ ковровъ и деревянный приборъ «саргъ» для плетенія ситъ. Въ одномъ углу жилой комнаты (онъ и есть конюшня) бываетъ привязанъ нераздѣльный и вѣрный другъ боши—осель.

Самое сильное несчастіе, которое можетъ постигнуть бошу—это лишиться своего благороднаго нардоса. Осель все для боши; онъ привязанъ всѣмъ существомъ къ этому терпѣливому и скромному животному, подобно тому, какъ крестьянинъ привязанъ къ землѣ. Нардосъ—дѣйствительный членъ семьи боши; за нимъ ухаживаютъ, какъ за роднымъ сыномъ, если даже не больше; ему даютъ самыя нѣжныя, самыя красивыя прозвища, которыхъ не даютъ даже жевамъ своимъ, какъ на примѣръ: *ᠳᠠᠰᠠᠨᠠᠨᠠ* (цвѣтокъ), *ᠳᠠᠰᠠᠨᠠᠨᠠ*, (помпончикъ), *ᠳᠠᠰᠠᠨᠠᠨᠠ* (красавецъ).

Какъ невозможно мирному земледѣльцу жить безъ земли и рогатаго скота, или воинственному курду оставаться безъ сабли, точно такъ же трудно себѣ представить бошу, не имѣющаго осла, безъ котораго онъ бываетъ похожъ на воина, лишеннаго оружія. Всѣ, даже самыя бѣдные, должны обязательно имѣть по ослу; болѣе или менѣе состоятельные имѣютъ ихъ по нѣскольку.

Какое значеніе имѣетъ это животное для боши и какимъ оно пользуется уваженіемъ у него, поясняетъ слѣдующій маленькій анекдотъ. Разъ нѣсколько бошей зачѣмъ-то обра-

щаютъ съ просьбою къ епископу Карапету и, чтобы реальнѣе представить ему свое безсиліе передъ его величіемъ, дѣлаютъ такое сравненіе: «Духовный отецъ, ты нашъ сѣрый осель, мы же—мухи, что живутъ подъ твоимъ хвостомъ. Захочешь—придавишь насъ и уничтожишь, захочешь—пожалѣешь и помилуешь».

Нѣкоторые боши, которые живутъ наполовину осѣдлою жизнью, содержать и лошадей; обыкновенно держатъ кобылицъ, которыхъ скрещиваютъ съ ослами для полученія дорогихъ катеровъ.

Мы забыли сказать, что боши, кромѣ своего спеціальнаго занятія—плетенія ситъ, умѣютъ хорошо узнавать и лѣчить различныя болѣзни лошадей, ословъ и катеровъ, съ которыми они постоянно имѣютъ дѣло.

Г. Ванціанъ.

ОЧЕРКЪ БЫТА ТЕМИРГОЕВЦЕВЪ.

І. Общія свѣдѣнія.

Темиргоевцы—народъ черкесскаго племени. Они въ настоящее время живутъ въ Майкопскомъ отдѣлѣ Кубанской области, по рѣкѣ Лабѣ и ея притокамъ, и населяютъ слѣдующіе 7 ауловъ: Егерухаевскій, Хачемизіевскій, Джерокаевскій, Пшижевскій, Хатажукаевскій, Темиргоевскій и Хатукаевскій. Всего въ этихъ аулахъ жителей около 2.000, включая въ это число смѣшавшихся съ темиргоевцами абадзеховъ и кабардинцевъ (дворовъ 20) и занимающихся мелкою торговлею казанскихъ татаръ, которые составляютъ дворовъ до 60 на всѣ аулы. Кромѣ этого магометанскаго населенія, въ темиргоевскихъ аулахъ живетъ человекъ 500 русскихъ; это—частью мелкіе служащіе (писаря, почталіоны, полицейскіе урядники), больше же ремесленники.

Главное занятіе темиргоевцевъ земледѣіе и скотоводство. Изъ видовъ земледѣльческой промышленности первое мѣсто занимаетъ хлѣбопашество (сѣютъ пшеницу, рожь, просо, кукурузу, овесъ и юдсолнечникъ); огородничествомъ же и садоводствомъ темиргоевцы занимаются въ очень малыхъ размѣрахъ, лишь для домашняго обихода. Изъ видовъ скотоводства наибольшю любовью и успѣхомъ пользуется здѣсь коневодство: темиргоевскія лошади продаются не только въ другія мѣста Сѣвернаго Кавказа, но и во внутреннюю Россію. Изъ другихъ отраслей сельскаго хозяйства охотнѣе всего темиргоевцы занимаются пчеловодствомъ.

Темиргоевскій языкъ представляетъ собою одно изъ нарѣчій черкесскаго языка; онъ въ общемъ сходенъ съ нарѣчіемъ кабардинскимъ, хотя имѣетъ и свои мѣстныя особенности; эти особенности относятся, главнымъ образомъ, къ произношенію и окончанію нѣкоторыхъ словъ, но есть и различіе въ нѣкоторыхъ общеупотребительныхъ словахъ; такъ, напримеръ, по-кабардински теплая комната называется «пешъ», а по-темиргоевски — «собе»; по-кабардински правда — «пешъ», а по-темиргоевски — «сикны». Собственной письменности темиргоевцы не имѣютъ; для документовъ же пользуются русскимъ языкомъ или арабскимъ; на послѣднемъ пишутся лишь тѣ документы, которые составляются въ мечетяхъ. Арабскія письмена понятны одному только духовенству и весьма немногимъ изъ мирянъ, хотя арабскую грамоту, какъ механизмъ сочетанія звуковъ, обзначенныхъ арабскими буквами, почти всѣ темиргоевцы изучаютъ въ магометанскихъ школахъ, такъ называемыхъ медресѣ. Такія школы имѣются при каждой мечети и содержатся на общественныя средства. Въ медресѣ, кромѣ изученія арабской грамоты, занимаются еще чтеніемъ корана, но безъ всякаго толкованія смысла его. На вопросъ любознательнаго ученика о значеніи того или другого прочитаннаго мѣста изъ корана учитель обыкновенно отвѣчаетъ, что онъ самъ плохо понимаетъ, а потому боится своими ошибочными толкованіями оскорбить святость корана. Преподають въ медресѣ эфенди и муллы, но они занимаются только со старшими учениками, которые, въ свою очередь, обучаютъ младшихъ. Взаимное обученіе, составляющее главную особенность медресѣ, примѣняется здѣсь въ широкихъ размѣрахъ и обнимаетъ собою не только обязательные предметы — арабскую грамоту и чтеніе корана, но и всякія знанія и умѣнья, которыя пожелаетъ пріобрѣсти ученикъ отъ своихъ старшихъ товарищей, принесшихъ эти знанія и умѣнья въ школу изъ семьи или въ видѣ особой милости получившихъ ихъ отъ

эфенди; такъ, въ нѣкоторыхъ темиргоевскихъ медреса ученики изучаютъ при помощи свѣдущихъ товарищей арифметику и геометрію, изложенныя на арабскомъ языкѣ и заключающія въ себѣ нѣкоторые своеобразныя приемы вычисленія и измѣренія.

Русскія школы имѣются въ четырехъ аулахъ: одна изъ нихъ, нормальная, находится въ аулѣ Хакуриновскомъ*), а три, общественныя,—въ аулахъ Егерухаевскомъ, Джерокаевскомъ и Хатукаевскомъ. Стремленіе къ русскому языку и русскому образованію за послѣднее время у темиргоевцевъ значительно усилилось: почти нѣтъ такого взрослого темиргоевца, который не говорилъ бы, хотя и плохо, по-русски; кромѣ переполненія учениками-темиргоевцами мѣстныхъ начальныхъ русскихъ школъ, имѣются уже темиргоевскіе юноши въ учебныхъ заведеніяхъ высшаго типа: 25 темиргоевцевъ учатся въ Майкопскомъ техническомъ училищѣ, трое въ Ставропольской гимназіи (въ 4-мъ, 5-мъ и 6-мъ классахъ) и одинъ кончаетъ курсъ въ Кубанской учительской семинаріи.

Орудія труда, устройство жилищъ, пища и одежда у темиргоевцевъ мало чѣмъ отличаются отъ таковыхъ у другихъ кавказскихъ горцевъ; только женскій нарядъ представляетъ нѣкоторыя особенности, о которыхъ будетъ сказано ниже, при описаніи темиргоевской свадьбы.

II. Обычай. Аталычество.

Самымъ интереснымъ обычаемъ по своеобразности и важному значенію въ бытѣ черкесовъ вообще и темиргоевцевъ въ частности надо признать аталычество (молочное родство).

*) Хотя аулъ Хакуриновскій принадлежитъ не темиргоевцамъ, а абадзахамъ, но въ содержаніи находящейся тамъ нормальной школы темиргоевцы принимаютъ значительное участіе и составъ учащихся въ ней наполовину темиргоевскій.

Аталычество состоитъ въ томъ, что женщина, вскормившая своею грудью чужого ребенка, на всю жизнь пріобрѣтаетъ надъ своимъ воспитанникомъ права гораздо большія, чѣмъ его родители, а ея семья, весь родъ, весь аулъ и даже все племя, изъ котораго она происходитъ, становятся родственными семьѣ, роду, аулу и племени ея питомца. Эта родственная связь считается священною и налагаетъ на объ породившіяся стороны обязанность оказывать всю жизнь взаимную помощь до полного самоотверженія. «Для молочнаго родственника», говорить темирговское правоученіе: «ничего не жалѣй: ни коня, ни ружья, ни головы своей»!

Обычай аталычества ведетъ свое начало съ незапамятныхъ временъ и сыгралъ весьма видную роль въ дѣлѣ объединенія черкесовъ, а вслѣдствіе того и сохраненія ихъ самобытности и независимости на болѣе или менѣе продолжительное время. Когда черкесы жили еще мелкими разноязычными группами, находившимися между собою въ постоянной враждѣ, выражавшейся внезапными набѣгами другъ на друга,—владѣтельные князья наиболѣе крупныхъ черкесскихъ группъ, стремясь къ расширенію и укрѣпленію своихъ владѣній, стали родниться молочнымъ родствомъ съ сосѣдними мелкими группами черкесовъ (и даже другихъ горскихъ племенъ, признававшихъ святость молочнаго родства), отдавая къ нимъ на кормленіе и воспитаніе своихъ дѣтей; и такимъ путемъ изъ мелкихъ черкесскихъ группъ постепенно образовывались все болѣе и болѣе крупныя молочно-родственные союзы людей, нравственно обязанныхъ отстаивать общіе интересы.

Кромѣ такого, такъ сказать, добровольнаго молочнаго присоединенія одной черкесской группы къ другой, употреблялось и насильственное. Оно состояло въ томъ, что мужчина изъ какого-нибудь племени являлся въ аулъ, принадлежавшій другому неродственному или даже враждебному

племенн, и хитростью или обманомъ добивался того, что ка-кая-либо женщина въ этомъ аулѣ соглашалась позволить ему прикоснуться губами къ сосцамъ ея груди. Это счита-лось также молочнымъ усыновленіемъ и влекло за собою обязательную нравственную связь родовъ и племенъ, къ ко-торымъ принадлежали усыновленный и усыновившая.

Какъ примѣръ святости для черкесовъ молочнаго род-ства, независимо отъ условія, при которомъ оно образовалось, темиргоевцы рассказываютъ слѣдующій историческій случай. Была война между сосѣдними племенами: женеевцами и хач-кейцами*). Въ одной изъ схватокъ сынъ хачкейскаго князя, Канбулатъ, убилъ сына князя женеевского. Хотя война вско-рѣ послѣ этого прекратилась, но добрыхъ отношеній между враждовавшими племенами установиться не могло уже по одному воспоминанію о гибели женеевского князя отъ ру-ки Канбулата. Прошло нѣсколько времени по оканчаніи вой-ны; умеръ старшій хачкейскій князь, воевавшій съ женеев-цами, и княжеская власть должна была перейти къ сыну его Канбулату; но хачкейцы предпочли ему другого. Тогда Канбулатъ покинулъ свою родину и отправился къ быв-шимъ своимъ врагамъ, женеевцамъ, просить ихъ съ оружіемъ въ рукахъ ввести его въ законныя наслѣдственные права; но зная, что прямое обращеніе за этою помощью къ женеев-скому князю не привело бы ни къ чему, такъ какъ тотъ не согласился бы ни за что помочь убійцѣ своего сына, Канбулатъ употребилъ такую хитрость: онъ прокрался къ женѣ женеевского князя и, смиренно склонивъ голову къ ея груди, произнесъ: «Будь отнынѣ моею молочной матерью!» — «Да будетъ по завѣтамъ отцовъ нашихъ!» отвѣтила кня-гиня. Когда князь и весь женеевскій народъ узнали объ усыновленіи княгиней Канбулата, то безъ колебанія взялись за оружіе для возстановленія отнятыхъ правъ у бывшего

*)=гатыжаевцы.

злѣйшаго врага, а теперь молочнаго сына княгини и брата всего женеевского племени. Борьба была неравная: хачкейцы значительно превосходили женеевцевъ численностью, но послѣдніе не клали оружія до тѣхъ поръ, пока большая часть ихъ племени не было истреблена хачкейцами. «Вотъ какъ женеевцы на дѣлѣ доказали», заканчиваетъ народное темиргоевское преданіе: «что въ исполненіи долга, налагаемаго молочнымъ родствомъ, они видѣли честь свою на землѣ и спасеніе въ будущей жизни» *).

Хотя послѣ покоренія черкесовъ русскими молочное усыновленіе потеряло свое политическое значеніе, но самый обычай не уничтожился: освященный воспоминаніями о „добрѣ старомъ времени“, онъ и теперь служить одною изъ главныхъ основъ семейнаго и общественнаго быта черкесовъ, и теперь всякая мало-мальски родовитая семья считаетъ своимъ долгомъ отдавать своихъ дѣтей на кормленіе и воспитаніе, если не въ другое племя, то хотя въ другой аулъ. Дѣлается это такъ. Еще до появленія на свѣтъ ребенка родители намѣчаютъ аталыка, главу семьи, въ которую они желаютъ отдать ожидаемаго ребенка, и предупреждаютъ его о своемъ выборѣ и приблизительномъ времени, къ которому онъ долженъ быть готовымъ принять къ себѣ младенца. Отказа отъ такой чести, сопряженной при этомъ со значительными, какъ увидимъ дальше, выгодами, никогда не бываетъ. Тотчасъ, какъ ребенокъ родится, его отвозятъ къ аталыгу и сдаютъ ему на полное его попеченіе и въ его полную власть до совершеннолѣтія (мальчика до 17—18 лѣтъ, а дѣвочку до 15—16 лѣтъ). Моментомъ молочнаго усыновленія считается первое кормленіе порученнаго на воспитаніе ребенка молокомъ жены аталыка. Насколько близкимъ и дорогимъ семьѣ аталыка становится воспитанникъ,

*) Остатки женеевского племени и племя хачкейцевъ въ 1864-мъ году ушли въ Турцію.

видно изъ тѣхъ названій, которые ему здѣсь даются: мальчи́дка называютъ «зіузсханъ», что значитъ: тотъ, за кого я болѣю (буквальный переводъ: «зі»—чью, «узъ»—болѣвнъ, а «сханъ»—возьму, понесу), или—«канъ», что значитъ: нашъ уважаемый; дѣвочку же именуютъ «нафинъ», что значитъ: свѣтъ очей моихъ (буквальный переводъ: «нафе»—свѣтъ, «нне»—глазъ.) Когда ребенку исполнится годъ, семья аталыка устраиваетъ праздникъ, называемый «пурьготлягъ» (время показа воспитанника). Празднество состоитъ въ томъ, что ребенку въ первый разъ бреютъ голову и показываютъ его всему населенію аула, приглашенному на пирь: его подносятъ къ каждому изъ пирующихъ гостей, а тотъ обязанъ одарить чѣмъ-нибудь новаго родственника, смотря по своему состоянію и полу ребенка: мальчику, большею частью, дарятъ лошадь, сѣдло, плеть, кинжалъ, поясъ, а дѣвочкѣ—принадлежности рукодѣлья.

Когда ребенокъ начинаетъ ходить, аталыкъ устраиваетъ въ честь его второй пирь, называемый «летегавучъ» (пирь въ честь перваго шага). На этомъ пиру такъ же, какъ и на первомъ, гости одариваютъ ребенка подарками и, кромѣ того, опредѣляютъ его наклонности слѣдующимъ образомъ. Если ребенокъ мужескаго пола, то кладутъ передъ нимъ уздечку, плеть, сѣдло, ружье, кинжалъ, деньги и книгу и наблюдаютъ, на что мальчикъ обратитъ большее вниманіе: если на оружіе, то будетъ храбрый джигитъ; если на принадлежности верховой ѣзды, изъ него выйдетъ ловкій наѣздникъ; если на деньги,—богачъ, а если на книгу, будетъ офенди (духовное лицо).

Для опредѣленія наклонностей дѣвочки, кладутъ передъ нею принадлежности кройки, шитья и вышиванія и, смотря по тому, какой изъ этихъ предметовъ она возьметъ, узнаютъ, на какую изъ работъ она будетъ способнѣе.

Съ 10 или 12 лѣтъ начинаютъ обучать воспитанника всему тому, что по убѣжденію темиргоевца составляетъ украшеніе истиннаго черкеса или черкешенки. Мальчика обучаетъ аталыкъ, а дѣвочку жена его. Въ мальчикѣ главнымъ образомъ развиваютъ религіозное чувство, физическую силу и способность переносить труды и лишенія; учатъ его владѣть оружіемъ и выѣзжать дикихъ лошадей.

Дѣвочкѣ воспитательница внушаетъ скромность, почтительность къ старшимъ и трудолюбіе: она учитъ ее всѣмъ рукодѣльямъ, необходимымъ въ домашнемъ быту, не исключая и умѣнья дѣлать мужскіе костюмы и чувяки (мягкую сафьяновую обувь),—эти ремесла находятся у темиргоевцевъ въ рукахъ женщинъ.

Когда воспитанникъ или воспитанница достигаетъ совершеннолѣтія, аталыкомъ устраивается для всѣхъ жителей аула послѣдній пиръ въ честь усыновленнаго. Этотъ пиръ продолжается дня три, а затѣмъ аталыкъ везетъ воспитаннаго въ его семьѣ юношу или дѣвушку къ родителямъ. Ихъ сопровождаютъ ближайшіе родственники аталыка, везя съ собою запасъ всевозможныхъ яствъ и питій для семидневнаго пира. Юноша обыкновенно ѣдетъ верхомъ на лучшемъ конѣ аталыка, а дѣвушку везутъ на тройкѣ, въ повозкѣ. Надъ повозкой устраиваютъ изъ цвѣтной матеріи закрытый со всѣхъ сторонъ шатеръ; когда подѣзжаютъ къ самому аулу родителей дѣвушки, кто-либо изъ сопровождающихъ быстро срыгаетъ съ повозки матерію, образывавшую шатеръ, и скачетъ съ нею въ аулъ, а другіе бросаются за нимъ отнимать. Эта игра не имѣетъ никакого иного значенія, кромѣ состязанія въ ловкости и быстротѣ скачки.

Родители, заранее предупрежденные о прибытіи дорогихъ гостей, встрѣчаютъ аталыка и всю его свиту съ большимъ почетомъ, собираютъ у себя всѣхъ жителей аула и

угощают ихъ вмѣстѣ съ пріѣхавшими всѣмъ тѣмъ, что привезено аталыкомъ и его родными для пира. Во время пира отецъ привезеннаго юноши или дѣвицы одариваетъ аталыка щедрыми подарками: обыкновенно даютъ деньги, нѣсколько десятковъ головъ рогатаго скота, косякъ лошадей, общають присылать каждый годъ по жеребенку; въ старину дарили еще рабовъ. Объ этихъ дарахъ объявляетъ аталыку не самъ отецъ, а старшій въ родѣ, при чемъ о размѣрѣ подарковъ ведутся переговоры еще гораздо раньше публичнаго объявленія о нихъ между родственниками аталыка и родственниками усыновленнаго имъ, но ни отецъ послѣднато ни аталыкъ сами непосредственнаго участія въ переговорахъ не принимаютъ. Получивъ подарки, аталыкъ со своими родными отправляется въ обратный путь.

Дѣло воспитанія считается уже оконченнымъ; права же и обязанности породнившихся семействъ по отношенію другъ къ другу только начинаются: аталыкъ или его жена во всякое время можетъ потребовать къ себѣ усыновленнаго, поручить ему заботу о своей семьѣ и родныхъ, даже объ односельчанахъ; воспитанница же, кромѣ безусловнаго повиновенія волѣ аталыка и его жены до выхода замужъ, обязана отдать имъ и ту половину калыма (выкупа), которую за нее уплатить женихъ при вступленіи въ бракъ. Зато и семья аталыка несетъ ради молочнаго сына или дочери не мало труда и заботъ: дочери аталыка должны помогать молочной сестрѣ при выходѣ ея замужъ, служить ей въ первое время замужества, а потомъ ухаживать за ея дѣтьми; неудачи молочнаго сына или дочери повергаютъ въ неподдѣльную печаль всю семью аталыка, а въ случаѣ смерти воспитанника, вся фамилія аталыка, а иногда и весь аулъ повергаются въ глубочайшій трауръ, заключающійся въ ношеніи черныхъ костюмовъ, запрещеніи веселья и браковъ иногда на цѣлые 7 лѣтъ (по кровнымъ роднымъ трауръ продол-

жается не больше 3 лѣтъ); въ старину же аталыкъ въ знакъ печали о смерти своего «зіузсхана» отрѣзывалъ себя уши.

III. Клятвенное братство.

Кромѣ аталычества, черкесовъ, не связанныхъ кровными узами, объединиваетъ еще обычай, называемый «тхариошъ» (клятвенное братство). Этотъ обычай, по словамъ темиргоевцевъ, тоже древняго происхожденія. Особенно же широкое распространеніе онъ получилъ въ то время, когда черкесы переходили на плоскость. Вынужденные силою обстоятельствъ поселиться малыми поселками среди чужихъ племенъ, относившихся къ новымъ поселенцамъ враждебно, черкесскія племена почувствовали братское влеченіе другъ къ другу и потребность забвенія старой домашней вражды, раздиравшей ихъ во время свободной жизни въ горахъ. Слѣдствіемъ этого братскаго взаимнаго влеченія явилось у черкесовъ, разбросанныхъ среди чуждаго имъ населенія, стремленіе къ возможно быстрому объединенію въ братскіе союзы. Осуществленію этого стремленія способствовало, кромѣ аталычества, такъ сказать, дѣйствительнаго молочнаго усыновленія, — особое условное усыновленіе, которое мы назвали клятвеннымъ братствомъ. Актъ клятвеннаго побратимства заключался въ слѣдующемъ: собирались жители обоихъ ауловъ, имѣющихъ вступить въ клятвенное братство, на условленномъ мѣстѣ и становились другъ противъ друга. Затѣмъ выходилъ изъ числа жителей одного аула почетнѣйшій мужчина, а изъ числа жителей другого почетнѣйшая женщина, и вторая передъ лицомъ всѣхъ собравшихся усыновляла перваго извѣстнымъ способомъ молочнаго усыновленія взрослыхъ; при этомъ онъ говорилъ: «Съ этого дня я буду твоимъ сыномъ». Потомъ почетные представители по-

ловъ отъ ауловъ мѣнялись, и повторялась та же церемонія съ другой парой. Послѣ этого выходило изъ каждой группы по нѣскольку мужчинъ на средину между стоящими группами и на виду у всѣхъ клялись на коранѣ, что они и всѣ ихъ однофамильцы обязуются оказывать другъ другу во всемъ взаимную помощь. Въ этомъ обѣщаніи вельзя, конечно, усматривать договора общими силами добиваться политической свободы (черкесы тогда уже примирились со своимъ подчиненіемъ русскому владычеству), а имѣлась въ виду лишь матеріальная и нравственная поддержка въ сношеніяхъ съ сосѣдними иноплеменными поселеніями; эта нравственная и матеріальная помощь касалась главнымъ образомъ тѣхъ случаевъ, когда результатомъ ссоры или иного столкновенія съ сосѣдями кто-либо изъ членовъ клятвеннаго союза оказывался убитымъ. Тогда, въ силу клятвеннаго братства, всѣ члены этого братства должны были искать случая отомстить кровью племени убійцы, если послѣднее не дастъ установленнаго выкупа. Кривая месть направлялась или на самого убійцу или на кого-либо изъ его близкихъ родныхъ, большею же частью на воспитанника, отданнаго на попеченіе фамиліи, къ которой принадлежалъ убійца. Убить воспитанника считалось болѣе важнымъ, чѣмъ убить трехъ или четырехъ членовъ фамиліи. Въ свою очередь, если членъ клятвеннаго союза убьетъ кого-нибудь изъ постороннихъ, то всѣ члены союза должны помочь фамиліи въ уплатѣ требуемой за убійство суммы. Тогда плата распределялась равномерно между фамиліей убійцы и другими фамиліями, входившими въ составъ клятвеннаго братства.

Въ настоящее время клятвенное братство не заключается между цѣлыми группами черкесовъ, а только между двумя отдѣльными лицами одного или разныхъ ауловъ, и притомъ на какой-либо одинъ видъ помощи; главнымъ образомъ молодые люди братаются для взаимнаго содѣйствія въ

добываніи себѣ женѣ. Современное глатвенное побратимство не сопровождается глатвою на коравѣ, а выражается лишь обѣщаніемъ взаимной помощи, ради которой оно совершается, и, кромѣ самихъ побратимовъ, ни на кого больше не распространяется.

IV. Обычное право при раздѣлѣ имущества.

Общественныя земли у темиргоевцевъ передѣляются черезъ каждые девять лѣтъ поровну между всѣми лицами мужскаго пола, безъ различія возраста; даже на только-что родившагося мальчика отводится пай, равный съ паями другихъ мужчинъ. Собственные же участки, родовые или благопріобрѣтенные, по смерти владѣльца дѣлятся между членами семьи такъ: одна восьмая часть отводится вдовѣ его, а остальное распределяется между сыновьями и дочерьми съ такимъ расчетомъ, чтобы на каждаго сына пришлось вдвое больше, чѣмъ на каждую дочь; старшій сынъ при этомъ раздѣлѣ недвижимости не только не пользуется никакими преимуществами, но наоборотъ—получаетъ меньше младшаго брата своего, которому, кромѣ участка земли, равнаго участкамъ другихъ братьевъ, остается еще и домъ съ усадьбою; за это онъ обязанъ содержать мать и сестеръ.

Все движимое имущество, оставшееся по смерти главы семьи, кромѣ оружія, дѣлится почетными стариками на столько равноцѣнныхъ, по ихъ мнѣнію, частей, сколько сыновей осталось у покойника; хотя расцѣнку недвижимаго имущества старики производятъ по всей справедливости, и противъ нея никто не имѣетъ права возражать, но во избѣжаніе даже скрытаго неудовольствія между братьями, на случай если бы кому-нибудь изъ нихъ досталась часть наслѣдства, оцѣненная ниже своей стоимости, сами сыновья одинъ послѣ другого, въ порядкѣ старшинства, имѣютъ право выби-

рать какую-угодно изъ раздѣленныхъ стариками частей. Свое оружіе глава семьи распредѣляетъ между сыновьями еще при жизни, при чемъ лучшее завѣщаетъ тому же, къ кому переходить и домъ, т. е. младшему сыну, какъ охранителю домашняго очага. Собственность матери, состоящая изъ дорогихъ украшеній (металлическій поясъ, расшитая золотомъ шапка, золотыя и серебряныя пуговицы) переходятъ къ дочерямъ по ея личному завѣщанію; большую часть дочери получаютъ поровну, и изъ полученныхъ ими отъ матери украшеній сами удѣляютъ по нѣскольку вещей дочерямъ своихъ аталыквѣ.

V. Круговая помощь.

У черкесовъ есть обычай ходить въ другой аулъ своего племени или чужого, но дружественнаго, за подарками, или лучше сказать, за матеріальною помощью: является въ саклю къ какому-либо богатому черкесу чужакъ-гость съ ничтожнымъ гостинцемъ (сѣдло, плетъ, мужской кожаный поясъ). Хозяинъ, не спрашивая гостя о цѣли прихода, ласково встрѣчаетъ его и радушно угощаетъ въ теченіе трехъ дней, и уже затѣмъ обращается къ посѣтителю со слѣдующимъ деликатнымъ вопросомъ: «Такъ какъ ты уже теперь не гость нашъ, а свой человѣкъ, то скажи откровенно, не нуждаешься ли ты въ какой-либо помощи отъ насъ»? Гость заявляетъ, что, по случаю ли постигшаго его ниву неурожая, ему нуженъ запасъ хлѣба на цѣлую зиму, или, по случаю бывшаго въ ихъ аулъ падежа на скотъ, онъ нуждается въ стадѣ овецъ, нѣсколькихъ парахъ рогатаго скота, косякѣ лошадей. Но бываетъ и такъ, что гость, во избѣжаніе личнаго объясненія съ хозяиномъ сакли о цѣли прихода, не ожидаетъ вопроса, а предупреждаетъ

его, выразивъ свою нужду кому-либо изъ младшихъ членовъ семьи. Узнавъ желаніе гостя, хозяинъ сакли идетъ къ старикамъ аула совѣщаться съ ними о томъ, удовлетворить ли просителя или отказать ему; если за просителемъ или его родомъ не числится никакихъ дурныхъ поступковъ по отношенію къ этому аулу, а тѣмъ болѣе если онъ принадлежитъ къ фамиліи, когда-либо оказавшей этому аулу услугу, то старики рѣшаютъ исполнить просьбу гостя, не взирая на размѣръ просимаго, и рѣшеніе стариковъ исполняется въ точности: къ назначенному сроку проситель получаетъ все обѣщанное, для чего черкесу, котораго гость удостоилъ своимъ обращеніемъ съ просьбою, помогаютъ всѣ жители аула, а въ случаѣ затрудненія обойтись своими средствами обращаются за помощью въ сосѣдніе аулы. Оказанная чужаку поддержка, иногда стоющая большихъ жертвъ самимъ оказавшимъ ее, не налагаетъ на перваго никакихъ обязательствъ: никто изъ помогавшихъ ему никогда не напоминаетъ объ оказанной услугѣ, если даже самъ будетъ нуждаться въ ней, — оплата предоставляется личному усмотрѣнію облагодѣтельствованнаго гостя и его рода и служить у черкесовъ мѣрломъ фамильной честности и благородства.

Если черкесъ не можетъ засѣять своего поля по какимъ-либо уважительнымъ причинамъ (попалъ въ тюрьму, лишился дорогаго члена семьи, и вся семья по этому случаю находится въ сильной печали; если онъ разоренъ грабежомъ или пожаромъ), то поле его обрабатывается и засѣвается кѣмъ-либо изъ зажиточныхъ сосѣдей, свободныхъ отъ полевыхъ работъ, а созрѣвшій хлѣбъ убрывается всею молодежью аула и свозится на дворъ хозяина; сѣмена возвращаются тому, кто сдѣлалъ посѣвъ, а остальное поступаетъ въ собственность владѣльца поля, безъ всякаго съ его стороны вознагражденія за труды. Такъ же точно обрабатывается и поле вдовы, оставшейся съ малолѣтними дѣтьми, пока она не вступитъ въ новый бракъ.

Существуетъ у черкесовъ полевая помощь и за угощеніе, что дѣлается по пятницамъ, какъ и у русскихъ въ праздничные дни. Этотъ обычай появился сравнительно недавно, потому его надо считать не кореннымъ черкесскимъ, а заимствованнымъ.

VI. Изгнаніе скотской чумы.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ темиргоевскихъ аулахъ свирѣпствовала чума на рогатомъ скотѣ. Послѣ продолжительной безуспѣшной борьбы съ этой эпидеміей домашними медицинскими средствами темиргоевцы рѣшились прибѣгнуть къ старинному обычаю, унаслѣдованному отъ предковъ, — устроить торжественный обрядъ изгнанія скотской чумы. Вотъ какъ совершенъ былъ этотъ обрядъ, по словамъ очевидца. Выше аула Хатажукаевского, гдѣ берегъ рѣки Фарса, на которомъ стоитъ аулъ, круто обрывается, черкесы продѣлали въ кручѣ пологій тоннель, по которому можно выйти изъ рѣки на ровную поверхность въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ берега. Въ срединѣ тоннеля выкопали небольшую яму, положили въ нее черную кошку, связанную серебрянымъ поясомъ; яму заложили досками и присыпали сверху землю. Затѣмъ добыли огонь треніемъ двухъ гнилыхъ орѣшнѣвъ одна объ другую и этимъ огнемъ разожгли небольшой костеръ надъ закрытою ямою съ кошкой. Всѣ эти приготовленія дѣлались на виду у собравшейся на берегу громадной толпы черкесовъ. Когда костеръ зашлялъ, съ другого берега пастухи погнали черезъ рѣку раньше собранный скотъ, направляя его въ тоннель. Пока пастухи перегоняли скотъ черезъ тоннель, — и это продолжалось немало времени, такъ какъ скотъ неохотно шелъ этимъ путемъ, — эфенди и мулла пѣли священныя магометанскія пѣсни. Наконецъ, удалось перегнать на этотъ берегъ весь скотъ, *очищенный на своемъ*

пути водою и огнемъ; послѣ этого открыли яму, развязали кошку и выпустили ее на свободу. Кошка, еле живая, оставалась на мѣстѣ, дико озираясь по сторонамъ, пока одинъ черкесь не выстрѣлилъ въ пространство изъ револьвера. Тогда испуганная кошка опрометью пустилась по направленію къ аулу. Толпа разошлась по домамъ, глубоко убѣжденная, что скотская чума теперь изгнана. И дѣйствительно, она скоро прекратилась, благодаря пріѣхавшимъ ветеринарамъ.

Тоннель долго еще оставался неразрушеннымъ на потѣху темиргоевскимъ ребятишкамъ.

VII. Изгнаніе холеры.

Во время холерной эпидеміи въ 1892-мъ году испуганные темиргоевцы обратились къ старикамъ, прося ихъ вспомнить, какимъ средствомъ спасались раньше черкесы отъ подобнаго бѣдствія: тѣ воскресили въ своей памяти религіозный обрядъ изгнанія холеры, который и былъ совершенъ въ каждомъ темиргоевскомъ аулѣ. Вотъ его описаніе. Выбрали темиргоевцы изъ своей среды самаго праведнаго старика, а именно такого, который, по общему мнѣнію, во всю свою долготѣвную жизнь ничего не укралъ; затѣмъ зарѣзали въ присутствіи магометанскаго духовенства годовалаго бычка и содрали съ него кожу; эту кожу вложили въ правую руку выбраннаго старика-праведника, а въ лѣвую руку дали ему посохъ. За старикомъ стали всѣ почетныя лица аула и духовенство, а за послѣдними весь народъ,—и въ такомъ порядкѣ стали обходить аулъ по прямымъ линіямъ такъ, чтобы весь пройденный путь вокругъ аула представлялъ собою правильный четырехугольникъ, обращенный сторонами по направленію странъ свѣта. Впереди процессіи везли запряженный волами плугъ, дѣлая на каждой сторонѣ четырехугольника, образуемаго бороздами, небольшие пропуски,

аршина въ полтора-два, для ухода изъ аула холеры. По окончаніи обхода духовенство совершило моленіе, а затѣмъ вся процессія отправилась къ мечети; тамъ зарѣзали нѣсколько головъ раньше купленнаго на пожертвованія скота и принесли Аллаху жертву («курманъ»); остатки же мяса жертвенныхъ животныхъ роздали бѣднымъ. Вся эта церемонія повторялась три дня; только слѣдующіе дни обходъ вокругъ аула совершался безъ плуга.

VIII. Моленіе о дождѣ.

Во время продолжительной засухи, въ одну изъ пятницъ, когда всѣ темиргоевцы собираются въ мечеть для полуденнаго намаза, эфенди объявляетъ всѣмъ присутствующимъ, что наступило время обратиться къ Аллаху съ просьбою о дождѣ, а потому онъ предлагаетъ собирать деньги на покупку жертвенныхъ животныхъ (быковъ или коровъ). Предложеніе эфенди немедленно исполняется. На собранныя деньги покупается для каждаго аула по одной или по двѣ головы скота, а затѣмъ, совершивши омовеніе, всѣ жители каждаго аула, съ эфенди во главѣ, отправляются къ своимъ нивамъ, ведя за собою жертвенныхъ животныхъ. Придя на нивы, всѣ становятся въ ряды, и эфенди читаетъ просительныя молитвы о ниспосланіи на землю дождя. Послѣ этого связываютъ каждое животное, кладутъ его на землю, головою на востокъ, а ногами къ югу, выкапываютъ около головы ямку для стога крови, и эфенди, возгласивъ особую жертвенную молитву, собственноручно закалываетъ животное, кровь котораго стекаетъ въ ямку. Шкуру жертвеннаго животнаго беретъ себѣ эфенди, а мясо тутъ же жарится и частію поѣдается на мѣстѣ, частію же разбирается по саклямъ бѣднѣйшими жителями ауловъ. Описанный обрядъ называется по-темиргоевски «мешъ-курманъ», что значитъ: жертва о дарованіи

дожда на застынныя нивы («мешь» — просо на корню, «курманъ» — жертва). Это современное, такъ сказать, магометанское моленіе о дождѣ; но бываетъ у темиргоевцевъ и другое — носящее несомнѣнные слѣды древняго язычества. Лѣтъ пять тому назадъ въ одномъ изъ темиргоевскихъ ауловъ, по словамъ очевидца, испрашиваніе дождя происходило такимъ образомъ. Собравшаяся молодежь, подъ руководствомъ стариковъ, вынесла за аулъ деревянную лопату, прикрѣпила къ ручкѣ ея, немного ниже лопасти, крестообразно палку; затѣмъ на приготовленную такимъ образомъ основу надѣли старое женское платье, закрывавшее всю ручку лопаты; продѣли концы палки въ рукава платья, а лопасть обвернули тряпками и на полученномъ подобіи головы нарисовали глаза, носъ и ротъ и повязали изображеніе головы платкомъ. Это чучело называется по-темиргоевски «ханце—куаше» («ханце» — деревянная лопатка, «куаше» — княгиня). Двѣ дѣвушки взяли лопату-княгиню къ себѣ на плечи и, окруженные всѣми остальными своими подругами (человѣкъ 50), съ особой пѣсней, отправились по улицамъ аула, заходя въ каждый дворъ, гдѣ ихъ обязательно обливали водою и чѣмъ-либо одаривали. Пѣсня, которая пѣлась въ это время дѣвушками, состояла лишь изъ нѣсколькихъ словъ, которыя въ переводѣ означаютъ: «Ведемъ княгиню-лопату и просимъ дождя». Пѣсня заканчивалась припѣвомъ «воареда», что соответствуетъ русскому пѣсенному припѣву «ай-люли».

Обойдя всѣ улицы аула, дѣвушки принесли чучело къ рѣкѣ: здѣсь онѣ раздѣлили подарки, а затѣмъ вмѣстѣ съ лопатой-княгиней бросились въ воду купаться, при чемъ на всѣхъ проходившихъ мимо бросались со смѣхомъ и тащили ихъ въ воду.

IX. Свадьба у темиргоевцевъ.

У темиргоевцевъ браки заключаются, какъ для мужчины, такъ и для женщины, въ возрастѣ не моложе 17 лѣтъ и приурочиваются обыкновенно ко времени окончанія полевыхъ работъ. Браки заключаются большею частью по предварительному соглашенію между родителями жениха и невесты; но, кромѣ такихъ браковъ, бываютъ браки уходомъ, въ томъ случаѣ, когда родители не согласны, а дѣвушка согласна; тогда ее, по тайному съ нея стороны согласію, увозитъ женихъ. Бываютъ еще браки насильственные,—это въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ согласія ни со стороны отца невесты ни со стороны ея самой; тогда женихъ насильно увозитъ дѣвушку, однимъ словомъ—крадетъ ее.

Браки, заключающіеся по взаимному соглашенію родителей, обставляются такимъ образомъ. Отецъ жениха выбираетъ для переговоровъ старика-родственника или хорошаго знакомаго. и это лицо ведетъ переговоры, но не съ самимъ отцомъ невесты, а съ лицомъ, довѣреннымъ отъ отца дѣвушки, ближайшимъ его родственникомъ или другомъ. Слѣдуетъ замѣтить, что женщины во всѣхъ свадебныхъ переговорахъ устраняются отъ всякаго участія. Когда переговоры удачно окончены, и отцы жениха и невесты оновѣщены объ этомъ, тогда сообщаютъ о выборѣ жениху и невестѣ, но и здѣсь отцы непосредственно не имѣютъ права передавать дѣтямъ своей воли, а дѣлаютъ такъ: отецъ жениха сообщаетъ о своемъ рѣшеніи старику-родственнику или ближайшему знакомому, а тотъ, въ свою очередь, передаетъ близкому товарищу жениха, и отъ послѣдняго, наконецъ, узнаетъ женихъ волю отца. Отецъ невесты поступаетъ такимъ же образомъ, съ той только разницей, что выбираютъ для передачи рѣшенія отца старуху, а та передаетъ объ этомъ невестѣ черезъ дѣвушку, ея подругу.

Съ этого времени молодые люди считаются женихомъ и невѣстою.

На предварительныхъ переговорахъ обыкновенно опредѣляется калымъ, выкупъ за невѣсту, хотя въ этомъ случаѣ размѣръ калыма бываетъ почти всегда одинаковъ: крестьянинъ даетъ за дѣвушку 600 рублей, дворянинъ—1.500 рублей, а князя и султаны (султанъ—высшее княжеское достоинство)—3.000 рублей. При этомъ калымъ выдается не деньгами, а скотомъ (лошадьми, быками, коровами); калымъ при заключеніи брака выдается не весь, а лишь половина; другая же половина оставляется не случай развода, о которомъ будетъ сказано ниже.

Бываютъ случаи, когда отецъ невѣсты выговариваетъ калымъ меньшаго размѣра, если онъ человекъ богатый.

Со дня согласія сторонъ женихъ и невѣста не имѣютъ права встрѣчаться въ домахъ своихъ родителей, хотя бы раньше и бывали тамъ. Послѣ объявленія воли отцовъ до заключенія брака проходить не менѣе мѣсяца.

Въ назначенный день женихъ собираетъ молодыхъ людей, товарищей и просто знакомыхъ, чтобы ѣхать за невѣстою (невѣста обыкновенно выбирается изъ сосѣдняго аула и рѣдко изъ своего). Молодые люди передъ отъѣздомъ надѣваютъ на себя всю лучшую одежду и украшаютъ себя самымъ дорогимъ оружіемъ; этимъ самымъ они стараются выразить свое расположеніе у уваженіе къ жениху. Такихъ молодцовъ набирается человекъ 50 или 60, и всѣ они выѣзжаютъ на лучшихъ коняхъ, а четверо или пятеро изъ нихъ, самыхъ богатыхъ, ведутъ съ собою въ поводу по одной запасной лошади. Женихъ приглашаетъ также одного или двухъ стариковъ для передачи калыма, и этотъ поѣздъ, съ женихомъ во главѣ, ѣдетъ въ аулъ за невѣстою. По пріѣздѣ въ аулъ всѣ молодые люди размѣщаются по два и по три человека въ сакляхъ родственниковъ и знакомыхъ; женихъ съ однимъ

изъ товарищей тоже останавливается въ какой-нибудь саклѣ аула, но отнюдь не у родителей невѣсты. Старики же отвозятъ калымъ и передаютъ его не прямо отцу невѣсты, а черезъ какое-нибудь постороннее лицо. Въстѣ съ калымомъ передается стариками въ подарокъ матери невѣсты лошадь, стоящая 100—150 рублей; послѣ передачи калыма они уѣзжаютъ обратно въ свой аулъ.

Когда молодежь размѣстится по саклямъ, ихъ начинаютъ, кто хочетъ, обирать буквально съ ногъ до головы: самовольно берутъ нарядную черкеску, дорогую шапку, револьверъ и даже иногда, при полной безцеремонности, отбираютъ дорогое оружіе, какъ-то: кинжалы въ золотой оправѣ, украшенные драгоценными камнями шашки и пояса изъ литого золота или серебра; но это случается, конечно, рѣдко.

Взамѣвъ отнятаго даютъ молодымъ людямъ все старое, изорванное, грязное; тѣ молча, безпрекословно подчиняются такому насилію,—это обычай, освященный стариной. Въ это время женихъ съ товарищемъ идетъ къ дому невѣсты и старается пройти незамѣченнымъ. Невѣста ожидаетъ жениха вмѣстѣ съ подругами; сюда же приходитъ эфенди (духовное лицо), раньше оповѣщенный, и здѣсь совершается бракосочетаніе, состоящее въ томъ, что эфенди читаетъ коранъ, и онъ же пишетъ брачный контрактъ, въ который вписывается размѣръ переданнаго калыма за невѣсту и согласіе жениха и невѣсты; контрактъ этотъ подписывается эфенди, женихомъ, невѣстою и двумя свидѣтелями: со стороны жениха—товарищемъ, а со стороны невѣсты—подругою. Послѣ совершенія обряда эфенди уходитъ, а также и женихъ съ товарищемъ; послѣдніе идутъ обратно, также крадучись.

Когда наступаетъ вечеръ, собираются всѣ пріѣхавшіе молодые люди, садятся на коней и ведутъ съ собою и лошадь для невѣсты, приготовленную къ этому времени (хотя теперь, когда уже почти вездѣ есть почтовые тракты, при-

водятъ обыкновенно для невѣсты почтовую тройку), подъѣзжаютъ къ дому невѣсты, спѣшиваются съ коней и идутъ въ сажлю: въ комнатѣ у дверей молодыхъ людей встрѣчаютъ пять-шесть дѣвушекъ, подругъ невѣсты, и стараются не пропускать товарищей жениха въ комнату; при этомъ даютъ каждой дѣвушкѣ по 15, 20 и даже 25 р. Выкушенную невѣсту ведутъ и усаживаютъ на лошадь или повозку; если невѣста дворянка, то крестьяне ея аула у выѣзда изъ воротъ требуютъ выкупа,—въ старину давали 8 паръ быковъ, а теперь даютъ одну пару. Къ этому времени ко двору невѣсты приходятъ всѣ молодые люди ея аула, и какъ только тройка двинется, схватываютъ лошадей подъ уздцы и стараются всѣми силами не пускать тройки со двора; тогда окружающіе невѣсту всадники даютъ имъ деньги, по два, по три рубля каждому; удовлетворенная молодежь отпускаетъ тройку, но съ яростью набрасывается на сопровождающихъ невѣсту всадниковъ; почти всѣ нападающіе при этомъ пускаютъ въ дѣло длинныя хворостины, и здѣсь свято исполняется обычай не трогать лошадей, а всѣ удары направлятъ исключительно на самихъ всадниковъ; тѣ, въ свою очередь, не имѣютъ права отвѣчать на удары ударами и всѣми силами стараются прорваться черезъ живую изгородь и какъ можно скорѣе догнать невѣсту, такъ какъ въ этомъ случаѣ замедленіе позорно для джигита; здѣсь дѣло не обходится безъ пораненій,—возбужденная молодежь наноситъ удары палками по чемъ попало, и нерѣдко можно встрѣтить окровавленные лица всадниковъ, хотя и нападающіе жестоко страдаютъ, сбитые съ ногъ разгорячившимися конями, такъ какъ въ этомъ случаѣ всадники не разбираютъ дороги: перескакиваютъ чрезъ заборы, ограды, чужіе огороды,—у нихъ одна цѣль, одно стремленіе—догнать невѣсту. Наконецъ, выѣзжаютъ изъ аула; здѣсь къ невѣстѣ въ повозку вскакиваетъ женихъ, раньше подварауливавшій ее въ

какомъ-нибудь укромномъ мѣстечкѣ. Толпа молодежи снова настагаетъ всадниковъ и повторяется еще болѣе жестокое побоище; здѣсь ужъ, чтобы отбиться, нерѣдко джигиты отдають имъ запасныхъ лошадей и ѣдутъ дальше, но и по всей дорогѣ во встрѣчныхъ аулахъ и на мостахъ повторяются тѣ же сцены побоищъ и борьбы. Но если встрѣтится на пути этой бѣшеной скачки кто-либо изъ жителей аула невѣсты, то ему нѣтъ пощады отъ всадниковъ: его срываютъ съ лошади и страшно избиваютъ. Чѣмъ ближе подъѣзжаютъ всадники къ своему аулу, тѣмъ печальнѣе ихъ вѣшность: разорванная одежда, испаранная лица, подбитые глаза, кровь, но все это нисколько не мѣшаетъ ихъ энергін: они такъ же лихо скачутъ, стрѣляютъ и гикають. Незадолго до вѣзда въ аулъ женихъ соскакиваетъ съ повозки или лошади и съ однимъ изъ товарищей уѣзжаетъ куда-нибудь въ сторону: или въ лѣсъ или въ оврагъ, гдѣ и прячется, — онъ стѣсняется вѣзжать въ родной аулъ съ молодою женой.

Наконецъ весь свадебный поѣздъ проносится по аулу, въ которомъ должна быть помѣщена молодая. Молодая обыкновенно помѣщается не въ домѣ отца мужа, а въ домѣ родственника, главнымъ же образомъ въ домѣ аталыка мужа ея.

Молодую встрѣчаютъ дѣвушки и старыя женщины, и какъ только она начнетъ сходить со повозки или коня, ей тотчасъ покрываютъ голову прозрачною матеріей и такъ вводятъ въ особую комнату (лагуне), гдѣ она должна жить первые мѣсяцы своей брачной жизни. Здѣсь молодая остается со своей молочной сестрой, а пріѣхавшая молодежь и встрѣчавшія ее дѣвушки начинаютъ веселиться во дворѣ передъ окнами ея комнаты, откуда она смотритъ на танцы и угощеніе.

Къ полуночи весь пиръ кончается, и потихоньку приходить молодой къ женѣ со своимъ молочнымъ братомъ или другомъ (онъ все время его сопровождаетъ и играетъ роль

шафера). Товарищъ помогаетъ молодому раздѣться, и ему же прислуживаетъ молочная сестра молодой или ея подруга; послѣ этого они уходятъ и молодые остаются одни. Тогда молодой разстегиваетъ пуговицы на верхней одеждѣ молодой (описаніе одежды ниже), послѣ чего молодая сама снимаетъ одежду, а кожаный корсетъ обыкновенно разрывается или разрѣзается при помощи кинжала самимъ молодымъ. Снятый корсетъ или прячется молодымъ подъ постель или выбрасывается за окно, и тамъ его беретъ себѣ молочная сестра молодого, дочь его аталыка (корсетъ вещь цѣнная, и его никогда не бросаютъ; молодой же онъ послѣ выхода замужъ не нуженъ, — замужнія женщины корсетовъ не носятъ) *).

На слѣдующій день, утромъ, молодая должна встать раньше мужа, и когда она одѣнется, то только тогда встаетъ мужъ, и она должна помочь ему встать и одѣться. Слѣдуетъ замѣтить, что съ перваго же дня супружества устанавливается обычай кушанья каждое утро, для чего молочная сестра молодой приноситъ каждый день съ вечера большой тазъ и кувшинъ воды. Одѣвшись молодой уходитъ изъ комнаты, а къ молодой приходитъ ея молочная сестра или подруга, которая бываетъ при ней почти неотлучно; на ея же обязанности лежитъ приносить въ комнату молодой чай и обѣдъ, такъ какъ сама молодая не имѣетъ права оставлять свою комнату; въ продолженіе цѣлой недѣли она проводитъ свое время только въ обществѣ молочной сестры или подруги.

Черезъ недѣлю назначается малая свадьба («дыхаа джегъ» — веселье въ честь начала шитья); заключается она въ слѣдующемъ: приглашается та же молодежь, которая была на увозѣ, и дѣвушки; для нихъ готовятъ угощеніе: варятъ бузу, жарятъ шашлыки, и начинаются танцы и стрѣльба изъ ружей. Въ этотъ день къ молодой въ первый

*) Описаніе корсета и вообще темаргоевского женскаго наряда см. ниже.

разъ входятъ старыя женщины изъ другихъ саклей, приносятъ ей куски матеріи, иголку, наперстокъ, нитки и дѣлаютъ видъ, что учатъ ее шить; молодая должна сдѣлать хоть нѣсколько стежковъ иголкою и тѣмъ самымъ показать, что она умѣетъ работать. Съ этого времени молодая начинаетъ работать и себѣ и другимъ. Относительно работы для другихъ просторъ самый широкій: каждый посторонній черкесь имѣетъ право передать черезъ какую-нибудь пожилую женщину молодой матерію на черкеску или бешметъ, а также сафьянъ для обуви, и она безпрекословно должна шить совершенно даромъ и при этомъ безъ всякой примѣрки; для образца обыкновенно дается какая-нибудь выношенная одежда. Малая свадьба продолжается дня два или три; всѣ эти дни молодежь веселится передъ окнами молодой. Молодой же не участвуетъ въ этихъ весельяхъ и даже не показывается никому на глаза, являясь попрежнему лишь ночью въ комнату жены съ тѣмъ, чтобы рано на зарѣ снова уйти. Установлено обычаемъ, что со дня женитьбы молодой не имѣетъ права жить подъ родной кровлей до извѣстнаго времени, и все время онъ находится у кого-нибудь изъ своихъ родственниковъ.

Приблизительно черезъ мѣсяцъ послѣ малой свадьбы назначается новое празднество—вводъ молодого въ домъ его родного отца.

Въ этотъ день тоже устраивается пиршество, на которомъ присутствуютъ главнымъ образомъ и даже почти исключительно пожилые люди и почтенные старики. Къ этому дню молодой собираетъ подарки отъ товарищей: одни дарятъ ему сами, а у другихъ онъ выпрашиваетъ, при чемъ аталыкъ молодого даритъ ему лошадь, стоящую не менѣе 100—150 рублей.

Въ день привода молодого онъ въ первый разъ со дня женитьбы идетъ открыто къ родному дому, а за нимъ его

товарищи несутъ подарки—тѣ самыя, которыя молодой получилъ за это время, и этими подарками одѣляютъ гостей, а часть подарковъ передается въ кунацкой кому-либо изъ родственниковъ молодого; тотъ, въ свою очередь, долженъ эти подарки распредѣлить между матерью, отцомъ, сестрами и братьями молодого (изъ всѣхъ собранныхъ подарковъ только лошадь, подаренная аталыкомъ, остается во пользу молодого). Когда подарки всѣ розданы, молодой подводится къ родной саклѣ, но дальше порога кунацкой въ первый свой приходъ не имѣетъ права итти, и послѣ этого онъ снова возвращается въ тотъ домъ, гдѣ жилъ послѣ женитьбы; но съ этого дня онъ имѣетъ право приходить, когда угодно, въ родную саклю и разговаривать со встрѣчающимися стариками, какъ бы купивши у нихъ это право своими подарками.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, а всего чаще черезъ годъ, послѣ ввода молодого, назначается большая свадьба («нысе кишижъ» — выводъ молодой); это празднество продолжается семь дней. Къ этому времени собираются въ гости даже изъ соседнихъ ауловъ, но больше молодежь. Проводятъ всѣ эти 7 дней въ играхъ, танцахъ и джигитовкѣ. На пиръ приходятъ и музыканты («джекокъ» — играющіе).

Танцы устраиваются такъ: передъ домомъ молодой выстраиваются въ два ряда дѣвушки и молодые люди, одни напротивъ другихъ; въ сторонѣ садятся музыканты, а позади ряда молодыхъ людей выстраиваются всадники. Среди музыкантовъ одинъ играетъ роль распорядителя или глашатая, или, какъ его называютъ, крикуна; онъ вызываетъ танцора и дѣвушку, при чемъ старается вызвать такого кавалера, который или вовсе не танцуетъ, или не любитъ танцевать и долженъ откупиться деньгами: даетъ глашатаю рубль-два; эти деньги идутъ въ пользу музыкантовъ. Бываетъ и такъ, что глашатай выбранную для танцевъ дѣвушку не выпускаетъ изъ круга танцующихъ, и за нее должны

дать выкупъ кавалеры; это все идетъ въ пользу музыкантовъ и распорядителя, и иногда музыканты собираютъ рублей до 60.

Когда требованія глашатая принимаютъ черезчуръ дерзкій характеръ, тогда вмѣшиваются всадники: они дружнымъ натискомъ врываются въ толпу и дѣлаютъ видъ, что хотятъ похитить дѣвушекъ; молодежь вступаетъ въ драку, а дѣвушки разбѣгаются, при чемъ всадники стараются прорваться черезъ толпу и вскочить въ дверь сакли, непременно на лошади. Здѣсь имъ бросаютъ кусокъ сафьяновой кожи, и всадники начинаютъ наперерывъ вырывать эту кожу одинъ изъ рукъ другого, несутся по всему аулу, не разбирая дорогъ, перепрыгиваютъ черезъ овраги и часто калѣчатся; побѣдителю высшая награда—похвала дѣвушки. И въ этомъ проходитъ почти цѣлый день, а по вечерамъ между всадниками устраиваются джигитовка и игры, въ которыхъ молодежь проявляетъ свою силу, ловкость и находчивость: то скачутъ, стоя на бѣшено мчащихся лошадяхъ, то устраиваютъ поединки, тоже не вставая съ коней, то перепрыгиваютъ на всемъ скаку съ одной лошади на другую, проявляя при этомъ изумительную гибкость и силу мускуловъ. Во время джигитовки всадниковъ то и дѣло подзадариваютъ поощренія или насмѣшки дѣвушекъ и стариковъ, наблюдающихъ за скачущими. Потомъ кто-либо изъ присутствующихъ бросаетъ въ толпу всадниковъ шапку, сплетенную изъ тоненькихъ лычекъ, всю обвѣшанную волошскими орѣхами; эта шапка, перелетая изъ однихъ рукъ въ другія, какъ и кусокъ сафьяна, дѣлается добычей какого-нибудь одного лихого джигита. Иногда вырываютъ въ землѣ ямки, вершковъ въ шесть глубиною; туда кладутъ мелкія деньги, и всадники на всемъ скаку стараются достать рукою эти деньги.

Въ такомъ времепрепровожденіи проходятъ всѣ шесть дней, а на седьмой, въ день вывода молодой, назначается

скачка, въ которой испытывается сила бѣга и красота лошадей молодыхъ джигитовъ; по окончаніи скачекъ начинается самое торжество вывода молодой. За нею въ домъ аталыка идутъ старухи, предшествуемыя музыкантами, играющими на своихъ инструментахъ; инструменты эти слѣдующіе: «камилъ» — дудка, совершенно напоминающая русскую свирѣль, только много длиннѣе, также цилиндрической формы, съ четырьмя круглыми отверстіями съ одного бока и открытымъ нижнимъ концомъ; «пхачичъ» — трещетка, сдѣланная такимъ образомъ: берутъ дощечку, длиною приблизительно въ $\frac{1}{3}$ аршина, а шириною въ ладонь, прорѣзаютъ отверстіе, но не посрединѣ, а ближе къ одному изъ краевъ; потомъ берутъ еще три дощечки такой же ширины, но длины, равной разстоянію отъ отверстія, прорѣзаннаго въ первой дощечкѣ къ ближайшему концу, и прикрѣпляютъ всѣ эти три дощечки у отверстія веревочкой довольно свободно; этотъ инструментъ берутъ за дальній конецъ и бьютъ противоположнымъ концомъ обо что-либо твердое, отъ чего получаются дробные звуки, напоминающіе трещетку. Этотъ инструментъ во время танцевъ даетъ тактъ танцующимъ. Какъ дудка, такъ и трещетка до сихъ поръ въ большомъ ходу у темиргоевцевъ, но за послѣднее время русская гармоника начинаетъ сильно конкурировать со старинными инструментами.

Молодую приводятъ на дворъ родителей молодого и здѣсь ее обсыпаютъ конфектами и мелкими деньгами; эти деньги подбираютъ обыкновенно дѣти. Затѣмъ подводятъ молодую къ кухнѣ, гдѣ ее ожидаетъ свекровь, но музыканты преграждаютъ путь молодой, и начинается торгъ: родственники молодого откупаются, и послѣ этого музыканты пропускаютъ молодую въ кухню; войдя, она должна обойти кругъ и тотчасъ же выйти обратно; послѣ этого она снова возвращается въ домъ аталыка своего мужа, но съ этого времени молодая имѣетъ право входить во всякое время на половину свекрови, а черезъ недѣли двѣ-три

и вовсе переселяется въ особо поставленную сажлю у родителей мужа.

Первое время молодая женщина не имѣетъ права сама заговаривать со свекровью, а это право пріобрѣтается подарками, — молодая одариваетъ свекровь и мужнину родню и постепенно входитъ въ семью.

У молодой обращеніе со всей мужниной родней должно быть въ высшей степени почтительное: свекра и свекровь она называетъ княземъ и княгинею, мужа своего совѣмъ не имѣетъ права называть по имени и, разговаривая о немъ, говорить «онъ»; братьевъ мужа она называетъ наѣздниками, джигитами и т. п., а золовокъ ласкательными именами: золото, серебро. Когда произносится фамилія рода или имя свекра и шурьевъ, молодая должна изъ уваженія встать. Молодую всѣ въ домѣ называютъ просто невѣсткою. Послѣ большой свадьбы всѣ свадебныя удовольствія и пиры кончаются, и жизнь входитъ въ обычную колею постояннаго труда и заботъ.

Большею частью браки заключаются по выбору отцовъ; въ такихъ случаяхъ ни женихъ ни невѣста даже не знаютъ другъ друга, но бываетъ иногда и такъ, что дѣвушки знакомятся съ молодыми людьми на свадьбахъ или въ кунацкихъ, куда имъ входъ не запрещенъ; только онѣ входятъ туда на правахъ прислужницъ, гдѣ и знакомятся и потихоньку разговариваютъ съ молодыми людьми. Но когда происходятъ объясненія въ любви между парами, то обязательно присутствуетъ свидѣтель, товарищ молодого человѣка; при этомъ объясненіи дѣвушка даритъ свое кольцо избраннику и этимъ самымъ безвозвратно связываетъ свою судьбу съ его судьбою; хотя бы даже послѣ этого она его разлюбила, и ей понравился другой, все же она не можетъ измѣнить данному общанію. Если отецъ дѣвушки противъ ея избранника, то послѣдній врадеть невѣсту съ ея согласія. Обставляется это похищеніе

точно такъ же, какъ и въ первомъ случаѣ, т.-е. по согласію отцовъ, съ тою только разницей, что дѣло обходится безъ засадъ и побоищъ, и число молодыхъ людей, сопровождающихъ жениха бываетъ невелико, всего человѣкъ 5-6. Раньше извѣщенная дѣвушка поджидаетъ жениха; приблизительно около полуночи къ ней стучать въ окно; лишь только она выйдетъ, ее берутъ крѣпко за руку («держи дѣвушку крѣпко за руку, а то уйдетъ» — выраженіе темиргоевцевъ), выводятъ на улицу, мчатся на приготовленныхъ лошадяхъ въ свой аулъ и на пути заключаютъ бракъ у перваго встрѣчнаго эфенди; при этомъ калымъ бываетъ меньше, чѣмъ при бракѣ по выбору отцовъ; всѣ же послѣдующія свадебныя церемоніи проходятъ въ томъ же порядкѣ, какъ и въ первомъ случаѣ.

Но бываютъ союзы, заключенные насильно, не только безъ согласія родителей обѣихъ сторонъ, но даже и противъ желанія дѣвушки; это бываетъ въ томъ случаѣ, когда молодому человѣку понравившаяся дѣвушка не сочувствуетъ и на предложеніе вступить съ нимъ въ бракъ отказывается. Тогда женихъ насильно крадетъ дѣвушку и обставляетъ это похищеніе такимъ образомъ: женихъ подгоняетъ обыкновенно время похищенія къ посту, когда всѣ мужчины и главнымъ образомъ старики по цѣлымъ днямъ выстаиваютъ въ мечетяхъ на молитвѣ и возвращаются по домамъ лишь ночью, дома же остаются только женщины и дѣти; вотъ этимъ-то временемъ и пользуется женихъ: собираетъ человѣка три, четыре удалцовъ-товарищей, выбираютъ хорошихъ лошадей, потихоньку прокрадываются въ аулъ, къ дому дѣвушки, незамѣтно устраиваются въ засадахъ и терпѣливо ждутъ, пока не выйдетъ на дворъ намѣченная дѣвушка, и едва она покажется, ее быстро схватываютъ, садятъ на лошадь къ кому-нибудь изъ всадниковъ и скачутъ, что есть духу, изъ аула. Выкраденную дѣвушку везетъ женихъ обык-

новенно не въ свой аулъ, а въ чужой, куда-нибудь подалше, но и тамъ долго не остается, чтобы ихъ не настигли; жениху приходится нѣкоторое время колесить по ауламъ. Похищенную дѣвушку джигитъ насильно заставляетъ вступить съ нимъ въ союзъ, но если она послѣ этого изъявляетъ свое согласіе на бракъ, то тутъ же въ первомъ попавшемся аулѣ зовутъ эфенди, который благословляетъ ихъ союзъ, а затѣмъ заключаютъ контрактъ; въ этомъ случаѣ размѣръ калыма можетъ быть значительно больше обыкновеннаго, такъ какъ отецъ похищенной дѣвушки, въ случаѣ несогласія похитителя уплатить требуемую сумму, угрожаетъ ему уголовною отвѣтственностью. Послѣ заключенія брака молодой уже смѣло возвращается въ свой аулъ, и свадьба оканчивается обычнымъ порядкомъ.

Въ большинствѣ случаевъ похищенная дѣвушка бываетъ принуждена вступать въ ненавистный для нея союзъ, — въ противномъ случаѣ ее ожидаетъ тяжелая судьба: брошенная похитителемъ, она никогда уже не выйдетъ замужъ и вызываетъ къ себѣ всеобщее презрѣніе, такъ что ей поневолѣ приходится соглашаться на бракъ въ надеждѣ на скорый разводъ.

Х. Разводъ, вдовство и строгость женскихъ нравовъ.

Разводы у темиргоевцевъ въ большомъ ходу и совершаются чрезвычайно просто и подчасъ по всякимъ незначительнымъ причинамъ: если жена непочтительна къ мужу или свекрови и другимъ родственникамъ, если она перестала нравиться мужу, если плохого характера, если лѣнивая, — все это можетъ служить для мужа причиною развода съ женою. Жена, въ свою очередь, проситъ развода, если мужъ, или другіе родственники обращаются съ нею плохо, и наконецъ, если она не любитъ мужа; послѣдней причины она не смѣетъ сказать прямо, а придумываетъ какую-либо другую. Если мужъ желаетъ развестись съ женою, то прямо объа-

вляеть ей свое желаніе и требуетъ оставить его домъ, и въ этомъ случаѣ отдаетъ женѣ другую половину калыма, съ которымъ она и возвращается въ домъ своего отца. Когда жена желаетъ развестись въ мужемъ, то тоже заявляетъ о своемъ желаніи мужу, и въ этомъ случаѣ калымъ уже не возвращается женѣ. Разведенные мужъ и жена очень скоро снова вступаютъ въ бракъ съ другими и тоже, быть-можетъ, на короткое время. Разведенная женщина, выходя замужъ за другого, снова получаетъ за себя калымъ, но меньшаго размѣра (за крестьянку даютъ 200 рублей, а за дворянку— 400 рублей). Если у разведенной женщины были дѣти, то послѣднія всегда остаются у отца, и такимъ образомъ иногда набирается въ одной семьѣ дѣтей отъ двухъ, трехъ и болѣе матерей до 8—10 человекъ.

Начавшійся разводъ иногда кончается примиреніемъ, если родственники той или другой стороны хлопочуть о томъ и уговариваютъ супруговъ помириться; такъ, напримѣръ, мужъ по совѣту родственниковъ общается женѣ лучше съ нею обращается; но это опять лишь до перваго случая.

Вдовы у темиргоевцевъ свободно выходятъ замужъ за другого, но калымъ за нихъ дается меньшій, какъ и за разведенную женщину.

Относительно цѣломудрія женскаго можно сказать лишь одно, что оно строго соблюдается, и малѣйшее отступленіе преслѣдуется: почти не бываетъ случаевъ, чтобы дѣвушка или вдова незаконно прижила ребенка или вступила въ незаконную связь; подобный приступокъ наказуется чрезвычайно жестоко. По обычаю темиргоевцевъ мужчину и женщину, замѣченныхъ въ прелюбодѣянніи, зарываютъ по горло въ землю и до смерти забиваютъ камнями всѣмъ ауломъ. Подобный суровый приговоръ состоялся недавно въ одномъ изъ ауловъ, но присужденный къ казни соблазнитель утопился, а женщину простили, но выгнали изъ аула. Въ послѣднее

же однако время нравы нѣсколько смягчились, и за подобные проступки уже не предають казни, а провинившуюся дѣвушку или вдову съ позоромъ выгоняють изъ аула. Если же замужняя женщина окажется невѣрна мужу, то мужъ самъ ведетъ судъ и расправу и считается въ правѣ убить какъ жену, такъ и любовника. Но все это случается очень рѣдко и только какъ исключительное явленіе среди темиргоевцевъ.

XI. Одежда темиргоевской женщины.

Одежда темиргоевки состоитъ въ слѣдующемъ: прежде всего на голое тѣло надѣвается корсетъ (сохтанъ), сдѣланный изъ сафьяновой кожи. Этотъ корсетъ надѣвается дѣвушкой, какъ только она начинаетъ формироваться; она сама потихоньку, чтобы не было стыдно, беретъ кусокъ сафьяновой кожи, которой у каждаго горца много имѣется въ домѣ, вырѣзаетъ изъ этого куска по своей фигурѣ корсетъ или, лучше сказать, широкой цѣльный поясъ, который вверху проходитъ подъ мышками, а внизу оканчивается немного ниже талия. Спереди, по обѣ стороны груди, вшиваются тоненькія дощечки, пальца въ три, четыре шириной, и такія же дощечки вшиваются и сзади; потомъ этотъ корсетъ расшивается всевозможными шелками и даже серебромъ и золотомъ; застегивается онъ посрединѣ спереди на пуговицы, и, кромѣ этого, еще пришиваются по обѣ стороны средней застежки особенныя петельки; въ нихъ продѣвается шнурокъ, которымъ стягиваютъ или шнуруютъ этотъ корсетъ, какъ обыкновенный. Въ этомъ корсетѣ дѣвушка даже спитъ и лишь изрѣдка его снимаетъ, чтобы почивить или же замѣнить его такимъ же новымъ. Отъ долгаго ношенія подобнаго корсета фигура дѣвушки дѣлается стройной, и грудь совершенно не развивается.

Поверхъ корсета надѣвается первая рубанка (джанъ тчегчель); покрой ея самый обыкновенный, и шьется она изъ

самой простой бумажной матеріи; спускается эта рубашка лишь до колѣнъ. Потомъ надѣваются шаровары (гончегъ), доходящія до щиколотки ноги.

Поверхъ нижней рубашки и шароваръ надѣвается верхняя рубашка (джане тчууктель), совсѣмъ длинная, какъ платье, которая узко обрисовываетъ фигуру; шьется она почти всегда изъ шелковой матеріи свѣтлыхъ цвѣтовъ.

И наконецъ, сверху длинной рубашки надѣвается платье (сай); оно шьется тоже изъ шелковой матеріи или бархата темнаго цвѣта, преимущественно чернаго. Покрой этого платья совершенно напоминаетъ черкеску; спереди оно расходится вершка на два, на три и открываетъ верхнюю длинную рубашку. Чтобы это платье ловко сидѣло, его у талии стягиваютъ серебрянымъ или золотымъ поясомъ, глядя по богатству. Края платья и самый низъ его обшиваются серебрянымъ или золотымъ позументомъ, а выше позумента еще украшаютъ богато вышивкой изъ золота или серебра; на узкихъ рукавахъ такая же отдѣлка. Спереди отъ ворота до талии идетъ рядъ застежекъ въ видѣ крупныхъ аграфовъ, тоже изъ золота или серебра; къ этимъ застежкамъ прикрѣпляются пуговицы, тоже металлическія, а отъ нихъ идутъ въ нѣсколько рядовъ тоненькія цѣпочки съ подвѣсками въ видѣ маленькихъ шариковъ.

Головной уборъ темиргоевки состоитъ изъ шапочки («дыше пао» — золотая шапка), сдѣланной изъ бархата, вершка въ 1 1/2, высотой, силошь покрытой богатой вышивкой тоже изъ золота или серебра; съ верхушки шапочки спускается довольно длинная кисть. Самая нарядная шапочка — это вся литая изъ золота или серебра, и такая шапочка обыкновенно переходитъ по наслѣдству отъ матери къ дочери. Внутри она обшивается мягкимъ сафьяномъ. Дѣвушки до замужества плетутъ волосы въ косы, — въ одну, двѣ или въ нѣсколько, — и волосъ не закрываютъ, но замужней жен-

щипъ показывать свои волосы считается большимъ стыдомъ, и, выходя изъ своей комнаты, хотя бы къ свекрови, женщина должна покрывать поверхъ шапочки голову платкомъ. Обыкновенная форма шапочки цилиндрическая, но болѣе нарядная дѣлается въ видѣ конуса съ круглымъ верхомъ.

ХII. Похороны и поминки.

Когда кто-либо въ семействѣ темиргоевца опасно боленъ, и окружающіе его родственники не надѣются на его выздоровленіе, то зовутъ къ больному эфенди, который напутствуетъ больного особыми молитвами изъ корана; ему же умирающей высказываетъ свою послѣднюю волю относительно раздѣла имущества и погребенія.

Какъ только больной умретъ, въ семьѣ его начинается плачь. Если умершій сынъ хозяевъ дома, то ни мать ни отецъ не имѣютъ права плакать,—это считается грѣхомъ: они могутъ только вздыхать и говорить на утѣшенія родственникамъ и окружающимъ, что это воля Аллаха и они безропотно ей подчиняются; если умершая — жена хозяина дома, то мужъ тоже не имѣетъ права оплакивать свою жену, какъ бы онъ ее ни любилъ, но долженъ подвѣлять свое горе: слезы на глазахъ его большой стыдъ; жена же, потерявшая мужа, если бы даже его не любила, должна усиленно проявлять свое горе, и чѣмъ больше отчаянія, слезъ и рыданій, тѣмъ больше ей почета. Всѣ входящіе въ домъ покойника непременно должны плакать вмѣстѣ съ его родственниками; не пролившій слезъ заслуживаетъ всеобщее порицаніе и лишается права входить въ домъ умершаго на будущее время. Въ домъ покойнаго обязательно должны пребывать всѣ жители аула: ни срочныя работы, ни обязательный отъѣздъ изъ аула—ничто не можетъ служить отговоркою для не посѣтившаго дома печали; темиргоевцы даже

назначенныя свадьбы откладываютъ до другого дня, и лишь болѣзнь, приковывающая къ постели, можетъ служить уважительной причиной для неявившагося.

Со смертью больного въ домѣ немедленно, если это мужчина, явятся старики и обмываютъ все тѣло его, и совершается это въ кунацкой, а если умершая — женщина, то тѣло ея обмываютъ старухи на женской половинѣ дома. Обмывши тѣло, заворачиваютъ его въ особую одежду, напоминающую саванъ, сшитую изъ усердія гѣмъ либо изъ сосѣдей; эта одежда закрываетъ покойника отъ макушки до конца ногъ и оставляетъ открытымъ лишь лицо; подбородокъ обязательно подвязываютъ платкомъ, и этотъ платокъ вовсе не снимаютъ; руки кладутъ вдоль тѣла. Убраннаго такимъ образомъ покойника кладутъ на полъ, на подосланный коверъ, сшитенный изъ камыша.

Оплакивающія покойника женщины въ кунацкую не входятъ, а остаются все время на женской половинѣ. Работы и всѣ хозяйственныя распоряженія въ этотъ день и въ день погребенія въ домѣ умершаго прекращаются, и обо всемъ заботятся ближайшіе сосѣди тоже изъ усердія, и даже кушанья готовыми приносятся изъ другихъ саклей; если же умершій — сынъ или дочь хозяйки дома, то эта послѣдняя обязана не прерывать своихъ повседневныхъ работъ, чтобы этимъ самымъ показать свою полную покорность судьбѣ.

Съ вечера, въ день смерти покойнаго, особый глашатай ходитъ по всему аулу и объявляетъ о смерти жителя; по разнымъ же ауламъ въ окружности, иногда верстъ на 40—60, отправляются гонцами юнпы и тѣмъ оповѣщаютъ родственниковъ и знакомыхъ. Оповѣщенные такимъ образомъ родственники и знакомые считаютъ для себя обязательнымъ немедленно собираться въ путь, чтобы непременно прибыть въ домъ покойнаго къ выносу тѣла

для погребенія, которое назначается всегда на другой день послѣ смерти, въ 12 часовъ дня. Такіе родственники и знакомые отправляются въ дорогу всегда небольшими партіями, и каждая такая партія везетъ съ собою своего эфенди для совершенія въ домѣ покойнаго краткихъ молитвъ за умершаго.

Всю ночь въ домѣ покойнаго никто не ложится, и все время появляются все новыя и новыя лица, слышатся непрерывный плачь и жалобныя причитанія, заглушающія собою голосъ софты *), читающихъ коранъ надъ умершимъ. Плачущія женщины распускаютъ волосы, разрываютъ платья и бьютъ себя по колѣнамъ и въ грудь.

Утромъ, въ день погребенія, въ мечети съ вершины минарета раздается вѣстѣ съ утренней мотитвой, призывающей къ намазу, и громогласное объявленіе муэдзина на весь аулъ о покойникѣ и называется его имя.

Ко времени погребенія собираются къ дому покойнаго эфенди, софты и масса народа. Передъ тѣмъ какъ выносить тѣло, прежде всего всѣ совершаютъ омовеніе: моютъ руки, ноги, лицо и уши; потомъ кладутъ покойнаго на маленькую лѣстничку, покрываютъ его сверху буркою или большимъ одѣяломъ и такъ выносятъ изъ дома. Несутъ на кладбище покойника и провожаютъ исключительно мужчины, да то лишь тѣ изъ нихъ, которые могутъ не плакать, потому что плачь при выносѣ и особенно при погребеніи на кладбищѣ считается грѣхомъ. Передъ самымъ выносомъ совершается раздача денегъ бѣднымъ сиротамъ и вдовамъ, а также отсчитываются тѣ деньги, которыя должны быть отданы на кладбищѣ тѣмъ софтамъ, которые читали всю ночь надъ покойникомъ коранъ.

*) Софты—старшіе ученики медресъ, готовяшіеся къ духовному званію.

Когда похоронная процессія подходит къ оградѣ кладбища (въ аулѣ бываетъ отъ 4 до 5 кладбищъ), то вся процессія по знаку эфенди останавливается, носилки съ покойникомъ кладутъ на землю, и возлѣ него садится эфенди, всѣ же сопровождающіе покойника выстраиваются позади эфенди въ 7 рядовъ и въ такомъ порядкѣ, что каждый рядъ, начиная съ перваго, все короче и короче. Всѣ становятся съ лицами, обращенными на югъ, въ сторону Мекки; руки у всѣхъ опущены вдоль тѣла; эфенди читаетъ особую молитву изъ корана за умершаго отъ лица всѣхъ присутствующихъ, а послѣдніе внимательно слѣдятъ за чтеніемъ молитвы и до девяти разъ поднимаютъ къ ушамъ руки; это замѣняетъ колѣнопреклоненіе. Послѣ окончанія молитвы покойника снова поднимаютъ и вносятъ на кладбище; здѣсь вся процессія разбивается на три группы: одну изъ нихъ главнымъ образомъ софтовъ, отдѣляетъ эфенди по своему выбору для молитвы за душу усопшаго; другой группѣ — только тѣмъ софтамъ, которые молились ночью надъ покойникомъ, родственники умершаго раздаютъ плату по два, по три рубля каждому (платы определенной нѣтъ: каждый платитъ по своему состоянію). Въ третьей группѣ участвуютъ всѣ остальные съ эфенди во главѣ, и эта третья группа остается на кладбищѣ до конца похоронъ. Въ первой группѣ выбранные софты окружаютъ сидящаго на землѣ эфенди, который читаетъ имъ коранъ, а потомъ передаетъ коранъ въ руки ближайшаго софта со словами: «Передаю тебѣ коранъ съ грѣхами умершаго».

Первый софтъ, получившій коранъ изъ рукъ эфенди, передаетъ его слѣдующему со словами: «Передаю тебѣ грѣхи умершаго» и такъ далѣе, пока коранъ не обойдетъ весь кругъ; такъ дѣлается до трехъ разъ.

Участвующіе въ третьей группѣ сопровождаютъ въ это время тѣло покойнаго къ могилѣ; могилу роютъ по напра-

лвенію отъ запада къ востоку, длиною въ три аршина, глубиною въ ростъ человѣка и шириною не менѣе 1½, аршина; дно могилы дѣлается не прямое, а покатое отъ юга къ сѣверу. Могилу роетъ кто-либо изъ жителей аула совершенно безплатно,—это считается добрымъ дѣломъ. Опускаютъ тѣло умершаго въ могилу такъ, чтобы голова его пришлась на востокъ, ноги на западъ, а самое тѣло приняло наклонное положеніе отъ юга къ сѣверу,—это для того, чтобы, когда начнетъ тѣло разлагаться, вся жидкость стекала по покатоности въ сторону отъ тѣла. Кладутъ покойника въ томъ одѣялѣ или буркѣ, которою онъ былъ закрытъ передъ выносомъ. Когда тѣло положено, начинаютъ задѣлывать могилу досками; доски должны быть широкія, и ихъ должно быть 6 или 7; задѣлывать начинаютъ со стороны ногъ по ширинѣ могилы: когда доски закроютъ половину тѣла, тогда кто-либо опускается и вынимаетъ одѣяло или бурку, и покойникъ остается въ одномъ саванѣ; когда доски задѣланы до лица, то покрываютъ лицо краемъ савана; задѣланные доски представляютъ видъ крыши или навѣса; при этомъ стараются, чтобы нигдѣ не было щелей: если гдѣ-либо окажется отверстіе, то его законопачиваютъ травой. Какъ только укладка досокъ окончена, немедленно забрасываютъ могилу землею; при этомъ первый комъ земли бросаетъ самъ эфенди, а за нимъ всѣ родственники бросаютъ землю уже лопатами и спѣшатъ какъ можно скорѣе засыпать могилу: по повѣрью темиргоевцевъ, въ тотъ моментъ, когда тѣло покойника закрыто досками, умершій приходитъ въ сознаніе, и къ нему является ангелъ спрашивать у него грѣхи; окружающіе не должны слышать этой исповѣди, чтобы не было стыда для умершаго.

Когда могила почти засыпана, по концамъ ея, въ головахъ и въ ногахъ, врываютъ невысокіе круглые шесты и устанавливаютъ ихъ не перпендикулярно, а наклонно въ

противоположныя стороны; на этихъ шестахъ, возвышающихся не болѣе какъ ни $1\frac{1}{2}$ аршина надъ землею, иногда дѣлають надписи. Свѣжая насыпь могилы поливается изъ кувшина водою самимъ эфенди, при чемъ произносится послѣдняя молитва. Послѣ этого всѣ присутствующіе уходятъ съ кладбища; при этомъ они стараются не оглядываться назадъ и такъ идутъ до самаго дома; нѣкоторые расходятся по своимъ салямъ, а большинство подходитъ къ дому покойнаго, останавливается у дверей кунацкой и со всѣми прибывающими совершаетъ моленія. Являются въ домъ покойнаго обыкновенно группами не менѣе какъ человѣка въ 3 или въ 4; одинъ изъ нихъ—вѣстникъ, оповѣщающій о прибытіи, другой—эфенди или кто-либо другой, умѣющій читать коранъ, а остальные—это посѣтители, желающіе почтить память покойнаго. Подъѣзжая къ дому покойнаго, всадники спрыгиваютъ съ лошадей и все оружіе, которое при нихъ находится, тутъ же бросаютъ на дворъ (случаевъ воровства никогда при этомъ не бываетъ); послѣ этого они, нанося себѣ удары плетью, входятъ въ кунацкую. Эфенди читаетъ отъ лица прибывшихъ особую молитву изъ корана, а послѣ окончанія молитвы самый старшій изъ прибывшихъ или эфенди выражаютъ роднымъ умершаго свое соболезнованіе и высказываютъ пожеланіе, чтобы подобное горе болѣе никогда не заглядывало подъ кровлю этой сакли; такъ дѣлается въ продолженіе цѣлаго дня всѣми вновь прибывшими.

На женской же половинѣ весь день не прекращается плачь; среди мужчинъ есть тоже особы плакальщики, по большей части юноши, сопровождающіе пріѣзжихъ посѣтелей; они стараются своими слезами и жалобными причитаніями такъ повліять на присутствующихъ, чтобы вызвать съ ихъ стороны тоже слезы, и всегда успѣвають въ этомъ; тѣ же изъ мужчинъ, которые не могутъ плакать, прикрываютъ

лица руками и этимъ выражаютъ свое сочувствіе родственникамъ умершаго.

Со дня смерти покойнаго всѣ члены его семьи и родственники облакаются въ трауръ; женскій трауръ состоитъ въ томъ, что носить черную одежду безъ всякихъ украшеній и голову покрываютъ не шапочкой, какъ всегда, а чернымъ платочкомъ (траурное платье шьется посторонними, — это считается добрымъ дѣломъ). Мужской трауръ состоитъ въ томъ, что мужчины не надѣваютъ ничего наряднаго, а одѣваются во все старое и лишаются права носить при себѣ разукрашенное оружіе; при этомъ всѣ пиры, увеселенія и вѣнчанныя свадьбы откладываются до конца положеннаго траура, т.-е. на цѣлый годъ (въ старину трауръ продолжался три года).

Поминовеніе по умершимъ совершается такимъ образомъ: родственники покойнаго приглашаютъ софта, а чаще всего какое-либо другое лицо, хорошо знающее коранъ; приглашенное лицо въ продолженіе 60 дней должно каждый вечеръ совершать молитвы на могилѣ умершаго (кромѣ вторника и среды, считающихся у горцевъ несчастными днями). Плата за эти молитвы очень высокая, доходящая иногда до 2.000 рублей.

Черезъ двѣ недѣли послѣ похоронъ назначается раздача одежды покойнаго, и этотъ день называется днемъ убиранія одежды. Разсматриваютъ всѣ вещи покойнаго, сортируютъ ихъ и раздаютъ бѣднымъ вдовамъ и сиротамъ, золотыя же вещи и серебряныя, а также оружіе остаются въ семьѣ и раздѣляются полюбовно между всѣми родственниками.

Вторичное поминовеніе умершаго назначается черезъ полгода. Оповѣщаются опять по всѣмъ ауламъ родственники и знакомые, являются свои односельчане, эфенди, софты, и для собравшихся готовится обильное угощеніе. Это сборище проходитъ чинно, безъ шума, и всѣ разговоры касаются, главнымъ образомъ, покойнаго; вспоминаютъ его

привычки, хорошіе поступки, и всячески стараются его похвалить.

Если похороны приходится совершать во время поста, то оплакиваніе умершаго въ продолженіе дня до заката солнца строго воспрещается, и лишь съ первыми звѣздами начинается оплакиваніе, которое и продолжается до утренней зари.

ХІІІ. Религіозныя вѣрованія и христіанскія легенды.

У темиргоевцевъ до нынѣшняго времени сохранились имена слѣдующихъ божествъ:

1) *Тха* (Богъ). Онъ въ трехъ лицахъ: первое—*Тхашхо* (тха—богъ, шхо—великій)—творецъ всей природы; второе лицо—*Маріемъ йи тха-ниш* (Маріи богъ-князь); третье лицо—*Шеръ-Гунсъ* *).

2) *Джинъ* (духъ, дьяволъ)—повелитель духовъ, прикованный къ вѣчнымъ снѣгамъ Эльбруса. Преданіе гласитъ, что онъ возмутился противъ власти великаго творца Тхашхо, за чтó и прикованъ къ скалѣ до той поры, когда земля перестанетъ давать человѣку плоды свои, когда животныя станутъ безплодными, когда люди забудутъ милосердіе и любовь обратится во всеобщую ненависть.

3) *Шибле* (ши—лошадь, бле—змѣя). Во власти Шибле находятся стихіи: вода, огонь, гроза **).

О богѣ Шибле сохранилось среди темиргоевцевъ слѣдующее преданіе. Въ одномъ аулѣ жилъ темиргоевецъ изъ фамиліи Унаруловыхъ. Однажды, въ началѣ лѣта онъ поѣхалъ со своею женою въ поле; надъ нимъ разразилась гроза, и

*) Божество въ трехъ лицахъ есть несомнѣнный слѣдъ когда-то бывшаго у черкесовъ христіанства (см. вып. XII Сборн. матер., прим. къ стр. 7). Слово шер—арабское *شیر* — зло, прибавлено, вѣроятно, подъ влияніемъ магометанскихъ воззрѣній; „гунсъ“ состоитъ изъ гу сердце и ссе духъ; вѣроятно, Духъ Святой.

**) Шибле означаетъ *молнія*; стало-быть, Богъ молніи — Перунъ. Д. Л.

одинъ изъ ударовъ поразилъ мужа и жену. Когда жители аула узнали о ихъ смерти, то, немедленно собравшись, поѣхали къ тому мѣсту, положили тѣла убитыхъ на арбу, запряженную быками, и пустили быковъ везти арбу, куда они хотятъ. Быки, предоставленные самимъ себѣ, медленно влекли арбу съ тѣлами умершихъ и, отѣхавъ верстъ пятнадцать отъ мѣста происшествія, остановились посреди красивой поляны между двумя деревьями: грушей и яблонью.

Темиргоевцы все время наблюдали за быками издали и когда увидѣли, что арба остановилась, то подошли къ этому мѣсту, вырыли тамъ могилу и зарыли въ ней тѣла убитыхъ. По мнѣнію народному, убитые Унаруловы были грѣшники, чѣмъ-либо прогнѣвавшіе бога Шибле, который и наказалъ ихъ смертію; и вотъ ихъ родные дали на могилѣ послѣдняго успокоенія Унаруловыхъ обѣщаніе ежегодно, въ началѣ сѣнокоса, въ понедѣльникъ, — день, въ который были убиты Унаруловы, устраивать на могилѣ пиръ въ честь бога Шибле.

И вотъ съ этого времени всѣ окрестные черкесы ежегодно стали сходиться на эту поляну и устраивать ширъ на могилѣ убитыхъ между яблонью и грушей, и это мѣсто стали считать священнымъ. Сюда стекались больные, обиженные, несчастные и давали обѣщанія за избавленіе отъ своихъ бѣдъ приносить на пиръ все необходимое, по своимъ средствамъ, и будто бы послѣ этого больные выздоравливали, а обиженные и огорченные утѣшались. На пиръ приносили обыкновенно въ корзинахъ чуреки, и чурековъ набиралось такое множество, что пришлось устроить возлѣ могилы сарайчикъ, куда можно бы было прятать излишекъ приношеній.

Бѣдные, которымъ нечего было ѣсть, свободно приходили сюда и брали для своего пропитанія жертвенные чуреки.

Пиръ начинался пѣвiемъ и танцами. Пѣсня начиналась словами, обращенными къ богу Шибле: «Небо служить подножіемъ для копытъ твоего коня, а лазурь небесная свѣтлицею для твоей невѣсты» (У темиргоенцевъ молодую отводятъ въ особую комнату, «лагуне», въ которой она проводитъ отъ 3-хъ мѣсяцевъ до 1-ого года въ обществѣ только своей подруги, занимаясь шитьемъ, освобожденная отъ всѣхъ хозяйственныхъ работъ). Пѣсня эта оканчивалась припѣвомъ: «Ой еле, ой еле», что соотвѣтствуетъ припѣву русскихъ народныхъ пѣсень: Ой люли*). Глашатай вызывалъ на священный танецъ родственниковъ убитыхъ Унаруловыхъ; этотъ танецъ состоялъ въ томъ, что, взявшись за руки и образовавъ кругъ, танцующіе медленно двигались, при чемъ необходимымъ условіемъ считалось танцевать безъ обуви. Это празднество въ честь бога Шибле было уничтожено сравнительно недавно, однимъ изъ набовъ Шамиля, по приказанію этого послѣдняго, для искорененія слѣдовъ язычества.

Спустя нѣкоторое время послѣ запрещенія празднества, новое горе постигло родъ Унаруловыхъ, изъ всей фамиліи которой оставалась лишь одна семья, состоящая всего изъ трехъ членовъ: самого главы, Хампаза Унарулова, его жены и сына. Однажды, въ ясный, солнечный день, налетѣло облако, блеснула молнія и ударила прямо въ трубу сакли, въ которой жила эта семья; люди спаслись, а сакля и все имущество сдѣлались жертвой пламени. Тогда Хампазъ Унаруловъ, усматривая въ своемъ несчастіи гнѣвъ бога Шибле за нарушеніе обѣта, даннаго его предками, торжественно далъ клятву за себя и за свой родъ возстановить и строго исполнять священный обычай предковъ, уничтоженный Шамилемъ.

*) Въ черкескихъ сказаніяхъ упоминается имя Еле, какъ остатокъ почитанія св. Ильи. Здѣсь, очевидно, отождествленіе св. Ильи съ Перуномъ. Л. Л.

И какъ только Унаруловъ произнесъ клятву, туча немедленно разсыпалась и ярко блеснуло солнце. Возобновленный обычай продолжался до переселенія Унаруловыхъ въ Турцію.

4) *Зейкутхъ* (зейку—путешествіе, тха—богъ)—покровитель джигитовъ, наѣзтниковъ, живущихъ грабежомъ и молодеческими набѣгами.

5) *Кодесъ* (точный переводъ утерявъ, по смыслу же переводится такъ: богъ-рыба); этотъ богъ считается покровителемъ рѣкъ и морей *).

6) *Мазитхъ* (мазе—лѣсъ, тха—богъ)—покровитель всѣхъ животныхъ, обитающихъ въ лѣсахъ, а также покровитель охоты.

7) *Тлесъ* **) (божественный кузнецъ); онъ считался покровителемъ оружейниковъ, а также цѣлителемъ всѣхъ раненныхъ холоднымъ оружіемъ. Съ именемъ этого бога у темиргоевцевъ связаны сохранившіяся до настоящаго времени два народныхъ суевѣрія: 1) Около раненаго кладутъ кусокъ желѣза, будто бы облегчающаго страданія и ускоряющаго заживленіе помощью бога Тлесца. 2) Когда слышится громъ и сверкаетъ молнія, то народъ думаетъ, что это богъ Тлесъ, по повелѣнію Высшаго божества, приковываетъ къ скалѣ возмущеннаго и разорвавшаго цѣпи Джина.

Тлесъ былъ таковой искусный оружейникъ, что выдѣлываемыя имъ пашки были тонки, какъ самый тонкій волосъ, и обладали такой твердостью, что могли рубить даже желѣзо, при чемъ всѣ его издѣлія не поддавались никогда никакой порчѣ. Относительно этого сохранилось слѣдующее преданіе. Извѣстный сказочный горскій богатырь Саусрукъ, отправляясь на послѣдніе подвиги, далъ обѣщаніе не возвращаться до тѣхъ поръ, пока не раскуется его конь, подкованный богомъ Тлесомъ.

*) Отн. Колесъ или Кодошъ см. ст. Е. Г. Вейденбаума „Описаніе Черкесіи Ксаверіо Главани“ (Сбор. мат., в. XVII).

**) У абхазцевъ—Шѣшу (Сб. свѣд. о кавк. гор., вып. V).

А тагъ какъ подковы, сдѣланныя богомъ Тлепсомъ, не под-
дались ни времени ни богатырской скачгѣ, то Саусрукъ боль-
ше уже не возвратился.

8) *Ахинъ* *) — покровитель стадъ. Преданіе объ Ахинѣ
гласитъ, что каждый годъ богъ Ахинъ посылалъ бѣлую ко-
рову изъ Абхазіи къ абадзехамъ, адыгамъ и убыхамъ,
которые жили въ лѣсахъ, называемыхъ Тхачегъ (тха-богъ,
чегъ — подъ) **).

Посланная бѣлая корова шла обыкновенно одна, и ее
изъ всѣхъ ауловъ по пути встрѣчали съ хлѣбомъ и черны-
ми козами старшины ауловъ. Хлѣбомъ кормили священную
корову, а козъ закалывали для жертвоприношеній въ честь
покровителя стадъ бога Ахина.

Эту корову, по преданію, богъ Ахинъ сталъ посылать
въ лѣса Тхачегъ вслѣдствіе слѣдующаго событія. На одинъ
изъ ауловъ Абхазіи неожиданно-негаданно напали враги, при-
шедшіе съ юга, и обрушились всею своею силой на неподго-
товленныхъ и безоружныхъ жителей. Неравный бой скоро
былъ оконченъ, и враги отдыхали въ сакляхъ побѣжденныхъ;
потомъ ограбили они все, что только представляло въ ихъ гла-
захъ какую-либо цѣнность, и навьючили на лошадей, а тѣхъ
изъ жителей аула, которые остались въ живыхъ, главнымъ
образомъ женщинъ, дѣтей и немощныхъ стариковъ, сдѣлали
своими плѣнниками; въ цѣпяхъ эту живую добычу угнали
изъ разореннаго аула по направленію къ священной роцѣ Тха-
чегъ и тамъ остановились отдыхать и праздновать свою побѣду.

Во время пира враги всячески издѣвались надъ несчаст-
ными плѣнниками и въ довершеніе всего заставили ихъ
танцовать, не разбирая при этомъ ни пола ни возраста.
Для побѣжденныхъ эти принудительные танцы казались ужас-

*) У абхазцевъ—Афы, богъ грома (Сб. свѣд. о кавк. горц. в. V).

**) О лѣсѣ Тхашагъ, на верховьяхъ Шахе, и коровѣ „Ахинъ“ ср.
хакучинское преданіе въ XXI вып. Сбор. мат., Отд. II, стр. 248. Л. Л.

нѣе всего, потому что роща, гдѣ враги пировали, была посвящена богу Ахину, и танцы въ такомъ мѣстѣ казались имъ кощунствомъ. Въ это время враги стали принуждать къ танцамъ одну плѣнную женщину, изъ рода Дзибе, которая была беременна. Возмущенная такимъ издѣвательствомъ, плѣнница въ порывѣ негодованія противъ своихъ враговъ, въ отчаяніи воскликнула:

«О Ахинъ! я вѣрная твоя поклонница! Спаси меня отъ предстоящаго мнѣ позора и наважи моихъ враговъ! Я клянусь тебѣ, что я и весь родъ мой вѣки будемъ чтить тебя!»

Едва плѣнница произнесла послѣднее слово, какъ земля поколебалась и разверзлась; ошеломленные и испуганные враги бросились искать спасенія въ бѣгствѣ, но земля поглотила ихъ, такъ что не осталось въ живыхъ ни одного.

Спасенные такъ чудесно плѣнники немедленно сняли съ себя цѣпи и веревки, которыми были обвиты ихъ тѣла, вознесли благодарственную молитву богу Ахину и возвратились въ свой разоренный аулъ счастливые и довольные, прославляя и благословляя спасшаго ихъ бога Ахина.

И вотъ съ этого времени родъ Дзибе началъ ежегодно отдавать въ жертву Ахину одну корову изъ своихъ стадъ. Преданіе говорить, что богъ Ахинъ самъ намѣчалъ для себя корову и всегда бѣлую, еще не тельную, и такая корова въ извѣстное время сама возвѣщала жителямъ аула своимъ особымъ мычаніемъ, что настало ей время итти въ жертву Ахину. Тогда всѣ члены семейства Дзибе собирались въ хлѣвъ съ молитвами, обмывали корову всю молокомъ и выпускали за ограду. Шедшую корову никто изъ встрѣчныхъ не смѣлъ ни останавливать ни трогать, и горе тому, кто рѣшился бы это сдѣлать; она шла всегда одна, необыкновенно легко и быстро, а всѣ жители аула шли за нею, при чемъ всякій встрѣчный, чѣмъ бы онъ ни былъ занятъ, бросалъ свою работу и съ почтеніемъ примыкалъ къ процессіи. Свя-

щенная корова всегда шла прямо, не обходя ни обрывовъ ни быстрыхъ рѣкъ: обрывы и рѣки она легко перепрыгивала, такъ что народу трудно было слѣдовать за нею, и они старались окольными путями, переправляясь чрезъ рѣки и минуя овраги, послѣшать къ лѣсу Тхачегъ, не теряя ее изъ вида.

Такъ шла корова, не отдыхая, до самой рѣки Шахе, т.-е. до того мѣста, гдѣ начиналась священная роща Тхачегъ; тамъ она спокойно ложилась на зеленой травѣ, подъ тѣнь священныхъ деревьевъ, и терпѣливо ожидала своего конца.

Въ этомъ мѣстѣ, подъ огромнымъ священнымъ орѣховымъ деревомъ, былъ въ землю врытъ большой мѣдный котелъ, предназначенный для варки мяса коровы; этотъ котелъ былъ пожертвованъ плѣнной женщиной изъ рода Дзибе за свое избавленіе.

Когда всё собирались въ священную рощу, то старшіе изъ рода Дзибе возносили молитвы къ Ахину, потомъ закалывали обреченную корову, свѣживали и наръзаннымъ мясомъ наполняли котелъ; когда же мясо было сварено, начинался пиръ. Бѣду зашивали бузой, черная ее желѣзнымъ ковшикомъ, привѣшеннымъ къ орѣховому дереву; при этомъ первый кусокъ мяса клали подъ священное дерево для бога Ахина; остатки мяса отъ пира бѣдняки забирали съ собою, вромѣ положеннаго подъ священное дерево.

И вотъ разъ одинъ бѣднякъ, не удовлетворенный остатками мяса, изъ жадности похитилъ неприкосновенный кусокъ; съ тѣхъ поръ прогнѣванный богъ Ахинъ пересталъ намѣчать себѣ жертву, и бѣлая корова болѣе не приходила въ священную рощу Тхачегъ.

Помѣщая здѣсь двѣ легенды, въ которыхъ сохранились пережитки христіанскихъ вѣрованій.

1. *Легенда о часахъ.* Евреи схватили Христа и посадили въ тюрьму. Такъ какъ въ тюрьмѣ было совершенно темно, то Христосъ не могъ опредѣлить время для молитвы. Онъ обратился съ просьбою къ архангелу Гавріилу помочь

Ему въ этомъ затрудненіи, и Гавріиль научилъ Его сдѣлать часы. Когда архангелъ Гавріиль ушелъ и Христосъ дѣлалъ часы, дьяволъ подсматривалъ въ замочную скважину и перенялъ это искусство. Однажды дьяволъ шелъ по полю и увидѣлъ кузнеца, идущаго къ нему навстрѣчу съ котломъ за плечами. Дьяволъ былъ удивленъ, что кузнецъ этотъ имѣлъ на себѣ совершенно сухую одежду, несмотря на то что незадолго передъ тѣмъ шелъ проливной дождь, а кругомъ на больномъ разстояніи не было ничего такого, гдѣ бы человекъ могъ укрыться отъ дождя. Заинтересованный чортъ спрашиваетъ кузнеца, какимъ образомъ онъ сохранилъ подъ дождемъ свою одежду сухою. Кузнецъ отказывается сообщить чорту даромъ свой секретъ. Чортъ обѣщаетъ за секретъ вознаградить его секретомъ же: научить его дѣлать приборъ для опредѣленія времени. Кузнецъ соглашается, но съ условіемъ раньше узнать секретъ отъ чорта, а потомъ уже сообщить свой. Чортъ научилъ кузнеца дѣлать часы, а послѣ этого кузнецъ сообщилъ слѣдующее: когда пошелъ дождь, я снялъ съ себя одежду, спряталъ ее подъ котелъ; а самъ, усѣвшись на немъ, просидѣлъ такъ до тѣхъ поръ, пока не прошелъ дождь. Дьяволъ пожалѣлъ, что за такое неумудренное свѣдѣніе открылъ кузнецу свой важный секретъ; но дѣлать было нечего. Кузнецъ же, узнавъ отъ чорта часовое мастерство, распространилъ его между людьми.

2. *Легенда о Теджемѣ (Антихристѣ)*. Къ подножію одной изъ кавказскихъ скалъ прикованъ семью цѣпями Теджемъ въ сидячемъ положеніи, а на вершинѣ этой скалы лежитъ его мечъ. Теджемъ много тысячелѣтій силится встать во весь ростъ, чтобы достать свой мечъ (его ростъ равенъ высотѣ скалы), но цѣпи вѣрно держатъ его, хотя съ каждымъ усиліемъ Теджема онѣ постепенно ослабѣваютъ. Никто не знаетъ той скалы, къ которой прикованъ Теджемъ; только одному черкесу, по имени Ибрагиму, случайно при-

шлось подойти къ ней. Теджемъ увидѣлъ Ибрагима и радостно закричалъ ему: «Я давно жду тебя, Ибрагимъ! Достань мнѣ съ вершины скалы мой мечъ!» Ибрагимъ отвѣтилъ, что онъ не можетъ достать мечъ съ такой высоты. «Ну, такъ пойди въ лѣсъ», сказалъ Теджемъ: «выруби тамъ нѣсколько длинныхъ жердей, свяжи ихъ концами и придѣланнымъ къ послѣдней крючкомъ сбрось мечъ ко мнѣ!» Ибрагимъ приготовилъ все по указанію Теджема, вернулся къ скалѣ и сталъ доставать мечъ. Вдругъ явился ангелъ и сильнымъ ударомъ отбросилъ его отъ скалы такъ далеко, что онъ не могъ потомъ снова найти того мѣста, гдѣ находится Теджемъ.

Когда Теджемъ достанетъ мечъ, — а это навѣрное будетъ, только не скоро, тогда онъ разрубитъ цѣпи, освободится и пойдетъ по землѣ подчинять себѣ людей. Его будутъ сопровождать музыканты, и ихъ чудная музыка вызоветъ къ нему всѣхъ людей, кромѣ тѣхъ, кто будетъ стоять на молитвѣ. Онъ станетъ всѣхъ спрашивать, признають ли они его богомъ. Тѣмъ, кто не признаетъ его богомъ, Теджемъ будетъ рубить головы до трехъ разъ, каждый разъ воскрешая снова и предлагая тотъ же вопросъ, при чемъ будетъ показывать чудеса (вызывать тѣни умершихъ); кто до трехъ разъ откажется признать его богомъ, тотъ будетъ спасенъ. Вскорѣ явится Спаситель Христосъ съ жезломъ. Хотя Христосъ и громаднаго роста, но въ сравненіи съ Теджемомъ Онъ окажется такъ малъ, что Своимъ жезломъ едва достанетъ до колѣнъ Теджема. Христосъ прикоснется къ Теджему жезломъ, и тотъ окаменѣетъ. Тогда Христосъ всѣмъ тѣмъ, кто не призналъ Теджема богомъ, дастъ вѣчное блаженство.

XIV. Кое что изъ народнаго творчества темиргоевцевъ.

Темиргоевскія пѣсни о герояхъ покоятся обыкновенно особыми профессиональными пѣвцами—стариками, называемыми «гыбзау».

«Гыбзау» во многомъ похожи на молороссійскихъ кобзарей или закавказскихъ сазандар: они такъ же передаютъ одинъ другому старыя пѣсни о быломъ, такъ же выражаютъ въ пѣсняхъ-экспромптахъ народный взглядъ на текущія событія; подобно кобзарямъ и сазандари они и пѣніе свое сопровождаютъ аккомпанементомъ струннаго инструмента.

Инструментъ, на которомъ аккомпанируютъ своему пѣнію „гыбзау“, называется по-темиргоевски „шичепшинъ“.

По устройству этотъ инструментъ напоминаетъ русскую балалайку, съ тою однако разницею, что вмѣсто струнъ на грифѣ натягиваются волосы изъ лошадиного хвоста, и играютъ на „шичепшинѣ“ не пальцами, а короткимъ смычкомъ. Задняя дека „шичепшина“ сильно выпуклая и имѣетъ килевидную форму. По окончаніи пѣсни самъ «гыбзау» или кто-либо изъ слушателей излагаетъ подробный рассказъ о событіи, послужившемъ основаніемъ для процѣтой пѣсни. Такъ, пѣсня о Шикуѣ, которая приводится ниже, сопровождается слѣдующимъ рассказомъ.

Въ Темирюкскомъ отдѣлѣ лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ былъ черкесскій аулъ Жанә. Въ этомъ аулѣ жилъ молодой князь, по имени Жанә Шикуй, пользовавшійся всеобщою любовью за свою храбрость и ловкость. Когда ему исполнилось 22 года, онъ, по черкесскому обычаю, поѣхалъ искать себѣ невѣсту въ другой аулъ, а именно Хатужаевскій (Майкопскаго отд.). Тамъ онъ выбралъ себѣ въ жены прекрасную княжну Далетъ-ханъ Керканову, которая изъявила ему свое согласіе на вступленіе въ бракъ и обручилась съ нимъ. Заручившись невѣстой, Жанә Шикуй отправился въ аулъ Тлебгой добывать товарищей для увоза своей избранницы. Здѣсь онъ поселился у своего друга, джигита Аладжука Батырбіева, и началъ подбирать изъ мѣстной молодежи вужныхъ ему людей. Вдругъ на аулъ Тлебгой нападаетъ генералъ Засовъ (Зассъ) со своими вознесенцами и ашеровцами,

которыхъ привелъ сюда измѣнившій черкесамъ и передавшійся на сторону русскихъ ногайскій князь Адымъ-герей Каплавовичъ Нечевъ. Захваченные врасплохъ тлебгойцы однако не растерялись: они храбро встрѣтили врага и дружнымъ натискомъ принудили его отступить отъ аула далеко въ открытое поле; но отступая, генераль Засовъ часть казачковъ оставилъ во рву, расположенномъ на пути его отступления, неподалеку отъ аула. Джигиты, защитники аула, разгоряченные битвою и успѣхомъ, чтобы показать свою удалъ и преврѣнне къ врагу, собиравшему свое разбитое войско въ виду аула, начали одинъ за другимъ скакать съ гикомъ на своихъ быстроногихъ коняхъ черезъ ровъ. не подозрѣвая во рву засады. Когда перескочили Жанъ Шикиуй, Аладжунъ, Батырбѣевъ, Магометъ-гирей Бзакомукъ, Батыр-гирей Урусовъ и Шишеуканъ, казаки открыли по нимъ изо рва ружейный огонь. Жанъ Шикиуй, смертельно раненый, упалъ со своего коня, но храбрые товарищи, несмотря на не прекращавшіеся выстрѣлы казачковъ, не бросили его умирать въ полѣ на глазахъ ненавистныхъ гяуровъ: Аладжукъ и Батыр-гирей бережно подняли его и, окруженные другими неустрашимыми джигитами, увезли его обратно въ аулъ. Только одинъ трусъ Шишеуканъ не принялъ участія въ спасеніи товарища: услышавъ ружейный залпъ, и увидѣвъ падающаго съ коня Шикиуя, онъ въ смертельномъ страхѣ усккалъ въ сосѣдній аулъ.

Сообщено воспитанникомъ Кубанской учительской семинаріи Анечкомъ Шемодовымъ, при чемъ въ литературной обработкѣ матеріаловъ принимала участіе М. А. Василькова.

Наставникъ Кубанской учительской
семинаріи В. В. Васильковъ.

ОЦЕРКЪ ЖИЗНИ КАЛМЫКОВЪ НА ТЕРЕКЪ.

I. Историческія свѣдѣнія относительно появленія калмыковъ на Терекъ.

Калмыки (отъ тюркскаго слова калмакъ—отдѣлившійся, оставшій)—такъ называютъ одно изъ монгольскихъ племенъ, мѣстомъ пребыванія котораго служатъ наши Прикаспійскія степи, Среднеазиатскія владѣнія и отчасти Западный Китай (Дзунгарія). Собственно, бывшимъ мѣстомъ пребыванія всѣхъ племенъ, извѣстныхъ у насъ теперь подъ именемъ калмыковъ, нужно считать, на основаніи историческихъ данныхъ, Западный Китай вообще и въ частности его двѣ западныя провинціи—Дзунгарію и Китайскій Туркестанъ.

По свидѣтельству калмыцкихъ лѣтописей, значительныя калмыцкія орды, въ составъ которыхъ входило не менѣе пяти тысячъ кибитокъ, оставили Дзунгарію и двинулись на сѣверо-западъ. Это было приблизительно въ первой половинѣ XVII вѣка. Въ 1630 году эти орды достигли береговъ Волги. Здѣсь они нашли условія, подходящія для своего существованія, для перекочевокъ со своими стадами съ мѣста на мѣсто, и рѣшили остановиться. Однако, часть ихъ перешла Волгу, двинулась на югъ и расселилась въ степяхъ, входящихъ теперь составъ Ставропольской губерніи, Донской и Терской областей.

Какъ извѣстно, степи эти были въ то время малолюдны, а нѣкоторыя, какъ, напримѣръ, степи теперешней Тер-

ской области, были и совершенно пустынно; поэтому русское правительство безпрепятственно позволило калмыкамъ селиться на нихъ и общало имъ свое покровительство, обложивъ ихъ при этомъ небольшою данью.

Сначала калмыкамъ въ этихъ степяхъ жилось хорошо, никто ихъ не притѣснялъ, и всѣ степи были въ ихъ полномъ распоряженіи. Но такое привольное житье калмыковъ продолжалось недолго. Въ семидесятыхъ годахъ XVIII столѣтія Императрица Екатерина Великая выселила съ береговъ Волги на берега рѣки Терека, которая тогда была пограничною рѣкою, нѣсколько десятковъ казачьихъ семействъ, для огражденія южныхъ окраинъ отъ хищническихъ набѣговъ кавказскихъ горцевъ. Съ тѣхъ поръ и всѣ земли по лѣвую сторону рѣки Терека стали переходить въ руки казаковъ. Послѣ этого свободное пользованіе калмыковъ землею стало постепенно стѣсняться, и въ концѣ концовъ они совсѣмъ лишились ея, сдѣлавшись арендаторами тѣхъ земель, которыми они пользовались когда-то, какъ собственностью.

II. Характеръ описываемой мѣстности; климатъ и почва; флора и фауна.

Въ настоящее время всѣ калмыки, обитающіе въ Терской области, дѣлятся на два улуса (округа): на Верхній и Нижній. Въ составъ перваго изъ нихъ входятъ и тѣ калмыки, описанію которыхъ посвящается эта статья.

Описываемая мѣстность лежитъ въ Прикаспійской низменности, приблизительно подъ 44° сѣверной широты и подъ 63° восточной долготы, на сѣверъ отъ станицы *Наурской*. Характеръ ея вполнѣ степной. Нужно однако замѣтить, что степь эта имѣетъ не вполнѣ ровную поверхность, которую мы связываемъ обыкновенно съ понятіемъ о степи, а нѣсколько холмистую. Здѣсь чередуются неправильной формы холмы съ довольно глубокими лощинами тоже неправильной

формы. Правда, попадаются и совершенно ровныя пространства, но ихъ сравнительно немного. Степь съ холмистою поверхностью называется по-мѣстному «бурунами», а ровная— «пѣдомъ». Рѣзкой границы мѣстности, занимаемой теперь калмыками, провести нельзя, но приблизительно можно сказать, что она занимаетъ не менѣе 150 кв. верстъ. Изъ характерныхъ признаковъ этой мѣстности можно указать на совершенное отсутствіе какихъ-либо древесныхъ насаждений, ручьевъ, родниковъ и какихъ-либо озеръ. На этомъ безводномъ и безлѣсномъ пространствѣ разбросаны калмыцкіе «хатоны» (селенія) и отдѣльныя кибитки.

Климатъ этой мѣстности вполне континентальный, съ довольно рѣзкими переměнами температуры дня и ночи; эта переměна особенно замѣтна по-близости песковъ, которые, накаливаясь днемъ, пышутъ жаромъ, какъ печка, а когда наступитъ ночь, быстро отдаютъ свою теплоту атмосферѣ и черезъ это дѣлаются сравнительно холодными. О континентальности климата описываемой мѣстности можно судить по температурѣ зимы и лѣта. Лѣтомъ, въ концѣ іюля и въ началѣ августа, температура поднимается до 45° Ц., а зимою, въ началѣ января, холода достигаютъ до —20° Ц. Впрочемъ, зима и лѣто бываютъ иногда довольно умѣренныя.

Господствующіе вѣтры въ описываемой мѣстности—юго-западный и сѣверо-восточный; преобладающій изъ нихъ—сѣверо-восточный дуетъ иногда по цѣлымъ недѣлямъ, причиняя жителямъ большой вредъ тѣмъ, что лѣтомъ сушитъ и безъ того скудную влагой почву и вытряхиваютъ зерна изъ спѣлыхъ колосьевъ ржи и проса, а зимою поднимаетъ цѣлыя тучи снѣга, производя страшныя метели или, какъ ихъ называютъ по-мѣстному, «шурганы», которые угоняютъ цѣлыя стада овецъ, табуны лошадей и другихъ животныхъ.

Количество атмосферныхъ осадковъ незначительно, особенно лѣтомъ, когда по цѣлымъ мѣсяцамъ не бываетъ дождя

и наступает страшная засуха, отъ которой гибнетъ вся растительность степи. Количество снѣга зимою зависитъ отъ направленія вѣтра; если дуетъ сѣверо-восточный вѣтеръ, то снѣгу зимою бываетъ очень мало, а иногда и совсѣмъ его не бываетъ, хотя температура стоитъ довольно низкая; если же, наоборотъ, преобладающій вѣтеръ зимою — юго-западный, то зима бываетъ влажная, обильная снѣгомъ и не такая холодная. То же самое можно сказать и относительно влажности весны и осени. При сѣверо-восточномъ вѣтрѣ эти времена года бываютъ сухія и холодныя, а при юго-западныхъ — влажныя и теплыя.

Приблизительнымъ временемъ появленія перваго снѣга можно считать послѣднія числа ноября, а ночныя заморозки начинаются гораздо раньше, приблизительно около половины ноября.

Таяніе снѣга и наступленіе весны начинается съ первой половины марта и продолжается при хорошей солнечной погодѣ недѣли полторы-двѣ.

Вслѣдствіе господства лѣтомъ сѣверо-восточнаго сухого вѣтра пасмурныхъ дней бываетъ очень ограниченное число; большую часть лѣта стоитъ ясная сухая погода. Но какъ только подуетъ юго-западный влажный вѣтеръ, небо покрывается тучами, которыя раздражаются кратковременными, но страшными тропическими ливнями, сопровождающимися иногда градомъ. Примѣръ такого ливня вмѣстѣ съ градомъ былъ въ описываемой мѣстности въ срединѣ іюля прошлаго 1900 года. Часа въ три пополудни небо начало съ запада заволакиваться свинцовыми тучами, которыя, медленно подвигаясь на востокъ, достигли описываемой мѣстности и здѣсь разразились страшнымъ ливнемъ съ градомъ, и этотъ послѣдній произвелъ страшныя опустошенія полей, засѣянныхъ яросомъ, арбузами, коноплей и др. Озимые хлѣба, какъ-то: рожь, ячмень и пшеница къ этому времени были сняты. О

силѣ и величинѣ этого града можно судить по тому, что на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ прошелъ, не осталось и слѣда какой-нибудь травы: все было искрошено на мелкія части и помыто водою въ болѣе низкія мѣста. Только стояли на полѣ жалкіе остатки конопли, которая одна могла сколько-нибудь противостоять силѣ града.

Почва описываемой мѣстности двухъ родовъ: песчаная и черноземная. Преобладающая изъ нихъ — песчаная, такъ какъ всѣ «буруны», а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и ровныя пространства имѣютъ песчаную почву, которая въ смѣси съ глинистою представляетъ прекрасныя условія для произрастанія ржи, проса, конопли и арбузовъ. Просо съѣтся и на «поду», а рожь, арбузы и конопля почти исключительно на «бурунахъ». Было даже замѣчено, что рожь, выросшая на «поду», далеко не можетъ сравниться въ смыслѣ качества муки съ рожью, выросшею на «бурунахъ». Бурунная рожь даетъ муку гораздо бѣлѣе, чѣмъ мука подовой ржи. Кромѣ вышеперечисленныхъ хлѣбныхъ растений, въ описываемой мѣстности сѣютъ еще: ленъ, овесъ, горохъ, фасоль и др.; но нужно замѣтить, что всѣ эти растенія культивируются не калмыками, а казаками. Не засѣянные хлѣбомъ пространства представляютъ превосходныя пастбища для скота, потому что при дождливомъ годѣ они покрываются прекрасною кормовою травою. Не то бываетъ при сухомъ и знойномъ лѣтѣ: тогда степь представляетъ совершенно иную картину. Весною, когда почва, еще пока влажная отъ снѣга, не успѣетъ высохнуть, степь покрывается такъ называемою вешнею травою; съ наступленіемъ же знойнаго и сухого лѣта весь этотъ зеленый покровъ степи выгораетъ отъ нестерпимо палящихъ лучей солнца, и тогда степь и въ особенности «буруны» — настоящая пустыня, въ которой выжженные солнцемъ пространства съ жалкими остатками всевозможныхъ степныхъ растений чередуются съ совершенно голыми песками, ли-

шенными всякой растительности. Тогда по этой голой степи ползают одні ящерицы, а по пескам прыгают длиннохвостые тушканчики, или, какъ ихъ называютъ по-туземному, «земляные зайцы», да вылетаютъ вечеромъ на поски за добычей кулики, оглашая нѣмыя окрестности своимъ пронзительнымъ крикомъ. Даже хищники, какъ, напримеръ, орлы, коршуны, совы, и тѣ заходятъ сюда рѣдко. Однимъ словомъ, все живое старается заблаговременно избѣгаться изъ этого мертваго царства,—царства вѣтровъ, которымъ ничто не мѣшаетъ здѣсь гулять иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ и производить на пескахъ свои грандіозныя сооруженія. Но что за перемѣна происходитъ съ этой пустыней послѣ сильнаго ливня! Черезъ какую-нибудь недѣлю вы совершенно не узнаете ея: она уже теперь не пустыня, а зеленое царство съ пестрымъ населеніемъ всевозможныхъ насекомыхъ, дикихъ животныхъ и птицъ. Степь ожила и представляетъ собою поистинѣ чудное зрѣлище, если посмотрѣть на нее съ возвышенной мѣстности; зеленый волнистый коверъ въ всевозможныхъ направленіяхъ изрѣзанъ бѣлыми полосами песковъ, которые и послѣ дождей остались такими же голыми, какими были до нихъ, придавая мѣстности совершенно оригинальный характеръ.

Эти пространства сыпучаго песку годъ отъ году все увеличиваются, благодаря энергичному дѣйствию вѣтровъ. Виновниками такого размноженія песковъ являются отчасти сами калмыки: было замѣчено, что тамъ, гдѣ поселится нѣсколько кибитокъ калмыковъ, появляется небольшая площадка голой песчаной земли; эта голая земля, будучи ничѣмъ не защищена, быстро высыхаетъ, разносится вѣтромъ во всѣ стороны и такимъ образомъ даетъ начало небольшому песку, который потомъ уже подъ вліяніемъ вѣтра быстро разносится, захватывая собою все большія и большія пространства.

Въ послѣднее время Правительствомъ приняты разумныя мѣры для предотвращенія дальнѣйшаго размноженія песковъ.

Мѣры эта состоитъ въ томъ, что каждую весну известное пространство песковъ засаживается тальникомъ и осокоремъ (одинъ изъ видовъ тополя). Для облѣсенія выбираются самыя старыя пески, потому что было замѣчено, что на старомъ и на болѣе сыпучемъ пескѣ вышеуказанныя древесныя породы принимаются и растутъ гораздо скорѣе. Мѣра эта стала примѣняться съ 1895 года; она вполнѣ оправдала надежды, возлагаемыя на нее Правительствомъ, и за послѣднее пятилѣтiе облѣсена уже довольно значительная часть песковъ. Все это даетъ намъ право надѣяться, что недалеко то будущее, когда безплодные пески обратятся въ пространства, занятыя различными древесными насажденіями.

Изъ домашнихъ животныхъ у калмыковъ распространены слѣдующія: лошади, собаки; изъ рогатыхъ—быки, коровы и овцы; изъ птицъ—куры и индѣйки. О нихъ будетъ говориться ниже, а теперь рассмотримъ дикихъ животныхъ, обитающихъ въ описываемой мѣстности.

Старики-калмыки, а также и казаки утверждаютъ, что лѣтъ 50-60 тому назадъ въ той мѣстности, гдѣ теперь живутъ калмыки, водилось такое множество волковъ, что отъ нихъ не было житья не только животнымъ, но даже и людямъ. Есть нѣсколько фактовъ, указывающихъ на то, что не одинъ несчастный безоружный пастухъ сдѣлался жертвой разъяренной стаи волковъ. Такія происшествія случались обыкновенно зимой, когда волки собираются въ стаи, и горе было тому, кто нечаянно наткнулся на такую стаю.

Съ увеличеніемъ населенія волки уже не могли быть столь опасными для человѣка, а слѣдовательно, и для животныхъ; но и теперь при сравнительно маломъ ихъ количествѣ убытки, причиняемые ими мѣстнымъ жителямъ, гро-

мадны. Калмыкамъ же они особенно приносятъ большіе убытки потому, что они живутъ именно въ той мѣстности, гдѣ больше всего водятся волки. Кромѣ того, у рѣдкаго калмыка найдешь какое-нибудь огнестрѣльное оружіе, которымъ бы онъ могъ обезпечить безопасность самого себя и своихъ животныхъ. Не проходитъ поэтому и одной зимы, чтобы волки не увесли у калмыка ягненка или взрослую овцу, а то прямо они нападаютъ и на крупный скоть. Правда, противъ волковъ калмыки держатъ собакъ, но онѣ не всегда оправдываютъ свое назначеніе.

Кромѣ волковъ, въ территоріи, занятой калмыками, водятся еще лисицы, зайцы, кроты, тхори, ежи и др.

Вслѣдствіе того что первые изъ нихъ, т.-е. лисицы и зайцы имѣютъ довольно цѣнный мѣхъ, въ особенности лисицы, они съ давнихъ поръ служатъ предметомъ охоты, но не самихъ калмыковъ, которые мало интересуются этимъ дѣломъ, а большею частью казаковъ; эти послѣдніе уничтожаютъ ихъ каждый годъ въ большомъ количествѣ. Охота на этихъ животныхъ производится, главнымъ образомъ, зимою, когда мѣхъ ихъ лучше и цѣнится дороже.

Главнымъ притономъ какъ лисицъ, такъ и зайцевъ служатъ поросшія различнымъ бурьяномъ окраины песковъ. Съ наступленіемъ сумерекъ зайцы имѣютъ обыкновеніе выходить порѣзвиться на голомъ пескѣ и, благодаря своей неосторожности, дѣлаются иногда жертвою охотника, который еще днемъ устраиваетъ себѣ гдѣ-нибудь, по близости пещера, засаду, изъ которой и подстерегаетъ свою добычу. Охота на лисицъ лѣтомъ совсѣмъ не производится, зимою же ихъ ловятъ борзыми собаками. Если откроется присутствіе лисицы въ норѣ, тогда разводятъ у ея отверстія огонь, и послѣ этого лисица, задушенная дымомъ, извлекается изъ норы крючкомъ.

Дикими птицами описываемая мѣстность довольно богата. Здѣсь водятся разнообразныя хищники, какъ напр.: степныя орлы, разные виды коршуновъ, совы, филины и др. Изъ крупныхъ птицъ встрѣчаются дрофы и стрепеты, а изъ мелкихъ—куропатки, бекасы, чибисы, жаворонки, дикіе голуби, щуры, скворцы, ласточки, воробьи и т. под. мелкія птички.

Почти всѣ перечисленныя птицы—перелетныя, за исключеніемъ воробьевъ, куропатокъ и одного изъ видовъ коршуновъ—луны. Ранѣе всѣхъ прилетаютъ весною орлы, дрофы и стрепеты, а позже всѣхъ—ласточки; что же касается отлета птицъ, то онъ совершается приблизительно въ такомъ порядкѣ: сначала отлетаютъ ласточки, за ними скворцы съ жаворонками, затѣмъ хищники—коршуны и орлы; дрофы же и стрепета улетаютъ позже всѣхъ птицъ, иногда даже послѣ того какъ выпадаетъ первый снѣгъ.

Мелкія птицы, какъ-то: воробьи, скворцы, ласточки и дикіе голуби ютятся обыкновенно близъ человѣческаго жилья. Здѣсь онѣ устраиваютъ себѣ гдѣ-нибудь въ крышахъ сараевъ гнѣзда и высиживаютъ дѣтенышей. Для дикихъ голубей иногда сами хозяева устраиваютъ поды сараемъ гнѣзда, гдѣ они проводятъ и зиму.

Жаворонки—единственныя степныя пѣвчія въ описываемой мѣстности; ихъ различаютъ здѣсь два вида: обыкновенный сѣрый жаворонокъ и жаворонокъ хохлатый. Весною, во время высиживания яицъ, какъ тѣ, такъ другіе попадаютъ въ одиночку—всякъ занятъ своей заботой; самки большую часть времени проводятъ въ гнѣздахъ, и только одни самцы, взвившись вверхъ, оглашаютъ воздухъ своимъ однообразнымъ, но пріятнымъ пѣніемъ. Къ осени жаворонки собираются въ огромныя, въ нѣсколько тысячъ, стаи, которыя причиняютъ земледѣльцамъ громадный вредъ, выклеывая зерна во время посѣва озими. Съ наступленіемъ первыхъ хо-

лодовъ эти стаи жаворонковъ, сопутствуемыя скворцами, отправляются на югъ.

Большаго вниманія заслуживаютъ дрофы, стрепета и куропатки, какъ главный предметъ охоты. Всѣ эти птицы высиживаютъ дѣтенышей прямо въ травѣ. Дрофы несутъ яйца, величинной съ гусинья, но имѣющія болѣе округленную форму; каждая самка кладетъ не болѣе двухъ яицъ, самка же стрепета кладетъ отъ трехъ до десяти яицъ, которыя по величинѣ не болѣе куриныхъ; но замѣчательно то, что яйца дрофъ и стрепетовъ имѣютъ совершенно зеленый цвѣтъ, такъ что нѣтъ никакой возможности замѣтить ихъ въ травѣ даже на самомъ незначительномъ разстояніи. Это одинъ изъ примѣровъ мимикріи.

Въ описываемой мѣстности водится еще одна оригинальная птица—песчаный куликъ, который живетъ и выводитъ дѣтей исключительно на песокъ; онъ имѣетъ сравнительно съ туловищемъ длинныя ноги, очень быстро бѣгаетъ и издаетъ провзительные звуки; на зиму улетаетъ на югъ. Птица эта ночная. День она проводитъ гдѣ-нибудь подъ кустомъ травы на окраинѣ песка; съ наступленіемъ вечера она выходитъ изъ своего дневного убѣжища на ближайшій песокъ и начинаетъ кричать, напоминая крикомъ свое имя—«ку-лигъ». На ея зовъ сбѣгаются другія ея сестры, такъ же гдѣ-нибудь сидѣвшія подъ кустами, и вся эта стая первымъ долгомъ, осторожно осматриваясь все вокругъ, отправляется пѣшкомъ пить къ какому-нибудь находящемуся въ пескахъ колодцу. На ихъ долю всегда обыкновенно остается вода въ корытѣ, а если не въ корытѣ, то гдѣ-нибудь въ небольшой грязной лужѣ вокругъ колодца. Напившись, стая разбредается вся врозь на поиски добычи; такъ эти птицы ходятъ цѣлую ночь по пескамъ, изрѣдка перекликаясь между собою. Съ наступленіемъ же утра кулики скрываются опять въ кусты и сидятъ тамъ до слѣдующаго вечера.

Представителями пресмыкающихся въ описываемой мѣстности являются различные виды змѣй и ящерицъ. По мѣсту своего обитанія какъ змѣй, такъ и ящерицы раздѣляются здѣсь на «бурунскихъ», т.-е. обитающихъ въ бурунахъ, и на «подовыхъ», т.-е. обитающихъ на поду. «Подовыя» змѣй отличаются отъ «бурунскихъ» какъ величиною, такъ и цвѣтомъ; въ длину онѣ бывають до трехъ аршинъ, цвѣтъ сѣровато-желтаго, брюшко бѣлое, также немного съ желтоватымъ отливомъ. «Бурунскія» же змѣй гораздо тоньше и короче «подовыхъ», цвѣта темно-сѣраго; кожа ихъ покрыта черными пятнами неправильной формы. Змѣй эти очень ядовиты, особенно «бурунскія». Въ этой мѣстности водится еще одинъ видъ змѣй, называемыхъ по-мѣстному «глухарями». Такое прозвище эти змѣй получили за то, что онѣ неподвижны, особенно утромъ, во время росы; тогда онѣ становятся какъ бы совсѣмъ глухими и, несмотря на приближеніе человѣка или какого-нибудь животнаго, остаются неподвижными. По виду «глухари» напоминають «бурунскихъ» змѣй, только гораздо толще ихъ; онѣ имѣють тупой, какъ бы отрубленный хвостъ. Особенность въ ихъ образѣ жизни та, что онѣ не имѣють постоянныхъ норъ: онѣ зарываются на ночь прямо въ песокъ, и это зарываніе происходитъ съ поразительною быстротою: «глухарь» скрывается въ песокъ какъ бы въ готовую нору.

Здѣшнія ящерицы представляютъ прекрасный примѣръ мимикріи. Я уже сказалъ, что онѣ раздѣляются такъ же, какъ и змѣй, на «бурунскихъ» и «подовыхъ». Существенную разницу между ними составляютъ величина и окраска кожи; такъ, «бурунскія» ящерицы, или, какъ ихъ еще называютъ «песчанки», по величинѣ гораздо меньше «подовыхъ»; цвѣтъ ихъ кожи совершенно подходитъ подъ цвѣтъ песка, такъ что, если онѣ лежатъ на пескѣ спокойно, то нѣтъ никакой возможности замѣтить ихъ. Какъ на отличіе

ихъ отъ «подовыхъ» ящерицъ можно указать на то, что у нихъ явственно замѣтна шея, межда тѣмъ какъ у «подовыхъ» переходъ отъ туловища къ головѣ совершенно незамѣтенъ. Живутъ «бурунскія» ящерицы исключительно на пескахъ, гдѣ онѣ вѣ всякой опасности отъ преслѣдованія враговъ.

«Подовыя» ящерицы по величинѣ достигаютъ $\frac{1}{4}$ аршина и даже больше; онѣ сѣраго или зеленоватаго цвѣта, съ бѣлымъ брюшкомъ, и на песокъ заходятъ очень рѣдко. Опасными врагами подовыхъ ящерицъ являются змѣи, а потому не одна зазѣвавшаяся ящерица дѣлается жертвою «хитрой» змѣи; этого вельзя, конечно, сказать относительно «бурунскихъ» ящерицъ, которыя, живя исключительно на пескахъ, навсегда гарантированы отъ неприятой встрѣчи со змѣями, потому что эти послѣднія на голомъ пескѣ бываютъ въ совершенно безпомощномъ состояніи, не имѣя совсѣмъ возможности передвигаться, или передвигаются очень медленно.

Міръ насѣкомыхъ въ описываемой мѣстности очень великъ и вмѣстѣ съ тѣмъ разнообразенъ. Чего-чего только вы не встрѣтите здѣсь, выйдя въ поле среди лѣта? Отъ вашего приближенія вспархиваютъ съ травы различныхъ цвѣтовъ бабочки, кузнечики, богомолы, коромысла; пчелки перелетаютъ съ одного цвѣточка на другой и вмѣстѣ съ жуками пилюльщиками, которые, почуявъ добычу, стремятся отыскивать ее, наполняютъ воздухъ жужжаніемъ. При наступленіи вечерней прохлады между насѣкомыми чувствуется еще большее оживленіе, чѣмъ днемъ, и ихъ веселый концертъ продолжается далеко за полночь, пока, наконецъ, появленіе утренней зари не заставитъ ихъ умолкнуть. Послѣ этого наступаетъ мгновенная тишина—миръ насѣкомыхъ погруженъ въ сонъ, который прерывается только съ появленіемъ солнышка.

Нерѣдко эту мѣстность посѣщаетъ саранча, которая появляется сюда изъ прикасійскихъ камышей. Причиною ея появленія въ описываемой мѣстности восточный вѣтеръ, что подтверждается множествомъ фактовъ и не можетъ подлежать сомнѣнiю. Приближеніе саранчи чувствуется еще за нѣсколько дней до ея появленія. Первыми ея предвѣстниками являются такъ называемые полосатые скворцы, затѣмъ коршунъ и многіе другіе хищники, которые какъ бы нарочно посылаются предупредить населеніе о приближеніи несчастья и подготовить къ борьбѣ съ нимъ. Дня черезъ два-три послѣ появленія этихъ предвѣстниковъ появляется и авангардъ самой саранчи, сопровождаемый большими и малыми хищными птицами. Приближеніе саранчи напоминаетъ собою приближеніе бури послѣ долгаго бездождія, поднимающей цѣлая тучи пыли и представляеть вообще грозное явленіе природы; приближеніе саранчи еще грознѣе и ужаснѣе бури; это для населенія больше, чѣмъ несчастье, это — настоящее Божье наказаніе, потому что до сихъ поръ еще не придумано никакихъ средствъ избавиться отъ этого наказанія — задержать приближеніе саранчи; а разъ она вступила въ данную территорію, то тогда все пропало! Она истребляетъ не только хлѣбные злаки, но и траву и даже молодые побѣги и листья деревьевъ. Послѣ нея приходится умирать голодною смертію не только людямъ, но и животнымъ. Хорошо еще, если саранча, опустошивъ данную мѣстность, улетитъ куда-нибудь, а то случается и такъ, что саранча кладетъ въ опустошенной мѣстности яйца, и тогда нечего рассчитывать на урожай въ слѣдующемъ году. Такъ случилось и въ описываемой мѣстности года два тому назадъ, т.-е. въ половинѣ лѣта 1898 г. Саранча истребила и безъ того жалкую растительность степи, но такъ какъ послѣ ея появленія не было вѣтровъ, которые бы долгое время дули въ одномъ направленіи и, слѣдовательно, могли бы куда-нибудь

угнать саранчу, то она осталась здѣсь до осени и положила яйца немного южнѣе описываемой мѣстности, по направленію къ станицѣ Наурской. На слѣдующую весну, когда саранча вышла изъ яицекъ, казакамъ много пришлось затратить на ея истребленіе и энергіи и дорогого времени, а результаты отъ этого получились ничтожныя—большая часть саранчи окрылилась, истребила въ нѣкоторыхъ мѣстахъ посѣвы и улетѣла.

Вотъ въ общихъ чертахъ характеръ мѣстности, гдѣ живутъ описываемые калмыки; а теперь представимъ быть ихъ самахъ.

III. Калмыки; ихъ образъ жизни и занятія.

Я уже раньше сказалъ, что съ появленіемъ на рѣкѣ Терекѣ казаковъ, калмыки сдѣлались арендаторами тѣхъ степей, на которыхъ теперь живутъ. Вслѣдствіе этого имъ нѣтъ возможности имѣть хоть сколько-нибудь опредѣленное мѣстожительство: они принуждены перекочевывать съ одного мѣста на другое, гдѣ больше простора для пастбы скота. Кочуя по безводной степи, гдѣ существованіе находится въ зависимости отъ достаточнаго количества воды, калмыки первымъ долгомъ считаютъ обезпечить ею себя и свой скотъ. Съ этою цѣлью они собираются небольшими обществами, семействъ въ 10—15, и вырываютъ на общественный счетъ колодець, или по-калмыцки «худукъ»; неподалеку отъ колодца они ставятъ свои кибитки, не соблюдая при этомъ никакого плана, а смотря по тому, гдѣ кому выгоднѣе и удобнѣе. Изъ этихъ кибитокъ образуется нѣчто въ родѣ поселка, называемаго по-калмыцки хатонъ.

Ставя кибитку, калмыки избѣгаютъ по-возможности рыхлаго грунта, а стараются выбрать для кибитки твердое и возвышенное мѣсто. Что касается возвышенныхъ мѣсть, то недостатка въ нихъ не ощущается, но выборъ твердой почвы, конечно, не всегда удается, по той простой причинѣ, что,

какъ я сказалъ раньше, въ территоріи, занимаемой калмыками, преобладающая почва—песчаная, рыхлая.

Каждый калмыкъ устраиваетъ неподалеку отъ своей кибитки для овецъ, если онъ у него есть, плетневый лѣтній скотникъ; для крупнаго же скота лѣтняго скотника не существуетъ, но для того, чтобы скотъ ночью не расходился, привязываютъ его арканами ко вбитымъ вокругъ кибитки кольямъ. Зимніе скотники у калмыковъ во многомъ отличаются отъ лѣтнихъ. Для мелкаго скота, какъ, напримѣръ, для овецъ, козъ и телятъ, скотникъ устраивается уже не изъ плетня, а вырывается въ землѣ. Въ землѣ скотники устраиваются такъ: вырывается четырехугольная яма, глубиною аршина полтора; длина и ширина его зависятъ отъ того количества скота, для котораго она предназначается. Когда яма вырыта, въ одномъ изъ ея боковъ дѣлаютъ въ нее шускъ, по которому скотъ могъ бы входить въ яму и выходить изъ нея; затѣмъ поперекъ ямы кладутся кольца, которые сверху покрываются соломой, а на солому наваливается земля. Входъ въ скотникъ запирается плетневыми дверями.

Зимніе скотники для крупнаго скота устраиваются изъ бурьяна (сорная трава), собираемаго калмыками осенью въ степи. Для устройства ихъ окапывается известная площадь канавой, земля изъ которой складывается валомъ внутри окапываемаго пространства, параллельно канавѣ; потомъ на этотъ земляной валъ накладываютъ бурьянъ до тѣхъ поръ, пока не получится стѣна, по крайней мѣрѣ, въ сажень высотой. Къ этимъ стѣнамъ пристраиваются иногда для скота сараи, подъ которыми онъ укрывается отъ зимней непогоды; но, къ сожалѣнію, эти удобства калмыки предоставляютъ своему скоту только въ исключительныхъ случаяхъ; большая часть зимнихъ скотниковъ бываетъ безъ сараевъ, что, конечно, зависитъ отъ дороговизны срубельнаго матеріала и

отчасти отъ безпечности самихъ хозяевъ. Вообще нужно сказать, что калмыки мало заботятся о томъ, чтобы обставить жизнь скота зимою поудобнѣе, предохранить его отъ всевозможныхъ случайностей, между тѣмъ не проходить ни одной зимы, чтобы у калмыка не пало нѣсколькихъ головъ скота отъ холода и отчасти отъ голода.

Всѣ эти зимнія постройки для скота, или, какъ ихъ называютъ, «зимовки» на лѣто покидаются калмыками, а къ зимѣ онѣ снова подновляются и опять служатъ зимнимъ жилищемъ скота.

Такъ какъ описываемая мѣстность представляетъ собою безводную песчаную степь, то вырытіе въ ней колодца сопряжено со многими трудностями. Трудности эти слѣдующія: во-первыхъ, почвенная вода въ этой мѣстности находится на довольно значительной глубинѣ—отъ 4-хъ до 8-ми сажень, а, во-вторыхъ, лѣсъ для сруба очень дорогъ. Но это бы еще ничего, если бы не способъ, къ которому калмыки прибѣгаютъ при вырываніи колодца; способъ этотъ состоитъ въ томъ, что вырывается огромная круглая яма сажень въ 5 въ діаметрѣ и глубиною до почвенной воды, т.-е. отъ 4-хъ до 8 сажень. Послѣ того какъ покажется вода, начинаютъ отъ нея постепенно выводить вверхъ срубъ, и, по мѣрѣ того какъ срубъ выводится вверхъ, яма частью засыпается сама собой потому, что высохшія песчаныя стѣнки ея обрушиваются при малѣйшемъ прикосновеніи къ нимъ, частью засыпается рабочими людьми. Итакъ, мы видимъ, какихъ трудовъ стоитъ калмыкамъ вырыть одинъ такой колодецъ. Всѣ вышеозначенныя трудности вырыванія колодцевъ не позволяютъ калмыкамъ имѣть ихъ въ достаточномъ количествѣ, а потому они, а главнымъ образомъ ихъ скотъ, почти всегда лѣтомъ страдаютъ отъ недостатка воды. Однако, нужно замѣтить, что не вездѣ почвенная вода находится на большой глубинѣ; есть такія мѣста, главнымъ образомъ, въ пескахъ,

гдѣ почвенная вода находится всего саженихъ въ двухъ, а то и меньше, а иногда весной прямо выступаетъ изъ почвы, образуя довольно порядочныя лужи.

Объясняется это явленіе тѣмъ, что вѣтры, перенося песокъ съ мѣста на мѣсто, образуютъ въ однихъ мѣстахъ огромныя песчаные наносы, а въ другихъ — глубокія котловины; въ этихъ-то котловинахъ вода находится очень близко отъ поверхности земли. Калмыки пользуются этимъ и вырываютъ въ котловинахъ колодцы. Правда, вырыть колодецъ въ такомъ мѣстѣ калмыкамъ не представляетъ большихъ трудностей, но и пользуются имъ они не особенно долго потому, что частыя вѣтры засыпаютъ эти колодцы пескомъ, несмотря на всѣ усилія со стороны калмыковъ предохранить ихъ отъ засыпки. Кромѣ того, по причинѣ окружающихъ эти колодцы на большое пространство голыхъ песковъ, калмыкамъ нѣтъ возможности поселиться вблизи колодца, а этимъ затрудняется доставка воды, которую приходится носить женщинамъ за цѣлую версту или даже за двѣ въ ведрахъ, на коромыслахъ. Для возки воды отъ колодца у калмыковъ не существуетъ никакихъ бочекъ или чего-нибудь другого въ этомъ родѣ; весь этотъ трудъ возлагается на несчастную женщину, которая еще съ малыхъ лѣтъ пріучается къ исполненію этой, поистинѣ, адской работы. Можно себѣ представить положеніе горемычной калмычки, которая лѣтомъ, въ самый полдень, когда солнце накаляетъ песокъ до того, что на него нельзя ступить голой ногой, должна босая нести ведра съ водою; конечно, этихъ двухъ ведеръ не хватаетъ для всей семьи, если она велика, на день, тѣмъ болѣе что калмыки каждый день пьютъ раза два-три кирпичный чай; поэтому калмычкѣ приходится ходить за водою разъ нѣсколько въ день. Посмотрѣвъ на такую калмычку, нельзя не прийти къ тому заключенію, что такая работа можетъ быть выполнена только тѣмъ, кто подговлялся къ ней

съ самаго дѣтства. Иногда рыть колодець калмыкамъ помогаютъ нѣкоторые богатые казаки съ цѣлью пользоваться изъ него водою для своего скота, который они пригоняютъ сюда изъ станицы для поправки.

Живутъ всѣ калмыки въ кибиткахъ. Для того чтобы яснѣе представить себѣ устройство кибитки, раздѣлимъ ее на отдѣльныя части и рассмотримъ каждую часть въ отдѣльности. Раздѣлить кибитку можно на двѣ части: на нижнюю, представляющую собою цилиндръ, и верхнюю, представляющую конусъ, съ нѣскольکو усѣченной вершиной. Нижняя часть, или цилиндръ имѣетъ въ діаметрѣ отъ двухъ съ половиной до трехъ сажени, а высота его равна приблизительно сажени. Цилиндръ устраивается изъ деревянныхъ рѣшетокъ, которые представляютъ собою не что иное какъ скрѣпленные ремнями крестъ-на-крестъ деревянные прутья. Такое устройство рѣшетокъ даетъ возможность при надобности сжимать и растягивать ихъ, что представляетъ значительное удобство при перевозкѣ ихъ во время перекочевокъ. На цилиндръ ставится конусъ; онъ устраивается изъ длинныхъ, сажени въ двѣ, деревянныхъ прутьевъ, которые одними концами прикрѣпляются посредствомъ ремней къ верхней окружности цилиндра, а другими поддерживаютъ ободовидный кругъ, аршина полтора въ діаметрѣ, представляющій отверстие для прохода дыма, и, слѣдовательно, замѣняющій трубу. Надъ этимъ отверстиемъ устраиваются крестъ-на-крестъ нѣсколько дугъ изъ гибкихъ деревянныхъ прутьевъ, назначеніе которыхъ— поддерживать войлокъ, когда имъ ночью или во время непогоды закрываютъ трубу. Впрочемъ, нужно замѣтить, что половина отверстия трубы по какимъ-то соображеніямъ калмыковъ бываетъ закрыта войлокомъ всегда; незакрытою остается половина отверстия трубы съ подвѣтренной стороны. Чтобы удобнѣе было передвигать войлокъ и закрывать имъ сообразно съ направлениемъ вѣтра ту или другую часть тру-

бы, къ двумъ противоположнымъ сторонамъ его пришиваются арканы, съ помощью которыхъ можно управлять войлокомъ, какъ угодно.

Весь деревянный остовъ кибитки покрывается красной краской. Снаружи кибитка покрывается войлоками, которые съ помощью всевозможныхъ аркановъ прикрѣпляются къ деревянному остову кибитки; сама кибитка привязывается крѣпкими веревками къ нѣсколькимъ деревяннымъ столбикамъ, вбитымъ вокругъ нея въ землю; въ противномъ случаѣ кибитка можетъ быть опрокинута, что нерѣдко и случается. Иногда кибитка привязывается къ наскоро забитымъ кольямъ только при приближеніи бури. Конечно, если хозяинъ по какой-либо причинѣ не замѣтилъ приближенія бури, то ему уже нѣтъ возможности удержать кибитку, и она обыкновенно опрокидывается бурей. Послѣ этого можетъ явиться вопросъ—какъ же можно замѣтить приближеніе бури? Въ гористой и покрытой травой мѣстности, конечно, приближеніе бури замѣтить трудно или даже совсѣмъ невозможно, а въ степи, гдѣ на каждомъ шагу попадаетъ голый песокъ, буря видна за нѣсколько десятковъ верстъ, потому что она подымаетъ и несетъ цѣлыя тучи песку.

Внутренность кибитки не можетъ особенно порадовать взоръ посѣтителя: вездѣ царить нечистота, неопрятность; вся внутренняя сторона кибитки и всѣ находящіяся въ ней предметы, не исключая и самихъ хозяевъ, чуть не на вершокъ покрыты копотью, которая является слѣдствіемъ того, что въ кибиткѣ постоянно поддерживается въ очагѣ огонь, а потому она большую часть времени бываетъ наполнена ѳдкимъ дымомъ отъ кизяка, которымъ топятъ калмыки. Этимъ и объясняется, главнымъ образомъ, то печальное явленіе, что большинство калмыковъ имѣетъ больные глаза. Войдя къ калмыку, вы увидите здѣсь большой запасъ кизяка и другого какого-нибудь топлива въ родѣ соломы, бурьяна и т. п.

Здѣсь же въ сторонкѣ стоитъ кожаный мѣшокъ съ мукой; большая деревянная чашка, въ которой мѣсятъ тѣсто; ведра съ водой; чугунный котелъ, покрытый деревяннымъ кружкомъ; горшки съ молокомъ и т. п. Кромѣ того, зимою кибитка служитъ убѣжищемъ телятъ, ягнятъ и другихъ мелкихъ животныхъ, которыя въ хлѣвъ не могутъ вынести зимней стужи; здѣсь же въ кибиткѣ они получаютъ кормъ, и послѣ этого, слѣдовательно, не можетъ быть и рѣчи о чистотѣ и опрятности кибитки; зимою это—настоящій хлѣвъ, съ остатками корма и отбросами животныхъ.

Замѣчательно, что всѣ кибитки обладаютъ какимъ-то неприятнымъ, имъ однимъ свойственнымъ запахомъ; при входѣ туда сразу же обдаетъ посторонняго, непривычнаго человека со всѣхъ сторонъ этимъ запахомъ; онъ дѣйствуетъ на каждого ошеломляющимъ образомъ, и всѣ стараются, какъ можно скорѣе, выбраться оттуда. Сами же калмыки такъ сроднились съ этимъ запахомъ, что совсѣмъ не чувствуютъ его; да иначе и не можетъ быть, потому что и одежда калмыка и онъ самъ до костей имъ пропитаны: отъ него самого несетъ такъ же, какъ и отъ кибитки.

Мебели въ кибиткѣ нѣтъ никакой, за исключеніемъ одной, въ рѣдкихъ случаяхъ, двухъ кроватей для сна и сундука для храненія одежды, съѣстныхъ припасовъ и т. п. Стульевъ ни въ какой кибиткѣ не увидишь; столовъ тоже не полагается, хотя есть нѣчто, замѣняющее собою столъ: это—обыкновенная доска, которая кладется во время обѣда прямо на землю, и вокругъ которой калмыки садятся за обѣдъ на посланные войлоки, поджавъ подъ себя ноги—постурецки.

Поль въ кибиткѣ—та же земля, на которой долго еще послѣ того, какъ поставятъ кибитку, растеть трава, и калмыки не срѣзаютъ ея.

Для храненія посуды устраивается особаго рода полочка. Она представляет изъ себя доску, концы которой привязаны веревками къ прутьямъ верхней части кибитки, а середина поддерживается деревяннымъ суковатымъ столбикомъ, сучья котораго, въ свою очередь, служатъ для вѣшанія мяса. Устраивается полочка у стѣнки кибитки, съ правой стороны отъ входа въ нее. Неотъемлемую принадлежность всякой кибитки составляютъ таганъ и чугунный котель, въ которомъ калмыки варятъ себѣ пищу.

Посудой для калмыковъ служатъ деревянные и изрѣдка глиняныя чашки и деревянные ложки; обыкновенно одна ложка на нѣсколько человекъ. Впрочемъ, у нѣкоторыхъ богатыхъ калмыковъ есть тарелки и даже самовары со всеми къ нимъ принадлежностями. Такъ какъ чашки служатъ калмыкамъ, главнымъ образомъ для чаю, то число ихъ всегда соотвѣтствуетъ числу членовъ семьи, и каждый долженъ знать свою чашку. Вся перечисленная посуда покупается калмыками въ станицѣ Наурской, въ лавкахъ или на ярмаркѣ, которая бываетъ тамъ съ перваго по пятнадцатое сентября.

Кибитка всегда бываетъ обращена дверями на югъ. Двери у всѣхъ кибитокъ створчатыя и раскрашенныя въ различные цвѣта; открываются онѣ изнутри кибитки. Снаружи двери бываютъ завѣшены войлокомъ, такъ что прежде, чѣмъ открыть дверь, нужно поднять войлокъ. Какъ разъ противъ двери у стѣны привѣшенъ небольшой ящикъ, покрытый желтой краской, въ которомъ хранятся изображенія различныхъ идоловъ (бурхановъ), обратясь къ которымъ калмыки по временамъ молятся.

У одной семьи бываетъ обыкновенно по нѣскольку кибитокъ. Происходитъ это отъ того, что отецъ живетъ со своимъ семействомъ въ одной кибиткѣ только до тѣхъ поръ, пока его сыновья малолѣтны и не могутъ жить самостоятельно; но какъ только сыновья достигаютъ совершеннолѣтня,

отецъ женить ихъ, покупааетъ каждому по кибиткѣ и предоставляетъ имъ полную свободу жить самостоятельно. Не всегда, однако, бываетъ такъ, что вся семья живетъ въ одномъ хантѣ: иногда сынъ, получивъ отъ отца требуемую часть наслѣдства, оставляетъ его и переходитъ жить въ другой хантѣ.

Воспитаніе дѣтей у калмыковъ находится пока въ первобытномъ состояніи, т.-е. воспитаніемъ калмыцкихъ дѣтей занимается, если такъ можно выразиться, сама природа. Природа закаляетъ и укрѣпляетъ ихъ организмъ и такимъ образомъ подготавливаетъ его къ борьбѣ со всевозможными невзгодами, встрѣчающимися въ ихъ бродячей жизни. Въ этомъ отношеніи калмыки слѣдуютъ примѣру своихъ кочевавшихъ по степямъ Средней Азіи предковъ-дикарей, отъ которыхъ они ушли недалеко.

Какъ только родится у калмыковъ ребенокъ, родители даютъ ему имя, но не по святцамъ, какъ это дѣлается у насъ, а обыкновенно ребенокъ получаетъ имя того, кто первый изъ постороннихъ людей войдетъ въ кибитку послѣ рожденія, кто бы онъ ни былъ: русскій ли, татаринъ, калмыкъ, простой или знатный.

Иногда новорожденному даютъ имя мѣстности, гдѣ живутъ его родители, имена различныхъ предметовъ, животныхъ, гадовъ, звѣрей и т. п. Я, напримѣръ, знаю нѣсколько калмыковъ, которые носятъ такіа имена: Ноха, Чона, Муга, что въ переводѣ на русскій языкъ означаетъ: собака, волкъ, змѣя. Много есть и другихъ именъ, подобныхъ этимъ; такъ что въ этомъ отношеніи у калмыковъ не существуетъ никакого правила. Пока ребенокъ еще малъ, онъ пользуется со стороны родителей заботами и попеченіемъ; а какъ только онъ подрастетъ настолько, что можетъ обойтись безъ посторонней помощи, ему предоставляется полнѣйшая свобода дѣйствій: съ этого времени онъ можетъ, сколько его душѣ

угодно, закалять себя ко всякимъ невзгодамъ жизни—жарѣ, холоду, голоду и т. п.; въ это время родители не обращаютъ на него почти никакого вниманія. Имъ, напримѣръ, и горя мало, когда ихъ ребенокъ цѣлый день бѣгаетъ совершенно нагимъ подѣ палящими лучами лѣтняго солнца, не смотря на то что одежда его валяется въ кибиткѣ. Конечно, это дѣлается иногда изъ экономіи, а больше—по небрежности родителей. Даже взрослые мужчины, принимаясь лѣтомъ за работу, снимаютъ рубаху и работаютъ въ однихъ штанахъ; отъ этого тѣло ихъ принимаетъ темную окраску и становится нечувствительнымъ ни къ холоду ни къ жару.

Дѣти съ 3—4-лѣтняго возраста постепенно привлекаются къ исполненію тѣхъ или другихъ обязанностей, какъ-то: носить воду, смотрѣть за скотомъ, помогать родителямъ работать въ полѣ и дома. Любимѣйшимъ развлеченіемъ дѣтей служить борьба, а потому изъ нихъ впоследствии вырабатываются замѣчательные борцы, съ которыми въ этомъ отношеніи рѣдко кто можетъ сравниться. Слѣдствіемъ этого является то, что калмыки почти всѣ безъ исключенія крѣпкого тѣлосложенія, сильные, ловкіе и вообще развиты физически въ ущербъ умственному развитію, на которое у нихъ не обращается ни малѣйшаго вниманія. Да и негдѣ воспитывать калмыкамъ своихъ дѣтей въ умственномъ отношеніи, потому что школъ, спеціально предназначенныхъ для калмыцкихъ дѣтей, въ описываемой мѣстности нѣтъ. Нѣкоторые калмыки отдають своихъ дѣтей учиться въ станичную школу; но это бываетъ какъ исключеніе, отчасти потому, что за бѣдностью это не всѣмъ доступно, а отчасти и потому, что у калмыковъ совсѣмъ незамѣтно стремленія къ образованію. Неудивительно, что они не сдѣлали никакого прогресса въ этомъ отношеніи: какими калмыки были сто лѣтъ тому назадъ, такими же они остались и до настоящаго времени. Всѣ

они заражены различными суевѣрїями и предрассудками, которые такъ крѣпко укоренились въ нихъ, что ихъ очень трудно разувѣрить въ чемъ-либо. Ужъ одно поклоненіе вылѣпленнымъ изъ глины или выточеннымъ изъ дерева балванчикамъ (бурханамъ) указываетъ на ограниченность ихъ круга понятій и воззрѣній.

Между калмыками знающаго русскую грамоту можно встрѣтить очень рѣдко, но зато разговорный русскій языкъ знаютъ почти всѣ, потому что имъ часто приходится сталкиваться съ казаками, отъ которыхъ они зависимы въ экономическомъ отношеніи. Гораздо чаще можно встрѣтить знающаго калмыцкую грамоту, чему, между прочимъ, очень способствуетъ то, что у калмыковъ есть обычай имѣть въ каждой семьѣ своего манджика или гилюна (духовныя лица). Съ этою цѣлью родители отдають одного изъ своихъ сыновей учпться къ какому-нибудь старому гилюну, который бесплатно обучаетъ его сначала калмыцкой грамотѣ, а затѣмъ богослуженію. Молодые люди, готовящіеся къ духовной дѣятельности, по-калмыцки называются манджиками. Когда манджики достигаютъ совершеннолѣтія, т.-е. 20—21 г., ихъ посылають къ главному духовному лицу калмыковъ, живущему въ селеніи Яндыковскомъ, Астраханской губерніи. Здѣсь, по выдержаніи экзамена, они посвящаются въ калмыцкіе священники или, какъ ихъ называютъ калмыки, въ гилюны.

Наружность калмыковъ сразу обличаетъ въ нихъ монгольское происхожденіе. Какъ мужчины, такъ и женщины роста выше средняго, довольно статны и отличаются смугложелтымъ оттѣнкомъ лица; они имѣють черныя жесткіе волосы, темныя и немного вкось лежащіе глаза, широкій приплюснутый носъ, толстыя губы, широкій и нѣсколько откинутый назадъ лобъ и выдающіеся впередъ скулы и подбородокъ. Мужчины почти всѣ безъ исключенія безбородые, а если вы-

растаетъ борода, то очень рѣдкая. Однимъ словомъ, типичный калмыкъ имѣетъ всѣ тѣ признаки, которые характеризуютъ монгольское племя.

Калмыки всѣ—народъ здоровый; слабыхъ физически или вообще съ физическими недостатками встрѣтить довольно трудно. То же можно сказать и относительно женщины; такъ, на примѣръ, калмыцкая дѣвушка 17—18 лѣтъ смотритъ здоровою, полною жизни и энергіи. Слѣдствіемъ такого крѣпкаго тѣлосложенія, а отчасти и сухости континентальнаго климата является то, что инфекціонныхъ заболѣваній между ними почти никогда не бываетъ, а если и бываютъ иногда частыя заболѣванія лихорадкой, обыкновенно лѣтомъ, то они проходятъ очень скоро, несмотря на то что калмыки при болѣзни не прибѣгаютъ ни къ какому медицинскому мѣрамъ. Обычнымъ средствомъ противъ всякой болѣзни является теплая вода—ее калмыки пьютъ и отъ лихорадки, и отъ головной боли, и отъ расстройства желудка,—однимъ словомъ, отъ всякой болѣзни.

Кромѣ того, между калмыками можно встрѣтить знахарей, обычно изъ лицъ духовнаго званія, которые собираютъ въ степи различныя травы и корни, и настой отъ нихъ даютъ пить больнымъ. Конечно, выздоровленія отъ этихъ средствъ бываютъ, большею частью, случайныя, тѣмъ не менѣе знахари эти пользуются среди народа большою популярностью.

Всѣ калмыки безъ исключенія бреютъ голову, оставляя небритымъ только темя; несбритые волосы темени образуютъ мохоръ въ четверть аршина длины, торчащій изъ-подъ шапки.

Женщины заплетаютъ волосы въ двѣ косы, которыя продѣваются въ предназначенныя для нихъ чехлы, сшитыя обыкновенно изъ какой-нибудь черной матеріи; эти чехлы съ волосами пропускаются спереди надъ мышками и связываются другъ съ другомъ назади. Такъ какъ не всегда быва-

ють такіе длинныя волосы, чтобы ихъ можно было пропустить подъ мышками и завязать назади, то калмычки приобѣгаютъ къ различнымъ ухищреніямъ въ родѣ того, что вплетаютъ въ свои косы волосы изъ хвоста или гривы лошади и такимъ образомъ придаютъ имъ какую-угодно длину. Все сказанное относится къ замужнимъ женщинамъ; что же касается калмыцкихъ дѣвушекъ, то онѣ заплетаютъ волосы на головѣ въ нѣсколько тонкихъ косъ, изъ которыхъ каждая въ отдѣльности завязывается на концѣ обыкновенно красной ленточкой и опускается назадъ.

Лѣтомъ одежду калмыковъ составляютъ: ситцевая рубаша, нанковые (синяго цвѣта) необыкновенно широкихъ размеровъ штаны, войлочная шапка; на ногахъ чупяки изъ невыдѣланной кожи; на рубаху иногда надѣваютъ бешметъ съ вырѣзанной грудью. Подпоясываются калмыки широкимъ ремнемъ, усаженнымъ металлическимъ наборомъ, поясомъ, ноетземлемую принадлежность котораго составляетъ ножъ съ кожаными ножнами; этотъ ножъ—единственное оружіе калмыка и дома и въ дорогѣ.

Калмычки лѣтомъ также носятъ рубаху, по покрою похожую на кофту, нанковые штаны, только не такіе широкіе, какъ у мужчинъ; на рубаху надѣваютъ красный или синій халатъ; на головѣ—красный платокъ или черная барашковая шапка съ войлочнымъ верхомъ; на ногахъ красныя сапоги съ необыкновенно высокими каблуками.

Зимой всѣ, какъ мужчины, такъ и женщины носятъ бараньи шубы; мужчины надѣваютъ еще иногда овчинныя шаровары и теплыя барашковыя шапки.

Одежда духовныхъ лицъ, какъ-то: гилюновъ и манджиковъ во многомъ отличается отъ одежды остальныхъ калмыковъ; ее скорѣе можно сравнить съ одеждою нашихъ священниковъ. Длинный красный халатъ калмыцкаго гилюна напоминаетъ рясу священника, съ тою лишь разницей, что

рукава у халата гилюна гораздо уже. Какъ на особенность одежды калмыцкихъ духовныхъ лицъ, нужно указать на то, что всё гилюны и манджики по закону не должны носить штановъ, а вмѣсто нихъ носятъ нанковыя или изъ какой-нибудь другой матеріи юбки.

Вообще нужно сказать, что калмыки и въ одеждѣ, какъ и во всемъ, — народъ неряшливый, неопрятный; они не могутъ бѣлья иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ и носить его до тѣхъ поръ, пока само не свалится съ плечъ.

Главнымъ занятіемъ калмыковъ нужно считать скотоводство. Скотъ составляетъ главное ихъ богатство, и отъ него, главнымъ образомъ, зависятъ ихъ существованіе. Какъ я уже упомянулъ раньше, изъ домашнихъ животныхъ у калмыковъ распространены: быки, коровы, овцы, козы, лошади и собаки. Самыми драгоценными и необходимыми изъ этихъ животныхъ для калмыковъ являются коровы и овцы. Помимо пищевыхъ продуктовъ, эти животныя даютъ калмыкамъ кожи и овчины, изъ которыхъ они шьютъ себѣ одежду и обувь; вромѣ того, изъ шерсти овецъ приготавливаются войлоки, которыми покрываются кибитки и вьются арканы, необходимые для каждаго хозяйства.

Лошади и быки служатъ для перевозки тяжестей во время перекочевки. Для перевозки употребляется обыкновенная арба, въ которую впрягаются быки или лошади. Вьючной перевозки во время перекочевки не бываетъ.

Овцы и крупный рогатый скотъ — особой калмыцкой породы; овцы почти всё желтаго или чернаго цвѣта, съ большими гурдюками, но совершенно безрогіе. Впрочемъ за послѣднее время въ стадахъ калмыцкихъ овецъ можно встрѣтить много и чисто русскихъ бѣлыхъ овецъ. Большою извѣстностью пользуются черные и желтые курпей съ калмыцкихъ ягнятъ: хорошій черный курпей стоитъ отъ трехъ до пяти рублей. Калмыцкія коровы славятся своею молочностью и

въ сравненіи съ коровами тамошнихъ казаковъ цѣнятся гораздо дороже. Лошади, какъ верховыя, не пользуются особенной извѣстностью; гораздо выше въ этомъ отношеніи стоятъ лошади сосѣдей калмыковъ—ногайцевъ.

Въ незначительныхъ размѣрахъ калмыки занимаются еще птицеводствомъ, главнымъ образомъ, разведеніемъ куръ и индѣекъ. Первыя изъ нихъ разводятся для собственнаго потребленія, а индѣйки—для продажи.

Обыкновенно каждую осень нѣкоторые казаки-барышники ѣздятъ по калмыцкимъ хатонамъ и скупаютъ индѣекъ почти за безцѣнокъ, а затѣмъ, подкормивши ихъ, возятъ продавать въ ближайшіе города—въ Моздокъ, Кизляръ, Владикавказъ, получая отъ этой продажи большіе барыши.

Успѣшному веденію скотоводства мѣшаютъ частыя падежи скота, особенно овецъ и крупнаго рогатаго скота. Случаются эти падежи обыкновенно лѣтомъ отъ различныхъ эпидемическихъ болѣзней, какъ-то: чумы, ящура и др. Благодаря отсутствію со стороны хозяевъ какой-либо помощи, эти болѣзни производятъ страшныя опустошенія скота. Иногда падежи скота случаются въ холодную зиму; но тутъ уже причиною ихъ являются не болѣзни, а голодъ и отчасти холодъ. Калмыки по своей безпечности мало заботятся о заготовкѣ корма для скота на зиму, надѣясь на «авось», а потомъ, когда ударить зима со страшными морозами и метелями, и скотъ начинаетъ падать съ голоду цѣлыми десятками, они соглашаются дать на выборъ изъ цѣлаго стада корову за одинъ возъ плохого сѣна или просто ржаной соломы, но никто и на это не соглашается. Случается поэтому, что какой-нибудь богачь-калмыкъ въ одну зиму дѣлается жалкимъ нищимъ.

Кромѣ скотоводства, нѣкоторые калмыки занимаются еще отхожими промыслами. Не имѣя возможности сѣять свой хлѣбъ, они принуждены зарабатывать его гдѣ-нибудь на сто-

рошѣ, а потому, какъ только вступаетъ лѣто и съ нимъ полевые работы, калмыки цѣлыми семьями отправляются къ казакамъ, взиимаются къ нимъ жать, косить, молотить и т. п., и получаютъ за это плату или хлѣбомъ, или деньгами. Одинокіе калмыки, уходя лѣтомъ на работу, разбираютъ свою кибитку и складываютъ ее гдѣ-нибудь у сосѣда подъ сараемъ; сами же цѣлое лѣто проводятъ на работѣ то у того, то у другого казака. Нѣкоторые изъ калмыковъ занимаются къ казакамъ на цѣлые годы въ работники или на стухи. Въ такихъ случаяхъ они переселяются обыкновенно со всѣмъ своимъ семействомъ изъ хатона на казачьи хутора, гдѣ и ихъ семьи могутъ доставать себѣ пропитаніе, помогая казакамъ въ ихъ домашнихъ работахъ.

Исполненіе домашнихъ работъ калмыки возлагаютъ исключительно на женщинъ; тамъ, на ихъ обязанности лежитъ присмотрѣ въ лѣтнее время, когда мужчины бываютъ на полевыхъ работахъ, за скотомъ, т. е. поить его и смотрѣть, чтобы онъ не истребилъ посѣвовъ; наблюдать за исправностью кибитки, переносить ее съ мѣста на мѣсто, приготовить новые войлоки и починять старые; вить арканы; заготовить на зиму топливо (кизякъ); обшивать и обмывать все семейство и т. п.

Въ пищу калмыки неприхотливы и вмѣстѣ съ тѣмъ до крайности неразборчивы.

Главная пища, безъ которой калмыкъ не можетъ прожить и двухъ дней, это—кирпичный чай. Кирпичный чай для калмыка то же, что для русскаго человѣка щи; онъ же—первое угощеніе для всякаго гостя, и, по выраженію самихъ калмыковъ, у нихъ начинается «болѣть» голова, если они хоть одинъ день останутся безъ чаю. Приправой къ чаю служатъ молоко и масло, а если послѣдняго нѣтъ, то его замѣняетъ бараній жиръ. Вѣдны калмыки пьютъ чай безъ всякой приправы—черный. Каждый разъ къ чаю калмыки

пекутъ одну или двѣ, смотря по числу членовъ семьи, ржаная пышка, которыя аккуратно разрѣзають на части и каждому дается опредѣленная порція. Пышка печется тутъ же, въ горячей золѣ очага; для этого калмыки имѣють нѣсколько свородовъ: на однѣ изъ нихъ кладется раскатанное тѣсто, а другими накрываютъ сверху это тѣсто и зарываютъ его въ жаръ. Минуть черезъ 15—20 пышка готова.

Послѣ чаю самымъ распространеннымъ кушаньемъ среди калмыковъ является «арьянь». Это не что иное какъ остатокъ отъ молока, изъ котораго выкурень всѣмъ извѣстный калмыцкій напитокъ—арака, или, какъ еще его называютъ, калмыцкая водка. Несмотря на то что этотъ «арьянь» имѣеть до невозможности кислый вкусъ и непріятный запахъ, калмыки ѣдятъ его, повидимому, съ удовольствіемъ. Изъ этого «арьяну» калмыки готовятъ для чаю «сырники», которые кладутся на какую-нибудь дощечку и выставляются наверху кибитки для просушки.

Мясо калмыки ѣдятъ рѣдко, считая его дорогимъ продуктомъ, и потому сами почти никогда не откармливаютъ и не убиваютъ животныхъ на мясо, а дожидаются, пока какая-нибудь болѣзнь не повалитъ животное, и тогда они цѣлымъ хатовомъ отправляются къ трупу павшаго животного и какъ какіе-нибудь звѣри разрываютъ добычу на части и несутъ домой варить.

Въ этомъ случаѣ калмыки являются лучшими санитарами въ описываемой мѣстности во время падежа; нигдѣ не увидишь разлагающагося трупа животного: калмыки все подберутъ и поѣдятъ. Бывало много и такихъ случаевъ, что калмыки тайкомъ отъ хозяина отнимали у его собакъ мясо дохлаго животного или отрывали его изъ земли и уносили. Сваривши дохлое мясо, калмыки пожирають его безъ хлѣба; а на послѣдокъ выпиваютъ залпомъ по чашкѣ холоднаго бульона. Глядя на нихъ, можешь только удивляться, что те-

перь, въ исходѣ цивилизованнаго XIX вѣка, можно встрѣтить такое безобразіе, да еще гдѣ? въ просвѣщенной Европѣ! Мы съ невольнымъ отвращеніемъ читаемъ, что какіе-то чучи или камчадалы лакомятся разлагающимся и выброшеннымъ на берегъ моря трупомъ кита или акулы, а между тѣмъ у насъ подъ бокомъ творится нѣчто подобное, если еще не худшее.

Въ настоящее время положеніе калмыковъ въ смыслѣ матеріальнаго благосостоянія незавидное, и надо думать, что оно и не улучшится, а, наоборотъ, скорѣе ухудшится; причиною тому, между прочимъ, служить немилосердное стѣсненіе калмыковъ казаками. Лѣтъ десять тому назадъ всѣ земли, занятыя теперь калмыками, были совершенно свободны отъ полевой обработки: казаки пахали близъ станицы или вкругъ хуторовъ; теперь же большая часть этихъ земель каждый годъ вспахивается и засеивается различными хлѣбами; поэтому калмыки принуждены довольствоваться съ каждымъ годомъ все меньшимъ и меньшимъ пространствомъ земли для пастбы скота. Иногда даже и эти незначительныя пространства свободной земли выкашиваются казаками, и тогда калмыкамъ волей-неволей приходится оставлять свое старое мѣстожилище и искать другого—болѣе удобнаго для пастбы скота. Конечно, при такихъ условіяхъ скотоводство у калмыковъ процвѣтать не можетъ, и замѣтно калмыки съ каждымъ годомъ стали бѣднѣть.

Благосостояніе калмыковъ подрывается еще пьянствомъ, которое процвѣтаетъ среди нихъ во всей своей силѣ.

Весною калмыки пригоняютъ продавать на базаръ въ станицу Наурскую овецъ, маленькихъ ягнятъ, и, вмѣсто того чтобы на вырученныя деньги купить, что необходимо, они пропиваютъ ихъ въ духанѣ всё до копейки, а если что и останется, то ихъ выкрадутъ у пьянаго калмыка по знакомству сами же казаки и пустятъ его домой ни съ чѣмъ.

Въ заключеніе можно сказать, что калмыки—самыя несчастныя существа: ихъ жизнь—не жизнь, а скорѣе прозябаніе. Въ послѣднѣе время калмыки обратились къ Правительству съ просьбою—дать имъ земли въ собственность; и надо надѣяться, что въ концѣ концовъ ихъ просьба будетъ уважена, и имъ отведутъ гдѣ-нибудь участки земли въ пожизненное владѣніе.

Воспитаникъ Кутаисской учительской
семинаріи *Григорій Губановъ*.

ЭККУРСІЯ НА ЦЕЙСКІЙ ЛЕДНИКЪ.

Кто хоть разъ принималъ участіе въ какой-нибудь экскурсіи, тотъ никогда не забудетъ ни дивныхъ красотъ природы, которыми приходилось любоваться, ни пережитыхъ душевныхъ волненій.

Съ каждымъ годомъ все чаще и чаще раздаются голоса и необходимости устраивать съ учащимися экскурсіи въ свободное отъ учебныхъ занятій время; дѣйствительно удешевленіе способовъ совершать экскурсіи было бы лучшимъ подаркомъ для нашего учащагося юношества и ихъ руководителей. Съ какимъ богатымъ запасомъ силъ физическихъ, а, главное, съ какимъ богатымъ запасомъ новыхъ неизвѣданныхъ чувствъ и высокихъ наслажденій возвращались бы наши школьники послѣ каникулъ къ своимъ обычнымъ учебнымъ занятіямъ! Какъ измѣнились бы къ лучшему и самыя отношенія дѣтей къ наставникамъ послѣ проведенныхъ вмѣстѣ многихъ дней!

Мнѣ лично приходилось много разъ участвовать въ ученическихъ прогулкахъ: во Владикавказѣ съ учениками реального училища по предгорьямъ Кавказа, въ Новороссійскѣ съ воспитанниками бывшей прогимназіи, а теперь гимназіи по склонамъ Варада и Мысхако, въ Асхабадѣ съ воспитанниками гимназіи по склонамъ Капетъ-Дага, и въ Ладожской станицѣ, Кубанской области, съ воспитанниками учительской семинаріи по берегамъ рѣки Кубани. Несмотря на кратковременность такихъ прогулокъ, продолжавшихся, обыкно-

венно, не болѣе 12-ти часовъ съ отдыхами, дѣти и преподаватели долго помнили ихъ; воспоминанія же объ одной изъ такихъ прогулокъ на Цейскій ледникъ, продолжавшейся около недѣли, неизгладимо запечатлѣлись у меня навсегда. Воспоминанія объ этой экскурсіи и составляютъ предметъ настоящей статьи.

Наступили каникулы. Учащіеся компаніями и въ одиночку стали разѣзжаться изъ города по роднымъ палестинамъ. Многіе изъ членовъ педагогической корпораціи потянулись по курортамъ и знаменитостямъ врачевать свои недуги. Педагоги, оставшіеся по какимъ-либо причинамъ въ городѣ, по привычкѣ ежедневно собираются въ учебное заведеніе и, высидѣвъ положенное число часовъ, расходятся по домамъ съ тѣмъ, чтобы на слѣдующій день повторить то же, что и сегодня. Во время одного изъ такихъ ежедневныхъ свиданій рѣшено было компаніей, вмѣстѣ съ семействами, устроить прогулку въ горы, на Цейскій ледникъ.

Быстро начались сборы: нужно было подыскать надежныхъ дрогаей, заготовить достаточнымъ количествомъ провизіи и даже медикаментами, такъ какъ въ экскурсіи должны были принять участіе даже дѣти. Наконецъ, сборы окончены, все заготовлено, уложено и проверено. Съ общаго согласія назначенъ день и часъ выступленія изъ города. Рано утромъ, часовъ около 4-хъ, наша компанія, состоящая изъ 30-ти человекъ, потянулась изъ Владикавказа по дорогѣ въ Архонскую станицу. Отъ Владикавказа до Архонской станицы, приблизительно, на разстояніи 17-ти верстъ, дорога идетъ степью. По обѣ стороны дороги, по вспаханымъ въ прошломъ году полямъ, росъ высокій бурьянъ, изъ котораго гордо подымалъ свою голову свѣтло-лиловый татарникъ; тамъ и сямъ, среди бурьяна, видѣлись бѣлыя звѣздочки ромашки и голубенькіе цвѣточки цигорія; колючки, обвившіеся другъ съ дружкой, составляли по обѣимъ сторонамъ

дороги труднопроницаемую стѣну. Изрѣдка по степи видны были кулиги кукурузы, конопля и сарацинскаго проса.

Часа черезъ два по выѣздѣ изъ Владикавказа, мы подъѣзжали уже къ станицѣ, длинной лентой растянувшейся по правому берегу рѣчки Архонки. При самомъ выѣздѣ въ станицу стоитъ постоялый дворъ съ традиціоннымъ у воротъ шестомъ, на которомъ болтается пучокъ сѣна. День былъ праздничный. По улицамъ, звонко пощелкивая сѣмячки, ходили станичныя дамы-бабы и дѣвчата, разодѣтыя въ праздничныя яркихъ цвѣтовъ платья, покрѣй которыхъ, особенно у старухъ, живо напоминалъ малороссійскій женскій костюмъ; точно также и въ разговорѣ жителей станицы Архонской часто слышатся малороссійскія слова, что свидѣтельствуешь о видной роли малороссовъ въ образованіи станичнаго населенія. У станичнаго духана, на черной вывѣскѣ котораго красовалась написанная мѣломъ надпись «Духанъ Архонско станицѣ, торговля распивочно и навывносъ безъ кредита *) строго воспрещается», собралось многочисленное «общество» старыхъ и молодыхъ казаковъ въ однихъ бешметахъ; только на нѣкоторыхъ молодыхъ фронтахъ сверхъ бешметовъ были надѣты черески.

Дорога наша лежала мимо хорошенкой, недавно построенной церкви; надъ входными дверьми въ ограду ея сдѣлана надпись 1883—1886, вѣроятно, время постройки и освященія церкви; церковь эта для большого населенія станицы, которое выражается числомъ около трехъ тысячъ, довольно мала, хотя очень красива и производитъ пріятное впечатлѣніе на проезжающихъ своей чистотой. На домахъ, какъ это заведено и въ довскихъ станицахъ, прибиты таблички изъ жести съ изображеніемъ бочки, лопаты, ведра,

*) Среди терскихъ казаковъ замѣтно желаніе щегольнуть въ разговорѣ иностранными словечками, иногда совсѣмъ невпопадъ, какъ и въ данномъ случаѣ; вѣроятно, слово «кредитъ» на вывѣскѣ употреблено въ значеніи кредитнаго билета, или денегъ вообще.

полсти, однимъ словомъ, той вещи, съ которой домохозяйствъ долженъ являться для тушенія пожара, въ случаѣ его появленія въ станицѣ. Особенностью станицы нужно считать дешевое и обильное орошеніе, такъ какъ изъ рѣчки Архонки жителями станицы проведены рукава, по которымъ вода изъ рѣчки течетъ на станичныя улицы, а оттуда уже особо въ каждый дворъ; вслѣдствіе этого уличная жизнь въ станицѣ оживляется многочисленными стаями гусей, утокъ и тѣхъ милыхъ животныхъ, которыхъ гоголевскій городничій называлъ «французами»; они съ тяжкими вздохами и кряхтѣньемъ степенно расхаживаютъ по улицамъ, тщательно наблюдая за ихъ чистотой и опрятностью, такъ какъ санитарный надзоръ за станицей, главнымъ образомъ, ложится на нихъ.

Выѣхавъ за станицу, мы встрѣтили высокіе вусты бузины, усыявшей берегъ р. Архонки, черезъ которую переправились вбродъ. По дорогѣ отъ Архонской до Ардонской станицы, на протяженіи 18-ти верстъ, намъ пришлось, по большей части, вбродъ переѣзжать цѣлую серію «Черныхъ» рѣчекъ, а затѣмъ Кабанку, за которой стоятъ Ардонскіе хутора; по дорогѣ въ эти хутора изъ Архонской станицы, на правой сторонѣ дороги, стоятъ два большіе кургана, несомнѣнно насыпные, но еще неразрытые археологами. За Ардонскими хуторами протекаетъ рѣчка Фіагдонъ, версты черезъ двѣ отъ нея Кайдонъ **) (Хайдонъ), на берегу которой, въ тѣни небольшихъ вербъ, мы сдѣлали привалъ на нѣсколько часовъ, съ цѣлью дать отдыхъ лошадямъ и самимъ перекусить чего-нибудь, такъ какъ уже наступала обѣденная пора.

Быстро закипѣла работа: каждому нашлось дѣло; одинъ раскушоривалъ ящики съ провизіей, другой разводилъ костеръ для приготовленія супу, кто разжигалъ самоваръ; да-

**) Слово „донъ“ очень часто встрѣчается въ собственныхъ именахъ кавказскихъ рѣчекъ; по-осетински „донъ“ значитъ вода, рѣка; слѣдовательно, въ переводѣ на русскій языкъ Фіагъ-донъ будетъ означать рѣка (вода) Фіагъ, Кай-донъ=рѣка Кай, Аръ-донъ=рѣка Аръ.

мы слѣдили за сервировкой обѣденнаго стола; только дѣтши-ки, засидѣвшіяся годами въ каменныхъ ящикахъ въ городѣ, мигомъ разсыпались по травѣ и лѣсу собирать цвѣты и ягоды. Кушанья, приготовленные собственными руками въ необычной обстановкѣ, показались всѣмъ необыкновенно вкусными. Послѣ трехчасового отдыха компанія наша вѣсело двинулась въ дальнѣйшій путь.

Отъ привала нашего до станицы Ардонской было уже не болѣе 4 версты, такъ что послѣ отдыха мы скоро были въ этой станицѣ.

Ардонская станица смотритъ щеголеватѣе Архонской, потому что въ ней находился штабъ казачьяго Сунженско-Владикавказскаго полка, офицеры котораго устроили въ ней даже свой офицерскій клубъ. Станица лежитъ между рукавами большого притока рѣки Терекъ—Ардона, на ровной и открытой со всѣхъ сторонъ мѣстности, засѣянной по направлению къ селенію Алагирскому хлѣбомъ.

Въ Ардонской станицѣ есть особаго типа «Ардонское Осетинское духовное училище». Во главѣ этого училища стоитъ архимандритъ, а преподаютъ учителя съ академическимъ образованіемъ. Училище состоитъ изъ трехъ классовъ, при чемъ въ каждомъ классѣ воспитанники обязаны пробыть по два года; такимъ образомъ, они оканчиваютъ училище по истеченіи только шести лѣтъ послѣ поступления въ него. Приемъ и выпускъ учениковъ бываетъ черезъ годъ. Предположимъ, что въ настоящемъ году будетъ приемъ въ первый классъ, и ученики, только-что поступившіе въ училище, проходятъ курсъ перваго класса; на слѣдующій годъ приема уже не бываетъ, а ученики, поступившіе въ предыдущемъ году въ училище, оставаясь въ томъ же помѣщеніи перваго класса, изучаютъ уже курсъ втораго класса; по истеченіи втораго года, объявляется снова приемъ въ первый классъ; ученики же, пробывшіе въ комнатѣ перваго

класса два года и прошедшіе за это время курсы перваго и втораго классовъ, переводятся въ комнату втораго класса и начинаютъ въ первомъ году своего пребыванія въ этой комнатѣ и третьемъ по поступленіи въ училище проходить курсъ третьяго класса, а въ слѣдующемъ году курсъ четвертаго класса; затѣмъ, эти ученики, пробывъ два года въ комнатѣ втораго класса, переходятъ въ комнату третьяго класса. Такимъ образомъ, ученики третьяго класса за два года проходятъ курсы пятаго и шестаго класса, ученики втораго класса за два года проходятъ курсы третьяго и четвертаго классовъ, а въ первомъ классѣ за два года курсы перваго и втораго классовъ.

Изъ предыдущаго не трудно заключить, что курсъ Ардонскаго училища обширнѣе курса обыкновенныхъ четырехклассныхъ духовныхъ училищъ и меньше курса духовныхъ семинарій; при этомъ нужно замѣтить, что ни древнихъ ни новыхъ языковъ въ училищѣ не преподается. Изъ Ардонскаго училища молодые люди выходятъ священно-церковнослужителями въ осетинскіе приходы, лежащіе въ самыхъ горахъ, куда находится очень мало охотниковъ изъ русскихъ итти на службу. Описанный типъ училища имѣетъ то преимущество съ матеріальной стороны предъ семинаріями, что требуетъ гораздо меньше расходовъ на наемъ помѣщенія и на содержаніе личнаго состава, такъ какъ два учителя и начальникъ составляютъ весь штатъ училища.

Отъ селенія Алагирскаго, лежащаго въ 17-ти верстахъ къ ю.-з. отъ Ардонской станицы, начинаютъ подыматься уже предгорья Главнаго Кавказскаго хребта.

Селеніе Алагирское по своимъ постройкамъ скорѣе напоминаетъ маленькій уѣздный городокъ, въ которомъ встрѣчаются довольно хорошенькіе домики, построенные на городской манеръ, съ параднымъ крыльцомъ на улицу.

По серединѣ Алагирскаго селенія находится церковь, обнесенная оградой, напоминающей собой стѣны старинныхъ городовъ, для довершенія сходства съ которыми на всѣхъ четырехъ углахъ ограды возвышаются круглыя башенки. На церковной колокольнѣ имѣются башенные часы, показывающіе на всѣ четыре стороны жителямъ Алагира время, отбивая при этомъ четверти, получасы и часы. Внутри церковь украшена иконами стариннаго прекраснаго иисьяма. Около церкви на площади пріютилась маленькая аптечка.

При взглядѣ на алагирскія постройки, бульваръ изъ пирамидальныхъ тополей, городскіе костюмы представителей прекраснаго и непрекраснаго половъ, можно заключить о зажиточности его населенія. Источниками благосостоянія алагирскихъ жителей служатъ, во-первыхъ, прекрасные фруктовые сады, черныя груши которыхъ подъ названіемъ «алагирскихъ» пользуются громкой заслуженной извѣстностью на Сѣверномъ Кавказѣ и отправляются большими партіями въ обѣ столицы; во-вторыхъ, часть бѣднѣйшихъ жителей находятъ себѣ вѣрный годовой заработокъ на серебро-свинцовомъ заводѣ, расположенномъ въ одной верстѣ къ югу отъ Алагирскаго селенія. На этомъ заводѣ руды не добываютъ, а привозятъ ее уже промытою изъ Садонскихъ рудниковъ, о которыхъ будетъ сказано нѣсколько ниже. На Алагирскомъ заводѣ только выплавливаютъ изъ руды свинецъ, изъ котораго потомъ выдѣляютъ серебро. Чтобы не утруждать читателей массой спеціальныхъ терминовъ, которые мнѣ пришлось бы разъяснять на каждомъ шагу, я не буду описывать, какъ выплавливаются изъ руды серебро и свинецъ, что можно прочесть въ спеціальныхъ книгахъ; скажу только, что изъ 20,000, приблизительно, пудовъ добываемой ежегодно въ Садонскихъ рудникахъ свинцовой руды выплавляется на Алагирскомъ заводѣ до 10,000 пудовъ свинца

и отъ 35 до 40 пудовъ серебра *). Работы производятся день и ночь отдѣльными смѣнами рабочихъ, при чемъ серебро выплавляется только одинъ разъ въ мѣсяцъ, рѣдко два раза; каждая выплавка даетъ кусокъ около двухъ и болѣе пудовъ серебра.

Переночевавъ на постояломъ дворѣ, рано утромъ изъ Алагира мы пустились въ путь по Военно-Осетинской дорогѣ **) въ горы, по ущелью рѣки Ардона.

На протяженіи, приблизительно, 20-ти верстъ отъ Алагира до аула Миджури (иногда слышится въ произношеніи осетинъ Мизури и Мижури) Военно-Осетинская дорога идетъ по лѣсистому ущелью рѣки Ардона, по лѣвому его берегу; по обѣ стороны дороги толпятся громадныя горы, особенно возвышающіяся за Нахазомъ (такъ называется мѣстность въ 10-ти верстахъ отъ Алагира, куда алагирскіе обитатели выѣзжаютъ на пияники). Оба склона горъ покрыты стройными чинарами. По дорогѣ къ Нахазу рѣзко бросается въ глаза путешественнику, во-первыхъ, обиліе обожженныхъ пеньковъ, стоящихъ около дороги, во-вторыхъ, отсутствіе чинаръ, у которыхъ съ какой-нибудь стороны не былъ бы обожженъ стволъ, что свидѣтельствуетъ о варварскомъ, бессмысленномъ и бесполезномъ истребленіи вѣковыхъ лѣсовъ, исчезающихъ вслѣдствіе такого отношенія къ нимъ человѣка и на Кавказѣ съ замѣчательной быстротой. Въ пяти верстахъ отъ

*) Къ сожалѣнію, приводимыя мною цифры даютъ только приблизительное понятіе о количествѣ добываемаго и выплавляемаго свинца и серебра, такъ какъ онѣ взяты не изъ официальныхъ данныхъ, а со словъ второстепенныхъ на заводѣ лицъ. Кромѣ того, данныя эти относятся къ тому времени, когда Алагирскій серебро-свинцовый заводъ и Садонскіе рудники эксплуатировались казною, а не частной компаніей, которая нынѣ разрабатываетъ эти рудники.

**) Военно-Осетинская дорога ведетъ черезъ Кавказскія горы изъ Владикавказа въ Кутаясъ, на Мамисоновскій перевалъ; шоссе этой дороги начинается собственно отъ Алагирскаго селенія и тянется черезъ горы приблизительно на 120 верстъ.

Алагира, у подножья горъ, пробивается холодный, прозрачный ключъ, по увѣренію алагирскихъ жителей, желѣзной воды (цѣлебный ключъ). Верстахъ же въ пятнадцати отъ Алагира по Военно-Осетинской дорогѣ уже слышится запахъ сѣрныхъ источниковъ, и вотъ подъ скалой вы видите огромный гротъ, откуда несется особенно удушливый запахъ. Вы спускаетесь въ гротъ и видите массу холодной, мутной, какъ бы мыльной воды, наполните ею стаканъ и пьете... Противный запахъ тухлыхъ яицъ заставляетъ васъ поскорѣе выплюнуть воду, — это сѣрный холодный источникъ. Съ версту не доѣзжая до грота, подъ правымъ берегомъ рѣка Ардона, путешественникъ замѣтитъ двѣ струи, одну зеленой воды (чистая сѣрная вода), другую мыльнаго цвѣта (сѣрная вода съ примѣсью извести); около этихъ струй замѣтны отложенія сѣро-желтоватаго туфа. Красота видовъ не поддается описанію: съ каждымъ шагомъ открывается новая чудная панорама. Вотъ вы поднялись по шоссе на страшную высоту, — надъ головой повисли громадные камни, готовые ежеминутно раздавить насъ, какъ самое ничтожное насѣкомое; подъ нами, клокоча и пѣнясь, реветъ Ардонъ. Густой лѣсъ чинаръ покрылъ противоположный склонъ ущелья. За лѣсомъ выше летять въ небо сѣдые массивы, на вершинѣ которыхъ, въ видѣ вароста, явилось жилище человѣка, жалкія сагли осетинъ.

Отъ аула Миджури ущелье Ардона тянется между голыми скалами. Эти голыя скалистыя громады имѣютъ самыя причудливыя формы: то вы видите легкій, граціозный шпиль, пронизывающій облака; тамъ виднѣются зубцы какого-то волшебнаго замка, а вотъ стоитъ безформенная громада, которая какъ бы презрительно смотритъ на человѣка. Нѣтъ, даже и презрѣнія она не хочетъ выразить къ ничтожеству человѣка!

Военно-Осетинская дорога отъ аула Миджури въ нѣкоторыхъ мѣстахъ идетъ по самому берегу съ ревомъ мчащагося Ардона, имѣя съ другой стороны отвѣсныя скалы, повисшія надъ дорогой; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она до того узка, что приходилось отпрягать пристяжную лошадь и проводить ее отдѣльно сзади повозки, такъ какъ двумъ лошадямъ идти рядомъ было невозможно. Отъ аула Миджури по дорогѣ то и дѣло попадаются однообразные памятники въ видѣ плитъ, высѣченныхъ изъ камня и поставленныхъ вертикально. На каждомъ памятникѣ вверху изображенъ кругъ съ разноцвѣтными радіусами; ниже, подъ кругомъ, по горизонтальной линіи изображены газыри, ниже которыхъ высѣчены довольно искусно изображенія кинжала, шашки, пистолета, ружья, плети, коня и рога для питья вина. Все это раскрашено соответствующими дѣйствительности красками; въ самой нижней части памятника по-русски написаны имя и фамилія покойника. Конечно, всѣ эти памятники новѣйшаго происхожденія. Отъ Миджури до ущелья рѣчки Садона по дорогѣ встрѣчаются духаны, въ которыхъ можно достать не только напитки (водку, вино и пиво), но и чаю, сахару, мыла, яицъ и куръ; однимъ словомъ, эти духаны нѣсколько напоминаютъ наши сельскія лавочки. Верстахъ въ пяти отъ Миджури, по правому берегу Ардона находится аулъ Уналь, въ которомъ построена православная церковь; почти противъ Унала, при самой Военно-Осетинской дорогѣ стоитъ аулъ Гулахъ, въ которомъ есть такой же, какъ и вышеописанный духанъ. Желая составить себѣ понятіе о горскомъ духанѣ, я въ сопровожденіи нѣкоторыхъ спутниковъ, подъ предлогомъ купить спичекъ, зашелъ въ духанъ; у стѣны, противоположной отъ входа, было сдѣлано нѣчто въ родѣ прилавка, за которымъ стоялъ хозяинъ. На полкахъ беспорядочно были разложены самые разнообразныя товары: спички, мыло, сафьянъ, хлѣбныя зерна, чай, запыленный сахаръ и другія не-

обходимыя для незатѣдливаго обихода горца вещи. Надъ прилавкомъ, почти у самаго потолка духана, былъ горизонтально повѣшенъ деревянный шестъ, на которомъ висѣли, по видимому, давно уже сваренныя куры и тарань. Не успѣли мы затворить за собой дверь духана, какъ онъ сталъ наполняться большими и малыми посѣтителями, пришедшими полюбоваться рѣдкими въ горахъ гостями. Каждый изъ прибывающихъ посѣтителей считалъ своей священной обязанностью прежде всего сунуть намъ поочередно свою грязную и перѣдко покрытую язвами и струпьями руку для пожатія, а затѣмъ отходилъ къ стѣнѣ, садился тамъ на полъ и, не спуская съ насъ глазъ, изрѣдка дѣлился съ сосѣдомъ на своемъ гортанномъ нарѣчїи относящимися по нашему адресу замѣчаниями. Осмотрѣвъ духанъ и доставивъ даровое развлечение обитателямъ Гулаха, мы вышли изъ духана и присоединились къ остальной компанїи.

Верстахъ въ пяти отъ Гулаха въ Ардонъ съ лѣвой стороны впадаетъ рѣчка Садонъ. Своротивъ съ Военно-Осетинской дороги направо, по ущелью р. Садона, по шоссе, проложенному по правому берегу рѣки, черезъ полчаса мы дошли до серебро-свинцовыхъ рудниковъ. Дорога на всемъ своемъ протяженїи представляетъ крутой подъемъ по ущелью, въ которомъ кое-гдѣ попадаются хвойныя деревья. Верстахъ въ двухъ пути по ущелью, на вершинѣ высокой отвѣсной скалы расположенъ аулъ Садонъ, [населенный осетинами, а за выступомъ этой скалы, у подошвы ея, на берегу рѣки Садона, лежитъ серебро-свинцовый заводъ, носящїй по имени рѣки названїе «Садонскїй».

По разсказамъ старожиловъ, заводъ основанъ на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ съ незапамятныхъ временъ осетины добывали серебро-свинцовую руду. Въ царствованїе Императора Николая I-го на этомъ мѣстѣ были поселены заводскїе крестьяне, первые русскїе основа-

тели поселка, въ которомъ въ 1855-мъ году была построена церковь во имя Равноапостольнаго князя Владимира, существующая и до настоящаго времени. Миѣ въ высшей степени хотѣлось взглянуть на православный храмъ въ такихъ неприступныхъ горахъ; вотъ почему утромъ, на другой день до прїѣздѣ въ Садовъ, я зашелъ къ священнику и попросилъ его позволенія осмотрѣть церковь. Батюшка любезно проводилъ меня въ церковь. Церковь очень маленькая, но вполне достаточная по вмѣстимости для прихожанъ завода и аула; внутри она содержится съ замѣчательной чистотой: стѣны и сводъ ея выкрашены краской; иконы на иконостасѣ не имѣютъ никакихъ окладовъ; подсвѣчники предъ иконами выточены изъ дерева. Зато ризница для такой глуши роскошная: есть ризы цѣною въ 350 рублей; притомъ, ихъ имѣется около десяти перемѣнъ. Я полюбопытствовалъ узнать, сколько прихожанъ у садонской церкви, и оказалось, что въ садонскомъ приходѣ числится около 300 человекъ, при чемъ прихожане разсѣяны по горамъ на большихъ разстоянїяхъ, такъ что къ приходу того же священника, кромѣ садонской церкви, принадлежать еще двѣ церкви, одна въ аулѣ Нузалѣ (у туземцевъ слышится Нужалъ), а другая въ аулѣ Цейскомъ, о которыхъ будетъ сказано нѣсколько ниже. Многіе аулы, принадлежащіе къ садонскому приходу, расположены на страшной высотѣ, куда можно проникнуть только верхомъ на лошади, почему у священниковъ, живущихъ въ горахъ, постоянно на конюшнѣ стоятъ осѣдланная лошади, чтобы по первому же требованію можно было пуститься въ опасный путь для совершенія требъ въ своей паствѣ.

Такъ какъ горные осетины поражаютъ своей бѣдностью, какъ увидать читатель ниже, то на доходы отъ прихожанъ жить священнику нѣтъ возможности; поэтому церковный причтъ, живущій въ горныхъ аулахъ, получаетъ отъ «Общества Возстановленія православїа на Кавказѣ» опредѣлен-

ное содержаніе, при чемъ священнику отпускается отъ 300 до 700 рублей, смотря по величинѣ прихода.

Теперь скажу нѣсколько словъ о Садонскихъ рудникахъ. Ни одной паровой машины на заводѣ я не видѣлъ (долженъ въ этомъ мѣстѣ оговориться, что описаніе Садонскихъ рудниковъ сдѣлано мною въ то время, когда они эксплуатировались самимъ Правительствомъ). Разработка въ Садонскихъ рудникахъ серебро-свинцовой руды производилась самымъ примитивнымъ способомъ, о которомъ я скажу нѣсколько словъ. Сначала отыскивается жила серебро-свинцовой руды, а потомъ начинается ея разработка или въ горизонтальномъ направленіи (штольни), или вертикальномъ, а иногда и въ наклонномъ положеніи (шахты). Работы въ штольняхъ производятся слѣдующимъ образомъ: съ помощію желѣзныхъ прутьевъ разной длины и молотка рабочій въ жилѣ серебро-свинцовой руды дѣлаетъ отверстіе около вершка въ діаметрѣ на глубину отъ 8-ми до 12-ти вершковъ; въ это отверстіе затѣмъ насыпается зарядъ пороха отъ одной четверти до фунта вѣсу, въ сырыхъ же мѣстахъ вставляется динамитный патронъ; потомъ отверстіе плотно закупоривается глиняной пробкой съ маленькимъ отверстіемъ, въ которое вставляется нитка, облитая сѣрой. Рабочіе зажигаютъ конецъ нитки, а сами удаляются на почтительное разстояніе или за уголь подземнаго корридора, гдѣ таковой случится, и ожидаютъ взрыва. Бываютъ случаи, что взрывъ ничего не отрываетъ отъ жилы, иногда же отрываетъ кусокъ руды около кубическаго аршина и меньше. Въ продолженіе сутокъ такихъ взрывовъ дѣлается отъ пяти до шести, такъ какъ требуется отъ четырехъ до пяти часовъ времени для того, чтобы пробуравить отверстіе въ жилѣ въ вершокъ въ діаметрѣ и отъ 8-ми до 12-ти вершковъ въ глубину. Работа въ штольняхъ и шахтахъ продолжается круглый годъ въ теченіе цѣлыхъ сутокъ, при чемъ работаютъ тремя смѣнами; каждая смѣна

остается въ шахтѣ или штольнѣ только 8 часовъ. Каждый рабочій въ шахтахъ и штольняхъ круглымъ счетомъ получаетъ одинъ рубль въ день за 8-ми часовой ежедневный трудъ. Плата же производится не за мѣсячный или дневной трудъ, а за кубическую сажень вынутой руды; за каждую кубическую сажень, вынутую изъ шахтъ, платятъ отъ 15-ти до 40 рублей, смотря по степени твердости грунта, въ которомъ залегаетъ жила; если грунтъ мягкій, — плата 25 рублей за кубическую сажень, при чемъ четверо рабочихъ изъ такого грунта могутъ вынуть около пяти кубическихъ сажень въ мѣсяцъ; если же грунтъ твердый, — плата 40 рублей за куб. сажень; въ такомъ случаѣ то же количество рабочихъ вынимаетъ въ мѣсяцъ не много болѣе двухъ кубическихъ сажень. Харчи, сало для жирниковъ, съ которыми работаютъ рабочіе въ шахтахъ и штольняхъ, и порохъ отпускаются въ счетъ заработной платы. Всего на заводѣ около 200 рабочихъ, главный конгингентъ которыхъ составляютъ осетины мѣстнаго и ближайшихъ ауловъ; кромѣ рабочихъ, на заводѣ имѣлось 13 солдатъ мѣстной команды для охраны порохового склада, въ которомъ бывало отъ 60-ти до 100 пудовъ пороху ежегодно. Вынутая на поверхность руда сортируется особыми рабочими, при чемъ чистая руда откладывается для перевозки на Алагирскій заводъ, а та руда, въ которой окажется много постороннихъ примѣсей, толчется особыми деревянными толкачами, на концѣ которыхъ придѣланы чугунные молоты пуда по два вѣсу; эти толкачи приводятся въ движеніе водой; растолченная масса промывается нѣсколько разъ въ особыхъ промывальныхъ; посредствомъ такой промывки отдѣляются посторонніи примѣси отъ серебро-свинцоваго песку, который затѣмъ уже отвозится на Алагирскій заводъ. Промывка производится, приблизительно, около шести весеннихъ и лѣтнихъ мѣсяцевъ, а въ остальное время прекращается, такъ какъ вода замер-

засть. Промывается песокъ поденными рабочими, преимущественно, осетинами, которые получаютъ отъ 40 до 70 копеекъ въ день; рабочіе, которые промываютъ болѣе крупный песокъ, получаютъ меньше, чѣмъ промывающіе мелкій песокъ. Какъ сказано выше, на Садонскихъ рудникахъ ежегодно прежде добывалось болѣе 20,000 пудовъ серебро-свинцовой руды, изъ которой на Алагирскомъ заводѣ получалось до 10,000 пудовъ свинца и отъ 35-ти до 40 пудовъ серебра. Кромѣ того, въ рудникахъ добывалось до 20,000 пудовъ цинковой руды, которая цѣликомъ вывозилась въ Англію по цѣнѣ 12 $\frac{1}{2}$ копейки за пудъ.

Осмотрѣвъ Садонскіе рудники, компанія наша снова вернулась на Военно-Осетинскую дорогу и двинулась въ путь по направленію къ Кутаису. Верстахъ въ 3—4-хъ вверхъ по теченію Ардона отъ Садонскаго ущелья, на лѣвомъ берегу Ардона, стоитъ старинный осетинскій аулъ Нузалъ (Нужалъ), въ которомъ находится православная церковь, построенная еще въ XIII столѣтіи [1224-мъ году].

Нузальская церковь построена въ честь Святого Великомученика Георгія и по своей архитектурѣ скорѣе похожа на пирамидальную кучу камней, аршинъ на 7 высоты, аршинъ 7 $\frac{1}{2}$ длины, аршинъ 5 ширины; на вершинѣ этой пирамиды стоитъ заржавѣвшій желѣзный крестъ; съ южной стороны въ церковь ведетъ низенькая дверь, а съ трехъ остальныхъ сторонъ продѣлано по одному маленькому окошку. О Нузальской церкви среди осетинъ сохранилось слѣдующее преданіе: давнымъ давно у осетинъ правила девять царей, всѣ родные братья; одного изъ этихъ царей звали Сосланъ. Царь Сосланъ женился на грузинской царицѣ Тамарѣ, которая до выхода за него замужъ была женою русскаго князя Юрія Андреевича, сына Андрея Боголюбскаго. Между Юріемъ Андреевичемъ и Тамарой произошла крупная ссора, слѣдствіемъ которой совершился разводъ супруговъ; Тамара во второй

разъ вышла замужъ за осетинскаго царя Сослана. Съ этого времени, благодаря трудамъ Тамары, стало распространяться христіанство среди осетинъ. Три младшіе брата Сослана приняли монашество, построили себѣ на правомъ берегу Ардона кельи, остатки которыхъ указываются жителями Нузала и до настоящаго времени среди отвѣсной и неиступной скалы; теперь человѣкъ уже не можетъ проникнуть въ древнее убѣжище царей-отшельниковъ; только козы, пасущіяся по скаламъ, по карнизу, гдѣ когда-то была тропинка, близко подходят къ гнѣздамъ-кельямъ, около которыхъ еще и до сихъ поръ, даже съ дороги, можно видѣть груды бѣляющихъ турбихъ череповъ съ рогами. Кромѣ того, братья-отшельники на лѣвомъ берегу рѣки Ардона построили для себя маленькую церковь и расписали ее; вотъ эта-то церковь, по преданію осетинъ, и сохранилась въ первоначальномъ своемъ видѣ до настоящаго времени. Изъ достопримѣчательностей церкви, во-первыхъ, нужно упомянуть о церковныхъ ризахъ, пожертвованныхъ въ эту церковь покойной ГОСУДАРЫНЕЙ ИМПЕРАТРИЦЕЙ МАРІЕЙ АЛЕКСАНДРОВНОЙ; во-вторыхъ, о древнемъ крестѣ съ надписью на грузинскомъ языкѣ „Крестъ Христовъ“, о старинной живописи и внизу иконостаса о портретахъ трехъ остинскихъ царей, строителей храма. Старожилы увѣряютъ, что на правой стѣнѣ церкви было написано завѣщаніе царей своимъ потомкамъ такого содержания: „Мы послѣ себя оставляемъ вамъ [своимъ потомкамъ] столько золота и серебра, сколько песку и воды“; но будто со временемъ это завѣщаніе исчезло и теперь совершенно закрашено *). Не трудно догадаться, что

*) Очевидно, это преданіе относится къ грузинской надписи на Нузальской церкви, въ которой въ краткихъ словахъ представлена исторія Осетинъ отъ временъ царя Оса-Багатара, убитаго царемъ Грузинъ Вахтангомъ Горгасаломъ († 499), до царя Давида Сослана. Вотъ эта надпись.

„Насъ было девять братьевъ—Чарджонидзе-Чархилановыхъ, овсетинъ: Багатаръ, Давидъ-Сосланъ, — съ четырьмя царствами боровшіе-

завѣщаніе это намекаетъ на огромныя природныя богатства Кавказскихъ горъ, которыя, безъ сомнѣнія, еще въ древности были извѣстны обитателямъ Кавказа, въ чемъ, отчасти убѣждаетъ и тотъ фактъ, что Садовскіе рудники, какъ сказано было выше, основаны на мѣстѣ древнихъ осетинскихъ разработокъ серебро-свинцовыхъ рудъ. Церковь Нузальская является настолько интереснымъ историческимъ памятникомъ, что, по словамъ мѣстнаго священника, НАСЛѢДНИКЪ ЦЕСАРЕВИЧЪ ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ГЕОРГІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ, нынѣ покойный, проѣзжая 8-го сентября 1893 года по Военно-Осетинской дорогѣ, позволилъ посѣтить и осматривать эту церковь. (Подробное описаніе Нузальской церкви и рисунокъ ея можно найти на стр. 66-й и слѣд. «Матеріаловъ по Археологич Кавказа, собранныхъ экспедиціями ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Археологическаго общества, снаряженными на ВЫСОЧАЙШЕ дарованныя средства». Выпускъ I-й. Подъ редакціей гр. Уваровой. Москва 1888 года).

Выше Нузала, на утесахъ, возвышающихся отъ лѣваго берега Ардона, находится аулъ Назигинъ (Нажигинъ), въ

ся,—Пидарось, Джадарось, Сакуръ и Георгій, грозно встрѣчавшіе врага; *трое* же изъ нашихъ братьевъ—Исаакъ, Романовъ и Басилъ—стали *отрными рабами Христа*. Мы охраняемъ узкія дороги, проходящія изъ четырехъ угловъ. Въ Касарахъ я имѣю замокъ и таможенную заставу и здѣсь охраняю двери Хиди (Хиди по-груз. мость); вѣруя въ загробную жизнь, въ семь мѣрв прочно стою: *золотоносной земли и серебряной*, подобно *водѣ*, много имѣю; Кавказъ я покорилъ, съ четырьмя царствами боролся и похитилъ сестру грузинскаго царя, слѣдуя нашему обычаю; онъ догналъ меня, измѣнилъ клятвенно и грѣхъ мой принял на себя: Багатаръ отданъ былъ теченію воды, войско же овсетинъ истреблено. Кто изъ васъ увидать этотъ стихъ, малостью пусть скажетъ поминаніе“.

Надпись нузальскаго храма приведена въ еще ненапечатанномъ вариантѣ Географіи Грузіи Вахушта, откуда она перепечатана въ брошюрѣ „Мосе Ховели и его Амيرانъ-Дареджаниани“; она помѣщена также въ Хрестоматіи Дм. Пурцеладзе. См. статью М. Г. Джанашвили „Извѣстія груз. лѣтописей и историковъ о Сѣверномъ Кавказѣ и Россіи“ въ Сборн. мат., вып. XXII, отд. I, стр. 43. Л. Л.

которомъ, обыкновенно), занимаются проводники и лошади для восхожденія на Цейскій ледникъ. За Нузаломъ черезъ Ардонъ устроена мостъ, за которымъ Военно-Осетинская дорога идетъ уже по правому берегу Ардона. Верстахъ въ четырехъ отъ этого мѣста находится урочище Святого Николая; такъ называется большой домъ инженернаго вѣдомства съ флигелемъ и надворными постройками, обнесенный со всѣхъ сторонъ оградой. Въ этомъ домѣ обыкновенно останавливаются путешественники, желающіе подняться на Цейскій ледникъ. Здѣсь же имѣется особая книга, въ которой путешественники записываютъ не только свои фамиліи, но и впечатлѣнія. Чего, чего только нельзя прочитать въ этой книгѣ!

Урочище Св. Николая лежитъ какъ разъ при впадѣніи рѣки Цей въ Ардонъ, на правомъ берегу послѣдняго. Что за чудное мѣстечко! Стоитъ это урочище на высокой котловинѣ, обставленной со всѣхъ сторонъ горами; внизу горы эти покрыты богатѣйшими чинаровыми лѣсами, выше которыхъ къ голымъ скаламъ прилѣпились сосны и ели со своими причудливыми верхушками; еще выше вздымаются сѣдые громады, увѣнчанныя бѣлыми шапками-ледниками. Чудный горный воздухъ, пропитанный смолистыми испареніями елей и сосенъ, заставляетъ выше подыматься грудь и учащеннѣе биться сердце. Наскоро напившись чаю, захвативъ проводниковъ и вьючныхъ лошадей, мы посидѣвши до захода солнца по ущелью Цей дойти до горнаго аула Цейскаго, лежащаго на значительной высотѣ, верстахъ въ восьми отъ урочища Св. Николая. Поразительна красота ущелья рѣки Цей: на каждомъ шагу открывается новый видъ! Внизу бурлитъ рѣка Цей, разбиваясь на мелкія пылинки и увлекая своимъ теченіемъ громадные камни; камни эти на своемъ пути ударяются другъ о друга и о прибрежныя скалы, производя по ущелью безпрерывный гулъ наподобіе артиллерій-

ской канонады; горная тропинка, пзвиваясь, какъ змѣйка, среди густыхъ зарослей рододендроновъ, съ каждымъ поворотомъ уноситъ путника все выше и выше, въ заоблачную даль. Вотъ вы идете по самому берегу Цей; съ непривычки отъ быстрого паденія воды, водяной пыли и гула начинается кружиться голова; вы подымаетесь немного выше и вступаете въ рощу высокихъ стройныхъ чинаръ, въ тѣни которыхъ сладко отдыхаете отъ утомительнаго пути; еще выше—пріятный смолистый запахъ сосенъ заставляеть васъ потопиться подъ тѣнь сосновой рощи. Вотъ кончились лѣса и начались скалы, покрытыя скудной растительностью. Жажда томить васъ до тѣхъ поръ, пока не доберетесь до свѣтлаго, какъ горный хрусталь, ручейка, съ журчаніемъ вырывающагося изъ-подъ камней. Наконецъ, вы выбираетесь по тропинкѣ на гребень; предъ вами разбросанъ Цейскій аулъ, окруженный со всѣхъ сторонъ хлѣбными полями. Поразительны для путника эти горные покосы и поля! Представьте себѣ по крутому скату скалы покось. Житель долинъ только съ большимъ трудомъ можетъ удержаться на такомъ скатѣ, тогда какъ житель горъ не только умудряется производить тутъ покось, но и посѣвы. Мнѣ, къ сожалѣнію, не удалось видѣть полевыхъ работъ у горныхъ осетинъ ни во время покоса ни во время уборки хлѣбовъ, такъ какъ покось былъ уже оковченъ, и ряды стоговъ и вспенъ тянулись на страшныхъ утесахъ отъ самаго аула Унала до Цейскаго; хлѣба же вслѣдствіе высокаго мѣстоположенія еще не созрѣли (вѣроятно, на такой высотѣ они созрѣваютъ не ранѣе 20-го августа, какъ и на далекомъ сѣверѣ). Я съ удовольствіемъ прошелъ по этимъ горнымъ полямъ; напрасно я старался увидѣть на поляхъ слѣды плуга или какого-нибудь удобренія,—ни того ни другого я не замѣтилъ. Всюду по полямъ валялись мелкіе камешки, между которыми краснѣла глина; тѣмъ не менѣе на низкорослыхъ нивахъ шумѣли.

крупные колосья пшеницы и ячменя. На возвратномъ пути, около аула Унала, мнѣ пришлось видѣть, какъ копны сѣна доставляются внизъ, къ аулу. Прикрѣпивъ одинъ конецъ веревки у какой-либо скалы, горецъ обвиваетъ другой конецъ ея вокругъ своей талии и осторожно начинаетъ приближаться къ стоящей надъ обрывомъ копнѣ сѣна. Подойдя къ копнѣ, горецъ другой веревкой опутываетъ ее, какъ сѣткой, а затѣмъ сталкиваетъ копну со скалы. Если веревка прочна, и копна увязана хорошо, она благополучно достигаетъ до подножья скалы; въ противномъ же случаѣ, копна, ударяясь при своемъ паденіи объ острые камни, рассыпается мелкими клочьями сѣна, и, такимъ образомъ, въ одинъ мигъ горецъ лишается копны сѣна, собраннаго съ такимъ трудомъ и нерѣдко съ опасностью для жизни.

Когда компанія наша подходила къ Цейскому аулу, изъ него высыпала огромная толпа ребятишекъ. Можно только поражаться обиліемъ дѣтей въ горныхъ аулахъ. Цейскій аулъ наперечетъ состоялъ изъ 15—20 саклей, изъ которыхъ высыпало дѣтишекъ не менѣе сотни. И что это были за дѣти! Грязныя до такой степени, что нельзя было опредѣлить нормальнаго цвѣта ихъ кожи; еще болѣе поражалъ насъ ихъ костюмъ. Нѣтъ никакой возможности опредѣлить покроя его. Соберите валяющіяся по улицамъ, по мусорнымъ ямамъ тряпки, шейте ихъ на скорую руку нитками въ нѣсколькихъ мѣстахъ и надѣньте на ребенка, и эта груда тряпокъ, болтающихся на тѣлѣ, дастъ точное понятіе о своеобразномъ лѣтнемъ дѣтскомъ костюмѣ жителей горныхъ осетинскихъ ауловъ. Несмотря на все это, нѣкоторые славныя дѣтскія личики съ устремленными на насъ съ любопытствомъ и страхомъ черными глазенками были положительно хороши и заставляли насъ на время забыть и грязь и тряпки, надѣтыя на нихъ; но вотъ показывается испитое, блѣдное лицо ребенка, покрытаго массами паразитовъ и язвами, кое-

гдѣ прикрытыми вонючими лохмотьями, обмазанными пластыремъ, произведеніемъ мѣстныхъ знахарей и знахарокъ, и дрожь пробѣгаетъ по всемъ нашимъ членамъ. Проводникъ нашъ прикрикнулъ на эту толпу любопытныхъ, и они какъ звѣржи рассыпались по своимъ норкамъ. Не лучше были костюмы и у взрослыхъ мужчинъ и женщинъ: къ намъ изъ аула пришелъ старикъ, на которомъ была надѣта черкеска прямо на тѣло, безъ бешмета; такимъ образомъ, вся грудь его отъ шеи до пояса была открыта; видно было, что не случайно, второпяхъ, онъ такъ принарядился, потому что цвѣтъ кожи его груди принялъ цвѣтъ сапога, давно не видѣвшаго чистки.

Конечно, читатель самъ догадывается, что ни одинъ путешественникъ, если есть какая-нибудь возможность, ни за что на свѣтѣ не рѣшится остановиться на ночлегъ въ осетинской саклѣ. Сакли Цейскаго аула двухъ родовъ: одноэтажныя и двухъэтажныя; и тѣ и другія сложены изъ небольшихъ неотесанныхъ камней, скрѣпленныхъ жидкой глиной; такой постройки бывають въ нашихъ станицахъ заборы, сложенные изъ неотесанныхъ камней собственными руками домохозяина и его домочадцевъ. Плоскія крыши и полы саклей смазываются глиной; лѣтомъ и зимой въ нихъ кашать міриады разноцвѣтныхъ насѣкомыхъ; въ особенности много ихъ бываетъ въ двухъэтажныхъ сакляхъ, такъ какъ нижній этажъ специально предназначенъ для ночлега и зимовою домашняго скота и птицъ; у одноэтажныхъ же саклей скотный и птичій дворы пристраиваются по бокамъ. Имѣя все это въ виду, мы расположились на ночлегъ за ауломъ, на покрытой травой вершинѣ одного утеса, недалеко отъ православной церкви. Церковь Цейскаго аула маленькая, деревянная ничѣмъ особеннымъ не обращаетъ на себя вниманія, за исключеніемъ развѣ того, что южная и западная ея паперти не имѣють внѣшнихъ дверей, такъ что вся-

кому открыть доступъ на паперть. Я не могъ ни отъ кого узнать, временный ли это недостатокъ, или, какъ говорили мнѣ, дверей не придѣлано съ цѣлью дать возможность запоздавшимъ путникамъ, застигнутымъ непогодой, найти убѣжище и защиту на церковной паперти. Пока мы готовили себѣ постели, проводники наши принесли изъ аула молодого горскаго барашка, зарѣзали его и стали готовить намъ шашлыкъ и кипятить воду на чай. Отъ усталости ли, искуснаго ли приготовления, или отъ нѣжности самаго мяса горскаго барашка, я ѣлъ шашлыкъ съ такимъ аппетитомъ, съ какимъ никогда не приходилось мнѣ ѣсть дома. Ночью, кажется, никто изъ компании не могъ сомкнуть глазъ, во-первыхъ, потому, что съ вечера беспокоили насъ осетины, приходившіе изъ аула и о чемъ-то горячо спорившіе съ нашими проводниками. Оказалось, что многіе охотники до легкой наживы пытались воспользоваться неопытностью путешественниковъ и кое-что сорвать съ нихъ. Такъ одинъ явился съ претензіей, что мы, расположившись на ночлегъ, потоптали его траву, хотя трава ему совсѣмъ не принадлежала, и мѣсто для ночлега было намъ отведено старшиной аула; другой явился съ требованіемъ заплатить ему за хлѣбъ, который мы будто бы потоптали, хотя мы шли проложенной тропинкой и т. д. Перебранки съ ними отняли очень много времени, и наши рыцари легкаго заработка ушли, не солоно хлебавши. Во-вторыхъ, ночью страшный холодъ не давалъ намъ возможности заснуть; напрасно мы окутывались коврами и бурками: холодъ и влага отъ тумана забирались и подъ нихъ. Все это заставило насъ встать, какъ говорится, чуть свѣтъ и немедленно отправиться въ дальнѣйшій путь. Оставивъ на мѣстѣ ночлега двухъ проводниковъ караулить наши вещи, а также къ полудню приготовить изъ барашка обѣдъ, мы съ одной вьючной лошады, нѣсколькими верховыми и тремя проводниками напра-

вились къ цѣли нашего путешествія—къ Цейскому леднику. Если до сихъ поръ, до Цейскаго аула, дорога поражала своей красотой, то отъ Цейскаго аула до Цейскаго ледника она сдѣлалась положительно волшебной, достойной цѣликомъ быть перенесенной на полотно. Особенною же прелестью она поражаетъ въ урочищѣ, называемомъ „Рекомъ“. Въ этомъ урочищѣ, около тропинки, стоитъ старое полуразвалившееся зданіе, неизвѣстно къ какому времени относящееся, къ языческой ли эпохѣ, или христіанской. (Подробное описаніе и рисунокъ «Рекома», а также и предметовъ, въ немъ находящихся, можно найти на стр. 63-й и слѣд. „Матеріаловъ“ по археологій Кавказа, собранныхъ экспедиціями ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Археологическаго Общества, снаряженными на ВЫСОЧАЙШЕ дарованныя средства“. Выпускъ 1-й. Подъ редакціей графини Уваровой. Москва 1888 года. О времени основанія „Рекома“ въ этомъ описаніи мы читаемъ слѣдующее: „Въ виду необычайной святости Рекома во всей Осетіи и его положенія въ глуши, близъ одного изъ величайшихъ ледниковъ Кавказа, можно думать, что это святилище восходитъ еще къ языческимъ временамъ. Вѣроятно, какъ часто бывало, христіанскіе миссіонеры осветили прежнее капище построеніемъ на его мѣстѣ христіанскаго храма; но вслѣдствіе слабаго вліянія христіанства на осетинъ, языческій элементъ пересилилъ, Св. Георгій принялъ характеръ прежняго языческаго бога, и въ настоящее время о христіанскомъ храмѣ сохранилось лишь случайное воспоминаніе).

По рассказамъ осетинъ, зданіе „Рекомъ“ есть православный храмъ, построенный въ честь Святого Великомученика Георгія, о чемъ, дѣйствительно, свидѣлствуютъ три колокольчика, висящіе надъ самой входной дверью въ храмъ; одинъ изъ нихъ, самый большой, на взглядъ не болѣе 10-ти фунтовъ, а два остальные совсѣмъ маленькіе.

Колокола я лично видѣлъ еще въ іюлѣ 1894 года, тогда какъ въ примѣчаніи, обозначенномъ четырьмя звѣздочками, вышецитированной статьи изъ «Матеріаловъ по археологіи Кавказа», мы читаемъ: „Въ наше посѣщеніе Рекома 9-го августа 1880-го года, колоколовъ надъ дверью мы не замѣтили“. Очевидно, что авторъ попросту не обратилъ вниманія на эти колокола, что объясняется незначительной величиной самыхъ колоколовъ. Вокругъ зданія, вѣроятно, очень давно существовала каменная ограда, слѣды которой, въ видѣ маленькаго каменнаго вала, сохранились съ одной стороны и до настоящаго времени. Если вы путешествуете въ небольшой компаніи, то осетины, въ особенности если замѣтить, что путешественники ихъ побаиваются, заставляютъ у этого каменнаго вала снять обувь и тогда уже позволять безъ сапоговъ итти къ самому зданію; мнѣ не разъ приходилось слышать во Владикавказѣ отъ многихъ лицъ, что имъ приходилось, по настоянію осетинъ, снимать обувь. Среди самихъ осетинъ существуетъ повѣрье, что сильная лихорадка овладѣваетъ всякимъ дерзкимъ, кто осмѣлился бы въ обуви войти до храма. Въ виду того что наша компанія была довольно многочисленна, осетины не предлагали намъ снимать обуви. Войти въ это зданіе невозможно, потому что оно, при малѣйшемъ движеніи дверьми и сотрясеніи, грозитъ паденіемъ. Двери, ведущія въ это зданіе, сдѣланы изъ желѣза: надъ ними, вдоль всего фасада, придѣлана полочка, на которой лежатъ множество турьихъ роговъ, старинныхъ наконечниковъ стрѣлъ и копій; сюда же благочестивые путешественники кладутъ серебряныя и мѣдныя монеты; надъ самими дверьми висятъ три колокольчика. Внутренность зданія можно видѣть въ маленькое окошечко, прорубленное по лѣвую сторону отъ дверей; откинувъ напкой болтающуюся въ оконѣ занавѣску, играющую роль гардины, вы увидите внутри зданія старинныя металлическія вазы и другія вещицы

и среди груды древностей образъ Спасителя новаго письма. Въ маѣ мѣсяцѣ, къ Николину дню, изъ многихъ ауловъ сюда собираются осетины на празднество, котораго, къ сожалѣнію, мнѣ не пришлось видѣть. Подобныя же празднества въ «Рекомѣ» устраиваются и въ Троицынъ день и многіе другіе дни. Отъ „Рекома“ до самаго ледника дорога идетъ, исключительно, по хвойному лѣсу. Странно видѣть сосну, растущую на вершинѣ какого-нибудь огромнаго камня! Я нарочно старался забраться на такой камень, чтобы убѣдиться, крѣпко ли держится дерево, и всякій разъ, какъ я ни старался, не могъ выдернуть изъ обломка скалы даже маленькаго деревца; во многихъ мѣстахъ по лѣсу бѣгутъ ручейки свѣтлой и холодной, какъ ледъ, воды. Вотъ слышались людскіе голоса, свидѣтельствующіе, что ледникъ уже близко. Дѣло въ томъ, что каждое лѣто изъ ближнихъ ауловъ, а иногда и издалека къ леднику собирается масса больныхъ осетинъ, которые въ теченіе всего лѣта живутъ около ледника, подъ открытымъ небомъ, другіе въ наскоро устроенныхъ палаткахъ и шалашахъ, дышать прекраснымъ горнымъ воздухомъ, пропитаннымъ смолистымъ запахомъ сосенъ и елей, и купаются въ холодныхъ водахъ рѣки Цей, вытекающей изъ-подъ ледника и впадающей слѣва въ Ардонъ. Меня очень удивилъ способъ купанія этихъ несчастныхъ. Сколько, вѣроятно, бываетъ жертвъ дикаго суевѣрія! Представьте себѣ потокъ пѣнящейся воды, вырывающейся изъ-подъ самаго ледника и уносящій своимъ теченіемъ кусочки льда; температура такой воды не выше 10-12-ти градусовъ. И вотъ чающіе исцѣленія больные всевозможными болѣзнями и чаще всего чахоткой рано утромъ, надѣвъ на себя овчинные тулупы, подходятъ въ этой холодной водѣ, раздѣваются и быстро погружаются раза два-три въ воду; потомъ, какъ ошпаренные, выскакиваютъ изъ воды, быстро надѣваютъ тулупъ и бѣгутъ въ шатеръ; такую ван-

ну принимаютъ они отъ двухъ до трехъ разъ въ день; иногда же, выскочивъ изъ воды, больной выпиваетъ кружку парного, по большей части, козьего молока, заблаговременно поставленную на берегу, и тогда получается комическая картина: у больного, вслѣдствіе какихъ-то причинъ, обыкновенно, послѣ этого дѣлается разстройство желудка, которое и мѣшаетъ ему быстро добѣжать до шатра, при-нуждая дѣлать нѣсколько разъ кратковременныя остановки. Подойдя къ леднику, я сначала полюбовался оригинальнымъ зрѣлищемъ купающихся осетинъ; потомъ, разспросивъ дорогу на ледникъ, вмѣстѣ съ 4-мя спутниками поднялся на него. Цейскій ледникъ по величинѣ принадлежитъ къ первокласснымъ ледникамъ во всей Европѣ; на Кавказѣ онъ, безспорно, одинъ изъ самыхъ большихъ ледниковъ: длина его отъ краевой марены до второго уступа, гдѣ ужъ очень трудно взобраться на ледникъ, двѣ съ половиной версты; ширина же во многихъ мѣстахъ болѣе 100 сажень; всего же на глазомѣръ, по крайней мѣрѣ, ледникъ занимаетъ около семи верстъ *). Приблизительно въ верстѣ отъ краевой марены путь заграждаютъ громадныя трещины и глубокіе колодцы; всюду взоръ вашъ встрѣчаетъ гигантскіе столы (такъ называются камни, порой большой величины, на ледяномъ пьедесталѣ, часто встрѣчающіеся на ледникахъ). Долго бродилъ я по леднику, съ упоеніемъ вдыхая чистый воздухъ, любуясь ослѣпительной бѣлизной боковыхъ фирновъ; наконецъ, дойдя до непреодолимой преграды, съ чувствомъ сожалѣнія долженъ былъ, по приглашенію компаніоновъ, покинуть ледникъ.

Да, стоитъ живущему на Кавказѣ посѣтить этотъ гигантскій ледникъ, дорога къ которому такъ очаровательна!

*) *Вейденбаумъ*. „Путеводитель по Кавказу“. Тифлисъ 1888 года, стр. 23. По Абиху длина ледника 6—7 верстъ, ширина 1500 футовъ; нижній конецъ его въ 1864 году находился на 6575 футахъ.

Ни самый Девдоракскій ледникъ, спускающійся съ Казбека, посвященный мною въ 1891 году, ни Военно-Грузинская дорога до Гулетскаго моста, откуда начинается подъемъ на ледникъ, не могутъ по красотѣ и мощности соперничать съ Цейскимъ ледникомъ и Военно-Осетинской дорогой. Правда, сама Военно-Грузинская дорога разработана внѣ всякаго сравненія лучше Военно-Осетинской дороги, но виды и природа послѣдней гораздо разнообразнѣе, грандіознѣе и великолѣпнѣе, чѣмъ виды и природа Военно-Грузинской дороги. Сойдя съ ледника и присоединившись къ остальной компаніи, мы направили свой путь къ ночевкѣ у Цейскаго аула. Тамъ у нашихъ проводниковъ мы застали готовый обѣдъ, который послѣ понесенныхъ трудовъ показался необыкновенно вкуснымъ. Обѣдали мы опять въ обществѣ ребятишекъ, явившихся изъ аула. Пока проводники наши увязывали тюки и размѣщали ихъ на лошадей, я занялся наблюденіями надъ дѣтишками. Сначала они долго дичились; наконецъ, видя, что никто ихъ не обижаетъ, смѣло похаживали по нашему лагерю и, важно усѣвшись около огня, тянули дымъ горѣвшей ваты и бумаги брошеннаго окурка папирасы, перекидываясь другъ съ другомъ своими впечатлѣніями. Болѣе же дикіе, преимущественно, дѣвочки лѣтъ 6—7-ми, таская на спинѣ меньшихъ братишекъ и сестреночъ, держались отъ насъ на почтительномъ разстояніи. Иногда онѣ опускали свою ношу на землю, и вотъ эти годовалые жуки находили цвѣточки ромашки, съ жадностью тянули ихъ въ ротъ и ѣли; никто ихъ не останавливалъ, считая это явленіе нормальнымъ. Я пытался было крикнуть невнимательнымъ нянькамъ, чтобы онѣ остановили своихъ питомцевъ, но на слова мои никто не обратилъ вниманія, отчасти потому, что они были для туземцевъ непонятны, отчасти потому, что жеваніе ромашки для нихъ было дѣломъ обыкновеннымъ.

Переночевавъ въ урочищѣ Святого Николая, мы рано утромъ по той же дорогѣ отправились обратно во Владикавказъ.

Прошло нѣкоторое время, изгладилось воспоминаніе о многихъ неудобствахъ, неразлучныхъ съ долгимъ путешествіемъ,—осталось только одно пріятное впечатлѣніе, вынесенное отъ созерцанія дивныхъ красотъ природы, и только изрѣдка пронесется передъ глазами картина грязи и убожества обитателей богатой и дивной страны.

С. Ѡ. Мельниковъ-Разведенковъ.

17-го декабря 1900 года.

Гор. Енатеринадаръ.

Минеральные источники Эриванской губернии и Карсской области.

I. Арзниинскій минеральный источникъ.

Недалеко отъ айсорскаго поселка Арзны, находящагося верстахъ въ 20-ти къ сѣверу отъ Эривани, и въ 4-хъ верстахъ отъ почтовой станціи Эйляръ, по Эриванско-Делижанской шоссейной дорогѣ, находится минеральный источникъ, извѣстный среди мѣстныхъ жителей подъ названіемъ Арзниискаго или Холодныхъ водъ. Съ ранней весны до поздней осени у этого источника собираются разнаго рода недужные, преимущественно туземцы изъ окрестныхъ селеній, хотя иногда пріѣзжаютъ сюда и сектанты изъ дальнихъ русскихъ поселеній на берегахъ Гокчи и даже изъ-за Делижана. Больные чаще пріѣзжаютъ къ роднику на короткій срокъ, на 2—4 часа, хотя случается иногда, что пріѣхавшіе издалека проживаютъ здѣсь и по нѣсколькимъ дней, удаляясь однако, на ночь въ сосѣднія селенія,—предосторожность весьма не лишняя, принимая во вниманіе нравы окрестнаго населенія. На день мѣстность вокругъ источника оживляется, больные разныхъ національностей располагаются таборами, дымятся самовары, нагрѣвается вода въ котлахъ, готовится пища, а вокругъ раздается фырканье лошадей. Къ вечеру всѣ разѣзжаются, и оживленная мѣстность погружается до другого утра въ полное безмолвіе. Въ отношеніяхъ разноязычныхъ больныхъ между собою приходится наблюдать отсутствующее въ другихъ мѣстахъ добродушіе и простоту: армявинъ и татаринъ, рус-

скій сектантъ и айсоръ лѣзутъ одновременно въ цѣлебную воду; приходится иногда видѣть, что съ мужчинами купаются вмѣстѣ и женщины; видно, что общая для всѣхъ бѣда умиряетъ и международныя страсти и стыдливость въ отношеніяхъ половъ.

Много всякаго добра разбросано по Закавказью, но разработка его и полученіе отъ него надлежащей пользы бываетъ или совсѣмъ невозможною или весьма затруднительною, а потому и самыя эти богатства доступны для удовлетворенія только скромныхъ потребностей непрехотливаго крестьянскаго населенія. То же самое приходится сказать и про Арзнинскій источникъ. Арзны находятся всего въ 3—4 верстахъ отъ шоссеиной дороги, но поѣздка до нихъ довольно затруднительна, и еще болѣе затруднительнымъ становится проѣздъ къ роднику, который пробивается на свѣтъ верстахъ въ 1½, отъ селенія, на берегу Занги. Спускъ къ нему представляетъ тропинку, вьющуюся среди каменныхъ глыбъ и обломковъ по расщелинѣ, образовавшейся на обрывистомъ базальтовомъ берегу рѣки Занги. До этого спуска еще можно, хоть и съ трудомъ, ѣхать въ какомъ-нибудь экипажѣ, на спускъ же нельзя проѣхать и верхомъ: до того отъ крутъ и каменнсть. Даже когда ведешь лошадь въ поводу, то и тогда невольно является мысль, какъ бы споткнувшаяся или поскользнувшаяся лошадь не слетѣла на ведущаго ее и не искалѣчила бы и себя и его о безчисленные остроруберные камни. Бъ счастью, крутой спускъ коротокъ, и затѣмъ дорога идетъ уже по легкому косокуру вплоть до самаго источника. На пути то и дѣло встрѣчаются ручьи, пробивающіеся наружу изъ-подъ скалъ и иногда принимающіе размѣры довольно значительныхъ потоковъ, въ сажень и болѣе ширины. Благодаря влагѣ, уже у подножія скалъ появляется болѣе богатая растительность, которая становится тѣмъ выше и сочнѣе, чѣмъ ближе спускаешься къ Зангѣ. Весь скатъ къ Зангѣ усыпанъ

обломками камней разнообразной величины. Въ самомъ низу шумить Занга, образуя безчисленные каскады, а на противоположномъ берегу опять та же картина: вверху базальтовые скалы, а у подножья скаты, образовавшійся изъ каменной осыпи, прикрытой болѣе скудною травкою, среди которой валяется такое же множество крупныхъ обломковъ. Берегъ, гдѣ появляется на свѣтъ минеральный источникъ, круто обрывается къ Зангѣ и состоитъ изъ полуразрушеннаго, вывѣтрившагося и полуразмытаго базальта, у подножья котораго, почти у самой Занги, вырывается во многихъ пунктахъ, вблизи другъ друга, нѣсколько большихъ струй немного солоноватой воды, образующихъ довольно значительный потокъ.

Объ устройствѣ какихъ-либо удобствъ при купаньѣ въ этомъ, столь близкомъ къ губернскому городу мѣстѣ, никто, пожалуй, и не думалъ. Помѣщеніе, въ которомъ купаются больные, представляетъ просто яму грушевидной формы, аршинъ 5 въ длину и отъ 1-го до 3-хъ аршинъ въ ширину. Стѣнки ея выложены крупными каменными обломками, покрытыми ржавчиной буроватаго или красноватаго цвѣта. Вода пробивается со два ямы, наполняетъ ее и избытокъ выливается черезъ канавку, отведенную въ сторону Занги. Но канавка далеко не доходитъ до Занги, и потому вода разливается широко по скату, частью просачиваясь въ землю, частью испаряясь, отчего на поверхности образовался толстый слой какой-то бѣловато-сѣраго цвѣта соли, на вкусъ слегка солоноватой, со значительною примѣсью ржавчины, по цвѣту совершенно сходной съ охрой. Яма неглубокая, въ 5—5¹/₂ четвертей, наполнена водою, вѣчно бурлящей отъ выдѣляющихся газовъ. Газы выдѣляются въ трехъ главныхъ пунктахъ и во множествѣ малыхъ и дѣлаютъ водную поверхность сходной съ поверхностью кипящей въ котлѣ воды. Количество выдѣляемой углекислоты настолько велико, что спичка, близко поднесенная къ водѣ, или совсѣмъ тухнетъ или едва тлѣетъ.

Дѣйствіе углекислоты особенно становится замѣтнымъ, если накрыть голову платкомъ и концы его опустить въ воду; уже черезъ 1—2 минуты дышать становится трудновато, такъ что невольно является мысль, что достаточно просидѣть подъ платкомъ 5—10 минутъ, чтобы совершенно задохнуться. А между тѣмъ сидѣнье подъ платкомъ и вдыханіе выдѣляющагося газа считается купающимися обязательнымъ условіемъ при лѣченіи. Вода въ ямѣ на вкусъ солоновата, хотя по вкусу она представляетъ смѣсь воды сельтерской, желѣзистой и солоноватой, съ легкимъ запахомъ сѣрнистаго газа. Когда въ ямѣ никто не купается, вода довольно прозрачна; но стоитъ только опуститься въ яму нѣсколькимъ человѣкамъ сразу, что обыкновенно и дѣлается, когда народу набѣдетъ много, какъ уже черезъ 5—10 минутъ вода дѣлается мутной и грязной, такъ какъ дно ямы состоитъ изъ камней, песку и землястыхъ веществъ, постоянно заносимыхъ туда купающимися; кромѣ того, въ воду попадаетъ трава, которая растетъ вокругъ ямы и на стѣнкахъ ея, покрытыхъ какими-то пластинчатыми водорослями. Вокругъ ямы нѣтъ ни одного кустика, гдѣ бы можно было укрыться во время дневного жара. Камни около ямы накаляются такъ, что на нихъ стоять нельзя, почему переходъ въ температурѣ, при погруженіи въ воду, въ высшей степени рѣзкій: въ воду погружаешься весьма неохотно, до того она кажется холодной, хотя температура ея равна 17,5° R. Но стоитъ просидѣть въ водѣ нѣсколько минутъ и освоиться съ прохладой воды, какъ потомъ уже не хочется выходить изъ нея. При нагруженіи въ воду въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ особенно сильно выдѣляется углекислота, по всему тѣлу чувствуются легкіе, какъ бы булавочные уколы. Больныхъ можно встрѣтить у родника почти во всякое время, съ весны до осени. Ъдутъ сюда лѣчиться отъ всякихъ болѣзней, и потому отъ многихъ приходится слышать, что отъ этихъ купаній нѣтъ никакого

толку. Да и мудроно въ самомъ дѣлѣ ожидать, чтобы однимъ и тѣмъ же средствомъ можно было вылѣчить и больные глаза, и разнаго рода накожныя болѣзни, и желудокъ, и ломоту въ костяхъ, и лихорадку, и даже нѣмоту. Многіе купающіеся, передъ погруженіемъ въ воду, обмазываются съ головы до ногъ чернымъ, какъ смола, иломъ изъ сосѣдняго родника, просиживаютъ на солнцѣ съ полчаса и потомъ уже купаются. Скопленіе этого цѣлебнаго ила имѣется въ двухъ мѣстахъ, вблизи главной ямы; въ одномъ мѣстѣ илъ наполняетъ собою небольшую грязную лужицу, въ которую стекаетъ изъ ручейка совершенно прѣсная вода; въ другомъ мѣстѣ даже и такого ручейка нѣтъ, а небольшое пространство, покрытое травой, имѣетъ тинистую, совершенно черную почву, которою и обмазываются больные. Въ надеждѣ на полученіе облегченія отъ желудочныхъ страданій пьютъ воду изъ большой ямы, выбирая какъ разъ тѣ мѣста, гдѣ выдѣляется наибольшее количество газовъ. Не могу сказать, насколько благотворно дѣйствуетъ она на желудочныя страданія, такъ какъ при разспросахъ объ этомъ нельзя было добиться опредѣленныхъ указаній. Однако, пьютъ воду, мажутся грязью и купаются въ ямѣ почти все безъ различія, какой бы болѣзнию они ни страдали, въ надеждѣ, что что-нибудь отъ чего-нибудь, можетъ-быть, и поможетъ. Единственныя опредѣленныя указанія, заслуживающія вниманія, были сдѣланы относительно накожныхъ болѣзней—сыпей, паршей, вшивости и т. п. Бывшій у родника татаринъ, съ тѣломъ, покрытымъ лишаями, рассказалъ мнѣ, что за нѣсколько мѣсяцевъ передъ этимъ онъ только разъ выкупался въ большой ямѣ, вымазавшись предварительно грязью и посидѣвъ на солнцѣ до полного высыханія. Лишай потомъ у него совершенно пропалъ, при чемъ кожа на пораженныхъ мѣстахъ нѣсколько дней слѣзала чешуйками. Однако, облегченіе было непродолжительное: грязная обстановка и старое, содержавшее

въ себѣ заразу платъе, черезъ два мѣсяца снова пробудили старую болѣзнь, которая и заставила его вторично искать облегченія у цѣлебнаго родника. Такіе же похвальные отзывы о цѣлебной силѣ минеральной воды и грязи слышались и отъ другихъ больныхъ накожными болѣзнями. Передъ купаньемъ, при накожныхъ болѣзняхъ, нѣкоторые находятъ полезнымъ вскипятить воду изъ большого родника и предварительно обмыться ею, а затѣмъ уже вымазаться грязью и, просидѣвъ на солнцѣ съ часъ, обмыться въ большой ямѣ.

II. Родникъ „Чермукъ“.

Верстахъ въ 5—6 къ сѣверу отъ Олара, селенія Ольтинскаго округа, почти на границѣ съ Артвинскимъ округомъ, въ гористой труппѣ, находятся превосходные горячіе источники, извѣстные у мѣстныхъ жителей подъ названіемъ «Чермукъ»,—этимъ именемъ турки обыкновенно обозначаютъ теплые минеральные ключи. Я уже давно собирався осмотрѣть источники, но всякій разъ, съ пріѣздомъ въ Олоръ, не находилъ времени пробраться въ горы. Наконецъ, время это выпскалось 7 марта 1901 года, и я въ сопровожденіи учителей Олорскаго училища пустился въ путь. Насъ предупредили въ селеніи, что подъемъ къ источникамъ по кратчайшей дорогѣ слишкомъ труденъ, и потому мы рѣшили отправиться по болѣе длинной, но и болѣе доступной дорогѣ, черезъ с. Аркунисъ, на что предполагалось потратить не болѣе 2 часовъ ѣзды. Теплый и даже жаркій въ нижнихъ ущельяхъ день далъ намъ возможность отправиться къ источникамъ налегкѣ, въ однѣхъ тужуркахъ, а сравнительно нетрудная дорога въ первой части пути не заставляла насъ смотрѣть только подъ ноги лошадей, какъ это бываетъ при поѣздкахъ въ сильно пересѣченыхъ мѣстностяхъ, но давала возможность глядѣть и по сторонамъ и по

лучить впечатлѣніе отъ прилегающихъ къ дорогѣ окрестностей. Грустны всѣ эти окрестности. За голою, спаленною уже въ это время года солнцемъ и усыпанной мелкими известковыми обломками, равниной поднимались еще болѣе голыя песчаниковыя скалы, справа сумрачныхъ темныхъ окрасокъ, слѣва бѣловатыя, но до того изорванныя и обрывистыя съ обѣихъ сторонъ, что на нихъ не могли пріютиться даже такія неприхотливыя растенія, какъ острогалы. Между скалами залегла лощинка, съ протекающимъ по ней небольшимъ горнымъ потокомъ. Отъ этого потока отведены по лощинѣ канавки, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разведены небольшіе сливовые и вишневые сады, разбитые съ обычно здѣсь безпорядочностью и съ густѣйшими зарослями молодыхъ отъ корня побѣговъ. Это былъ единственный зеленый оазисъ, попавшійся намъ на пути. Далѣе дорога большею частью проходитъ среди каменныхъ розсыпей со скудными остатками бѣдной прошлогодней растительности. Только около Аркуниса опять попались ровныя лѣговины, свободныя отъ камней, но съ незначительной приземистой травкой, не успѣвшей еще отрасти въ наступившую весну. За Аркунисомъ дорога круто повернула въ гору, по затѣвеному ея склону, гдѣ еще сохранился снѣгъ, а свободныя отъ снѣга мѣста представляли липкую грязь въ перемежку съ увязшими въ ней каменными обломками; тутъ же шумѣли снѣговые потоки, и кое-гдѣ показались подсаѣжники, сперва въ одиночку, а затѣмъ, на вершинѣ горы, гдѣ свободныхъ отъ снѣга мѣстъ было много, и цѣлыми площадками. Послѣ долгихъ блужданій по снѣгу и каменнымъ розсыпямъ, мы, наконецъ, добрались до горячихъ ключей. Мѣстность, въ которой они пробиваются на свѣтъ Божій, представляетъ изъ себя узкое ущелье, по каменному желобообразному дну котораго шумитъ грязный потокъ, берущій начало гдѣ-то наверху и скатывающійся къ родникамъ въ видѣ цѣлаго ряда каскадовъ. Къ сѣверу отъ

ключей мѣстность быстро повышается, склоны горъ очень круты и мѣстами даже обрывисты и обильно усыпаны камнями; новой травы на нихъ почти не было, а старая полусгнила и побурѣла, да и въ прошломъ году была не обильна, о чемъ можно судить по значительному числу кустистыхъ астрагаловъ, имѣющихъ обыкновеніе селиться тамъ, гдѣ другимъ нѣтъ житья. Около самыхъ ключей растительность тоже не лучше, хотя, благодаря чьимъ-то заботамъ, появились и достигли значительныхъ размѣровъ шесть вербъ въ одномъ мѣстѣ и одна верба нѣсколько поодаль отъ нихъ, вверху ущелья, и тутъ же растутъ также 2 куста шиповника. Но все это мало разнообразить и веселить окрестности теплыхъ ключей. Пониже родниковъ ущелье быстро раздвигается и обращается въ широкую лощину, пологіе склоны которой изрѣдка обращены въ пашенки, а большею частью представляютъ степь, усыпанную большимъ или меньшимъ количествомъ камней. За этой лощиной мѣстность круто понижается, скаты ея быстро исчезаютъ съ глазъ, но зато открывается обширная панорама горъ Ольгинскаго округа, безъ числа громаздящихся другъ надъ другомъ, пока, наконецъ, надъ всѣми ими на дальнемъ югѣ не поднимаетъ свою блистающую свѣтами голову Абусаръ-дагъ. Отъ родниковъ можно видѣть всѣ безчисленныя промоины, овраги и ущелья на склонахъ этихъ горъ, въ которыхъ иногда пріютились незначительные лѣса, а большею частью ничего нѣтъ, или растутъ мелкій ардучевый кустарникъ и астрагалы. Отсюда же видно почти во всю длину ущелье Панаскертъ-чая, вытянувшееся прямою линіей, со сверкающими на солнцѣ мелкими извилинами бурной рѣки; видно, какъ потомъ ущелье Ольты-чая раздѣляетъ горные кряжи, раскинувшіеся по обимъ его сторонамъ. Все это вмѣстѣ составляетъ весьма красивую и величественную картину, на которую смотришь съ истиннымъ удовольствіемъ, забывая и скудость природы

окружающей мѣстности, и тѣ труды, которые приходится переносить прежде, чѣмъ доберешься до родниковъ. Удовольствіе это еще болѣе усиливается, когда познакомишься съ превосходными качествами теплыхъ ключей. Изъ трехъ ключей только два приспособлены для купанья. Лѣтъ 10—12 тому назадъ карнавазскій бекъ Химшіевъ взялъ родники на откупъ и сдѣлалъ около двухъ изъ нихъ четырехугольныя ямы-ванны, а надъ ваннами навѣсы, въ видѣ комнатъ; тутъ же вблизи ваннъ онъ выстроилъ постоянный дворъ, гдѣ бы прїѣзжающіе могли находить прїютъ и пищу. Но вскорѣ смерть Химшіева повернула дѣло къ худшему; никто за постройками не присматривалъ, и все пришло въ упадокъ: постоянный дворъ развалился, комнаты надъ ваннами стали разрушаться, и отъ крышъ теперь остались только балки да части навѣсовъ. Уцѣлѣли только ванны, и потому въ нихъ можно искупаться съ тѣми удобствами, которыя совсѣмъ не знакомы посѣтителемъ народныхъ лѣчебныхъ источниковъ ни въ Карсской области, ни въ Эриванской губерніи. Обѣ ванны находятся другъ отъ друга шагахъ въ 50, а въ серединѣ между ними пробивается третій родникъ, но небольшой и необдѣланный. Верхняя ванна аршинъ въ 6 длины, такой же ширины и около 5 1/2, четвертей аршина глубины; въ ней когда-то полъ былъ деревянный, но теперь досогъ осталось менѣе половины; сохранилась также деревянная облицовка стѣнъ ванны. Для удобства купающихся, въ ваннѣ сдѣлана вокругъ стѣнъ каменная ступенька, на которой можно сидѣть, погружившись почти подъ мышки. Вода льется въ ванну непрерывной и довольно большой струей черезъ каменный жолобъ изъ-подъ стѣны комнаты, за которой она пробивается на свѣтъ аршинахъ въ двухъ, но выходъ этотъ изъ скалы закрытъ камнями, и потому приходится видѣть только, какъ вода льется по жолобу въ ванну. Изъ ванны она вытекаетъ наружу черезъ небольшую канавку; стокъ этотъ, однако, нѣ-

сколько слабъ, и потому мыльная вода застаивается или требуетъ для скорѣйшаго своего выхода искусственнаго ей стока въ канавкѣ. Во дни ванны тоже имѣется выходъ, который открывается только въ томъ случаѣ, если вода сильно загрязнилась и ее нужно выгнать цѣликомъ и скоро. Такого же устройства и нижняя ванна, только она большіхъ размѣровъ, аршинъ 8—8¹/₂ длины и арш. 7 ширины, а глубина на окраинахъ въ 6, а въ серединѣ въ 8 четвертей, со дномъ, совершенно не имѣющимъ досокъ. Комната надъ этой ванной сохранилась немного лучше. Необдѣланный третій родникъ показывается изъ трещины въ кристаллической горной породѣ. Вода течетъ быстро, струйкой вершка въ 1¹/₂. Вмѣстѣ съ водой изъ щели появляются то и дѣло пузырьки какого-то газа. Во всѣхъ источникахъ вода имѣетъ температуру въ 29.8 R. Содержаніе ваннъ недостаточно опрятное, такъ какъ одновременно можно видѣть и купающихся и стирающихъ свое бѣлье, на что купающіеся не обращаютъ никакого вниманія. А бѣлье это можетъ содержать въ себѣ и заразу, такъ какъ вода источниковъ считается исцѣляющей и отъ чесотки. Такимъ образомъ, наслаждаясь купаньемъ, можешь также получить какую-нибудь сквернѣйшую болѣзнь. Если же отбросить эти опасенія, то купанье въ ваннахъ, съ температурой въ 23-25 R°, можетъ доставить много удовольствія. Нѣжашее тепло охватываетъ человѣка отовсюду и дѣлаетъ его способнымъ просидѣть въ ваннѣ цѣлые часы, какъ это и дѣлаютъ мѣстные купальщики, которые считаютъ трехчасовое сидѣнье въ водѣ обязательнымъ условіемъ для полученія исцѣленія, котораго они ищутъ отъ разныхъ недуговъ—ревматизма и чесотки, вздутія живота, геморроя и т. п. Отъ вздутія живота лѣчатся, принимая воду вовнутрь; въ другихъ случаяхъ,—просто купаясь. Насколько дѣйствительна помощь отъ этихъ купаній, сказать затрудняюсь, да и ищущіе исцѣленія едва

ли могутъ сказать что-либо опредѣленное, такъ какъ правильнаго лѣченія не существуетъ и записей случаевъ выздоровленія не ведется. Тѣмъ не менѣе, по общему мнѣнiю, наибольшая цѣлебная сила источниковъ бываетъ въ маѣ, начиная съ 7-го числа, въ каковому сроку стекается страждущій людъ не только изъ окрестныхъ селеній, но даже изъ Арвинскаго и Ардаганскаго округовъ. Въ остальное время прѣзжаютъ и приходятъ не столько ради лѣченія, сколько ради того, чтобы прогуляться или обмыться. Зимомъ купаются рѣдко и только въ нижней, лучше защищенной ваннѣ. Въ купальный сезонъ мужчины купаются въ верхней, женщины въ нижней ваннѣ. При моемъ осмотрѣ ваннъ, купавшіяся 5 турчанокъ не почли нужнымъ уйти, хотя ихъ предупредили заблаговременно о моемъ приходѣ, а попросту укрылись двумя чадрами и, присѣвши къ водѣ, пережидали то время, когда я заносилъ замѣтки въ свою памятную книжку.

Вода вкуса никакого не имѣетъ, хотя въ первые моменты и кажется, что она имѣетъ едва замѣтный сладковатый вкусъ; она скорѣе напоминаетъ обыкновенную теплую воду, изъ которой не выгнали кипяченіемъ воздуха.

Обратный путь отъ родниковъ къ Олору мы выбрали кратчайшій, такъ какъ спускаться внизъ даже по самой плохой дорогѣ не такъ тяжело, какъ подниматься вверхъ по хорошей; кромѣ того, это давало намъ возможность выиграть почти цѣлый часъ времени. Обратная дорога представляла изъ себя тропинку, протоптанную черезъ всѣ тѣ мѣста, гдѣ могла удержаться нога человѣка. Вначалѣ она проходитъ по довольно ровнымъ мѣстамъ, то слегка поднимаясь, то спускаясь, то пересѣкая промоины, то извиваясь среди мокрецовъ, образовавшихся отъ пробившихся наружу родниковъ. Здѣсь намъ пришлось пересѣчь горный лугъ, съ большимъ количествомъ прошлогодней травы, имѣющей лѣтомъ привлекательный видъ, необычайный для этого скуднаго травянистою растительностью

края. Вскорѣ, однако, намъ пришлось оставить лугъ въ сторонѣ: мы приблизились къ началу безконечнаго безжизненнаго ущелья, въ которомъ то и дѣло приходилось дѣлать очень крутые спуски, непрерывно вилить среди каменныхъ обломковъ, обильно усыпавшихъ во многихъ мѣстахъ землю, безъ конца карабкаться по крутымъ скатамъ глиняныхъ и песчаныхъ, совершенно мертвыхъ холмовъ, прежде чѣмъ мы дошли до небольшой зеленой лужайки, образовавшейся во впадинѣ громаднаго оползня, рядомъ съ крохотнымъ заросшимъ камышомъ и осокою озеркомъ. Справа и слѣва отъ лужайки высились громады безобразныхъ, совершенно лишенныхъ растительности темныхъ песчаныхъ скалъ. Дикость мѣста усугублялась полнымъ его безлюдьемъ и тѣмъ, что оползень заканчивается страшно крутымъ спускомъ, каменнымъ и съ трещинами, въ которыя небезопасно попасть ногой, такъ какъ при быстромъ движеніи скорѣе успѣешь сломать ее, чѣмъ выдернуть. Дѣло, однако, обошлось безъ всякой непріятности, и мы на днѣ оврага могли вздохнуть свободно и посмотрѣть на картину разрушенія, происшедшаго въ этомъ году въ западной песчаной скалѣ, отъ которой откололся громадный кусокъ, грохнувшійся тутъ же у подошвы и разбившійся на безчисленное множество обломковъ. Тутъ же мы могли взглянуть на громадный крутой спускъ и невольно прійти къ заключенію, что подъемъ по нему возможенъ только пѣшкомъ и для человѣка со здоровыми легкими и сердцемъ и что при такихъ условіяхъ найдется немного охотниковъ ѣздить въ Оларъ купаться въ прелестныхъ теплыхъ источникахъ.

Не могу не высказать сожалѣнія, что такіе превосходные теплые ключи находятся вдали отъ центра, въ мѣстности глухой и недоступной. Будь они въ Барсѣ, они могли бы доставить ему не меньшую славу, чѣмъ сѣрные ключи Тифлису.

III. Кѣтаскія кислыя воды.

Въ $\frac{1}{2}$, или $\frac{3}{4}$, версты отъ с. Кѣтасъ и верстахъ въ 20 отъ Кагызмана, на Карско-Кагызманскомъ шоссе, находится дорожный домикъ, построенный при выходѣ изъ небольшого бокового ущелья, верховья котораго теряются среди высоко поднимающихся известковыхъ горъ. Уже отъ этого домика видны въ ущельѣ какіе-то обрывистые утесы, съ которыхъ сватывается струя воды въ видѣ широкихъ лентъ. Добраться до этихъ утесовъ очень легко; къ нимъ идетъ тропинка, по которой минутъ черезъ 5 можешь доѣхать верхомъ до верхнихъ источниковъ. Тропинка идетъ среди голыхъ холмовъ, на которыхъ почти нѣтъ никакой растительности. Такая же голая мѣстность раскинулась и вокругъ источниковъ: травка пріютилась только на ровныхъ мѣстахъ или въ расщелинахъ скалъ, гдѣ, повидному, легче удерживается влага, а рыхлая земля не сносится дождевыми или снѣговыми водами. Два утеса, которые видны съ дороги, расположены другъ надъ другомъ и образовали продолговатая площадки, на которыхъ текутъ и пробиваются на свѣтъ минеральныя ключи въ видѣ многочисленныхъ струй, сливающихся свои воды въ одинъ общій ручей. Въ двухъ мѣстахъ, гдѣ воды пробиваются сильнѣе, люди устроили бассейны, обложили ихъ обломками камней и ищутъ въ этихъ ямахъ исцѣленія отъ всякихъ недуговъ. Въ остальныхъ мѣстахъ вода выдѣляется слабѣе и, большею частью, покрыта слизистыми водорослями, а мѣстами и нефтянымъ налетомъ, вѣроятно, получившимся отъ гніенія этихъ водорослей. Вода повсюду имѣетъ слегка кисловатый вкусъ и температуру градусовъ въ 15 Р. Въ ямахъ выдѣляется изъ нея значительное количество углекислаго газа, особенно въ верхней ямѣ, гдѣ вода какъ будто кипитъ, подогреваемая въ двухъ мѣстахъ на разстояніи $\frac{3}{4}$ аршина одно отъ другого. Въ ниж-

ней ямъ такое кипящее мѣсто имѣется только одно. Верхняя яма круглая, аршина въ 3 въ поперечникѣ; нижняя—продолговатая и нѣсколько больше. Водоросли, покрывающія ручей, растутъ и въ верхней ямѣ, но не наполняютъ ея цѣликомъ, а располагаются кольцомъ по окраинамъ, отгоняемыя туда бурлящей посрединѣ водой. Вода мутная. Какъ она уходитъ изъ ямы, не видно, такъ какъ наружнаго стока не имѣется. Въ нижней ямѣ вода прозрачная и безъ водорослей, но зато самая яма мельче, четвертей въ 4-5, тогда какъ верхняя достигаетъ до $1\frac{1}{2}$ аршина глубины. Въ мѣстахъ, гдѣ вода образовала водопады, на скалахъ видны какіе-то странные зеленоватые наросты, совершенно похожіе на грибы, которые растутъ на деревьяхъ. Если оторвать кусокъ такого нароста, то окажется, что внѣшнюю часть его составляютъ водоросли, а внутренняя состоитъ изъ не отвердѣвшей еще минеральной массы. Несмотря на то, что масса эта рыхла, а слой водорослей незначителенъ, наросты держатся крѣпко и не разрушаются падающей на нихъ струей воды, отлетающей отъ нихъ въ видѣ цѣлаго фонтана брызгъ. Слегка кисловатая вода содержитъ немалое количество растворенныхъ солей, о чемъ можно судить по бѣлымъ налетамъ на стѣнахъ скалъ, гдѣ пробивается или раньше пробивалась минеральная вода. Особенно много осадковъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находятся водопады. На верхней скалѣ, немного въ сторонѣ отъ водопада, этотъ осадокъ очень толстъ и еще не успѣлъ затвердѣть, такъ что его легко отламывать рукою. Для просушки обломковъ соли требуется много часовъ, до того упорно держится въ нихъ сырость. Тутъ же около верхняго водопада, въ скалѣ изъ известковаго туфа, образовался гротъ, и много мелкихъ выемокъ и пещерокъ, со стѣнами, покрытыми бѣлымъ налетомъ. На вкусъ эта соль слегка горьковатая и неприятная. Водой источниковъ лѣчатся окрестные жители въ теплое время года. Лѣчатся отъ всякихъ болѣзней безраз-

лично; но особенно вода считается полезной противъ головныхъ болей и покрывающихъ голову накожныхъ болѣзней.

Кислая вода того же состава выходитъ на свѣтъ во многихъ мѣстахъ въ ущельѣ, по которому проведена новая шоссеиная дорога на Карсъ. Версты 3-4 проѣзжаешь далѣе вверхъ по ущелью и то и дѣло видишь или бѣлый налетъ на склонахъ горъ и скалахъ около самой дороги и на значительной высотѣ отъ нея, или видишь ручьи кислой воды. Въ одномъ мѣстѣ даже сдѣлано, въ удовольствію проѣзжающихъ, маленькое углубленіе въ скалѣ, въ которомъ помещается до ведра кислой воды, вытекающей оттуда по небольшому жолобу и затѣмъ текущей въ видѣ небольшого ручейка подъ скалою вдоль дороги. Кислая вода пробивается, главнымъ образомъ, изъ слонистыхъ известковыхъ туфовъ, но въ томъ мѣстѣ, гдѣ устроено маленькое углубленіе, она течетъ изъ темной породы.

IV. Кизиль-Чахчахскій кислый источникъ.

Многимъ изъ проѣзжавшихъ въ праздничные дни по желѣзной дорогѣ изъ Карса въ Тифлисъ приходилось видѣть толпу народа разныхъ національностей, половъ и возрастовъ, окружающую небольшой источникъ недалеко отъ желѣзнодорожной станціи „Ставка-Караялъ“. Источникъ этотъ называется здѣсь „кислой водой“. Какъ давно существуетъ здѣсь источникъ и произошла ли въ немъ какая-нибудь переиѣна, достовѣрно ничего нельзя сказать, такъ какъ старики съ дѣтства помнятъ его такимъ же, каковъ онъ и теперь. Составъ воды источника также мало извѣстенъ, потому что никто никакого анализа не дѣлалъ. Во всякомъ случаѣ, съ увѣренностью можно сказать, что въ составъ этой воды входитъ желѣзо, потому что камешки, находящіеся на днѣ и по краямъ источника, покрыты густой темно-коричневою ржав-

чиной, и небольшое количество сѣрнистаго газа, который ощущается по запаху. Но, главнымъ образомъ, въ водѣ много углекислаго газа, отчего она сильно бурлитъ, выбрасывая со дна мелкіе камешки и песокъ. Вода источника считается простымъ народомъ исцѣляющей отъ всѣхъ болѣзней: простудился ли мужикъ, ревматизмъ ли у него, страдаетъ ли онъ малокровіемъ, чахоткой, чесоткой или другою болѣзнию, во всѣхъ случаяхъ онъ видитъ въ ней одно изъ лучшихъ лѣкарствъ. Лѣчатся этою водою преимущественно жители ближнихъ селеній, но иногда больные пріѣзжаютъ за 20—30 верстъ. При лѣченіи воду принимаютъ вовнутрь или купаются въ ней. Родникъ расположенъ у подошвы небольшой возвышенности, шагахъ въ 10—15 отъ рѣки Караханъ-чай, вода которой заливаетъ его во время половодья. Имѣетъ онъ около сажени въ поперечникѣ и обложенъ со всѣхъ сторонъ камнями. Шагахъ въ трехъ отъ источника находится болотце, покрытое круглый годъ зеленой травой. Мѣстами въ этомъ болотцѣ слабо пробивается та же вода. На вкусъ вода кислая. Температура ея хотя и остается всегда одинаковой, но въ разное время года получается разное впечатлѣніе: въ знойное лѣто вода кажется очень холодной, а въ суровую зѣвшнюю зиму настолько теплой, что надъ источникомъ постоянно стоитъ облако пара.

Кислая вода источника, съ проведеніемъ желѣзной дороги, стала извѣстна во многихъ мѣстахъ вдоль пути, куда она вывозится еженедѣльно въ количествѣ нѣсколькихъ ведеръ.

Такой же источникъ, но меньшихъ размѣровъ, находится верстахъ въ 3 отсюда, на берегахъ Карсъ-чая, возлѣ селенія Аргино.

Подпочва мѣстности, по которой протекаютъ эти два источника, известнякъ.

V. Сарыкамышские кислые источники.

Сходная по вкусу кислая вода пробивается также въ нѣсколькихъ мѣстахъ въ ущельяхъ Саганлугскаго хребта.

Одинъ родникъ находится на Караурганскомъ шоссе, въ концѣ восьмой версты отъ Н. Сарыкамыша. Вода здѣсь пробивается въ значительномъ количествѣ въ двухъ смежныхъ пунктахъ, на разстояніи 5—6 шаговъ одинъ отъ другого, въ видѣ отдѣльныхъ ключей, на небольшой низинкѣ, по которой протекаетъ рѣченка, а также въ видѣ цѣлаго ряда струекъ въ самой рѣчкѣ, что замѣтно по видѣляющимся въ этихъ мѣстахъ пузырькамъ. Заслуживаетъ вниманія собственно ключъ, лежащій восточнѣе и выходящій на свѣтъ изъ болѣе твердой почвы. Днище его покрыто крупнымъ пескомъ и мелкими камешками. Въ поперечникѣ родникъ имѣетъ 6—8 вершковъ. Вода въ немъ бурлитъ настолько сильно, что подбрасываетъ даже мелкіе камешки, хотя отдѣльнаго отверстія, изъ котораго выходила бы вода или газы, не имѣется; и то и другое, вѣроятно, свободно просачивается черезъ пористое дно родника. Вода стекаетъ струйкой въ протекающую подлѣ рѣчку. Другой ключъ нѣсколько болѣешихъ размѣровъ, но клокотаніе воды въ немъ меньше; окруженъ онъ рыхлой, торфянистой почвой, а на днѣ его имѣется тинистый осадокъ. Водой пользуются только изъ перваго ключа, но пользуются ею случайно, при проѣздѣ мимо, и не съ цѣлью лѣченія, а какъ питье.

Другой кислый источникъ находится верстахъ 4 отъ Н. Сарыкамыша въ ущельѣ, лешащемъ къ югу отъ того, то которому проведено Караурганское шоссе. Родникъ небольшой и представляетъ ямку, четвертей въ 5—6 въ поперечникѣ, обложенную въ нѣкоторыхъ мѣстахъ камнями. Вода на вкусъ кислая, и изъ нея постоянно выдѣляются пузырьки газа. Тутъ же, около ямки, имѣется небольшая площадка, пред-

ставляющая заросшее травой болотце. Въ нижней части этой площадки пробивается струйками вода, выдѣляющая углекислый газъ и выносящая съ собою буро-желтую ржавчину, которой въ главномъ родникѣ не замѣтно. Повыше дороги виднѣется слой сыроватой земли, которая указываетъ на направление хода воды вверху, пробивающейся пониже въ родникѣ и болотцѣ. Водой пользуются, какъ питьемъ, случайные прохожіе, а въ лѣтнее время солдаты-косари.

Скаты горъ и днища ущелій около обоихъ источниковъ покрыты хорошей травой, а гребни горъ и затѣненные части скатовъ заросли сосновымъ лѣсомъ. Основной горной породой на вершинахъ гребней служатъ трахитъ, изъ-подъ котораю около второго источника выглядываютъ желто-бурые известковые скалы.

В. Дьвицкій.

Карсъ.

1899 года.

СТОЛИЦА ЛЕЧХУМА.

I.

Притягательная сила Цагеръ для всего Лечхума. Видъ на мѣстечко съ перевала. Старая и новая дороги, ведущія въ Цагеры. Мостъ чрезъ Цхенись-цхали, и начало Сваетскаго ущелья. Первые впечатлѣнія Цагеръ. Характеръ жителей.

Какъ сѣверный полюсъ безпрестанно притягиваетъ къ себѣ магнитную стрѣлку компаса, точно также м. Цагеры, административный центръ Лечхумскаго уѣзда, притягиваетъ къ себѣ всѣ помыслы не только коренныхъ жителей этого уголка Имеретин, но и чиновничьяго уѣзднаго міра, съ нетерпѣніемъ поджидающаго кто 20-го, а кто 25-го числа каждаго мѣсяца.

Какъ пріятно въ такія счастливые дни взгромоздиться на спину послушной лошаденки и пуститься въ путь изъ какой-нибудь берлоги, которая зовется человѣческимъ жильемъ въ неприводимой имеретинской глуши! Весело дѣлается на душѣ и какъ-то свѣтло въ такіе поѣздки, такъ какъ представляется возможность стряхнуть съ себя будничную прозу и освѣжиться новыми впечатлѣніями, которыми придется потомъ пробавляться цѣлый мѣсяць, пока опять не настанетъ время такой же поѣздки.

Дорогой встрѣчаешь не менѣе радостныхъ товарищей, которые выныриваютъ изъ-подъ каждаго кустика, тропички, балочки и также стремятся въ Цагеры, точно тамъ открытъ для всѣхъ нихъ живительный источникъ. Этимъ живительнымъ источникомъ въ Цагерахъ является почта, вели-

кое для нашего брата учрежденіе, которое надѣляетъ однообразную сельскую жизнь радостями и печальми, то заставляющими радостно биться наше средце, то сжиматься отъ боли.

Въ мечтательномъ настроеніи поднимаешься на перевалъ по прихотливо-извилистому горному шоссе, и вотъ предъ взоромъ открывается панорама въ видѣ длинной, по направленію съ юга на сѣверъ, ровной горной долины, съ играющей на солнцѣ тысячами искрящихся переливчатыхъ огоньковъ рѣкою Цхенись-цхали, которая бѣшено и съ гуломъ катитъ свои ледяныя мутныя воды навстрѣчу древнему Фасису, прыгая наподобіе вспугнутаго стада бѣлыхъ барашковъ или же разбиваясь о камни и обдавая всѣ окружающіе предметы мириадами сверкающихъ алмазовъ.

Въ глубинѣ этой долины виднѣются тамъ и сямъ разбросанные у подошвы горы дома, домишки, сахли, разнаго рода лачуги и другія строенія, которыя наподобіе грибовъ послѣ обильнаго дождями лѣта, повыростали въ одиночку или группами во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ только можно было пріютиться. Всѣ эти строенія лѣнятся на пригоркахъ и постепенно взбираются все выше и выше, то прячась въ укромную тѣнь деревьевъ, то опять появляясь на солнцепекѣ.

Между домишками сразу бросается въ глаза стоящій на видномъ мѣстѣ и какъ бы стерегущій Цагеры какой-то допотопный колоссъ—двухъэтажное каменное зданіе, напоминающее собою циклопическія постройки прежнихъ временъ,—до того оно громоздкое и неуклюжее; рядомъ съ этой машиной всѣ сахли кажутся камнями-то ничтожными игрушечными домиками, пріютившимися у исполинскаго зданія. Въ этомъ зданіи заключена вся двигательная сила Лечума—его присутственныя мѣста.

Пока глазу еще не примелькались цагерскіе виды, то легко можно замѣтить, такъ какъ пустота легче всего замѣ-

чается, большую площадь возлѣ рѣки съ рядомъ каменныхъ лавокъ, съ одной стороны открытыхъ, которыя тянутся въ два ряда. Это и есть ярмарочная площадь. Далѣе видѣется неуклюжее, черепахообразное сооруженіе мѣстныхъ техниковъ, работающихъ, какъ говорится, „тяпъ да ляпъ“. Сооруженіе, гордость цагерскихъ жителей, при возведеніи котораго провалились два подрядчика-архитектора, носить названіе двухкласснаго начальнаго училища.

Всѣ эти замѣченные съ перевала точки и пятна, въ видѣ зданій и площадей, есть ни что иное, какъ мѣстечко Цагеры.

Дорога въ Цагеры не легче той дороги, которая ведетъ въ самый адъ; она непомѣрно длинна и очень утомительна вслѣдствіе частыхъ спусковъ и подъемовъ, что въ особенности дѣлается замѣтнымъ въ дождливую пору, когда, взобравшись по отвѣсной дорогѣ сажени на 2—3, къ великому прискорбію ѣздока, а тѣмъ паче коня, оказываешься опять у подножья того же самаго подъема, какъ будто бы ты съехалъ вмѣстѣ съ лошадыю на салазкахъ.

Зимой, когда снѣгъ леденѣетъ или же почва покрывается гололедицей, можете себѣ представить, какъ быстро и легко спускаться по такой дорогѣ и какъ тяжело подыматься. Не разъ приходится наблюдать картины, въ родѣ случившейся и со мною грѣшнымъ: взобрался я кое-какъ бокомъ до половины подъема, держа лошадь въ поводу; вдругъ она, поскользнувшись, поѣхала внизъ, широко разставивъ свои ноги и брутясь, а я, потерявъ равновѣсіе, такимъ же манеромъ послѣдовалъ за нею въ догонку и очутился у нея подъ ногами; такъ пошли мы крутиться, точно въ вальсѣ. Счастье мое, что лошадь не упала, а то могла бы навалиться на меня всей своей тушей и превратить въ лепешку.

Въ настоящее время проложена новая дорога съ мостами и мостиками, по другую сторону отъ старой, но все-таки она при мѣѣ была не лучше, если только не хуже старой, такъ какъ гризи тамъ бываетъ послѣ дождя по брюхо коню, при чемъ она длиннѣе въ два раза старой. Неудивительно, что многіе продолжаютъ свои путешествія по старому пути, говоря себѣ, что старый другъ лучше новыхъ двухъ. Бромѣ всего сказаннаго, новая дорога послѣ хорошаго и обильнаго дождя сползаетъ съ назначеннаго ей мѣста, точно дряхлый старикъ съ кресель, и требуетъ частаго водворенія на обратное мѣсто въ видѣ ремонта посредствомъ насыпки земли.

На полупути начинается село Мури, предмѣстье Цагеръ. Вотъ, наконецъ, село Мури заканчивается двумя рядами деревянныхъ кузницъ, гдѣ неумоимо свистить и пыхтять мѣхи и раздаются металлическіе удары молотка; то вдругъ въ черной пасти кузницы сверкнетъ раскаленная, шипящая полоса желѣза, и доморощенный Гефестъ молоткомъ работаетъ по мягкому желѣзу, придавая ему ту или другую форму.

Конецъ дороги очень каменистъ, и камни подъ ногами лошади тарахтять, точно путь густо усыпанъ орѣхами. Отъ кузницы дорога круто подымается вверхъ къ мосту, который перекинуть черезъ рѣку Цхенись-цхали, какъ разъ у воротъ Сванетскаго, дикаго и величественнаго, ущелья, съ громадами скалъ, стремящихся въ высь небесную, откуда тянется прохладою и гдѣ дальняя перспектива ущелья подернута легкой синеватою дымкой.

Дорога высѣчена въ скалъ и возлѣ кузницъ она встрѣчается со старой, соединяется воедино и такъ ужъ идетъ далѣе. Налѣво отъ моста тянется точно такая же дорога съ каменистымъ грунтомъ и съ висящими надъ головой горами скалъ, которыя живописно мѣстами изукрашены плющомъ.

Въ расщелинахъ этихъ скалъ то пріютились крѣпкіе кусты темнозеленаго самшита, живописно свѣшивающагося внизъ, то выглядываютъ пучки папортниковыхъ листьевъ, то, крѣпко ухватившись корнями, болтается горный бурачокъ (*Alyssum calycinum*), или же привѣтливо машутъ своими головками группы сивихъ и бѣлыхъ колокольчиковъ.

Эти роскошно и со вкусомъ декорированныя природой скалы грозно висятъ надъ головою проѣзжающаго, какъ бы готовясь ежеминутно обрушиться и сокрыть слѣды нашего существованія, а съ боку бѣснуется, точно отплясывая замысловатый танецъ, и мчится стрѣлою та же рѣка.

Солнце въ полдень сильно припекаетъ, накаляя своими лучами эти грозныя сооруженія природы со всевозможными выступами, карнизами, сводами, почернѣвшими отъ времени и обильно покрывшимися лишаями, мхами, а въ темныхъ и сырыхъ закоулкахъ зеленоватой слизью и рыжеватой ржавчиной; мѣстами гладкіе камни сильно потрескались по всевозможнымъ направленіямъ. По этимъ отвѣснымъ скаламъ то и дѣло мелкаютъ прыткія зеленыя ящерицы; прячась въ расщелины или преспокойно грѣясь на солнышкѣ, онѣ равномерно дѣйствуютъ своими бочками, не обращая вниманія на проѣзжающихъ.

Миновавъ этотъ недолгій, но живописный путь, ведущій отъ гигантскихъ вратъ ущелья, мѣстность сразу мѣняется свою фізіономію. Предъ нами уже не громады нависшихъ грозно скалъ, а длинная, ровная и гладкая шоссеиная дорога, напоминающая наши южнорусскіе степные пути, но тверже ложемъ. Здѣсь туземный ѣздокъ пріосанивается и начинаетъ чувствовать приливъ шаловливаго настроенія духа; фантазія его разыгрывается, и бѣдная лошадь получаетъ увѣсистый ударъ плети; всадникъ, подбоченившись, или начинаетъ эффектно гарцовать, приближаясь къ первымъ строеніямъ,

или же быстро скачетъ, моментально осаживая коня предъ духаномъ.

Вздокъ слѣзаетъ съ коня, разминаетъ свои уставшіе члены послѣ 1½, — 2-хъ часовой ѣзды, а конь поступаетъ во временное распоряженіе какого-нибудь Ваню или Сандро съ просьбой дать лошади чалы т. е. сѣна. Сандро или Ваню отвѣчаетъ „карги, батона!“, ставитъ коня въ темный уголь, конечно подальше отъ сѣна, гдѣ весь потный конь долгое время стоитъ, переминаясь съ одной уставшей ноги на другую, и дремлетъ, шевеля нижней губой, которая то и дѣло отвисаетъ. Это не мѣшаетъ потому Сандро или Ваню взять съ хозяина за безмятежный сонъ коня 15—20 коп.

Мѣстность Цагеръ напоминаетъ собою удлиненный котель, гдѣ съ одного боку присталъ комокъ каши—это прилипшія къ горѣ строенія. Спустившись въ эту яму, можно видѣть лишь обступившія насъ со всѣхъ сторонъ горы, а наверху порядочной влокъ то синяго, то сѣраго, то багроваго неба, что въ зависимости отъ капризовъ погоды.

О прелестяхъ пейзажа мечтать здѣсь не приходится, и желающіе полюбоваться такого рода природными картинами могутъ въ волю ими насладиться, попыхтѣвъ часикъ-другой при подъемѣ на одну изъ ближайшихъ возвышенностей.

Природа въ Цагерахъ много чего не достроила и не привела въ должной порядокъ, какъ будто бы у нея не хватило на лучшее благоустройство мѣстности достаточнаго количества времени и матеріаловъ; такъ, наиримѣръ защищая жителей отъ восточныхъ и западныхъ вѣтровъ, она оставила на долю ихъ южный вѣтеръ, да и его противоположность—сѣверный, которые смѣняють другъ друга въ довольно правильные промежутки времени.

Такая система вѣтровъ происходитъ отъ близости длиннаго, высокаго и узкаго Сваетскаго ущелья, откуда Борей

иногда дуетъ съ такой силой, что все содержимое дорогъ, дворовъ и площадей на другой день оказывается на обывательскихъ крышахъ. Устанеть съверко послѣ долгой и напряженной работы, на его сцену появляется его противникъ, и такъ же старается не ударить лицомъ въ грязь, что есть мочи насвистывая свои дикія мелодіи.

Солнышко здѣсь свѣтитъ и грѣетъ, тоже не такъ какъ у людей: цагерцы всегда видятъ по утрамъ, какъ оно подымается громадное и раскраснѣвшееся, точно всю ночь пекло блины; потомъ плавно оно пересѣкаетъ видимый клочъ неба и около 4—5 часовъ уже прячется, словно тать, за высокий хребетъ горы, набрасывая на Цагеры длинную тѣнь въ видѣ покрывала, которая все удлиняется и ползетъ черезъ долину на сосѣднія возвышенности. Стало темно—можно начинать винтъ или преферансъ, а тамъ ужъ, по желанію партверовъ, можно опять встрѣчать красное солнышко. Другого развлечения нѣтъ!

Лѣтомъ солнышко не щадитъ цагерскаго котла и, что есть силъ, накаляетъ его стѣнки; жители ходятъ красные какъ раки, ежеминутно употребляя въ дѣло полы архалуховъ и свои широкія рукава. Въ это жаркое время, когда атмосфера дрожить отъ жара и напоминаетъ собою дыханіе самума въ раскаленной пустынѣ, всѣ спины разукрашиваются какими-то узорами или просто пятнами, а шапки, точно живыя существа, все ползутъ на затылокъ до тѣхъ поръ, пока не свалятся къ ногамъ ихъ обладателей, послѣ чего водворяются, до поры до времени, опять на мѣсто.

Чиновники въ это жаркое время года стараются, кто, конечно, побогаче, перекочевать въ болѣе возвышенныя мѣста, гдѣ не столь жарко, но и не холодно, а болѣе или менѣе сносно для организма, и откуда открываются поразительное по своей красотѣ виды; тамъ можно любоваться каждый почти день восходомъ и заходомъ солнца, подвергаясь въ то же

время дѣйствию всей системы вѣтровъ. Такимъ мѣстомъ, большею частью, избираются Лайлаши въ 15—17-верстномъ разстояніи, по довольно головоломной дорогѣ или же въ крайнемъ случаѣ—Сванетія.

Съ изчезновеніемъ значительной части чиновничьяго міра, Цагеры пустѣютъ, теряютъ свою обычную фізіономію, а Сандро и Ваню, наполовину свободные отъ обыкновенныхъ занятій, ударяются въ кейфъ, т. е. не во-время хлѣбъ пекутъ, по нѣсколькѣ дней не продаютъ мяса, какъ бы обращаясь въ вегетеріанцевъ, и болѣе спятъ, растянувшись на стойкахъ и отдавъ свой красный и лоснящійся носъ на съѣденіе мухамъ, а на глаза надвинувъ шапку.

Лѣтомъ довольно мудро сидѣть въ Цагерахъ и жариться между раскаленными камнями, точно въ мѣстной пурѣ. Мѣстность, какъ уже раньше было сказано, закрытая и изолирующая массою скаль, песку и камней, которые сильно накаляются на солнцѣ, и въ этой спертой котловинѣ виситъ жаркій и удушливый воздухъ, мало освѣжаемый даже вырывающимся изъ Сванетскаго ущелья вѣтромъ.

Въ такіе дни и тѣнь не представляетъ никакой отрады; одно лишь остается—освѣжиться купаньемъ въ холодныхъ водахъ Цхенись-цхали и на подобіе буйвола сидѣть тамъ не только день, но и часть ночи, которая также валоминаетъ собою воздухъ остывающей духовой печи.

Такъ тянется вплоть до сентября или даже до начала октября, когда ужъ начинается сѣвѣе; тогда дачники повсемногу возвращаются на прежнія мѣста, и жизнь Цагеръ опять вступаетъ въ свою привычную колею.

Зимняя обстановка не лучше лѣтней и въ особенности тогда, когда задуваетъ съ необыкновенной силой изъ ущелья сѣверный вѣтеръ. Лежишь въ теплой комнатѣ—насколько о теплыхъ комнатахъ можно говорить,—скорѣе всего подъ грудой теплыхъ одѣялъ, а на дворѣ происходитъ настоящій

шабашъ вѣдьмъ. Вѣтеръ воесть, словно къ дому сбѣжалась олодная стая волковъ или шакаловъ и гудить въ трубъ своими протяжными заунывными звуками подъ аккомпаниментъ стука ставенъ и сарайныхъ дверей на заржавленныхъ петляхъ. Наскучить вѣтру эта забава, тогда онъ, какъ шаловливый школьникъ, начинаетъ стучаться въ окно и швырять все, что подвернется ему подъ руки, на дворъ, а если зима снѣжная, — устраивать цѣлыя баррикады изъ снѣгу, заваливая двери и окна. Обыкновенно снѣгу падаетъ немного, и начинаетъ онъ сыпать, какъ изъ рѣшета, сравнительно поздно. Весна наступаетъ раньше нежели въ Лайлашахъ, но тоже бываетъ слезливая, печальная отъ частныхъ дождей и слякоти, но снѣгу нигдѣ не видно, между тѣмъ какъ въ Лайлашахъ и въ маѣ можно имъ еще набить добрый ледникъ.

Жители только для отвода глазъ чѣмъ-нибудь торгуютъ, но больше они бездѣльничаютъ; характера они мирнаго, но, несмотря на кажущееся миролюбіе, они отличаются пронырствомъ, такъ что мало чѣмъ уступаютъ своимъ лайлашскимъ братьямъ. Еврейскаго элемента нѣтъ, и безъ нихъ мѣстечко, конечно послѣ Лайлашъ, кажется спокойнѣе, тише, безъ характернаго еврейскаго шума и гвалта, развѣ только бѣгущая круглый годъ рѣка своимъ бурнымъ теченіемъ по каменистому руслу нарушаетъ окружающую тишину.

Торговля ведется, большею частью, съѣстными припасами и разною мелочью — иголками, нитками, спичками, табакомъ и мыломъ, а за остальнымъ — милости просимъ въ Лайлаши, на знаменитый базаръ.

Лайлашскіе евреи не забываютъ своихъ сосѣдей и наносятъ имъ частые визиты съ краснымъ товаромъ, останавливаясь гдѣ-нибудь въ духанѣ, а то и просто подъ открытымъ небомъ, забравшись подъ тѣнь какого-нибудь дерева и открывая свою неизмѣнную торговлю въ кредитъ.

Кромѣ бакалейныхъ лавокъ, гдѣ всегда можно найти разные напитки, въ базарномъ ряду копошится сапожный цехъ, согнувшись въ три погнбелы и весь день развода въ стороны руками, точно отгонняя какихъ-то невидимыхъ злыхъ духовъ.

II.

Подвозъ товаровъ къ ярмаркѣ. Ярмарочныя картины, типы и увеселенія. Скачки и джигитовка.

Сентябрь. Въ Цагеры со всѣхъ концовъ скрипя ползутъ двухколесныя арбы, тяжело нагруженныя тюками краснаго товара, бочками и ящиками, гдѣ находятся разные бакалейные товары. Громадныя черныя буйволы, тяжело переступая своими жилистыми, точно стальными ногами, везутъ мозолистыми шеями цѣлыя сотни пудовъ... Особенно трудятся лайлашцы, какъ трудолюбивая семья муравьевъ, принимая дѣятельное участіе въ подвозѣ товаровъ: безъ нихъ ничего не обходится и не клеится. Лавочный міръ ожилъ; все зашевелилось и задвигалось по дорогѣ, оживляя ее пестрыми живописными цвѣтами.

Лавки на площади въ Цагерахъ ремонтируются, т. е. если на крышѣ есть дыры, послѣднія накрываются рядомъ или старыми мѣшками, и обладатели 3—4 аршинныхъ ящиковъ начинаютъ убирать ихъ разнообразными товарами. Въ особенности лавки завалены картузами всевозможныхъ цвѣтовъ и окрасокъ и кудлатыми папахами, лежащими точно стадо отдыхающихъ овецъ. Шапки висять, лежать и стоять цѣлыми башнями на прилавкѣ.

Далѣе расположился шорникъ съ сѣдлами, подпругами и другой конской сбруей; тутъ же присосѣдился и сапожникъ, который, поплеывая на чусты и сапоги, рукавомъ своей чохи наводитъ глянецъ, чтобы показать покупателю товаръ лицомъ и въ лучшемъ видѣ. Противоположный рядъ

отмежевали себѣ сыны Израиля съ краснымъ товаромъ, который разложили на полкахъ на соблазнъ слабому полу... Бѣ открытію ярмарки появляется на площади и живой товаръ: лошади, быки, коровы, свиньи, овцы и другой домашній скотъ, который стоитъ цѣлыми рядами у заборовъ, лѣниво помахивая хвостами и отгоняя назойливыхъ мухъ.

Наконецъ флагъ поднять и ярмарка открыта. Съ цагерскаго перевала ужъ глазъ не усматриваетъ площади возлѣ рѣки, а видитъ лишь цѣлое море волнующихся головъ. По дорогѣ идетъ оживленное движеніе сельчанъ Лечхумскаго и другихъ уѣздовъ; всюду чувствуется веселье, слышенъ смѣхъ, веселый говоръ и пѣсни.

Бѣдутъ и идутъ въ одиночку и группами по нѣскольکو человекъ. Лошаденки бѣдутъ, мѣрно отбивая тактъ копытами, весело прыдутъ ушами, фыркаютъ, мотая головой и длинными хвостами. Публика разодѣта въ пухъ и прахъ. Дамы щеголяютъ новомодными шляпами, на которыя такъ падеки и меритинки, массивными серебряными поясами и пестрыми матеріями платьевъ, а ихъ кавалеры блестящимъ вооруженіемъ.

Часть жителей движется пѣшкомъ, съ корзинками и мѣшками, стараюсь по возможности сокращать путь, идя напрямикъ. Многіе идутъ не съ пустыми руками и несутъ кое-что для продажи изъ продуктовъ собственнаго производства. Тутъ же бѣдутъ нѣскольکو порядочно подкутившихъ мѣстныхъ бездѣльниковъ, горлающихъ во всю глотку: «Оделія, делам, делам и т. д.» или же какую-нибудь другую пѣсню съ припѣвами: „го-го-го!“ и безбожно мучающихъ своихъ ковей, которые, подымаясь въ гору, тяжело сопятъ и пыхтятъ.

Явившись въ самое сердце Цагеръ и остановившись гдѣ-нибудь въ духанѣ, на базарѣ, сразу окунываешься въ ярмарочную атмосферу: пестрая толпа гудеть точно растревожен-

ный улей пчелъ; въ воздухѣ висить несмолкаемый крикъ, гамъ, тиликанье гармоникъ, ржанье лошадей, мычанье скота, визжаніе и скрипъ аробъ...

На видномъ мѣстѣ находится мясная лавка. Торговля ея идетъ бойко—рѣзникъ просто не успѣваетъ отвѣшивать кровавые куски мяса и отпускать ихъ по принадлежности; а посреди улицы другой предприимчивый „княто“ устроилъ очагъ и поджариваетъ сочный шаплыкъ, распространяющій соблазнительно аппетитный запахъ.

Кто только не суетъ и не толпится въ этомъ ярмарочномъ водоворотѣ! Вотъ безъ цѣли шатается, жуя ковригу хлѣба, здоровенный боролатый сванъ съ громаднымъ кинжаломъ, съ подоткнутыми за поясъ полами архалука и шкуркой на спинѣ. Глядя на него можно подумать, что выползъ изъ какой-нибудь пещеры на свѣтъ Божій доисторическій человѣкъ, съ любопытствомъ озирающій людей XX вѣка.

Тутъ же важно выступаетъ, бряцая шанкой и шлепая себя по ногамъ нагайкой, какой-нибудь высокій, статный и красивый князекъ въ полномъ вооруженіи, которое такъ и искрится въ лучахъ солнца своимъ серебромъ и ярко отполированную сталью.

Здѣсь же толкается и мѣстный глехи-землепашецъ, празднично разодѣтый въ новую чоху изъ руна собственныхъ стадъ, заложивши мозолистыя руки за спину и пыхтя трубочкой съ длиннѣйшимъ черешкомъ. Онъ добродушно поглядываетъ по сторонамъ, а за нимъ слѣдомъ плетется его благовѣрная половина въ подоткнутомъ платьѣ, замотанная до глазъ платкомъ, и въ длинныхъ шальварахъ краснаго цвѣта; она босикомъ, а чусты изъ экономіи выглядываютъ своими носками изъ корзинки.

За ними спотыкаясь бѣжитъ сынишка, держась за юбку матери, и назойливо хнычетъ, обливаясь горькими слеза-

ми. Онъ первый разъ видитъ такое скопище народа и, вѣроятно, оглушенный и изумленный всѣмъ видѣннымъ и слышаннымъ не можетъ разомъ вмѣстить въ своей головѣ такое разнообразіе впечатлѣній. Далѣе бѣгаетъ и суетится въ толпѣ еврей; - распустивъ фалды архалука и осторожно суя поднось каждому сторублевый банковый билетъ, онъ проситъ «хурда»; а среди площади протискивается сквозь плотную толпу толстѣйшій пыхтящій армянинъ-торговецъ, неся впереди себя круглое брюхо съ дорогимъ золоченымъ поясомъ. И много разнаго люда суетъ и толпится на ярмарочной площади...

Среди говора и гула слышатся рѣзкіе окрики торговцевъ: „мобзанде, князы!“ или „кацо, моди ак“, или досадливое— „ра гянда шен“ и т. п.

Любители поплясать, послѣ хорошаго возліянія Бахусу, отправляются немного подальше, гдѣ нѣтъ такой суетолюки и давки. Тамъ къ ихъ услугамъ монотонно пищаютъ зурны и трещать дайры. Зрители плотнымъ кольцомъ обступили музыкантовъ и танцующихъ. У кого только свободны руки и не прижаты толпой, тѣ въ тактъ прихлопываетъ танцующимъ. Зурнисты добросовѣстно надуваются, кровь у нихъ приливаетъ къ лицу: неволью такъ и думаешь, что кто-нибудь изъ нихъ лопнетъ или же глаза выскочатъ изъ орбитъ. Барабанъ или дайра глухо реветъ и трещитъ, а зурны визгливо пищаютъ и деруть своими звуками непривычное ухо...

А вотъ уголокъ ярмарочныхъ развлеченій. Кочующій фокусникъ въ шутовскомъ нарядѣ и съ вымазанной мѣломъ физиономіей, зазываетъ публику въ свой дырявый балаганчикъ, гдѣ отчаянно стонетъ и шипитъ шарманка. Публика сначала недовѣрчиво заходитъ подъ сѣнь палатки; раздается дребезжащій звонокъ, и грязная завѣса отдергивается; фокусникъ ловко начинаетъ свое дѣло, пересыпая все прибаутками и разными остротами. Простая публика, проживающая въ раз-

ныхъ медвѣжьихъ углахъ уѣзда, еще вичего подобнаго въ жизни не видала и въ изумленіи таращить глаза на простые и незамысловатые фокусы; изъ ихъ разинутыхъ ртовъ дружно вырывается удивленное „вай“!

Вечерѣть. День понемногу угасаетъ, уступая мѣсто нарождающейся тьмѣ. Небо чисто и прозрачно какъ зеркало... Народъ валить со всѣхъ сторонъ и торопится скорѣе стать по обѣ стороны ровнаго шоссе, такъ какъ сейчасъ начнется скачка и джигитовка, обычная забава на каждой ярмаркѣ.

Черезъ нѣкоторое время появляются джигиты и участники скачекъ, лихо подбоченившись на храпящихъ и танцующихъ коняхъ. Показались даже находящіеся при полиціи казаки. Ыздоки строятся, а кони такъ и рвутся. Состязаніе начинается. Слышатся крики: „хабарда, хабарда!“; два или три всадника срываются съ мѣста и мчатся съ гиканьемъ, сломя голову, стараясь другъ друга опередить.

Казаки ждутъ своей очереди, заломивъ на бекрень свои папахи, и пока участія въ скачкѣ не принимаютъ, такъ какъ они желаютъ приберечь свои силы для того, чтобы показать въ полномъ блескѣ свою ловкость.

Наступаетъ чередъ и казакамъ. И вотъ они, разогнавъ что есть духу коней, то, уловивъ моментъ, выскакиваютъ изъ сѣдла на землю и схватившись за луку, опять вскакиваютъ на лошадь, то на всемъ скаку поднимаютъ съ земли разные предметы и даже монеты, ставовятся колѣнями на крупъ коня и т. д. И все это казаки продѣлываютъ ловко и красиво—они лихіе наѣздники!

— Господа, положите кто-нибудь абазъ на дорогу“, предлагаетъ какой-нибудь казакъ.

Толпа недовѣрчиво молчитъ...

— „Положи, положи; только если подыму съ земли, то чуръ мое!“ настанываетъ казакъ.

Монета кладется на указанное мѣсто, и казакъ отъѣзжаетъ подалѣе, разгоняется и на всемъ скаку подхватываетъ монету съ земли, вмѣстѣ съ пригоршней песку и пыли. Всюду слышатся одобренія „ра кацо, ра мамазагло!“.

Уже совсѣмъ стемнѣло. Зажглись огни Ярмарочная площадь давно опустѣла. Торговцы отдыхаютъ и нетерпѣливо роются въ своей выручкѣ, подсчитывая барыши за день. Зато духаны ярко и весело горятъ огнями—тамъ царствуетъ веселье; тутъ и пьютъ, и ѣдятъ, и дерутся, эффектно хватаясь за кинжалы и шашки... Когда всѣ уже выпили, какъ подобаетъ истому имеретину, на сцену является шарманка, подъ свистящія и хрипящія звуки которой продолжается дальнѣйшая попойка, а въ финалѣ „лезгинка“ или опять ссора съ оружіемъ въ рукахъ. Гдѣ пьется, поется, тамъ и пляшется.

Ярмарка тянется около недѣли. Погода для нея играетъ очень большую роль; отъ погоды вполне зависятъ убитки и барыши торговцевъ. Идетъ дождь и торговцы всѣ приуныли и сидятъ безъ дѣла, тоскливо поглядывая на опустѣвшую площадь. А дождь все сильнѣе и сильнѣе хлещетъ, какъ бы злорадствуя ихъ горю...

III.

Привѣтливый видъ мѣстечка. Административныя учрежденія. Растительность. Истребленіе дачи. Представители крупныхъ породъ звѣрей въ глубокихъ горахъ. Предмѣстье Цагеръ Мури. Мѣстныя лихорадки. Занятія жителей.

Наружный осмотръ мѣстечка производитъ довольно пріятное впечатлѣніе. Духаны болѣе или менѣе чисты, и въ одно прекрасное время я даже засталъ ихъ облепленными шпалерами. Положимъ, мѣстныя жители особенной чистоплотностью не отличаются и не прочь завести у себя обширнѣйшіе разсадники всевозможныхъ микробовъ, но при помощи полиціи, удастся соблюсти, насколько это возможно, въ мѣстечкѣ нѣкоторую чистоту.

Вообще лечхумцы всегда беззаботно веселы, но притомъ беспечны и лѣнны. Наибольшее наслажденіе для лечхумца, если не приходится ему особенно думать о пропитаніи, составляетъ сонъ, послѣ доброй порціи вина. Развалившись гдѣ-нибудь въ тѣни или же прямо на солнцѣ и только надвинувъ на глаза свою папаху, онъ способенъ такъ дремать цѣлыя сутки.

Дома и другія постройки въ Цагерахъ пользуются просторомъ и не сплочены, какъ въ Лайлашахъ, а разсыяны по пригорку у подошвы горы, убѣгая подъ сѣнь деревьевъ. Постройки, конечно, деревянные, неуклюжія, похожія скорѣе на большія ящики. Каждый домикъ непремѣнно имѣетъ свой огороженный клочокъ земли, гдѣ можно встрѣтить маленькіе огороды, цвѣтнички, а то и виноградники; все это производить очень пріятное впечатлѣніе.

Въ мѣстечкѣ находится вся уѣздная администрація и почтово-телеграфное отдѣленіе съ ссудо-сберегательной кассой, единственное на весь Лечхумскій уѣздъ. Почта получается и отходитъ 2—3 раза въ недѣлю. Судебная камера скрываетъ въ своихъ нѣдрахъ цѣлую массу шкяповъ съ дѣлами, куда внесены болѣе или менѣе тяжкіе грѣхи мѣстнаго населенія уѣзда. Надъ Цагерами, на самой опушкѣ, помѣстилась полиція, а ниже красуется вывѣска нотаріуса.

Мѣстная аптека облюбовала себѣ довольно живописный уголокъ. Кругомъ нея царитъ мягкая полутѣнь отъ группы разросшихся деревьевъ, съ замысловато изогнутыми вѣтками и стволами, и торчащими изъ земли, змѣеобразными, корявыми корнями; въ живописномъ безпорядкѣ разбросаны по травѣ глыбы камней, поросшіе мхомъ и цѣпкимъ кустарникомъ; а въ глубинѣ этой рощицы бьетъ ключъ холодной, прозрачной родниковой воды, которая быстро журчитъ по каменному и извилистому руслу, кое-гдѣ сверкая отъ проби-

вающихся через сплошной лиственный шатер солнечных лучей. Это самый лучший и живописный уголок во всем мѣстечкѣ; здѣсь чувствуется живительная прохлада, и жара съ духотой становятся почти непримѣтными.

Въ извѣстное время года, болѣе всего подь осень, въ Цагерахъ собирается сессія Кутаисскаго окружнаго суда, и тогда въ мѣстечко стекается народъ со всего обширнаго уѣзда. Здѣсь же при полицейскомъ управленіи и главный пунктъ воинскаго присутствія для набора рекрутъ, а также имѣется «мѣстечко», гдѣ отсиживаютъ свои сроки попавшіе туда за разнаго рода непопозволительныя продѣлки.

Въ Цагерахъ имѣется также бульваръ, наподобіе лайлашскаго, но жители, что дѣлаетъ имъ честь, не кричатъ о его достоинствахъ, отлпчно сознавая, что кромѣ травы, да нѣсколькихъ дорожекъ, другихъ достопримѣчательностей тамъ не имѣется; да и цагерцы не такъ охотно посѣщаютъ свой бульваръ, какъ ихъ собратья-лайлашцы. Интеллигенція все винтитъ, на что убиваетъ свободное время, а простые смертныя толпятся на базарѣ и при случаѣ балуются винцомъ или же покоятся безмятежнымъ сномъ.

Растительность въ данной мѣстности, гдѣ средняя годовая температура довольно высокая, нѣжна и любить тепло и влажность. Весна здѣсь наступаетъ очень рано, щедрою рукою сѣя свои дары въ видѣ массы рано цвѣтущихъ нѣжныхъ примуль, фіалокъ, цикламеновъ, подснежниковъ, тюльпановъ и лилій.

Особенно бросаются въ глаза гранатное дерево своими ярко красными, довольно крупными цвѣтками, которые похожи на горячіе угольки, разбросанные по зеленому фону, и живописныя группы каштановыхъ деревьевъ съ сильно разсѣченными крупными листьями.

Тамъ и сямъ стоятъ одинокаго кустистыя деревца смоковницы. Изъ расщелинъ выглядываютъ въ изобиліи краси-

вые мохнатые папортниковые листья. Эти растенія любятъ тѣнь и влагу, а потому прячутся гдѣ-нибудь во влажной тѣни рощъ и кустарниковъ. Большія пространства земли, болѣе всего склоны горъ, покрыты всюду распространеннымъ по Закавказью вѣчно-зеленымъ самшитомъ или буксомъ—деревомъ, которое цѣнится въ гравировальномъ дѣлѣ. Въ перемежку съ нимъ выглядываютъ жесткіе, глянцевитые, кожистые и колючіе листья также вѣчно-зеленаго падуба (*Cex aquifolium*), вѣточки котораго усыяны плодами, точно красивымъ горохомъ. Подошвы горъ покрыты пышной растительностью, такъ что глазъ кругомъ видитъ цвѣты всевозможныхъ колеровъ и оттѣнковъ.

Дичи какъ лѣсной, такъ и болотной водится очень мало, потому что она всегда истребляется стараніями мѣстныхъ жителей, представляющихъ собою охотниковъ, которые стрѣляютъ больше ради забавы, чѣмъ для ѣды или промысла.

Ближайшіе горы въ нижней своей половѣ поросли хорошимъ строевымъ сосновымъ лѣсомъ, а въ верхней находятся ледники, гдѣ водятся еще въ достаточномъ количествѣ четвероногія представители мѣстной фауны. Лѣса являются царствомъ медвѣдя, волка, а ледники кишатъ турами, горными козами, сернами, которыя пока еще живутъ въ полной безопасности, лакомясь горной растительностью, лишаями и мхами, потому что охота на нихъ строго воспрещена. Браконьерство, конечно, и здѣсь существуетъ, но ущербъ отъ этого бываетъ незамѣтный.

Мѣстность по теченію рѣки очень ровная, влажная, а мѣстами сырая и болотистая. Берега рѣки не высоки, мѣстами песчаны, а мѣстами завалены крупнымъ, отшлифованнымъ водою, булыжникомъ. Растительности, кромѣ вербы и ивы по берегамъ, почти никакой.

Въ предмѣстьѣ Цагеръ, сел. Мури, которое лежитъ на другой сторонѣ рѣки, былъ большой искусственный прудъ,

устроенный надъ поверхностью земли и обнесенный гранитными на цементъ заборомъ, куда текъ горный, довольно сильный источникъ. Въ прудѣ водилась масса форелей, которыя достигали значительной величины. Прудъ этотъ принадлежалъ князю Мингрельскому. Но, къ сожалѣнію, воду спустили, форель всю выловили, и теперь на мѣстѣ пруда преспокойно колыхается и шелеститъ своими жесткими листьями кукуруза. Прудъ сталъ нивой.

Мѣстоположеніе сел. Мури низкое, сырое и потому въ климатическомъ отношеніи не совсѣмъ благоприятное. Въ виду этого рѣшили уничтожить прудъ, видя въ немъ причину лихорадочныхъ заболѣваній; между тѣмъ чистая и проточная вода, которая не застаивается и не гніеть, никакого отношенія къ лихорадкѣ не могла имѣть.

Очага лихорадки, во-первыхъ, надо искать въ близко лежащихъ сырыхъ низинахъ рѣки, съ болотной флорой въ видѣ разной зеленой тины и плѣсени; во-вторыхъ, въ Сванетскомъ ущельѣ, гдѣ всегда бываетъ сырой и влажный воздухъ и куда солнце рѣдко проникаетъ; тамъ много такихъ уголковъ, которые никогда не просыхаютъ, густо поросли мхами и лишаями и гдѣ происходитъ непрерывное разложеніе органическихъ растительныхъ остатковъ.

Хлѣбопашцевъ и занимающихся другими отраслями сельскаго хозяйства здѣсь мало или почти нѣтъ. Жители предпочитаютъ болѣе легкій трудъ: или пускаются въ разные коммерческія предпріятія, или нанимаются въ видѣ прислуги къ мѣстнымъ чиновникамъ, а иногда живутъ арендной платой за сдаваемые подъ наемъ помѣщенія. Замѣчательно, какая масса въ Закавказьѣ поваровъ изъ имеретинъ. У имеретинъ какое-то природное влеченіе къ кулинарному искусству, хотя у себя дома онъ предпочитаетъ, ничего не дѣлая, довольствоваться только чурекомъ да фасолью.

Встрѣчаются и здѣсь, конечно, поля съ кукурузой и съ неразлучной ея спутницей, фасолью, которыя въ сосѣдствѣ съ рѣкою, на низменной и влажной почвѣ, растутъ очень буйно. Кукуруза же иногда вытягивается значительно выше человеческого роста со стеблемъ въ руку толщиною.

Мѣстность на всемъ протяженіи рѣки ровная, до самаго сел. Лухвано, и потому очень удобная для полеводства. Такими полями безпримѣрно легче пользоваться нежели тѣми, которыя лѣплятся гдѣ-нибудь въ поднебесья.

Вслѣдствіе влажности почвы, я думаю, въ данной мѣстности съ успѣхомъ можно было бы культивировать суходольный рисъ. При желаніи можно было бы устроить и орошеніе для поля, потому что рѣка подь бокомъ и течетъ не глубоко отъ уровня почвы.

Виноградниковъ очень мало, но зато въ ближайшихъ селеніяхъ, какъ Орбели, Чхутели и др., виноградарство процвѣтаетъ и составляетъ благосостояніе мѣстныхъ жителей. Лучшимъ сортомъ винограда считается Александреули, который даетъ крѣпкое, почти черное вино.

Бывшій учитель-садоводъ Лечхумскаго училища *И. С. Моисеевъ*.

28-го ноября 1900 года.

Гор. Самаркандъ.

ОТДѢЛЪ II.

Колонія Еленендорфъ, Елисаветпольской губерніи и уѣзда.

I. Историческая часть.

Въ началѣ истекающаго столѣтія, когда политическіе и религіозные перевороты волновали Западную Европу, въ королевствѣ Вюртембергскомъ между лютеранами появились фанатики, которые на основаніи откровенія Іоаннова стали убѣждать единовѣрцевъ, что эти смуты предзнаменуютъ скорое появленіе антихриста и что въ ближайшемъ будущемъ возникнетъ всеобщее отпаденіе отъ церкви правовѣрной и гоненіе на вѣрующихъ; чтобы не сдѣлаться жертвою антихриста, послѣдніе должны исвать себѣ убѣжище на дальнемъ Востокѣ въ той надеждѣ, что Господь тамъ возстановитъ Царство вѣрующихъ, какъ онъ возстановлялъ таковое въ прежнее время избраніемъ Авраама въ первый и ниспосланіемъ Св. Духа во второй разъ; третіе же царство восторжествуетъ навсегда и соединитъ въ себѣ всѣ народы земли.

Увлекаясь этими внушеніями, многіе изъ народной массы рѣшили погнунуть свое отечество.

Инициаторы движенія вступили въ переговоры съ Русскимъ правительствомъ, и послѣднее обѣщало покровительствовать выходцамъ по прибытіи въ Россію.

Въ 1817 году около 1,440 семействъ покинули Вюртембергъ. Тутъ были люди съ глубокимъ религіознымъ убѣжденіемъ, но было и немало искателей приключеній.

*) Свѣдѣнія сіи взяты изъ архива оберъ-пастора Закавказскихъ нѣмецкихъ колоній.

По рѣкѣ Дунаю выходцы отдѣльными партіями спустились въ Молдавію, откуда сухимъ путемъ добрались до города Одессы. Но многимъ не было суждено видать «обѣтованной земли». Непомѣрное скопленіе народа на судахъ въ самое жаркое время года и недостатокъ въ здоровой пищѣ вызвали такую смертность между выходцами, что около 1,100 душъ изъ нихъ погибло прежде, чѣмъ они достигли предѣловъ Россіи. Оставшіеся въ живыхъ осенью 1817 года прибыли въ Одессу. Здѣсь они были подвергнуты сорокадневному карантину. За это непродолжительное время опять померло столько же приблизительно человѣкъ.

Въ окрестностяхъ Одессы до того еще времени поселены были единоплеменники прибывшихъ. У нихъ они нашли пріютъ и остались на зиму. За это время обсуждалось дѣло дальнѣйшаго передвиженія. Между тѣмъ обнаружилось, что предводители безсовѣстѣйшимъ образомъ обращаются съ общественною казною. Это обстоятельство, но не менѣе и пережитыя въ пути невзгоды сильно пошатнули прежнее воодушевленіе выходцевъ, и 300 семействъ отказалось продолжать путь. Они водворились въ Херсонской губерніи, основавъ тамъ колонію Гофнунгсталь. Другіе остались при своемъ намѣреніи и колебались только въ выборѣ конечной точки своего странствованія. Наконецъ выборъ палъ на Кавказъ.

Весною 1818 года 500 семействъ тронулось въ путь.

Наше правительство, рассчитывая, что нѣмцы внесутъ въ окраину государства европейскую культуру, при совершеніи пути оказывало имъ всевозможную помощь. До выѣзда съ мѣста каждому семейству было выдано по 145 рублей, 85¹/₂ к. сер. на приобрѣтеніе воза и лошадей. Въ пути на каждую душу отпускалось по 11¹/₂ коп. сер. суточ-

*) Деньги сіи были отпускаемы банк. ассигнаціями.

ныхъ и около 57 коп. сер. въ день каждому семейству на содержаніе лошадей до прибытія на мѣсто водворенія.

По распоряженію Правительства вся партія отпускаясь колоннами въ 50 возовъ съ соблюденіемъ промежутка времени въ нѣсколько дней. Это дѣлалось во избѣжаніе возможнаго на пути недостатка въ продовольствіи для такой массы народа. При каждой колоннѣ находилась казенная стража, а наблюденіе за общимъ ходомъ передвиженія было возложено также на правительственное лицо. Путь пролегалъ черезъ Херсонъ, Таганрогъ, Ростовъ, Ставрополь, Георгіевскъ, Моздокъ въ Тифлисъ.

Въ разныхъ мѣстахъ Тифлискаго уѣзда прибывшимъ были отведены отъ казны земли. Сорокъ семействъ ремесленниковъ, по распоряженію Правительства, было водворено подъ самымъ городомъ Тифлисомъ. Основанная здѣсь колонія получила названіе Новій Тифлисъ. Она со временемъ слилась съ городомъ и теперь представляетъ собою Михайловскій prospectъ.

Для тѣхъ, которые прибыли въ послѣднихъ колоннахъ, не онаялось больше удобныхъ земель по близости Тифлиса, и Правительство предлагало имъ земли въ губерніи Елисаветпольской. На это они не соглашались, но оставались въ окрестностяхъ города Тифлиса, нанимаясь въ работники у туземцевъ, или живя подаяньемъ. Наконецъ отрядъ казаковъ выдвинулъ оттуда переселенцевъ и насильно направилъ на елисаветпольскій трактъ. Теперь только, хотя и противъ воли, они переѣхали въ гор. Елисаветполь. Это было поздною осенью, и они остались въ городѣ зимовать. На отведенную имъ въ семи верстахъ отъ города на правомъ берегу рѣки Ганжинки землю они опять по принужденію переѣхали только послѣ Насхи 1819 года. Основанная здѣсь колонія получила на-

звание Еленендорфъ. Всѣхъ колоній въ то время было основано 7—въ Тифлисской губерніи 5, а въ Елисаветпольской 2.

Правительство немало заботилось о колонистахъ и послѣ ихъ водворенія. Такъ, на примѣръ, въ колоніи Еленендорфъ имъ было выдано пособіе на постройку молитвеннаго дома. Сохранившійся даже до настоящаго времени старыи церковный домъ сооруженъ мѣстнымъ гарнизономъ на счетъ казны. Въ теченіе двухъ съ лишнимъ лѣтъ этой колоніи отпускалось казною ежедневно по 10 копеекъ на душу; кромѣ того, на десять лѣтъ жители были освобождены отъ всякихъ повинностей. Всего было израсходовано на еленендорфскихъ колонистовъ 211.604 руб., 98 коп. банк. ассиг. То же самое повторялось и въ другихъ колоніяхъ.

Но несмотря на всѣ заботы Правительства колонія Еленендорфъ на первыхъ порахъ терѣла много бѣдствій. Отъ непривычнаго климата между колонистами появлялись разныя болѣзни нерѣдко со смертнымъ исходомъ. Неурожаи повторялись изъ года въ годъ; кромѣ того, поля часто навѣщались саранчой. Когда въ предѣлы Россіи вторгнулись персы, на колонію напали окружные татары и разорили ее въ конецъ. Жители, къ счастью, успѣли бѣжать и спастись въ стѣнахъ города Елисаветполя. Убытки, нанесенные грабителями колоніи, были оцѣнены комиссіею, составленною Правительствомъ, въ 80.000 рублей. Казна послѣ этого злосчастія опять пришла на помощь пострадавшимъ, выдавъ каждому двору въ видѣ пособія по 172 руб. Въ 1829 году въ колоніи произвела страшныя опустошенія сибирская язва. Черезъ годъ въ странѣ появилась холера и унесла многихъ изъ жителей колоніи, не сдѣлавшихся жертвою первой эпидеміи.

Съ того времени положеніе колонистовъ стало понемногу улучшаться, и теперь колонія Еленендорфъ по благосостоянію жителей безспорно занимаетъ между другими колоніями первое мѣсто.

II. Положеніе колонійскихъ земель, почва и орошеніе.

Отведенныя колонистамъ земли начинаются въ 4 верстахъ къ югу отъ гор. Елисаветполя и тянутся къ сѣверу до отроговъ Малаго Кавказа на 10 верстѣ; онѣ простираются съ запада на востокъ отъ рѣки Ганжинки, включая однако въ себя долину по обѣимъ сторонамъ рѣки на 6 верстѣ. За исключеніемъ самой южной и юговосточной гористыхъ частей, колонійскія земли представляютъ покатую къ сѣверу равнину, кое-гдѣ пересѣченную незначительными возвышеніями или балками.

Всѣхъ земель считается 7.934 десятины, 325 кв. саж.; годныхъ къ обработкѣ—4.906 десятинъ, 1.539 кв. саж.; неудобныхъ—2.982 десятины, 1.213 кв. саж.; подъ усадьбами около 30 десятинъ.

Почва глинистая съ примѣсью въ иныхъ мѣстахъ известки. Почвенный слой въ общемъ достигаетъ до полутора аршина толщины и покрывается отчасти на каменистомъ, отчасти на скалистомъ грунтѣ. По склонамъ горъ почва черноземная. Но во всѣхъ мѣстахъ, при достаточномъ орошеніи, она отличается необыкновеннымъ плодородіемъ.

Орошаются поля и сады водою рѣки Ганжинки, берущей начало свое у подошвы горы Кочгара, въ 40 приблизительно верстахъ отъ описываемой мѣстности. Она течетъ по направленію къ сѣверу по довольно широкой и глубокой долинѣ и верстахъ въ 20 ниже города Елисаветполя впадаетъ въ Куру. Хотя рѣка Ганжинка здѣсь не шире 3—4 сажени и глубина ея въ обыкновенное время не больше одного аршина, но она, какъ вообще всѣ горныя рѣки, отличается быстротою своего теченія. Во время половодія она сильно подрываетъ берега и часто мѣняетъ свое русло. Дно ея устлано множествомъ большихъ и малыхъ камней, которые въ половодіе несутся теченіемъ воды внизъ, производя глухой шумъ и грохотъ.

Орошеніе садовъ въ долину не представляетъ никакого затрудненія, но проведеніе изъ рѣки канавъ на смежныя съ долиною поля, лежація сто съ лишнимъ футовъ выше самой долины, стоило немало затратъ капиталовъ и времени. Хотя нѣмцы и нашли здѣсь старую канаву, но она находилась въ величайшемъ пренебреженіи. Они соорудили широкій и прочный водопроводъ, посредствомъ котораго удобно орошаютъ и сады, лежащіе по высокому берегу долины, и поля въ болѣе отдаленныхъ мѣстахъ. Эта канава беретъ начало въ трехъ верстахъ отъ колоніи. Такъ какъ спускъ къ долину со стороны колонійскихъ земель очень крутой, и во многихъ мѣстахъ тутъ торчатъ голыя скалы, то при постройкѣ канавы, на отвѣсѣ этихъ скалъ, приходилось высѣчь достаточной ширины жолобъ, а въ одной мѣстѣ на протяженіи 20 сажень даже пробить насквозь скалы, чтобы проложить водѣ дорогу.

Право пользованія водою рѣки простирается на одну седьмую часть ея. Остальная часть достается городу Елисаветполю и сосѣднимъ селамъ.

Чтобы извлечь по возможности больше пользы изъ недѣляемаго количества воды, колонисты, пользуясь покатостью мѣстности, подводятъ съ нижней стороны виноградниковъ подъ таковыя подземныя канавы (кярызы), въ которыхъ собирается часть воды, проникнувшей вглубь при орошеніи садовъ, и такъ какъ эти канавы строятся нѣсколько наклонно, то вода въ концѣ вытекаетъ и употребляется для орошенія мѣстъ, ниже расположенныхъ.

III. Климатъ, болѣзни, годовикъ.

Климатъ здѣсь сухой. Чаше дожди идутъ весною. Подъ конецъ мая они прекращаются нерѣдко на все лѣто. Тогда

степи, зеленѣвшія весною и пестрѣвшія цвѣтами, превращаются въ однообразныя сѣрыя пространства.

Жара наступаетъ вдругъ и доходить въ тѣни до 28°R. Въ счастію, въ продолженіе цѣлаго лѣта съ заката до восхода солнца навѣваетъ съ горъ прохладу довольно сильный вѣтеръ. Это объясняется тѣмъ, что колонія лежитъ какъ разъ противъ большого лѣсистаго горнаго ущелья, по которому холодный воздухъ стремится въ обширныя степи, раскаленные въ теченіе дня палящими лучами солнца. Дневные вѣтры принадлежатъ къ рѣдкимъ явленіямъ.

Зима наступаетъ только въ январѣ. Морозы въ общемъ не превышаютъ 4°R. Въ рѣдкую зиму доходятъ они до 12°R. и то лишь въ двѣ-три ночи. Въ день температура никогда не опускается ниже нуля, а, напротивъ, при чистомъ, безоблачномъ небѣ даже въ январѣ, февралѣ на солнцѣ достигаетъ 30°R. Поэтому выпадающій снѣгъ лежитъ самое короткое время и, во время таянія, образуетъ непроходимую грязь.

Съ наступленіемъ сырой зимней погоды и совпадаетъ появленіе въ колоніи разныхъ легкой формы болѣзней. Независимо же отъ времени года тутъ часто появляется оспа, заносимая туземнымъ рабочимъ людомъ. Испаренія болотъ по берегамъ рѣки Куры также не остались безъ вреднаго вліянія на здоровье здѣшняго населенія. Лихорадка въ прежніе годы являлась постоянною гостею колоніи и только въ послѣдніе годы стала появляться рѣже, чему, вѣроятно, отчасти способствовало и улучшеніе за послѣднее время жизненныхъ условій колонистовъ.

Къ недугамъ здѣшняго населенія нужно причислить «годовикъ», свойственный исключительно здѣшней мѣстности. На голыхъ частяхъ тѣла, въ особенности же на лицѣ является маленькое лишавеобразное пятнышко, которое, раяѣдая ткань, постепенно увеличивается и во многихъ случаяхъ достигаетъ размѣра мѣднаго пяточка. Бо-

лѣзнь эта протекаетъ безъ субъективныхъ ощущеній, но оставляетъ на кожѣ глубокіе рубцы и тѣмъ страшно обезображиваетъ страдавшаго ею. Годовикъ трудно поддается лѣченію, но исчезаетъ самъ по себѣ обыкновенно черезъ годъ, откуда и пошло его названіе. Еще называютъ его «елисаветпольская печать».

IV. Растительный и животный міръ.

Мѣстность, по недостатку воды, не отличается ни богатствомъ растительности ни разнообразіемъ видовъ. Вездѣ обширныя степи, голыя скалы. Нѣкоторое разнообразіе въ этомъ отношеніи придаетъ ландшафту крутой склонъ долины, по которому выше колоніи течетъ главная канава, а ниже ея нѣсколько меньшихъ канавокъ. Тутъ орѣшникъ, фиговое дерево, дикая роза, дикій виноградъ и другія вьющіяся растенія нерѣдко образуютъ поросли, сросшіяся въ одно непроницаемое цѣлое, и нѣкоторымъ образомъ напоминаютъ собою состояніе долины до появленія колонистовъ. Сѣверные склоны горъ, подалеже отъ колоніи, также богаче растеніями, чѣмъ ближайшія окрестности: тутъ растутъ лилія, гвоздика, нарцисъ, тюльпанъ; вообще многіе представители красивѣйшихъ нашихъ садовыхъ цвѣтовъ попадаютъ тамъ въ дикомъ состояніи.

Хищные звѣри, въ особенности волки, гіены, а также медвѣди, въ первое время сильно беспокоившіе колонистовъ, теперь исчезли. Во всякое же время можно видѣть хищниковъ малыхъ и большихъ изъ птичьяго міра, зато весьма рѣдко пѣвчую птичку. Изъ ядовитыхъ животныхъ здѣсь попадаютъ сколопендры (тысяченожки), рѣже—тарантулы и гадюки. Водятся во множествѣ черепахи какъ рѣчныя, такъ и сухопутныя.

V. Мѣстоположеніе и видъ колоніи.

Колонія Еленендорфъ лежитъ въ Елисаветпольскомъ уѣздѣ, въ семи верстахъ отъ города Елисаветполя у доли-

ны вышеописанной рѣки на высотѣ 2,525 ф. надъ уровнемъ моря, какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ отроги Малаго Кавказа сливаются со степною равниною.

Пространство, занимаемое самою колонією, имѣетъ видъ четырехугольника, длина котораго равна 450 саженьямъ, а ширина одной трети длины. Она имѣетъ пять параллельныхъ улицъ и нѣсколько переулковъ. Въ центрѣ колоніи находится площадь, пространствомъ около десятины. На ней возвышается каменная церковь, построенная въ 1854 году. Башня ея имѣетъ въ вышину 97 футовъ. На башнѣ устроены часы съ тремя циферблатами по разнымъ ея сторонамъ. Вокругъ площади расположены общественныя постройки, въ которыхъ помѣщаются сельское управленіе, разныя лавки, харчевня, пурня, амбаръ; тутъ же находятся церковныя дома и училище. Посрединѣ площади протекаетъ главная канава; около нея стоятъ нѣсколько гигантскихъ размѣровъ серебрястыхъ тополей, которые, осѣняя значительную часть площади, даютъ лѣтомъ прохладу толпящемуся здѣсь всегда туземному рабочему люду.

По обѣимъ сторонамъ улицъ расположены жилыя дома колонистовъ. За ними, вокругъ тѣснаго двора, находятся хозяйственныя постройки. Всѣхъ домовъ около 380. Они построены изъ добываемаго по близости известковаго камня. Около 15 домовъ двухэтажныхъ. Дома по наружному виду своему отличаются большимъ однообразіемъ и почти всѣ, безъ исключенія, обращены фронтомъ къ улицѣ. Съ лицевой стороны и одной смежной съ ней, на высотѣ одного приблизительно аршина, находится балконъ: площадка аршина въ два шириною, огороженная красиво отточенными или изящно вырѣзанными изъ дощечекъ перилами. Стѣны домовъ оштукатурены и раскрашены, нерѣдко даже художественнымъ образомъ, масляными красками. Преобладающій цвѣтъ голубой. Крыши почти всѣхъ строеній черепичныя; кое-гдѣ лишь

удержалась избушка прежнихъ временъ съ плоскою земляною крышею.

По сторонамъ улицъ посажены деревья: италянскіе тополи, чинары, грушевыя деревья, липы и др. Деревья эти кое-гдѣ увиты разросшимся до необыкновенной толщины и длины виноградомъ. Тутъ же, съ боковъ улицъ, журча протекаетъ по узкимъ канавкамъ вода, которая вмѣстѣ съ обиліемъ деревьевъ значительно умѣряетъ лѣтнюю жару въ колоніи. Во многихъ мѣстахъ построены тротуары изъ тесаныхъ каменныхъ плитъ, а также изъ асфальта.

Лѣтомъ улицы колоніи необыкновенно оживлены. Дилижансы и фаэтоны, поддерживая сообщеніе между городомъ Елисаветполемъ и дачнымъ мѣстомъ Аджикентомъ, цѣлыми вереницами катятся черезъ колонію. Притомъ, главный путь кочевниковъ, поднимающихся при началѣ лѣта и спускающихся къ концѣ его, также пролегаетъ черезъ колонію: день и ночь тянутся обозы, перевозящіе татарскія семейства вмѣстѣ съ ихъ имуществомъ, мертвымъ и живымъ инвентаремъ.

Зимю, напротивъ, царствуетъ мертвая тишина. На улицахъ грязь невылазная. Она образуется не столько отъ количества дождя, сколько отъ свойства почвы, не пропускающей сырости.

VI. Населеніе.

Главное населеніе составляютъ нѣмцы-колонисты. Ихъ къ 31 декабря 1898 г. насчитывалось 1.806 душъ обою пола; кромѣ нихъ, здѣсь живетъ около 30-ти армянскихъ, 10-ти татарскихъ и 5 русскихъ семействъ. Съ 1887 года въ колоніи стоитъ казачій полкъ со штабомъ. Дачниковъ къ лѣту съѣзжается также около 20 семействъ. Въ веснѣ сюда

стекается много работников персовъ, а зиму тутъ проводятъ многіе лезгинны: каменьщики, лудильщики, оружейные мастера и проч.

Живущіе въ колоніи туземцы нанимаютъ для себя старые дома или живутъ въ прегражденныхъ въ хижины сараи въ вдорахъ колонистовъ.

VII. Домашняя обстановка колонистовъ.

При входѣ въ комнату колониста бросается въ глаза зажиточность и любовь къ порядку. Комнаты въ послѣдніе годы строятся не ниже, чѣмъ въ 5—6 аршинъ. Стѣны оштукатурены обоями, полы выкрашены и содержатся въ безукоризненной чистотѣ. Гостиная обставлена мебелью самой изящной отдѣлки. На стѣнахъ развѣшаны картинки духовнаго содержания или съ текстомъ изъ Библии. У многихъ можно найти портреты Ихъ Величествъ Государы и Государыни и портреты семейныхъ.

Такъ какъ колонисты любятъ пѣніе, въ особенности церковное, то во многихъ семействахъ можно найти фисгармонію, на которой по вечерамъ или по праздничнымъ днямъ одинъ изъ семейства—чаще всего взрослая дѣвушка или парень играетъ какой-нибудь мотивъ, а остальные поютъ. Въ настоящее время имѣется у колонистовъ не менѣе сорока фисгармоній и около десяти роялей.

VIII. Развѣтіе колонистовъ въ физическомъ отношеніи, ихъ наружный видъ и пища.

Колонисты средняго роста, сложенія довольно крѣпкаго. Походка у нихъ отъ тяжелой работы не такая легкая, какъ у туземцевъ. Лицо какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ здоровое на видъ. Цвѣтъ волосъ преимущественно темно-ру-

сый или черный. Между молодыми дѣвушками можно найти многихъ съ красивыми личиками, но послѣ выхода замужъ красота ихъ скоро исчезаетъ. Зубы у колонистовъ незавидной прочности. Многие страдаютъ зубною болью. Случается видѣть даже дѣтей съ совершенно почернѣвшими молочными зубами. Причина тому, повидимому, обильное употребленіе колонистами мясной пищи и обычное запиваніе теплой пищи холоднымъ изъ погреба виномъ. Дѣтей у колонистовъ много, отъ 5 до 10 и болѣе; въ прошломъ году умерла женщина 78 лѣтъ, оставивъ потомство въ 204 души.

Колонисты всѣ коротко стригутъ свои волоса. Отращиваніе бороды прежде считалось чуть не грѣхомъ, а потому старики бреютъ подбородокъ и усы. Между молодыми же рѣдко кто бреется, а если и есть такіе, то усовъ не бреютъ.

Женщины заплетаютъ волоса и укладываютъ на головѣ. Молодые дѣвушки, которыя впрочемъ очень любятъ наряжаться, по затѣйливости прически волосъ не уступаютъ моднымъ городскимъ дамамъ.

Типичный швабскій костюмъ мужчинъ, сохранившійся въ нѣкоторыхъ отдаленныхъ отъ городовъ колоніяхъ, здѣсь исчезъ уже лѣтъ 20 тому назадъ и уступилъ мѣсто обыкновенной европейскаго покроя одеждѣ. Онъ состоялъ изъ короткой суконной синяго цвѣта куртки, усаженной въ два ряда бѣлыми роговыми пуговицами, изъ обширной и длинной жилетки, такой же матеріи, также изобилующей бѣлыми пуговицами. Фуражка отличалась величиною козырка, а короткіе брюки шириною своею.

Теперь всѣ безъ исключенія мужчины носятъ простую куртку, различной матеріи, зимою фуражку или полярковую шляпу, а лѣтомъ, во время полевыхъ и садовыхъ работъ, и мужчины и женщины надѣваютъ соломенные шляпы собственнаго издѣлія. На ногахъ какъ у тѣхъ, такъ и другихъ при работѣ чисты.

Въ праздничные дни большая часть мужчинъ и женщинъ одѣта по городскому. На мужчинахъ видны модныя поярковыя и соломенныя шляпы, самаго лучшаго качества.

У старыхъ женщинъ и до настоящаго времени удержалось кое-что изъ прежней одежды; напр. черное, плотноприлегающее къ широкой талии, цѣльное платье и передникъ такого же цвѣта, затѣмъ навязываемый на голову черный шелковый платокъ. Хотя у многихъ болѣе молодыхъ женщинъ и сохранился обычай ношенія на головѣ платка, но этотъ платокъ не черный, а бѣлый или же блѣдно-желтаго цвѣта и очень маленькій.

Главную пищу колонистовъ составляетъ мясо. Его подаютъ на столъ не менѣе двухъ разъ въ день и варятъ его преимущественно съ макаронами или рисомъ. Жареніе почти неизвѣстно, зато часто дѣлаютъ азіатскій шапыльгъ. Любимымъ кушаньемъ также считаются лепешки изъ муки, приготовленныя свинымъ саломъ; утромъ пьютъ кофе, рѣже чай. Мясной ужинъ всегда запиваютъ чаемъ. Кроме того, ставятъ на столъ овечій сыръ, покупаемый у туземцевъ и варенье изъ винограднаго сока. Его готовятъ слѣдующимъ образомъ: берутъ виноградное сусло, бросаютъ туда нѣсколько горстей углекислой извести для уничтоженія кислоты, заставляютъ устояться жидкость и затѣмъ наливаютъ въ котелъ и варятъ около 10 часовъ; подъ конецъ добавляют разные фрукты: айву, сливы и т. п. Варенье это очень вкусно и съ хлѣбомъ и орѣхами представляетъ не только лакомую, но и питательную пищу какъ для дѣтей, такъ и для взрослыхъ.

Вино подается при каждомъ кушаньи, и его пьютъ, сколько и когда захочетъ, не только каждый членъ семейства, но и каждый изъ прислуги и работниковъ.

Безъ вина трудно обойтись колонисту, хотя бы на самое короткое время. Работаетъ ли онъ въ саду, или на полѣ, отправляется ли въ городъ за покупками, совершаетъ ли поѣздку въ болѣе отдаленное мѣсто, неразлучнымъ спутникомъ его всегда является помѣщающійся въ дорожной сумкѣ глиняный кувшинъ съ виномъ. Расходуемое въ хозяйствѣ въ теченіе года вино достигаетъ порядочнаго количества въ 200 ведеръ. Однакожъ истина извѣстной пословицы, что самое скверное вино пьютъ тамъ, гдѣ оно получается въ большомъ количествѣ, вполне подтверждается и здѣсь. Пьютъ главнымъ образомъ вино, получаемое отъ выжимокъ, отличающееся какъ кислотю на вкусъ, такъ и водянистымъ вкусомъ своимъ.

IX. Умственное и религіозно-нравственное развитіе, заключеніе браковъ, свадьба, крестины, прогулки въ степь, гулянья.

Въ колоніи со времени водворенія колонистовъ существуетъ училище. Теперь при немъ пять учителей. До 1890 года оно находилось подъ надзоромъ Закавказскаго колонистскаго синода, а непосредственнымъ блюстителемъ его былъ мѣстный пасторъ; въ упомянутомъ выше году оно на общемъ основаніи перешло въ вѣдѣніе Министерства Народнаго просвѣщенія. Ученіе, по постановленію общества, при прежнемъ порядкѣ было обязательно, а потому колонисты всѣ грамотны. Ими выписывается теперь около 100 экземпляровъ періодическихъ изданій и журналовъ духовно-церковнаго содержанія, конечно, нѣмецкихъ, издаваемыхъ отчасти въ Росіи, отчасти за-границею.

Колонисты говорятъ на швабскомъ нарѣчій, сильно уклоняющемся отъ литературнаго языка, который хотя понимаютъ всѣ, но пользоваться имъ безъ затрудненія умѣютъ лишь очень немногіе. Нарѣчію этому чужды слова, выражающія нѣжныя чувства, но зато оно изобилуетъ терминами, пред-

ставляющими въ литературномъ языкѣ увеличительныя или презрительныя формы; такъ напр. вмѣсто: weinen употребляется «heulen», вм. ziehen—«schleppen», вм. sitzen—«hocken», вм. laufen—«springen», вм. rufen—«schreien» и т. п. Въ говорить на татарскомъ языкѣ не хуже, чѣмъ на родномъ. Русскій языкъ изучается теперь основательно въ школѣ лишь младшимъ поколѣніемъ; старшіе понимаютъ его слабо, но въ послѣднее время замѣчается у всѣхъ сильное стремленіе къ изученію его. За самое послѣднее время нѣкоторые стали учить дѣтей своихъ или въ гимназій или другомъ какомъ-нибудь среднемъ учебномъ заведеніи.

Съ 1893 года тутъ существуетъ собраніе. Всѣхъ членовъ въ текущемъ году 56. При собраніи есть библіотека въ 300 томовъ. Собраніемъ выписывается около 12 журналовъ и газетъ русскихъ и нѣмецкихъ. По временамъ устраиваются драматическіе вечера или чтенія съ туманными картинами. Собраніе имѣетъ свой оркестръ и пѣвческій хоръ, составленные изъ любителей. Бюджетъ образуется изъ членскихъ взносовъ.

Кромѣ упомянутой библіотеки, съ 1870 года еще существуетъ и общественная; она состоитъ исключительно изъ нѣмецкихъ книгъ нравственнаго содержанія. Пользующіеся ею вносятъ по 50 коп. въ годъ.

Колонисты лютеранскаго исповѣданія. Они очень строго придерживаются церковныхъ обрядовъ. Рѣдко они пропускаютъ богослуженіе и смотрятъ съ предубѣжденіемъ на всякаго, кто не посѣщаетъ аккуратно церкви. Какъ только раздается перезвонъ колоколовъ, всѣ члены семейства направляются въ церковь. Но домъ оставляютъ отдѣльно родители, парни, взрослые дочери и маленькія дѣти. Мужскій полъ занимаетъ въ церкви лѣвую, женскій правую сторону. Независимо отъ этого порядка каждый возрастъ занимаетъ свое мѣсто, при чемъ каждый въ отдѣльности чуть не занимаетъ

то мѣсто на свамѣ, которое принадлежитъ ему по возрасту въ ряду сидящихъ.

На домашнее воспитаніе дѣтей немного обращается вниманія; оно предоставлено почти исключительно школѣ и церкви. По воскреснымъ днямъ, послѣ главнаго богослуженія, молодежь отъ 14-лѣтняго до 18-лѣтняго возраста собирается въ училищѣ, гдѣ законоучители повторяютъ съ нею пройденное по закону Божию въ школьное время. Оттуда въ 2 часа всѣ отираются въ церковь, гдѣ пасторъ ведетъ съ ними катехизацію по основнымъ положеніямъ вѣрученія до 3 часовъ пополудни. Въ то же время въ школѣ происходятъ подобныя занятія дѣтей меньшаго возраста подъ руководствомъ нѣсколькихъ взрослыхъ дѣвушекъ. Иногда по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, кромѣ главнаго богослуженія, бываетъ еще и вечернее, а въ зимніе мѣсяцы по четвергамъ вечернія молебствія и толкованія Библии со взрослыми. Но посѣщается церковь скорѣе по привычкѣ, чѣмъ изъ религіознаго рвенія.

Заключеніе браковъ происходитъ поздною осенью послѣ окончанія садовыхъ и полевыхъ работъ, или зимою. Свадьбѣ предшествуетъ торжественное предъ пасторомъ обрученіе въ присутствіи двухъ свидѣтелей. При выборѣ руководятся чаще матеріальными видами, чѣмъ влеченіемъ сердца. Тѣмъ не менѣе, число несчастныхъ браковъ здѣсь составляетъ очень незначительный процентъ.

Невѣсту провожаютъ въ церковь двѣ подружки, а жениха два друга. У невѣсты на головѣ вѣнокъ изъ искусственныхъ цвѣтовъ, у жениха на груди бѣлая лента. На это украшеніе не имѣетъ права тотъ, кто не сохранилъ дѣломудрія, о чемъ предварительно пасторъ допрашиваетъ при обрученіи. Если этотъ грѣхъ тяготитъ на обѣихъ сторонахъ, то ихъ, независимо отъ перваго наказанія, вѣнчаютъ по средамъ и безъ перезвона колоколовъ, между тѣмъ какъ вѣн-

чальнымъ днемъ считается вторникъ, при чемъ свадебное шествіе происходитъ при звонѣ колоколовъ.

Въ противоположность общему въ лютеранской церкви обычаю брачующіеся при вѣнчаніи не обмѣниваются кольцами, а подаютъ лишь другъ другу руку.

Послѣ вѣнчального обряда гости отправляются въ домъ родителей невѣсты. Тутъ за длинными столами, въ углу противъ дверей, занимаетъ мѣсто молодая пара, а около нея дружки и подружки; затѣмъ размѣщаются за столами и гости. Женщины обыкновенно садятся отдѣльно. Свадьба сосредоточивается главнымъ образомъ на ѣдѣ и питьѣ. Танцы воспрещаются мѣстнымъ церковнымъ обрядомъ, презирающимъ всякое земное удовольствіе. Увеселительныхъ игръ не существуетъ. Зато парни и дѣвушки попеременно напѣваютъ мотивы религіознаго содержанія, которые смѣняются заздравными «ура» молодой четвѣ и сопровождаются осушеніемъ стакановъ. Старшіе бесѣдуютъ о виноградникахъ, о цѣнѣ на вино. Молодая пара, обнявшись, молча сидитъ въ углу. Несмотря на обильныя возліянія, иривыкшіе къ вину колонисты остаются трезвыми. На всѣхъ свадьбахъ присутствуетъ пасторъ; онъ часто самъ руководитъ пѣніемъ и провозглашаетъ тостъ за новобрачныхъ.

Свадебный обѣдъ, который подается въ 4 часа дня, состоитъ изъ супа съ макаронами и мяса. Послѣ обѣда подаютъ кофе. На ужинъ около 8 часовъ вечера подаютъ пилавъ съ большою примѣсью изюма и опять кофе, иногда и чай. На столѣ всегда стоятъ разныя закуски: сыръ, рыба, икра и др. На свадьбы идетъ около 12 пудовъ мяса, до 4 пуд. риса и около 15 ведеръ вина.

Крещеніе дѣтей происходитъ въ церкви послѣ богослуженія. Оно состоитъ въ трехкратномъ окропленіи головы младенца водою и произношеніи молитвы.

Празднованіе крестинъ обходится также не дешево. Хо-

тя на крестины приглашаются лишь родственники, тѣмъ же менѣе собирается чловѣкъ за пятьдесятъ и расходы доходить до 20-30 руб.

Весною, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, послѣ катехизаціи, малъ и великъ высыпаютъ въ степь для прогулки, конечно, родители съ маленькими дѣтьми отдѣльно, разные возрасты и полы также отдѣльно. Братъ съ собою въ такіе дни какіе бы то ни было закуски или вино не позволяется; также воспрещается въ эти дни ѣзда какъ колесная, такъ и верховая.

По окончаніи молотбы, т. е. въ концѣ іюля почти каждое семейство устраиваетъ такъ называемое „гулянье“. Забравъ съ собою достаточный запасъ вина и съѣдобнаго, отправляются въ горы, гдѣ остаются отъ 2 до 5 дней. Чаше еще соединяется нѣсколько семействъ въ одну компанію. Но парни, соединяясь, обыкновенно устраиваютъ „гулянье“ отдѣльно и отсутствуютъ до 10 и болѣе дней.

Ночь на первое мая парни проводятъ въ уличныхъ увеселеніяхъ. У домовъ любимыхъ дѣвушекъ разставляютъ зеленныя вѣтви, а иной дѣвучкѣ ставятъ приготовленное изъ тряпокъ чучело.

Парни съ дѣвушками открыто не имѣютъ сношеній и не устраиваютъ совмѣстныхъ развлеченій. Когда обнаружилась совмѣстная прогулка обоихъ половъ, устроенная года два тому назадъ, то это имѣло послѣдствіемъ привлеченіе къ отвѣтственности виновныхъ.

Х. Занятія жителей и администрація колоніи.

Благосостояніе колонистовъ основывается главнымъ образомъ на винодѣліи. Всякое мѣстечко, мало-мальски доступное культурѣ, упорнымъ трудомъ нѣмецкаго колониста превращено или въ виноградникъ или вербную рощу, доставля-

ющую матеріалъ для водвязки лозъ. Долина рѣки Ганжинки, принадлежащая колонистамъ, на протяженіи 9 верстъ, представляетъ сплошной виноградникъ. Пространство, занимаемое виноградными садами въ разныхъ другихъ мѣстахъ, втрое больше того. Съ каждымъ годомъ колонисты приобрѣтаютъ больше виноградниковъ или земель, годныхъ для разведенія таковыхъ, какъ отъ жителей гор. Елизаветполя, такъ и отъ сосѣднихъ туземныхъ крестьянъ. Горячность, которую выказываютъ нѣмцы при закункѣ земли, подняла цѣну послѣдней до неимовѣрной высоты. Такъ, напр., за десятину голой земли, годной подъ сады, платятъ отъ тысячи до двухъ тысячъ рублей и больше. Кромѣ вина, получаемого отъ собственныхъ садовъ, тутъ производится много вина изъ винограда, покупаемаго у магометанъ, которые по религіознымъ убѣжденіямъ не дѣлаютъ вина, хотя и разводятъ сады.

Разведеніе виноградника стоитъ большихъ денегъ. Участокъ сперва обносятъ высокою стѣною изъ камня и глины, сравниваютъ землю, если она неровная, и вскапываютъ ее на аршинъ приблизительно, если она каменистая, очищая отъ камней. Затѣмъ вырываютъ рвы на три четверти аршина и ставятъ туда лозы. Прикрывъ изъ землю, напускаютъ въ это мѣсто воду, чтобы земля плотно осѣла. На третій годъ приставляютъ къ каждой лозѣ коль, въ противоположность туземцамъ, которые употребляютъ камышъ. Сотня хорошихъ колевъ стоитъ отъ 15 до 20 рублей, а на десятину ихъ идетъ около 8000 шт.

Подвязка лозъ въ теченіе года производится три раза, столько же разъ и поливаютъ сады. При здѣшнихъ весьма благопріятныхъ условіяхъ какъ климатическихъ, такъ и почвенныхъ виноградъ растетъ очень быстро и черезъ три-четыре года послѣ посадки лозы даютъ уже первый сборъ. Хотя сады здѣсь обрабатываются лучше, чѣмъ во многихъ мѣстахъ края, но еленендорфское вино не имѣетъ никакихъ

преимущество предъ другими кавказскими винами, такъ какъ главная забота обращена на производство какъ можно большаго количества вина, къ улучшенію же качества его не предпринималось до сихъ поръ почти никакихъ мѣръ. Уборка винограда производится безъ сортировки какъ по видамъ винограда, такъ и по степени зрѣлости кистей.

Всего сортовъ воздѣлывается около 6. Главнымъ образомъ дѣлають красно вино, потому что на него бываетъ большій спросъ, чѣмъ на бѣлое. Цѣна его тѣмъ больше, чѣмъ оно темнѣе по своей окраскѣ.

При давкѣ, производившейся недавно еще ногами, въ послѣднее время стали входить въ употребленіе механическіе приборы. Вино содержится въ удобныхъ погребахъ, устроенныхъ подъ домами. Каждый хозяинъ приготовляетъ среднимъ число 1500 ведеръ въ годъ, но нѣкоторые—отъ 2000 до 5000 ведеръ и больше. У двухъ колонистовъ вино обрабатывается въ погребахъ, преже чѣмъ оно отпускается въ продажу. Они не только имѣють вино собственнаго приготовленія, но и скупають его въ большомъ количествѣ у другихъ колонистовъ. Хранящагося у нихъ въ погребахъ вина не меньше 70 т. ведеръ у одного и 20 т. ведеръ у другого.

Самые лучшіе годы для винодѣла—сухіе. Въ дождливыя лѣта виноградныя лозы страдаютъ отъ разныхъ болѣзней, чаще всего отъ *oidium* и *peronospera*. Значительный вредъ причиняють также разныя насѣкомыя въ особенности *Conchylis ambiguella* и *Grapolitha botrana*.—Градобитіе, причинившее значительные убытки, за послѣднее десятилѣтіе было только одно.

Плодоводство находится въ пренебреженіи. Но разводимыя здѣсь плодовые деревья растутъ хорошо и даютъ обильные урожаи. Исключеніе составляетъ яблоня, которая много страдаетъ отъ короѣдовъ.

Хлѣбопашество по недостатку орошенія не достигло значительныхъ размѣровъ. Оно ограничивается лишь производствомъ необходимаго въ хозяйствѣ количества зерна. Искусственно орошаемыя поля засѣваются черезъ каждые четыре года, оставаясь три года подъ паромъ, а пахатныя поля, лежащія по склонамъ горъ, гдѣ дожди бывають чаще, даютъ удовлетворительные урожаи, но не каждый годъ.

Изъ хлѣбныхъ злаковъ разводятся пшеница, ячмень и въ небольшомъ количествѣ овесъ; изъ огородныхъ растений картофель и капуста.

Хлѣбамъ въ полѣ въ нѣкоторые годы причиняють большой вредъ полевая мыши. Большія опустошенія до восьмидесятыхъ годовъ производила саранча, но, благодаря энергичнымъ мѣропріятіямъ со стороны администраціи къ уничтоженію яичекъ этого насѣкомаго весной, съ того времени она стала появляться рѣдко и въ ограниченномъ только количествѣ.

Земледѣльческія орудія употребляются здѣсь усовершенствованной конструкціи, нерѣдко заграничнаго происхожденія, но польза тщательной обработки полей колонистами не признается: пашутъ въ одинъ плугъ, боронъ въ употребленіи не имѣють, а заволакивають зерно приборомъ, сдѣланнымъ изъ хвороста. Жатва хлѣба производится исключительно наемными работниками, главнымъ образомъ персидско-подданными. Молотьба производится по туземному способу; ею занимаются сами колонисты. При чисткѣ, т. е. вѣяніи на гумнахъ зерна помогаютъ и женщины. Кое-гдѣ употребляютъ чистилку.

Почти каждый колонистъ держитъ пару лошадей, но исключительно жеребцовъ. Лошади мѣстной породы небольшого роста, но очень крѣпкаго сложенія и чрезвычайной выносливости. Они содержатся въ прекрасномъ состояніи.

Рогатый скотъ мелкой породы и малодойный. Польза,

извлекаемая изъ скотоводства, очень незначительная. Дѣлались попытки развести лучшія породы, но скотина гибла отъ неблагопріятныхъ для нея условій.

Изъ домашней птицы можно упомянуть куръ, которыхъ можно найти въ каждомъ дворѣ большими табунами въ 50 до 100 и больше штукъ, но яйца не продаются, а употребляются въ пищу самими колонистами.

Почти каждый колонистъ занимается въ свободное время отъ садовыхъ и полевыхъ работъ какимъ-нибудь ремесломъ. Изъ ремеслъ болѣе другихъ выдаются: фургонаое, кузнечное и бондарное. Здѣсь готовятся фургоны особаго образца съ дужками для покрытія парусиной. Фургоны эти, по увѣренію стариковъ, неизвѣстные въ странѣ до появленіи колонистовъ и отличающіеся чистою отдѣлкою, прочностью и практичностью, славятся на все Закавказье и даже нашли себѣ сбытъ въ Закаспійскомъ краѣ. Этотъ фургонъ находитъ все большее распространеніе между туземнымъ населеніемъ, но это и есть единственное осязаемое явленіе культурнаго вліянія нѣмецкихъ колонистовъ на туземцевъ. Кромѣ приведенныхъ выше ремеслъ, можно упомянуть столярное, портняжное и сапожное.

Послѣ окончанія осеннихъ полевыхъ работъ приступаютъ къ перекуриванію виноградныхъ остатковъ. Винокуреніе производится самымъ первобытнымъ образомъ. Обыкновенно нѣсколько хозяевъ сообща приступаетъ къ дѣлу. Эта работа одна изъ самыхъ трудныхъ. Такъ какъ акцизная плата взимается по времени, конечно сообразно съ производительностью аппарата, то расчетливый винокуръ всѣми силами старается искупить дорогое для него время и въ теченіе нѣсколькихъ недѣль день и ночь вертится передъ пылающимъ огнемъ. Количество получаемой отъ перекуриванія виноградныхъ остатковъ водки (50-градусной) доходитъ до 600 ведеръ. Болѣе усовершенствованнымъ способомъ производится винокуреніе

только у двух колонистовъ, которые дѣлаютъ также и коньякъ.

Въ колоніи существуютъ тоже заводъ пивоваренный, который производитъ около 20 т. ведеръ пива, и заводъ искусственныхъ минеральныхъ водъ, изготовляющій около 60 т. бутылокъ ежегодно.

Такая какъ главная канава протекающая черезъ средину колоніи, представляетъ значительную двигательную силу, то по протяженію ей оказалось возможнымъ построить 8 мельницъ; изъ нихъ одна механическая съ тремя поставами, остальная азіатскаго образца. На рѣкѣ также построена мельница съ 14-ю поставами и динамомашинной, производящей электричество для 120 лампъ въ хозяйствѣ владѣльцевъ мельницъ.

Нѣкоторые изъ колонистовъ осенью покупаютъ у армянъ, живущихъ въ горахъ, гуртомъ свиней, рѣжутъ ихъ и готовятъ для продажи окорока и разные виды колбасы. Число свиней, убиваемыхъ для этой цѣли, ежегодно доходить до 500 штукъ. Окорока сбываютъ въ Елисаветнолѣ, Тифлисѣ, Батумѣ, Баку и др. мѣстахъ Закавказья.

Туземцы занимаются мелкими ремеслами и торговлею. Въ послѣднее время и нѣмцы открыли нѣсколько лавокъ и дѣлаютъ туземцамъ серіозную конкуренцію.

Съ 1888 года здѣсь существуетъ аптека. Въ прошломъ году открыто почтово-телеграфное отдѣленіе.

Земля, на которой живутъ колонисты, считается пока мѣсть еще собственностью казны; отчуждать свою землю не-колонисту никто не вправѣ.

Старшину колоніи называютъ здѣсь шульцемъ. Онъ выбирается большинствомъ голосовъ на 2 года. У него 2 помощника, избираемые такимъ же порядкомъ и тоже на 2 года. Всякія тяжбы колонистовъ рѣшаются составомъ этихъ лицъ, и только въ рѣдкихъ случаяхъ колонисты обращаются въ судъ.

Общественныя дѣла рѣшаются на мірской сходкѣ. Туда хозяевъ созываетъ десятскій посредствомъ выкрикиванія на улицахъ, предварительно обративъ на себя вниманіе звономъ колокольчика. Общественное собраніе обыкновенно происходитъ очень бурно, но разъ порѣшенное приводится въ исполненіе чрезвычайно быстро.

Всякая должность по хозяйственной части общества на Новый годъ, по экономическимъ соображеніямъ, отдается аукціоннымъ порядкомъ, т. е. тому, кто принимаетъ ее за наименьшую плату.

Бюджетъ общества составляется отчасти изъ определенныхъ взносовъ, отчасти изъ постоянныхъ доходовъ, въ видѣ арендной платы, съ общественныхъ домовъ, дворовъ и проч.

Учитель Елен. 2-кл. училища Ферд. Циммеръ.

Сел. Квемо-Чала, Горійскаго уѣзда, Тифлисскаго губерніи.

I. Историческія свѣдѣнія.

Селеніе Квемо-Чала существуетъ съ весьма отдаленнаго времени. Когда и гдѣмъ оно построено, объ этомъ исторія молчитъ, а въ народѣ не сохранилось никакихъ преданій. Въ первый разъ селеніе это становится болѣе или менѣе извѣстнымъ, судя по даннымъ изъ грузинской исторіи *), со второй половины XV-го вѣка, когда оно было пожаловано дворянину Іоатаму Зедгинидзе, родоначальнику князей Амилахвари, которые и въ настоящее время владѣютъ имъ, какъ родовымъ имѣніемъ, со всѣми прилегающими къ нему угодьями, лѣсомъ, пастбищными и пахотными землями.

Историческія данныя, относящіяся къ пожалованію имѣнія Іоатаму Зедгинидзе, весьма интересны. Этотъ доблестный дворянинъ, жившій въ XV стол. при грузинскомъ царѣ Георгіи VIII (1445—1469), отличался самоотверженіемъ и преданностью своей родинѣ и государю, что онъ и доказалъ впоследствии, пожертвовавъ своею жизнью для спасенія царя отъ рукъ личныхъ его враговъ, недостойныхъ сыновъ Грузіи. Дѣло было такъ. При грузинскомъ царѣ Георгіи VIII, жившемъ желаніе объединить Грузію, только что распавшуюся на нѣсколько мелкихъ владѣній и терзаемую безконечными смутами и междоусобіями, въ одну общую нераз-

*) Грузинскій историческій сборникъ „Картлисъ-Цховреба“, т. е. „Жизнь Грузіи“.

дѣльную державу подъ своимъ управленіемъ, — нѣкоторые изъ владѣтельныхъ князей, а въ особенности атабагъ (правитель) древней Месхетіи ¹⁾, Кваркваре II (+ 1466) ²⁾, возмущились противъ своего законнаго государя, не раздѣляя его завѣтныхъ желаній и великой идеи единой державы. Въ результатъ не только у него, но и другихъ феодаловъ, гнавшихся за мелкими личными выгодами, созрѣлъ гнусный замыселъ убить своего законнаго государя.

Заговоръ этотъ былъ случайно открытъ и доведенъ до свѣдѣнія царя дворяниномъ Зедгинидзе, состоявшимъ тогда на какой-то маленькой должности при царскомъ дворѣ ³⁾ и пользовавшимся милостивымъ вниманіемъ своего повелителя. Но царь не повѣрилъ этому. Тогда Зедгинидзе, желая воочію убѣдить царя въ справедливости своего подозрѣнія, но притомъ спасти жизнь его для блага отечества, рѣшился пожертвовать собою, предложивъ ему тайно слѣдить въ назначенную ночь за подкупленными заговорщиками лицами, когда они, по условію, должны были проникнуть въ царскіе покои, чтобы умертвить царя въ постели. Съ этой цѣлью онъ самъ легъ вмѣсто царя въ его спальнѣ. На слѣдующее утро царь Георгій былъ очевидцемъ страшной кровавой картины: полумертвый Ютамъ Зедгинидзе, беспощадно изрубленный десятками кинжалныхъ ударовъ, плавалъ въ лужѣ собственной крови и шепотомъ умолялъ царя беречь свою жизнь для блага Грузіи, а также просилъ не забыть его осиротѣвшихъ дѣтей.

Злодѣи получили, конечно, должное наказаніе за свой

¹⁾ Нынѣшніе Ахалкалакскій и Ахалцихскій уѣзды, Ардаганскій и часть Батумскаго округа.

²⁾ См. Истор. Грузіи М. Джанашвили стр. 237.

³⁾ Въ старыхъ гуджарахъ, вмѣсто Зедгинидзе, читаемъ Зевдгінидзе, что въ переводѣ значитъ „высокопоставленный“ (Зев-дгінидзе, отъ зе-дгена) выше ставить, возвышать.

М. Дж.

звѣрскій поступокъ, но старшій сынъ самоотверженнаго дворянина былъ осыпанъ щедрыми милостями царя: ему предоставлена была одна изъ тогдашнихъ высокихъ должностей при дворѣ— „амилахори“ (амир-ахвори), аналогичная съ должностью „оберъ-шталмейстера“ ¹⁾, съ пожалованіемъ титула князя.

При этомъ новому князю Амилахори, или Амилахвари было пожаловано въ вѣчное и потомственное владѣніе сел. Самтависи съ древнимъ монастыремъ и соборомъ того же имени. Обитель эта основана однимъ изъ 13 св. отцовъ, пришедшихъ въ Грузію изъ Сиріи въ VI в. ²⁾, св. Исидоромъ Самтависскимъ, похороненнымъ въ томъ же соборѣ ³⁾. Кромѣ того, въ составъ владѣній новаго феодала Амилахвари входила, помимо настоящей Чальской дачи (отстоятъ отъ сел. Самтависи на 1¹/₂ — 2 верс.), чуть ли не вся восточная половина Горійскаго уѣзда. Вотъ эта-то «Чальская дача», постепенно заселяясь, впоследствии и образовала теперешнее сел. Квемо-Чала.

¹⁾ Известный знатокъ грузинской исторіи, г. А. Хахановъ, въ статьѣ своей, озаглавленной „საქართველოს სამეფოს მონეტები“ (Должностныя лица грузинскаго царства) и напечатанной въ груз. журн. „Моамбе“ за 1897 г. № 3, перечисляя равныя должности, когда-либо существовавшія въ Грузіи, упоминаетъ и должность „амилахори“, разъясняя, что она перешла въ Грузію изъ Персіи и вошла въ употребленіе съ XV ст. Амилахору, вмѣстѣ съ тѣмъ, присваивалось и званіе „карталинскаго спаснота“—главнокомандующаго и „горійскаго мурзавана.“ (Истор. царевича Вахушта, 8).

²⁾ См. Географію царевича Вахушта, изданную г. М. Джанашвили стр. 124.

³⁾ Въ настоящее время древній Самтависскій соборъ, реставрированный недавно, обращенъ въ приходскую штатную церковь и составляетъ, какъ и раньше, фамильный склепъ кн. Амилахвари. Главная церковь этой древней обители, св. Исидора, построена въ 1050 году груз. царемъ Багратомъ IV (1027—1072). Ист. Грузіи М. Джанашвили, стр. 82.

II. Мѣстоположеніе. Названіе села. Климать.

Сел. Квемо-Чала находится въ 12 верстахъ отъ ст. Каспи Закавказ. жел. дор., къ с.-в. отъ нея, въ небольшой котловинѣ на берегу р. Лехура, у подножія отроговъ, постепенно спускающихся съ главнаго Кавказскаго хребта все ниже и ниже къ долинѣ означенной рѣки и покрытыхъ богатыми буковымъ и дубовымъ лѣсомъ. Рѣка Лехура ¹⁾ беретъ свое начало въ этихъ отрогахъ Главнаго хребта и, направляясь бурнымъ горнымъ потокомъ сначала съ сѣвера на югъ, а потомъ, немного выше сел. Квемо-Чала, дѣлая крюкъ къ сѣверо-западу, впадаетъ недалеко отъ ст. Каспи въ р. Куру. Рѣка эта сама по себѣ не особенно большая, но, какъ и всѣ горныя рѣки Кавказа, отличается въ дождливое время такими сильными разливами, что нерѣдко причиняетъ значительныя убытки жителямъ, населяющимъ прибрежныя мѣста. Такъ, напримѣръ, осенью, 1895 г. и въ дождливую весну 1896 г., когда и въ другихъ мѣстностяхъ Кавказа населеніе чувствительно пострадало отъ весеннихъ половодій, она разлилась настолько сильно, что затопила посѣвы, сады, виноградники и даже самые дома многихъ жителей села и, такимъ образомъ, нанесла не мало вреда бѣдному люду.

Названіе «чала» на грузинскомъ языкѣ означаетъ мѣстность, богатую травой и водой и мѣстами покрытую мелкимъ лѣсомъ ²⁾. Слово же «квемо» значитъ въ переводѣ

¹⁾ Въ Географіи груз. царевича Вахушта эта рѣчка именуется „Рехула“. По указанію царевича такое названіе получила она отъ сел. „Реха“, лежащаго у верховьевъ названной рѣки. Слово Реха образовалась отъ гл. рехва (=ріква, мореква) наносить камни со щепнемъ, пескомъ и иломъ; изъ него имѣемъ имена: ріке каменистое ложе (русло) рѣки, рехул-а вм. рікул-а (прошедшее прич. страдательнаго зал. рехулі, рік-улі) наносящій камни со щепнемъ и пр. М. Джс.

²⁾ Чала по-русски роща.

«нижній», въ отличіе отъ другой деревни «Земо-Чала», т. е. «Верхняя Чала», расположенной вверхъ по теченію Куры, въ томъ же уѣздѣ, около ст. Михайлово Зак. ж. д. Внѣшній видъ описываемаго села и теперь оправдываетъ свое имя, представляя настоящую «чалу» — мѣстность, обильную растительностью.

Климатъ здѣсь имѣетъ свои особенности: зима сравнительно съ другими сосѣдними селами, холоднѣе, а лѣто не жаркое, благодаря тому, что съ сѣверо-западной стороны отъ прилегающаго къ этому селу широкаго «Тирипонскаго¹⁾ поля», тянущагося ровною скатертью на разстояніи 25 вер. почти до самаго гор. Гори, открыты къ селенію доступъ сѣвернымъ холоднымъ вѣтрамъ. Въ сел. Каспи, напр., отстоящемъ отъ Чалы всего на разстояніи 10—12 верс., зима гораздо теплѣе, и первое появленіе растительности весной наблюдается тамъ на 2—3 недѣли раньше, чѣмъ въ Чалѣ. Объясняется это, какъ мнѣ кажется, главнымъ образомъ, отсутствіемъ въ Каспи сѣверныхъ холодныхъ вѣтровъ (хотя и тамъ часто дуютъ вѣтры, но западные) со стороны Тирипонскаго поля, отъ котораго оно закрыто лѣсистыми горами, входящими въ составъ имѣній дворянъ Зааловыхъ. Вообще вліяніе сѣверныхъ вѣтровъ, дующихъ постоянно, почти круглый годъ, сильно замѣтно здѣсь на растительности: больше всего подвергаются этому вліянію высокорастущія деревья, но со слабосидящими корнями. Въ садахъ нѣкоторыхъ изъ мѣстныхъ помѣщиковъ встрѣчаются тополи, посаженные ими 10—15 лѣтъ тому назадъ, высота которыхъ не превышаетъ 4—2 саж., тогда какъ въ другихъ, огражденных отъ такихъ вѣтровъ, мѣстностяхъ дерево это достигаетъ за такое же время громадной вышины. Только орѣшникъ и дубъ, широко пускающіе свои могучіе корни въ глубь земли, не

¹⁾ Тіріпні іва, „Тіріпні-оніе міндори“ ивовое поле.

М. Дж.

поддаются стремительной силѣ сѣвернаго вѣтра и отличаются своими исполинскими разиѣрами.

Продолжительность зимы здѣсь въ среднемъ бываетъ до 4 мѣсяцевъ,—съ половины ноября до половины марта, но бывали случаи выпаденія снѣга даже въ октябрѣ и поздно весною въ апрѣлѣ; такова, напр., была зима въ 1896 году. Рѣдкій годъ проходитъ безъ снѣга. Средняя температура колеблется зимою между -4° и -12° по Р., а лѣтомъ между $+15^{\circ}$ до $+25^{\circ}$ по Р. Зима на 1897/8 г. была значительно суровѣе, такъ что морозы доходили въ декабрѣ и январѣ иногда до -15 — -17° по Р.

III. Составъ населенія. Занятія жителей хлѣбопашествомъ. Виноградарство. Огородничество. Плодоводство. Пчеловодство. Шелководство.

Населеніе, въ количествѣ 144 дымовъ, состоитъ изъ грузинъ и армянъ, при чемъ первыхъ 141, а послѣднихъ 3 дыма. Количество душъ, по исповѣднымъ росписямъ мѣстныхъ приходскихъ священниковъ, доходитъ до 1255; изъ нихъ мужскаго пола 705, женскаго — 550 душъ. По сословіямъ жители подраздѣляются такъ: князей и дворянъ 16 дворовъ—75 душъ; духовнаго званія 3 дыма—29 душъ, остальные крестьянскаго званія.

Главное занятіе жителей составляетъ хлѣбопашество, виноградарство, огородничество и, въ небольшихъ размѣрахъ, садоводство. Изъ злаковъ жителями культивируются: пшеница (озимая), ячмень и кукуруза.

Изъ кавказскихъ виноградныхъ сортовъ разводятся и даютъ лучшіе сборы слѣдующіе: „мцване“ (т. е. зеленый виноградъ)—отличается кистями небольшими, съ густо сидящими другъ около друга круглыми ягодами, и даетъ обильное

сусло; „буде-шури“¹⁾—лучшій сортъ для вина, съ рѣдко сидящими овальными и просвѣчивающими ягодами; „саперави“ (черный виноградъ, т. е. красящій виноградъ)²⁾, выжимки изъ котораго даютъ сусло предъ броженіемъ для окрашиванія вина въ красный цвѣтъ; „касиури“ (т. е. каспійскій); „тав-квери“³⁾ и „данахарули“ (оба черные); послѣдній даетъ низшій сортъ сусла и при давкѣ винограда даже совсѣмъ не смѣшивается съ другими сортами, а выжимается особо. Кахетинскій „саперави“ и „ржацители“⁴⁾—лучшіе винные сорта, повидимому, подвергаются на здѣшной почвѣ значительному измѣненію къ худшему, вѣроятно потому, что сравнительно холодный климатъ Барталиніи не благопріятствуетъ успѣшному проваростанію и созрѣванію винограда этихъ сортовъ.

Вино здѣсь получается вообще низкаго достоинства; состава алкоголя въ немъ не болѣе 6—8%, а кислотъ весьма много, такъ что это въ значительной степени отзывается на вкусѣ вина. Благодаря этому и отсутствію въ здѣшнихъ винахъ достаточной крѣпости, они не выдерживаютъ ни дальней перевозки ни долгаго храненія и потому сбываются очень скоро, черезъ 4—6 мѣсяцевъ по переброженіи, на мѣстныхъ рынкахъ по очень дешевой цѣнѣ,—кока⁵⁾ отъ 6—10 руб. Недоброкачественность вина можно еще приписать слѣдующему обстоятельству: оно отстаивается самымъ первобытнымъ способомъ въ глиняныхъ кувшинахъ, зарытыхъ въ землю; кувшины эти зачастую не вымываются чисто, отъ чего вино получаетъ особый запахъ. Не надо быть особеннымъ знато-

¹⁾ Будеш-ури вм. будес-ури гнѣздообразный.

²⁾ Саперави отъ гл. пѣрва окрашивать, герундивъ са-перави—который долженъ окрашивать.

³⁾ Кругло-головый.

⁴⁾ Ржа-цители—красно-вѣтчной.

М. Джс.

⁵⁾ Въ кожѣ 10 тунгѣ, а въ тунгѣ 5 бутылокъ, такъ что если считать среднюю стоимость здѣшняго вина 8 р. за коку, то бутылка его будетъ обходиться немного менѣе 9 к.

комъ, чтобы сейчасъ же послѣ первой пробы здѣшняго вина узвать его специфическія особенности по запаху отъ кувшина, въ котромъ его держали. На улучшение же способовъ выдѣлки вина нельзя скоро надѣяться: въ средѣ садовладѣльцевъ и вообще мѣстнаго населенія отсутствуютъ рациональныя званія по этой важной для края отрасли сельскаго хозяйства.

Покупателями здѣшнихъ винъ, какъ и вездѣ въ Грузіи, являются тифлисскіе, горійскіе и прочіе виноторговцы, большею частію, армяне, добычей которыхъ, обыкновенно осенью, дѣлается за полъ-цѣны, чуть ли не даромъ, почти что весь годовой урожай бѣднаго люда, въ особенности крестьянъ. Извѣстный способъ означенныхъ выше торгашей-живодеровъ — отдавать деньги въ ростъ, съ условіемъ уплаты вмѣстѣ съ процентами «натурою», и въ этомъ селѣ нашелъ благодарную почву и широкое примѣненіе: не разъ наблюдались и наблюдаются случаи совершеннаго опорожненія виннаго кувшина бѣднаго крестьянина его «благодѣтелемъ» и «кумомъ» въ счетъ процентовъ или долга.

Изъ огородныхъ овощей жители разводятъ почти всѣ общеизвѣстные сорта, но въ отношеніи арбузовъ и дынь слѣдуетъ замѣтить, что получаютъ они довольно плохого качества, благодаря, конечно, той же прохладности климата. Капуста и бобы, съ традиціонной грузинской лобіей, родятся въ изобиліи. Въ особенности идетъ улачно капуста, которой осенью покрываются цѣлыя поля; урожай ея въ 1897 году былъ настолько обильный, что далъ чальцамъ доходу свыше трехъ тысячъ рублей. Закупщики не успѣли даже сбыть этотъ продуктъ въ Тифлисъ и Багу, такъ что значительная часть заготовленной ими для отправки по желѣзной дорогѣ капусты замерзла на ст. Каспи отъ наступившихъ морозовъ, и испортилась.

Изъ плодовыхъ деревьевъ успѣшнѣе идутъ груши, яблони и сливы мѣстныхъ кавказскихъ сортовъ, какъ-то: „турашаули“, „абелаури“, „хомалдуни“¹⁾, „гвердцителі“²⁾ (яблони); „хечечури“, „милахури“, „гулаби“, „борбала“³⁾, „мсхалпанта“ (груши); „шавъ-клава“⁴⁾, „отури“, „тетр-блява“⁵⁾, „чанчури“ (сливы) и пр. Болѣе нѣжные и свойственные болѣе теплому климату плоды, какъ инжиръ, гранатъ, каштанъ и пр., коиъ въ Кахетіи, наприм., можно встрѣтить цѣлые лѣса, здѣсь не растутъ. Инжиръ лишь только успѣетъ распустить свои листья, какъ уже подоспѣвшіе осеніе холода не даютъ ему развиться далѣе; даже ростъ его не превышаетъ аршина высоты. Однимъ изъ мѣстныхъ помѣщичиковъ, кн. И. Г. Амилахвари, нѣсколько лѣтъ тому назадъ сдѣланъ опытъ разведенія плодовыхъ деревьевъ европейскихъ сортовъ, который далъ удовлетворительные результаты; иные, какъ напр., „автоновка“, „райская яблоня“, а также два или три вида „реветъ“, „дюшесы“ и „шпанка“ пошли прекрасно.

Пчеловодствомъ почти не занимаются, за исключеніемъ двухъ-трехъ крестьянъ, имѣющихъ по нѣсколько лежаковъ, обмазанныхъ коровьимъ пометомъ, и вышеозначеннаго помѣщика, въ саду котораго виднѣется нѣсколько „дадановскихъ“ ульевъ, а между тѣмъ богатая растительностью природа этого села, какъ нельзя лучше, способствовала бы развитію этой доходной статьи, не требующей особенныхъ денежныхъ затратъ. И тутъ, мнѣ кажется, главной помѣхой дѣлу являются то же полнѣйшее отсутствіе какихъ-либо знаній и извѣстная грузинская безпечность.

1) Хомалд-уни челнообразный.

2) Гверд-цѣителі съ краснымъ бокомъ.

3) Колесообразный.

4) Черносливъ.

5) Бѣлая слива.

О шелководствѣ здѣсь нѣтъ и помину, но оно могло бы пойти хорошо: въ селѣ нѣтъ сада, въ которомъ не стояло бы хоть нѣсколько шелковиць.

IV. Плодородіе почвы. Причины неуспѣхности полевого хозяйства. Признаки улучшенія сельскохозяйственныхъ приемовъ. Незначительные размѣры скотоводства.

Средняя часть Горійскаго уѣзда считается вообще неплодородной, и въ этомъ отношеніи почва сел. Чала выгодно отличается отъ другихъ селеній; особенно богатый хлѣбъ родится на «Тирипонскомъ» полѣ, гдѣ хотя и нѣтъ текучей воды, но земля, обильно орошаемая весною и лѣтомъ довольно частыми дождями, вознаграждаетъ труды крестьянина сторицею. Такимъ же обиліемъ хлѣба отличается другая полоса, лежащая къ сѣверо-востоку отъ села, вкругъ старинной крѣпости «Цхвило», въ которой не разъ укрывались князья Амилахвари со своими семьями и добромъ отъ непріятели въ бурныя времена терзанія Грузіи внѣшними и внутренними врагами. Тутъ же въ крѣпости Цхвило, арагвскимъ приставомъ Зурабомъ былъ убитъ (въ 1629 г.) царь Симонъ II-й.

Несмотря на это плодородіе почвы, хлѣбопашество, какъ и остальные отрасли сельскаго хозяйства, ведется самымъ примитивнымъ способомъ, при помощи первобытныхъ, тяжелыхъ и весьма неудобныхъ приспособленій, орудій и инструментовъ.

При распашкѣ земли фигурируетъ тотъ же топорный грузинскій плугъ, который въ иныхъ случаяхъ не подъ силу таскать 8—10 парамъ здоровыхъ буйволовъ и быковъ. Подбора лучшихъ, соответствующихъ климатическимъ и почвеннымъ условіямъ, сортовъ сѣмянъ не дѣлается; улучшенія породы рабочаго скота не замѣчается; стремленія въ средѣ

населенія къ обзаведенію лучшими усовершенствованными орудіями, а равно влеченія къ пріобрѣтенію разумныхъ знаній, добытыхъ опытомъ и наукою, къ сожалѣнію, совсѣмъ нѣтъ, и нельзя не упрекнуть въ данномъ случаѣ мѣстный привилегированный классъ, представляющій въ селѣ значительный контингентъ, что онъ такъ мало проявляетъ желанія порвать съ устарѣлыми способами обработки земли, переданными прадрѣдами чуть ли не съ доисторическихъ временъ. Конечно, перевороты къ лучшему въ экономической жизни народа дѣлаются не легко и не сразу, и, какъ извѣстно, для этого требуются десятки лѣтъ и немало успій.

Но по одной отрасли сельскаго хозяйства замѣчаются уже признаки поворота къ лучшему. Благодаря организованному недавно при мѣстномъ сельскомъ училищѣ сельско-хозяйственному отдѣленію, о чемъ будетъ говорено ниже, населеніе начинаетъ уже сознавать настоятельную необходимость лѣченія виноградниковъ отъ различныхъ болѣзней лозъ (здѣсь чаще всего наблюдаются болѣзни: „милдью“, „оидіумъ“, а иногда „антракноза“), для чего жители—какъ князья и дворяне, такъ равно и крестьяне, ежегодно обращаются въ училище за объясненіемъ раціональныхъ способовъ лѣченія садовъ.

Скотоводствомъ жители занимаются мало за отсутствіемъ пастбищныхъ мѣстъ; поля почти все обращены въ пашни, а въ лѣса крестьяне не имѣютъ доступа, такъ какъ помѣщики воспрепятствуютъ пускать туда скоть, разрѣшая имъ за установленную годовую пошлину ¹⁾ только вывозить валежникъ на топливо. Вслѣдствіе этого крестьяне держатъ только рабочей скотъ и очень немного лошадей.

¹⁾ Съ крестьянина, имѣющаго не менѣе пары воловъ, взимается помѣщикомъ за пользованіе лѣсомъ въ годъ отъ 4—6 руб. Съ крестьянъ же, совсѣмъ не имѣющихъ воловъ, а такихъ довольно много здѣсь,—по 2 р. въ годъ.

V. Сельское управление. Торговля. Школа. Сельско-хозяйственное при ней отдѣленіе.

Волостное управленіе Квемо-чальскаго сельскаго общества, состоящаго изъ 12 отдѣльныхъ селъ, сосредоточено въ Чалахъ, какъ главномъ центрѣ общества. Здѣсь есть сельская канцелярія, мѣстожителство сельскаго старшины и пр.

Мѣстная торговля въ рукахъ пришлыхъ людей, армянъ и евреевъ, которые имѣютъ въ селѣ двѣ-три мелочныя лавки и торгуютъ также краснымъ товаромъ. Питейныя заведенія, къ счастью, отсутствуютъ совсѣмъ.

Съ 1881 г. открыта здѣсь одноклассная министерская школа, при которой съ начала 1895 года организовано сельско-хозяйственное отдѣленіе, съ занятіями въ немъ по садоводству, огородничеству и шелководству. За время существованія своего школа дала слѣдующій контингентъ грамотныхъ обоого пола: до текущаго учебнаго года изъ нея вышло грамотными 246 лицъ обоого пола, изъ которыхъ 15 служатъ: одинъ кондукторомъ на желѣзной дорогѣ, другіе стрѣлочниками, станціонными сторожами, или занимаются торговлей. Поступившихъ въ другія учебныя заведенія изъ этого училища всего 8 человекъ муж. п. и всѣ привилегированнаго сословія. Въ виду того что женская половина населенія больше обнаруживаетъ стремленія (общее явленіе въ средѣ населенія Горійскаго уѣзда) къ поступленію въ школу и обученію въ ней, учебное начальство открыло при школѣ съ начала 1888 учеб. года и занятія по руководѣнію, и для руководства означенными занятіями пригласило за особую плату учительницу.

Сельскохозяйственное отдѣленіе училища ведетъ свои занятія на двухъ участкахъ земли: одинъ изъ нихъ, мѣрою около $\frac{1}{2}$ дес., отведенъ изъ казенной земли, а другой, въ $4\frac{1}{2}$ десят., пожертвованъ мѣстнымъ помѣщикомъ, генера-

ломъ кн. И. Г. Амплахвари. Для руководства занятіями по сельскому хозяйству дирекціей народныхъ училищъ приглашенъ спеціалпсть, окончившій сельско-хозяйственныя курсы при Ахалцихскомъ городскомъ училищѣ, съ платою въ годъ 300 р., при готовой квартирѣ, отопленіи, освѣщеніи и прислугѣ. За время своего существованія отдѣленіе успѣло сдѣлать слѣдующія насажденія: на большомъ участкѣ, на 2 десятинахъ, устроенъ плодовый садъ въ 18 рядовъ плодовыхъ деревьевъ, посаженныхъ въ шахматномъ порядкѣ, по 20—28 шт. въ каждомъ ряду. Изъ европейскихъ сортовъ имѣются четырехъ- и пятилѣтнія груши и яблони, довольно разнообразныхъ названій; имѣются также лучшіе сорта ахалцихскихъ грушъ и яблонь, какъ-то: „наназиръ“, „сесела“, „бегъ армуди“, „кабахъ-армуди“ (груши); „шахъ-алма“, „соба“, „шакаръ-алма“, „паша-алма“ (яблони) и черешни, вишни и персики мѣстныхъ и европейскихъ сортовъ. Всего плодовыхъ деревьевъ разныхъ видовъ въ плодовомъ саду училища до восьмисотъ экземпляровъ. Виноградникъ, на томъ же большомъ участкѣ (до 1 десят.), засаженъ лозами мѣстныхъ и кахетинскихъ сортовъ. Въ рядахъ лозъ встрѣчаются экземпляры и нѣкоторыхъ выписныхъ американскихъ сортовъ, какъ-то: „шипо бѣлое“, „сарахъ“, „саперъ“, „каберне“, и др. Виноградныхъ кустовъ всего до 7 тысячъ. Въ текущемъ году ожидается первый урожай съ виноградника училища. Тутовая плантація на пространствѣ $\frac{1}{2}$ дес. имѣется на томъ же большомъ участкѣ; шелковицы, до 400 экзempl., въ видѣ укоренившихся деревцовъ съ уже оформленнымъ штамбомъ, выписано изъ Кавказской шелководственной станціи. Остальная часть большого участка обращена подъ огородъ, гдѣ ежегодно культивируются всѣ общезвѣстные овощи и огородныя растенія мѣстныхъ и выписныхъ европейскихъ сортовъ. На маломъ участкѣ училища, около зданія, сосредоточены, главнымъ образомъ, штомникъ и парники, хотя и тутъ есть пло-

довыя деревья разныхъ видовъ и кусты, какъ-то: малина, крыжовникъ, смородина, ягоды и пр.

Въ минувшемъ году доходность съ сельско-хозяйственнаго отдѣленія, вслѣдствіе продажи разныхъ древесныхъ растений съ питомника, выразилась суммой 150 руб. Отдѣленіе пока получало доходы только съ огорода и съ занятій по шелководству, такъ какъ ни молодой пока плодовый садъ ни виноградникъ не даютъ еще никакихъ доходовъ. Въ общемъ, если считать всѣ работы отдѣленія по культурѣ древесныхъ растений за время трехлѣтняго его существованія, насчитывается до 11 тысячъ насажденій, включая сюда семь тысячъ глядичій, выращенныхъ въ собственномъ питомникѣ и посаженныхъ плантажемъ вокругъ большого участка для живой изгороди. Кромѣ того, училище неразъ снабжало безплатно древесными растеніями и глядичіями другія школы дирекціи.

Расходъ на занятія по сельскому хозяйству, включая сюда и жалованье садовнику въ 300 руб., а равно и плату двумъ годовымъ сторожамъ-рабочимъ въ 180 руб., выразился въ минувшемъ году суммой 751 р. 75 коп. При сопоставленіи цифры дохода и расхода по отдѣленію, оказывается, что доходность его покрываетъ пока една лишь пятую часть всего расхода.

VI. Достопримѣчательности села.

Въ Чалахъ двѣ церкви, одна во имя Рождества, а другая Успенія Пресв. Богородицы. Когда-то обѣ эти церкви были домовыми церквами кн. Амилахвари, но теперь онѣ обращены въ приходскія штатныя, при чемъ въ первой изъ нихъ собрано немало святыхъ прошлаго времени чуть ли не со всего Лехурскаго ушеля.

Надъ входомъ церкви Рождества Пресвятой Богородицы есть на камнѣ грузинская надпись такъ наз. гражданскими (მხედრული) буквами, открывающая намъ имя личности, построившей эту церковь. Вотъ подлинная надпись, святая слово въ слово, съ допущеніемъ знаковъ препинанія, которыхъ нѣтъ какъ въ этой, такъ равно и въ послѣдующихъ надписяхъ: „ყოველთა წმიდათა დიდებულთა უდიდებულესო წმიდაო, ყოვლად უბიწო ქალწულა მარიამ, დიდებულა, ყოველთა ნათესავთაგან სანატრულო, შენის შეწევნითა აღასვენე ამილახვარმან ავთანდილის ძემ, თვით ამირანდო ამილახვარმან საუდარი ესე ყოვლად წმიდის შობის, სულის სსნისათვის და ჩვენის კასტანგის ასულის ელენეს სადღეგრძელოთ. ზი, ყოვლად დედაო ქრისტესო, შეიწირე ესე ნამუშავეი ჩვენი, მეოხ გვეყუე წინაშე ძისსა ლთისა. სეკტემბრის ეჭესსა, ქარონიკონს უაბ“. Переводъ: «Пресвятая, Пренепорочная и Преславная Богородице Дѣво Маріе, ублажаемая всѣмъ родомъ чловѣческимъ; твоею помощію построилъ я, Амиридо Амилахвари, сынъ Амилахвари Автандила, церковь сію во имя Рождества Твоего, во спасеніе души нашей и въ долгоденствіе дочери нашего Вахтанга, Елены. О, мать Христа! прими сей трудъ нашъ и будь заступницей предъ Сыномъ Божиимъ. Сентября шестого, короникона 462 годъ» (= 1774 г.).

Самой главной древней святыней изъ числа крестовъ и иконъ, сохранившихся въ этой церкви, слѣдуетъ считать большой крестъ (3 арш. 10 верш. въ длину, 2 арш. въ шир. и 3 1/2 верш. въ квадратъ; крестъ этотъ народъ называетъ почему-то «Георгиевскимъ»), съ передней, лицевой стороны оправленный въ золото, старинной работы, съ надписью внизу древне-церковными буквами слѣдующаго содержанія: „ღმერთო და ჭყარო ჰატოსანი! ადიდე ორსავე ცხოვრებასა ზედგინიძე ამირანდო ამილახვარი და გორის მოურავი, რამელმან შეჰქუდა ჭყარი ჰატოსანი და ცოდვანი მისნი შეუნდენ ღმერთმან, ამინ. ჰმანი და შვილნი უფოცხლნეს ღმერთმან და ჰატრონი გულქან ადღეგრძელე და ცოდვანი

ძისნი ჟუნდნეს ღმერთის და გამაგჳკობით ამოუყვნ“. Переводъ: «Боже и крестъ честный! Возвеличи въ жизни мірской и загробной Зедгинидзе Амириндо Амилахвари, моурава Горійскаго, который оковаль (сей) крестъ честный, и грѣхи его да простить Богъ, аминь. Братьямъ и дѣтямъ да даруетъ Богъ жизнь, владѣтельница же Гулканъ долгоденствіе и прощеніе грѣховъ ея и быть (ей) въ преуспѣяніи».

Упоминаемый въ надписи Амириндо, вѣроятно, есть тотъ тотъ самый Амприндо, который строилъ вышеупомянутую церковь; дочь его Гулкана, вѣроятно, была замужемъ за владѣтельнымъ княземъ.

Относительно этого креста сохранились въ средѣ самихъ кн. Амилахвари два интересныхъ преданія, не имѣющихъ, однако, оправданія въ грузинской исторіи.

Одно преданіе говоритъ, что крестъ этотъ есть кусокъ съ того самаго дерева, которое, выросло на могилѣ Сидоніи, одной изъ первыхъ послѣдовательницъ св. Равноапостольной Нины во Мцхетѣ; Сидонія была сестра одного изъ мцхетскихъ евреевъ,—Эліуса, ѣздившаго въ Палестину въ то самое время, когда Божественный Учитель преданъ былъ крестнымъ страданіямъ. Оттуда онъ привезъ въ Грузію хитонъ Господень и подарилъ его своей сестрѣ Сидоніи, вновь обращенной христіанкѣ. Впослѣдствіи, когда скончалась Сидонія, можно было опасаться, что хитонъ, считавшійся христіанской святыней, попадетъ въ руки грузинскаго царя-язычника, настоятельно искавшаго его, и потому хитонъ чудеснымъ образомъ скрылся подъ землю, въ могилу Сидоніи.

Второе преданіе объ этомъ крестѣ заключается въ слѣдующемъ. Встарину этотъ крестъ находился въ другой церкви, построенной на горѣ, недалеко отъ Мцхета (нынѣ въ развалинахъ), въ чертѣ имѣнія дворянъ Гедевановыхъ. Эту древнюю святыню, однако, оспаривали у Гедевановыхъ кн. Амилахвари, и черезъ это не разъ выходилъ крупныя непріятности

между этими двумя фамилиями, зачастую переходившія въ кровопролитныя столкновенія. Чтобы положить конецъ этому спору, чальцы, однажды, во главѣ какого-то изъ князей Амиллахвари, объ имени котораго преданіе умалчиваетъ, похитили этотъ крестъ изъ означенной церкви, но по дорогѣ, недалеко отъ Мцхета, догнали ихъ Гедевановы со своими людьми, и началась схватка между противниками на жизнь и на смерть. Чальцы стали, наконецъ, изнемогать подъ напоромъ превосходящихъ численностью людей Гедевановыхъ и готовы были дать тылъ, оставивъ спорную святыню противникамъ, какъ вдругъ увидѣли ахалгорскихъ ¹⁾ армянъ-купцовъ, ѣздившихъ въ тѣ опасныя времена въ Тифлисъ цѣлыми партіями, иногда въ 100—150 челов., за покупкою товаровъ. Вооруженные купцы, считая болѣе близкими сосѣдями себѣ чальцевъ, поспѣшили къ нимъ на помощь, и побѣда была рѣшена въ пользу послѣднихъ. Вотъ почему съ того дня и по настоящее время крестъ этотъ сдѣлался святыней какъ грузинъ-православныхъ, такъ равно и армянъ-григоріанъ, жителей с. Ахалгори. День этого креста чествуется въ среду, въ первую недѣлю по Сош. Святаго Духа грузинами, а въ субботу на той же недѣлѣ армянами.

Есть въ этой церкви другой крестъ, меньше предыдущаго (дл. 2 арш., шир. $1\frac{1}{2}$ арш. и въ $2\frac{1}{2}$ вер. въ квадр.), также оправленный въ золото, но безъ надписи. Въ этомъ крестѣ виднѣются всаженные въ дерево мощи какого-то святого, но какого именно, неизвѣстно.

Изъ древнихъ иконъ церкви, заслуживающихъ вниманія, можно упомянуть слѣдующія.

Икона Божіей Матери, оправленная съ обѣихъ сторонъ золотомъ, вѣсить, какъ показано въ имущественной книгѣ церкви, 1 фун. 10 зол.; она съ передней лицевой сто-

¹⁾ Ахалгори находится въ Ксанскомъ ущельѣ, Душетск. уѣзда.

რონი უკრახენა მრავლობითაჲსა რაზნობიანთაჲსა დრაგოცნიანთაჲსა
 კამენებთაჲსა, სჲ ნაძისითა: „აჲ, საყდარო და სადგურო სულისა
 წმიდისაო! უსაზღვროსა და უხილავისა ღვთისა ქვეყნად გარდამოქუ-
 ნებულო, უოკლად წმიდო ღვთის მშობელო! დაცვა ფარებათა შენთა
 მონდობილმან და მრავალთ ცოდვებათა ჩემთა მიერ გარემოცულმან მე,
 ახილავარმა გიჲმ, მემცხედრემან ჩვენმან, ქართველთ მეფის ასულმან,
 ბატონის შეილმან თამარ, კინებეთ ძალითა და შეწკნითა შენითა
 ხატისა ამის შენისა შემკობა, მოკაჭედინეთ ოჭრომთა და შეკამკვით
 თვალთა დღეთა ჩვენთა წარმართებულად და ცოდვებათა ჩვენთა შესანდობე-
 ჲად, რათა კისნეთ დღესა მას დიდსა განკითხვისასა. ქორანიკონი ტა: .
 Переводъ: «О, храмъ и мѣстопребываніе Духа Святаго и
 безпредѣльнымъ и невидимымъ Богомъ ниспосланная въ мѣръ,
 Пресвятая Богородице! Мы, уповающіе на Твою защиту и
 покровъ, обремененные премногими грѣхами нашими, я, Ами-
 лавари Гиви и сородственница наша, дочь грузинскаго царя,
 царица Тамара, возымѣли желаніе, силою и помощію Твоею,
 сію икону Твою украсити, оковать золотомъ и украсити
 камнями, ради продленія дней нашихъ и прощенія грѣ-
 ховъ нашихъ, дабы спастись намъ въ день великаго суда.
 Въ коронию 1672 г.»

На второй, нѣсколько меньшей иконѣ Божьей Матери,
 оправленной также съ передней стороны золотомъ, а серебромъ съ
 задней, съ драгоцѣнными камнями, имѣется такая надпись:
 „წი, დელოფალო, უოკლად წმიდო ქალწულო, ღვთის მშობელო მარიამ,
 მეოხ და მფარველ ქქემან ორთავე შინა ცხოვრებათა დიდთა ქართველ-
 თა მეფეთა ასულს თამარს, რომელმან შეამკო ხატი თქენი წმიდითა
 ოჭროითა და თვალმარჯალიტითა, ამინ. ქნ-კონს ტ. კ. გ. ამინ“.
 Переводъ: «О, Владычице, Пресвятая Богородице Маріе, будь
 предстательницей и покровительницей въ обѣихъ жизняхъ
 дщери великаго грузинскаго царя, Тамарѣ, которая украсила
 икону Твою чистымъ золотомъ, камнями и жемчугомъ,
 аминь. Короникона 1635 г., аминь».

Есть еще одна золотая икона Божьей Матери, съ надписью такого же содержания, указывающею на имя Андуканара, сына Паремуза Амлахвари, украсившаго ее. Кроме этихъ трехъ иконъ, въ церкви есть еще пять другихъ разной величины, украшенныхъ также золотомъ, серебромъ и драгоценными камнями. Наконецъ, на одномъ ручномъ серебряномъ (съ передней стороны) крестѣ, съ выдутымъ на верхней сторонѣ обликомъ св. Григорія Богослова, есть такая надпись гражданскими буквами: „ჩვენ, გიგის ძილახვრის ძემ გიორგიმ ეშაკლა ბაშის მოკვლენით ხატო ეს წილის გრიგოლის ხელის ჩვენის სახსრად ქორნიონს უ. ა.“. Переводъ: «Мы, сынъ Гиви Амлахвари, Георгій Эшикабаши, оковали икону сію святаго Григорія въ спасеніе души нашей. Броникона 1722 г.». Наконецъ, въ церкви есть еще четыре небольшихъ, такъ наз. знаменскихъ креста, собранныхъ здѣсь, какъ мнѣ передавалъ приходской священникъ о. Агниевъ, по распоряженію высшаго Кавказскаго духовнаго начальства изъ разныхъ церквей Лехурскаго ущелья, въ виду постоянныхъ смуть и частыхъ набѣговъ горцевъ въ 50—60 гг. текущаго столѣтія, когда буйные обитатели Кавказскихъ горъ не были еще вполне усмирены силою оружія. Полые, цилиндрическіе концы этихъ небольшихъ серебряныхъ крестовъ, въ которыхъ до сего времени сохранились куски дровка, указываютъ на то, что они когда-то составляли украшеніе войсковыхъ знаменъ, съ которыми грузины отправлялись рубиться съ непріателемъ за вѣру и отечество.

Всѣ приведенныя здѣсь надписи, за исключеніемъ первой и послѣдней, которыя, будучи написаны гражданскими буквами, разбираются очень легко, сняты съ крестовъ и иконъ кѣмъ-то на особомъ листѣ, съ переводомъ на русскій языкъ ¹⁾, и листъ этотъ хранится у священника при дѣлахъ

¹⁾ Нѣкоторыя неточности перевода исправлены М. Г. Джана-Ред.

церкви. Въ достовѣрности этихъ надписей, снятыхъ съ упомянутыхъ святыхъ, думаю, вѣтъ основанія сомнѣваться, ибо надписи эти были сличены, какъ увѣрилъ меня о. Агніевъ, съ подлинниками такимъ авторитетнымъ знатокомъ древне-грузинскихъ церковныхъ надписей, какъ А. С. Хахановъ, который, путешествуя съ научной цѣлью по Горійскому уѣзду въ 1895 г., посѣтилъ, между прочимъ, и эту церковь для осмотра древностей ея. Дѣйствительно, въ корониконахъ означенныхъ надписей на упомянутомъ листѣ встрѣчаются поправки, сдѣланныя, какъ увѣрилъ тотъ же приходской священникъ о. Агніевъ рукою А. С. Хаханова.

Въ окрестностяхъ и въ самомъ селѣ немало развалинъ древнихъ церквей, башенъ и крѣпостей. На ряду съ домомъ почти каждаго изъ кн. Амилахвари имѣются развалины древнихъ построекъ. Въ центрѣ села одну изъ такихъ, совершенно развалившихся, небольшихъ старинныхъ церквей, нынѣ обновляетъ на свой счетъ кн. И. Г. Амилахвари.

26 февраля 1898 года.

Сел. Квемо-Чала.

Завѣдывающій Квемо-чальскимъ училищемъ Ал. Минеладзе.

Селеніе Лагичъ, Геокчайскаго уѣзда, Бакинскои губерніи.

I. Историческія свѣдѣнія.

Мѣстное преданіе относитъ основаніе селенія Лагичъ къ глухой древности—ко времени царствованія Кей-Хосроя I, внука Кейковуса. По словамъ лагичцевъ, они происходятъ отъ выходцевъ изъ Персіи, гдѣ и нынѣ существуетъ маһалъ Лагиджанъ, который лагичцы считаютъ своею метрополіею. Вотъ что передаетъ мѣстное преданіе объ этомъ. Извѣстно, что двѣ страны—плодородный Иранъ и дикій угрюмый Туранъ постоянно враждовали; народы обѣихъ странъ вели между собою частыя войны и скучали, когда наставало мирное время. Но шаху иранскому Кей-Хосрою войны эти надоѣли, и вотъ онъ, убивъ на войнѣ туранскаго царя Афрасіаба и завладѣвъ его землею, передалъ все свое царство, по неимѣнію прямыхъ наслѣдниковъ, двоюродному брату по отцѣ, а самъ, вмѣстѣ съ близкими своими людьми, рѣшился окончательно разстаться съ Ираномъ; для этой цѣли онъ выбралъ отдаленное, съ хорошимъ климатомъ, мѣсто на сѣверѣ (Кавказѣ) и предался тамъ молитвѣ. Это мѣсто было названо Лагичъ, по маһалу Лагиджанъ. Хосро, какъ передаетъ преданіе, умеръ въ Лагичѣ и похороненъ здѣсь; это, по ихъ убѣжденію, доказывается тѣмъ, что на кладбищѣ участка Завара, въ Лагичѣ, и нынѣ находится надгробный камень, на которомъ ясно читается имя Кей-Хосро. Надгробный камень этотъ сдѣланъ надъ могилою Хосроя не сейчасъ послѣ

смерти его, по по истеченіи долгаго времени, когда замѣтили, что могила разрушается. На этомъ же кладбищѣ сохранились другіе надгробные камни за 1000 лѣтъ тому назадъ; все это въ пзвѣстной степени и доказываетъ древность селенія Лагичъ.

По преданію, въ нынѣшнемъ Лагичѣ когда-то жили „гяуры или кяфры“, которые не вѣрили въ единого Бога.

Преданіе это совершенно совпадаетъ съ историческими фактами, приведенными армянскимъ писателемъ X вѣка по Р. Х., Мопсеемъ Каганкатваци (перев. К. Патканьяна), согласно которому въ старпаву по теченію Гердиманъ-чая и на сосѣднихъ предгорьяхъ Кавказа пѣсколько десятковъ деревень, въ томъ числѣ и селеніе Лагичъ, другими словами, почти весь нынѣшній Лагичскій участокъ составлялъ неприступное Гердиманское княжество Алваніи (Агованіи).

По словамъ Стравона (отъ 66 г. до Рожд. Хр. до 24 п. Р. Хр.), Алванія занимала то же самое пространство, какое впоследствии занималъ Ширванъ въ обширномъ смыслѣ этого слова—нынѣшнюю Бакинскую губернію безъ Ленкоранскаго уѣзда или Талыша, съ частью Елпсаветпольской губерніи и незначительной частью сосѣдняго Дагестана. Алванцы и иверцы (грузины), съ сосѣдними съ-ними армянами, тогда занимали все Закавказье. Алванцы эти поклонялись солнцу и, въ особенности лунѣ; вотъ почему въ преданіяхъ лагичцевъ, они и названы „гяурами“.

Происхожденіе нынѣ населяющаго селеніе Лагичъ народа возможно отнести еще къ тому времени, когда родоначальникъ дома Сассанидовъ, родственникъ Хосроя II, посорившись въ концѣ VI столѣтія съ шахомъ персидскимъ, переселилъ 30,000 подвластныхъ ему семействъ изъ Персіи въ Агованію (Алванію), гдѣ въ городахъ гердиманскихъ основанъ былъ имъ городъ Михрованъ—вѣроятно на мѣстѣ нынѣшней деревни Амирванъ, близъ рѣки Гѣкъ-чай, въ Нухинскомъ

уѣздѣ, неподалеку отъ границы Шемахинскаго уѣзда. Но это переселеніе иранцевъ уже не первое, упоминаемое въ исторіи.

Одинъ девятистолѣтній лагичецъ, старикъ еще бодрый, со словъ своего отца, рассказывалъ мнѣ, что селеніе это неоднократно было разрушено вслѣдствіе нападений безпокойныхъ сосѣдей и вновь перестраиваемо. По его мнѣнію, селеніе Лагичъ въ старину было и больше и многлюднѣе— оно было почти городомъ; на участкѣ Арагирдъ въ старину былъ довольно большой базаръ, состоявшій изъ нѣсколькихъ десятковъ лавокъ и называвшійся „дарен-хлван“, т. е. ущелье, гдѣ исключительно приготовляли и продавали халву, сладкое тѣсто изъ орѣховъ и меда; въ этомъ же участкѣ, въ другомъ ущельѣ, по названію „сангалан-дарасп“, было также около ста башмачныхъ лавокъ. Итакъ, каждое ремесло имѣло свой базаръ, какъ въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ Кавказа: но все это съ теченіемъ времени разрушилось, не оставивъ никакихъ слѣдовъ. Впрочемъ, при раскопкѣ земли въ разныхъ мѣстахъ, глубиною болѣе 5 аршинъ подъ землею, часто оказывались слѣды различныхъ построекъ; перечислимъ изъ нихъ нѣкоторыя: баня, построенная изъ жженой кирпичей со всѣми принадлежностями, бассейны для воды, нѣсколько подземныхъ водопроводовъ, до сихъ поръ не поврежденныхъ и весьма прочно проведенныхъ и др.

Кромѣ того, рассказываютъ, что одинъ изъ лагичцевъ, 70 лѣтъ тому назадъ, строилъ себѣ домъ; когда рабочіе копали землю, то они наткнулись на какое-то строеніе со сводомъ; послѣ аккуратной раскопки кругомъ, наконецъ, они чрезъ имѣющееся отверстіе вошли въ подземный склепъ, въ которомъ находились двѣ могилы, изъ нихъ одна подлиннѣе, и нѣкоторыя золотыя вещи, въ томъ числѣ и нѣсколько маленькихъ «вандиловъ» (люстры). Съ того времени и возникъ

на мѣстѣ этихъ могилъ извѣстный во всемъ Лагичѣ „пиръ“ (святилище). О чудесахъ этого ира рассказываютъ, что одна и теперь еще живущая женщина привела туда больного лихорадкой ребенка; тамъ она нашла золотую серьгу и унесла съ собой, отчего, спустя нѣкоторое время, лишилась глазъ.

Лагичцы весьма часто подвергались нападеніямъ и должны были переносить всевозможныя обиды со стороны сосѣднихъ хановъ; но лучше сохранилась память о жестокости и изувѣрствахъ кубинскаго хана Касыма, дяди Мустафы-хана. О немъ существуетъ слѣдующее народное преданіе. Однажды Касымъ-ханъ, завладѣвъ селеніемъ Лагичъ, наложилъ на жителей непосильную дань. Одинъ старикъ, по имени Новрузъ, не имѣя возможности уплатить большой суммы, требуемой ханомъ, вынужденъ былъ продать двухъ сыновей своихъ; изъ нихъ старшаго звали Зюльфигаромъ, а младшаго Гусейномъ. Зюльфигаръ умолялъ отца не продавать его, такъ какъ онъ, уже какъ взрослый, можетъ помогать ему въ дѣлахъ и зарабатывать кое-что самъ; онъ предложилъ отцу лучше продать младшаго его брата, Гусейна. А Гусейнъ, въ свою очередь, упрашивалъ убѣдительно отца не продавать его, ибо онъ еще по малолѣтству не можетъ исполнять работу своего будущаго хозяина, который и будетъ безпощадно наказывать его. Замѣтивъ несчастное положеніе этого семейства, жители сжаились надъ нимъ, собрали слѣдующую хану дань и избавили старика Новруза отъ необходимости продавать сыновей.

Если самъ ханъ творилъ такія жестокости, то что дѣлали его войска-горцы? О нихъ сохранилось такое преданіе. Воины Касыма-хана жили у лагичцевъ по нѣскольку въ каждомъ домѣ. Они каждый Божій день требовали отъ домохозяина, чтобы тотъ приготовлялъ имъ пловъ. Черезъ нѣкоторое время вся имѣющаяся у сельчанъ крупа была съѣдена; негдѣ и не на что было болѣе ея достать. Безжалост-

ные горцы настаивали на своемъ и требовали плова, но каждый разъ они получали отказъ; не помогали и всевозможныя тѣлесныя истязанія со стороны горцевъ. Наконецъ они прибѣгли къ слѣдующаго рода хитрости: одинъ изъ нихъ притворился страдающимъ зубною болью, а другой явился въ качествѣ зубного врача. „Ты никогда не избавишься отъ зубной боли, если не вложишь въ испорченную часть больного зуба крупинку риса“ совѣтовалъ товарищъ-врачъ. Послѣ этого, конечно, притворно страдающій зубною болью не переставалъ упрашивать домохозяина достать ему, для избавленія отъ боли, хоть одну крупинку. Когда крупинка была найдена, живущіе у того домохозяина горцы собрались и начали безпощадно подвергать его пыткамъ, требуя, во что бы то ни стало, сварить имъ пловъ. „Откуда ты взялъ эту крупинку“, говорили они: „оттуда доставешь и больше“.

Но странства Касымъ-хана не долго продолжались; узнавъ о приближеніи Мустафы-хана съ несмѣтными войсками, онъ бѣжалъ обратно въ Кубу.

II. Геологическое строеніе.

Лагичскія горы тянутся верстахъ въ 15-ти къ югу отъ Главнаго хребта, параллельнымъ къ нему контрфорсомъ, на протяженіи слишкомъ 30 верстъ, примыкая съ юга къ огромной толщѣ Баба-дага (11943'), съ вершинами Эль-гядукъ (7520'), Нияль-дагъ (6922') и Галаджъ (6856'). Мяхтиканскимъ хребтомъ и горою Чилингъ (7424') эти горы соединяются на востокъ съ отраслями Главнаго хребта.

Группа Лагичскихъ горъ, весьма лѣсистыхъ и живописныхъ, составляетъ центръ новѣйшаго поднятія, преимущественно опредѣлившаго нынѣшній рельефъ Бакинской губерніи; она состоитъ изъ стоящихъ въ вертикальномъ по-

ложеиі тѣхъ же самыхъ пластовъ известняка, песчаника и глинистаго рудяка, которые составляютъ почву горъ Шемахи. Между тѣсною рѣчки Гердиманъ-чай, подъ деревнею Лагичъ и Шемахою, мелкозернистые трахитовые порфиры со слюдою громадныи жилами пробиваются черезъ разстроенныи пласти мѣловой и эоценовой формациі Нияль-дага и Фить-дага¹⁾. Дальнѣйшее изслѣдованіе Лагичскихъ горъ, по всему вѣроятію, откроетъ минеральныя богатства, которыми изобилуютъ эти горы. На одной изъ вершинъ Лагичскихъ горъ найденъ каменный уголь, мѣсторожденіе котораго еще ожидаетъ изслѣдованія.

Недалеко отъ Лагича, внизъ по теченію Гердиманъ-чая, приблизительно въ трехъ верстахъ, находится холодный сѣрный источникъ, гдѣ ищетъ исцѣленія значительное количество больныхъ.

III. Мѣстоположеніе; орошеніе; пути сообщенія.

Селеніе Лагичъ, возвышаясь надъ уровнемъ моря на 4035 футовъ, лежитъ подъ 40° 50' 1" сѣверной широты и 66° 23' 20" восточной долготы. Все занимаемое имъ пространство, которое заключается между Главнымъ хребтомъ и Лагичскими горами, представляетъ малодоступную котловину въ нѣсколько квадратныхъ верстъ, связанную съ остальною частью Ширвана узкимъ ущельемъ рѣки Гердимана; лѣвый берегъ этой рѣки образуетъ дугу, хорда которой вдоль по теченію простирается до 1½ верстъ.

Горная рѣчка Гердиманъ-чай²⁾, вытекающая изъ ледни-

¹⁾ Н. К. Зейдлицъ. Списки насел. мѣстъ Россійской имперіи. Т. LXV. Бакинская губ. Тифл. 1870.

²⁾ Гердиманъ или по произношенію мѣстныхъ жителей—Гирдманъ происходитъ отъ персидскихъ словъ *гердъ*—кругъ и *манъ*—нашъ, т. е. нашъ округъ.

ковъ горы Баба-дага (11943'), стремительно течетъ версть 50 по весьма гористой мѣстности Шемахинскаго уѣзда, а затѣмъ разливается по плоскости, прорѣзавъ въ Геокчайскомъ уѣздѣ старую Бакинскую почтовую дорогу семью канавами. Почти на всемъ пути своемъ до села Мачахи, приблизительно на 40 версть, она течетъ по довольно узкому и глубокому ущелью, которое мѣстами суживается, мѣстами расширяется. Въ своемъ верховьѣ она течетъ съ сѣвера на югъ, но въ томъ мѣстѣ, гдѣ по лѣвому берегу ея расположено селеніе Лагичъ, теченіе ея мѣняется и принимаетъ направленіе юго-западное. Правый берегъ Гердиманъ-чая до селенія Мачахи почти вездѣ гористый, съ покатыми склонами, а лѣвой берегъ мѣстами понижается и образуетъ незначительное пространство не то ровной, не то покатою мѣстности. Въ одной изъ такихъ мѣстностей, отстоящей отъ начала рѣки примѣрно на двадцать версть, при впаденіи въ Гердиманъ-чай съ лѣвой стороны другихъ рѣчекъ—Гифала-чай и Кишларъ-бере, и расположено, въ глубокомъ ущельѣ горныхъ хребтовъ, селеніе Лагичъ.

Гердиманъ-чай беретъ начало, какъ сказано выше, у южнаго склона Кавказскаго хребта изъ ледниковъ Баба-дага и Мюкь-дага; принимая въ высокой межгорной мѣстности—Лагичъ нѣсколько горныхъ рѣчекъ (Джульянъ-чай, Гадымъ-чай, Биди-чай и др.), плущихъ изъ Лагичскихъ и Мыхтеканскихъ горъ, Гердиманъ-чай быстро течетъ мимо селенія Лагичъ и, прорѣзавъ Лагичскій хребетъ между горами Элли-Гядукъ и Ніяль-дагъ, вступаетъ у селенія Тулляръ, Геокчайскаго уѣзда, и Зарнова, Шемахинскаго уѣзда, въ низменность Харасо, простирающуюся по правому берегу рѣки. Въ дальнѣйшемъ своемъ теченіи Гердиманъ развѣтвляется, снабжая водою извѣстную группу селеній, и въ такомъ видѣ доходитъ до Кюрдамира. Помимо вышеназванныхъ рѣчекъ,

съ обѣихъ сторонъ въ Гердиманъ-чай течеть много другихъ рѣчекъ.

Для орошенія своихъ садовъ и огородовъ селеніе Лагичъ не можетъ пользоваться Гердиманъ-чаемъ, такъ какъ оно расположено гораздо выше рѣки. Сѣверная часть селенія орошаетъ свои сады и огороды канавами изъ рѣчки Кяфала-чая, а рѣчка Кишларъ-кере орошаетъ земля жителей южной части.

Гердиманъ-чай во время весенняго и осенняго разливовъ протекаетъ черезъ сел. Кюрдамиръ и теряется за нимъ въ гѣсахъ; въ другое же время года вода ея посредствомъ канавъ разбирается для орошенія огромныхъ садовъ и виноградниковъ Кюрдамира. Но такъ какъ отъ самаго своего начала до селенія Мачахи, какъ было выше сказано, рѣка Гердиманъ-чай во всемъ теченіи стѣснена узкимъ ущельемъ и высокими крутыми берегами, то во время разлива она устремляется внизъ по теченію со страшною быстротою и ревомъ, унося съ собою камни громадной величины. Въ такое время она дѣлается весьма опасною для переправы. Неоднократно въ этой рѣкѣ погибали лошади съ вьюками. Равнымъ образомъ немало домовъ и мельницъ унесено этою рѣкою; вотъ почему она получила прозвище „ганзы-чай“, что значить кровавая рѣка. Теченіе Гердиманъ-чая мѣняется весьма часто: онъ то течеть по одной, то по другой сторонѣ ущелья. О частомъ измѣненіи русла Гердиманъ-чая у мѣстныхъ жителей сложилось преданіе, что когда Надиръ-шаху персидскому случилось проѣзжать черезъ Лагичъ, то онъ, замѣтивъ постоянное измѣненіе теченія Гердиманъ-чая, не захотѣлъ ночевать въ Лагичѣ и поѣхалъ дальше, говоря: „вѣрно и обитатели этой мѣстности такъ же измѣнчивы, какъ и рѣка ихъ; отъ нихъ добра не дождешься: лучше удалиться“.

Проѣзжая по руслу Гердмана, неподалеку отъ береговъ, между деревьями, попадаются небольшія поселенія съ сѣрешскими домиками, кое-какъ построенными изъ камня,

обмазанными глиною и покрытыми или плоскою земляною крышею, или просто кукурузными стеблями. Вблизи одного изъ такихъ поселеній, Намаз-гахъ, находящагося примѣрно въ восьми верстахъ отъ Лагича, перекинуть чрезъ Гердиманъ чай деревянный мостъ, построенный однимъ лагичцемъ.

Мѣстами вершины обрывовъ, идущихъ вдоль Гердиманъ-чая, изрѣзаны небольшими расщелинами и походятъ на зубчатые стѣны укрѣпленія. Потоками весенней снѣговой воды и ручьями лѣтнихъ грозовыхъ ливней промыты эти расщелины; нѣкоторыя пробиты не изсябающими зиму и лѣто ручейками, которые пзвиваются по дву щелей, прокладывая себѣ путь къ Гердиманъ-чаю. Весною они превращаются въ бурные шумящіе потоки, преодолюющіе всякіе преграды.

Немало вреда приносить жителямъ одна изъ подобныхъ рѣчекъ, Луло, которая протекаетъ посрединѣ селенія. Въ другое время человекъ не замѣчаетъ даже этой ничтожнѣйшей рѣчки и не повѣрилъ бы всѣмъ тѣмъ бѣдствіямъ, которыя причиняетъ она; но во время разлива она дѣйствительно дѣлается страшною. Все то пространство, по которому течетъ Луло, за десять лѣтъ тому назадъ, занято было, по словамъ жителей, садами, огородами, домами и мельницами; но все это постепенно затоплено и унесено Луло-чаемъ. Хорошо, что разливы этой рѣчки непродолжительны.

Лагичскій хребетъ покрытъ тучною зеленью, служащею пастбищемъ для скота. Какъ рассказываютъ жители, Ніялдагъ, а равно и другія горы нѣкогда были покрыты густыми лѣсами; всѣ они безпощадно вырублены жителями на дрова.

Отъ селенія Лагичъ до уѣзднаго цевтра, с. Геокчая, приблизительно 90 верстъ, а до города Шемахи 50 верстъ, если считать по новой колесной дорогѣ чрезъ Демирчиларъ, Шемахинскаго уѣзда; чрезъ Сулутъ того же уѣзда даже менѣе 40 верстъ.

Жители описываемой мѣстности для сообщенія съ Ге-

окчаемъ пользуются главнымъ образомъ двумя проселочными дорогами: первая—черезъ Коша-кентъ (выше долины р. Мердись) и Кюръ-кевди (при канавѣ, проведенной изъ рѣчки Агри-чай въ ущелье Дава-батанъ), а вторая—черезъ Исмаиллы (въ долинѣ Хорасо, при канавкахъ изъ рѣчки Джульянъ и Агри-чай) и Ивановку. Но въ обоихъ случаяхъ дорога лежитъ до селенія Кентъ-абъ то по одному, то по другому берегу Гердиманъ-чая, который во время разлива и зимою дѣлается почти непроходимымъ.

Зимою Гердиманъ-чай имѣетъ мертвенный видъ, наводящій тоску и уныніе на самого отважнаго путешественника. Въ началѣ зимы, когда холода не такъ сильны, замерзаютъ рѣка только по берегу, но съ каждымъ днемъ ледъ утолщается все больше и больше, и такимъ образомъ образуется слой льда толщиной иногда до одного аршина. Тогда начинается ѣзда по льду, что довольно опасно: непривычная лошадь на каждомъ шагу спотыкается, и часто случается, что ледъ въ иныхъ мѣстахъ неожиданно проламывается, и лошадь съ вьюкомъ или ѣздокомъ проваливается въ воду. Несчастные случаи здѣсь не рѣдкость.

Для сообщения съ городомъ Шежахю существуютъ три дороги: одна черезъ Мюджи татарское (при рѣчкѣ Ніяль-чай, подъ горою Фить-дагъ), другая черезъ Сулутъ (при рѣчкѣ Сулутъ-чай, подъ горою Хиреки), а третья черезъ Демирчи-ларъ и Чухуръ-юртъ. Всѣ эти дороги весьма неудобны и чрезвычайно затруднительны, въ особенности зимою и въ ненастное время. Бѣдущій большую часть дороги поневолѣ долженъ идти пѣшкомъ: подъемы и спуски покрываются слоемъ льда: нога скользитъ, вслѣдствіе чего чарвадары-лагичцы ведутъ лошадей подъ уздцы, съ трудомъ пресбираясь сбоку своихъ лошадей. Когда лошади падаютъ, то чарвадары помогаютъ имъ, подпирая ихъ сзади при подъемѣ и удерживая за хвостъ при спускѣ. Бѣдное животное часто

останавливается предъ глубокимъ реомъ; чарводаръ дергаетъ поводъ, кричитъ, но лошадь дрожить и не идетъ; тогда они ударомъ плети и гибаньемъ заставляютъ ее прыгать чрезъ ровъ. Бывали случаи, что навьюченная лошадь, во время гололедицы, не можетъ удержаться и сваливается въ пропасть. По послѣдней дорогѣ возможно ѣздить только лѣтомъ, а зимою сообщеніе по ней, большею частью, прекращается, ибо вездѣ по ней лежитъ глубокой снѣгъ, при чемъ часто бываютъ снѣжные бураны, начинающіеся обыкновенно послѣ полудня; тогда кружащійся въ воздухѣ снѣгъ заваливаетъ не только дороги, но и несчастныхъ путешественниковъ. Испуганныя лошади теряютъ сознание, мчатся по вѣтру, куда попало, и погибаютъ. Незнакомый съ мѣстностью человекъ нерѣдко тутъ же находитъ себѣ могилу; знакомый же съ этими дорогами, зная, что такіе бураны бываютъ въ горахъ обыкновенно послѣ полудня, спѣшитъ до этого времени переправиться чрезъ эти горы. Несмотря и на такую осторожность, въ 1879 году на обратномъ пути изъ Шемахи въ Лагичъ погибли три человека, и нѣсколько человекъ отморозили себѣ кто руки, а кто ноги.

IV. Внѣшній видъ селенія; постройка домовъ; домашняя обстановка.

Все пространство, занимаемое селеніемъ, по отношенію къ численности построекъ, весьма незначительно (всего 90 десятинъ), а потому тѣснога ужасная: домикъ подымается надъ домикомъ, а лавочка—надъ лавочкой.

Селеніе это распадается на три участка (маһалла): Аракирдъ, Саадъ-ванъ и Завара. «Ара-кирдъ»—(татарское слово), а потому можно полагать, что таксе названіе дано этому участку не самими лагичцами, говорящими на татскомъ языкѣ, а скорѣе жителями другихъ окрестныхъ селеній. Ара-

кирдъ значить—«вошелъ въ средину», что и соотвѣтствуетъ его положенію среди горъ.

Названіе же второго участка «Баадъ-ванъ» состоитъ изъ двухъ словъ; первое арабское и значить—послѣ, второе персидское—него; изъ этихъ словъ можно заключить, что этотъ участокъ образовался послѣ перваго—Ара-кирда.

Третій—«Завара» отъ татскаго слова «заваръ»—верхній. Такое названіе дано этому участку потому, что онъ занимаетъ верхнюю часть села.

Участокъ Ара-кирдъ расположенъ въ сѣверной части села, а два послѣдніе въ южной. Первый участокъ отдѣляется отъ двухъ другихъ довольно большимъ пространствомъ, занятымъ двумя кладбищами—Аракирдскимъ и Баадванскимъ. Между этими кладбищами протекаетъ рѣчка Луло, которая служитъ какъ бы границею между названными участками. Такимъ образомъ, самое лучшее, годное для построекъ, пространство занято кладбищами.

Аракирдскій участокъ красивѣе двухъ остальныхъ и отличается удобнымъ для построекъ мѣстоположеніемъ; въ другихъ участкахъ чрезвычайно тѣсно; дома нагромождены другъ на друга до такой степени, что амбары, службы и даже тандиры строятся на крышахъ ниже лежащихъ домовъ.

По ту сторону Гердпманъ-чая разсыпался небольшой выселокъ, состоящій изъ нѣсколькихъ избенокъ и называющійся «зарѣчнымъ».

Въѣздъ въ селеніе съ двухъ сторонъ—сѣверной и южной. Не въѣзжая еще въ селеніе съ южной стороны, вы встрѣтите порядочный садъ съ роскошно растущими плодовыми деревьями. Немного дальше отъ этого сада начинается участокъ «Завара», а дальше и оба другіе, съ невообразимо узкими, грязными и вонючими улицами и переулками, въ которыхъ могутъ развѣхаться развѣ верховые. Но улицы эти вымощены

камнею. Тутъ же, среди села тянется въ два ряда довольно узкій, въ три аршина шириною, но длинный базаръ, напоминающій темные ряды въ иныхъ городахъ. Здѣсь продаются разные товары и продукты мѣстнаго производства. Лавки построены достаточно прочно; большинство изъ нихъ заняты мѣдниками; отъ стука ударяемыхъ молотковъ разговаривающіе на базарѣ не могутъ слышать другъ друга.

Базаръ этотъ раздѣляетъ селеніе на двѣ части. Дома одной части задними стѣнами прислонены къ горѣ, фасады другой, большею частью, обращены къ рѣчкѣ Гердиманъ-чай.

Кругомъ же, по склону окружающихъ селеніе горъ, можно кое-гдѣ замѣтить постройки; это мѣстныя казмы (землянки), въ которыхъ зимою держатъ ненужную при домѣ скотину, а лѣтомъ живутъ во время уборки хлѣба и сѣна. Тутъ и гумно, на которомъ тотчасъ же, какъ только сожнутъ хлѣбъ, обмолачиваютъ его; тутъ и запасъ на зиму сѣна и соломы.

Всѣ постройки въ Лагичъ каменные. Деревянные части привозятъ изъ казенныхъ лѣсовъ за извѣстную плату, строевой же камень добывается въ самомъ Лагичѣ; большею частью, постройки возводятся на глинѣ. Дома двухъэтажные, но попадаются трехъэтажные и одноэтажные; они огорожены низкими каменными заборами, хотя встрѣчаются и заборы изъ хвороста и колючекъ; дома расположены безъ всякаго плана, почему всѣ улицы узки и извилисты. Нѣкоторые изъ этихъ домовъ имѣютъ на улицу балкончики; эти узкіе, во всю длину зданія, балконы выходятъ во дворъ и весьма удобно приспособлены для сообщенія одного дома съ другимъ. Крыши почти у всѣхъ домовъ плоскія, съ насыпной землею.

Но немало встрѣчается въ селѣ весьма жалкихъ избушекъ, едва прикрытыхъ крышами и покосившихся на бокъ. Ряды домовъ то и дѣло прерываются нустырями. Эти нештукатуренныя постройки изъ сѣраго необгладаннаго камня, са-

мая форма и расположеніе ихъ сообщаютъ селенію довольно непривлекательный видъ.

Дворяки вообще невелики. На одной сторонѣ двора, обыкновенно, дѣлается навѣсъ, подъ которымъ находится врытая въ землю круглая глиняная печь, въ родѣ усѣченнаго конуса, называемая тандиромъ. На этомъ же дворѣ нерѣдко находятся хлѣвъ, конюшня, курятникъ, стхожес мѣсто, и тутъ же, съ наступленіемъ весны, привязывается домашній скотъ. И все это завалено навозомъ, соромъ и старымъ тряпьемъ, отъ чего зловоніе бываетъ нестерпимое.

Почти въ каждому изъ этихъ домовъ, смотря по состоянію хозяина, примыкаетъ небольшой садъ или просто огородъ.

Въ селеніи находятся двѣ бани, довольно прочно построенныя изъ жженого кирпича, по весьма нечисто содержимыя, и шесть каменныхъ мечетей, ничѣмъ не отличающихся отъ обывновенныхъ домовъ, имѣющихъ плоскую земляную крышу; онѣ имѣютъ жалкій видъ, крайне бѣдны, темны и сыры. Водяныхъ мукомольныхъ мельницъ насчитывается у отдѣльныхъ крестьянъ до 13. Во всѣхъ этихъ мельницахъ за помолъ взимаютъ $\frac{1}{20}$ часть; взимаемая часть зерна называется маһадъ—помолъ.

Изъ выдающихся построекъ въ селѣ обращаютъ на себя вниманіе дома двухъ купцовъ; у перваго домъ европейской архитектуры, а у втораго азіатской.

Чтобы имѣть ясное представленіе о жилищахъ лагичцевъ, необходимо ихъ раздѣлить на три категоріи: дома бѣдныхъ, дома людей средняго достатка и дома богатыхъ.

У людей бѣдныхъ дома ничѣмъ не отличаются отъ какой-либо землянки. У такихъ домохозяевъ въ домѣ нѣтъ ничего, кромѣ какого-либо паласа, необходимой постели и домашней посуды. Избенка темная, смрадная, точно коровій хлѣвъ; холодно, голодно и приложить рукъ не къ чему. Однимъ словомъ, представьте себѣ каменную избу и въ

ней одну или двѣ комнаты съ едва примѣтными окнами; на обмазанныхъ грязью стѣнахъ и между балками пауки растягиваютъ свою густую паутину; въ стѣнныхъ нишахъ валяются чучалы, наполненные пшеницею, углемъ и всякою всячиною; въ одной изъ стѣнъ сдѣланъ каминъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ и служитъ кухоннымъ очагомъ, гдѣ на разведенномъ огнѣ готовится пища; балки потолка усажены цѣлыми рядами мухъ.

Дома людей средняго достатка болѣе опрятны и отличаются нѣкоторыми удобствами и достаточнымъ убранствомъ. Нижний этажъ дома составляетъ помѣщеніе для скота, амбаръ и кухню; верхній же этажъ—жилая комната; въ верхнемъ этажѣ обыкновенно бываютъ двѣ комнаты—спальня и гостиная, смежныя между собою; помимо наружныхъ дверей съ балкона, онѣ еще перѣдко сообщаются между собою внутренними дверями; комнаты эти, достаточно свѣтлы только въ верхнемъ этажѣ; длиною онѣ отъ 4—6 аршинъ, шириною и высотой отъ 3—4 аршинъ; полы устланы паласами.

Въ такихъ домахъ, въ одной изъ длинныхъ стѣнъ, дѣлаютъ двѣ или три ниши; тамъ помѣщается сундукъ, служащій какъ бы комодомъ для храненія разныхъ женскихъ костюмовъ, въ которыя молодая хозяйка наряжается только въ торжественные дни и на свадьбу; днемъ въ сундукѣ укладываются постели; въ простѣнгѣ между нишами виситъ маленькое зеркало; въ противоположной стѣнѣ противъ каждой ниши продѣланы окна. Зимю такую комнату украшаетъ еще поставленный среди комнаты бюрси—большой около $1\frac{1}{2}$ — $2\frac{1}{2}$ арш. въ кв. табуретъ, на который кладутъ большое одѣяло и подъ которымъ въ очагъ горитъ огонь. И вотъ все семейство зимою располагается возлѣ такого табурета, и каждый всовываетъ обѣ ноги подъ него, накрываясь спереди одѣяломъ. Въ домахъ этихъ людей встрѣчаются и ками-

ны; пока топится каминъ—жарко, а когда потушли дрова, то холодно.

У людей третьей категоріи жилия комнаты содержатся весьма опрятно и нерѣдко оклеены обоями. У нихъ вся обстановка городская, а нѣкоторые въ послѣднее время стали даже устраиваться совсѣмъ на европейскій ладъ.

Число комнатъ у нихъ превышаетъ предѣлъ надобности (иногда болѣе 20 комнатъ), и многія отворяются только, когда у нихъ бываетъ большой пиръ, свадьба или по праздникамъ. Содержатся онѣ весьма чисто и убраны великолѣпно; полы устланы прекрасными и весьма дорогими коврами; стѣны или оклеены обоями, или отштукатурены алебастромъ, на которомъ весьма искусно сдѣланы разные узоры въ персидскомъ вкусѣ. Въ стѣнахъ, съ внутренней стороны, съ трехъ сторонъ, дѣлается родъ полки или карниза, на которомъ ставятъ рядомъ мѣдныя чаши, иногда болѣе ста, и за каждою мѣдною чашею мѣдный нимча, или блюдо. Всѣ эти комнаты достаточно свѣтлы, съ большими окнами, вышиною отъ 1 $\frac{1}{2}$ до 2 аршинъ; у такихъ людей встрѣчаются и комнаты длиною болѣе 15 аршинъ. Одна комната устраивается совершенно по-европейски; въ ней можно встрѣтить дорогую мебель, большія зеркала, цѣною отъ 20—80 руб., и стѣнные часы. Эта комната назначается для почетныхъ посѣтителей и кунаковъ.

Для отопленія такихъ домовъ употребляется чугунная, или желѣзная печь или небольшой каминъ. Но, несмотря на видимый комфортъ, люди этой категоріи никакъ не могутъ разстаться со своимъ обычнымъ кюрси, который находится въ ихъ семейной комнатѣ.

Такую же чистоту можно встрѣтить у нихъ и во дворахъ. Чистотѣ дворовъ способствуетъ то обстоятельство, что домашній скотъ, конюшня, хлѣвъ, тавдиръ и др. находятся на особыхъ черныхъ дворахъ.

V. Климатъ и вода для питья.

Климатъ описываемой мѣстности имѣеть свои характеристическія особенности, но въ общемъ — это умѣренный и здоровый климатъ. Дожди приносятся преимущественно вѣтрами западными и юго-западными. Такъ какъ селеніе Лагичъ защищено почти со всѣхъ сторонъ горами, то оно главнымъ образомъ подвержено дующимъ по ущелью Гердиманъ-чая западному и сѣверному вѣтрамъ. Первый иногда сопровождается ливнемъ; онъ, по временамъ, бываетъ порывистый и очень холодный. Первый громъ слышится здѣсь въ апрѣлѣ; градъ выпадаетъ, большею частью, лѣтомъ въ іюлѣ, а весною — въ апрѣлѣ и маѣ мѣсяцахъ; здѣшній градъ обыкновенной величины, но иногда бываетъ крупный; такъ, на примѣръ, выпавшій въ 1888 году въ іюлѣ мѣсяцѣ необыкновенно крупный градъ причинилъ жителямъ большой вредъ.

Хотя зима здѣсь начинается обыкновенно съ ноября и кончается въ концѣ марта, но бываетъ, что вдругъ въ маѣ и въ сентябрѣ выпадаетъ снѣгъ. По рассказамъ мѣстныхъ жителей, весною весьма часто, спустя даже 40 дней послѣ Новрузъ-байрама (8-го марта), выпадаетъ довольно глубокій снѣгъ, а потому на вопросъ, когда кончается зима, всякій лагичецъ отвѣчаетъ: „спусти сорокъ дней послѣ Новрузъ-байрама“. Они же говорятъ, что каждый осмотрительный лагичецъ послѣ Новрузъ-байрама долженъ запастись еще сорока полѣнами. Равнымъ образомъ они помнятъ, что однажды, во время молотбы, выпалъ снѣгъ, принесшій имъ немало вреда. Хотя зимою морозы рѣдко бываютъ значительны, однако холодъ кажется вдвое чувствительнѣе. Вода начинаетъ замерзать въ ноябрѣ мѣсяцѣ, а въ рѣкахъ — въ декабрѣ.

За вѣдѣніемъ здѣсь метеорологической станціи да-
вление воздуха, высшая, низшая и средняя годовыя температу-
ры, количество выпадающей влаги, а также температура
верхняго слоя почвы неизвѣстны, а потому я ограничиваюся
нижеслѣдующимъ расиредѣленіемъ дождливыхъ и снѣжныхъ
дней въ разныхъ мѣсяцахъ, начиная съ 1-го сентября 1889
года по 1-е іюня 1890 года *).

	Дождь.	Снѣгъ.
Въ сентябрѣ . . .	4 дня	„
„ октябрѣ	3 дня	2 дня
„ ноябрѣ	не было	3 дня
„ декабрѣ	„	7 дней
„ январѣ	„	12 дней
„ февралѣ	„	10 дней
„ мартѣ	2 дня	1 день
„ апрѣлѣ	10 дней	„
„ маѣ	6 дней	„

Весна здѣсь начинается поздно—съ апрѣля мѣсяца; го-
рячіе лучи солнца гонятъ снѣгъ съ лица земли, хотя ледъ
трогается на рѣкахъ еще въ мартѣ мѣсяцѣ; освобождаются
также въ это время и улицы селенія Лагичъ отъ покрывав-
шаго ихъ слоя льда, толщиной иногда въ аршинъ. По рас-
поряженію сельскаго старшины каждый обязывается очищать
переднюю часть своего дома или лавки; тогда на улицахъ замѣ-
чается необыкновенное движеніе, суета и хлопоты; кругомъ
производится дѣятельная колка льда; всюду слышны шумя-
щіе потоки, едва освободившіеся изъ-подъ зимняго покрова;
земля дышитъ паромъ и постепенно покрывается зеленью.

*) За выѣздомъ изъ сел. Лагича, дальнѣйшія наблюденія мною
не производились. *Авт.*

Слышна въ это время трель жаворонка, который еще не поднимается въ безконечную высь. Первые весенніе цвѣты, какъ-то: фіалка, подснежникъ и другіе, а также нѣкоторые насѣкомыя показываются, если снѣга нѣтъ, въ послѣднихъ числахъ февраля, или въ началѣ марта; тогда же появляются и почки на деревьяхъ.

Самая сильная лѣтняя жара здѣсь начпнается съ 20-го іюля и продолжается приблизительно до 20-го августа. Хотя въ продолженіе этого времени жара иногда и достигаетъ въ тѣни около 18,„, стоградуснаго термометра, но тѣмъ не менѣе къ вечеру наступаетъ прохлада, а въ полночь бываетъ совсѣмъ холодно, что зависитъ отъ холодныхъ сѣверныхъ вѣтровъ, дуящихъ отъ снѣговыхъ вершинъ. Это, по крайнему моему разумѣнію, первая и чуть ли не главная причина здѣшней простудной лихорадки, свирѣпствующей осенью.

Надо замѣтить, что рѣдко гдѣ-нибудь въ Бакинской губерніи лѣто столь прелестно, какъ въ Лагичѣ. Жара, какъ выше сказано, сравнительно съ другими мѣстностями, незначительная и непродолжительная. На горахъ и по ихъ склонамъ видѣются еще издалека полосы зрѣющей пшеницы, ячменя и проса, кои всходятъ въ апрѣлѣ и посѣваются въ іюнь. Довольно красива эта картина: точно громадныя разноцвѣтныя ковры раскинуты по горамъ. Къ вечеру, послѣ солнечнаго дня, благоуханіе цвѣтовъ и травъ, растущихъ на этихъ лугахъ, распространяется въ успѣвшемъ уже охладѣть воздухѣ. Но еще въ большой прелести представляется все это на горѣ Нияль-дагъ, покрытой разнообразной растительностью.

Особенно чарующія здѣсь лунныя ночи. Полный мѣсяцъ съ высоты небеснаго свода озаряетъ уснувшую землю; деревья, травы и кусты, залитые луннымъ свѣтомъ, принимаютъ какую-то волшебную окраску. Ко всему этому при-

бавляется еще торжествующая пѣснь соловья, который въ такія ночи поетъ здѣсь безъ умолку.

Для орошенія свсихъ садовъ и огородовъ жители пользуются, главнымъ образомъ, водами двухъ рѣчекъ: Кыфалачая и Кишларъ-кере, впадающихъ въ Гердиманъ-чай. Отъ этихъ рѣкъ идутъ каналы по всѣмъ улицамъ, огородамъ и дворамъ. Протекая по этимъ каналамъ, вода, въ особенности, первой рѣчки, служитъ не только для орошенія огородовъ, но и для стирки бѣлья и на другія подобныя надобности. Воду какъ въ той, такъ и въ другой рѣчкѣ рѣдко когда-нибудь употребляютъ для питья, такъ какъ въ каждомъ участкѣ имѣется нѣсколько родниковъ.

Всѣхъ родниковъ въ Лагичѣ шесть; вода въ нихъ прѣсная, здоровая и холодная, какъ ледъ, и притомъ имѣется въ достаточномъ количествѣ. Каждый родникъ, или скорѣе фонтанъ называется по имени того, кто израсходовалъ нѣсколько сотенъ, а иногда и тысячу рублей на то, чтобы провести воду съ горы подземными трубами на участокъ. Хотя вода во всѣхъ этихъ родникахъ по качествамъ своимъ хороша, но тѣмъ не менѣе она уступаетъ водѣ изъ Гердиманъ-чая. Богатые и состоятельные лагичцы для питья и пользуются этою водою, которая доставляется служителями въ мѣдныхъ кувшинахъ мѣстной работы, навьюченныхъ по два, или по четыре на лошадь, катера или осла. Весною и осенью, благодаря частымъ разливамъ, вода Гердиманъ-чая бываетъ мутна и грязна. Для устраненія этого обстоятельства ставится нѣсколько большихъ котловъ, въ которыхъ она, безъ всякаго очищенія углемъ или квасцами, сама собою отстаивается.

VI. Флора и фауна.

Хотя растительность здѣсь и богата, но на большихъ горахъ незамѣтно даже слѣдовъ росшихъ здѣсь когда-то гу-

стыхъ лѣсовъ; лагичцы помять время, когда Ніяль-дагъ, а также и другія горы со стороны, обращенной къ селенію, покрыты были древесной растительностью, но теперь онъ вездѣ занятъ посѣвами и прекрасными эйлагами. Пастбища эти оживляются стадами овецъ и рогатаго скота, бродящими по скатамъ горъ.

Вотъ разныя, встрѣчающіеся здѣсь цвѣты и травы: фіалка, ежеголовка, василекъ, ромашка, ландышъ, волчій молочайникъ, подорожникъ, подсевъжникъ, мѣдоносныя травы трилистникъ, гвоздика, сердечная трава, золотушникъ, лилія и прочіе.

Травы, употребляемыя мѣстными жителями какъ лѣкарство: пузырникъ, калачики, порѣчникъ и многія другія.

На этихъ же горахъ и по ихъ склонамъ находятся пахотныя земли, гдѣ сѣютъ хлѣбныя растенія: пшеницу разныхъ сортовъ, ячмень и просо.

Но недалеко внизъ и вверхъ по Гердимапъ-чаку сохранились еще лѣса. Въ этихъ лѣсахъ растутъ: яблоня, груша, слива, алыча, кизиль, а затѣмъ орѣшникъ, можжевельникъ, шиповникъ, дубъ и др.; здѣсь же образуетъ непроходимыя заросли густой и колючей ежевичникъ; только на Ніяль-дагъ въ большомъ количествѣ растетъ малина.

Садоводство съ огородничествомъ, по непмѣнню здѣсь подходящей земли, не приняло широкихъ размѣровъ, хотя всѣ здѣшніе плоды отличаются хорошими качествами. Превосходные по своему вкусу груши слѣдующихъ сортовъ: сини, мулла-сини, наръ-амрудн, латанзъ, мулла-шаби, фиръ-хани, и др.; изъ яблокъ: джибиръ, геокчагъ, касымали, кара-амла, кизиль-ахмеди, гузи-горавъ и пр. достигаютъ довольно большой величины и собранныя еще не совсѣмъ зрѣлыми въ октябрѣ сохраняются до слѣдующаго лѣта. Здѣшняя слива отличается также своимъ необыкновеннымъ вкусомъ. Большихъ садовъ въ Лагичъ мало. Предъ большинствомъ

домовъ имѣется маленькій садикъ съ огородомъ, въ коихъ разводятъ разнаго рода плодовыя деревья и огородныя овощи только для своего употребленія, а не для продажи; если эти плоды и овощи продаются, то въ весьма незначительномъ количествѣ. Всѣ почти эти сады и огороды со всѣхъ четырехъ сторонъ окружены пирамидальными тополями, которые первыми бросаются въ глаза еще издали при въѣздѣ въ селеніе. Когда весной тополи эти вмѣстѣ съ другими деревьями одѣваются въ свой весенній покровъ, то это придаетъ селенію особую прелесть.

Время посѣва огородныхъ овощей обыкновенно—мартъ мѣсяць; тогда же начинается удобреніе огородовъ и садовъ.

Въ огородахъ растутъ овощи всякаго рода: картофель, капуста, огурцы, морковь, лукъ, фасоль, рѣдька, горохъ, перецъ, кукуруза, подсолнечникъ, салатъ и др.

Изъ плодовыхъ деревьевъ растутъ: кизилъ, алыча, вишня, черешня, орѣхъ, персикъ, яблоня, слива, тута, айва, груша и проч.

Изъ неплодовыхъ деревьевъ: тополь, ива, дубъ и др.

Виноградъ, гранаты, арбузы и дыни здѣсь не разводятся въ виду частыхъ и внезапныхъ морозовъ зимою и вслѣдствіе непродолжительности лѣта, а слѣдовательно незначительности тепла; вообще они не могутъ расти, хотя нѣкоторые изъ жителей и пробовали ихъ разводить, но безуспѣшно.

Скотоводство здѣсь незначительно; оно не составляетъ для жителей промысла, доставляющаго имъ средства къ жизни. Какъ видно изъ переписи 1886 года, лагичское общество имѣло всего 1185 головъ домашнихъ животныхъ, въ томъ числѣ—лошадей 680, катеровъ 15, ословъ 80, коровъ 210, буйволовъ 120.

Большая часть жителей занимается извозомъ, для чего преимущественно употребляются лошади, но также и катеры

и ослы. Вышеприведенныя цифры ясно доказывают ничтожность здѣшняго скотоводства; на каждый дворъ приходится среднимъ числомъ немногимъ больше одной головы скота.

Разведеніемъ овецъ жители селенія Лагичъ совершенно не занимаются, хотя они постоянно употребляютъ въ пищу баранину. Съ этою цѣлью мясники отправляются въ разныя мѣста, главнымъ же образомъ въ Елисаветпольскій и Шушинскій уѣзды, откуда пригоняютъ достаточное количество овецъ, но преимущественно барановъ. Каждый день и во всякое время въ селеніи можно найти баранину. Баранъ крупной породы иногда стоитъ 8 руб., но цѣна эта къ осени значительно падаетъ и увеличивается въ мартѣ мѣсяцѣ. Мясо рогатаго скота употребляется рѣдко и то больше бѣдными, такъ что говядина здѣсь гораздо дешевле баранины.

Цѣна здѣшнихъ лошадей отъ 20—100 руб. Рогатый скотъ мелокъ и слабосилень, но коровы даютъ много молока. На зиму ненужныхъ при домѣ домашнихъ животныхъ держать въ казмахъ, находящихся недалеко отъ селенія, а въ самомъ селеніи—въ хлѣвахъ; ихъ кормятъ заранѣе запасеннымъ ячменемъ, сѣномъ и саманомъ; а въ остальное время, подъ надзоромъ избраннаго обществомъ пастуха, «на-хирчи», онъ пасется на выгонахъ; плата пастуху идетъ за каждую голову скота по 20 коп. въ мѣсяцъ.

Горы и лѣса здѣшніе изобилуютъ дикими животными. На горѣ Баба-дагъ въ большомъ количествѣ водятся дикія козы, на которыхъ осенью охотятся жители окрестныхъ селеній. Охотятся преимущественно по два человѣка вмѣстѣ, изъ коихъ одинъ на избранномъ удобномъ мѣстѣ гдѣ-нибудь у подножья горы сторожитъ съ ружьемъ, между тѣмъ какъ другой, обходя вокругъ горы, заставляетъ цѣлое стадо, состоящее часто изъ нѣсколькихъ десятковъ козъ, направляться именно въ ту сторону, гдѣ стоитъ товарищъ. Когда стадо это приблизилось къ первому товарищу, то раздается его

выстрѣлъ; подстрѣленная коза катится съ горы, а испуганное стадо устремляется назадъ; въ то время другая коза дѣлается жертвою другого охотника. Водятся также дикія свиньи, медвѣди—въ особенности на горѣ Ніяль-дагъ, волки, лисицы, дикія кошки, зайцы и др.

Зимю любимое занятіе нѣкоторыхъ жителей составляетъ ночная охота на волковъ и лисицъ, которыя, гонимыя голодомъ, не боятся бродить даже по селенію, съ цѣлью унести первую попавшуюся имъ собаку. Любители ночной охоты еще днемъ таскаютъ какую-либо часть павшаго осла или лошади по горамъ, а затѣмъ оставляютъ ее противъ той пещеры, на берегу Гердиманъ-чая, въ которой они намѣрены засѣсть на ночь. Охотники эти берутъ съ собою въ пещеру мангалъ съ огнемъ и большую баранью шубу. Почувявъ запахъ оставленнаго противъ пещеры кускамъ мяса, скоро собирается вокругъ него нѣсколько волковъ и лисицъ, изъ коихъ одинъ или два, смотря по искусству охотника, и дѣлаются жертвою послѣдняго. Средняя цѣна волчьей шкуры 1 р. 50 к., а лисей—80 к.

Изъ дикихъ птицъ въ окрестностяхъ селенія водятся: фазаны, куропатки, вороны, сороки, дятлы, чижи, воробьи, малпновки, коршуны, ястреба, бобчики, орлы, кукушки, филины, совы и др.

Изъ перелетныхъ и пѣвчихъ птицъ водятся: жаворонки, скворцы, дрозды, ласточки, перепелки, кулики, соловьи, удо-ды, щеглы, журавли, цапли, лебеди, гуси, утки и др.

VII. Характерныя черты населенія; нѣкоторыя обычаи и суевѣрія.

Какъ мужчины, такъ и женщины въ Лагичѣ развиваются довольно рано. Хотя самый ранній возрастъ, въ которомъ вступаютъ въ бракъ, считается для женщины 14, а

для мужщины 18 лѣтъ, однакожь нерѣдко вступаютъ въ бракъ почти дѣти 11—15 лѣтъ. Многоженство развито слабо.

Жители селенія Лагичъ, большею частью, средняго роста, довольно полны, вѣснаго сложенія, широкоплечіе, но нерѣдко попадаются и сутоловатые. Румяное, задумчивое лицо у нихъ всегда носить отпечатокъ крайне мягкаго и уступчиваго нрава.

У лагичца черты лица правильныя, цвѣтъ кожи смуглый, глаза черныя, каріе, но встрѣчаются и голубые; лобъ невысокій, носъ, ротъ и уши умѣренныя; довольно толстыя черныя брови правильной дугой изгибаются надъ глазами; волосы гладкіе, темно-краснаго цвѣта; голова у лагичца бритая, и оставляются только пучки волосъ вокругъ ушей, называемые «бирчекъ», которые красятся хною весьма старательно; такъ же старательно красятся борода и усы въ черный цвѣтъ, чтобы казаться молодымъ своей молодой женѣ.

Красивое же, полное, счастливое и беззаботное лицо лагичанки дышитъ здоровьемъ. Большею частью, цвѣтъ кожи у нихъ бѣлый съ яркимъ румянцемъ на щекахъ. Въ большихъ, черныхъ глазахъ ихъ свѣтится доброта, спокойствіе и вмѣстѣ съ тѣмъ какая-то увѣренность въ себя. Лагичанки отличаются выдающеюся красою; онѣ многимъ извѣстны какъ красавицы; статная лагичанка сразу приковываетъ къ себѣ вниманіе.

По наружному виду лагичецъ добродушенъ, но въ душѣ лукавъ и лживъ; какъ торгошъ, никогда онъ не скажетъ правды; съ чужеземцемъ онъ обращается весьма любезно и вообще старается показать себя пріятливымъ и гостепріимнымъ хозяиномъ. Всякій пріѣзжій встрѣчаетъ у лагичца ласковый пріемъ. Такая любезность и такое видимое гостепріимство лагичца объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что каждый изъ нихъ, занимаясь развозною торговлею мѣдными издѣліями мѣстнаго производства по всемъ селамъ и

городамъ Кавказа, самъ долженъ прибѣгать къ гостепріимству другихъ. Но еще большимъ почетомъ пользуется у лагичца пріѣзжій чиновникъ. Всякій лагичецъ, за небольшими исключеніями, готовъ отвести для пріѣзжаго гостя-чиновника свою квартиру, въ особенности если чиновникъ этотъ полицейскій, и израсходовать на него послѣднюю копейку.

Оставивъ въ сторонѣ симпатичную сторону широкаго гостепріимства, можно сказать съ увѣренностью, что далеко не тѣ чувства питаетъ лагичецъ по отношенію къ сосѣду или родственнику, а въ особенности тамъ, гдѣ замѣшаны имущественные интересы. Нерѣдко сосѣдъ на сосѣда и родственникъ на родственника смотрятъ какъ на своего естественнаго врага и чуть ли не радуется въ душѣ постигшему ихъ несчастью. По крайней мѣрѣ я самъ былъ очевидцемъ подобнаго отношенія и слышалъ объ этомъ отъ лицъ, хорошо знакомыхъ съ обычаями своего народа. Въ этомъ случаѣ лагичцы не придерживаются своей религіи, повелѣвающей любить и помогать своему ближнему, радоваться его радостью и печалиться печалью. Такое гнусное явленіе можно объяснить развѣ замкнутостью, среди которой выросъ лагичецъ, несмотря даже на нѣкоторую подвижность, связанную съ продажей мѣдныхъ издѣлій.

Каждый изъ хозяевъ, занимающихся продажою мѣдной посуды, имѣетъ достаточное количество покушниковъ сагрягардовъ, которые берутъ товаръ только у него и развозятъ по селамъ и городамъ; но обыкновенно онъ не довольствуется имѣющимися у него кліентами и старается заманить чужого покушника разными обѣщаніями (продавая по меньшей цѣнѣ) и хитростями, почему среди нихъ изъ-за этого возникаетъ ненависть и враждебное отношеніе другъ къ другу.

Во избѣжаніи этого, каждый хозяинъ, въ случаѣ надобности, готовъ всевозможными средствами защищать интересы своего покушника—сагрягара и не доводитъ его до того, что-

бы онъ покупалъ у другого, какъ они говорятъ, «хозѣйна».

Описать костюмъ лагичцевъ весьма трудно, ибо у нихъ нѣтъ такъ называемаго мѣстнаго національнаго костюма, а живя, или лучше сказать, бывая въ разныхъ городахъ Кавказа, а равно и Персїи, онъ переодѣвается въ костюмы тѣхъ народностей, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло.

Въ настоящее время, особенно въ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ, вслѣдствіе ничтожнаго, сравнительно съ прошлыми годами, сираса на мѣстныя мѣдныя издѣлія стали заявлять о себѣ бѣдность и даже нужда въ кускѣ хлѣба; вырабатывается сельскій пролетаріатъ, но все-таки большинствомъ крестьянъ средней руки овладѣвается, такъ сказать, отчаянная рѣшимость, во что бы то ни стало, цѣною даже каторжной работы и нечеловѣческихъ усилій завоевать себѣ право быть сытымъ и обезпеченнымъ. Работа, исполняемая лагичцами, чуть ли не труднѣе египетской.

Жены лагичцевъ почти не принимаютъ никакого участія въ трудѣ ихъ мужей; стирать бѣлье, хозяйничать дома и приготавливать пищу изъ купленнаго мяса вотъ все занятія ихъ. Сфера женщины домашній очагъ: что внѣ его, почти ея не касается.

Большую часть года лагичецъ, со своею навьюченною мѣстными произведеніями лошадыю, странствуетъ по разнымъ мѣстностямъ Кавказа, и только около трехъ мѣсяцевъ проводитъ въ кругу своего семейства, часто лѣтомъ или въ концѣ осени, а иные скитаются и десятки лѣтъ. Неудивительно, что человѣкъ, занесенный сюда въ неурочное время, можетъ подумать, что населеніе вымерло.

Семейная жизнь лагичца не отличается особенного жесткостью и грубостью. Жена въ домѣ бесспорно рабыня, состоящая въ полной власти и зависимости отъ мужа; но семейные ряздоры происходятъ не такъ часто. Хотя во главѣ семьи стоитъ обыкновенно мужъ, а если его нѣтъ, то старшій сынъ,

но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ отнюдь нельзя видѣть неограниченнаго владыку надъ личностью и собственностью домочадцевъ; онъ только пользуется уваженіемъ всѣхъ членовъ семьи: при входѣ его въ комнату всѣ въ семействѣ встаютъ, безъ его разрѣшенія не садятся, стоятъ и ожидаютъ его распоряженій, которыя исполняютъ, повидимому, безпрекословно. Онъ же завѣдуетъ хозяйствомъ семьи, направляетъ занятія каждаго изъ членовъ, требуетъ отъ нихъ безусловной передачи всѣхъ ихъ заработковъ въ общую кассу, производитъ въ случаѣ надобности займы, не иначе однако, какъ съ общаго согласія. Наконецъ, онъ является представителемъ семьи во всѣхъ ея сношеніяхъ съ посторонними. Но исключеніе и изгнаніе изъ семьи кого-либо изъ членовъ ея производится не иначе, какъ въ силу рѣшенія, принятаго семейнымъ совѣтомъ. Равнымъ образомъ продажа общаго имущества возможна лишь въ случаѣ безусловнаго согласія на этотъ счетъ всѣхъ домочадцевъ: соглашеніе состоялось, имущество продано.

Отношенія родителей къ своимъ дѣтямъ не отличаются какою бы то ни было оригинальностью, по сравненію съ такими же отношеніями другихъ мусульманскихъ народовъ. Родители такъ же женятъ своихъ сыновей, рѣдко обращая вниманіе на ихъ выборъ, но чаще по своему собственному выбору; такъ же дѣти не имѣютъ права требовать раздѣла имущества при жизни родителя и т. д. Родовое начало слишкомъ бережно относится къ сохраненію накопленнаго предками достоянія, а потому въ большинствѣ случаевъ, несогласно даже съ шатриатомъ, стараются не давать даже ничтожную часть перешедшаго отъ предковъ имущества въ руки женщинъ, а чрезъ нея въ чужой родъ.

По смерти отца дочь получаетъ только половинную долю сравнительно съ тою, которую получаетъ сынъ. Что касается до сыновей, то они признаются наследниками въ равной долѣ, за исключеніемъ старшаго, который получаетъ иногда извѣст-

ную прибавку, какъ лицо, раньше всѣхъ приступившее къ работѣ, а слѣдовательно, болѣе другихъ потрудившееся въ пользу семьи; такая прибавка доли извѣстна подъ названіемъ «ачръ» — возмездіе. Кромѣ старшаго, иногда и младшій братъ имѣетъ право на незначительное увеличеніе его доли; младшій братъ получаетъ прибавку, когда онъ не женатъ, въ видѣ расходовъ на свадебныя издержки.

Если два брата послѣ смерти отца жили нераздѣльно и одинъ изъ нихъ умеръ, оставивъ двухъ сыновей, то эти послѣдніе получаютъ каждый по половинѣ того, что слѣдовало отцу. Если дѣти перемерли, то наследниками являются внуки покойнаго. При отсутствіи послѣднихъ, наследниками его являются всѣ его родственники, иначе говоря — весь родъ.

По смерти мужа жена сохраняетъ извѣстныя права на его имущество. Право это признается за нею не по обычаю, а на основаніи шаріата. Вдовья часть бездѣтной вдовы составляетъ одну четверть, а имѣющей дѣтей — одну восьмую наследства. Такое пониженіе доли объясняется тѣмъ, что въ послѣднемъ случаѣ жена остается при дѣтяхъ и, слѣдовательно, менѣ бездѣтной нуждается въ средствахъ для жизни.

Предъ смертью умирающій мужъ дѣлаетъ письменное или просто словесное завѣщаніе. Распоряженіе, сдѣланное умирающимъ на смертномъ одрѣ, хотя бы и словесно, признается какъ по шаріату, такъ и по обычаю обязательнымъ.

Национальнымъ увеселеніемъ для жителей описываемой мѣстности служить — бой пѣтуховъ и драка собакъ.

Во всякой лавкѣ мѣдниковъ и въ нѣкоторыхъ домахъ зажиточныхъ вы увидите привязаннаго къ веревкѣ болѣе или менѣ рослаго пѣтуха изъ такъ называемой породы «лары». Эти животныя обладаютъ большою, сравнительно, силою, и за нихъ платятъ иногда большія деньги. Пѣтуховъ этихъ держатъ какъ нельзя лучше: имъ даютъ ѣсть ишеницу, бурдюч-

ное сало и орѣхи, но никакъ не ячмень, ибо, по мнѣнію знатоковъ, ячмень портитъ грудь пѣтуха.

Бой пѣтуховъ часто бываетъ въ пятницу, когда всѣ свободны отъ занятій. Съ этою цѣлью изъ cadaго участка приносятъ пѣтуха, пользующагося репутаціей искуснаго бойца; обыкновенно дерутся два такихъ пѣтуха, которые ни разу не были побѣждены. Бой этотъ представляетъ весьма интересное и вмѣстѣ съ тѣмъ кровавадное зрѣлище; поэтому къ мѣсту, предвазначенному для боя, собирается огромная толпа любопытныхъ. Когда зрители собрались, хозяева пѣтуховъ по данному сигналу пускаютъ ихъ на арену. Пѣтухи видаются съ ожесточеніемъ другъ на друга; летятъ перья въ разныя стороны; ключомъ наносятся удары, главнымъ образомъ, въ голову противника; весьма часто одинъ у другого пожираетъ цѣлыми кусками гребень, а то и вырываетъ языкъ. Борьба эта иногда продолжается болѣе часа; удары учащаются, и кровь льется до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ сражающихся не отступитъ; тогда побѣдителя привѣтствуютъ громкими криками одобренія. Но часто случается, что ослѣпленные кровью, ни одинъ изъ соперниковъ не сдается; тогда оба падаютъ въ изнеможеніи безъ чувствъ. Передъ началомъ состязанія иногда владѣльцы пѣтуховъ или остальные присутствующіе держатъ между собою пари.

Но еще болѣе ужасное зрѣлище представляетъ драка собакъ. У cadaго изъ зажиточныхъ лагичцевъ можно встрѣчать одну, двѣ, а у иного и три привязанныхъ къ цѣпи собаки, которыхъ держатъ весьма хорошо и за которыми смотритъ особый слуга; собакъ этихъ собственно держатъ для обереганія дома, но хозяева и не отказываются по временамъ любоваться, какъ онѣ грызутъ другъ друга. А чтобы онѣ дрались возможно продолжительнѣе, то двухъ собакъ связываютъ веревкой; тогда драка продолжается довольно долго.

Изъ суевѣрій лагичцевъ упомяну слѣдующія.

1. Если мужчина сурмитъ себѣ глаза и рѣсницы, то, значить, онъ желаетъ смерти своей лошади.

2. Хозяинъ дома отправился къ сосѣду побесѣдовать; въ землю втыкаютъ острую иголку, чтобы онъ вернулся скорѣе.

3. Кто-нибудь изъ членовъ семьи отправляется въ дальній путь; за нимъ выливаютъ на землю воду и показываютъ зеркало, чтобы онъ скорѣе, а главное благополучно возвратился домой.

4. Стричь себѣ ногти въ домѣ истиннаго друга, значить—желать быть въ непріязни съ нимъ.

5. Не слѣдуетъ въ одинъ день стричь ногтей на всехъ пальцахъ рукъ и ногъ, ибо въ слѣдующій разъ вырастутъ не свои ногти, а ногти кого-либо изъ умершихъ.

6. Если качать пустую люльку, то будетъ болѣть животъ ребенка.

7. Не бросай своихъ стриженныхъ волосъ въ огонь—голова будетъ болѣть.

8. Двумъ человѣкамъ вмѣстѣ отрѣзать отъ одного и того же хлѣба по куску, а также утирать руки или лицо однимъ полотенцемъ—жить во всегдашней враждѣ другъ съ другомъ.

9. Предусмотрительная хозяйка не дастъ никому изъ мужчинъ ѣсть первому только что испеченный въ тандирѣ хлѣбъ, ибо кто изъ мужчинъ поѣстъ этого хлѣба, у него умретъ первая жена; этотъ хлѣбъ можетъ ѣсть только женщина.

10. Сглазили красиваго мальчика или дѣвочку—его голову обводятъ горстью обыкновенной соли, которую затѣмъ бросаютъ въ огонь.

11. Не отрѣзывай хлѣба одной рукой. Богъ далъ тебѣ двѣ руки—можешь согрѣшить.

12. Если кто прошелъ между двумя женщинами, то съ нимъ непременно случится такая-либо непріятность.

13. Кто безъ помощи лѣвой руки сумѣетъ поцѣловать локоть правой руки, то сдѣлается птицей.

14. Курица отряхнулась на дворѣ—пойдетъ дождь; отряхнулась въ домѣ—скоро разбогатѣетъ домохозяинъ.

15. Если кто пристально смотреть—пріѣдутъ гости.

16. На порогъ дома пѣтухъ закричалъ свое кукуреку, значить—пріѣдетъ находящійся давно на чужбинѣ членъ семейства.

17. Если ночью острить свой ножъ, то на слѣдующій день зарѣжешь этимъ ножомъ кого-нибудь и, слѣдовательно, сдѣлаешься несчастнымъ.

18. Не бей палкой землю-кормилицу по лицу—мозоли появятся на ногахъ.

19. Послѣ вечерняго намаза никому нельзя давать хлѣба въ долгъ—умретъ хозяйская лошадь.

20. Ужа, въ особенности кошку, не убиваютъ: боятся навлечь на домъ свой несчастье, а именно—умретъ сынъ.

21. Если садовладѣлецъ позволилъ тебѣ выкопать дерево, чтобы ты его посадилъ въ своемъ вновь заведенномъ саду, то дай этому садовладѣльцу сыру и хлѣба: иначе дерево не вырастетъ.

22. Ночью въ зеркало не смотри, такъ какъ легко можешь выкинуть какую-нибудь глупость и въ ту же ночь плохо будешь спать.

23. Въ послѣдній четвергъ Раджаба мѣсяца никому ничего не даютъ изъ домашнихъ вещей даже—огня, ибо съ данною въ тотъ день вещью домъ потеряетъ благополучіе.

24. Если котелъ полонъ воды, то наклонять его, чтобы напиться изъ него воды, нельзя—человѣкъ легко можетъ сдѣлаться сумасшедшимъ.

25. Жевать мастику (сапкизъ, кеви) ночью нельзя; кто жуеъ ночью мастику, тотъ все равно, что жуеъ мясо мертвеца.

26. Рѣдко кому даютъ изъ дому закваски—пстощится все богатство въ домѣ.

27. Когда даютъ пзъ дому кому-либо «айранъ» *), то хозяйка не забываетъ прежде всего насыпать горсть соли на дно посуды, въ которой намѣрена дать айрану, такъ какъ этимъ можно привлечь къ своему дому избытiе всего.

28. Если днемъ расскажешь сказку, то воръ украдетъ твои штаны.

29. Не заливай огня водою—сынъ умереть.

30. Ребенокъ упалъ съ высоты и ушибся; на томъ мѣстѣ, гдѣ упалъ ребенокъ, до слѣдующаго дня должна горѣть свѣча; кромѣ того, вбиваютъ тамъ же въ землю коль; тогда ребенокъ скорѣе выздоровѣетъ.

31. Если ночью подметать комнату, то скоро домъ обвднѣетъ.

32. Если латать платье для хозяина, то тотъ умереть раньше предопредѣленной смерти.

33. Портной шлетъ платье; если при работѣ часто завязывается нитка узломъ, то продлится вѣкъ заказчика.

34. Если переступать вѣсы, то будетъ недородъ хлѣба, а слѣдовательно дороговизна во всемъ.

35. Когда бракосочетанiе кончено и невѣста отправляется въ домъ своего мужа, ее сопровождаютъ родственники и подруги съ зажженными свѣчами; если одна свѣча потухнетъ, то молодыхъ въ скоромъ будущемъ ожидаетъ великое несчастiе; но когда свѣчу намѣренно потушить кто-либо изъ женщинъ, участвовавшихъ въ шествiи, то, значить,

*) Кислое молоко, разведенное водою, которымъ прохлаждаются въ лѣтнiе жары.

потушившая желаетъ молодымъ несчастія, почему съ того времени она и дѣлается явнымъ и непримиримымъ врагомъ.

36. Если кто-нибудь изъ лагичцевъ отправляется въ дальній путь, то прежде всего онъ считаетъ для себя долгомъ освѣдомиться у муллы, который опредѣляетъ по календарю, въ который день и часъ хорошо выѣхать; согласно съ этимъ лагичецъ готовится къ выѣзду. Но иногда случается, что этотъ день приходится въ понедѣльникъ, но понедѣльникъ день не хорошій для выѣзда; тогда лагичецъ собирается въ путь въ воскресенье, хотя бы дѣло шло къ вечеру, и выѣзжаетъ со всѣмъ своимъ вьюкомъ изъ дому. Но такъ какъ въ такое позднее время не возможно ему доѣхать даже до ближайшаго села, то онъ и ѣдетъ въ своемъ же селѣ къ кому-нибудь изъ родственниковъ или друзей и останавливается ночевать у него; такимъ образомъ, онъ уже на слѣдующій день—въ понедѣльникъ, какъ ни въ чемъ не бывало, отправляется въ путь.

VIII. Составъ и движеніе населенія; земельные надѣлы и повинности.

Всѣ данные о населеніи Лагича извлечены мною изъ семейныхъ списковъ, составленныхъ въ 1886 году. Но вполне полагаться на правильность этихъ показаній нельзя, хотя показанія эти произведены посредствомъ выборныхъ изъ сельчанъ лицъ, подъ надзоромъ назначеннаго съ этою цѣлью чиновника. Неправильность эта, главнымъ образомъ, замѣчается въ показаніи лѣтъ.

Число жителей по семейному списку 1886 года: мужскаго пола—3,817 душъ, женскаго—3,098, а всего—6,915 душъ обоего пола; такимъ образомъ на одну постройку среднимъ числомъ приходится около 10 жителей.

Кромѣ кореннаго населенія, здѣсь проживаютъ съ недавнихъ поръ нѣсколько семействъ шемахинцевъ, занимаю-

щихся торговлею; нѣсколько семействъ персидско-подданныхъ, изъ коихъ нѣкоторые переселились въ описываемую мѣстность еще раньше времени Мустафы-хана Ширванскаго, слѣдовательно сроднились здѣсь и превратились какъ бы въ коренныхъ жителей, но еще и теперь живутъ по ежегодно получаемому паспорту; и наконецъ, нѣсколько, семействъ лезгинъ, переселившихся сюда нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, преимущественно изъ селенія Мискинджи Самурскаго округа, Дагестанской области. Почти все населеніе Лагича по вѣроисповѣданію магометане-шіиты, хотя между ними живетъ нѣсколько семействъ суннитовъ. Въ прежнее время, какъ рассказываютъ жители, послѣднихъ было сравнительно больше, чѣмъ теперь, но они добровольно переселились въ окрестныя села: въ настоящее время число ихъ не превышаетъ 15 дымовъ. Отношенія между этими двумя сектами, повидимому, довольно хороши, и они не питаютъ другъ къ другу такой явной ненависти, какая часто замѣчается въ другихъ городахъ и селахъ Кавказа. Численность населенія Лагича по сословіямъ выражается слѣдующимъ образомъ.

Наличное населеніе по семейнымъ спискамъ, составленнымъ въ 1886 году.

Всѣхъ семействъ.	Всѣхъ жителей.	Мужскаго пола.	Женскаго пола.	Беконъ.			Духовныхъ.			Государственныхъ крестьянъ.		
				Число семействъ.	Мужскаго пола.	Женскаго пола.	Число семействъ.	Мужскаго пола.	Женскаго пола.	Число семействъ.	Мужскаго пола.	Женскаго пола.
702	6915	3817	3098	10	66	51	3	21	19	689	3730	3028
					117			40			6758	

По вышеприведенному сочиненію Н. Зейдлица, въ 1864 году число жителей въ сел. Лагичъ достигло 5228 душъ обо-

его пола, пзъ нхъ мужскаго пола 2889 душъ, женскаго —2339. Такимъ образомъ, въ теченіе приблизительно 22 лѣтъ приростъ мужскаго пола—928, женскаго пола—759, а всего—1687.

Мужское населеніе по возрасту распредѣляется такъ:

Годъ.	До 1 годъ.													Всего.
	Отъ 1—5	5—10	10—15	15—20	20—25	25—30	30—40	40—50	50—60	60—70	70—80	80—100		
1886	96	577	491	262	519	261	392	568	357	187	81	19	5	3817

Число смертныхъ случаевъ обоаго пола за 7 лѣтъ.

Въ теченіе.	До 1 годъ.									Всего.
	Отъ 1—10	Отъ 10—20	Отъ 20—30	Отъ 30—40	Отъ 40—50	Отъ 50—60	Отъ 60—70	Отъ 70—80 и болѣе,		
1881 г.	6	45	6	11	11	7	13	4	18	121
1882 „	37	81	9	9	4	2	5	12	18	167
1883 „	3	38	13	13	10	9	8	5	10	109
1884 „	16	21	7	10	9	14	10	4	5	96
1885 „	13	29	9	9	6	9	5	5	2	87
1886 „	8	32	4	5	15	5	7	5	4	85
1887 „	13	62	4	9	12	12	8	5	6	131
За 7 лѣтъ.	97	309	52	66	67	58	56	40	53	808

Метрическія книги здѣсь ведутся мѣстными приходскими муллами; всѣ свѣдѣнія о числѣ браковъ, разводовъ и умершихъ записываются, можно полагать, съ достаточною аккуратностью, благодаря тому, что послѣдніе совершаются въ присутствіи муллы; но далеко не то можно сказать о числѣ родившихся.

Вышеприведенная таблица о смертности населенія за 7 лѣтъ ясно показываетъ, что вообще смертность велика въ возрастѣ до 10 лѣтъ, что, конечно, объясняется плохимъ ух-

домъ за дѣтьми. Изъ болѣзней здѣсь наиболѣе часты: лихорадка, скарлатина, повось, оспа и корь; двѣ послѣднія болѣзни поражаютъ преимущественно дѣтей до 10 лѣтъ, что, помимо заразительности этихъ болѣзней, объясняется еще крайне плохимъ, какъ сказано выше, уходомъ и вообще дурными санитарными условіями; дѣти до 10 лѣтъ, почти круглый годъ проводятъ время на улицахъ босыми и плохо одѣтыми.

Но, несмотря на это и благодаря климатическимъ условіямъ мѣстности, населеніе Лагича пользуется вообще довольно крѣпкимъ здоровьемъ.

Число родившихся и умершихъ за 7 лѣтъ.

Въ теченіе года.	Число браковъ.		Родилось.			Умерло.			Приростъ и убыль.		
	Число браковъ.	Число разводовъ.	Мужскаго пола.	Женскаго пола.	Обоего пола.	Мужскаго пола.	Женскаго пола.	Обоего пола.	Мужскаго пола.	Женскаго пола.	Обоего пола.
1881	75	10	70	71	141	69	52	121	+1	+19	+20
1882	91	9	80	60	140	103	64	167	-23	-4	-27
1883	86	11	83	69	152	62	47	109	+21	+22	+43
1884	75	3	72	50	122	51	45	96	+21	+5	+26
1885	93	3	62	39	101	44	43	87	+18	-4	+14
1886	98	4	115	59	174	49	36	85	+66	+23	+89
1887	84	9	94	70	164	84	47	131	+10	+23	+33
Всего за 7 лѣтъ.	602	49	576	418	994	462	334	796	+114	+84	+198

Такимъ образомъ, здѣсь наблюдается то же самое, что и во многихъ мѣстахъ Закавказья: приростъ въ теченіе 7 лѣтъ мужскаго пола больше женскаго на 30 душъ.

Браки бываютъ четырехъ родовъ: 1) холостого съ дѣвушкой; 2) холостого со вдовою; 3) вдовца съ дѣвушкою и 4) вдовца со вдовою. Первое мѣсто, по обилію браковъ,

занимають, конечно, первобранныя лица; но третій родъ бракосочетанія немногимъ отстаетъ отъ перваго; при этомъ часто происходятъ бракосочетанія совершенно не подходящія: женитьба пятидесятилѣтняго вдовца на шестнадцатилѣтней дѣвушкѣ здѣсь не рѣдкость.

Если разсматривать по книгамъ мундъ, сколько смертныхъ случаевъ падаетъ на отдѣльные мѣсяцы съ 1881 г. по 1887 г., то оказывается, что изъ временъ года зима занимаетъ первое мѣсто, а второе мѣсто—осень.

По количеству рожденій годы и мѣсяцы распределяются такъ: наибольшее число рожденій падаетъ на 1886 г. (174 души), а наименьшее—на 1885 годъ (101 душа). Далѣе наибольшее число рожденій приходится на апрѣль мѣсяць (116 душъ), а наименьшее—на декабрь (45 душъ).

По свѣдѣнiямъ, собраннымъ въ управленiи государственными имуществами Бакинской губернии, въ пользованiи лагичскаго общества находится удобной земли 8464 десятины подъ усадьбами, пахотью и сѣнокосами (земли неполивной), а неудобной—6669 десятинь, состоящей изъ скалъ и обрывовъ. Выгономъ для скота служатъ пахотныя, а также и сѣнокосныя мѣста по снятiи съ нихъ хлѣббовъ и травъ. Но на самомъ дѣлѣ въ распоряженiи общества находится гораздо меньше земли, что яснѣе всего видно изъ нижеслѣдующей таблицы:

Количество земли въ десятинахъ.					Размѣры надѣловъ, причитающихся на дымъ и душу въ десятинахъ.			
Садовой.	Пахотной.	Покосной.	Пастбищной и неудобной.	Всего.	Садовой, пахотной и покоса.		Всей земли.	
Фруктовые сады.	Неполивной.				На дымъ.	На душу обого поля.	На дымъ.	На душу обого поля.
10	1250	450	2510	4310	2,11	0,22	6,11	0,22

Такимъ образомъ, на каждый дымъ приходится только 2,40 десятины.

На содержаніе сельскаго управленія, старшины и его помощниковъ, лагичское общество почти ничего не расходуетъ, кромѣ одного човуша (десятскаго), которому въ годъ полагается 50 руб.; къ сему еще добавимъ, что сельскій старшина всегда свободенъ отъ уплаты государственныхъ и общественныхъ податей. Здѣсь же приводимъ вѣдомость о податяхъ и повинностяхъ.

Размѣры податей, причитающихся на дымъ, душу и десятину земли въ рубляхъ.		П о д а т и .								Общественныя повинности.				
На дымъ.	На душу обоюго пола.	На десятину.		Государственныя.		Земскія.				Човушамъ.	Случайныя расходы.	Итого.	Общій итогъ всѣхъ повинностей въ году.	
		Садовъ, пахот. и покосной.	Всей земли.	Подымная.	Повомельныя.	Итого.	Общая по краю.	Губернскія.	Итого.					Всего.
		Р	У	Б		Л		И.						
15,07	1,00	6,00	2,00	5088	247	6055	3505	1240,77	4745,77	10800,77	50	300	350	11150,77

Раскладка податей въ селеніи Лагичъ производится исключительно на каждую душу; имѣющіяся у крестьянъ на наслѣдственномъ правѣ земли находятся внѣ обложенія, что служить предметомъ всеобщаго неудовольствія. Несправедливость подобной раскладки податей бросается въ глаза, главнымъ образомъ, потому, что чернорабочему, зарабатывающему въ годъ 100 руб., а иногда и меньше, приходится платить столько же податей, сколько и односельчанину его, ворочающему капиталомъ болѣе сотни тысячъ руб. и владѣющему сотнею десятинъ земли. Подымной подати платить каждый лагичецъ по 8 руб.; большая несправедливость обнаруживается и здѣсь: на какомъ основаніи безземельный проле-

тарій селенія Лагичъ платить подымной подати по 8 руб., когда общество Киргъ (въ Геокчайскомъ же уѣздѣ), имѣющее по 13,₀₀ десятиныхъ на дымъ, уплачиваетъ съ дыма по 6 руб. 50 коп., или же общество Ивановка обложено 9 ю руб. при 27,₄₈ десятинахъ на дымъ *)?.

IX. Занятія жителей.

Хотя псбольшая часть населенія Лагича зарабатываетъ себѣ пропитаніе ремеслами и занятіями, носящими городской характеръ: кожевеннымъ, башмачнымъ, оружейнымъ, торговлею мануфактурными и другими товарами, но въ общемъ всѣ безземельные и значительная часть имѣющихъ земельный надѣлъ жителей заняты производствомъ мѣдной посуды и соприкасающимися къ нему работамъ: развозною торговлею посуды, углеобжиганіемъ и кузнечествомъ. Во всякомъ случаѣ, главнымъ источникомъ благосостоянія Лагича является мѣдное производство.

Съ какого времени развилось производство мѣдной посуды въ Лагичѣ, перенесено ли оно изъ Персіи, или возникло на мѣстѣ—эти вопросы не находятъ себѣ разрѣшенія въ мѣстныхъ преданіяхъ. Безземелье населенія, а равно и близость казенныхъ лѣсныхъ дачъ, откуда получается дешевое топливо — уголь, способствовали развитію описываемаго производства, хотя необыкновенная затруднительность сообщенія Лагича съ остальною частью Ширвана, что подробно описано во главѣ «пути сообщенія», мало представляетъ удобствъ для ввоза мѣди и вывоза мѣдныхъ издѣлій; но стойкій лагичецъ, обладающій такимъ же крѣпкимъ характеромъ, какъ и обрабатываемая имъ мѣдь, преодолеваетъ всѣ затрудненія и является со своими издѣліями на рынкахъ всего Кавказа;

*) Это зависитъ, очевидно, отъ качества земли. *Ред.*

онъ проникаетъ даже далеко за предѣлы его—въ Турцію и Персію.

Лагичцевъ, ведущихъ торговлю мѣдными издѣліями, можно раздѣлить на три категоріи: на скупщиковъ или, какъ ихъ называютъ въ Лагичѣ, «хозяевъ», на мѣдниковъ и сагрязаровъ (торговцевъ — развозчиковъ). Определить число лицъ каждой категоріи довольно трудно; но крупныхъ скупщиковъ въ Лагичѣ около 13. Кроме этихъ крупныхъ скупщиковъ, встрѣчаются еще мелкіе, число которыхъ определить еще труднѣе.

Для пріобрѣтенія мѣди крупныя «хозяева» управляютъ на слѣдующіе заводы: Кедабекскій—въ Елисаветпольскомъ уѣздѣ, Гализурскій и Гявардскій—въ Зангезурскомъ и Лальварскій—въ Борчалинскомъ уѣздѣ, гдѣ покупаютъ мѣдь тысячами пудовъ и доставляютъ въ Лагичъ черезъ наемныхъ перевозчиковъ, исключительно на верблюдахъ. Скупщики эти пріобрѣтаютъ на заводахъ мѣдь по 8—12 руб. за пудъ; при этомъ сдѣлки совершаются, большею частью, на наличныя деньги.

У каждаго изъ крупныхъ «хозяевъ» есть свои покупщики—мѣдники и сагрязары, которые мѣдь и мѣдныя издѣлія покупаютъ исключительно у него; да они иначе не могли бы поступать, хотя бы хозяева имъ отпускали издѣлія и нѣсколько дороже, ибо почти всѣ они—должники «хозяина»; и если кто-нибудь изъ нихъ и рѣшился бы войти въ торговныя сношенія съ другимъ «хозяиномъ», то обязанъ былъ бы прежде всего уплатить старому «хозяину» всѣ свои долги, что для него, конечно, невозможно.

Определить съ точностію, какое количество мѣди ежегодно доставляется въ Лагичъ, нѣтъ никакой возможности: лагичцы сами этого не знаютъ, или, быть-можетъ, скрываютъ размѣры производства отъ любопытныхъ взоровъ постороннихъ; къ тому же нельзя добиться точныхъ свѣдѣній объ от-

пускѣ мѣди и у администраціи названныхъ заводовъ; но, какъ говорятъ, бывали годы, въ которые привозили въ Лагичъ до 20 т., а иногда и больше пудовъ мѣди; въ послѣдніе три года количество привозимой мѣди значительно уменьшилось.

Какъ крупные, такъ и мелкіе скупщики сдаютъ мѣдь мастерамъ мѣдникамъ для переработки ея въ посуду. Пудъ мѣди, полученный мастеромъ отъ «хозяина», возвращается ему издѣліями такого же вѣса, хотя при переработкѣ послѣдній убавляется. Когда крупные «хозяева» получаютъ мѣдь изъ заводовъ, мѣдники приходятъ къ нимъ группами, и каждый беретъ мѣди, сколько ему понадобится — отъ 20 до 100 п. Мѣдникъ, свѣсивъ у скупщика мѣдь, везетъ ее на лошади или часто на спинѣ своихъ рабочихъ въ свою мастерскую, которая помѣщается въ просторной лавкѣ, на базарѣ.

Наемная плата такой мастерской доходитъ отъ 8 до 12 руб. въ годъ; но у большинства мастеровъ имѣются собственныя помѣщенія. Въ каждой мастерской насчитывается инструментовъ на сумму до 300 рублей. За исключеніемъ наковалень, которыя привозятся изъ Россіи, и англійскихъ подпилковъ, всѣ примѣняемые въ мастерскихъ инструменты изготовляются въ самомъ Лагичѣ мѣстными слесарями и кузнецами. Древесный уголь покупается мастерами у односельчанъ, или у жителей смежныхъ селеній, которые приготавливаютъ его въ казенныхъ лѣсныхъ дачахъ Пирамешинской, Джульянской и Гафтаранской.

Привезенная въ мастерскую бусками мѣдь расплавляется въ плавильныхъ печахъ мастерскихъ, гдѣ и отливается въ формы. Каждый разъ въ печь кладется пудъ мѣди, которой, по отливкѣ въ 5—6 формъ, угараетъ до 1½ фунта. При расплавкѣ мѣди, бромъ мастера, принимаютъ участіе 4—5 рабочихъ.

Отлитыя формы подвергаются распластыванію для полученія круглыхъ пластинокъ (паста). Такая работа начинается

ся обыкновенно приблизительно въ два часа ночи и продолжается до вечера слѣдующаго дня.

Распластываніе мѣди составляетъ одну изъ трудныхъ операций производства и требуетъ много рабочихъ рукъ. При этой операциі, кромѣ мастера, принимаютъ участіе 13 рабочихъ: одинъ—работающій у горна (разжигатель), приносить и уноситъ обрабатываемую мѣдь; другой—мѣхораздуватель; третій—рѣзчикъ; четвертый—рѣзчикъ-билыщикъ и 9 молотобойцевъ.

Въ день такая партія рабочихъ можетъ распластать 15 пудовъ мѣди. Рабочіе при расплавкѣ получаютъ слѣдующую плату: мастеръ и разжигатель по 1 руб., молотобоецъ—отъ 30—80 коп.; мѣхораздуватель—20 коп., рѣзчикъ—40 к. и ученики получаютъ вознагражденіе по 10 руб. въ годъ на хозяйскихъ харчахъ. Древеснаго угля расходуется при расплавкѣ и разбивкѣ по 2 вьюка; вьюкъ угольевъ покупается отъ 1—2 руб. 40 коп.

По словамъ мѣстныхъ свѣдущихъ людей, годичный заработокъ мастера ни въ коемъ случаѣ не превышаетъ 150 руб.; обыкновенно при мастерахъ находятся наемные подмастерья; полный комплектъ при одномъ мастерѣ состоитъ изъ четырехъ подмастерьевъ и 10 учениковъ. Изъ хода работы и организациі производства видно, какъ мало вознаграждается трудъ мастеровъ-мѣдниковъ, не говоря уже объ остальныхъ рабочихъ. Такъ какъ мастера часто забираютъ въ счетъ будущаго заработка разнаго рода товары, для удовлетворенія домашнихъ нуждъ, то они состоятъ у поселвщихъ въ неоплаченныхъ долгахъ.

Когда посуда готова, мѣдникъ по вѣсу сдаетъ ихъ своему «хозяину». Изготавливаемая посуда, при сдачѣ крупнымъ «хозяевамъ», по размѣрамъ заработанной платы, распределяется на три вида: къ первому изъ нихъ относится болѣе легкая:—котлы, тазы (ташты), подносы (спини, марджман)

и др.; ко второму:—кувшины для носки воды (гиюкюмъ, фаршъ) и чашки для питья воды (шіала, джамъ, тай—гулпъ); а къ третьему болѣе трудная—рукомойники разныхъ сортовъ (маштафа). Заработокъ мастера на пудъ посуды перваго вида колеблется между 2 р. 80 к. и 3 руб. 30 коп.; а второго—4 руб. и 5 руб.; и наконецъ третьяго—8 руб. и 10 руб. Хотя одинъ и тотъ же мастеръ можетъ дѣлать всѣ разновидности трехъ видовъ посуды, но никогда они этого не дѣлаютъ, а каждый мастеръ выбираетъ себѣ свою специальность.

Изготовленные такимъ образомъ издѣлія поступаютъ въ амбары скупщиковъ, у которыхъ приобретаютъ ихъ развозные торговцы—сагрягары, которые и развозятъ ихъ по всему краю небольшими караванами.

Сдѣлки между скупщиками и сагрягарами совершаются или на наличныя деньги, или въ кредитъ на годъ и на неопредѣленные сроки. Въ амбарахъ цѣна пуда издѣлія перваго вида колеблется между 14 и 15 руб.; издѣлія же второго вида—16 и 17 руб., а третьяго—19 и 25 руб. При мелочной же продажѣ выручаются среднимъ числомъ 22 руб. съ пуда.

Взятая у скупщиковъ издѣлія сагрягары развозятъ для продажи по Кавказу или въ гладкой формѣ, или же на нихъ вырѣзываются узоры въ персидскомъ вкусѣ мѣстными граверами (накбьякъ), получающими плату издѣльно, сообразно величинѣ посуды и сложности узоровъ. Развозные торговцы сагрягары продаютъ издѣлія или на наличныя деньги, или обмѣниваютъ ихъ на старую мѣдную посуду, которая цѣнится вдвое дешевле новой,—на ковры, паласы, хурджуны, мафраши и др.

Впослѣдствіи старая мѣдь подвергается переработкѣ и сдается мастерамъ. Обыкновенно сагрягары выступаютъ въ путь маленькими караванами; часто у одного сагрягара бываетъ по нѣскольку вьючныхъ лошадей, при чемъ къ ка-

ждой лошади приставляется наемный слуга (нокарь). Странствованія продавцовъ мѣдныхъ издѣлій полны всевозможныхъ приключеній; особенно они подвергаются нападеніямъ на возвратномъ пути, когда при нихъ имѣется выручка; впрочемъ, сагрягары привозятъ обыкновенно въ Лагичъ, взаимнѣ отвозимыхъ мѣдныхъ издѣлій, разнаго рода товары, какъ-то: старую мѣдную посуду, ковры и др.

Иные сагрягары скитаются въ теченіе 10—15 лѣтъ, не прерывая торговыхъ сношеній съ мѣстомъ своей родины. Не трудно себѣ представить положеніе несчастныхъ семействъ подобныхъ скитальцевъ, которые, кстати сказать, обзаводятся женами въ разныхъ мѣстахъ, такъ какъ исламъ разрѣшаетъ правовѣрнымъ шіитамъ вступать во временные браки (сига), на особыхъ условіяхъ.

Нѣкоторая часть лагичскихъ мѣдниковъ перенесла свою дѣятельность въ мѣста добыванія мѣди и тамъ, получая мѣдь изъ первыхъ же рукъ, изготовляетъ тѣ же издѣлія, что и въ Лагичѣ. Между прочимъ, на разныхъ заводахъ разныхъ уѣздовъ существуетъ около 15 мастерскихъ, гдѣ работаетъ около 50 человекъ лагичцевъ; но на Кедабекскомъ заводѣ Сименса не позволяютъ лагичцамъ заниматься выдѣлкою посуды.

На мѣстахъ добыванія мѣди, кромѣ производства мѣдной посуды, лагичцы занимаются углеобжиганіемъ и работами въ качествѣ чернорабочихъ.

Общее число лицъ, такъ или иначе причастныхъ къ производству мѣдной посуды, доходитъ до 1000 душъ. Число это распредѣляется по родамъ занятій, приблизительно такимъ образомъ:

	душъ.
Крупныхъ скупщиковъ	12
Главныхъ мастеровъ	41
Подмастерьевъ	168

Чернорабочихъ (въ томъ числѣ молотобойцевъ и др)	343
Развозныхъ торговцевъ	309
Угольщиковъ	55
Граверовъ	5
Кузнецовъ	5

Прибавивъ къ этому числу учениковъ, обязательно находящихся въ каждой мастерской мѣдника, кузнеца или гравера, а также приказчиковъ при амбарахъ скупщиковъ, число лицъ, занятыхъ производствомъ мѣдной посуды, превышаетъ 1000 душъ.

Кстати замѣтимъ, что въ Лагичѣ около 200 человекъ занято разными ремеслами и торговлею; въ немъ насчитывается ремесленныхъ и торговыхъ заведеній:

Шапочныхъ	6
Башмачныхъ	5
Оружейныхъ	9
Кожевенныхъ	11
Шорныхъ	2
Бакалейныхъ лавокъ	21
Лавокъ съ краснымъ товаромъ	9
Цырюлень	11
Мясныхъ лавокъ	10
Золотыхъ дѣлъ мастерь	1

Х. Языкъ; анекдоты о лагичцахъ.

Домашнимъ разговорнымъ языкомъ лагичцевъ и языкомъ сношеній съ жителями сосѣднихъ селеній служитъ татскій языкъ, на которомъ говорятъ и жители ближайшихъ окрестностей; но въ сношеніяхъ съ другими національностями лагичцы пользуются татарскимъ языкомъ, который знаютъ почти всѣ мужчины, а изъ женщинъ только нѣ-

которыя; при смѣшанныхъ бракахъ домашнимъ языкомъ дѣлается или татарскій, или татскій, смотря по тому, ѣдетъ ли невѣста въ село, гдѣ говорятъ на татарскомъ или на татскомъ языкѣ.

Собственно говоря, таты говорятъ языкомъ, который не что иное, какъ нарѣчіе персидскаго языка. Нарѣчіе это, не пользуясь уваженіемъ, быстро уступаетъ мѣсто татарскому языку, которому таты отдаютъ предпочтеніе, хотя имъ и говорятъ съ особымъ, весьма рѣзкимъ произношеніемъ.

Письменные сношенія лагичцы ведутъ исключительно на персидскомъ языкѣ; рѣдко кто пишетъ на азербейджанскомъ языкѣ, особенно когда пишется вексель. Равнымъ образомъ, рѣдко можно встрѣтить у нихъ азербейджанскую книгу: всѣ книги на персидскомъ или на арабскомъ языкахъ. Преподаваніе въ мектебѣ ведется на персидскомъ языкѣ съ переводомъ на татарскій языкъ, если, конечно, учитель знаетъ этотъ языкъ.

На татскомъ языкѣ говоритъ значительное количество мусульманъ, армявъ и евреевъ, преимущественно Шемахинскаго, Бакинскаго, Геокчайскаго и Кубинскаго уѣздовъ. Но разница между нарѣчіями, на коихъ говорятъ мусульмане халтанскіе въ Кубинскомъ уѣздѣ,—лагичцы въ Геокчайскомъ уѣздѣ, евреи меджинскіе и армяне матра-спинскіе, въ Шемахинскомъ уѣздѣ, довольно велика. Нарѣчіе халтанцевъ, а равно и лагичцевъ болѣе близко къ персидскому языку, хотя между первымъ и вторымъ все-таки не мало разницы; тѣмъ не менѣе, всякій хорошо знающій персидскій языкъ свободно можетъ понимать нарѣчіе лагичцевъ и халтанцевъ. Нарѣчіе армянъ-матрасицевъ рѣзко выдѣляется пзъ числа другихъ своею грубостью и непонятностью.

Въ виду того что и другія народности усвоили себѣ татскій языкъ, можно прійти къ заключенію, что таты, разбросан-

ные по Бакинской губернии, суть остатки тѣхъ францевъ, которые поселились по Каспійскому побережью при Шапурѣ II (309—381 гг. по Р. Х.), первомъ Сасанидѣ, значительно распространившемъ владѣнія Персїи на Сѣверѣ. Впрочемъ, профессоръ Эйхвальдъ приписываетъ образованіе этого нарѣчія тѣмъ туркамъ, которые, разбитые Шахъ-Исмаиломъ, должны были для сохраненія жизни принять вѣру и языкъ персидскихъ побѣдителей.

Хотя лагичцы въ настоящее время народъ вполне благообразный, однако же они въ старину пользовались репутациею людей неразвитыхъ и легкомысленныхъ. Глупость тогдашнихъ лагичцевъ вошла даже въ пословицу, и потому еще и теперь слово лагичецъ служитъ какъ бы словомъ браннымъ; въ качествѣ брани весьма часто употребляется о нихъ выраженіе—„да развѣ ты не лагичецъ, сѣющій соль и стрѣляющій мухъ!“ Всякій обидится, если его назовутъ лагичцемъ; желая обидѣть или оскорбить кого-либо за легкомысленный поступокъ или отвѣтъ, его называютъ лагичцемъ.

Вотъ нѣкоторые изъ анекдотовъ, сочиненныхъ о предкахъ лагичцевъ — „келак-амулаховъ *)“ (старшій дядя по отцѣ).

1. «Мы» — «должны» — «три пятака».

Трое келак-амулаховъ съ цѣлью изученія разговорнаго азербейджанскаго языка отправились съ городъ Шемаху.

*) Слова „келак-амула“ употребляются почти всеми татарами Закавказья въ произношеніи „кола-мулла“. Всякій татаринъ въ затруднительныхъ случаяхъ призываетъ на помощь „кела-мулла“, прибавляя при этомъ, конечно, съ ироніей: „это сдѣлаетъ или узнаетъ только „келак-мулла“. Напримѣръ: сапоги узки, не гѣзутъ на ноги; вновь приобретенный папахъ не по головѣ; какой-либо большой предметъ не входитъ въ дверь; колесо не гѣзетъ на ось и проч.; во всѣхъ такихъ случаяхъ онъ призываетъ на помощь „кела-мулла“, обыкновенно восклицая: „Колла-мулла долженъ прийти!“

Пробывъ въ некоторое время въ Шемахѣ, они убѣдились, что пмъ не легко усвоятъ азербейджанскій языкъ, а потому рѣшились вернуться опять обратно въ свое селеніе. Но въ теченіе своего пребыванія въ городѣ, каждый изъ нихъ выучилъ по одному азербейджанскому слову: одинъ слово «мы», другой— «должны», а третій— «три пятака».

Вотъ они идутъ и ведутъ между собою оживленную бесѣду о томъ, что каждый изъ нихъ видалъ и слышалъ въ городѣ. Вдругъ на пути они наткнулись на мертвое тѣло и стали осматривать его. Къ несчастію келан-амулаоновъ, откуда ни возьмись, подъѣхалъ къ нимъ ханскій всадникъ, который, замѣтивъ мертвеца, а возлѣ него трехъ келан-амулаоновъ, сталъ спрашивать ихъ:

— «Кто убилъ этого несчастнаго?».

— «Мы!» отвѣтилъ, не понимая вопроса всадника, тотъ, который усвоилъ слово «мы».

— «За что же? что онъ вамъ сдѣлалъ?» спрашивалъ дальше всадникъ.

— «Долженъ», отвѣтилъ другой.

— «Сколько онъ вамъ долженъ?».

— «Три пятака», заключилъ третій.

Послѣ этихъ вопросовъ всадникъ, связавъ всѣмъ тремъ келан-амулаонамъ руки, привелъ ихъ къ хану. Келан-амулаоны хану отвѣтили точно такъ же, какъ и всаднику, почему ханъ велѣлъ заключить ихъ въ темницу.

Послѣ заключенія келан-амулаоновъ въ темницу, ханъ, подумавъ немного, догадался, что лагичцы такъ откровенно сознаются въ винѣ только по глупости; а чтобы убѣдиться въ ихъ глупости, ханъ велѣлъ снова привести къ нему заключенныхъ келан-амулаоновъ и принести двѣ тарелки—одну съ кишмишомъ (изюмомъ), а другую съ жуками; эти тарелки онъ приказалъ положить предъ ними и предложилъ имъ ѣсть. По приказанію хана снова

привели заключенныхъ, принесли тарелки съ жубами и кишимшомъ, положили ихъ предъ ними и предложили ѣсть. Когда келан-амулаһоны протянули руки къ тарелкамъ, жуки стали разлетаться.

— «Товарищи! прежде давайге ѣсть тѣхъ, что улетаютъ», кричалъ торопливо каждый изъ нихъ.

Ханъ освободилъ ихъ.

2. Верблюдь—какъ чудо.

Келан-амулаһоны посеяли пшеницу, которая выросла на славу. Чтобы не пускать скотину топтать эту пшеницу, обыкновенно каждый изъ нихъ поочередно стоялъ на стражѣ. Въ одинъ день видитъ сторожъ, что въ пшеницѣ пасется верблюдъ, невиданное имъ прежде животное. Испуганный сторожъ бѣжитъ безъ оглядки въ село и сообщаетъ келан-амулаһонамъ о томъ, что въ пшеницѣ пасется какое-то животное, съ гору величиною. Вмигъ собрались около пшеницы массаами келан-амулаһоны и думаютъ о томъ, какъ бы избавить пшеницу отъ неминуемаго истребленія, если такое огромное животное будетъ ходить по ней. Долго думали келан-амулаһоны и, наконецъ, придумали связать веревкой ноги этого чудовища, свалить его и стащить за веревку съ поля. Что сказано, то и сдѣлано: верблюдъ уже стащенъ. Удивляясь чудовищному животному, келан-амулаһоны окружили верблюда, осматривали его со всѣхъ сторонъ и никакъ не могли понять, что это за чудовище. Некого было спросить. Самый толковый изъ нихъ, древнѣй годами старикъ, отсутствовалъ: онъ находился въ селѣ; послали за старикомъ. Пришелъ келан-амула-мудрецъ; не мало изумился и онъ при видѣ верблюда, но, не долго думая, сказалъ: «Братья мои! клянусь именемъ Аллаха, я все видѣлъ на свѣтѣ, кромя бани и арбу-

за; о нихъ я только слыхалъ. Теперь я догадался, что это чудовище—бани, пли арбузь.

3. Средство избавиться отъ бездождя.

Въ одну весну бездождіе крайне озабочывало келан-амулановъ, такъ какъ можно было предвидѣть гибель всѣхъ ихъ посѣвовъ. Собрались келан-амуланоны и стали совѣтоваться, какъ бы помочь бѣдѣ. Не находя другого исхода, они рѣшили отправить къ Богу человѣка съ дорогими подарками, чтобы испросить дождя. Какъ рѣшили келан-амуланоны на совѣтѣ, такъ и сдѣлали. Они собрали много золота и серебра, дали избранному ими старшинѣ и отправили его искать Бога.

Несчастный старшина ходилъ по горамъ и долинамъ и искалъ Бога. Вдругъ, навстрѣчу ему попался сидящій верхомъ какой-то роскошно одѣтый человѣкъ; при видѣ этого человѣка старшина принялъ его за Бога, падаетъ предъ нимъ ницъ и, рассказавъ ему о несчастномъ положеніи своего народа, ставитъ предъ нимъ всѣ дары, прося послать имъ дождь.

Человѣкъ этотъ догадывается въ чемъ дѣло, принимаетъ отъ старшины всѣ дары и обѣщается въ слѣдующую же пятницу послать имъ дождь. Обрадованный старшина торопливо возвращается къ остальнымъ келан-амулановамъ и передаетъ имъ обо всемъ случившемся.

И дѣйствительно, какъ бы нарочно въ пятницу пошелъ проливной дождь, отъ котораго вездѣ образовались большіе стремительные потоки; потоки эти повредили не только всѣмъ посѣвамъ и покосамъ, но и разрушили много домовъ и свесли немало домашнихъ животныхъ и людей.

— «Отчего мы такъ много подарковъ отправили Богу? Какъ видно отъ радости онъ хватилъ черезъ край!» говорили между собою разозлившіеся келан-амуланоны.

* *
* *

Писать кое-что о праздникахъ и обычаяхъ лагичцевъ я счелъ излишнимъ, такъ какъ всѣ они въ подробности описаны бывшимъ смотрителемъ Геогчайскаго училища Н. Калашевымъ, при описаніи м. Сальянъ, Джебатскаго уѣзда, Бакинской губерніи *).

Бывшій учитель Лагичскаго училища
Мамедъ-Гасанъ Эфендіевъ.

*) Сбор. мат., вып. V, 1, 139—157.

ОТДѢЛЪ III.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ третьемъ отдѣлѣ настоящаго, XXIX выпуска „Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племень Кавказа“, напечатаны четыре статьи этнографическаго характера, посвященныя изученію русскаго населенія Кубанской и Терской областей.

Статья учителя Майкопскаго реальнаго училища, М. Харламова, „Суевѣрія, повѣрья, примѣты, заговоры..., собранныя въ городѣ Ейскѣ“, значительно дополняетъ посвященную тому же вопросу статью учителя Ейскаго городского училища, П. Горбанева: „Суевѣрія, примѣты, повѣрья, гаданія и заговоры, распространенныя среди жителей г. Ейска“ („Сборникъ матеріаловъ“, вып. XVI, стр. 267—277). По количеству собраннаго матеріала и группировкѣ его, работа М. Харламова выдѣляется среди ряда коротенькихъ статей, помещенныхъ въ „Сборникъ“ въ концѣ программныхъ описаній населенныхъ мѣстъ Кавказа подъ общимъ заглавіемъ: „Разныя суевѣрія“. *)

Двѣ статьи М. Васильковой посвящены станицѣ Ладожской, Кубанской области. Въ первой статьѣ: „Свадьба въ

*) См., напр., статьи: „Станица Слѣповская, Терской области, Владикавказскаго округа“, въ V выпускѣ „Сборника“, стр. 205—208, „Станица Отрадная, Кубанской области, Баталинскаго уѣзда“, въ VI вып., стр. 37—40, „Станица Воронинская, Терской области, Кизлярскаго отдѣла“, въ VII вып., стр. 52—55, „Нѣсколько страничекъ изъ жизни казаковъ ст. Слѣповской“, въ XVI вып., стр. 172—178, „Село Рагули Ставропольской губерніи“, въ томъ же выпускѣ, стр. 363—366, „Повѣрья, праздники, пѣсни и сказки въ ст. Ардонской, Терской области“, въ томъ же XVI выпускѣ и др.

станицъ Ладомской, Кубанской области“ мы находимъ живой очеркъ свадебныхъ обычаевъ въ данной станицѣ и значительное количество свадебныхъ пѣсень. Какъ въ обычаяхъ, такъ и въ языкѣ пѣсень мы находимъ много малорусскаго элемента, что вполнѣ объясняется составомъ населенія данной станицы. Въ „Сборникъ матеріаловъ“ уже не разъ описывались свадьбы и печатались свадебныя пѣсни, поющіяся въ разныхъ населенныхъ мѣстахъ съ преобладающимъ великорусскимъ или малорусскимъ населеніемъ *); тѣмъ не менѣе, въ данномъ очеркѣ мы находимъ значительное количество характерныхъ особенностей въ свадебныхъ обрядахъ, свойственныхъ, повидимому, жителямъ данной станицы.

Вторая статья М. Васильковой — „Пѣсни, записанныя въ станицѣ Ладомской, Кубанской области“ — знакомитъ насъ съ бытовыми и любовными пѣснями жителей этой станицы. Малорусскій элементъ въ языкѣ и содержаніи этихъ пѣсень сказывается довольно сильно. Можно пожалѣть, что пѣсни эти не записаны вполнѣ фонетически, и намъ нельзя составить вполнѣ опредѣленнаго понятія о говорѣ жителей этой станицы.

Статья М. Караулова — „Пѣсни, поющіяся въ станицѣ Галюгаевской, Моздокскаго отдѣла, Терской области“ — представляетъ собою двоякій интересъ: 1) она знакомитъ довольно подробно съ пѣснями самаго разнообразнаго характера: свадебными, любовными, семейными, военно-бытовыми, историческими, шуточными и плясовыми и т. п.; 2) пѣсни эти записаны фонетически и даютъ ясное понятіе объ особенностяхъ говора жителей данной станицы. Лингвистическій матеріалъ, представляемый напечатанными пѣснями, послу-

*) См., напр., „Сборникъ“ вып. I, отд. I, стр. 111—114; вып. III, отд. II, стр. 54—73; вып. V, отд. I, стр. 198—202; вып. VI, отд. I, стр. 28—36, 74—93, 145—148; вып. VI, отд. II, стр. 165—169; вып. VII, отд. I, стр. 42—50, 55—78, вып. XV, отд. I, стр. 6—36, 37—61, 145—156, 227—253, 302—303 и др.

жилъ уже автору при составленіи имъ статьи: „Говоръ станицъ бывшаго Моздокскаго полка Терскаго казачьяго войска“, напечатанной въ „Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ“ за 1900 г., №№ 3 и 4. Встрѣчающееся мѣстами отсутствіе послѣдовательности въ начертаніи тѣхъ или иныхъ словъ объясняется „точной передачей непослѣдовательной въ своихъ особенностяхъ рѣчи казаковъ“, о чемъ говоритъ авторъ и въ своемъ филологическомъ очеркѣ и въ данной статьѣ (стр. 110—111).

Указанія на варианты напечатанныхъ пѣсень и необходимыя поясненія къ тексту сдѣланы въ соответствующихъ мѣстахъ.

М. Барминскій.

Суевѣрія, повѣрья, примѣты, заговоры....., собранные въ гор. Ейскѣ.

1. Суевѣрія и примѣты, приуроченныя ко времени совершенія свадьбы.

1) Свадебныя хлопоты начинаются со сватанья. Когда сваты отправляются къ невѣстѣ, то родители жениха для пожеланія сватамъ успѣха связываютъ платкомъ рогачи и говорятъ: „Какъ рогачи связаны, такъ пусть и наши молодые будутъ связаны“.

2) Тотъ моментъ свадьбы, когда пропиваютъ невѣсту, называется „запой“. Хотя „запой“ налагаетъ извѣстныя нравственныя обязательства на жениха и невѣсту, тѣмъ не менѣе онъ является еще такимъ актомъ свадьбы, который даетъ полное право обѣимъ сторонамъ расходиться при возникновеніи какихъ бы то ни было недоразумѣній. Этимъ объясняется появленіе особыхъ гаданій, приуроченныхъ къ промежутку времени между „запой“ и „зарученьемъ“.

а) Насыпаютъ въ одинъ башмакъ невѣсты золы, а въ другой пшеницы и ставятъ ихъ возлѣ кровати. На другое утро стараются замѣтить, какой изъ двухъ башмаковъ первымъ возьметъ невѣста: если она сначала возьметъ башмакъ съ золой, то въ замужествѣ будетъ жить бѣдно, напротивъ—жить будетъ богато, если сначала возьметъ башмакъ съ пшеницей.

б) Вырѣзаютъ немного волосъ изъ косы невѣсты, закатываютъ ихъ въ хлѣбъ и незамѣтно кладутъ его передъ нею во время обѣда.

Если она замѣтитъ волосы въ хлѣбѣ, то будетъ жить несчастливо; если же съѣдаетъ его, не замѣчая волосъ, то это означаетъ счастливую жизнь.

в) Сажаютъ въ новый горшокъ на ночь паука. Если въ утру паукъ сошьетъ въ горшкѣ паутину, то невѣста смѣло можетъ выходить замужъ, такъ какъ появленіе паутины въ горшкѣ означаетъ счастливую жизнь, напротивъ отсутствіе паутины указываетъ на то, что невѣстѣ замужемъ жить будетъ худо.

г) Если невѣста почему-либо колеблется, выходить ли ей замужъ, она владетъ подъ образа двѣ свернутыя въ трубочки бумажки, на одной изъ которыхъ пишетъ: „путь Господень“, а на другой: „домъ Богородицы“. Утромъ невѣста беретъ одну изъ бумажекъ и смотритъ, что на ней написано: „путь Господень“ или „домъ Богородицы“. Первое означаетъ—выходитъ замужъ, второе—нѣтъ. Невѣста поступаетъ сообразно съ тѣмъ, что ей посылаетъ судьба.

3) Если послѣ „запоя“ умретъ кто-либо изъ родственниковъ жениха или невѣсты, то тотъ изъ нихъ не проживетъ долго, съ чьей стороны былъ покойникъ.

4) По окончаніи „зарученья“ родители невѣсты ѣдутъ въ жениху осматривать его хозяйство. Считается очень хорошимъ знакомъ, если первымъ предметомъ, который бросится имъ въ глаза въ домѣ жениха, будетъ овечья шуба.

5) Между „зарученьемъ“ и днемъ вѣнчанія иногда проходитъ цѣлый мѣсяцъ. Въ этотъ промежутокъ времени изготовляется приданое невѣсты. Нѣкоторыя женщины, или по своей злой волѣ, или по просьбѣ ревнующихъ дѣвушекъ, посѣщая домъ невѣсты, несмотря на бдительный надзоръ ея родителей, ухитряются вкладывать въ перину и подушки брачной постели просо, волосы, кости, зубы, куски восковыхъ свѣчей, обожженные съ двухъ концовъ, суставы отъ человѣческихъ пальцевъ. Эти предметы, надъ которыми шептухи

предварительно произносили разныя заклинанія, если только упадутъ въ перину или подушки невѣсты, то ей не миновать „порчи“, т. е. болѣзней (особенно женскихъ), которыя постигаютъ ее въ замужествѣ.

6) Наканунѣ вѣнчанія у жениха пекутъ изъ пшеничной муки шишки (подобіе еловыхъ шишекъ) и коровой (большой круглой хлѣбъ). Мѣсить тѣсто приглашаются молодыя женщины; этимъ же женщинамъ поручается сажать въ печь и шишки, но коровой сажаетъ непременно курчавый мужчина, который долженъ также для коровой приготовить мѣсто въ печи. Совершенно изготовленное тѣсто коровая кладутъ на вѣко дѣжи (крышка дѣжи). Въ тѣсто втыкаютъ три монеты (обыкновенно серебряныя пяточки), двѣ восковыя свѣчи и три вѣточки съ вишневаго дерева со множествомъ прилѣпленныхъ къ нимъ птичекъ изъ тѣста. Въ такомъ видѣ коровой перекладывается на лопату и препровождается въ печь. Женщины зажигаютъ воткнутыя въ коровой свѣчи и гадаютъ о судьбѣ жениха и невѣсты. Тотъ изъ нихъ проживетъ долго, чья свѣча сгоритъ до конца, и наоборотъ—тотъ умретъ, чья свѣча потухнетъ. Чтобы коровой вышелъ удачнымъ и поднялся какъ можно выше, женщины три раза машутъ вѣкомъ снизу вверхъ.

7) Вѣнчаніе является серьезнымъ актомъ въ жизни человѣка, вотъ почему очень большое количество суевѣрій приурочено именно въ этому моменту. Обратимся къ примѣрамъ.

1) Если въ день вѣнчанія стоитъ дурная погода, то это предвѣщаетъ дурную жизнь для молодыхъ.

2) Когда невѣстѣ въ день вѣнчанія причешутъ волосы, то измѣряютъ, какая коса длиннѣе: правая—мужъ будетъ больше жить, лѣвая—жена будетъ долѣе жить.

3) Чтобы молодые супруги жили дружно, передъ началомъ ихъ вѣнчанія въ домѣ жениха веревкою связываютъ ножи стола.

4) Чтобъ молодые были богаты, въ моментъ ихъ бракосочетанія подъ ноги имъ разстидаютъ платокъ; подъ который кладутъ мѣдныя деньги.

5) Кто изъ молодыхъ первый ступитъ на платокъ, тотъ будетъ властвовать.

6) Послѣ вѣнчанія измѣряютъ свѣчи: чья свѣча будетъ больше, тотъ и жить будетъ дольше.

7) Загорится фата у молодой, потухнетъ свѣча, отекаетъ свѣча, потеряетъ невѣста носовой платокъ, или у нея отрѣжутъ въ церкви кусокъ отъ платья—все это является недобрымъ знакомъ для брачующихся. Мало хорошаго имъ надо ожидать и въ томъ случаѣ, если вѣнчальные свѣчи украдутъ.

8) Если извозчики жениха во время его вѣнчанія заспорятъ между собою, то молодые жить будутъ худо.

9) Когда женихъ и невѣста входятъ въ церковь, надо пребывать между ними, и тогда они постоянно будутъ ссориться другъ съ другомъ.

10) Если дѣвушка желаетъ, чтобы съ невѣстой случилось какое-либо несчастье, то она, призывая это несчастье на невѣсту, старается взять ее за фату, когда священникъ обводитъ брачующихся вокругъ аналоя. Народъ думаетъ, что такимъ путемъ можно невѣсту какъ бы обвѣнчать съ какими угодно несчастьями.

11) Если желаютъ, чтобъ кто-либо изъ брачующихся скоро умеръ, во время ихъ вѣнчанія ставятъ свѣчу, только ее зажигаютъ съ того конца, которымъ она прикрѣпляется къ подсвѣчнику. Здѣсь свѣча, несомнѣнно, уподобляется жизни. Ставящій свѣчу увѣренъ, что жизнь жениха или невѣсты потечетъ не естественнымъ порядкомъ, а сразу наступитъ копецъ ея, т. е. смерть.

12) Для той же цѣли поступаютъ еще и такимъ образомъ. Измѣряютъ ниткою голову жениха или невѣсты и приготавливаютъ восковую свѣчу, фитилемъ которой должна слу-

жить эта самая нитка. Свѣчу ставятъ во время вѣнчанія брачующихся, вѣря въ то, что жизнь кого-либо изъ нихъ сгоритъ такъ же скоро, какъ сгорѣла свѣча.

13) Иногда жениху или невѣстѣ въ церкви втыкаютъ въ костюмъ толстую иглу съ суровою ниткою. Кто изъ брачующихся подвергнется этой горькой участи, того въ будущемъ ожидаютъ болѣзни. Чтобы устроить противоядіе такой иглѣ, еще до отъѣзда въ церковь втыкаютъ иглы крестообразно и остріями вверхъ жениху въ пиджакъ или сюртукъ, а невѣстѣ въ платье и особенно сорочку (около груди); при этомъ говорятъ: „Огради, Господи, честнаго креста отъ всякаго зла“. Защищенные такимъ образомъ женихъ и невѣста смѣло могутъ отправляться въ церковь: если кому-либо изъ нихъ и воткнутъ иглу, то она какъ бы натывается на иглы, скрываются въ костюмѣ, и уже не причиняетъ зла.

14) Если свадебному поѣзду, когда онъ направляется въ церковь, перебѣжитъ кто-нибудь дорогу съ пустыми ведрами (особенно съ тремя), то надо ожидать неудачи. Чтобы подобныя событія не могли имѣть своихъ дурныхъ послѣдствій, жизненная практика выработала своего рода предупредительные обряды: 1) мать жениха выводитъ свадебный поѣздъ, взявши подъ уздцы переднюю лошадь рукою, обернутою платкомъ или полою шубы; 2) дружка, прежде чѣмъ погонять лошадей, съ хлѣбомъ переходитъ дорогу поѣзду; 3) дружка какъ можно скорѣе погоняетъ лошадей, надѣясь такимъ путемъ устранить попытку съ чьей-либо стороны перебѣжать дорогу поѣзду. Если же кто, несмотря на быструю ѣзду лошадей, все таки перебѣжитъ дорогу, то такого смѣльчака могутъ просто стегнуть кнутомъ или даже побить.

15) Если кто переходитъ дорогу съ полными ведрами, то свадебный поѣздъ останавливаютъ. То же сдѣлаютъ, когда дорогу переходитъ собака (въ сонникахъ собака—другъ) и особенно свинья.

16) Если кошка перебѣжитъ дорогу, то это дурное предзнаменованіе.

17) Если молодые возвращаются изъ церкви и уже подъѣзжаютъ къ дому, но вдругъ на дорогѣ поднимается вихорь, то дружо повернетъ назадъ лошадей и подъѣдетъ къ дому съ другой стороны квартала.

18) Ейчане вѣрятъ, что, когда женихъ и невѣста направляются въ церковь и возвращаются назадъ, колдуны и вѣдьмы, при помощи разныхъ чаръ, стараются надѣлать брачующихся разными болѣзнями. Колдуны насыпаютъ на перекресткахъ просо, пшено, макъ съ тою цѣлью, чтобы свадебный поѣздъ переѣхалъ черезъ эти предметы. Такъ какъ обычай колдуновъ извѣстенъ населенію, то дружо, погоняя лошадей, присматривается, не насыпано ли на перекресткѣ проса, пшена или мака. Если ему удастся замѣтить, что насыпано колдуномъ на дорогѣ, то онъ собираетъ это въ платокъ, который относится потомъ шептухѣ, чтобы она помогла молодымъ избавиться отъ болѣзней. Для огражденія брачующихся отъ вліянія и дѣйствія волшебства, практикуется еще и слѣдующее.

1) Передъ отъѣздомъ въ церковь женихъ и невѣста становятся на дроги или экипажъ и крестятся на четыре стороны. 2) На каждомъ перекресткѣ женихъ и невѣста должны креститься. 3) Переписываютъ на бумажку „Да воскреснетъ Богъ“ и привязываютъ ее къ кресту каждаго изъ брачующихся. 4) Всю свиту жениха, передъ отъѣздомъ въ церковь и по возвращеніи изъ нея, переводятъ черезъ соль, посыпанную на коверъ, который разстилаютъ на каждомъ порогѣ. Соль, какъ думаютъ, „очищаетъ“ человѣка отъ напастей. 5) Одна изъ свашекъ передавала автору, что дружо клалъ ей въ карманъ въ день ея вѣнчанія какую-то книжечку, которая потомъ была переложена подъ подушки брачной постели, гдѣ и лежала, пока не затерялась.

19) Жениху и невѣстѣ запрещаютъ въ церкви оборачиваться по сторонамъ и оглядываться назадъ. Запрещаютъ также по возвращеніи изъ церкви смотрѣть въ окно, если это постучить.

20) Если невѣста постоянно болѣетъ, то она должна въ то время, когда священникъ обводитъ ее вокругъ аналая, сказать: „Вѣнчаюсь я раба Божія (имя режь), а болѣзни своей не завѣнчиваю“. Послѣ этого болѣзни ее оставляютъ.

21) Если дѣвушка желаетъ выйти замужъ, то она старается взять невѣсту за платье во время вѣнчанія.

22) Если дѣвушки желаютъ выйти замужъ, то онѣ просятъ невѣсту, чтобы она ихъ ущипнула передъ тѣмъ, какъ священникъ станеть обводить ее вокругъ аналая.

23) Если невѣста сдернетъ со стола скатерть въ тотъ самый моментъ, когда она выходитъ изъ комнаты, чтобы отѣзжать въ церковь, то всѣ ея подруги, находящіяся въ комнатѣ, непременно выйдутъ замужъ.

24) Если дѣвушка первая оторветъ цвѣтокъ съ убора невѣсты, когда она только возвратилась отъ вѣнца, и положитъ его подъ подушку, то во снѣ увидитъ своего жениха.

25) Если изъ обручальнаго кольца сдѣлать крестъ и повѣсить его на шею мужу или женѣ, то супруги непременно разойдутся.

8) При обнаруженіи чести молодой требуются не столько фактическія доказательства, сколько клятва молодой въ сохраненіи невинности. Безъ этого ни одна свашка не рѣшится пѣть тѣхъ пѣсень, которыя указываютъ, что молодая „не посмутила родиноньки“. Если же молодая присягнетъ ложно, то она непременно заболѣетъ, заболѣетъ и та свашка, которая, желая спасти молодую, своими пѣснями введетъ въ заблужденіе родителей молодыхъ супруговъ.

2. Суевѣрія, гаданія и заговоры, приуроченные къ взаимнымъ отношеніямъ мужчины и женщины.

Дѣвушки вѣрятъ въ возможность приворожить мужчинъ. Средства, которыми онѣ располагаютъ, весьма разнообразны.

1) Дѣвушки даютъ кавалерамъ пряники, папирсы и платки, надъ которыми шептухи предварительно произносили разныя заклинанія. Чары дѣйствуютъ черезъ посредство этихъ предметовъ, потому что кавалеръ пряники съѣдаетъ, папирсы выкуриваетъ, а платкомъ вытираетъ лицо.

2) Выпускаютъ нѣсколько капель крови изъ разрѣзаннаго пальца въ яблоко, которое и даютъ съѣдать кавалеру.

3) Закатываютъ въ хлѣбъ немного соли и перцу. Катышекъ завязываютъ въ платокъ и даютъ мужчине въ правую руку, слегка бьютъ по ней и говорятъ: „Я до тебя съ хлѣбомъ и солью, а ты до меня со всею душою; я до тебя съ перцемъ, а ты до меня съ сердцемъ“.

4) Подаютъ три раза просфору за упокой мужчины, котораго хотятъ приворожить. Каждый разъ кладутъ въ церкви 50 земныхъ поклоновъ и сопровождаютъ ихъ слѣдующими словами: „Упокой, Господи, душу раба твоего (имя рекъ)!“.

5) Нѣкоторыя дѣвушки подаютъ на сорокоусть въ одно и то же воскресенье въ 3 церкви по 9 просфоръ за упокой интересующаго ихъ мужчины. вмѣстѣ съ этимъ ставятъ въ каждой церкви по 9 свѣчей, зажигая ихъ съ того конца, которымъ онѣ прикрѣпляются къ подсвѣчнику. Остатки отъ свѣчей дѣвушки забираютъ съ собою.

6) Берутъ на кладбищѣ земли съ могилы, идутъ, не оглядываясь назадъ, и бросаютъ землю подъ ноги мужчины.

7) Каждую ночь прибаваютъ двумя гвоздиками короля известной масти къ дверямъ спальни. Благодаря этому, мужчина начинаетъ тосковать по дѣвушкамъ и мало-по-малу влюбляется.

8) Освѣщаютъ на первый день Пасхи мажь и обсыпаютъ имъ мужчину.

9) Воду, которою обмывали покойника, льютъ подъ ноги мужчины.

10) Берутъ землю изъ-подъ ногъ кавалера и сушатъ ее въ печкѣ, чтобы кавалеръ сохъ отъ любви.

11) Сжигаютъ голубиное гнѣздо съ 2 яйцами и перепрыгиваютъ черезъ него, произнося имя мужчины. Затѣмъ обсыпаютъ его образовавшеюся золою.

12) Продергиваютъ иглу съ ниткой сквозь платье покойника, и притомъ такъ, чтобы никто не видѣлъ, и этою ниткою зашиваютъ что-нибудь въ костюмъ мужчины.

13) Не торгуясь, покупаютъ иглу, вдѣваютъ въ нее шелковую нитку и продергиваютъ иглу съ ниткой три раза изъ глаза въ глазъ убитой гадюки. Нитку примѣняютъ такъ же, какъ въ № 12.

14) Чтобы закрѣпить привязанность мужчины, дѣвушка заставляеть его, въ знакъ вѣчной любви, съѣдать кусокъ земли. Если мужчина послѣ этого измѣняетъ своей клятвѣ, то онъ, по увѣренію многихъ, не проживетъ долго.

15) Если желаютъ, чтобы около дома постоянно собирались кавалеры, на улицѣ подъ трубою завапываютъ пѣтуха.

16) Если дѣвушка будетъ постоянно ѣсть рыбій хвостъ, то у нея будетъ много поклонниковъ.

17) Присушка (заговоръ). „Молодикъ молодой, на тебѣ крестъ золотой, ты въ морѣ купался, ты мнѣ показался. Гдѣ ты бывалъ, что ты видалъ? Бывалъ за горами, бывалъ за морями, видалъ я ослицу съ ослиами, корову съ телами, матеръ съ дѣтями. Какъ убивается ослица за ослиами, корова за телами, мать за дѣтями, такъ чтобы убивался рабъ Божій (имя рекъ) за рабой (имя рекъ)“.

18) Присушка. „Рабъ Божій (имя рекъ) не можетъ безъ рабы (имя рекъ) ни жить, ни ѣсть, ни пить, какъ бѣлая рыба

безъ воды, мертвое тѣло безъ души. Будьте слова мои крѣпки и лѣпки, крѣпче клею-карлупу, тверже и плотнѣе булата и камня“.

Дѣвушки большое вниманіе обращаютъ также на гаданія о женихѣ. Эти гаданія весьма разнообразны.

1) Если подѣ Новый годъ сама собою разстегнется во время сна правая серьга, то обладательница ея выйдетъ замужъ, если лѣвая—нѣтъ.

2) Подѣ Новый годъ дѣвушки о женихѣ гадаютъ иногда такъ. Ложась спать, говорятъ: „Святой Симѣонъ, отгадай мнѣ сонъ (говорятъ и „загадай“): съ кѣмъ вѣкъ вѣковать, чтобы мнѣ того во снѣ увидать“. Кого увидишь во снѣ, тотъ и будетъ женихомъ.

3) Нѣсколько дѣвушекъ берутъ по лепешкѣ и, выбѣжавъ во дворъ, бросаютъ свои лепешки собакамъ. Первою выйдетъ замужъ обладательница той лепешки, которую прежде всего съѣла собака.

4) Подѣ Новый годъ дѣвушка беретъ въ руки безъ счету нѣсколько полѣньевъ дровъ и затѣмъ начинаетъ ихъ откладывать попарно: если получится четное число, то дѣвушка выйдетъ замужъ.

5) Подѣ Новый годъ дѣвушки ставятъ на дворѣ корыто и идутъ къ нему задомъ. Какая изъ дѣвушекъ упадетъ въ корыто, та и выйдетъ замужъ.

6) Въ день Св. Агриппины 23 іюня дѣвушка встаетъ рано утромъ и плететъ вѣнокъ (во время плетенія читаетъ „Богородице Дѣво, радуйся“ и „Отче нашъ“). Вѣнокъ дѣвушка носитъ на головѣ цѣлый день. Если, ложась спать, она положитъ вѣнокъ подѣ подушку, то приснится суженый.

7) Дѣвушка подѣ Новый годъ запираетъ замкомъ волосы. Кто во снѣ отомкнетъ замокъ, тотъ и будетъ женихомъ.

Родители бывають озабочены, чтобы ихъ дочери не засидѣлись въ дѣвушкахъ, поэтому они съ суевѣрнымъ стра-

хомъ стараются устранить все то, что, по ихъ мнѣнію, можетъ препятствовать выходу дѣвушки замужъ.

1) Въ томъ домѣ, гдѣ есть дочь невѣста, cadaго пришедшаго непременно просить посидѣть, при чемъ мать всегда говоритъ: „Садитесь, чтобы старосты сажались“.

2) Мать никогда не позволитъ, чтобы ея дочь лакомилась тѣми подсолнечными зёрнами, которыя оставлены на сѣмена, изъ боязни, что дочь не выйдетъ замужъ (т. е. какъ бы останется на сѣмена, перезрѣетъ).

3) Мать не позволяетъ также своей дочери воспринимать перваго ребенка—дѣвочку: въ противномъ случаѣ ея дочь не выйдетъ замужъ, такъ какъ дѣвочка отбираетъ счастье.

Дѣвушекъ очень занимаетъ вопросъ, каковъ будетъ мужъ, по своимъ наклонностямъ, сколько будетъ мужей, кто будетъ властвовать въ семьѣ, красивъ будетъ мужъ или нѣтъ. Въ отвѣтъ на это народная мудрость тоже создала нѣкоторыя точки опоры.

1) Если дѣвушка во время стирки бѣлья замочить животъ сквозь платье, то у нея мужъ будетъ пьяница.

2) Дѣвушкѣ нельзя мыть голову въ пятницу—мужъ будетъ пьяница.

3) Если дѣвушка нечисто вымететъ комнату, или что-нибудь не доѣстъ, на примѣръ, во время обѣда, то у нея мужъ будетъ рабой.

4) Если у дѣвушки между бровями образуются двѣ морщины, то у нея будутъ два мужа, при чемъ она будетъ властвовать надъ мужемъ, когда лѣвая морщина больше, когда же правая будетъ больше, то властвовать будетъ мужъ.

5) Если дѣвушка, вымывъ голову, заплететъ волосы въ три косы, то у нея будутъ три мужа.

1) Если желаютъ, чтобы кавалеръ и барышня поссорились, закапываютъ на томъ мѣстѣ, гдѣ кавалеръ чаще всего ходитъ, палочку, на которой ножомъ дѣлаютъ столько мѣтокъ, сколько буквъ въ имени и фамилии кавалера. Какъ только кавалеръ перешагнетъ мѣсто съ закопанной палочкой, то непременно поссорится со своей дамой.

2) Если дѣвушка подаритъ молодому человѣку кольцо, то непременно съ нимъ поссорится.

3) Когда придетъ молодой человѣкъ въ гости, ему даютъ чаю съ новой ложечкой. Дѣвушка хранитъ эту ложечку, такъ какъ, при помощи нея, она всегда можетъ видѣть кавалера, который пилъ чай. Лишь только она пожелаетъ это сдѣлать, она держитъ ложечку надъ зажженою свѣчкою и думаетъ о кавалерѣ: онъ немедленно приходитъ.

4) Когда увидишь на небѣ первую звѣздочку, надо сказать ей: „добрый вечеръ“, и затѣмъ назвать имя того, который интересуется. Въ это самое время мужчина вспомнитъ о дѣвушкѣ, назвавшей его имя.

5) Если дѣвушка тоскуетъ по любимомъ мужчинѣ, уѣхавшемъ куда-либо на время, она выбираетъ день, когда вѣтеръ дуетъ въ ту сторону, гдѣ находится предметъ сердца, и въ 12 часовъ ночи зоветъ его въ трубу (дымовую). Нѣкоторые зажигаютъ еще на „припечкѣ“ солому и вслѣдъ за поднимающимся вверхъ дымомъ выкрикиваютъ известное имя. Народъ думаетъ, что вѣтеръ доноситъ до слуха мужчины голосъ дѣвушки, и мужчина сейчасъ же пріѣзжаетъ. (Описаннымъ образомъ поступаютъ и женщины, когда мужа ихъ куда-либо уѣзжаютъ).

3. Суевѣрія, примѣты и заговоры, пріуроченные къ дѣтскому возрасту.

1) Чтобы дитя было красиво, мать сейчасъ же послѣ его рожденія должна смотрѣть на красиваго мужчину.

2) Если ребенок на третий день послѣ рожденія засмѣется, то онъ скоро умретъ.

3) „Пустоглазый“ ребенокъ долго не проживетъ. „Пустоглазымъ“ народъ называетъ такого ребенка, у котораго въ глазу около носа почти не замѣчается краснаго мяса.

4) Если дитя смотритъ на свою тѣнь, то оно будетъ пугливымъ.

5) Въ окно нельзя подавать ребенка: не будетъ расти.

6) Чтобы маленькія дѣти были здоровы, во время купанья ихъ говорятъ: „Съ гуся вода, съ раба Божьаго (иня рекъ) хвороба“.

7) Если дитя постоянно болѣетъ, то его накрываютъ платкомъ, которымъ были связаны руки жениха и невесты въ церкви. Снимая платокъ съ ребенка, этимъ самымъ будто бы и болѣзни снимаютъ.

8) Когда дитя постоянно болѣетъ, то у него обрѣзаютъ ногти и немного волосъ и забиваютъ все это въ отверстіе, просверленное въ косякѣ двери на высотѣ роста дитяти. Когда дитя перерастетъ эту границу, тогда и перестанетъ болѣть.

9) Когда дитя страдаетъ отъ „грыжи“, зовутъ бабу, которая, положивъ ребенка, гладитъ его рукою въ направленіи отъ головы къ ногамъ и говоритъ: „Цотагунчики, вдоль растунчики, а поперекъ толстунчики“. Баба повторяетъ это три раза и за каждымъ разомъ сплевываетъ въ сторону.

10) Грыжу у дѣтей лѣчатъ еще и такъ. Крадутъ (не просятъ) изъ лапы мельницы (мельница стоитъ на лапѣ) деревянный клинъ и выпятываютъ его въ водѣ, изъ которой готовятъ ванну больному.

11) Заговоръ отъ сухотки (англійская болѣзнь).

Баба дѣлаетъ 9 катышковъ изъ тѣста и катаетъ ихъ на голомъ тѣлѣ ребенка. Въ это самое время кто-нибудь изъ маленькихъ дѣтей подходитъ къ ней и ведетъ такой разговоръ:

„Бабушка, бабушка, что вы дѣлаете?“

„Катышки“. „Для кого?“ „Для нашей собаки“.

„Что она съ ними будетъ дѣлать?“ „Ѣсть“.

„Пусть же и Анютины сухоты поѣсть“.

Такъ повторяется три раза. Послѣ этого катышки отдаются собакѣ.

12) Пустую колыбель нельзя качать: дитя не будетъ спать.

13) Если надѣ ребенку съѣются, то онъ теряетъ сонъ.

14) Чтобы дитя спало спокойно, возлѣ его кровати на ночь всегда кладутъ вѣнникъ.

15) Заговоръ отъ бессонницы. Бессонница у дѣтей называется „ночницами“, вторая, думаютъ, нападаетъ на дѣтей въ томъ случаѣ, если зажигаютъ лампу, не затворивъ ставень. Какъ только дитя начинаетъ страдать отъ бессонницы, берутъ вѣнникъ и крестообразно кладутъ его на больного, при этомъ нѣсколько разъ повторяютъ: „Идите, ночницы, на вечерницы, идите, криклявицы, на вечерницы!“ Затѣмъ дуютъ на вѣнникъ и говорятъ: „Изъ дому дымомъ, а съ поля вѣтромъ“. Вѣнникъ выносятъ на дворъ и оставляютъ его тамъ до утра.

16) Заговоръ отъ бессонницы.

Берутъ ребенка и несутъ вечеромъ въ курятникъ, гдѣ произносятъ слѣдующія слова: „Куры рябья, куры пестря, волохатя, возьмите ночницы на свои горлицы съ рожденнаго, молитвеннаго, крещеннаго (имя режь), а ему дайте сонъ со всѣхъ пѣтуховъ“. Заговоръ произносятъ три раза и сплевываютъ въ сторону.

17) Заговоръ отъ бессонницы.

Выносятъ дитя, страдающее бессонницей, на дворъ послѣ захода солнца и говорятъ:

„Зори-зорицы, вы себѣ сестрицы, соберитесь до купочки да возьмите отгоните отъ раба Божія (имя режь) ночницы, ходни, бродни, хожены, брожены, подуманы, погаданы, на-

сланы, наговорены, вѣтряны, водяны: тутъ имъ не бывать, тутъ имъ не стоять — ни въ твоихъ очахъ, ни въ твоихъ плечахъ, ни въ твоихъ рукахъ, ни въ твоихъ ногахъ“.

18) Заговоръ отъ бессонницы.

Послѣ захода солнца несутъ дитя въ курятникъ и проносятъ тѣ же слова съ тою лишь разницею, что, вмѣсто „Зори-зорицы“, употребляютъ „Куры-курицы“. По прочтеніи заговора кладутъ дитя на землю и три раза переступаютъ черезъ него.

19) Заговоръ отъ „младенческой“.

„Младенческой“ называютъ судороги, которыя являются слѣдствіемъ воспаленія мозга. Эта болѣзнь уноситъ въ могилу многихъ дѣтей въ первые два года ихъ жизни, когда рѣжутся зубы.

„Заря-зарица, красная дѣвица, матушка Владычица Пресвятая Богородица, денная, ночная, полуночная, часовая, минутная, сними крикъ съ раба Божія (имя рекъ) отъ младенческой“.

20) Чтобы облегчить страданія ребенка, поступаютъ еще и такъ. Какъ только замѣтятъ, что прорѣзываніе зуба добромъ окончиться не можетъ, раскрываютъ верхъ крыши сарая или амбара и черезъ сдѣланное отверстіе переливаютъ 27 столовыхъ ложекъ воды, которую и даютъ пить ребенку. Когда ребенокъ пьетъ воду, читается „Отче нашъ“. Раскрываніе крыши и переливаніе воды, какъ намъ думается, имѣеть слѣдующій смыслъ: какъ легко раскрыть крышу и перелить воду, пусть такъ же легко будетъ и рѣзаться зубу.

21) Заговоръ отъ „плѣснявки“ (молочницы).

Несутъ ребенка къ корыту, изъ котораго ѣдятъ свиньи, зовутъ свиней и говорятъ:

„Вацю-вацю! Свиньи до корыта, а жабы до болота, а плѣснявка вонъ изъ рота рожденнаго, крещеннаго, молитвеннаго раба Божія (имя рекъ)“.

22) Заговоръ отъ „зубищъ“ или „пахолокъ“.

„Зубища, уходите изъ рта младенца (имя рекъ): тутъ вамъ не водиться и не плодиться. Идите на мхи, на болота, въ гнилыя колоды: тамъ вамъ водиться и плодиться“. По прочтеніи этихъ словъ три раза дуютъ на ребенка и три раза плюютъ въ сторону.

„Зубищами“ называются вспухшія железки.

23) Когда у дѣтей выпадаютъ зубы, то ихъ заставляютъ бросать выпавшій зубъ на чердакъ и говорить: „Мышка, возьми себѣ зубъ костяной, а мнѣ дай желѣзный“.

4. Суевѣрія и заговоры, имѣющіе отношеніе къ вора́мъ и воровству.

1) Если промышляющій воровствомъ зашьетъ себѣ въ правую руку небольшой кусочекъ лапки черепахи, то онъ никогда не будетъ пойманъ.

2) Если воръ войдетъ въ домъ со свѣчкой, которая была въ рукахъ у покойника, то никто не проснется.

3) Воры кладутъ подъ головы спящихъ кости изъ пальцевъ мертвыхъ людей.

4) Если выльешь свѣчу изъ жира мертвеца, то съ нею смѣло можешь воровать въ какомъ угодно домѣ, такъ какъ такая свѣча усыпляетъ людей.

5) Воръ, желающій, чтобы сверхъестественная сила помогала ему въ опасныхъ предпріятіяхъ, отрубаетъ у мертваго руку и всегда беретъ ее съ собою, когда идетъ на свой промыселъ ночью. Этою рукою стоитъ только махнуть на тотъ домъ, куда желаешь забраться, тотчасъ люди погружаются въ глубокой сонъ, и двери отворяются сами собою.

6) Когда желаютъ погибели вору, котораго отыскать нѣтъ никакой возможности, то ставятъ въ церкви восковую свѣчу, зажигаю ее съ нижняго конца, и молятъ, чтобы Богъ упокоилъ душу вора.

7) Молитва отъ воровъ.

„Ангель Божій хранитель, храни мою скотину сію ночь до полночь и отъ полночи, Пресвятая Богородица, — до свѣта, Иисусъ Христосъ, — до конца вѣка. Непрiятель, не стой надо мной и надъ моею скотиною: крестъ со мною, крестъ предо мною. Пресвятая Богородица, поставь стѣны іерусалимскія надо мною и надъ моею скотиною и ослѣпи глаза рабу лихому и нечестивому“.

8) Молитва отъ воровъ.

„Замокъ Христовъ замыкаетъ Самъ Господь Богъ Своєю правою рукою, ризкою и пеленою. Господи, если кто придетъ въ ограду мою, огради меня, Господи, каменными стѣнами, темными лѣсами! Господи, замкни ему руки и ноги, ослѣпи ему очи! Сіонская Пресвятая Богородица омоло моего скота. Ангелы-хранители, сохраните и защитите меня! Аминь“.

9) Заговоръ отъ воровъ.

„Встаю я раннею зарею, умываюсь утренней росой, утираюсь нетлѣнной пеленою. Мать Пречистая Богородица со мною, каменная стѣна предо мною. На змѣѣ я ѣду, ужомъ погоняю, своихъ злыхъ лиходѣевъ побиваю. Помилуй, Господи, раба твоего (имя реку)! Пойду я на океанъ-море; на томъ морѣ лежатъ бѣлый камень; я его приподнимаю и влючи подъ него подкладаю. Отнимись у моихъ лиходѣевъ бѣлыя руки, рѣзвыя ноги, всѣ жилы и поджилки и ретиво сердце, и горячая кровь! Аминь, аминь, аминь“.

Читающій этотъ заговоръ обходитъ вокругъ двора и по окончаніи чтенія сплевываетъ въ сторону.

Б. Охота и рыбная ловля.

1) Въ большіе праздники нельзя охотиться — разорветъ ружье.

2) Охотникамъ всегда желаютъ, чтобъ они не принесли домой „ни шерсти, ни пера“. Если же имъ пожелаютъ счастливой охоты, то они возвратятся домой съ пустыми руками.

3) Охотникъ считаетъ для себя хорошимъ знакомъ, если въ моментъ выхода изъ дому увидитъ свою собаку, совершающую естественныя отправления.

4) Ружье приобретаетъ удивительное свойство оставлять на мѣстѣ птицу, хотя бы ее задѣла только слегка одна дробица, если убьешь „скопу“ (большая хищная птица, питающаяся рыбой) и коготь ея положишь подъ скобу ружья.

5) Передъ отъѣздомъ на море рыбаки собираются въ комнату и садятся, при чемъ одинъ изъ нихъ говоритъ: „Садитесь, ребята, чтобы рыба садилась въ сѣти“.

6) Рыба въ морѣ передвигается иногда цѣлыми массами, называемыми „косяками“. Ейчане вѣрятъ, что косякъ ведетъ за собою какая-то особенная золотистая рыба, ловить которую считается грѣхомъ

7) Для пожеланія рыбакамъ успѣха въ нѣкоторыхъ домахъ поступаютъ такъ. Когда рыбаки, готовые къ отъѣзду, выходятъ во дворъ, старшая въ домѣ женщина открываетъ ворота, а затѣмъ, снявъ съ одного изъ рыбаковъ шапку, плюетъ въ нее и владеть двѣ или три копейки. Послѣ этого рыбаки отъѣзжаютъ.

6. Тараканы и клопы.

Чтобы избавиться отъ таракановъ, поступаютъ такъ:

1) Берутъ одного таракана, завязываютъ въ тряпку и относятъ на перекрестокъ. Тряпка должна быть такая, чтобы своимъ видомъ могла обратить на себя вниманіе прохожаго. Кто подыметъ тряпку, къ тому въ домъ и перейдутъ тараканы.

2) Берутъ таракана, заворачиваютъ въ тряпку и кладутъ въ лапотъ, который вывозятъ на улицу. Выполняющій эту церемонію голоситъ: „А куда же ты идешь? На кого ты меня оставляешь?“...

3) Сажают нѣсколько таракановъ въ рукавъ и идутъ куда-либо въ гости. Придя въ чужой домъ, вытряхиваютъ таракановъ изъ рукава и говорятъ: „Здравствуйте! Принимаете гостей?“ Такъ какъ отвѣтъ всегда будетъ утвердительный, то пришедшій, который разумѣлъ подъ гостями не себя, а принесенныхъ таракановъ, успокаивается и вѣрить въ то, что тараканы переселятся на новое мѣсто жительства, куда ихъ такъ радушно приняли.

4) Весною, передъ началомъ вспахиванія земли, стараются найти на улицѣ небольшой кусокъ веревки. Поднявъ его, идутъ, не оборачиваясь, домой и замазываютъ находку въ приготовленной щели подъ печкой. Когда же выѣзжаютъ въ поле, говорятъ: „Бду я, ѣзжайте и вы, тараканы, за мной“.

5) Въ Великій четвергъ въ 12 часовъ ночи замечаютъ немного сору съ тараканами въ кучу и выбрасываютъ все это на улицу. Тараканы послѣ этого исчезаютъ.

2) Если вѣвникомъ будешь сметать съ лавки, то въ домѣ заведутся тараканы.

Другой бичъ дома—клопы уничтожаются такъ:

Завертываютъ нѣсколько клоповъ въ бумагу и бросаютъ этотъ свертокъ съ клопами въ экипажъ священника, когда онъ приѣзжаетъ съ молитвою; при этомъ говорятъ: „Куда попы, туда и клопы“.

7. Наблюденія надъ явленіями поироды, птицами и животными.

1) Чтобы судить, какова будетъ зима, наблюдаютъ, какъ протекаетъ одиннадцатое ноября (день Θεодора Студита). Если цѣлый день будетъ холодно, то и зима будетъ холодная; если утромъ будетъ морозъ, а къ вечеру наступитъ оттепель, то и зима сначала будетъ холодная, а затѣмъ, такъ приблизительно въ февраль, будетъ все оттепель.. .

2) Если 2-го февраля на Срѣтеніе Господне (въ этотъ день зима встрѣчается съ лѣтомъ) съ врышь будетъ капать

вода, то и зима будеть тянуться долго (будеть какъ бы „капать“).

3) Если 2-го февраля вѣтеръ будеть перебрасывать снѣгъ черезъ дорогу, образуя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ какъ бы покосы, то урожай хлѣба будеть хороши́й.

4) Надо ожидать урожая хлѣба и въ томъ случаѣ, когда 24 декабря ·ночь будеть ясная, такъ что на небѣ будеть видно много звѣздъ.

5) Если много звѣздъ на небѣ будеть видно въ ночь подь Крещеніе, то урожай будеть на фрукты и овощи.

6) Зайцы, появившіеся въ большомъ количествѣ осенью, предвѣщаютъ суровую зиму.

7) Если собака валется на соломѣ, то будеть вѣтеръ.

8) Если зимою свинья держитъ во рту солому, то будеть морозъ.

9) Если вѣшка дереть когтиами или лежитъ на печи, то надо ожидать переменъ погоды; зимой въ такихъ случаяхъ ждуть мороза.

10) Если пѣтухъ, идя на насѣсть, кричитъ, надо ожидать переменъ погоды.

11) Утки сбѣгаютъ, будеть вѣтеръ.

8. Домовой и вѣдьмы.

1) Когда переходишь въ новый домъ, надо брать съ собой кошку, чтобы домовой любилъ домъ.

2) Передъ несчастьемъ домовой душитъ и щиплетъ людей.

3) Если домовой начнетъ скрести ногтями на чердакѣ, то не долго будешь жить въ домѣ.

4) Если домовой не скребетъ, а мѣрно постукиваетъ, то надо ожидать близкой смерти кого-либо изъ членовъ семьи.

5) Что остается послѣ ужина на столѣ, надо непременно крестить, иначе домовой будеть нюхать.

1) Чтобы сдѣлаться вѣдьмой, надо наступить ногою на хлѣбъ и ивону.

2) Вѣдьма надѣлена сверхъестественными силами, направленными на зло человѣку. Силы вѣдьмы съ теченіемъ времени ослабѣваютъ. Чтобы подкрѣплять ихъ, она отправляется въ первый день Пасхи въ церковь, гдѣ и становится передъ входными дверями. На Пасху, какъ извѣстно, передъ началомъ службы бываетъ ходъ вокругъ церкви, во время котораго церковныя двери затворяются и запираются на засовъ. Когда по окончаніи хода священникъ произнесетъ слова: „Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ“, церковныя двери отпираютъ, и вѣдьма первая старается коснуться засова рукою, такъ какъ прикосновеніе къ нему снова надѣляетъ ее силами. Нѣкоторые изъ мужчинъ, зная этотъ секретъ, отталкиваютъ женщинъ отъ дверей и сами стараются коснуться засова: мужчина, коснувшійся первымъ засова, не только не будетъ бояться вѣдьмы, но даже будетъ покорять ее.

3) Вѣдьма очень часто доитъ коровъ по ночамъ, вслѣдствіе чего молоко коровъ портится. Чтобы оградить корову отъ порчи, поступаютъ такъ. Наливаютъ на сковороду молока коровы и жарятъ его на огнѣ, при чемъ ножомъ постоянно ударяютъ въ разныя мѣста сковороды. Вѣдьма будто бы въ эту минуту терпитъ невыносимую боль и сейчасъ же является съ просьбою о пощадѣ.

4) Нѣкоторые наиболѣе свѣдующіе люди, какъ только корова отелится первымъ теленкомъ, сейчасъ же проверяютъ въ правомъ рогу коровы небольшую дырочку и забиваютъ туда сучокъ изъ еловаго дерева. Это тоже, какъ думаютъ, предохраняетъ корову отъ порчи вѣдьмы.

5) Самый первый щенокъ сучки всегда бываетъ жертвою вѣдьмы, если его не протащишь три раза съвозъ колесо. Такого щенка ейчани называютъ „дирьчукомъ“ и дорожатъ имъ

необыкновенно, такъ какъ онъ, по ихъ мнѣнію, имѣеть „волчій зубъ“ и можетъ одолѣть даже волка. Необходимо замѣтить, что первый щенокъ почему-то всегда бѣсится. Не случилось ли подобное суевѣріе въ виду того, что первого щенка сохранить трудно?

6) Надо достать у гробовщика такую часть еловой или сосновой доски, изъ которой во время изготовленія гроба случайно выпалъ сучокъ. Отверстіе въ доскѣ послѣ выпаденія сучка есть очень цѣнная вещь: стоитъ только посмотрѣть въ него послѣ службы на первый день Пасхи, то, какъ въ зеркалѣ, увидишь всѣхъ вѣдьмъ.

7) Въ воскресенье наканунѣ Великаго поста отъ послѣдняго блюда, которое ѣшь въ этотъ день, оставь небольшой кусочекъ за нижнею губою и проспип такъ съ нимъ всю ночь. Утромъ вынь кусочекъ изъ-за губы и засуши. Этотъ кусочекъ надѣляетъ обладающаго имъ удивительною силою послѣ службы на Пасху увидать всѣхъ вѣдьмъ. Мало того, вѣдьмы наперерывъ будутъ просить передать имъ эту драгоценность, которая служитъ для нихъ величайшимъ лакомствомъ.

9. Представленіе о змѣяхъ и угахъ.

1) Иѣтомъ въ ейскихъ степяхъ водится много гадюкъ. Гадюки, какъ извѣстно, на зиму замирають, но, по мнѣнію ейчанъ, онѣ живутъ и зимою, только не на поверхности земли, но уходятъ въ какія-то глубокія трещины, образуемая землею.

2) Дѣтеныши гадюки выводятся не изъ яицъ, но появляются будто бы на свѣтъ уже въ готовомъ видѣ. Утверждаютъ, что, во время разрѣшенія отъ бремени, гадюка обвивается вокругъ дерева хвостомъ вверхъ и старается сейчасъ же пожирать падающихъ внизъ дѣтенышей. Немногимъ счастливымъ удастся спастись отъ зубовъ матери. Ожесточенные съ первыхъ же дней своего существованія родною матерью, дѣ-

теньши гадюки до самой смерти питаютъ ко всѣмъ только одно зло.

3) Если покушаешь пищи, которую польешь отваромъ изъ убитой гадюки, то получишь даръ понимать языкъ животныхъ.

4) Въ народѣ существуетъ повѣрье о семи гадюкахъ, называемыхъ „ семью братьями“. Если убьешь одну изъ нихъ, то остальные шесть непременно отыщутъ убійцу и отомстятъ ему. Не сдобровать человѣку, котораго ужалилъ такая змѣя: непременно слѣдуетъ смерть.

5) Если убьешь гадюку, сорокъ грѣховъ прощается.

6) Кромѣ гадюкъ, въ окрестностяхъ Ейска, по мнѣнію народа, есть особья змѣи, которыя отличаются отъ обыкновенныхъ гадюкъ своею длиною (сажени 2) и еще тѣмъ, что онѣ имѣютъ на концѣ хвоста большой шаръ, которымъ поражаютъ людей и животныхъ. Такая змѣя извѣстна подъ именемъ „пóлоза“ или „желтóбрюха“. Пóлозь можетъ становиться на конецъ хвоста и, вытянувшись во всю длину, издавать свистъ.

7) Насколько гадюка и пóлозь являются опасными для человѣка, настолько ужъ безопасенъ. Ужей запрещаютъ убивать ради шутки. Если убьешь ужа, то хвостъ его до захода солнца не перестанетъ будто бы шевелиться.

8) Ужъ, какъ думаютъ, любитъ забираться въ желудокъ человѣка, поэтому лежащимся спать лѣтомъ во дворѣ всегда совѣтуютъ передъ сномъ покрѣпче стискивать зубы.

9) Ужъ, какъ извѣстно, любитъ молоко коровы, къ которой иногда присасывается по ночамъ. Его называютъ „коровникомъ“. Нѣкоторые относятся къ этому равнодушно, другіе же стараются отводить ужей отъ коровы. Для этой цѣли поступаютъ такъ. Убиваютъ ужа и открываютъ нижнюю часть его рта. Затѣмъ, провернувши буравомъ дыру въ косякъ двери, ведущей въ хлѣвъ коровы, вкладываютъ въ при-

готовленное отверстие упомянутую часть ужа и плотно забивают деревяннымъ колышкомъ.

10. Сны и ихъ толкованіе.

- 1) Снится кровь—видѣть родственника.
- 2) Если приснится дѣвушка въ красной юбкѣ,—будеть клевета.
- 3) Снѣгъ снится, будетъ кто-то смѣяться.
- 4) Выстрѣлъ ружейный слышать — получишь любовное письмо.
- 5) Если во снѣ увидишь себя въ худомъ башмакѣ,—будетъ кто-то обманывать.
- 6) Будетъ прибыль, если приснится ситецъ или что-либо новое.
- 7) Обожжешь палецъ во снѣ, будешь обручаться.
- 8) Если снится церковь, крестъ, святости, или увидишь себя въ черномъ платьѣ, то надо ожидать несчастія, печали, смерти кого-либо.
- 9) Если будешь кушать арбузы, то будутъ слезы.
- 10) Получишь извѣстіе, если видишь карты во снѣ.
- 11) Видишь себя въ рваной одеждѣ—худо, въ крѣпкой —хорошо.
- 12) Выметать соръ—есть ссорѣ.
- 13) Умретъ родственникъ, если во снѣ видишь молодой мѣсяцъ на западѣ.
- 14) Если во снѣ видишь мытое бѣлье, то получишь письмо, или отправишься въ дорогу.
- 15) Видѣть во снѣ голаго ребенка означаетъ диво какое-нибудь.
- 16) Если во снѣ напьешься чаю, то надо ожидать чего-то неожиданнаго.
- 17) Шуба, видѣнная во снѣ, предвѣщаетъ шумъ какой-то.
- 18) Мѣдные деньги, яйца, абрикосы—предвѣщаютъ слезы.

19) Если во снѣ мѣсишь тѣсто, то надо ожидать неприятности.

20) Яблони снятся передъ несчастіемъ.

21) Лодка тоже снится передъ несчастіемъ.

22) Пшеницу видѣть во снѣ — хорошее предзнаменованіе.

23) Въ домѣ будетъ скоро покойникъ, когда снится лодка, а на ней крестъ.

24) Получишь письмо или извѣстіе, когда во снѣ увидишь сметану, щи или молоко.

25) Если ѣшь во снѣ апельсины, будешь радоваться.

26) Будетъ честь оказана, если видишь военнаго.

27) Мертвый снится передъ дождемъ.

28) Если видишь новые дома или сундуки, то умретъ кто-нибудь въ домѣ.

29) Видѣть у себя хорошія косы передъ счастьемъ.

30) Земледѣльцу снѣгъ во снѣ предвѣщаетъ урожай.

31) Когда торговецъ видитъ во снѣ дѣвушекъ, то онъ будетъ хорошо торговать.

32) Видѣть или собирать фрукты — передъ слезами.

33) Если снится, что упалъ въ яму или володець, то случится неудача.

34) Надо ожидать удивительнаго счастья, когда приснится, что зимою расцвѣли деревья.

35) Если кто приснится пьянымъ, то этотъ человекъ боленъ.

36) Плачешь во снѣ, будешь радоваться.

37) Блины ѣсть во снѣ — передъ убыткомъ.

38) Если увидишь себя во снѣ въ новыхъ башмакахъ, то будетъ оказана честь.

39) Часы видѣть во снѣ — передъ болѣзнью.

40) Видѣть во снѣ свой собственный зубъ — знакъ печали.

41) Священника увидишь во снѣ, — ожидай чего-либо хорошаго:

- 42) Виноградъ ѣсть во снѣ—знакъ выигрыша.
- 43) Вода чистая предвѣщаетъ благополучіе, холодная—здоровье, мутная—печаль.
- 44) Воробья ловить во снѣ—новое знакомство.
- 45) Говядину ѣсть во снѣ—знакъ болѣзни.
- 46) Татарина во снѣ видѣть—знакъ обмана или клеветы.
- 47) Харкать кровью во снѣ—предвѣщаетъ свиданіе съ родными.
- 48) Если увидишь во снѣ щуку, то заболѣешь лихорадкой.
- 49) Таракановъ видѣть во снѣ—будутъ снѣтны.
- 50) Соль во снѣ ѣсть—знакъ ссоры.
- 51) Очки надѣвать во снѣ—предвѣщаетъ болѣзнь глазъ.
- 52) Если грызешь орѣхи во снѣ, то будешь плакать.
- 53) Если видишь во снѣ воловъ жирныхъ и ѣдешь на нихъ, то это предвѣщаетъ свободу.
- 54) Иконы видѣть во снѣ—знакъ скорби.
- 55) Свѣчи въ церкви ставить—печальное свиданіе.
- 56) Корову во снѣ видишь передъ болѣзнью.
- 57) Лошадей видишь, будетъ ложь.
- 58) Если дѣвушка во снѣ поймаетъ голубя, то у нея будетъ женихъ.
- 59) Если мужчина поймаетъ голубку, то у него будетъ невѣста.
- 60) Если во снѣ увидишь садъ цвѣтущій, но безъ плодовъ, то будешь радоваться.
- 61) Потерять во снѣ кольцо или ботинокъ—знакъ смерти.
- 62) Если во снѣ отъ кого-либо получаешь кредитные билеты, то будешь обманутъ.
- 63) Золото и серебро видѣть во снѣ—знакъ благополучія.
- 64) Убирать во снѣ сѣлое жито, будетъ хорошая жизнь, а еще зеленое—умѣренная.
- 65) Муку видишь во снѣ, испытаешь муки.
- 66) Видѣть хлѣбъ печеный—означаетъ печаль.

67) Увидишь во снѣ играющую собаку, будетъ выигрышъ.

68) Если во снѣ порвутъ собаки, то наживешь много враговъ.

69) Если кто-нибудь ласкаетъ во снѣ, то будешь обмануть.

70) Мертваго хоронить во снѣ означаетъ, что какое-либо предпріятіе погибнетъ, не удастся.

71) Если увидишь, что мертвый ожилъ, то замирающее предпріятіе оживетъ.

72) Если видишь во снѣ маленькихъ дѣтей, то надо ожидать хлопотъ.

73) Если видишь во снѣ себя босымъ, то это означаетъ скупость.

74) Если видишь у себя роскошные волосы и чешешь ихъ, то это означаетъ благополучную дорогу.

75) По мнѣнію ейчанъ, есть возможность предотвратить исполненіе сна. Чтобы сонъ не сбылся, его надо разсказывать только вечеромъ, при чемъ говорящій долженъ обернуться предварительно къ свѣчѣ и сказать: „Говорю свѣчѣ“, послѣ этого можно разсказывать сонъ.

11. Болѣзни.

ЛИХОРАДКА.

1) Заговоръ отъ лихорадки.

„Шель св. Авраамъ съ своимъ сыномъ Исаемъ; несли они жезлы и повстрѣчались съ Иродовыми дочками. „Иродовы дочки, куда вы идете?“ „Мы идемъ въ міръ христіанскій желтую кость ломить, буйную голову ломить, червоную кровь пить“. „Сыну мой Исаю, возьми ты ихъ съ раба Божія (имя рекъ), посѣки и поруби и пошли на очерета, на болота, гдѣ люди не ходятъ“.

2) Если пароксизмы лихорадки наступаютъ только ночью (лихорадка „жидовка“), то мажутъ грудь освященнымъ саломъ.

3) Больного лихорадкой выводятъ въ одной рубашкѣ во дворъ во время новолунія и три раза обливають водою. Мокрую рубашку закапываютъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ больной.

4) Заговоръ отъ лихорадки.

Написать на коркѣ хлѣба слѣдующіе таинственные зна-ки: IXHOEITB9. Корку хлѣба надо съѣсть.

5) Заговоръ отъ лихорадки.

Написать на 9 коркахъ хлѣба слова: „пишшуля“. Съѣдая каждую корку, надо читать „Отче нашъ“.

6) Когда увидишь весной первую гадюку, отруби у нея голову, которую и засуши. Голова гадюки, повѣшенная на шею хотя на одинъ день, излѣчиваетъ вазую-угодно лихорадку.

ЗУБНАЯ БОЛЬ.

1) Заговоръ отъ зубной боли.

„На морѣ-океанѣ, на островѣ на Буянѣ лежатъ тѣло раба Божія Антипія. Что у тебя, Антипій, зубы не болятъ? Не болятъ. Дай Богъ, чтобы у раба Божія (имя рекъ) зубы не болѣли, отпывъ до вѣку занѣмѣли“.

2) Заговоръ отъ зубной боли

„Мѣсяцъ Владимиръ, гдѣ бывалъ? На морѣ. Что ты видалъ? Мертвыхъ людей Какіе они? Нѣмые. У нихъ зубы не болятъ? Не болятъ. Дай Богъ, чтобы.....“

3) Если во время пѣнія „Херувимской пѣсни“ прочтешь эту пѣснь, стиснувши зубы и не разжимая рта, то зубы никогда не будутъ болѣть.

4) Зубную боль предотвращаютъ еще и тѣмъ, что во время новолунія, смотря на луну, трижды читаютъ „Отче нашъ“.

5) Заговоръ отъ зубной боли.

„Мѣсяцъ на небѣ, царь на землѣ, щука-рыба въ морѣ, медвѣдь въ лѣсу; когда эти четыре брата заговорятъ, тогда у раба Божія (имя рекъ) зубы заболятъ“.

6) Заговоръ отъ зубной боли.

Сначала читають „Отче нашъ“, а затѣмъ: „Тогда у раба Божія (имя рекъ) зубы заболятъ, когда китъ-рыбу будутъ черви точить“.

7) Когда болятъ зубы, то снимають съ правой ноги чулокъ и привязываютъ его платкомъ къ щекъ.

8) Нельзя считать зубовъ во рту, иначе они будутъ болѣть.

ГОРЛОВЫЯ БОЛѢЗНИ.

1) Заговоръ отъ жабы.

Заговоръ состоитъ въ томъ, что болѣзнь отыливаютъ такими словами: „Иди, жаба, изъ раба Божія (имя рекъ) въ чистое поле, ѣшь себѣ, жаба, зеленую траву, пей себѣ, жаба, холодную воду“. Читается три раза.

2) Заговоръ отъ дубоглота (дифтеритъ).

Идутъ въ лѣсъ и, поставивъ больного передъ дубомъ, говорятъ: „Дубъ, возьми болѣзнь отъ раба Божія (имя рекъ), чтобы онъ не болѣлъ отнынѣ и до вѣку“. Читается три раза.

3) Молитва отъ скарлатины.

„Творче и Создатеиъ всяческихъ, Боже! дѣла рукъ нашихъ ко славъ Твоей начинаемая Твоимъ благословеніемъ спѣшно исправи и насъ отъ всякаго зла избави, яко единъ всемогущъ и человеколюбецъ. Скорый въ заступленіе и вѣршій въ помощь представи благодатию силы Твоея нынѣ и благослови въ укрѣпленіи и въ совершеніи намѣренія благого дѣла рабовъ Твоихъ произведи, вся бо, елика хочещи, яко сильнѣйшій Босъ, творити можещи“.

4) Если кто увидитъ слѣнца (крота), то старается задуть его двумя пальцами: большимъ и безымяннымъ, безъ помощи другихъ. Эти два пальца приобрѣтають удивительную силу излѣчивать горловыя болѣзни: стоитъ только подавить ими горло, и болѣзнь сейчасъ проходитъ.

БОЛѢЗНИ ГЛАЗЪ.

1) Заговоръ отъ бѣльма

„Шель Іисусъ Христось крутою горою, за нимъ бѣжало три овна. Первый лизнулъ — кровь слизнулъ, второй лизнулъ — слезу слизнулъ, третій лизнулъ — бѣльмо слизнулъ съ рожденнаго, крещеннаго, молитвеннаго раба Божія (имя рекъ)“. Читать три раза.

2) Заговоръ отъ бѣльма.

„Бѣхаль Петръ на Сіонской горѣ, за нимъ бѣжало два хорта: одинъ бѣлый, другой черный; бѣлый бѣльмо несеть, черный слезу пьеть. Какъ чисто солнце восходить, такъ чисто бѣльмо сходить съ рожденнаго, крещеннаго, молитвеннаго раба Божія (имя рекъ)“. Читать 12 разъ

3) Заговоръ отъ бѣльма.

„Летѣла сѣрая утка на синія моря желтаго песку пить. Не лети ты, сѣрая утка, на синія моря желтаго песку пить: лети ты, сѣрая утка, своимъ сѣрымъ хвостомъ бѣльмо раба Божія (имя рекъ) счищать“.

4) Собирають росу съ растенія „болиголовъ“ и промываютъ ею больные глаза.

5) Когда болятъ глаза, надо утромъ натошакъ помочить ихъ тою водою, которая появляется на запотѣвшихъ окнахъ.

6) При лѣченіи глазныхъ болѣзней употребляютъ еще и слѣдующія средства:

а) Сварить круто куриное яйцо, порѣзать его на тонкіе кружки и, посыпавъ ихъ истолченнымъ сахаромъ, прикладывать къ больнымъ глазамъ.

б) Размять чистаго воску величиною и толщиною въ пятакъ и прикладывать къ глазамъ по ночамъ.

в) Разрѣзать на кружки круто сваренное куриное яйцо, посыпать ихъ синимъ камнемъ и прикладывать по ночамъ къ глазамъ.

г) Прикладывать къ глазамъ сырое мясо.

ИСТЕЧЕНИЕ КРОВИ. РАНЫ.

1) Заговоръ отъ крови.

„На морѣ, на океанѣ, на островѣ на Буянѣ бѣжитъ конь карь, а ты у раба Божія (имя рекъ), кровь, стань.

2) Заговоръ отъ крови.

„На морѣ, на островѣ — тамъ стоялъ дубъ безъ зелья и безъ коренья; на томъ дубѣ сидѣлъ воронъ. Воронъ, не брякай, а ты, кровь, не капай изъ раба Божія (имя рекъ).

3) Заговоръ отъ крови.

„Шель Иисусъ Христосъ черезъ Иорданъ и сталъ: и ты, кровь, стань и не капь изъ раба Божія (имя рекъ)“.

4) Заговоръ отъ крови.

„На морѣ, на океанѣ, на островѣ на Буянѣ лежитъ камень Латырь; но томъ Латырь камень стоитъ сухой дубъ; на томъ дубѣ тесовая кровать; на той кровати сидитъ красная дѣвица, въ рукахъ держитъ золотую иголу, вдѣваетъ шелговую нитку, зашиваетъ кровавую рану, зашиваетъ и примовляетъ: какъ изъ сухого дуба, изъ камня Латыря не будетъ текти вода, такъ изъ раба Божія (имя рекъ) не будетъ итти руда (т. е. кровь). Аминь“.

5) Заговоръ отъ крови.

„На морѣ, на океанѣ, на островѣ на Буянѣ лежитъ бѣлый камень горючій, на томъ камень сидитъ Мать Пресвятая Богородица, держитъ влубокъ шелву, зашиваетъ рану рабу Божию (имя рекъ), кровь унимаетъ, лому утѣшаетъ“. Послѣ этого прочесть „Отче нашъ“ и дунуть на рану.

6) Кожа гадюки, найденная осенью, высушенная и истолченная въ порошокъ, употребляется при лѣченіи ранъ.

7) Если укуситъ собака, то надо у нея вырвать шерсти, пережечь ее и пещеломъ засыпать рану.

С И Б И Р К А.

МОЛИТВА ОТЪ СИБИРКИ.

„Великій Царь, безъ числа живущій на небеси, пошли помощь Свою ко славѣ Твоей! Святые отроки и праотцы, святые великомученики и мученики, пошлите помощь свою отъ смертоносныя язвы, отъ тошноты рабу Божию (имя рекъ)! Самъ Господь на престогахъ стоялъ, своимъ святымъ духомъ подыхалъ: пять рекло, а три отходило. Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Аминь“.

УКУШЕНІЕ ГАДЮКИ и ПАУКА.

1) Когда укуситъ паукъ, то надо мазать больное мѣсто оливою (деревяннымъ масломъ).

2) Когда укуситъ гадюка, то надо размочить коноплянаго цвѣта и прикладывать къ ранѣ.

З О Л О Т У Х А.

1) Страдающій отъ золотухи носить на шеѣ орѣхъ, наполненный ртутью.

Н А С М О Р К Ъ.

1) Когда бываетъ насморкъ, надо припалить конецъ хвоста кошки и нюхать.

ПЕРЕПОЛОХЪ (испугъ).

1) Заговоръ отъ переполоху.

Берутъ сосудъ, наполненный водою, и выливаютъ въ него растопленный на огнѣ стеаринъ, смотрятъ на изображение, получившееся отъ вылитого стеарина, и говорятъ:

„Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Аминь. На огнѣ выпекаю, на водѣ выливаю, рабу Божию (имя рекъ) помогаю: помощь моя отъ Господа Бога. Переполохъ коровячій, пере-

полохъ конячій, человѣчій, свинячій, собачій...., иди себѣ на темные луга, на быстрыя рѣки, гдѣ люди не ходятъ, пивни (пѣтухи) не спиваютъ, восами не махаютъ, куда голосъ не заходить“.

Описанное повторяется 9 разъ, при чемъ за каждымъ разомъ сосудъ съ водою слегка прикладываютъ къ разнымъ частямъ тѣла больного.

2) Надъ головою больного вертять яйца и потомъ бросаютъ ихъ въ сторону.

С О Я Ш Н И Ц А (боль живота).

1) Берутъ чашку, наполненную водой, 2 ложки, веретено, ножъ, вилку и клочокъ льну. Зажегши ленъ, кладутъ его въ чашку и, какъ только вода забурлитъ, читаютъ: „Со-яшница водная, вѣтряная, выйди, выступи изъ сего живота, изъ жилъ, изъ пожилъ, выйди, выступи изъ рожденнаго, крещеннаго, молитвеннаго раба Божія (имя рекъ)“. Заговоръ повторяется три раза, послѣ чего сплевываютъ въ сторону и даютъ больному выпить воды, а остальную выливаютъ на петли двери.

О Г Н И К Ъ.

1) Выводятъ больного на улицу вечеромъ и, гдѣ бы ни увидѣли огонь, оборачиваются къ нему лицомъ и читаютъ сначала „Отче нашъ“, а затѣмъ откликаютъ болѣзнь такими словами:

„Огонь, огонь, огонь! возьми огникъ съ рожденнаго, крещеннаго, молитвеннаго раба Божія (имя рекъ)“. Прочитай заговоръ три раза, сплевываютъ въ сторону.

БОЛЬ ЖИВОТА.

1) Достаютъ воду изъ колодца и въ это время читаютъ „Отче нашъ“, „Богородице Дѣво“, „Святый Боже“, „Царь Небесный“. Затѣмъ набираютъ изъ ведра стаканъ воды и

говорять: „Здравствуй, колодець, съ чистою водицею, съ красною дѣвицею! Для чего вода вынется, для того она и пригодится. Пригодится она для излѣченія раба Божія (имя рекъ)“. Воду на ночь даютъ пить больному.

1) Если черезъ вѣвникъ переступишь, или вѣвникомъ ударять, то нападетъ короста.

2) Если ступишь ногою на то мѣсто, гдѣ валялась лошадь, то надо сплунуть въ лѣвую сторону, такъ какъ иначе нападутъ лишай.

3) Если кто постоянно подвергается болѣзнямъ, то воду послѣ стирки бѣлья больного всегда выливаютъ на перекрестокъ въ полной увѣренности, что болѣзни перейдутъ на того человѣка, кто ступитъ ногой въ эту воду.

4) Чтобы волосы хорошо росли, надо во время новолунія срѣзать небольшой пучокъ волосъ и закопать ихъ въ навозъ или балочку (низкое мѣсто, гдѣ во время дождя течетъ вода).

5) Когда чешешься, нельзя бросать на полъ волосъ, собранныхъ съ гребешка: если ихъ выметутъ, и птица унесетъ ихъ въ свое гнѣздо, то волосы будутъ выпадать, и голова будетъ болѣть.

6) Если перейдешь дорогу покойнику, то на рукѣ или ногѣ начнетъ расти въ сторону какой-либо суставъ—мертвая кость. Лѣчение: надо мертвую кость обвести рукою покойника.

7) Ленты съ коровай, ленты, которыми украшаютъ лошадей свадебнаго поѣзда, а также ленты, которыми связываютъ ноги покойника,—употребляются для лѣченія ревматизма: ими обвязываютъ больную руку или ногу.

8) Въ день погребенія покойника бабы собираютъ кусочки хлѣба, оставшіеся отъ поминальнаго обѣда, и даютъ ихъ ѣсть больнымъ горячею.

9) На разсвѣтъ 2 февраля бабка набираетъ воды изъ колодца такъ, чтобъ никто не зналъ и не видѣлъ, и этою водою окропляетъ больныхъ, такъ какъ эта вода, по народному повѣрью, замѣняетъ святую воду.

10) Въ день Симона Зилота собираютъ травы и употребляютъ ихъ при лѣченіи разныхъ болѣзней, думая, что травы, собранныя именно въ этотъ день, приобрѣтаютъ особенную цѣлебную силу.

11) Когда у животнаго отъ неизвѣстной причины вслухаетъ нога, берутъ черную кошку и ея правой передней лапшой обводятъ больное мѣсто.

12) Заговоръ отъ перелоговъ (спазмы въ желудкѣ животнаго, вздутіе живота).

„На Сіонской горѣ стоитъ дубъ; подъ тѣмъ дубомъ престолъ; на престолѣ сидитъ Іисусъ Христосъ, сидитъ и перелогъ заговариваетъ отъ шерсти, отъ бѣлой кости, отъ барихъ очей, отъ великихъ роговъ, отъ длинныхъ ушей, отъ длиннаго хвоста. Перелогъ-переложисты, сойдите на лѣса, на болота, куда звѣрь не забѣгаетъ, куда птица не залетаетъ, куда христіанскій глазъ не заходитъ. Аминь, аминь, во вѣки аминь сему моему слову“. Заговоръ повторяется три раза.

12. Предразсудки, суевѣрія и заговоры смѣшаннаго характера.

1) Если у кого-либо горитъ правое ухо, то этого человека гдѣ-то хвалятъ, если лѣвое—поругаютъ.

2) Заговоръ можно передать только младшему: если передать старшему, то онъ потеряетъ всю свою силу.

3) Въ тотъ день, когда отелится корова, когда ѣдешь ловить рыбу или засѣвать поле, прикажи своимъ домашнимъ отказывать всѣмъ, чего бы ни просили, не позволяй подавать даже милостыни,—въ противномъ случаѣ у коровы будетъ меньше молока, рыбы не поймаешь, и хлѣбъ не уродится.

4) Если плечи трясутся, то скоро будешь носить новое платье.

5) Если будетъ чесаться пятка лѣвой ноги, то скоро услышишь о чьей-либо смерти.

6) Если выпавшую рѣсницу положишь на голову, то будешь умнымъ, если положишь на носокъ сапога, то будешь счастливымъ, положишь за пазуху—письмо получишь.

7) Въ ухахъ звенить—Господь грѣхи записываетъ.

8) Если звенить въ одномъ ухѣ, то задумываютъ что-либо и просятъ кого-нибудь отгадать, въ какомъ ухѣ звенить: отгадаютъ—исполнится желаніе, не отгадаютъ—не исполнится.

9) Если желаешь, чтобы деньги никогда не переводились, возьми черного кота, обмотай его нитками и иди въ самый глухой переулокъ. Проходящіе мимо люди будутъ предлагать за кота разную сумму денегъ, но ничего не бери, кромѣ перваго предложеннаго рубля, который называется „фармазонскимъ рублемъ“. Если будешь что-нибудь покупать, то оставляй отъ этого рубля копейку или двѣ, и деньги никогда не будутъ переводиться.

10) Если учащійся выдернетъ двѣ рѣсницы, свяжетъ ихъ узелкомъ и положить въ книгу, то онъ хорошо будетъ учиться.

11) Кто изъ учащихся передъ началомъ ученья первымъ войдетъ въ классъ, тотъ въ этотъ день непременно получитъ единицу.

12) Чтобы учитель или учительница не были злы, учащіеся кладутъ на порогъ классной комнаты нѣсколько булавокъ и притомъ такъ, чтобы учитель или учительница черезъ нихъ перешагнули.

13) Когда увидишь молодой мѣсяцъ съ правой стороны, то деньги цѣлый мѣсяцъ не будутъ переводиться, если же увидишь съ лѣвой, то непременно займешь.

14) Правая ноздря чешется—услышишь правду, лѣвая—сплетню, спереди носъ чешется—услышишь неприятную новость; если весь носъ чешется, то предстоитъ попойка.

15) Если уронишь вилку, то придетъ женщина, если же уронишь ножъ, то придетъ мужчина.

16) Если будешь стирать бѣлье по понедѣльникамъ, то сдѣлаешься нищимъ.

17) Если самоваръ гудитъ, то перейдешь на другую квартиру, или въ домѣ произойдетъ какая-либо сильная перемѣна (большую частью несчастье).

18) Если долго засмотришься въ одну точку, то гость пріѣдетъ издалека.

19) На Троицкой недѣлѣ нельзя купаться, потому что ласточка еще не окуналась въ воду.

20) Если кто во время ужина на голодную бутю чихнетъ, то это предвѣщаетъ счастливый годъ. Чихнувшему подносить подарокъ.

21) Молитва, которую читаютъ, отправляясь въ дорогу.

„Нисшелъ Господь съ небесъ и снесъ свой животворящій крестъ въ своей правой рукѣ отъ врага-супостата, отъ вора-разбойника, отъ темной ночи, отъ лютаго звѣря, отъ неподобной вещи. Сохрани, Господи, покровомъ своимъ раба твоего (имя рекъ)! Аминь“.

22) Молитва, предохраняющая отъ нападенія звѣря.

„Св. Георгій Побѣдоносецъ, сохрани и спаси меня отъ лютаго звѣря!“

23) Комнатные цвѣты можно только продавать, если же кому подарить цвѣтокъ, съ тѣмъ человѣкомъ непременно поссориться. Во избѣжаніе ссоры, знакомые, когда дарятъ другъ другу цвѣты, всегда расплачиваются за нихъ мелкою монетою.

24) Въ тотъ моментъ, когда кто-либо собирается чихнуть, если успѣешь пожелать чего-нибудь, то желаніе исполнится.

25) Если говорящій услышитъ, что вдругъ чихнетъ кто-либо изъ его слушателей, то это означаетъ, что все сказанное есть несомнѣнная истина.

26) На Пасху нѣкоторые, по окончаніи богослуженія, идутъ на кладбище и, ставъ около могилы родственника, трижды восклицаютъ: „Христосъ воскрес!“ затѣмъ прикладываютъ ухо къ землѣ и будто слышатъ: „Воистину воскрес!“

27) Если переходишь жить въ новый домъ, то надо ожидать крупной переменъ въ семьѣ: или кто-нибудь умретъ, или выйдетъ замужъ, или родится. Сообразуясь съ тѣмъ, чего надо ожидать, или переходятъ въ новый домъ, или остаются на прежнемъ мѣстѣ.

28) Если много смѣешься, то непременно будешь плавать.

29) Если опасаясь какого-либо несчастія, то оно не случится.

30) Бѣлыя пятна, появляющіяся на ногтяхъ, есть вѣрный знакъ скорого полученія обновки.

31) Если, уходя съ квартиры, не выметешь сора, то снова возвратишься на ту же квартиру.

32) Если гость не допиваетъ рюмки, то хозяинъ будетъ плавать. Въ такихъ случаяхъ хозяинъ обыкновенно говоритъ гостю: „Пей! Что ты на слезы мнѣ оставляешь, что ли?“

33) Если желаютъ кого-нибудь сдѣлать пьяницей, то остатки изъ разныхъ рюмокъ сливаютъ въ одну и даютъ ему выпить.

34) Передъ смертью кого-либо изъ членовъ семьи съ потолка бѣжитъ вода.

35) Если изъ дома выносятъ покойника, то непременно сначала надо выносить подсвѣчникъ, такъ какъ иначе въ томъ же домѣ снова кто-нибудь умретъ.

36) Если у покойника одинъ глазъ будетъ открытъ, то еще въ семьѣ кто-нибудь умретъ.

37) Если у покойника глаза закатились, то въ жизни этотъ человекъ совершилъ много грѣховъ.

38) Когда покойника владуть на столъ, то ему надо связать ноги, чтобы онъ не поднялся со стола; когда же забиваютъ гробъ, то развязываютъ ноги покойника, чтобы онъ могъ встать на Страшномъ судѣ.

39) Лѣвый глазъ мигаетъ — придуть гости, правый — самъ пойдешь въ гости.

40) Если во время ужина кто-либо не доѣстъ кусочка хлѣба, то этотъ кусочекъ цѣлую ночь будетъ сниться.

41) Нѣкоторые совѣтуютъ отъ своего куска хлѣба всегда оставлять небольшой кусочекъ, а то, говорятъ, будешь нуждаться.

42) Если кто-либо съѣсть кусокъ хлѣба, который не доѣлъ другой, то этотъ человекъ почувствуетъ, что у него прибавилось силы, въ то время какъ силы убавится у не доѣвшаго свой хлѣбъ. Вотъ почему простой человекъ остатки хлѣба или отдаетъ собакамъ, или зарываетъ въ землю изъ боязни, чтобы они какъ-нибудь не попались людямъ.

43) Если, не доѣвши куска хлѣба, случайно возьмешь новый кусокъ, то въ это время, какъ говорятъ, кто-либо изъ родственниковъ голодаетъ.

44) Когда вечеромъ начинаютъ рѣзать новый хлѣбъ, то краюшку всегда отдаютъ маленькимъ дѣтямъ; когда же ховяниъ или хозяйка съѣдаютъ краюшку, то ихъ телята „будутъ блудить“ (блуждать по улицамъ).

45) Послѣ ужина надо всегда заматать соръ, а то Богъ будетъ ходить не по чистому полу (только соръ за порогъ не выметаютъ).

46) Ставанъ лопнетъ — ожидай несчастія.

47) Если желаешь научиться плавать, то долженъ съѣсть покрытый плѣсенью кусочекъ хлѣба передъ тѣмъ, какъ погружаешься въ воду.

48) Если желаешь, чтобы голосъ былъ хорошій, съѣшь кусочекъ восковой свѣчи.

49) Когда въ комнату влетитъ летучая мышь, то надо ожидать несчастья.

50) Несчастья надо ожидать и въ томъ случаѣ, когда упадетъ икона.

51) Чтобы узнать, мальчика или дѣвочку родитъ женщина, кладутъ на сундукъ ножъ и вилку и накрываютъ чернымъ платкомъ. Затѣмъ беременная садится на сундукъ: если она сядетъ на ножъ, то родитъ мальчика, если же сядетъ на вилку, то родитъ дѣвочку.

52) Слѣдуетъ всегда надѣвать лѣвый сапогъ раньше праваго, такъ какъ лучше сначала быть грѣшнымъ, а потомъ праведнымъ.

53) Если на кровать положишь аршинъ, то непременно умретъ то лицо, которое спитъ на этой кровати.

54) Женщинѣ ни чесать, ни мыть голову въ пятницу нельзя—грѣхъ.

55) Если въ понедѣльникъ начнешь шить, то долго не окончишь шитья, а если начнешь шить въ среду (особенно сорочку), то вши заведутся.

56) Когда надъ домомъ пролетитъ удохъ, то надо ожидать несчастья.

57) Сычъ, кричащій во дворѣ,—вѣрный вѣстникъ скорого несчастья. Его обыкновенно стараются, во что бы то ни стало, убить.

58) Рыболовы считаютъ большимъ грѣхомъ убивать зимою на морѣ орловъ.

59) Если отправляешься за какимъ-либо дѣломъ и встрѣтишь женщину, то ожидай неудачи.

60) Неудачи надо ожидать и въ томъ случаѣ, если, выйдя изъ дому, вернешься за чѣмъ-либо назадъ.

61) Въ понедѣльникъ нельзя надѣвать чистаго бѣлья: люди будутъ безъ всякой причины обвинять.

62) Если дѣвушка заплететъ косу, и у нея останется случайно немного незаплетенныхъ волосъ, то это означаетъ предстоящую дорогу.

63) Если курица запоетъ пѣтухомъ, то это предвѣщаетъ несчастіе. Для предотвращенія его, берутъ курицу за голову и ноги и измѣряютъ ею разстояніе отъ воротъ до порога: что ляжетъ на порогъ, то и отрубаютъ (т. е. хвостъ или голову).

64) Черезъ окно выливать или выбрасывать что-нибудь грѣхъ: на овиѣ ангелы сидятъ.

65) Ложась спать, надо рукою крестить всѣ окна: крестное знаменіе устрашаетъ какихъ-то существъ, которыя ночью и только черезъ окно проникаютъ въ дома, чтобы высасывать человѣческую кровь.

66) Не входи на кровать того, что начинаешь шить: непременно испортишь работу.

67) Заговоръ, предохраняющій отъ укушенія собакъ. „Крестъ до меня, а собаки отъ меня“.

68) Заговоръ, предохраняющій отъ укушенія собакъ. „Слѣпъ родился, кровью облился, не видѣлъ ты свѣта, не видь и меня. Какъ я сжалъ руки, такъ ты сожми зубы и губы и не кусай меня раба Божія (имя рекъ)“. Заговоръ этотъ надо читать, сжавши кулаки.

69) Женщина должна ожидать перваго ребенка такого пола, какого пола ребенка она въ первый разъ воспринимала, еще будучи дѣвушкой. Чтобы судить о полѣ каждаго слѣдующаго ребенка, надо смотрѣть на затылокъ его предшественника, и если на затылкѣ образуется изъ волосъ какъ бы маленькая косичка, то ожидаемый ребенокъ будетъ дѣвочка, если же косички не будетъ, то ожидать надо мальчика.

70) Тотъ человѣкъ непременно будетъ чадолюбивымъ, у котораго на затылкѣ черепная кость образуетъ небольшую шишку.

71) Если желаешь знать, исполнится ли задуманное желаніе, надо, ложась спать, сказать три раза слѣдующее: „Лежу я въ Сіонскихъ горахъ; у меня три ангела въ головахъ; одинъ стоитъ, другой глядитъ, третій правду говорить. Желаніе мое исполнится, если во снѣ я что-либо найду, куплю, или получу; если же потеряю, продамъ, или отдамъ, то желаніе не исполнится“.

72) Когда пропадетъ какая-либо вещь, то надо перевязать чѣмъ-нибудь ножку стола, и пропавшая вещь найдется.

73) Если хлѣбъ, находящійся въ закромѣ или лежащій еще въ снопахъ, мышь начинаетъ точить снизу, то хозяинъ хлѣба будетъ богатѣть, если же мышь будетъ портить хлѣбъ сверху, то хозяинъ сдѣлается бѣднякомъ.

74) Чтобы на бакшѣ было много огурцовъ, находятъ старый лапотъ и бросаютъ его на бакшу, гдѣ онъ и лежитъ въ продолженіе всего лѣта.

75) Будешь бить, если надѣнешь что-либо на изнанку.

76) Когда кошка ляжетъ на столъ, то въ домѣ надо ожидать скорой смерти кого-либо.

77) Когда идешь и ударисья локтемъ, то, значить, вспомнилъ любимый человѣкъ.

78) Если кто спотынется на правую ногу, то долженъ ожидать пріятной встрѣчи, на лѣвую—непріятной.

79) Свари черную кошку и пробуй зубами передъ зеркаломъ каждую кость: найдется такая, которая сдѣлаетъ тебя невидимымъ.

80) За обѣдомъ смѣяться и разговаривать грѣхъ.

81) Если вечеромъ молишься Богу и вдругъ замѣтишь, что лампа, стоящая позади, отбрасываетъ твою тѣнь въ углу подъ образами, то переставь лампу на другое мѣсто: на тѣнь молишься грѣхъ.

82) Въ комнатѣ нельзя свистать: скликаешь чертей, по мнѣнію однихъ, по мнѣнію другихъ, все просвиштишь (т. е. проживешься).

83) Нельзя ходить въ одномъ башмакѣ или сапогѣ: если ходишь въ лѣвомъ, то умретъ мать, въ правомъ—отецъ.

84) Нельзя на порогѣ садиться: будутъ безвинно обижать.

85) Будетъ несчастье, если поймашь ласточку.

86) Когда идешь въ судъ, то переступи порогъ своего дома правой ногой, чтобы дѣло твое было „правое“.

87) Чтобы выиграть на судѣ процессъ, въ желѣзной лавкѣ, не торгуясь, покушаютъ замокъ, замыкаютъ его и кладутъ въ карманъ. Съ замкомъ въ карманѣ отправляются въ судъ.

88) Когда на морѣ стихнетъ вѣтеръ, и опустившіеся паруса заставятъ судно или баркасъ остановиться, не слѣдуетъ ругать вѣтеръ, а то ругающаго раздуетъ, т. е. онъ вспухнетъ.

89) Когда рекрутъ идетъ въ присутствіе для освидѣтельствованія, онъ старается положить въ карманъ старинный рубль „крестовникъ“, въ полной увѣренности, что его не возьмутъ въ солдаты (перекрестятъ его фамилію).

90) Заговоръ, предохраняющій отъ укушенія гадюки. „На синемъ морѣ есть островъ; на островѣ груша; на той грушѣ гнѣздо, а въ томъ гнѣздѣ царица-гадиница. Царица гадиница, собери ты своихъ царицъ гадницъ—степовыхъ, полевыхъ, водяныхъ, гноевыхъ; единицу, двоиницу, третьяку,

четвертаку, пятаку, шестаку, семаку, восьмаку, девятку, десятку. Единица, выйми ты зубы-зубища, жало-жалище!“

91) Заговоръ, предохраняющій отъ укушенія гадюки. „На морѣ, на океанѣ, на островѣ на Буянѣ сидитъ царица гадиница; она сидитъ и говоритъ: я не укушу, а отверну свои гады—водяные, лѣсовые, степовые и всѣ гады подеоморные отъ раба Божія (имя рекъ)“.

92) Заговоръ, предохраняющій отъ вражеской пули. „Горбулевская Божія Матерь, защити меня своимъ непроницаемымъ покровомъ отъ огня, меча и пули! Учини порохъ водою, а пулю вѣтромъ! Спаси и защити раба Божія! Аминь“.

93) Заговоръ отъ вражескаго оружія и отъ враговъ. „Самъ Господь сходилъ съ небесъ, сносилъ тридевять ризъ и животворящій крестъ и укрывалъ тридевятью ризами и животворящимъ крестомъ раба Божія (имя рекъ) отъ искры ясной, отъ пули частой, отъ копья остраго, отъ тридевяти знатниковъ, отъ тридевяти еретниковъ, отъ враговъ, видимыхъ и невидимыхъ, чтобы рабу Божию (имя рекъ) за престоломъ стоять и непріателей побѣждать“.

94) Чешется правая бровь —блондинъ хвалить, лѣвая—брюнеть.

95) Если у кого срastутся брови, или на бородѣ образуется раздвоеніе, или кто боится щекотен, то этотъ человекъ ревнивый.

96) На ночь каждую кочергу кладутъ на полъ, потому что стоящія кочерги, по мнѣнію народа, „наши враги“.

97) Въ „критическій“ день нельзя начинать дѣла—не удастся.

98) Если нальешь стаканъ чаю и замѣтишь плавающій большой чайный листокъ, то надо ожидать гостя. Нѣкоторые

вѣрять въ то, что чайный листокъ означаетъ подарокъ, который долженъ получить пьющій чай изъ даннаго стакана.

99) Заговоръ, который читаютъ для того, чтобы люди хорошо относились. „Крестомъ крещусь, крестомъ защищусь, мѣсяцемъ огорожусь, солнцемъ освѣщусь, зорькою подпережусь (подпояшусь): для всего міра крещенаго, для раба Божія (имя режь) прибираюсь, отъ всѣхъ враговъ и супостатовъ спасаюсь“.

100) Кто родится на исходѣ мѣсяца, тотъ скоро состарится.

101) Если собаки грызутся свозь заборъ, то живущіе въ домѣ должны будутъ скоро его оставить (напримѣръ: перейдутъ на другую квартиру)

102) Ногами болтать нельзя — умереть кто-нибудь изъ родныхъ.

103) Надъ могилой покойника всегда надо ставить крестъ, такъ какъ иначе ему не за что будетъ взяться руками, когда онъ будетъ вставать во время Страшнаго суда.

104) Если у человѣка вошло въ привычку спать согнувшись, то окружающіе его твердо бывають убѣждены, что онъ никогда не будетъ богатъ.

105) Если кошка умывается, то будутъ гости и притомъ съ той стороны, куда направляется хвостъ кошки.

106) Если въ домъ влетитъ какая-либо птичка и сейчасъ же вылетитъ, то скоро кто-нибудь умретъ.

107) Передъ большимъ несчастіемъ комнатные цвѣты начинаютъ сильно цвѣсти.

108) Если перейдешь на новую квартиру и заметишь на стѣнахъ оставленныя иконы, то ожидай цѣлаго ряда неудачъ.

109) Средство для уничтоженія блохъ. Когда услышишь въ первый разъ весною кукушку, стань на одной правой ногѣ, а потомъ возьми изъ-подъ пятки этой ноги земли. Посыпавъ этою землею въ комнатѣ, можешь смѣло надѣяться, что блохи исчезнутъ.

110) Если столъ будешь вытирать бумагой, то въ домѣ будетъ ссора.

111) Когда бываетъ буря, брось въ печку освященной вербы: буря утихнетъ.

112) На Срѣтеніе Господне возьми изъ церкви восковую свѣчу и въ несчастныхъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, пожаръ, градъ, зажигай ее: несчастіе не коснется твоего дома.

113) Заговоръ, произносимый съ тою цѣлью, чтобы цыбуля (лукъ) не могла быть хорошей. „Расти, цыбуля, стеблемъ большая, какъ мышинный хвостъ, въ головки большая, какъ жабій глазъ“.

114) Нельзя ѣсть пищу, если ее будешь подносить ко рту на концѣ ножа: пропадетъ аппетитъ.

115) Когда кто-либо выѣзжаетъ въ дорогу, тогда льютъ подъ колеса экипажа воды, чтобы дорога была гладкая.

116) Если разобьется что-либо въ день крестинъ или именинъ, то это служить признакомъ счастья.

117) Игрокъ въ карты, желающій всегда имѣть успѣхъ, долженъ носить при себѣ старую монету.

118) Если въ церкви отпѣваютъ покойника, то до выноса его нельзя выходить изъ церкви, такъ какъ въ противномъ случаѣ самъ скоро умрешь.

119) Заговоръ, читающійся тогда, когда желаютъ истребить крысъ. Передъ Филипповскимъ постомъ, въ день заговѣнья, живущіе въ домѣ садятся за столъ и начинаютъ что-либо кушать, притомъ такъ, чтобы отъ пищи не осталось ни

дной крошки. Въ это самое время кто-нибудь изъ членовъ семьи обходить вокругъ усадьбы и нѣсколько разъ читаетъ „Отче нашъ“. Наконецъ, онъ подходитъ къ окну и спрашиваетъ у сидящихъ въ домѣ: „Заговѣлись?“ Тѣ отвѣчаютъ: „Заговѣлись“. „Всѣ поѣли?“ „Всѣ поѣли“. „И крысы сами себя поѣли“. Описанное повторяется три раза.

120) Заговоръ отъ оной лошади. „Когда жеребъ жереба приведетъ, тогда на моего коня оной нападетъ“.

121) Заговоръ отъ оной скотины. „Пейте, быки (лошади...), воду; эта вода іорданская; здѣсь не Самъ Іисусъ Христосъ купался, а со всѣми святыми“.

122) Заговоръ отъ оной лошади. „Первый—понедѣльникъ, другой—вторникъ, третья—среда; Богъ выше, чѣмъ вода: пейте, милыя лошадки, во святой часъ“.

123) Если у человѣка глазныя впадины глубоки, то онъ скоро умереть.

124) Тотъ будетъ богатъ, у кого длинный и ровный носъ.

125) Если ѣдутъ засѣвать хлѣбъ и встрѣтятъ женщину съ непокрытой головой, то возвращаются назадъ, потому что хлѣбъ, посѣянный послѣ этой встрѣчи, будетъ дурной.

126) Если ведутъ продавать лошадь или корову, то ей завязываютъ глаза платкомъ, который снимаютъ тогда, когда животное выведутъ со двора. Описанное, по мнѣнію народа, надо выполнять для того, чтобы продать животное за хорошую цѣну.

127) Чтобы свинья хорошо ѣла и дала много сала, надо на ея спинѣ вырѣзать щетину въ видѣ креста и замазать эту щетину въ стѣнку печки: тогда свинья будетъ толстая, какъ печь.

128) 1 мая женщины собирают траву „деревій“ и кладут её въ воду, которую потомъ пьютъ весь май, чтобы пополнить.

129) Если въ комнату лѣтомъ влетитъ жукъ съ большимъ рогомъ, то это считается признакомъ счастья.

130) Если кто боится мертвецовъ, то долженъ подержать мертвеца за ноги, и тогда страхъ въ мертвымъ навсегда исчезнетъ.

Преподаватель Майкопскаго реального
училища *М. Харламовъ.*

Г. Ейскъ.

1 марта 1900 г.

Свадьба въ станицѣ Ладожской, Кубанской области (сватаніе, сводъ, пропойки, сговоръ, вѣнчаніе, дары и коровай).

Самое большое количество браковъ въ станицѣ Ладожской приходится на осенніе мѣсяцы, въ промежутокъ между Успенскимъ и Филипповскимъ постами. Парни намѣчаютъ себѣ невѣсть во время „улицы“. Улица состоитъ въ томъ, что дѣвушки и парни собираются въ праздничные дни на площадь или поляну и тамъ поютъ пѣсни, лакомятся подсолнечными сѣмечками и перебрасываются шутками. Парень, намѣтившій себѣ невѣсту, совѣтуется съ своими родителями, и если сдѣланный выборъ одобряется, то родители отправляютъ въ домъ намѣченной сыномъ невѣсты сватовъ.

С В А Т А Н І Е.

Въ сваты обыкновенно выбираютъ кого-либо изъ родственниковъ, пожилыхъ людей, но непременно такихъ, которые бы вполне подходили къ той роли, для которой ихъ выбираютъ, т.-е. они должны быть вполне находчивы, расторопны, рѣчисты, такъ какъ въ дѣлѣ сватовства удача подчасъ всецѣло зависитъ отъ сватовъ. Если такихъ родственниковъ не находится, то родители жениха приглашаютъ постороннихъ, уже извѣстныхъ своею ловкостью и расторопностью. Сватовъ бываетъ два, иногда три.

Въ назначенный день сваты, какъ только стемнѣетъ, отправляются къ дому невѣсты, стучать палкой въ ставень

и говорятъ: „Дозвольте прохожимъ войти обогрѣться“ *). Родители невѣсты по этимъ словамъ узнаютъ о приходѣ сватовъ и идутъ ихъ встрѣчать, невѣста же немедленно прячется въ другую горницу или въ поддѣлѣть.

Въ первое свое посѣщеніе сваты приходятъ съ пустыми руками; войдя въ горницу, они молятся на образа и затѣмъ, приглашенные хозяевами, садятся на лавкахъ и начинаютъ разговоръ о совершенно постороннихъ предметахъ; сдѣлавши, по ихъ мнѣнію, достаточное предисловіе, сваты переходятъ къ самому дѣлу и обыкновенно начинаютъ такъ: „У васъ товаръ, а у насъ купецъ...“

Какъ бы ни были польщены родители сватовствомъ ихъ дочери, они никогда не выразятъ своего удовольствія и не дадутъ сразу своего согласія, а обыкновенно отвѣчаютъ, что еще не думали о выдачѣ замужъ своей дочери и что имъ надо хорошенько подумать, посоветоваться и переговорить съ нею, и приглашаютъ сватовъ притти дня черезъ два. Если же женихъ, сватающій ихъ дочь, по ихъ мнѣнію, не подходящий, то отвѣчаютъ, что ихъ дочь еще молода и они не думаютъ пока выдавать ее замужъ, и тогда сватовство разстраивается. Въ этомъ случаѣ, сваты, уходя изъ дому, стараются потихоньку взять что-нибудь изъ горницы: или вѣникъ, или полотенце, и если имъ это удастся, то, по народному повѣрью, бракъ во что бы то ни стало долженъ состояться.

Въ первый же приходъ сватовъ, когда родители не отказываютъ, сваты, если только имъ невѣста неизвѣстна, выражаютъ желаніе видѣть ее; родители вызываютъ дочь, сваты ее оглядываютъ и разговариваютъ съ нею, чтобы убѣдить-

*) Въ старину обыкновенно сваты начинали молитвою: „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій“, а изъ дома отвѣчали: „Аминь“, и выходили встрѣчать сватовъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ и теперь придерживаются этого обычая.

ся, что у невесты нѣтъ никакихъ пороговъ. Послѣ осмотра сваты уходятъ и въ назначенный день снова являются, какъ и въ первое свое посѣщеніе, безъ всякаго угощенія, продолжаютъ переговоры о сватовствѣ, и на этотъ разъ родители невесты разрѣшаютъ сватамъ въ слѣдующій приходъ привести жениха; другими словами, они выражаютъ этимъ окончательное согласіе выдать свою дочь замужъ.

С В О Д Ъ.

Отецъ жениха, узнавъ о согласіи, собираетъ свою близкую родню и въ назначенное время вечеромъ отправляется съ роднею, женихомъ и сватами въ домъ невесты, захвативъ съ собою четверть или полведра водки и хлѣбъ,—на сводѣ большого угощенія не бываетъ (мать жениха во все время свадьбы не появляется въ домѣ невесты). Ко времени ихъ прихода у невесты собираются и ея близкіе родственники. Собранныя гости размѣщаются такъ: невестина родня занимаетъ мѣста на лавкахъ, а женихова родня, изъ уваженія къ родителямъ невесты, остается на ногахъ у дверей весь вечеръ; этотъ порядокъ соблюдается и на всѣхъ слѣдующихъ свадебныхъ собраніяхъ до вѣнчанія. Когда всѣ соберутся, вызываютъ невесту и спрашиваютъ сначала у жениха, согласенъ ли онъ жениться на выбранной дѣвушкѣ; женихъ отвѣчаетъ: „Если бы не правилась, не сватался бы“. Невѣста въ это время плачетъ, хотя бы пла и по желанію; потомъ спрашиваютъ согласія невесты; невеста отвѣчаетъ своимъ родителямъ: „Изъ вашей воли не выхожу: какъ вы, такъ и я“.

Получивъ согласіе жениха и невесты, родители заставляютъ ихъ поцѣловаться,—это и есть главный моментъ свода, и съ этого времени они открыто признаются женихомъ и невестою.

Послѣ свода женихъ получаетъ законное право всѣ ночи до вѣнчанія проводить у невесты и спать съ нею на од-

ной кровати; въ той же горницѣ ночуютъ двѣ или три подружки невѣсты, чтобы оградить её отъ дурныхъ нареканій.

Невѣста послѣ свода гуляетъ по праздникамъ съ подругами не иначе, какъ въ вѣнокъ изъ цвѣтовъ или въ шелковомъ платкѣ, по ея желанію. Цвѣты или платокъ должны быть непременно подарены женихомъ; подарокъ этотъ стоитъ два или три рубля. Тотъ же вѣнокъ или платокъ, въ которомъ невѣста гуляетъ, украшаетъ ей голову и въ день вѣнчанія. Волосы у невѣсты послѣ свода чешутся тоже особеннымъ образомъ: на видъ волосы кажутся совершенно распущенными, посрединѣ же идетъ тоненькая коска, не толще бечевки; въ эту коску вплетаются только концы волосъ, и такая прическа носить названіе *отъ расплетъ*. Въ конецъ косы вплетается много разноцвѣтныхъ длинныхъ лентъ (тоже подарокъ жениха); концы лентъ украшаютъ также и вѣнокъ. Это убираніе головы невѣсты совершаетъ предъ гуляньемъ какая-нибудь подруга; невѣста всякій разъ плачетъ, особенно, если она сирота, и по окончаніи убора каждый разъ кланяется въ ноги убиравшей и приговариваетъ: „Спасибо тебѣ, подруженька, что заплела мнѣ русу косыньку“. (Редакція этой благодарности не мѣняется и въ томъ случаѣ, если коса не русая.)

Во время прогулокъ невѣсты дѣвушки обыкновенно поютъ пѣсни, невѣста же послѣ свода уже лишается права пѣть. Особыхъ свадебныхъ пѣсень во время гулянья по станицѣ не поютъ, а поютъ, какая придетъ въ голову, напр.:

1.

По рѣченькѣ по Волженькѣ
Рой плыветь, рой плыветь,
Ой дѣли о-ли ой дѣли, дѣли, дѣли о-ли ой дѣли,
Рой плыветь, рой плыветь.
Шли дѣвки-подруженьки

Рой выимать, рой выимать,
Ой лёли о-ли ой лёли, лёли, лёли о-ли ой лёли,
Рой выимать, рой выимать.

2.

Во полѣ криниченька ладна,
У казаченьки бабеночка гарна,
Гарна, гарна да ще черноброва.
Спородила мать на свѣтѣ жити;
Проводила жена мужа за Кавказъ служить
Дай сказала: не буду тужити.
— Я не тужу, бабочка, не плачу,
За слезами дорожки не бачу,
За рыданьемъ слова не промолвлю.—
— „Выйду, выйду на ново крылечко,
Гляну, гляну, гдѣ солнышко всходитъ;
Тамъ мой милый по границѣ ходитъ,
По границѣ ходитъ, полковничка проситъ:
Полковничекъ молодой, пускай меня изъ полка домой!
Есть у меня жена молодая,
Спокинулъ я ее на парня удалого“.—

3.

Сидѣла бѣ я, дѣвушка,
Ровно двадцать лѣтъ,
Любила бѣ молодчика
Семнадцати лѣтъ,
Такого хорошаго,
Что и въ свѣтѣ нѣтъ.
Пригожъ же мой милый другъ,
Хорошъ на совѣтъ.
Какъ пришлось съ миленькимъ
Разставаньице,—

Не миль мнѣ и бѣлый свѣтъ!
Замужъ не пойду;
Сяду подъ овошечко,
Подъ хрустальное,
Не идетъ ли миленькій,
Не несетъ ли цвѣтъ.

4.

Казакъ дѣвкѣ говорить:
— Чѣмъ тебя мнѣ подарить?
Подарю я черевички,
Черевички-невелички;
Еще дѣвкѣ подарю
На два платья миткалю.—
— „Миткаль—розовый цвѣтъ—
Мнѣ не нравится надѣтъ.
Какъ возьму дружка за ручку,
Все отрадой назову:
Какъ поѣдемъ мы, отрада,
На Ладѡвски хутора;
Да тамъ улица широка
И водою полита,
И водою полита,
Чоботами прибита“.—

5.

*) Послѣдній часъ разлуки
Съ тобой, мой дорогой,
Не вижу кромѣ скуки
Утѣхи никакой!
Одно ль мнѣ утѣшенье,—
Миль плакать не велѣтъ.

*) Очевидно, эта пѣсня заносная.

Гуляла я въ садочку,
Гуляла въ зеленомъ,
Искала тѣ слѣдочки,
Гдѣ съ милымъ шла вдвоемъ,
Садилась подъ кусточкомъ,
На зеленой травѣ.
Сидѣли двѣ голубки
На яблонѣ въ саду;
Одна изъ нихъ вспорхнула
На бѣлу грудь мою,
А я млада вздохнула
По миленькомъ дружкѣ:
А гдѣ жъ моя отрада,
Сережа пастушокъ,
Когда ходилъ отъ стада
Ко мнѣ на бережокъ,
Садился со мной рядомъ,
Игралъ со мной въ рожокъ,
И сладко цѣловался
Со мною мой дружокъ...
Разлука ты, разлука,
Чужая сторона!
Никто насъ не разлучить:
Ни солнце, ни луна.
На что намъ разлучаться?
На что въ разлукѣ жить?
Не лучше ль обвѣнчаться,
Любовью дорожить?..

П Р О П О Й К И.

Пропойки бывають вслѣдъ за сводомъ, иногда въ тотъ же самый день. На пропойки приглашается вся родня жениха и невѣсты.

Какъ со стороны родителей жениха, такъ и со стороны родителей невесты къ этому дню готовится много разнообразнаго кушанья, водка же всегда доставляется отцомъ жениха въ количествѣ 2-3 ведеръ.

На пропойкахъ въ первый разъ запѣваютъ замужнія женщины, родственницы жениха. Пѣніе это начинается при входѣ въ домъ невесты, и поется слѣдующая пѣсня, обращенная къ родителямъ невесты:

Пойду я вдоль по улицѣ,
Два двора да минуючи,
А въ третій послушаю,
Что люди говорять,
Что люди говорять,—
Моего батюшку брѣнать:
Пьяница да пропойца
То Аннинъ батюшка,—
Пропилъ Аннушку (имя невесты)
За винную чару,
За медовый стаканчикъ,
За сахарный вусочекъ *)...

На пропойкахъ родители жениха и невесты и сваты рѣшajúть, когда назначить день вѣнчанія, сколько отецъ жениха долженъ къ вѣнчанію и сговору поставить водки и сколько женихъ долженъ дать денегъ невестѣ на приданое; сумма эта не опредѣлена; она зависитъ отъ богатства жениха: даютъ 5, 10 рублей, даютъ и 25 руб. Если вѣнчаніе откладывается послѣ пропоекъ на долгій срокъ, напр., на два или полтора мѣсяца, то въ этотъ промежутокъ иногда женихова родня является въ гости къ родителямъ невесты, но обыкновенно вѣнчаніе назначается черезъ двѣ или полторы недѣли послѣ

*) Сравни. „Сборн. матер. для описан. мѣстн. и плем. Кавказа“. Вып. XV, стр. 229. *Ред.*

пропоеетъ, и гости до сговора не являются (сговоръ бываетъ наканунѣ вѣнчанія).

На пропойкахъ женихъ и невѣста не сидятъ въ общей горницѣ, а веселятся отдѣльно на другой половинѣ; если же въ домѣ не окажется отдѣльной горницы, то занимаютъ на это время у ближайшихъ сосѣдей домъ.

Женихъ обыкновенно является съ лавомствами для невѣсты и водкою для дѣвушекъ и парней; жениха сопровождаютъ друзья (непремѣнно женатый пожилой человѣкъ изъ невѣстиной родни) и парни, а невѣста окружена подругами, изъ которыхъ одна называется старшею дружкой, а другая—поддружкой. Обыкновенно роль старшей дружки исполняетъ незамужняя сестра жениха; если же таковой нѣтъ, то близкая подруга невѣсты, по выбору послѣдней. На пропойкахъ же выбираются сваха, подсвашка и дядька; сваху выбираютъ родители невѣсты изъ жениховой родни, а подсвашку изъ своей (если есть,—сестру); обѣ выбранныя должны быть пожилыя замужнія женщины; дядька выбирается изъ жениховой родни и долженъ быть тоже пожилой человѣкъ.

Время проходитъ у жениха и невѣсты въ угощаніи лавомствами, въ питьѣ водки и играхъ въ обществѣ друзей, дружка, дѣвушекъ и парней. Наиболее употребительна игра „въ короля“. Игра эта состоитъ въ слѣдующемъ: кака-нибудь дѣвушка или парень подходитъ къ столу, кладетъ руку на столъ внизъ ладонью и говоритъ: „Давайте играть въ короля!“ Тогда подходятъ всѣ парни и дѣвушки и кладутъ по очереди правыя руки одну на другую; послѣ этого первый, положившій свою руку на столъ, вынимаетъ ее и кладетъ сверху, говоря: разъ; за нимъ—слѣдующій, говоря: два, и такъ далѣе до десяти; слѣдующая за десятой кладется со словомъ *нижникъ*, затѣмъ,—*вышникъ*, потомъ,—*короля* и, наконецъ,—*король*. Какъ скажутъ слово *король*, всѣ садятся вокругъ стола на лавкахъ и начинаютъ спрашивать по оче-

реди у вышедшаго королемъ: „Король, король, я тебѣ слуга!“ „Что ты мнѣ за слуга?“ спрашиваетъ король. — „Что заставишь, то и буду дѣлать“. — „Поцѣлуй такого-то парня или такую-то дѣвушку“ (называетъ имя), смотря по тому, кто спрашиваетъ. Приказаніе короля исполняется безпресловенно, но при этомъ дѣвушки и парни входятъ раньше въ сдѣлку съ королемъ относительно назначенія лица, которое желательно поцѣловать.

На пропойкахъ веселятся не въ одномъ только домѣ невѣсты, а ходятъ пить водку и закусывать и въ домъ жениха, иногда даже до трехъ разъ въ продолженіе ночи; это называется „смотреть стѣны“. Во время этихъ козденій всей родни жениха и невѣсты очень много пьютъ водки, женихъ же и невѣста съ своей компаніей не участвуютъ въ этихъ пропойкахъ.

Пропойки тянутся иногда до самаго утра, пока не будетъ выпита вся водка и поѣдена вся закуска, заготовленная родителями жениха и невѣсты. Въ промежутокъ между пропойками и сговоромъ невѣста усиленно пьетъ себѣ приданое въ обществѣ подругъ, а женихъ каждый вечеръ приходитъ навѣщать невѣсту въ обществѣ парней и приносить всякій разъ съ собою лакомства для невѣсты: конфеты, пряники, орѣхи, а невѣста, съ своей стороны, одѣляетъ его въ изобиліи подсолнечными сѣмечками.

Время отъ пропойекъ до сговора самое тяжелое въ матеріальномъ отношеніи для матери невѣсты: она каждый день должна заготавливать въ огромномъ количествѣ кушанья для угощенія всѣхъ пришедшихъ.

С Г О В О Р Ъ.

Къ сговору тоже оповѣщаютъ всю родню: со стороны жениха приглашаютъ дружка и дядьку, а со стороны невѣсты

свашку и старшую дружку. Въ сумерки веѣ являются въ въ домъ невѣсты и начинаютъ пировать; въ это время всѣ дѣвушки, подруги невѣсты, во главѣ съ старшей дружкой и подружкой, идутъ въ жениху *вечеритъ* (ужинать); тамъ ихъ встрѣчаетъ женихъ, молодые парни и дружко. Идя въ домъ жениха, дѣвушки поютъ слѣдующую пѣсню:

Я въ высокомъ теремѣ сижу,
Я далеко въ путь зарею слышу,—
Ой дѣли о-ли, ой дѣли,—зарею слышу,
Какъ Ванюша Анну влечетъ:
Пойдемъ, Аннуска, со мной,—
Ой дѣли о-ли, ой дѣли...
А у меня подворье широкое,
А у меня хоромы высокіе,
А у меня коровати широкія,
Перины пуховыя, одѣяла шелковыя *).

Послѣ ужина дѣвушки возвращаются въ невѣстѣ, которая ихъ встрѣчаетъ слѣдующей фразой: „Милныя мои подруженьки, расскажите мнѣ, хорошо ли васъ тамъ *приютили?*“ Дѣвушки хвалятъ оказанный имъ въ домѣ жениха пріемъ. Вскорѣ за ними приходитъ и женихъ съ своими товарищами, приносятъ угощеніе, и начинается веселье у невѣсты: какъ и на пропойкахъ, играютъ въ короля и, кромѣ того, пляшутъ и *обыгрываютъ* всѣхъ присутствующихъ мужчинъ.

Обыгрываніе состоитъ въ томъ, что дѣвушки поютъ кому-нибудь изъ присутствующихъ пѣсню, за что тотъ долженъ имъ подарить денегъ (5 или 10 к.). Когда кончится веселье, дѣвушки дѣлятъ между собою собранныя отъ обыгрыванія деньги, но дѣлятъ не поровну: старшая дружка и подружка получаютъ больше. На обыгрываніи поются слѣдующія пѣсни:

*) Сравни „Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“. Вып. XV, стр. 37. *Ред.*

1.

Какъ у насъ было диво,
Дивованьце большое, —
Ой лёли, ой лёли, лёли, лёли да лёли:
Середь лёта, Петрова дня,
Сине море замерзало, —
Ой лёли, ой лёли, лёли...
Сине море замерзало,
Снѣгами западало,
Метелями заносило,
Желтымъ пескомъ заметало.
Тамъ Иванушка гуляетъ (имя жениха),
Бѣлы снѣги растищаетъ,
Прорубочьи прорубаетъ,
Шолковъ неводъ завидаетъ, —
Хочетъ рыбку ловить
И Аннушку накормить (имя невесты).
А Аннушка молодая
По новѣмъ сѣнямъ гуляла,
Въ рукахъ палочки носила,
Три узора вышивала,
Три узора мудреные:
Первый узоръ она шила —
Ясно солнце со лучами,
Второй узоръ она шила —
Свѣтель мѣсяцъ со звѣздами,
Третій узоръ она шила —
Вечернюю зорю со росюю.
Ясно солнце со лучами —
Иванушка съ сыновьями;
Свѣтель мѣсяцъ со звѣздами —

То Аннушка съ дочерями,
А что свѣтлый-то денечекъ —
То Иванушкинъ сыночекъ,
А что темная-то ночка—
То Аннушкина дочка.

2.

Сидятъ Петреюшка съ Домнушкой
И цѣлуются, и милуются,—
Ой лѣли, ой лѣли, лѣли, лѣли да лели,—
И по отчеству называются:
—Ахъ, ты, другъ, ты мой, ты, Петреюшка,—
Ой лѣли, ой лѣли, лѣли, лѣли да лѣли,—
Охъ, надѣжа ты мой, Васильевичъ!—
—„Я хочу тебя, другъ, да спокинути,
Другъ спокинути, прочь отъѣхать,
Во иной городъ, воеводою быть.
Ахъ, иди жъ ты ко мнѣ воеводшему;
Будемъ судъ судить все по правиламъ:
Мы и съ праваго возьмемъ сто рублей.
Съ виноватаго возьмемъ тысячу“.—

3.

Какъ по погребу боченочекъ катается,
Васильюшка надъ женою величается,—
То-то лѣли, то-то лѣли, то-то лѣлюшки мои!
Охъ ты, женушка, ты сустрѣнь меня!
Я и рада бъ сустрѣть, да не знаю, кто зоветъ.
То-то лѣли, то-то лѣли...
Ахъ, и чтобы мнѣ къ сусѣдамъ пойти,
У сусѣдей спросить, какъ тебя зовутъ;
А сусѣди мнѣ скажутъ, что Петровичемъ.
А я ноженьку разую,—Васильюшкой назову,

А я другую-то разую,—Петровичемъ назову.
Ахъ, и билъ онъ меня всего часочекъ,
А проплакалъ увсею недѣлю;
Онъ выплакалъ очи за четыре ночи,—
Показались ему ночи за четыре года*).

4.

Стояла сосенушка
На горѣ противъ солнышка, —
Ой лёли о-ли, ой лёли, лёли, о-ли ой лёли,—
На горѣ противъ солнышка,
На горѣ противъ яснаго,—
Ой лёли о-ли, ой лёли, лёли, о-ли ой лёли,—
Подъ тою сосенушкою
Коровать тесовая;
На той короватушеѣ
Перины пуховыя,
Перины пуховыя,
Одѣяла шелёковыя;
Подъ тѣми одѣялами
Лежить добрый молодець,
Добрый молодець, отецкій сынъ,
Сергѣюшка-то Ивановичъ.
Приходятъ ко Сергѣюшкѣ
Къ Ивановичу слуги вѣрные,
Слуги вѣрные да примѣрные,
Да двѣ дѣвушки красныя:
—Уставай же ты, Сергѣюшка,
Уставай же ты, Ивановичъ!
Оглянь ты синё море,
Тамъ корабликъ плаваетъ

*) Сравни. „Сборн. матер. для опис. мѣстн. и пл. Кавказа“. Вып. VI, стр. 82. *Ред.*

И съ шолкомъ, и съ серебромъ.—
А корабликъ качается,
А Сергѣюшка величается.

5.

Изъ-подъ камушка
Изъ-подъ бѣлаго
Спротекала вода,
Вода чистая, —

То-то лёли, то-то лёли, лёли, лёлюшки мои!

Вода чистая
И рѣчистая,
И холодная,
И студеная.

То-то лёли, то-то лёли, лёли...

Тамъ Филиппушка
Коня поилъ,
Тамъ Григорьевичъ—
Коня вѣрона.
Ахъ, Лукерьюшка
Тамъ водицу брала,
Ефимовна воду чистую,
Воду чистую
И рѣчистую,
И холодную,
И студеную.
И тамъ они повидалися,
И ручками обымалися,
И устами цѣловалися.
Какъ увидѣла матушка
Со високаго терема:
— Ты, дитя жъ мое, дитятко,
Чадо мое спороженное!

Гдѣ была ты, забиралася
И съ вѣмъ долго застоялася?
— Не мутуй *), моя матушка,
Не мутуй, моя милая!
Налетѣли гуси-лебеди,
Помутили воду чистую...
— Не мутуй, мое дитяtko,
Не мутуй, чадо милое!
Покажи-ка руку правую,
Покажи-ка золотъ перстень;
Чей у тебя позолоченный?—
— Филиппушевиъ золотъ перстень,
Григорьевича позолоченный.—

6.

По терему Марьюшка гуляла,
Съ кармана орѣшки шелкала,
Шелушечки въ окошечко бросала,
Въ Алексѣевы вудерцы попала.
Алеша-дружочекъ оглянулся,
Оглянулся дружочекъ, усмѣхнулся:
— Ужъ я тебѣ, Марьюшка, припомню!
— Ой, Алешенька, не припомнишь,
Позабудешь сказать-разсказать!—
— Ой припомню, Марьюшка, припомню
На своемъ широкомъ подворью,
На своей тесовой коровати,
На своихъ пуховыхъ перинахъ,
Подъ своимъ шелковымъ одѣяломъ. **)—

*) Не сердись.

***) Сравни. „Сборн. матер. для опис. мѣстн. и пл. Кавказа“. Вып. XV, стр. 43. *Ред.*

7.

Иванушка вы́зжалъ, вы́зжалъ,
Аннушку выеликалъ, выеликалъ:
— Аннушка, выйди къ намъ, выйди къ намъ!
Прохоровна, выйди къ намъ, выйди къ намъ!—
— „Семь червонцевъ положи, положи!“—
— А ты, Аннушка, отдари, отдари,
Шолковъ платокъ положи, положи!—*)

8.

Какъ во нашемъ во садочкѣ,
Какъ во нашемъ во зеленомъ,
Пташечки поютъ;
И родители здѣсь наши,
И пріятели здѣсь наши
Водочку всѣ пьютъ.
Ахъ, Дарьюшка наливаєтъ,
Васильевна наливаєтъ,—
На здоровье, на здоровье, на здоровьице ему!
— „Григорьюшка, отдари, Ивановичъ, отдари,
Семь червонцевъ положи!“—

Изъ послѣднихъ двухъ пѣсенъ каждая служить какъ бы пригѣвомъ къ раньше пропѣтой пѣснѣ. На сговорахъ, какъ и на пропойкахъ, женихова родня водить въ домъ жениха всю родню невѣсты „смотри́тъ стѣны“; ходять раза три и въ послѣдній разъ тамъ уже и остаются до утра. Послѣ того, какъ всѣ уходятъ въ третій разъ, невѣста и женихъ съ своей компаніей переходять въ ту горницу, гдѣ пировали ушедшіе,—тамъ ужинаютъ и остаются веселиться до утра, т.-е.

*) Ср. „Сборникъ матеріаловъ для опис. мѣстн. в пл. Кавказа“. Вып. VI, стр. 76. Ред.

до возвращенія отца и матери невѣсты изъ женихова дома; тогда всѣ расходится, кромѣ подругъ невѣсты.

Въ день сговора бабы и дѣвушки дѣлають коровай, который заготавливается для угощенія послѣ вѣнчанія. Когда ставятъ опару на коровай, поютъ слѣдующую пѣсню:

Пшеничная опара
На припечку стояла,
Шептала, говорила,
Что быть короваю.

А когда коровай мѣсятъ, то поютъ слѣдующія пѣсни:

1.

Отъ недѣли до недѣли година
Собиралась Аннушкина рѣдина,
Свозили по пуду муки на коровай.
Слава Богу, нашъ пшеничный коровай!
Отъ недѣли до недѣли година
Собиралась Аннушкина рѣдина,
Свозили по пуду соли на коровай.
Слава Богу, нашъ соленый коровай!
Отъ недѣли до недѣли година
Собиралась Аннушкина рѣдина,
Свозили по пуду масла на коровай.
Слава Богу, нашъ скромный коровай!

2.

Аннушкинъ батюшка
По улицамъ ходитъ,
Въ рукахъ шапку носитъ,
Сусѣдушекъ проситъ:
— „Сусѣдушка мой,

Сходитесь ко мнѣ,
Къ моему дитятѣ,
Къ моему родному,
Коровай валять,
Сыромъ посыпать,
Масломъ поливать“.—

Предъ тѣмъ какъ коровай вдвигать въ печь, сваха рѣжетъ тоненькую восковую свѣчку на четыре равныя части и втыкаетъ ихъ въ средину коровай; затѣмъ эти свѣчечки зажигаетъ; по одной свѣчѣ угадываютъ продолжительность жизни жениха, по другой—невѣсты, по третьей—свахи, по четвертой—дружка: чья свѣча потухнетъ раньше, тотъ раньше умретъ; свѣчи помѣчаютъ, чтобы не было потомъ спора между загадывающими. Вдвинувъ коровай въ печь, сваха приговариваетъ:

Нашъ коровай да и въ печку пошелъ,
Нашъ яровой да себѣ мѣсто нашелъ,
Мѣсто нашелъ, себѣ ножки пожегъ..

Пекутъ обыкновенно два коровай: одинъ большой, для раздачи на другой день послѣ вѣнчанія во время обмѣна дарами, а другой, поменьше, готовится исключительно для угощенія подругъ невѣсты, и его ѣдятъ также на другой день послѣ вѣнчанія, но вечеромъ.

Коровай имѣетъ форму круглую и весь изукрашенъ завитками изъ нарѣзаннаго тѣста. Испеченный коровай, тотъ, который предназначается для раздачи на дарахъ, кладутъ въ широкую каменную миску, только что купленную; на дно миски сыплютъ хмель, кладутъ пару деревянныхъ ложекъ, связанныхъ вмѣстѣ красной лентой, зеркальце и гребешокъ; затѣмъ миска съ короваемъ увязывается въ платокъ и ставится до вѣнчанія въ святой уголъ.

Одновременно съ тѣмъ, какъ у невѣсты готовятъ коровай, въ домѣ жениха тоже дѣлаютъ тѣсто, изъ котораго

пекутъ колачъ. Колачъ плетутъ изъ четырехъ нарѣзанныхъ полосокъ тѣста, въ видѣ косы, а потомъ обводятъ еще вокругъ двумя валиками изъ тѣста; длина колача должна быть такова, какова ширина стола. Выпеченный колачъ ставятъ на столъ въ день вѣнчанія и до возвращенія молодыхъ изъ церкви его не ѣдятъ. Кромѣ колача, еще устраиваютъ „гильце“. Дѣлаютъ его такимъ образомъ: берутъ небольшое дерево, не выше $\frac{3}{4}$ аршина, но чтобы оно было вѣтвистое, и изъ тѣста, которое готовится для колача, рѣжутъ тонко раскатанныя узкія полоски, нарѣзанныя съ одной стороны въ видѣ бахромы; этими полосками увиваютъ всѣ вѣтви дерева и его стволъ, затѣмъ осторожно бокомъ вдвигаютъ въ печь. Это „гильце“, когда оно уже готово, втыкаютъ въ средину колача и увѣшиваютъ конфетами. Обычай устраивать „гильце“ теперь уже почти вышелъ изъ употребленія у казаковъ, и его замѣщаетъ вѣтвь самодѣльныхъ бумажныхъ цвѣтовъ.

ВѢНЧАНІЕ.

Утромъ въ день вѣнчанія невѣста выходитъ на крыльцо „голосить“, и чѣмъ громче невѣста голоситъ и жалобнѣе причитаетъ, тѣмъ она больше заслуживаетъ похвалъ и уваженія сосѣдей. Когда она, по мнѣнію подругъ, достаточно заплачется, ее вводятъ въ горницу и успокаиваютъ, а невѣста всѣхъ подругъ по очереди обнимаетъ и продолжаетъ причитать, пока не обнимется съ каждой, а дѣвушки въ это время ей поютъ пѣсни, такія, напримѣръ:

1.

Зиму и лѣто сосѣнушка зелена,
Всю недѣлю Аннушка весела,

Весела-веселѣхонька ходила,
Въ субботу русу косу чесала,
Въ воскресный день къ вѣнчанію шла, плакала:
— „Жаль мнѣ тебя, родной батюшка,
Жаль мнѣ тебя,—оставаются у тебя
Мои всѣ цвѣтики аленькіе:
Рута, мята, пахучіе васильки...
Уставай же ты, родной батенька, раненько,
Поливай мои цвѣтики частенько,
Утреннюю и вечернюю зарею горячею слезою *).—

2.

У насъ нынче рано
Сине море грало,
Дѣвка потопала,
Ручки подавала;
А въ рубахъ шириньи,
Не шиты, не мыты,
Не катаны, не латаны,
Суровы, не бѣлены.
— „А кто меня вынетъ
Изъ синяго моря,
За того замужъ пойду“.—
Кидался, бросался
Старый, бородатый,
Онъ вѣкъ не женатый.
— „Ключомъ на дно пойду,
За стараго замужъ не пойду“.—
У насъ нынче рано
Сине море грало,

*) Ср. „Сборникъ матеріаловъ для опис. мѣстн. и пл. Кавказа“.
Вып. XV, стр. 54—55. Ред.

Дѣвка потопала,
Ручки подавала.
А въ рукахъ ширинки,
И шиты, и мыты,
И катаны, и латаны,
Не суровы, побѣлены.
— „А кто меня вынетъ
Изъ синяго моря,
За того замужъ пойду“. —
Кидался, бросался
Молодой Ивана,
Холость-неженатый.
— „Перомъ наверхъ пойду,
За Ивана замужъ выйду“. —*)

3.

Гѣлушка по саду летала;
Она вишенъ крылышкомъ сбивала.
Не жаль же мнѣ вишеня во саду,
А жаль же мнѣ чернаго крылышка,
Да того ли правільнаго перышка.
А и Аннушка по терему ходила,
Золотою цѣпочкою звонила,
Родимаго батюшку будила:
— „Уставай же ты, батюшка родимый,
Открой же ты овощечко, глянь на дворъ:
У насъ на дворѣ много князей и бояръ.
Глянь на дворъ: чи хорошъ, чи пригожъ
Мой суженый середъ нихъ?“ —

*) Ср. „Сборникъ матеріаловъ для опис. мѣстн. и пл. Кавказа.“
Вып. XV, стр. 41. Печатаемый теперь вариантъ пѣсни отличается го-
раздо большей полнотой и законченностью.

— Хорошь, мое дитятко,—лучше всѣхъ.—

Если невѣста сирота, то она утромъ въ день вѣнчанія идетъ съ подругами на кладбище простаться съ умершими родителями; идутъ съ водкой и хлѣбомъ; дорогою дѣвушки поютъ пѣсни, напр., такія:

1.

Зеленая ты дубравушка!
Чему у тебя сушья много,
Зеленаго да ни ѣднаго?
Только одинъ дубъ зеленый,
Да и тотъ безъ верхушки,—
Верхушку буря сломила,
Буря сломила, изъ кореня засушило.
Ты, красная Аннушка!
Чему у тебя роду много,
А родного да ни ѣднаго?
Только одинъ родной батюшка,
А матушка на томъ свѣтѣ,
Стоить передъ Господомъ,
Навкрестъ ручки держать;
Она Господа-Бога просить:
— „Ой, Господи! спусти Ты меня,
Спусти меня съ неба на землю!
Хоть я на свою чаду погляжуся,
Какъ моя чада снаряжена
И на посадь посажена“.

2.

Внизъ по Дунайку, по бережочку,
Тамъ Аннушка чары мыла;

Помывши чары, попускала;
Попускавши, приговаривала:
— „Плывите, чары, вслѣдъ за водою,
А я за вами сама скоро буду
Къ Божьему суду — къ вѣнчаньцу;
Я буду вѣнчаться и обручаться*).

Придя на кладбище, невѣста голосить на могилѣ съ причитаніями; дѣвушки тоже плачутъ, потомъ поливають водкою могилу и посыпаютъ нарѣзаннымъ хлѣбомъ. Съ кладбища также идутъ съ пѣніемъ, и поются тѣ же пѣсни. Придя домой, невѣста готовится къ приходу женихова дружка за дарами. Невѣста обязана къ вѣнчанію подарить жениху все нижнее бѣлье, сработанное ея руками; въ свою очередь, и женихъ присылаетъ въ день вѣнчанія черезъ дружка свои подарки: матеріи на платье, платокъ, ботинки съ калошами и мыло. Послѣ обмѣна подарками, невѣсту начинаютъ убирать къ вѣнцу; убираютъ ее мать, сестры, подруги, сваха и старшая дружка. На невѣсту надѣваютъ все новое, плетутъ ей косу и на голову надѣваютъ вѣнокъ изъ цвѣтовъ или шелковый платокъ. Когда невѣста совсѣмъ убрана, ей набрасываютъ на шею „серпановъ“ (кисей въ 3 аршина длины) и выводятъ ее въ чистую горницу. Здѣсь, въ ожиданіи выхода невѣсты, находятся родственники; сюда же приходятъ отецъ и мать невѣсты для благословенія. Какъ только невѣста входитъ въ горницу, отецъ беретъ въ руки икону, а мать хлѣбъ-соль; невѣста съ плачемъ кланяется до трехъ разъ въ ноги отцу и говоритъ: „Простите, благословите идти въ Божій путь!“ Отецъ отвѣчаетъ: „Богъ проститъ и благословитъ“. Невѣста цѣлуетъ икону, потомъ съ плачемъ обнимаетъ отца и цѣлуетъ его. То же самое повторяется при благословеніи матери. Послѣ того, какъ благословятъ отецъ

*) Ср. „Сборникъ матеріаловъ для опис. мѣстн. и пл. Кавказа.“
Вып. VII, стр. 72—73 и вып. XV, стр. 57 и 243—244. *Ред.*

и мать, икона и хлѣбъ-соль переходятъ по очереди ко всѣмъ родственникамъ, и неvěста прощается со всѣми такъ же, какъ и съ родителями.

Во время благословенія дѣвушки сидятъ рядомъ на *посадѣ* (передній уголъ), и у нихъ дружка покупаетъ мѣсто для неvěсты. Когда дружка проситъ дѣвушекъ уступить мѣсто, то онѣ ему отвѣчаютъ: „Купи, тогда пустимъ“. — „А сколько вамъ дать?“ спрашиваетъ дружка. — „Сто рублей денегъ и ведро водки“, отвѣчаютъ дѣвушки. Тогда дружка даетъ нѣсколько копеекъ и бутылку водки. Послѣ выкупа неvěсту усаживаютъ на посадѣ, а дѣвушки по очереди подходятъ къ неvěстѣ и прощаются съ нею; около неvěсты садится ея меньшей братъ, а если нѣтъ брата, то племянникъ или какой-нибудь родственникъ-мальчикъ, и начинается выкупъ косы: братъ беретъ ножъ и водить тупой стороною ножа по косѣ, угрожая отрѣзать еѣ; дружка покупаетъ неvěстину косу также за нѣсколько копеекъ и бутылку водки. Послѣ выкупа косы, всѣ присутствующіе садятся обѣдать, кромѣ неvěсты, которая должна этотъ день постить.

Въ то время, какъ въ домѣ неvěсты происходитъ церемонія благословенія и прощанія, въ домѣ жениха также всѣ готовятся къ вѣнчанію; жениха одѣваютъ дядька и товарищи; на женихѣ тоже все должно быть чистое, ни разу не надѣванное. Когда женихъ одѣнется, его вводятъ въ горницу, приготовленную для свадебнаго пира, и начинается благословеніе, которое происходитъ почти такъ же, какъ и у неvěсты, съ той только разницей, что женихъ не плачетъ. Послѣ благословенія и прощанія, женихъ съ дядькой, товарищами и родственниками идетъ въ домъ неvěсты, а отецъ и мать жениха остаются дома. Дорогою бабы поютъ пѣсни. Вотъ одна изъ нихъ:

А изъ поля, поля чистаго,
Со того двора со Иванова,

Выступало войско великое.
Ко тому двору къ Аннину,
Ко высокому терему Прохóровны,
Приступало войско великое.
Вышелъ-выходилъ ея батюшка,
Великому войску отказывалъ:
— „Великое войско, отойди отъ двора!
У меня дѣвица не сготовлена,
И не шито, и не мыто,
И не катано, и не латано,
И въ сундукъ не сложено,
И замкомъ не замкнуто.“ —
А изъ поля, поля чистаго,
Со того двора со Иванова,
Выступало войско великое
Ко тому двору къ Аннину.
Вышелъ-выходилъ ея батюшка,
Великому войску приказывалъ.
— „Великое войско, приступи ко двору!
У моей дѣвицы все сготовлено,
И пошито, и помыто,
И поватано, и полатано,
И въ сундукъ сложено,
И замкомъ замкнуто.“ —

Подойдя къ дому невѣсты, гости начинаютъ стучать въ ворота (ворота къ этому времени должны быть заперты) и кричать: „Пустите обогрѣться!“ (обычный возглас пришедшихъ). Ихъ долго не пускаютъ и просятъ выкупа; даются снова деньги и водка. Со двора жениха вводятъ въ сѣни, которыя предварительно тоже покупаются, и тамъ женихъ остается, пока за нимъ не придетъ дружка; потомъ, введенный дружкой, женихъ останавливается у порога, а дружка спрашиваетъ у присутствующихъ: „Дозволите жениха ввести

въ курень!“ т. е. на посадъ. „Богъ благословить“, отвѣчаютъ ему. „Богъ благословить Божье творить“, говорятъ дружка и усаживаетъ жениха на посадъ рядомъ съ невѣстою. Черезъ нѣсколько минутъ дружка встаетъ и испрашиваетъ благословенія итти къ вѣнцу. Женихъ и невѣста встаютъ и кланяются во всѣ стороны; потомъ сваха и дружка даютъ имъ платокъ; за одинъ конецъ платка берется женихъ, а за другой невѣста; впереди ихъ идетъ подсвашка съ вороваемъ, рядомъ съ невѣстою сваха, въ рукахъ которой должна быть та икона, которой благословлялъ отецъ невѣсту; около жениха идутъ дружка и дядька, а за ними родственники и дѣвушки; послѣднiя провожаютъ только до церкви. Дорогою всѣ кланяются встрѣчающимся на улицѣ; при этомъ женихъ самъ не снимаетъ шапки, а за него всякій разъ это дѣлаетъ дружка. Когда кланяются, то обязательно при этомъ крестятся. Всю дорогу до церкви бабы поютъ пѣсню:

Зеленая дубровушка,
Чему ты рано зашумѣла?
Не сама я зашумѣла,
Шумнули мною буйные вѣтры,
Буйные вѣтры, лютые морозы.
А ты, молодая Аннушка,
Чему молода замужъ идешь?
Не сама я замужъ иду,
Отдаетъ меня родной батюшка,
Отдаетъ, заключаетъ *).

Эту же пѣсню поютъ и при возвращенiи молодыхъ изъ церкви; поется эта пѣсня жалобно и протяжно. Если женихъ или невѣста порченые, т. е. страдаютъ припадками, то родители просятъ церковнаго сторожа ударить въ колоколъ по покойникѣ въ то время, когда жениху и невѣстѣ надѣнуть.

*) Ср. „Сборникъ матеріаловъ для опис. мѣстн. в пл. Кавказа.“
Вып. XV, стр. 243.

вѣнцы; перезвонъ бываетъ только одинъ; есть повѣрье, что это выдѣчиваетъ болѣзни. Послѣ вѣнчанія люди богатые просятъ священника и весь причтъ за особую плату (5 р.) проводить молодыхъ въ вѣнцахъ домой и благословить; въ такихъ случаяхъ идутъ всѣ изъ церкви уже безъ пѣнія. Впереди идетъ священникъ съ причтомъ, за нимъ молодые въ вѣнцахъ, окруженные роднею, и у всѣхъ зажженныя свѣчи. Послѣ благословенія священникъ уходитъ, и начинается веселье.

Когда молодые, по возвращеніи изъ церкви, входятъ въ ворота, передъ ними зажигаютъ охапку соломы, черезъ которую они должны перешагнуть; въ это время бабы пляшутъ и поютъ:

- 1) Будь, невѣстеа, богата,
Будь, невѣстеа, счастлива,
Богата, какъ земля,
Счастлива, какъ вода.

Или:

- 2) Ой, матушка-утка,
Поворачивайся швудка! *)
Сынъ сокола ѣдетъ,
Соколушку везетъ,
Въ полѣ работницу,
Въ дому вукобницу **).

Когда молодые вступаютъ на порогъ дома, ихъ осыпаютъ изъ рѣшета хмелемъ, деньгами, конфетами, а родственникамъ бросаютъ шишки (особое печенье); потомъ молодыхъ благословляютъ иконою и хлѣбомъ-солью, а затѣмъ сажаютъ на посадъ; коровай и икону, принесенные изъ церкви свахою и подсвашкою, ставятъ въ святой уголь на особомъ столѣ. Молодой и дружокъ все время остаются въ шапкахъ вплоть до повиванія молодой.

*) Быстро, скоро.

**) Бережливую ховяйку.

Когда всё усядутся, начинают обносить водкою и обносят до трехъ разъ; послѣ того, какъ всё выпьютъ по третьей рюмѣ, сваха встаетъ и спрашиваетъ благословенія у дружка повить молодую; говоритъ сваха такъ: „Господинъ дружокъ, благословите молодую княгиню повить!“ Дружокъ отвѣчаетъ: „Богъ благословитъ“. Послѣ этого сваха снимаетъ съ молодого и дружка шапки, одну надѣваетъ на себя, а другую на подсвашку, потомъ снимаетъ съ шен молодой серпанокъ, передаетъ его дядкѣ и подсвашкѣ, и тѣ держатъ его за концы противъ молодой, чтобы закрыть ее во время церемоніи повиванія отъ взоровъ присутствующихъ. Сваха же, снявши серпанокъ, расплетаетъ косу молодой и раздѣляетъ волосы на двѣ равныя пряди; изъ одной пряди косу плететъ сама сваха, а изъ другой подсвашка; молодая въ это время горько плачетъ. Когда косы заплетены, ихъ укладываютъ на головѣ и надѣваютъ *шлычку* (бабья повязка); молодая до трехъ разъ должна сбрасывать съ себя шлычку; наконецъ, когда шлычка уже совсѣмъ надѣта, сваха покрываетъ голову молодой платкомъ, затѣмъ беретъ серпанокъ и закрываетъ ею лицо; потомъ молодой подносятъ зеркало, предлагая полюбоваться; молодая съ плачемъ отворачивается, сваха въ это время поетъ:

Покрыванка плачетъ,—
Покрыватья хочетъ,
Не такъ покрыватья,
Какъ цѣловаться.

При послѣднихъ словахъ свахи молодой цѣлуетъ молодую. Тутъ же поется и другая пѣсня:

Коса моя, косушка,
Коса русая!
Вечбрь эту косушку
Сестрица плела;
Пріѣхала свашенька

Съ новá города,—
Почала эту косушку
И рвать, и метать,
На-двое заплетать*).

Послѣ того, какъ молодой повьютъ голову, дружкѣ вста-
етъ и говорить, обращаясь ко всѣмъ: „Благословите моло-
дого князя и княгиню отвести на покой!“ Ему отвѣча-
ютъ: „Богъ благословитъ“. Молодые встаютъ и, въ сопрово-
жденіи свахи и дружкѣ, идутъ въ особую горницу или пунь-
бу (теплый сарайчикъ); тамъ даютъ молодымъ ужинъ, по-
томъ укладываютъ ихъ спать и возвращаются къ пирую-
щимъ. Когда раздается выстрѣлъ изъ спальни молодыхъ,
сваха и дружкѣ опять идутъ туда „поднимать“ молодыхъ;
поднявши, снова возвращаются къ гостямъ, на этотъ разъ
уже съ пѣсней:

Темнаго лугу калина,
Добраго роду дѣтина.

Хоть она по ночамъ и ходила,
При себѣ разумъ носила.

Съ этой пѣсней сваха подходитъ къ колачу и начина-
етъ его украшать красными лентами, цвѣтами и конфѣтами;
помимо этого, все, что находится на столѣ: тарелки съ ку-
шаньями, бутылки водки, деревянныя чашки, рюмки, — все это
тоже убирается свахой и дружкомъ красными лентами и бу-
мажными цвѣтами. Затѣмъ сваха и дружкѣ собираютъ всѣхъ
гостей и идутъ въ домъ матери молодой поздравлять ее; по
дорогѣ поютъ все ту же пѣсню. Въ домѣ родителей молодой
всѣ гости пляшутъ, поютъ и прыгаютъ съ лавокъ; ихъ тамъ
угощаютъ водкой; послѣ этого всѣ снова возвращаются въ
домъ молодого ужинать. Передъ ужиномъ дружкѣ рѣжетъ ко-
лачъ, одѣляетъ имъ всѣхъ гостей, и начинается общее ве-

*) Ср. „Сборникъ матеріаловъ для опис. мѣстн. и пл. Кавказа.“
Вып. III, стр. 71 и вып. XV, стр. 53. Ред.

селье; веселье же это заключается главнымъ образомъ въ непомѣрномъ истребленіи водки и въ пѣніи непристойныхъ пѣсенъ. Молодые здѣсь не присутствуютъ. И такъ продолжается до разсвѣта; потомъ всѣ расходятся, чтобы на другой день снова итти къ молодымъ на „дары“.

Д А Р Ы.

На дары опять собираютъ всю родню, какъ молодого, такъ и молодой, и идутъ всѣ вмѣстѣ звать родителей молодой, при этомъ поютъ слѣдующія пѣсни:

1.

Буйны вѣтры уставали,
Воротицы отворяли.
Прохорушкѣ журьба, журьба, (имя отца молодой)
Ивановичу великая:
Черная курва *) со двора сошла
И съ шубками, и съ юбками,
И съ бранными скатертями,
И съ долгими рушниками,
И съ шитыми ширинками.
Буйны вѣтры уставали,
Воротицы отворяли.
Григорьюшкѣ радость, радость, (имя отца молодого)
Петровичу великая:
Черная курва во дворъ взошла
И съ шубками, и съ юбками,
И съ бранными скатертями,

*) Женщина дурного поведенія (въ совр. малорусскомъ говорѣ).

И съ долгими рушниками,
И съ шитыми ширинками.

2.

Ой добрая годинушка настала:
Аннушка по батюшку послала,
Григорьевна по матушку послала,
Запрягали семеро коней, восьмой возъ,
Девятаго повозничка, чтобъ привезъ,
Чтобъ привезъ моего батюшку на славу,
Чтобъ привезъ мою матушку на утѣху,
На честную похвальную бесѣду,—
Да не таеъ честно, какъ радостно слушать *).

Когда приходятъ родители новобрачной, ихъ встрѣчаетъ молодой, вводитъ въ домъ и тамъ благодарить тещу и кланяется ей въ ноги. Потомъ дружжко рѣжетъ коровай на мелкіе кусочки, чтобы хватило для всѣхъ, а молодая беретъ поднось, ставитъ на него рюмку водки, кладетъ рядомъ подарокъ съ кусочкомъ коровай и съ поклономъ подноситъ прежде всего свекрови; свекровь пьетъ водку, беретъ подарокъ, а кусочекъ коровай крошитъ и этими крошками обноситъ всѣхъ гостей. Послѣ свекрови, молодая подноситъ подарокъ свекру, а затѣмъ всей женщиной роднѣ, пока не обнесетъ всѣхъ подарками; при этомъ всѣ, получивши подарки, также дѣлятся кусочкомъ коровай, какъ это дѣлала свекровь. Затѣмъ молодой обноситъ подарками женину родню, но коровай уже не раздается. Дарятъ все, что лишь только можно, начиная съ рубашекъ, полотенецъ, сватертей до телятъ, жеребятъ, поросятъ, мѣшковъ проса, муки и т. п. На дарахъ тоже пьютъ много водки, но гости долго не остаются.

*) Ср. „Сборникъ матеріаловъ для опис. мѣстн. и пл. Кавказа.“
Вып. XV, стр. 33. *Ред.*

К О Р О В А Й.

Вечеромъ того же дня молодые угощаютъ у себя дѣвухекъ короваемъ. Къ этому времени всѣ старшіе уходятъ изъ дома. Къ приходу дѣвухекъ молодая накрываетъ столъ, ставитъ угощеніе и рѣжетъ коровай. Когда приходятъ дѣвушки, ихъ встрѣчаетъ у дверей молодой; съ каждой вошедшей дѣвухею онъ „витается“ *) изъ полы въ полу и цѣлуется, потомъ молодой съ дѣвухками садится за столъ, а молодая обноситъ ихъ водкою, потомъ дѣлитъ коровай, и здѣсь молодая въ первый разъ начинаетъ пѣть пѣсни съ дѣвухками. Эти пѣсни уже не свадебнаго характера, а обыкновенныя, которыя поются и на гуляньяхъ, такія, напр., пѣсни:

1.

Выйду я на улицу,
Выйду на широкую,
Вдарю я въ ладоши,
Вдарю въ звончатія;
Звенять мои кольца,
Звенять золотыя.
У воротъ стоитъ свекоръ,
У воротъ стоитъ лютый.
— Помалу, невѣстка,
Помалу, молада!
Не выбей, невѣстка,
Съ сапожекъ подковы,
Съ перстенъка глазочка,
Съ перстня золотого.—

*) Здоровается, подавая руку. Въ данномъ случаѣ онъ обертываетъ руку въ полу верхней одежды; то же дѣлаютъ и дѣвушки. *Ред.*

— „Не ты жъ мнѣ купилъ,
Не твой сынъ подарилъ,
А купилъ мнѣ батюшка,
Подарила матушка,
Людямъ на похвалу,
А мнѣ на покрáсу,
Молодому человѣку
До самаго вѣку“.—

2.

Изъ поля изъ чистаго
Вѣтеръ повѣваетъ,—
Алешенька Михайловичъ
Коника сѣдлаетъ.
Марьюшка Ивановна
Вышла да пытается:
— Алешенька Михайловичъ,
Ты далече ль ѣдешь?—
— „Не далече, не далече,
Въ чужую сторонку,
Въ дальнюю дорожку“.—
— Алешенька Михайловичъ,
Возьми меня съ собою,
Назови женою,
Назови меня женою
Своей не чужою!—
— „Марьюшка Ивановна,
Коляски маленьки,
Что коляски-то маленьки,
Коники пужливы“.—
— А я сяду во задочку,
Съ тобою въ рядочку.—

3.

За Кубанью огни горять,
А все темновые,
Во вузницѣ вузнечики,
А все молодые,
Хотятъ ковать,
Хотятъ ковать
Ивановыхъ коней.
Ивановы кони
Не умѣютъ ходить,
Свою буйную головушку
Не умѣютъ носить:
Что ни стукнуть,
Что ни брязнуть,
Подковушки брязь, брязь,—
Авдотьюшка Михайловна
Въ окошечко глядь, глядь:
— „Чи не мой то Иванушка
По улицѣ ѣдетъ,
Чи не мой то Ивановичъ
На ворономъ конѣ?
Подъ имъ коникъ,
Подъ имъ коникъ,
Какъ пчелка, летаетъ;
Ужь я его, ужь я его
По платью вгадаю:
На ѣмъ платье,
На ѣмъ платье,
Какъ солнце, сіяе;
На ѣмъ шапка,
На ѣмъ шапка,
Что макъ, расцвѣтае“.

4.

Ахъ, ты, Груня, ахъ, ты, Груня,
Груня, ягода моя,
Веселая голова!
Гдѣ гуляла, гдѣ была?
— „Я не бѣла, не пила,
Все веселая была:
Въ полночь по воду ходила,
Кувшиномъ воду брала,
Подъ заборъ воду лила,
Все съ Иванею пила
Меня матушка бранила,
Что Ванюшу полюбила
И далече проводила
До зеленого лужка,
До крутого бережка.
Пойдемъ, Ваня, во садочекъ,
Сорвемъ аленькій цвѣточекъ,
До завяжемъ у платочекъ.
Сталь цвѣточекъ засыхать,
Ваня Груню спокидать...
Распроклятая ты доля,
Доля Грунюшкина.
Воля матушкина!“ —

5.

Ты дблонка садовая.
Кора золотая!
Туда шла Аннушка.
Шкуру колупала;
Оттуда шла Ивановна.

Золото ломала;
Тѣмъ золотомъ, тѣмъ серебромъ
Коверъ вышивала;
Какъ тѣмъ ковромъ,
Какъ тѣмъ шитымъ
Все свекра дарила.
— Ты, свекрушка, мой батюшка,
Прими мои дары,
Мои дары небольшие,—
Ковры вышивные;
А за этими коврами
Сама скоро буду;
У пятницу не поспѣю,
Въ субботу не смѣю,
Въ воскресный день
Въ воскресный день,
Ранѣшенько буду;
Понравится ваша хлѣбъ-соль,
У васъ заночую,
Понравится Михайлушка,
Я вѣкъ завѣкую.—

На другой день послѣ корован снова собирается къ молодымъ родня, но только самая близкая, съ мелкими подарками для молодой (душистое мыло, разноцвѣтныя ленты, дешевые платочки и т. п.). Это посѣщеніе называется приходомъ „на шильце, на мыльце“.

За принесенные подарки гости получаютъ угощеніе, за которымъ долго не остаются, потому что имъ предстоитъ снова быть здѣсь вечеромъ того же дня на послѣднемъ пирѣ, устраиваемомъ молодыми.

Послѣднему пиру молодыхъ предшествуетъ (за нѣскольکو часовъ) хожденіе 5-6 ряженныхъ по домамъ родственниковъ новобрачныхъ. Хожденіе ряженныхъ совершается такимъ

образомъ: собирается пять или шесть человѣкъ родственниковъ, мужчинъ и женщинъ; мужчины переодѣваются въ женское платье, а женщины—въ мужское, или же наряжаются цыганами, и въ такомъ видѣ ходятъ по дворамъ родственникововъ. Въ каждомъ дворѣ убиваютъ, или ловятъ курицу, потомъ заходятъ въ горницу, пьютъ водку и идутъ дальше. Набравши достаточное количество куръ, ряженые идутъ въ домъ молодыхъ, отдаютъ куръ и помогаютъ приготовить ужинъ, на который тѣмъ временемъ собираются всѣ остальные родственники и пируютъ до разсвѣта.

Въ слѣдующіе затѣмъ дни устраиваютъ у себя веселье для молодыхъ дружекъ, сваха и родственники по очереди.

М. Василькова.

Пѣсни, записанныя въ станицѣ Ладожской, Кубанской области *)).

І. Бытовья пѣсни.

1.

Ты, дуброва, ты, дубровушка зеленая!
По дубровѣ сиротинушка пьетъ-гуляе,
Изъ-за пояса свой пистоликъ вынимае,
Изъ пистолика огонушекъ vyrубае;
Онъ зеленую дубровушку зажигае
Не горить моя дубровушка, только тѣбе;
Не болитъ мое сердечушко, только мнѣ
Какъ со вечера сиротинушку примѣчали,
Ко полуночи сиротинушку сохватали,
Назадъ рученьки сиротинушкѣ завязали,
Надѣвали на ноженьки все желѣзы,
А на бѣлую-то шеюшку да цѣпочекъ;
Повели-то сиротинушку во станицу,

*) Подыскивая варианты къ печатаемымъ пѣснямъ, мы больше всего пользовались богатѣйшимъ собраніемъ произведеній народнаго творчества—„Великорусскими народными пѣснями“, изд. проф. А. И. Соболевскимъ. Томы I—VI. Спб. 1895—1900 г. Въ этомъ изданіи напечатаны пѣсни изъ разнообразныхъ источниковъ, которыхъ въ Тифлисѣ достать нельзя. Къ сожалѣнію, не могли мы достать здѣсь и сборниковъ малорусскихъ пѣсенъ, изданныхъ Максимовичемъ, Метлицкимъ, Гринченкомъ, Чубинскимъ и др. Между тѣмъ, сопоставленіе съ малорусскими пѣснями было бы весьма умѣстнымъ: въ языкѣ печатаемыхъ пѣсенъ мы находимъ довольно пеструю смѣсь двухъ элементовъ: великорусскаго и малорусскаго, и нѣкоторые пѣсни, безусловно, малорусскаго происхожденія. Жаль, что данныя пѣсни не записаны вполне фонетически. *Ред.*

Посадили сиротинушку во темницу.
Какъ его ли да сударушка пьеть-гуляе,
На золото-то бумажки все мѣняе,
Сиротинушкѣ въ окóшечко подавае:
— „Выкупайся, сиротинушка, выкупайся
А и съ той ли все съ большой неволи!
Ужъ бѣлая капусташка выпсѣвае,
Ужъ ярая пшениченька зажигае“.—*)

2.

Ахъ, змѣя ты моя, змѣя лютая!
По песку змѣя ползеть,
Отъ ней только песокъ точится;
По водѣ змѣя плыветь,
Отъ ней только вода мутится.
Ахъ, змѣя жъ ты моя, красна дѣвица!
Довела жъ ты меня до худой славы:
Что ведутъ-то, ведутъ меня, добра молодца,
Ведутъ-то меня бить-наказывать;
Попереду идутъ и попы и дьяки,
Какъ и съ правой стороны—отецъ съ матерью,
А и съ лѣвой стороны—красна дѣвица,
А позади-то идетъ молодой палачъ.
— „Ты возьми, палачъ, съ меня сто рублей;
Когда мало того, возьми тысячу,—
Ты не бей, ты не бей, не наказывай“!—**)

*) Одинъ изъ многочисленныхъ вариантовъ темничныхъ (арестантскихъ) пѣсенъ. Ср. „Великорусскія народныя пѣсни“, изд. профессоромъ А. И. Соболевскимъ. Томъ VI, №№ 501—508. *Ред.*

**) Ср. „Великорусскія народныя пѣсни“, изд. проф. А. И. Соболевскимъ. Томъ VI, №№ 461—465. Ближе другихъ стоитъ къ этой пѣснѣ вариантъ, записанный въ Терской области. Ср. „Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстн. и пл. Кавказа“. Вып. XV, стр. 85—86. *Ред.*

3.

Что не пыль курить по дороженькѣ,—
То донской казакъ съ полону бѣжить.
Онъ бѣжить, бѣжить, оглядается,
Горючей слезой заливается *).
Какъ за нимъ летить воръ, сизой орелъ;
Онъ еричить-вопить громкимъ голосомъ:
— Ты скажи жъ, скажи ты, донской казакъ,
Гдѣ ты былъ-бывалъ, что ты видывалъ?—
— „Я и былъ-бывалъ на батальицѣ,
На батальицѣ, на страженьицѣ.
А видалъ я, видалъ тѣло бѣлое,
Тѣло бѣлое—молодецкое.
Никто къ тѣлу-то не признается;
Какъ признались-то да три ластушки,
Да три ластушки, три касатки:
Перва ластушка—родна матушка,
Друга ластушка—сестра рѣдная,
Третья ластушка—молода жена;
И гдѣ мать плакала,—тамъ колодець стоитъ,
Гдѣ сестра плакала,—тамъ рѣка бѣжить,
Гдѣ жена плакала,—тамъ трава сохнетъ“.—**)

*) Вариантъ: Какъ за нимъ бѣжить самъ турецкій царь.

— „Обожди, постой ты, донской казакъ!

• Я не буду тебя ни бить ни рубить,

Только буду тебя все спрашивать:

Какъ у бѣлаго царя замирена ли земля?—

— „Замирена земля не на годъ, не на два,

Замирена она на десять лѣтъ“.—

***) Весьма распространенная старинная пѣсня. Ср. „Великорусскія народныя пѣсни“, изд. профессоромъ А. И. Соболевскимъ. Томъ I, №№ 358—370. *Ред.*

4.

Ахъ, ты, поле мое, поле чистое!
 Ничего ты, поле, не порѣдило,
 Породило поле кустъ ракитовый.
 Какъ подъ тѣмъ кустомъ черна бурочка,
 А на бурочкѣ молодой казакъ;
 Онъ лежитъ-то, лежитъ весь пораненный,
 Весь пораненный, весь порубанный;
 Въ головахъ у него свѣча воскова,
 А въ бокахъ у него сабля вострая,
 А въ грудяхъ у него пуля быстрая,
 А въ ногахъ у него конь ворѣнный его.
 — „Охъ, ты, конь, ты, мой конь,
 Конь ворѣнный мой!
 Охъ, ты бей, ты, мой конь,
 Дубовѣй приковъ,
 Ты и рви жъ, ты, мой конь,
 Шелковой ченбуръ,
 И бѣжи жъ, ты, мой конь,
 На мою сторону;
 Поклонись ты, мой конь,
 Отцу матери моей,
 И скажи жъ ты имъ, конь,
 Что женила меня да чужа сторона,
 Чужа сторона, сабля вострая,
 Сабля вострая, пуля быстрая;
 Повѣнчала меня пуля быстрая,
 Пуля быстрая, восковá свѣча“.—*)

*) Одинъ изъ вариантовъ весьма распространенной старинной пѣсни объ умирающемъ молодцѣ. Ср. „Великорусскія народныя пѣсни“, изд. проф. А. И. Соболевскимъ Томъ I, №№ 381—408. *Ред.*

5.

Ты взойди, ты взойди, свѣтель мѣсяць,
Надо мной, надъ казацкой головой!
Какъ ишелъ казакъ изъ похода,
Изъ того дальняго отряду.
Конь, добра лошадь, приставаеъ,
А вѣрны товарищи покидають,
А татарины нагоняють,
Съ ножонъ сабельку вынимають,
Съ плечъ головушку да симають.
— „Ты постой, постой, братъ-товарищъ!
Позабылъ я тебѣ наказъ сказать,
Отцу матери поклонъ сдать,
Отцу матери по поклону,
Молодой женѣ на удовье,
Малымъ дѣтушкамъ на сиротство.
Молодая жена мужа найдетъ,
Малымъ дѣтушкамъ отца нѣту“.—*)

6.

На зарѣ было на зорюшкѣ,
На бѣлой зарѣ на утренней,
На восходѣ солнца яснаго,
Солнца яснаго, мѣсяца краснаго.
Какъ у нашего сосѣдушки
Проявилася диковинка,
Диковинка, новая новинка:
Какъ жена мужа приутѣшила,
Вострымъ ножичкомъ да зарѣзала,

*) Ср. „Великорусскія народныя пѣсни“, изд. проф. А. И. Соболевскимъ. Томъ I, № 350. *Ред.*

Въ холодѣнь погребѣ да вкинула,
Дубовой доской да задвинула.
А землицею да присыпала,
Желтымъ пескомъ да засыпала,
Большимъ камнемъ да придвинула.
— „Заростай, моя могилушка,
Муравой, цвѣтомъ, зеленой травой;
Зеленой травой, широкимъ лопухомъ!“ —
Вошла въ хату, сѣла на лавочку.
— „А и съ дурнемъ мнѣ было дурно жить,
А безъ дурня-то еще дурнѣй!“ —
Вышла на дворъ, слово молвила:
— „Ой, вы, люди,—вы сусѣдушки!
Какъ мово мужа да громъ убилъ!“ —
— „Ахъ, ты врешь, ты врешь, молодая жена:
Безъ тучечекъ да и громъ не бьетъ,
Безъ моланьи моланья не жгѣтъ!“ —
Прилетаютъ два сокола, два ясные:
То его братья все родные.
— „Ты скажи, скажи, молодая жена,
А гдѣ братецъ нашъ родименькій?“ —
— „А вашъ братецъ родименькій
Поѣхалъ да на охотушку
За зайцами, за разнымъ звѣрьемъ.“ —*)

7.

Летѣлъ павлинъ черезъ темный лѣсъ;
Уронилъ павлинъ павлинье перо.
Да не жаль же мнѣ павлиньяго пера,
Жаль же мнѣ милаго дружка:

*) Ср. „Великорусскія народныя пѣсни“, изд. проф. А. И. Соболевскихъ. Томъ I, №№ 126 — 129; также „Великорусь въ своихъ пѣсняхъ, обрядахъ, обычаяхъ, вѣрованіяхъ, сказкахъ, легендахъ“ т. II. П. В. Шейна. Томъ I, вып. 1, № 890—894. *Ред.*

Какъ и мой-то милый у походъ пошелъ;
Онъ и годъ служилъ и другой служилъ,
А на третій годъ домой пришелъ;
Его мать встрѣла *) середь площади,
А сестра встрѣла середь улицы,
А жена встрѣла среди двора.
Какъ жена мужу стала кланяться,
А мать сыну стала жалиться:
— „Ой, сынъ ты мой, сынъ, сынъ возлюбленный!
Какъ твоя ли жена въ распуть пошла,
Въ распуть пошла, сына родила,
Сына родила, загубила себя“.—
Какъ взялъ жену мужъ за бѣлую руку
Да и снялъ съ жены съ плечъ головушку.
А головушка покатилася, мое сердце зворотилося.
— „Да не мать ты мнѣ, не родимая,
А змѣя же ты моя подколотная!“—

8.

Какъ подь грушею
Подь зеленою,
Какъ подь яблонкой
Подь садовою,
Стружеть стружечки
Добрый молодець,
Береть стружечки
Красна дѣвица;
Ой беретъ она,
На огонь кладеть,
На огонь кладеть,
Все змѣю пекеть,

*) Встрѣтила.

Все змѣю покѣтъ,
Зелье дѣлае,
Зелье дѣлае,
Зелено вино,
Зелено вино,
Пиво пьяное;
Она ждетъ-пождетъ
Братца милаго,
Братца милаго
Да любимаго.
Она годъ ждала
И другой ждала,
А на третій годъ
Братъ домой пришелъ.
Какъ сестра брата
Стала потчевать;
Какъ сама не пьетъ,
У рукавъ все льетъ;
А и братъ не пьетъ,
Коню въ гриву льетъ,
У коня грива
Загорѣлася,
Сердце молодца
Возгорѣлося:
Вынимаетъ онъ
Съ ножонъ сабельку
И срубилъ сестрѣ
Съ плечъ головушку.
А головушка
Покатилася,
А мое сердце
Отвратилося:
— „Не сестра жъ ты мнѣ,

Сестра родная,
А змѣя жъ ты мнѣ
Подколодная“.—*)

9.

Воздалече-воздалеченько
Тамъ пролежалъ шляхъ-дороженька,
Не широкая, не долгая.
Что по той ли было по дороженькѣ
Тамъ ишелъ-прошелъ
Дударуковъ князь изъ своею вѣрною ордою;
Онъ увезъ, увезъ русскую дѣвицу,
Увезъ ее у полонъ за собой.
Облилась русская дѣвица горючѣй слезой.
— „Ты не плачь, не плачь, русская дѣвица!
Я тебя возьму замужъ за своего вѣрнаго слугу;
Подъ его будешь постелю стлать,
А со мною будешь ночку коротать“.—
— „А и врешь ты, врешь, Дударуковъ князь!
Подъ кого я буду постелю стлать,
И съ тѣмъ буду и ночь ночевать“.—

10.

Казакъ дѣвушку уговариваль:
„Ты пойдемъ (sic), дѣвка, за Кубань со мной жить,
На Кубанской степи на красѣ ли жить,
На красѣ ли жить, на всей красотѣ:
Какъ Урупъ-рѣвка медомъ протекла,
А Лаба-рѣвка зеленымъ виномъ.

*) Ср. „Великорусскія народныя пѣсни“, изд. проф. А. И. Соболевскимъ. Томъ I, №№ 134—139; также „Великорусскія въ своихъ пѣсняхъ, обрядахъ, обычаяхъ, и т. п.“ П. В. Шейна. Томъ I, выпускъ I, №№ 321, 322, 327. *Ред.*

По горамъ-горамъ лежать камешки
Драгоцѣнные, неоцѣнные“.
— „Охъ, ты врешь, казакъ,—я сама тамъ была,
Я сама тамъ была, сама видѣла:
Какъ Урупъ-то рѣка кровью протекла,
А Лаба-то рѣка горючей слезой,
По горамъ-горамъ лежать головы
Все казацкія, все бурлацкія“.—

11.

Оженила мати своего сына,
Взяла невѣстушку да не по любви.
Поѣхалъ сыночекъ въ Крымъ чумаковать,
А нелюбу невѣстушку послала лёнъ брать:
— „Не выберешь лёну, не иди и до дѣму;
Стань ты у поля былиной
Тонкой, высокой да еще зеленой!“
Ишелъ сыночекъ изъ Крыма домой,
Усмотрѣлъ сыночекъ у поля былинку.
— „Что жъ то за былина высокая, зеленая?“—
Пошелъ же сыночекъ былинку сломать.
Онъ разъ замахнулся,—зашаталась былина,
Въ другой замахнулся,—затрусилась былина,
Въ третій замахнулся,—заговорила былина:
— „Ой, не руби жъ мѣня: я не былина,
А я жъ твоя вѣрная дружина!“—
Пріѣхалъ сыночекъ съ былинкой до дому,
Сказалъ сыночекъ, у порога стоя:
— „Сховай насъ, мати, въ вишневомъ садочку,
Обсади насъ мати пышною калиной!“

Обсадила мати сыночка калиной,
А нелюбю невьстку колючей шепчиной *).

12.

Корчма ты, корчмёночка,
Корчма моя польская!
Какъ во той корчмёночкѣ
Да три молодца пьютъ:
Усманъ **), духоборъ-старикъ
Да линейскій казакъ.
Усманъ водку пьеть,
Все рубли владеть,
Духоборъ водку пьеть,
Червонцы владеть,
Казакъ водку пьеть,
Ничего не дасть,
Ничего не дасть,
Все кисетомъ звонить,
Духоборку манить:
— „Пойдемъ со мной, духоборка,
На линію жить!
У насъ-то на линіи
Да не ткуть, не прядуть,
Не ткуть, не прядуть,
Хорошо живутъ;
Не сѣютъ, не папуть,
Всѣ сладко ѣдятъ“.—
Соглашалася духоборочка
На его слова,
Садилася духоборочка
На добра коня;

*) Шиповникомъ.

***) Османъ. Ред.

Повезъ казакъ духоборку
 На линію жить,
 Увезъ духоборочку
 Да во темпый лѣсъ.
 — „Слѣзай, слѣзай, духоборочка,
 Ты съ кони долой!“ —
 Привязалъ онъ духоборочку
 До сосны плечами,
 До сосны плечами,
 А на боръ очами;
 Да зажегъ эту сосенку
 Снизу до верху.
 Сосенка горитъ,
 Духоборочка кричить:
 — „Отвяжи меня, дѣвицу,
 Отпусти домой!“ —
 — „Теперь тебѣ, красна дѣвка,
 Домой не вертаться,
 Домой не вертаться,
 Съ родомъ не видаться“. — *)

Объ этой пѣснѣ существуетъ слѣдующее преданіе. Лѣтъ сорокъ тому назадъ отрядъ казаковъ отбывалъ свою службу въ Закавказьѣ. Вблизи того мѣста, гдѣ стояли казаки, паходилась деревня, населенная духоборами. Одинъ казакъ влюбился въ дѣвушку-духоборку, и она ему платила тѣмъ же; съ теченіемъ времени казакъ сталъ къ ней охлаждать; дѣвушка это замѣтила и стала ревниво слѣдить за нимъ; это его сердило и привело къ тому, что онъ возненавидѣлъ духоборку. Вскорѣ казаки должны были идти на

*) Цѣлый рядъ пѣсень подобнаго содержанія напечатаны въ книгѣ: „Великорусскія народныя пѣсни“, изд. проф. А. И. Соболевскимъ. Томъ I, №№ 216—224. Въ большинствѣ пѣсень главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является донской казакъ. Данная пѣсня приурочена отчасти къ мѣстнымъ условіямъ. *Ред.*

льготу домой; объ этомъ узнала духоборка и стала умолять своего возлюбленнаго проситься у начальства на повторительный срокъ службы; онъ ей далъ ложное обѣщаніе, а самъ собирался уѣзжать. Отъ зоркихъ глазъ дѣвушки не ускользнуло это, и она, за десь до выступленія казаковъ, припрятала у себя его вещи. Казакъ сталъ требовать возвращенія своихъ вещей, а когда она ему въ этомъ отказала, сталъ звать дѣвушку съ собою на свою родину, обѣщая тамъ на пей жениться. Духоборка повѣрила и поѣхала за казаками. Дорогою казакъ завезъ дѣвушку въ густой лѣсъ, привязалъ къ соснѣ и тамъ ее сжегъ.

13.

Пошли наши казаченъи,
Чуть шапочки видны;
Идутъ, идутъ казаченъки,
Назадъ поглядяють,
Назадъ поглядяють,
Чижало вздыхають:
— „Остаются жъ наши жены
Съ малыми дѣтьми;
А малымъ-то дѣтьямъ
Съ горя померети“.— *)

14.

Загорѣлася въ лѣсѣ калина,
Закипѣла въ колодцѣ вода,
Заболѣло у молодца сердце,
Да на свою ль жену-шельму глядя:

*) Ср. „Сборникъ матеріаловъ для опис. мѣстн. и пл. Кавказа“. Вып. XV, стр. 197. *Ред.*

Какъ мол ли жена невкорыстна *),
На работу она независтна:
Люди въ полѣ, моя жена дома;
Люди жать, а моя шельма жрать.
Какъ пойду я въ дальнюю чужбину,
Да наймуся я пасти скотипу,
Зароблю я себѣ денегъ много,
И пойду я во новый торжочекъ,
И куплю я лудку да рожочекъ;
Сяду я, молодець, на лавку,
Заиграю съ горя въ балалайку **).

15.

Ты убилъ, ты убилъ
Мосго лебедя бѣлаго,
Разорилъ, разорилъ
Мос тепло гпѣздышко,
Посиротилъ, посиротилъ
Моихъ малыхъ дѣтушекъ!
— „Ты не плачь, ты не плачь,
Бѣлая моя лебедушка!
И пуцусь, я пуцусь
Высоко по поднебесью,
Пригону, пригону
Тебѣ стадо лебедей;
Выбирай, выбирай
Котораго лучшаго!“
— „И найду, я найду
Дружка вѣрнаго;
Малымъ дѣтушкамъ
Отца цѣту ти“.—

*) Нетрудолюбива.

***) Сравни. „Сборникъ матеріаловъ для опис. мѣстн. и пл. Кавказа“. Вып. XV, стр. 68—69, 187. *Ред.*

16.

Пріѣхалъ мой милый съ полн,
Привязалъ копя дли*) порога,
Самъ заплагалъ для его стоя:
— „Головушка моя распобѣдна!
Чего жъ моя сударушка блѣдна?
Чи я жъ тебя по лячику вдарилъ?
Чи я тебѣ здоровьица сбавилъ?“—
— „Вдарилъ, вдарилъ, милый мой, вдарилъ
И ты жъ мое здоровьице сбавилъ!
Умру я, умру, жива я не буду...
Сдѣлай мнѣ, милый, еловую труну**),
Схочай, милый, въ вишневому садочку,
На своемъ на частомъ слѣдочку!
Будешь, милый, гулять по садочку,
Будешь, милый, водить дитя за ручку,
А другого грудного на рукахъ носить...
И купи жъ ты, милый, рябую корову,
И годуй, мой милый, малую дѣтину!“—***)

17.

Ой, вы, куры, мои кочеточки!
Золотые на васъ гребешочки!
Да не пойте вы, куры, утромъ рано,
Поутру ли рано, вечеромъ поздно,
Не будите, куры, моего гостя,
Моего гостя, гостя дорогого,
Дорогого батюшку родного!
Онъ не часто ко мнѣ въ гости ѣздя,
Онъ недолго у меня гостя:

*) Подгѣ—мажорусское слово.

**) Грѣбъ—мажорусское слово. *Ред.*

***) Подобную пѣсню я слышалъ въ Черниговской губерніи. *Ред.*

Одну ночку у меня почув,
И тое ли всю онъ протоскуя.
Подъ окошечкомъ онъ спать ложится,
Чижалёхоньбо ли онъ вздыхая,
Онъ бѣлаго свѣту дожидая:
— „Какъ почто ли бѣлу свѣту нѣту,
Свѣту нѣту, зари не бывая?“ — *)

18.

Что не пылъ-то кура подымалась,—
Подымались гуси сѣрые,
Гуси сѣрые, лебеди бѣлые.
Какъ повадилса лебедь по ночамъ летать,
По ночамъ летать, по зорямъ кричать
По своей-то бѣлой лебедушкѣ:
— „Охъ, бѣлая моя лебедушка!
И гдѣ же твое теплое гвѣздышко?“ —
— „Мое гвѣздышко на синѣмъ морѣ,
На синѣмъ морѣ, да на островѣ,
Да на островѣ заповѣданпомъ,
И съ малыми дѣтками-лебедятками.“ — **)

19.

Тамъ летѣли соколики стороной,
Сѣли пали у вдовушки на дворѣ,
Крылышками широкой дворъ измели,
Голосами удовушку будили:
— „Встапъ, проснися, удовушка молодца:
Всѣ казаки изъ походу ужъ идутъ,

*) Сравни „Сборникъ матеріаловъ для опис. мѣстностей и племенъ Кавказа“. Вып. III, отд. II, стр. 79. *Ред.*

**) Сравни „Сборникъ матеріаловъ для опис. мѣстн. и племенъ Кавказа“. Вып. XV, стр. 206—207. *Ред.*

Твоего мужа воропа коня ведутъ,
Сидѣльнице на бѣлыхъ рукахъ несутъ,
А имѣльнице въ колясочкахъ везутъ“.—

Любовныя пѣсни.

20.

Прощай, Ладовска стапица
Съ крутыми ярами,
А ты, моя сударушка
Съ черными бровями!
Ай, у поля при дорози
Стояла береза,
Что тонкая, высокая,
Листомъ широкая.
Что подъ тою-то березой
Сидитъ сизъ голубчикъ,
Подъ другою зеленою
Удалой молодчикъ.
Передъ молодцемъ дѣвица
Стоять, слезно плачетъ.
— „Не плачь, дѣвка, не плачь, красна,
Для другой наука:
Будешь, дѣвка, слезно плакать,
Будешь больно бита“.—

21.

Ахъ, ты, гулюшка, гарьупокъ!
Гуляй, сизенькій голусокъ!
Не летай, гуля, въ поле,
Не залѣтывай въ зслень садъ,
Не подлѣтывай подъ высокъ теремъ,
Не садися, гуля, подъ окошечко,

Не гуркуй, гуля, жалобно:
Безъ тебя, гуля, жить тошно,
Безъ огня сердце сгорѣло,
Что безъ полымя согрѣло *).

22.

Сады мои, да сады зеленые,
Рано цвѣли, поздно опадали...
Любилъ милый, а сейчасъ покинулъ:
Мимо ходить, а въ гости не заходить,
Хоть заходить, да не долго гостюеть.
Стала заря, да заря заниматься,
Сталь мой милый домой убираться,
Сталь мой милый со мною прощаться:
— „Прощай, милая, да прощай, дорогая!
Есть у меня теперь жена молодая,
Которая подъ вѣнцомъ стояла,
Которая законъ принимала,
Которая бѣлую постель стлала,
Которая ночевать пускала,
Которая крѣпко обнимала
И сладко цѣловала“.—

23.

Ой, травушка, дугъ, милá,
Зеленая ковылá
Къ колодезю клонítся,
Нельзя молодцу напиться,
Коня вброна поить.
Напоилъ казакъ коня,
Къ веревушеѣ привязалъ,

*) Сравни. „Сборникъ материаловъ для опис. мѣстн. и пл. Кавка-
за“. Вып. XV, стр. 41.

Къ вереюшкѣ привязалъ,
Красной дѣвкѣ привазалъ:
— „Ой, ты, дѣвица-душа,
Стереги мово коня,
Коня вѣропа, не осѣдлана!
А я пойду на Дунай,
На Дунай-рѣчку гулять,
Сѣрыхъ утей загонять“.—

24.

Зоря моя, зоренька!
Восхожее солнышко
Восходило высоко,
А свѣтило далеко,
Выше горъ, выше лѣса,
Выше балочныхъ озеръ,
Прямо батюшкѣ у дворъ,
А матушкѣ у терѣмъ.
Родимый мой батюшка,
Родимая моя матушка,
Подержи меня годокъ,
Я поѣду въ городокъ,
Куплю шолковый платокъ!
Подержи меня другой,
Я поѣду во ипой,
Куплю алый, голубой,
Вдоль по улицѣ пойду,
Назадъ концы завяжу,
Поль-улицы пропляшу.

25.

Ой, вы, мухи, вы, комарьки мои!
Вы за что, про что кусаете меня?

Искусали всю головушку мою,
Изъ кусаньца головушка болить,
Изъ головки бѣло личико горить,
А изъ личка ретивѣ сердце щемить.
А кто можетъ моему горю пособить?
А кто можетъ пазадъ друга воротить?
Ты вернися, ты, мой милый другъ, пазадъ,
А я пойду во зеленый садъ гулять;
А я стану подъ орѣховымъ кустомъ,
И сломя я изъ орѣшины цвѣтокъ,
И совью я на головушку вѣнокъ,
И тогда пойду въ дѣвичій карагодъ.

26.

На горѣ высокой
Два вѣрста стоять,
Подъ доской дубовой
Два друга лежать.
Дѣвка приходила,
Могилу спросила:
— „Скажи мнѣ, могила,
Здѣсь ли мой милый?“ —
Могила сказала:
— „Здѣсь нѣтъ никого“. —
Еще повторила:
— „Забудь про него“. — *)

27.

Какъ взошла, взошла
Свѣтла звѣздочка,
Свѣтла звѣздочка

*) Ср. „Сборникъ матеріаловъ для спис. мѣстн. и племенъ Кавказа“. Вып. III, отд. II, стр. 89, тоже вып. XV, стр. 260. *Ред.*

Высоко взошла.
Во тое ль пору
Красна дѣвица,
Красна дѣвица
По воду пошла.
А навстрѣчу ей
Молодой казакъ.
— „Ты приди, приди,
Молодой казакъ,
Ты приди, приди
Заночуй со мной!“ —
— „Я и радъ бы былъ
До тебя притить,
Я боюсь, боюсь,
Просплю до свѣта“.—
— „Ой, не бойся ты,
Молодой казакъ:
Я пораньше-то
Разбужу тебя
И подальше-то
Провожу тебя“.—

28.

Вы, конопля, конопля,
Къ чему лучше вы пригодны?
Чи васъ выбрать подь замашку?
Чи мнѣ сѣмя подождать?
Какъ да если сѣмя ждять,
Нельзя къ милому попасть,
А я улицей—сѣрой утицей,
Черезъ тынь-частоколь—
Щерепелушкой;

Я по улицѣ пройду
Добрымъ молодецъ,
На крылечко-то взойду
Красной дѣвицей.

Пѣсни эти записаны со словъ казачки Маріи Пугачевой.

М. Василькова.

Пѣсни, поющіяся въ станицѣ Галюгаевской, Моздокскаго отдѣла, Терской области.

Часть лѣта 1899 года я провелъ въ станицѣ Галюгаевской, Моздокскаго отдѣла, Терской области. Собственно цѣлью моей поѣздки было собираніе матеріаловъ для описанія казачьяго говора, но попутно занялся я и записываніемъ пѣсенъ, какія мнѣ пришлось слышать въ этой станицѣ. Часть этихъ пѣсенъ печатается ниже, а діалектологическія данныя послужили матеріаломъ для очерка о говорѣ станицъ бывшаго Моздокскаго полка. Этотъ очеркъ былъ прочитанъ въ видѣ реферата на 32-мъ засѣданіи Лингвистическаго отд. Неофилологическаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ 23-го февраля 1900 года *).

Сталицы бывшаго Моздокскаго полка, къ числу которыхъ принадлежитъ стан. Галюгаевская, представляютъ собой третій по времени слой казачества на Терекѣ **), и происхожденіе ихъ относится уже къ позднѣйшей эпохѣ жизни Терскаго казачьяго войска. Въ 1763 году на среднемъ теченіи Терека, въ Малой Кабардѣ, въ урочищѣ Мезд-егу (дремучій лѣсъ), было построено небольшое укрѣпленіе, преобразованное въ 1770 году въ сильную крѣпость Моздокъ. Для занятія кордонной линіи между Моздокомъ и станицами гре-

*) Этотъ докладъ былъ напечатанъ во 2-ой книгѣ (№№ 3 и 4) „Русскаго Филологическаго Вѣстника“ за 1900 годъ, подъ заглавіемъ: „Говоръ станицъ бывшаго Моздокскаго полка Терскаго казачьяго войска“.

**) Первые два—станицы гребенскія и кизлярскія.

беспскихъ казаковъ, по лѣвому берегу Терека было построено пять городковъ (пять станицъ): Галюгай, Ищоры, Науръ, Мекеніи и Калиновскій. Населеніе этихъ городковъ составилось изъ 517 семействъ волгскихъ казаковъ, жившихъ въ ту пору между Камышинымъ и Царицынымъ, къ которымъ были присоединены донскіе капиры въ числѣ 250 семействъ. Въ томъ же 1770 году подъ самой крѣпостью, но уже выше ея по Тереку, основана была станица Луковская, заселенная донскими выходцами въ количествѣ 100 семей, а нѣсколько позже, для большаго укрѣпленія береговой линіи, между Моздокомъ и ближайшимъ къ нему городкомъ Галюгаемъ была основана еще станица — Стодеревская, въ которой поселилось 200 семей крещенныхъ калмыковъ Саратовской крѣпостной милиціи *).

Уже въ позднѣйшее время, около середины XIX в., всѣ станицы Моздокскаго полка приняли въ свою среду новый элементъ — переселенцевъ изъ южной Россіи, — еще и до сихъ поръ не вполне слившійся съ кореннымъ великорусскимъ населеніемъ.

Тексты печатаемыхъ ниже пѣсень переданы согласно произношенію, особенно въ области гласныхъ звуковъ. Глухой гласный въ серединѣ словъ обозначаемъ буквой ъ, напр. — стърана (сторона). Дѣлая уступку обычной орфографіи, чтобы не пестрить излишне записи, мы передъ глухими согласными ставимъ звонкіе въ тѣхъ случаяхъ, когда слышатся глухіе; напр. — всё, хотя слышится фсѣ, и т. п.

Кромѣ того, считаю не лишнимъ замѣтить, что въ казачьей рѣчи самыя различныя діалектическія особенности стоятъ иногда рядомъ (даже въ одной и той же фразѣ), а потому въ нашей записи можно легко увидѣть ошибку тамъ, гдѣ въ дѣйствительности точная передача непосредственной

*) Е. Максимовъ. Терское казачье войско (Терскій сборникъ, приложение къ „Терскому календарю“ на 1901 г.).

въ своихъ особенностяхъ рѣчи. Сами казаки по этому поводу говорятъ: *языкъ не быкъ—какъ хочешь, такъ и поворишь.*

Свадебныя пѣсни.

II въ свадебныхъ обрядахъ, и въ пѣсняхъ станица Галюгаевская имѣетъ много общаго съ остальными моздокскими станицами. Обычное время свадебъ—осень, приблизительно съ первыхъ чиселъ сентября. Причина этого очень проста и понятна: работы по уборкѣ хлѣба закончены (главныя, по крайней мѣрѣ), и можно гулять на свадьбѣ, а съ другой стороны, и припасовъ всякихъ, безусловно необходимыхъ на свадьбѣ, въ началѣ осени обыкновенно вволю. Къ сожалѣнію, обстоятельства до сихъ поръ еще не позволили мнѣ побывать въ Галюгаѣ въ свадебную пору, а потому теперь приходится ограничиться тѣмъ, что удалось записать лѣтомъ, и сдѣлать только указанія на нѣкоторые свадебныя обряды.

Когда женихъ съ товарищами и родней отправляется въ домъ невѣсты „со своимъ хлѣбомъ-солю“, то среди другихъ пѣсень, поющихъся по дорогѣ, обычно слышится слѣдующая:

Съ вечеру дажжокъ,
Сы палупачи сляжокъ,
Ка бялой зарѣ парошица,
Малодинькая, малажавинькая.

Какъ па етай па пароши
Троя санюшикъ бяжить,—
Двоя саней съ казырями,
Третьи съ выризами.
Какъ ва стихъ ва саняхъ
На сямі людей сдять,
Аду рѣчь гагарять;

Адну рѣчь гаварять,
 Приварачивать вилять: *)
 — „Приварачивай, рибяты,
 На ту горку высакѹ
 Ка Михайлѣ казаку!
 У Михайли казака,
 Хвалють, дочка харапа,
 Свѣтъ Катюшинька душа“.—
 Катюшка па сѣничкамъ пахаживала,
 Бѣлыми ручками размахивала,
 Рѣзвыми ножками приталтывала,
 Таки рѣчи разгаваривэла:
 — „Ахъ, бей каблучокъ,
 Разбивай башмачокъ!
 Мнѣ ни батюшка купилъ,
 Ни радимай падарилъ,—
 Мнѣ купилъ-падарилъ
 Микалай судыр-гаспадинъ.
 Онъ вилѣлъ изпасить,
 Подъ лавочку пѣснавить,
 И *халлявкой* **) наложить;
 Халлявочку патянуть,
 Дружка мнѣ спомянуть.***)

*) Повидимому, запись этой пѣсни, сдѣланная въ ст. Бороздинской, вѣрнѣе:

Во первыхъ саняхъ	Онъ сидить-то—сидить,
По семи ребятъ сядятъ,	Ничего не говоритъ,
Во третьихъ саняхъ—	Только басть-говорить
Иванъ Никифоровичъ;	Приварачивать велитъ...

„Сборникъ матеріаловъ для опис. мѣстн. и плем. Кавказа“. Вып.

VII, I, 58.

**) *Халля(оч)ка*—тряп(оч)ка, лоскутъ материн, обрывокъ. Ср. у гребенцовъ: *каллевочка*—обрывокъ веревки, тесемка.

***) Послѣднихъ пяти строкъ въ Бороздинскомъ вариантѣ нѣтъ. Другой вариантъ этой же пѣсни (но только конецъ ея) записанъ въ ст. Натурской. „Сборникъ матеріаловъ для опис. мѣстн. и пл. Кавказа“. Вып. XV, стр. 147.

Невѣстина родня и подружки встрѣчаютъ гостей при входѣ на дворъ пѣсней:

2. Падитя, баляри,

Давно мы васъ ждали;
Давно мы васъ ждали,
Давно паждали,
Давно паждали,
Каврами дворъ слали,—
Каврами, бабрами,
Черными сабалями.

Какъ у ласкавава теста
Зять за варагами...
Какъ на зятюшеу мятель,
Силень крупень дождикъ.
Укрывайся, зятюшка,
Укрывайся, батюшка,
Каврами, бабрами,
Черными сабалями.

Или же поють другую пѣсню:

3. Нежданые гости,
Зачѣмъ панаѣхали?

А мы васъ ни ждали,
Каврами дворъ ни слали,
Каврами, бабрами,
Черными сабалями.

Какъ у ласкавава теста
Зять за варагами и т. д.*)

Наканунѣ совершенія обряда вѣнчанія, подружки собираются у невѣсты и поють различныя пѣсни, относящія-

*) Ср. №№ 7, 9, 10 и 21 свадебныхъ пѣсней въ ст. Наурской. „Сборникъ матеріаловъ для опис. мѣстн. и плем. Кавказа“. Вып. XV, I, стр. 149, 150, 156.

ся въ ея положенію. Среди этихъ пѣсень первое мѣсто занимаетъ „Трубушка“:

4. Ай, какъ ни трубушка трубила
Рана по зарѣ,—
Ай, какъ и Марьюшка плакала
Па русай сваей касѣ:
— „Ты, кася ли мая, кася русая!
Ай, вечеръ маю косушку
Падружки пляли:
Сами пляли—сами *играли*; *)
Примачили мою косушку
Ключавой вадой.
Па утру-та маю косушку
Матушка пляла:
Сама пляла—сама плакала;
Примачила маю косушку
Гарючѣй слязой.
Какъ ва ранній абѣдъ
Пріѣхала свашинька,
Всѣ немилосливая...
Началá ана минѣ косушку
Рвать и мятать,
Рвать и мятать,—
Нáдвое раскладать,
Нáдвое и нáгрое,
На три вичарка **).

„Трубушку“ поютъ только въ томъ случаѣ, если родители невѣсты живы; если же она сирота, то, вмѣсто „Трубушки“, поютъ „Рѣву“:

5. Ты, ряка ли мая, ряка быстрая!

*) *Играли*—пѣть пѣсни.

**) Два варианта этой пѣсни уже напечатаны въ „Сборникъ“ (изд. XV, отд. I, стр. 52—53 и 233—234), но уступаютъ въ полнотѣ послѣднему.

Тикѣтъ рѣчка—ни шалѣхница,
Сидить Танюшка—ни улыбница,
Говорить рѣчь—ни усмѣхница.
— „Вы, любимыя подружки маи,
Да и какъ же усмѣхнуться мнѣ:
Полонъ дворъ и саней и коней,
Полонъ (sic) горница и баяръ, и князей,
И баяръ, и князей са княгиними,
Аднаво да маво гостя нѣту,
Нѣту гости, нѣтъ любимава,
Нѣту батюшки радимава.
Ты, любимай мой братецъ роднинькай!
Ты пади-ка ва камнѣтачку,
Тамъ вазьми уздечку *невладѣнную* *),
Да сидѣлица черкѣсская!
Ты пади-ка ва канюшиньку,
Ты знудай каня неѣжжанова,
Асядлай сядло черкесская,
Паяжжай, братецъ, ва Божьей церкви,
Да ударь тамъ въ большой колакаль,
Прабуди-ка маво батюшку,
Маво батюшку радимава,
Маво гостечка любимава.
Ты, радимай родный батюшка!
Приляти-ка ты, мой батинька,
На маю виселую бисѣдушву **)!

Рано утромъ невѣста будить оставшихся у нея ночевать
подругъ пѣсней:

*) Новѣхонькую.

***) Подобная же пѣсня и въ тожественномъ же случаѣ поется и
въ другихъ мѣстахъ Терской области. См. „Сборникъ матеріаловъ для
опис. мѣстн. и плем. Кавказа“, вып. VII, I, 71, вып. XV, I, 50, 235. Изъ
нихъ первый вариантъ, записанный въ ст. Бороздинской, значительно
отличается отъ приведеннаго.

6. Вставайте, милая подружки!

Ой, какъ у насъ на дварѣ заря бѣлая,
Заря бѣлая ана занималася,
Не красна сонца изъ-за горъ выкаталася...
Всѣ савѣтники соляталися,
Всѣ разлучники собиралися,
Всѣ савѣтнички за сталомъ сидять,
А разлучнички у варотъ стаять,
Хатять мине разлучить съ атцомъ, съ матирью,
Съ атцомъ-матирью, съ родамъ-племинемъ,
Съ волей дѣвичью, съ милыми подруженьими.
Маю голову бѣлый снѣгъ накрыль,
Маю косу лють марозъ пабилъ,
Алую ленту маланьѣй сажгло...
Ты ставай, ставай, мая милая подружипька,
Ты пляти, пляти касу *меленьна* *),
Ты вплятай, вплятай ленту алую!

Подружки вслѣдъ за тѣмъ начинаютъ убирать певѣсту
къ вѣнцу съ пѣснями.

7. Вотъ тебѣ, Волга-рѣченька,

Ни долга гулять:
Сы вясны, сы вясны
Да да осини.
Придуть на тибѣ
Люты марозы,
Люты марозы,
Все крищенскія,
Разлучать тебе, Волга-рѣчка,
Съ врутными берегами,
Съ врутными берегами,
Съ желтыми пясками.

*) Помельче, покрасивѣе.

Вотъ тебѣ, Машинька,
 Ни долга сидѣть:
 Съ утра, съ утра
 Да да вечера.
 Ноньче къ тебѣ, ноньче къ тебѣ
 Придутъ люты свахи,
 Разлучать тебе, Машинька,
 Съ атцомъ-матирью,
 Съ роднымъ племинемъ,
 Съ милыми падружвини. *)

8. На мори утушка тамъ купалася,
 На синимъ сѣрая паласкалася,
 Утушки сѣрыи дивовалися.
 — „Утушки сѣрыи, не дивуйтися:
 Сами таво ни минуется.
 Ноньче ка мнѣ селезѣнь приплывѣтъ,
 Ноньче миня за сабой павидѣтъ,
 За то крыло, крыло правая,
 За то перо, перо сизая“. —
 Въ терими дѣвица умывалася,
 Мылами бѣлыми натиралася.
 — „Дѣвицы красныи, ни дивуйтися:
 Сами таво ни минуется.
 Ноньча ка мнѣ маладецъ придѣтъ,
 Ноньча миня за сабой павидѣтъ,
 За одну руку, руку правую,
 За тотъ платокъ, платокъ шолкавый. **)

*) Въ XV вып. „Сборника матеріаловъ“ есть двѣ пѣсни, сходныя съ этой; правда, въ одной изъ нихъ (стр. 49) сходство ограничивается лишь первыми 5 строками, другая (стр. 246—247) же представляетъ собою соединеніе этой пѣсни со слѣдующей.

**) Вариантъ этой пѣсни находимъ въ запискахъ, сдѣланныхъ въ ст. Слѣповской. „Сборникъ матеріаловъ для опис. мѣсти. и плем. Кавказа“, вып. XV, стр. 60.

Одѣтая невѣста подходитъ подъ благословеніе и при этомъ „голосить“:

9. Благословитя mine, маминька, батинька,
Ва путь, ва дарожиньку,
Въ Божій храмъ пайтить,
Законный бракъ палучить.
Вѣрна, я вамъ, мая маминька, *нибольная,—**)
Нибольная, *нижаланная: **)*
Заклучили вы мая галовушку
Ва чужыи люди низпамы,
Низпамы, низнакомы.
Ва чужихъ людяхъ, маминька,
Нада быть пакорливай, паклоннивай,
А мая-та галовушка нипакорливая,
Ана буйная, нипаклоннивая.

Подружки тоже голосять, обнимають и цѣлуютъ невѣсту, прощаются съ ней, а затѣмъ ее „сажаютъ на посадъ“, т. е. въ передней уголъ за столъ. При этомъ дѣвушки поютъ:

10. Летѣли сѣры гуси чирязь садъ,
Чирязь вишанью-винаградъ,
Кликали Машиньку на пасадъ.
Штой-та вамъ, гуси-лебиди, да таво?
Есть у миня родный батюшка для таво:
Кали вилить-благаславить—такъ пайду,
Какъ настелить шолкавъ кавѣръ—такъ сяду... ****)*

Дружко и сваха, оставивъ жениха на дворѣ, входятъ въ избу, гдѣ сидитъ „на посадъ“ невѣста, и выкупають около нея мѣста: сначала сваха у подсвашки—слѣва отъ невѣсты, а затѣмъ дружко для жениха у невѣстипыхъ братьевъ

*) Т. е. вы за меня не болѣете, не заботитесь обо мнѣ.

**) *Нежеланный*—кого не желаютъ видѣть, кого не жалѣють.

***) Ср. „Сборн. матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавказа“, вып. VI, стр. 87, вып. VII, I, стр. 74, вып. XV, I, 153.

справа отъ нея. Купивъ мѣсто, сваха начинаетъ расплетать невѣстѣ косу, а дѣвушки поютъ:

11. Ни пчолы звоны званять,
А сами гаварять,
Надъ буйнай галавою,
Надъ русаю касою...*)
Свашенька-гаголушка,
Бѣлая лебѣдушка!
Ни портъ касу русую,
Ни калѳкатъ **) голуву
У нашей падруженьки,
У Танюшки душеньки... ***)

Когда коса расплетена, то выступаетъ на сцену дружка, покупаетъ мѣсто около невѣсты у ея братьевъ (а если ихъ нѣтъ, то у младшихъ сестеръ), а дѣвушки поютъ:

12. Ни приступай, Литва!
Мы будимъ съ тобой бицца,
Мы будимъ ваивати,
Сястрицу ни давати!
Братиць курилъ мясничку, ****)
Ни прадавай сястричку,
Праси залатова
У князя маладова!

Когда дѣти продадутъ дружбу мѣсто около невѣсты, то дѣвушки поютъ:

13. Братецъ татаринъ,

*) Сравн. „Сборникъ матеріаловъ для опис. мѣстн. и плем. Кавказа“ Вып. XV, I, 249.

**) Колокотить—всклочивать, вббивать (волосы).

***) Ср. „Сборн. матеріаловъ для опис. мѣстн. и плем. Кавказа“, вып. XV, I, стр. 154.

****) Очевидно, ошибка, вмѣсто:

Братецъ, скоро мясничка (мясодѣ), какъ въ № 29 на стр. 58 вып. XV „Сборн. матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавказа“. Ср. тамъ же стр. 154, 248.

Сястрицу прадаль задарамъ,
Задатку взялъ сто рублей. *)

Когда женихъ съ невѣстой сидятъ „на посадѣ“, поются
еще пѣсни:

14. Пагнулися сѣни,
Какъ баяри сѣли;
И ни такъ ани пагнуцца,
Какъ мѣду напьюцца,
Ой, какъ мѣду напьюцца,
Ума наберуцца. **)

15. Поланъ дворъ, поланъ дворъ
И капей и саней;
Полны сѣни, полны сѣни
И баяръ и князей
Са княгиними!
Абламили, абламили
Сѣни новыи сы навѣсами,
Раздавили, раздавили
Залатуя чару,
Выпустили, выпустили
Сялавья изъ клѣтки.
Васплакалась, вазнѣжилась
Да свѣтъ-Машинька:
— „Хтой-та меня, хтой-та меня
Будить рана будить?“ —
Атазвалси, атазвалси
Да свѣтъ-Ванюшка:
— „Я тибѣ буду, я тибѣ буду
Буду рана будить“.—

*) Въ томъ же XV вып. „Сборника матеріаловъ“ на стр. 155 на-
ходимъ болѣе полный вариантъ.

**) Вариантъ этой пѣсни записанъ въ ст. Бороздинской. „Сборни-
к матеріаловъ для опис. мѣстн. и плем. Кавказа“, вып. VII, I, стр. 75.

Затѣмъ молодые ѣдутъ въ церковь, а присутствующіе забираютъ *приданое* невѣсты и несутъ съ пѣснями и криками въ домъ жениха, при чемъ поютъ:

16. Сястрицы-падружки,
Няситя падушки,
Мягки, пухавыя,
Съ гору высавія.
Сястрицы-падружки,
Няситя перины,
Мягки, пухавыя
Съ гору высакія! *)

17. Свашинька гостей ждала,
Каврами дворъ слала,
Каврами, бабрами,
Чорными сабалями.

Любовныя пѣсни.

1. Касиль Ваня травушку
Всё зилѣнипьяю, —
Любилъ паринь дѣвицу
Всё малодиньяю;
Не долга паринь любилъ:
Скора бросилъ, позабылъ.
Са восточной са старонки
Духъ пріятный воздухъ идеть.
Живеть-паживаить Поля
Въ новамъ крашенамъ дамѣ.
— „Пайдемъ съ табой, Поля,
Ва зилѣнай садъ гулять!

*) Сравни „Сборникъ матеріаловъ для опис. мѣсти. и имен. Кавказа“, вып. XV, 1, 156.

Давай съ тобой, Полинъка,
Ночку начавать! —
Рвѣть-сриваить Поля
Сладкай, спѣлай винаградъ,
Кидаить-брасаить Поля
Къ сваму миламу на кровать;
Киданть-брасаить Поля
Ка Ванюши на кровать... *)

2. Часаль милай кудерки
Частымъ гребешкомъ.
Расчашомши кудерки,
Сваи валаса ли,
Пухавую шляпачку
Маладецъ надѣлъ;
Надѣвши онъ шапачку,
На Дуну-рѣву пашоль.
Шапачка пуховая,
Сибирачка **) новая
На немъ зиянѣя.
Шоль милай на бережку,
Шоль милай на крутаму
Надъ быстрай рякою:
Пириходъ милай искалъ.
Нашоль милай жордачку,
Нашоль милай тонкую
Надъ быстрай рякою.
Онъ на жордачки пашоль,
Ана пирламилась;

*) Ср. „Сборникъ матеріаловъ для опис. мѣстн. и пл. Кавказа“ — Вып. III, отд. II, стр. 85; также „Великорусскія народныя пѣсни“, изд. проф. А. И. Соболевскимъ, томъ V, № 81. По всей вѣроятности, въ данномъ варіантѣ слито двѣ пѣсни и довольно неудачно. *Ред.*

**) Кафтагъ.

Шапачка свалилась
На нѣмъ пухавѣя,
Сибирка смачилась
На нѣмъ зилѣяѣя...
Кричить милай: „патапу!“
Услыхала дѣвица,
Услыхала красная
Изъ високава тирямѣ,
Изъ касящата агна.
Брала дѣвица ведирки,
Красная крамыльца, *)
На Дуну-рѣчку пашла, **)

3. Сняжки бѣлаи пушисты
Принакрыли всѣ паля;
Адна поля ни покрыта,—
Поля батюшки маво.
Среди поля есть кусточикъ,
Адинѣшинька стаить,
Къ зямли вѣтачку не клонить,
Знать, листочкавъ на нѣмъ нѣтъ.
Пайду съ горя въ чиста поля
На високай бугарокъ ***);
Стану, глянѣ въ ту старонку,
Гдѣ мой милинькай живѣтъ.
А мой милай, голубъ сизай,
Вдоль на берижку плывѣтъ;
Машить милинькай рукою,

*) Коромысло.

**) Эта пѣсня представляетъ очень много общаго съ записанной въ ст. Темизбекской (Куб. обл.; см. „Сборн. матер. для описанія вѣсти. в пл. Кавказа“. Вып. III, отд. II, стр. 81. Ср. также № 78 въ V томѣ „Великорусскихъ народныхъ пѣсень“, изд. проф. А. И. Соболевскимъ. *Ред.*

***) Вар.: На високай на курганъ.

А я шолкавымъ платкомъ.

. *)

4. Малодка, малодка маюдинькія (sic),
Галовка твая паб'днннкія!
Нé съ кимъ мнѣ, малодки, папить-пагулять,
Папить-пагулять, ночку начавать.
Ляжу спать адна, безъ мила дружка:
Безъ мила дружка постель халадна,
Безъ мила дружка берётъ грусть-таска;
Грусть-таска берётъ, — далёка милай живётъ,
Далёка, далёка, на той старанѣ;
На той старанѣ, ни близка ка мнѣ.
Машить мнѣ милóй правою руко́й,
Рукой правою, шляпай чорнаю:
— „Малодка, малодка, пирійди суда!“ —
— „Я бы пирішла, пиріходу ни нашла;
Пиріходъ нашла — жордачка танка́,
Жордачка танка — рѣчка глубака.
Какъ ва этой рѣчки купалси бабёръ,
Купалси, купалси, ни выкуался,
Ни выкуался — только вымаралси.
Вышелъ на горячу, атрухивалси,
Атрухивалси, аглядывалси.
Ахотнички рыщуть, чорна бабра ищуть,
Хатять бабра бить, хатять падстрялить,
Хатять падстрялить, Маша шубу шшить:
Шубачка баброва — Маша чернаброва. **)

5. На гарѣ дажжокъ идётъ,
Туманъ падъ гарой, —

*) Многогочіе означаєть, что пѣсня до конца не доведана.

***) Сравни „Великорусскія народн. пѣсни“, изд. проф. А. И. Соболевскимъ, томъ V, №№ 184—196. *Ред.*

Хать часъ, хать часъ, мялинькай,
Астаньси са мной!
За дружкомъ я, дѣвица,
Сладочкамъ бязу;
За дружкомъ бязу,
Пакорна ево прашу:
— „Вярнись, вярнись, милинькай,
Варатись назадъ!
Если ни варотисси,
Гасподь-Богъ съ табой,
Гасподь-Богъ съ табой,—
Я пайду назадъ дамой*).“—

6. Дѣвица по саду хадила,
Красная крапивушку жала;
Дѣвицу раздумья схватила:
Штой-та я нимножка пажала?
Кажипца, ни съ кѣмъ ни стаяла,
Тольки я съ милымъ гаварила:
— „Вазьми мине, другъ, съ сабою,
Назави сястрою радною
Да послѣ жаной маладою!“—
— „Ахъ, ты, глупая красная дѣвица!
Видь, всѣ въ палку афицеры знаютъ,
Што нѣту у миня сястрицы-дѣвицы,
Тольки есть у миня жана маладая,
Да и съ ней живѣмъ ни въ савѣти,
Ни въ большой любви“.—**)

*) Ср. „Сборникъ матеріаловъ для опис. мѣстн. и пл. Кавказа“
Вып. III, отд. II, стр. 82, пѣсня № 123.

**) Эта пѣсня, по утверженію пѣвца, очень старинная. Варіантъ
ея записанъ въ ст. Боровдинской. „Сборникъ матеріаловъ“, вып. VII,
отд. I, стр. 84.

7. Гарѣла гарѣлачка,
Воску ярава свѣча,—
Ждала, ждала дѣвица
Удалова маладца.
Ни даждавшись, красная
Лажилася спать адна,
Безъ милава бизъ дружба.
На утриннай зориньки
Другъ на улицѣ прашоль,
Любимаю пѣсинку
На свисточикъ прасвисталъ.
— „Ты спишь, ни спишь, дѣвица?
Каво держишь на умѣ?“—
— „Я спать ни сплю, моладіць,
Тибѣ на умѣ дяржу.
Што жъ ты, дружокъ-моладіць,
Вечоръ позна (ка мнѣ) ни пришоль?“—
— „Затѣмъ, засѣмъ, дѣвица,
Призамѣшквалси съ жаной:
Съ угрюмай жаной
Кундермаршъ *) у насъ ишоль.
Угрюмая жонушка,
Ана сына минѣ радилá
И при этай при *бестдушки* **)
Низаконнымъ ***) мужемъ назвала.“—
— „Уже давно я, миленькій,
Давно тибѣ гаварю:
Ты убей, убей, моладіць,
Ту угрюмаю жану!“—

*) Перебранка, ссора.

**) *Бесѣда*—общество, компанія, гости; рѣчь идетъ, очевидно, о крестинахъ.

***) *Беззаконнымъ*—живущимъ не такъ, какъ законъ велитъ.

— „Ты, глупая, глупая дѣвица,
Неразумнава ты атца дочь:
Съ угрюмаю жонушкой
Минѣ вѣкъ съ ней вѣкавать,
А съ табою, дѣвица,
Только ночку начавать“.—*)

8. Пришла я дамой,
Сѣла я за столъ,
Писала пяромъ
Сваму батюшки паклонъ,
Сваму батюшки,
Рѣдной матушки.
По саду хажу,
Милага бужу:
— „Ты ставай, милѣй,—
Вижу свѣтъ бялѣй.“—
— „Ни магу я стать,
Галавы паднять:
Сладкихъ пойлицевъ
Я накушался,
Земляныхъ часовъ (?)
Я наслушался.“—

9. Ишоль-прашоль мальчикъ на праулку,
Ишоль-прашоль, вдарилъ абъ акошка:
— „Выди, выди ты, мая милѣя!
Выди, выди, радость дарагая!“—
— „Я бы рада къ тибѣ вытить,—
Законнай мужъ за ручиньку держать,
Держить мине къ тибѣ ни пушмаить.

*) Ср. пѣсню № 116 вып. III, отд. II „Сборника“ и № 4 вып. XV, I, стр. 69.

Выди, выди, грамавая туча,
Убей законнава мужа!
Аткуль взялась грамавая туча,
Убила, каво я любила...
Лутше бь я Бога ни малила:
Можить, маво милава ни убила бь!“—*)

10. Тумань-туманёчикъ,
Ни ясный динёчикъ,
За табою, туманёчикъ,
Ничево не видна;
Тольки видна скрозь тибе,
Тумань-туманёчикъ,
Зилёнай дубочикъ,
И тотъ пахилилси.
Какъ падъ этимъ подъ дубочкамъ
Стать дёвка съ паринёчкамъ.
Дёвка парню гаварить:
— „Ужъ ты, паринь-паринёчикъ,
Ни жанися хоть гадочикъ!“—
Ни паслушался с...нъ сынъ мальчишка,
Взялъ только жанился:
Ни взялъ краснаю дёвицу,
А взялъ только вдавицу;
Какъ у етай была у вдавицы
Двѣ красныхъ дёвицы...
. **)

11. Ой, скука, ты, скука-разлука!
Разлучила ты разлука

*) Ср. п. № 3 на 69 стр. XV вып. „Сборника“, гдѣ послѣднихъ четырехъ строкъ нѣтъ, но есть начало, вѣятое, кажется, изъ другой пѣсни.

**) Варианта этой пѣсни записанъ въ ст. Темижбекской. „Сборникъ матеріаловъ для опис. мѣстн. и пл. Кавказа“. Вып. III, II, 82.

Со милымъ дружкой навѣкъ.
Па питерской па дарожки
Не пыль-кура *) курить;
За той пылью, за курою
Маладой курьеръ бѣгить;
Онъ визѣтъ душѣ-Машѣ
Нирадосный привѣтъ:
— „Какъ тваво дружка милѡва
Ево вживѣ давно нѣтъ“.—
Ва терими душа-Маша
Воздохнула чижало:
— „Адинъ былъ садъ зилѣнай,—
И тотъ сталъ засыхать,
Адинъ былъ другъ любезнай,—
И тотъ сталъ забывать!“—**)

12. Прашшай, Маша,
Прашшай, Шаша,
Мая прежняя любовь!
Я тебе любилъ—
Щисливъ былъ,
Любить прирystalъ—
Нищасный сталъ.
Пайду съ горя
Въ чиста поля.
Тамъ на воли
Въ чистамъ поли
Лиса, кусты
Темны, густы.

*) Кура—клубъ, столбъ пыли, дыму и т. п.

***) Эта пѣсня представляетъ вариантъ къ записаннымъ въ ст. Темижбекской, Боровдинской и Наурской; см. „Сборникъ матеріаловъ“, вып. III, II, 86, VII, I, 79 и XV, I, 201—203,

Я ва тѣхъ лисахъ
Нагуляюся,
Са милымъ дружкоймъ
Павидаюся.*)

13. Прасти, мая любезная,
Прасти-прашай, мой свѣтъ!
Намъ сказана, намъ велина
Въ паходъ итить чѣмъ свѣтъ.
Мнѣ велина тако (sic).
Увижусь ли съ тобой?
А ты, мая любезная,
Пабудь типерь са мной!
И если въ томъ стражденіи
Я орденъ заслужу,
Съ какой ево я радостью
Тибѣ, свѣтъ, пакажу.
Падарки принасу я:
Расшиты башмаки,
Манжеты-абалхалы (?),
Щегольскіе чулки.
А можить, я въ стражденіи
Умру съ ружьёмъ въ рукахъ,
Страждаю, пабяждаю,
Самъ ни знаю какъ.

14. Ты прашай, прашай, милая,
Прашай, жисть-радость мая!
Я навѣкъ съ тобой расталси
И сирдечна распращалси;
Знать, тибя мнѣ ни видать

*) Сравн. „Великорусскія народныя пѣсни“, изд. проф. А. И. Соболевскимъ. Томъ V, № 25—30. *Ред.*

И въ гастяхъ ни начивать.
Какъ вечоръ, мая милáя,
Въ гастяхъ былъ я у тебе,
Ты ни ласкава принилá,
Агарчила ты минé.
Агарчила ты мине:
Нибылицу прайэнисла,
Нибылицу-путанáцу,
Пусты рѣчи и слава.
Что ни мало люди скажутъ,
Ты ни вѣрь имъ никагда.
Павѣрь минѣ, любезная,
Павѣрь совисти всягда,
Вѣрь, ни вру я никагда!
Я тибя, шельма, люблю!
Любилъ, люблю, любить буду,
Никагда я ни забуду.
Никагда я ни забуду
Сваю прежнiю любовь,
Какъ мы жили, висилились,
Забавлялися съ тобой,
Милавались, абнимались,
Цѣлавались, другъ мой!
А типерь, мой другъ любезнай,
Разлучаютъ насъ съ тобой.
Разлучила-развела
Чужа дальня старана,
Чужедалъная старонка—
Закаукáская страна.

-
15. Какъ всѣ дѣвки замужь таропюцца—
Миѣ у батюшки очинь харашо.
Милый скрылси, шельмецъ удалилси,

Знать, навѣки дружка не видать.
Онъ астави́лъ ми́нѣ на прощѣніе (sic)
Съ руки перстинь новой залатой.
День нашу кальцо на ручки,
На ночь кладу въ галавахъ.
Паутрѣ рана вставала,
Слязой горька́й абливала:
Всѣ падушачки маи пуховыи
Патанули ва слязахъ,
Адѣялица мая *камѣвая* *)
Ни сагрѣить маю бѣлу грудь.
Да я знала бѣ, распознала бѣ,
Сибѣ крылушки дастала бѣ
И еъ нямѣ бѣ я палатѣла,
Разбиссовиснымъ бы яво назвала.
Разбиссовиснымъ бы яво назвала:
Гдѣ ты совисть сваю патярялъ?
Иль на карты, на бильярты,
Аль въ арлянку праигралъ?
— „Я на карты, на бильярты,
Я въ арлянку средѣ ни игралъ.“ —**))

.

16. Въ тѣмнамъ лѣси круты горы,
Раставалась съ милымъ тамъ.
— „Абъ чомъ, дѣва, слѣзна плачишь
И вздыхаишь чижало?
Али тибѣ дружка жалка?
Забывай ты пра ниво!“ —
— „Я тада дружка забуду,

*) Съ изображеніемъ коней по ситцу.

**) Сравни. „Великорусскія народныя пѣсни“, изд. проф. А. И. Соболевскимъ. Томъ V, № 581. *Ред.*

Када скроюцца глаза.
Глаза маи закроюцца—
Я ни буду вѣкъ видать;
Уста маи запекѹцца—
Я ни буду цѣлавать;
Маи ручки атымѹцца—
Я ни буду абнимать;
Маи ножки атымѹцца—
Я ни буду съ нимъ гулять.
Вы здѣлайте мнѣ грабницу
Изъ дубовыхъ изъ дасшбѣкъ (sic);
Вы палашта въ нѣе тѣла
И пакройта кисяей;
Вы вырайта мнѣ магилу
Ва зилѣнамъ ва саду;
Вы слажитя мнѣ магилу
Изъ жжонава кирпичу,
Паняситя тѣла бѣла
На платняныхъ рушникахъ,
Вы спуститя бѣла тѣла
На шалвовыхъ паясахъ,
Вы засыптя тѣла бѣла
Изъ горъ жолтынимъ пяскомъ!“ —

17. Пралятѣла мая младась,
Словна мутная вада, —
Мила друга, маю радась,
Я ни вижу года два.
Какъ пайду я въ тотъ садочикъ,
Гдѣ мой милинькай гуляль,
Какъ сарву я тотъ святочикъ, *)
Чѣмъ мне милай уташалъ;

*) Цвѣточекъ.

А утѣшилъ, пригалубилъ
Онъ лазоревымъ святѣмъ.

18. Выду я на горачку,
Выду на крутѣ,
Гляну на свой край—
Глаза мѣтюцца,
Глаза мутюцца,
Слѣзы вѣтюцца.
Я пайду млада
Въ зелинѣ садъ адна.
Въ зилѣнамъ саду,
Всѣ падъ дульбаю,
Тамъ сидѣль голубь
Са галубкаю;
Онъ цалуицца,
Всѣ милуицца,—
Чужой мужъ глядять,
Всѣ дивуицца:
— „Какъ чужая житьѣ
Расприкрасная,
А мая житьѣ (sic)
Разнищасная!“ —
Аткуль ни взялся тутъ
Стрилецъ-маладецъ,
Добръ ахотничевъ;
Голубя убилъ,
Галубку схватилъ,
Панѣсь падъ палой
Да принѣсь дамой;
Пустилъ на кровать,
Пшана далъ клявать.
— „Што жа ты, галубка,

Ни вѣсила сидишь?
Ни весила сидишь,
Ни пьѣшь и ни жишь?
Или улитѣть
Ать миня хатишь? —*)

19. Мамаша дочь бранила:
— „Зачѣмъ ты такъ грусна?“ —
— „Сама пра то я знаю,
Въ каво я влюблина.
Люблю дружка смиртельна,
Люблю ево душой,
А онъ, такой каварнай,
Смѣѣцца нада мной.
Ни смѣйся, злой мучитиль,
Ни смѣйся нада мной!
Гасподь тебе накажить
Нищаснаю судьбой,
Нищаснаю судьбою —
Каварнаю жапой,
Каварнаю жаною,
Ничесными дитьми.“ —

Семейныя пѣсни.

1. Па морюшку синему
Либѣдушка плавала,
Сама слѣзна плакалась
На яснава сокала:

*) Ср. „Великорусскія народныя пѣсни“, изд. проф. А. И. Соболевскимъ. Томъ V, № 686—691. Правда, сходство довольно отдаленное; оно сводится къ тому, что охотникъ убиваетъ одного изъ голубковъ, а другой скорбитъ объ убитомъ. *Ред.*

— „Онъ убилъ, исмѣнъ *) саколь,
Бѣлава лебидя,
Асиратилъ маихъ
Малыхъ дѣтушикъ!“—

2. Съ горъ пагодушка падымалася,
Съ моря на моря гуси-лебиди
Прилятать стали.
Какъ адинъ старай лебидь
Ни падымицца;
Па начамъ лебидь ляталъ,
Па зарямъ онъ жалабна кричалъ;
Онъ кликалъ, онъ манилъ
Либѣдушку бѣлаю:
— „Аткликнись, атзавись,
Либѣдушка бѣлая!
Игдѣ ты, либѣдушка,
Свила сибѣ гнѣздушка?“—
— „Свила гнездо среди моря,
Среди моря, на острови;
Никто-та, никто къ маму гнезду
Ни далѣтывантъ, ни даѣжживантъ.
Ни далѣтывантъ исмѣнъ саколь,
А даѣжживантъ добрай моладиць,
Добрай моладиць на дабрѣмъ канѣ.“—**)
-

3. Ой, не па морюшку была
Была та па синиму,
Ой, не бѣлый ли та лебидь,

*) Исмѣнъ—ясень.

**) Варіантъ этой пѣсни записанъ въ стан. Наурской. „Сборникъ матеріаловъ“, вып. XV, I, стр. 206; въ немъ эта пѣсня слита съ предъдушей. Ср. также пѣсни подъ № 15 и № 18 на 100 и 102 стр. даннаго выпуска. *Ред.*

Ой, онъ, лебидь, всплывалъ.

Ой, не чорнай та ли воранъ,
Да онъ ва тѣмныхъ та ли лясахъ,
Ой, да воранъ васкаркнулъ,
Ой, онъ да васкаркнулъ.

Ой, не ва сыромъ бару

Не рябая та ли кукушичка,

Ой, кукушичка та васкукавала,

Ой, та ли васкукавала.

Какъ ва терими радная матушка,

Ой, та ли родная матушка,

Мать па сыну слѣзна плакала,

Ой, ана слѣзна плакала:

— „Ой, ты, дитѣ ли ты маѣ,

Дитѣ маѣ, дититка,

Да чадушка маѣ милая,

Ой, та ли маѣ милая!

Ой, атчиво жа ты, дитѣ,

Да ты, маѣ дититка,

Да такъ рана сыстарился,

Ой, рана сыстарился?

Па буйнай тваѣй галовушки,

Да ты, маѣ дититка,

Сиди́нушка прабивать стала,

Ой, да прабивать стала.

Охъ, а барадушка твая,

Да ты, маѣ дититка,

Бародушка, какъ лунь, бѣлая,

Ой, какъ лунь, та ли бѣлая.

Ой, да не я та ли тибя,

Дититка маѣ, сыстарила,

Или твая маладая жана,

Ой, маладая та ли жана?“—

— Ой, гасударыня, ты, мая
Радимая матушка,
Да не ты, не ты мне сыстарила,
Ой, та ли сыстарила.

Ой, какъ сыстарила миня,
Ой, миня, добрава молодца,
Сыстарила служба царская,
Ой, та ли служба царская.

Ой, да сыстарили та миня
Паходушки частыи,
А камандировачки дальная,
Ой, та ли дальная.“ — *)

4. Ты, дитѣ маѣ, чада милая,
Пачаму ты, дитѣ, радимаѣ дититка,
Ни бѣлай ты ходишь, ни румянтъ?
Атвѣтъ держитъ удалой моладіць,
Атвѣтъ держитъ матушки радимай:
— „Государыня ты мая, радимая матушка!
Не тебѣ бы, радимая матушка,
Было бѣ у миня спрашивати,
Да ни мнѣ бѣ была, раздобраму моладцу,
Тибѣ была сказывати.
Какъ служилъ я, удалой доброй моладіць,
На чужой ли дальней старанѣ,
На греческой ли моладіць на зямлѣ.
Давелося мнѣ тамъ, добру моладцу,
Вдоль па улицѣ прайтить;

*) Большинство казачьихъ пѣсенъ поѣтся на одинъ очень своеобразный напѣвъ, не имѣющій ничего общаго съ мотивами романсовъ и общезвѣстныхъ пѣсенъ: текстъ пѣсни обильно уснащается различными частицами, повтореніями предыдущихъ словъ или лишь слоговъ, причѣмъ почти всѣ слоги значительно удлиняются, растягиваются; примѣръ такой манеры пѣть представляеть приведенная нами пѣснь.

Прибычился я, доброй моладиць,
Къ красной дѣвицѣ, къ грѣчанкѣ-душѣ;
Какъ велѣла ана мнѣ, добру моладцу,
Позна вечерамъ къ ней въ гости притить;
Ни даждамши я пары времичка,
Моладиць, къ сударки въ гости пашолъ.
Увидаль мнѣ маладой грѣчанъ,
Пирхвятиль мнѣ сиради сваво двара;
Онъ взялъ, паднялъ мнѣ выше сваѣй буйнай галавы,
Приударилъ мнѣ абъ сыруа землю,
Серцымъ мамѣ, животомъ:
Сы таво та я, удалъ доброй моладиць,
Я ни бѣлъ хажу я ни румянѣ.“—*)

5. Разнещасный я радилси,
Што дасталась мнѣ страдать,
Атца-матри лишилси,
Самъ асталси сиратать.
Горька плакаль и малилси—
Всѣ атца сваво прасиль:
— „Гасударь ты, мой атець,
Ты садѣлай мнѣ канецъ!“—
— „Ужъ ты, сынъ мой дарагой,
Типерь дѣла за тобой!
Када былъ ты малюткай,
Тибѣ писана страдать,
И ва тюрмахъ, и ва нуждахъ,
И ва клѣтачки сидѣть;
И на ручкахъ, и на ножкахъ
Всѣ аковушки имѣть.

*) Ср. пѣсню № 5 въ „Сборн. матер. для опис. жѣстн. и плем. Кавказа“, вып. XV, I, стр. 299—300.

Злыи люди всѣ съ нажами
Па бакамъ тибя стаять;
Эта дѣла ни такія,
Штобъ абъ нихъ намъ гарявать.“—

6. Горя, кто каво ни любить,
Ни любить, да замужъ выходить;
Ташнить таво, кто съ кѣмъ растаѣцца...
Раставалси паринь са дивчонкай:
Раставанья у нихъ была гариванья,
Савыканья у нихъ была тайна. *)

Военно-бытовья пѣсни.

1. Старана ль ты, мая старонушка,
Старана мая чужая!
Да ни самъ я на тибе, мая старонушка,
Ни самъ я зашолъ-заѣхалъ;
Занисла-та миня, добрава моладца,
Занисла миня ниволя.
Ниволинъ я былъ, добрай моладицъ,
Ниволинъ я былъ, кручининъ.
Да никто-та пра маю кручинушку,
Ниего пра ніе ни знаять,
Тольки знаять пра ніе, кручинушку,
Сердечушка маѣ ретивбѣ.
Ой, какъ закрыта ты, маѣ сердечушка,
Закрыта грудью бѣлаю,
Ой, какъ запичатана, маѣ ретивбѣ,
Запичатана думай крѣпкаю.

*) Ср. п. № 3 въ „Сборн. матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавк.“,
вып. XV, I, стр. 69.

2. Какъ на горки-горачки, на крутой гарѣ,
Стаяла древица танка, висакá,
Танка, висака—листомъ ширака,
Листомъ ширака—карнёмъ глубака.
Падъ етай падъ древицей выросла трава,
Выросла трава, трава шолкава.
На етай на травушки разосланъ кавёръ,
Разосланъ кавёръ, братцы, кавёръ шолкавай.
Какъ на этомъ коврики два стула стоять,
Два стула стоять, два тачонаи,
Два тачонаи, пазалачонаи.
Какъ на этихъ стуликахъ два братца сидять,
Два братца сидять, два радимаи.
Какъ меньшей братъ старшому гаварить:
—„Ты, братиць мой, братиць радимай!
Да што жъ ты, мой братиць, нивесиль сидишь,
Нивесиль сидишь, ни пьёшь и ни јишь?
Али тибѣ, братиць мой, гульба ни мила;
Гульба ни мила, ѣства ни сладка?
Али надаѣла чужая старана?“—
—„Ты, братиць мой, братиць, братиць радимай!
На чужой старанѣ жить умѣючу,
Жить умѣючу и разумѣючу:
Пакорливаму быть, паклонниваму,
А мая галовушка нипакорливая,
Нипакорливая, нипаклоннивая.“—*)

3. Выша лѣсу, лѣсу тёмнава,
Выша садику зилѣнава,
Тамъ ляжала *шляхъ-дарожника* **)

*) Ср. эту пѣсню съ записанной въ сосѣдней съ Галюгаемъ Ищерской станицѣ. „Сборникъ матеріаловъ“, вып. XV, I, 266.

**) *Шляхъ (мр.)*—дорога; у казаковъ лишь въ смыслѣ—большая, „столбовая“ дорога.

Приукатана, приубита,
Гарючѣй слязой приулита.
Никто па ней ни хаживаль,
Ишоль тольки паринь маладой,
Пранёсь листь бумажки надъ палой.
На бумажки написана,
Написана—намулёвана,
Пра двухъ братьевъ спаминёвана:
Какъ миншой братъ ва Туречини идеть,
А старшой братъ убиранца,
Съ атцомъ-матирью прашпанца:
— „Али я вашъ былъ ни работничикъ?
Али я вашъ былъ пустадомничикъ?
Или я вашъ былъ горькій пьяница?“ —

4. *Шашка.*

Паслужила ты, стальная,
На турецкихъ галавахъ,
Адахни жъ типерь, радная,
Въ черныхъ *хозавылъ* *) нажнахъ!
Ты сироткай одинокай
Нѣжна гладншь грудь маю
И работаю жестокай
Атличалася въ баю.
Лишь, бывала, агласицца
Пиридъ фронтамъ: „Шашки вонъ!“
Ты, какъ свѣтлая зарница,
Выхадила изъ нажонъ.

5. *Казачье житѣ-бытѣ.*

Полна вамъ, сняжочки, на талой зямлѣ ляжать,

*) *Хозъ*—черная козловая кожа, служащая для обтягиванія ножонъ кинжаловъ и шашекъ.

Полна намъ, казаченьки, гора гарявать!
Аставимъ тасну-пичаль ва тёмныхъ ва ляхахъ,
Будимъ привыкать къ чужой, дальней старанъ,
Будимъ уважать чужой маладой жанъ.
Съ дѣвками, съ маладкими полна намъ гулять,
Пярины, падушички пара намъ забывать;
Чебменикъ, бешметикъ ня нада намъ свидать...
Ещо не забыть намъ пра каней вараныхъ.
Есть у насъ, рибятушки, крупа и мука:
Кашицы навбримъ, мягкихъ хлѣбовъ напикѣмъ,
Сложимси па денижки—пашлѣмъ за винцомъ:
Выпимъ мы па чарачки—пазавтракаемъ,
Выпимъ па другой—разговоры завидѣмъ,
Выпимъ мы па третьей—съ горя пѣсни запаѣмъ.
Мы паѣмъ, паѣмъ, паѣмъ пра сваю житьѣ-бытьѣ:
Казачья житьѣ, права, лучша всяво:
У казака домъ—чорна бурачка,
Жана маладая—винтовачка.
Събздю дамой, на винтовку пасматрю,
Штобъ мая винтовка чиста смазана была,
Па случаю тревоги штобъ заряжена была.*)

6. Съ вечиру намъ, маладымъ казачинькамъ,
Приказъ адданай былъ:
Да штобъ были у насъ, у казачинькавъ,
Были ружьи чистаи;
Да у насъ были замки справнаи,
Да у насъ, казачинькавъ, были крямни новаи,
Да штобъ пашки у насъ были тбчинаи,
У насъ, у казачинькавъ, были кони сѣдланаи,

*) Сравни. „Сбор. матер. для опис. мѣстн. в плем. Кавказа“, вып. XV, I, 75—76; особеннаго вниманія заслуживаетъ примѣчаніе на стр. 76.

У насъ, казачинькавъ, были сумы владинаи,
Штобъ у насъ были бурен вязанаи...

7. Ты, далина, ты, далинушка,
Раздольица широкая!
Па тибъ, мая далинушка,
Вырастала кавыль-травушка.
Какаво лихво было кавылушки
Стаять въ поли—сохнути,
Такаво-та лихво нашимъ казачинькамъ
Стаять была на границѣ мокнути.
Паутру ни бѣлая ли парошица
Ана, братцы, выпадала,
А ни рябая кукушичка
Паутру рана прилятала;
Ана намъ, братцы, въ паходъ рана абъявляла;
Апа намъ рана паходъ абъявляла:
— „Вы вставайтя-ка, маладыи казачиньки,
Вы вставайтя-ка паживѣя,
Да сядлайтя-ка дабрыхъ вапей,
Да яжжайтя-ка паскарѣя!“ —
-

8. Ужъ вы, ночи мая, ночи тѣмнаи,
Надаѣли вы мнѣ, надаскучили,
Маладому казаку на часахъ стаять!
Прастаяль казакъ всею нѣчиньку,
Всею нѣчиньку, всею тѣмнаю:
Празнабилъ ли казакъ сваи ножиньки,
Праглядѣль ли казакъ сваи очиньки,
Праглядѣль ли казакъ сваи яснаи.
-

9. Въ чистамъ поли край дароги
Маладой казакъ каня пасѣтъ,

А изъ сабельки аганёкъ *красѣть*. *)
Онъ стрѣлачки ламалъ-раскладывалъ,
А сваи ли раны развязывалъ:
— „Рапы май, раны, раны кравѣвыи!
Вы кровью прашли, да сердца дашли.
Привяжу я каня а *прикола* **) дубѣвава,
А *прикола* дубовава, а чумбура ***) шалѣѣвава.
Коникъ мой варонинькій!
Ламай *приколъ* дубовинькій,
Рви чумбуръ шалевинькій,
Бяги, добрай конь, да доминьку,
Прибѣги, конь мой, къ воротичеамъ,
Ударь, мой конь, капытичеамъ,
Праржи своимъ галасочичеамъ!
Мая матушка къ тибѣ выйдить,
Ана пра минѣ у тибѣ спросить.“ —
Услыхала каня матъ,
Бижить сына пастричать;
На падворье выхадила,
Каню сваму гаварила:
— „Коникъ ты мой варонинькій,
Идѣ жъ твой панъ малодинькій?“ —
— „Мой панъ сваму царю служить;
Онъ выслужилъ далинушку,
Глубокую магилушку“. —
— „Када мой сынъ дамой придѣтъ?“ —
— „Пади, мати, къ синю морю,
Взайди, мати, среди моря,

*) Выбиваетъ; ср. *красало*.

**) *Приколъ*—коль для привязыванія коня въ погѣ.

***) *Чумбуръ*—недоуздокъ, поводъ, ремесъ для привязыванія коня къ приколу.

Дастань, мати, са дна пяску,
Рассѣй пясокъ на камушку,
Паливай яво гарючѣй слязой!
Када этать пясокъ вэайдѣть,
Тада твой сынъ дамой придѣть.“ —*)

10. Служилъ казакъ три гадочка;
На четвѣртымъ гаду забалѣла ово сѣрца,
Сы горя забалѣла, сы кручѣны.
Выду я за варота, глянупа на востокъ солнца:
Са востокъ солнца идѣть полкъ линейнай.
Вотъ узналъ я сваяхъ таваришшевъ
И спросилъ ихъ пра родъ-племя свой.
— „Тваво роду-племя вживѣ нѣту:
Атца-матирю тваво зладѣи убили,
А маладую жану тваю въ плѣнъ взяли,
Малы дѣтушки астались сираты.“ —
-

11. Зайду я ва горницу ва кáминную,
Сяду я на лавачку на тисѣвую,
Растварю аеопички я ерустальныи,
Падапру *надпорачки* **) сиребринай,
Глянупа вдоль на улицы па широкай:
Ни ѣдять ли милай мой?
Всѣ палки казачѣи дамой идуть,
А маво дружба милова ва калызачеи вэзуть:
Яво галовушка прочь атрублинная...
-

*) Сравни пѣсни въ вып. XV „Сборника“, стр. 199—200 (см. также примѣчаніе на этой страницѣ) и 326—327; также „Великорусскія народныя пѣсни“, изд. проф. А. И. Соболевскимъ, томъ I, №№ 381—407. Ред.

**) Волковое окно, поднявъ вверхъ, надо подпереть, чтобы не закрывалось.

Какъ тутъ я, младёшинька, испужалася,
Са бѣлава личинька саминялася. *)

Историческія пѣсни.

1. Ой, вы, ночи маи, ночи темнай!
Ни даётя вы, ночи, поспать-полежать...
Сабирались палки казачіи ва единой кругъ;
Ва круги стаять царская знамичка;
Падь знамію стаять пазлачонай стуль;
На стулу сидить атаманушка.
Онъ рѣчь гаварить, ровна ва трубу трубить:
— „Слуги маи, други, слуги царскіи!
Паслужитя царю вѣрай-правдаю,
Нашиму импяратору“... **)
2. Воздалеча ты, православнай царь,
Гдѣ ты либа убирайшься? ***)
Убираица нашъ православнай царь
Далико ли, нѣтъ ли, на ахотушку.
Не адинъ онъ на ахотушку убираица—
Са свайми ли всё са гвардейцами.
Наяжжаить нашъ православнай царь
Въ лясу темнымъ на избушничку,
И васкликнулъ онъ громкимъ голасамъ:
— „Кто ты есть въ этой *сталбянушички*, *****)
Выходи татчасъ ты ка мнѣ суда!⁴—
И выходить къ няму мальчижачка;

*) Сравни. „Великорусскія народныя пѣсни“, изд. проф. А. И. Соболевскимъ, томъ VI, №№ 282—285. *Ред.*

**) Ср. „Сборникъ матеріаловъ“, выи. XV, стр. 282.

***) Т. е.—куда же ты собираешься?

*****) *Столбенушка*—избушка.

На немъ шапачка кабардиначка,
Да и та надѣта на правѣ ушкѣ.
— „И не воръ живу, не разбойничикъ,—
Здѣсь живу я багамольничикъ.“—*)

3. Да не съ тучушки вѣтерочки дують,
Ой, не изъ дубровушки въ поли шумять;
Да не сизаи арлы въ поли вьюцца,
Ой, па паднебесью ани лятять;
Да не сѣраи гусюшки кагачуть,
Ой, па-надъ плѣсами гуси сидючі,—
Какъ восплакались маладыи наши казаченьки
Пиридь Бѣланмъ Царѣмъ стаючі:
— „Да ты, батюшка, нашъ царь-надѣжа,
Ой, православнай ты нашъ государь!
Ой, бывала-ча да ты, царь-надѣжа,
Многа насъ дарилъ, многа жалавалъ,
А типерь ничѣмъ ты насъ, царь-надѣжа,
Ничѣмъ насъ ни пажалавайшь...
Ты пажалавалъ бы насъ царь-надежа,
Быстрымъ Терикамъ са пратокими!
А ещо пажалавалъ бы, царь-надежа,
Славнымъ городамъ са падсѣлками.“—
Какъ взглянулси тутъ царь-надежа,
Ой, какъ па Терскихъ та ли казакѣвъ,
И атдалъ имъ оны быстрай Терикъ
Владѣть во-вѣки вѣковъ... **)

4. Миждѣ Куры мѣжду Малки ***)

*) Ср. „Сборникъ матеріаловъ“, вып. XV, стр. 207—208; пѣсня и примѣчаніе къ ней.

**) Ср. „Сборникъ матеріаловъ“, вып. XV, стр. 283; особеннаго вниманія заслуживасть примѣчаніе къ пѣснѣ. *Ред.*

***) Рѣки въ Большой Кабардѣ.

Не плугами поля пахана, ни сахами,
А параспахана чисто поли конными капытáми;
А засѣина чисто поля пи всхожими симинами,
Засѣина чиста поля казачьими галавами;
А завалочина ано конными хвастами...
Нихто та, ништо въ этаму рать-силѣ ни привѣрница,
Толька наязжалъ на эту рать-силу виликую
Адинъ князь Димитрій
И удивилси па эту рать-силу пабитую:
— „Атъ каво эта измѣна случилáся?“ —
Атвичала адна галава ему п сказала:
— „Случилáсь измѣнушка ни атъ казачинькавъ,
Случилáсь измѣнушка атъ бальныхъ начальничкавъ.“ —*)

5. Какъ падули витерочки буйныи—
Пакачнулись горы крутыи Казбикскіи...
Па гарамъ-та па тѣмъ па крутымъ.
Па ущельицамъ глыбокѣимъ,
Тамъ идѣтъ-та, идѣтъ сила расійская.
Паперѣдъ ѡнъ идѣтъ самъ Г'удовичъ-князь,
Ва рукахъ та держитъ онъ свой вострай мечъ,
Имъ грѣзитъ онъ, грѣзитъ шаху пирсидкаму:
— „..... Шахъ пирсидкай, шахъ!
Ты за што, ты за што
Срубилъ голову князю Циціанову?
На каво ты, зладѣй, панадѣилси?
Аль надѣишьси ты на Грузію?“ —

.

6. Ты, Расѣя, ты, Расѣя
Ты, Расейская зямля,

*) Вариантъ: атъ бальныхъ баяръ. Ср. также „Сборникъ матеріаловъ“, XV, стр. 280—281.

Многа крови пралила,
Многа силы забрала!
Платовъ-казакъ воинъ былъ,
Сибѣ бораду ни брилъ.
Кагда бораду пабрилъ,
У француза въ гастяхъ былъ.
Французъ яво ни узналъ,
За купчину признавалъ,
Сы добра капя сымалъ,
Ва палату зазывалъ,
За дубовый столъ сажалъ,
Рюмку водки наливалъ
И купчинѣ поднасилъ,—
Абъ стаканачки прасилъ:
— „Ты, купчина, ты, купецъ,
Ты, расейскій маладецъ!
Выпей рюмку, выпей двѣ,
Скажи всѣю правду мнѣ
Пра Платова-казакá!
Онъ въ разоръ насъ разарилъ:
Я уже золата сарилъ,
Многа золата тирялъ,
Пра Платова узнавалъ.“—
— „Наштó золата тирять?
Яво такъ можна узнать:
Онъ—одно лицо са мной,
Ровна братъ мнѣ радной!“—
Дочь француза дагадалась,
Патреть начила сматрѣть (sic).
Платовъ-казакъ дагадалси
Изъ палаты выходить,
На крылсчиѣ выбгать,
Будта письмецы брасать.

Онъ не письмецы брасалъ,
Громкимъ голасамъ свричалъ:
— „Ой, вы, слуги, маи други,
Вы, данскіи казаки,
Вы падайти-ка кани
Падъ Платова-казака!“ —
На кани Платовъ садница
И французу гаварить:
— „Ахъ, варона, ты, варона,
Зачумённая *) карга!
Не сумѣла ты, варона,
Јсна сокала паймать,
Сизыи пѣрышки ашшипать,
На чисту полю пускать,
Не сумѣла ты Платова
У себе въ гастяхъ дяржать.“ —
Тутъ французъ пазбунтавалси,
А Платовъ-казакъ памчалси —
Толька пыль сталбомъ пашла
Атъ французава двара. **)

7. То не буря зашумѣла
Ва сыромъ бару зимой, —
Вѣсть въ народи пралятѣла:
Мы въ паходъ идёмъ ясною.
Па линеюшкѣ Кавказскэй
Не сизой арѣль лятить, —
Приказъ строгай атаманскэй
Ту жа вѣстачку втарить:

*) Летающая за гумнами, на задворкахъ.

**) Ср. варианты той же пѣсни, помѣщенные въ „Сборникъ матеріаловъ для опис. мѣстн. и плем. Кавказа“, вып. VII, стр. 118—119 и вып. XV, стр. 89—90.

Выступать чтобъ намъ сатнѣми,
Какъ ани въ састави есть,
Ружьи съ новыми кремнями,
Шашки востраи имѣтъ...

Падъ начальствамъ Варанцова

Лесна даже памирѣтъ;

Какъ онъ скажить два-три слова:

„Шашки вонь!“ —летимъ на смерть.

Мы давно ради страждѣнца
Съ крѣважѣднаю ардой,
И намъ ночивѣ бѣяцца—
Палѣтимъ на новой бой!

Пусть Шамиль завалы строить,

Сваи башни да небесъ,—

Намъ кумыцѣкаи завалы,

Башни вѣжутся, какъ лѣсъ. *)

Какъ за Сунъжай за рѣкой
Казакъ помиръ послѣ бою;
Кровь бижить изъ раны злой,
И паникъ онъ галавою.

Соляталѣся вароны

Изъ лѣсовъ са всѣхъ старонъ.

—„Атнѣситѣ вы, вароны,

Атцу-матѣри паклонъ!

А жанѣ маѣй свѣжитѣ,
Што жанѣли на другой,
На пивѣсти тихай, скромнай,—
На пулички свѣнцѣавой.“ —**)

*) Т. е. грозны не болѣе, чѣмъ обыкновенный лѣсъ.

***) Вариантъ этой пѣсни, записанный въ ст. Бороздинской („Сборникъ матеріаловъ“, вып. VII, стр. 100), оканчивается нѣсколько иначе. См. также вып. III, отд. II, стр. 95 и вып. XV, стр. 209.

Дѣло 1857 г. у рѣки Мечукъ.

Выша горъ, выша горъ и мечетей
Идѣть сотня казаковъ-усачей.
Впирѣдъ идѣть командиръ маладой,
Видѣть бравыхъ казаковъ за сабой.
— „Са мной, братцы, ни рабѣй,
На завалы паживѣй!
Скоримъ шагомъ на заваль—
Къ врясту, перьвый хто впирѣдъ приближалъ!“—
Чударочковъ впириди усачей,
Шашку въ зубы—и въ воду вскачили.
Вспомнимъ, братцы, какъ громили Мечукі: *)
Мы съ Куринскай высаты, высаты!
Смотримъ, братцы, какъ быстра рѣчка течоть,—
Полкъ Баекланавъ намъ дорожку прасичоть.
Эта, братцы, пустыяи, пустыяи,
Мы паднимемъ здѣшнихъ горцевъ на штыви.
Какъ увидимъ мы значки у татаръ,
Приготовимъ имъ Баекланавскій ударъ.

Пѣсня аллегорическаго характера.

Среди поля кариковистъ дубъ.
На дубу карешики булатныи,
А у дуба вѣтви хрустальныи;
Падъ дубомъ стойла канипыи,
На дубу присядишпа сакалиныи.
Пазаспорился тутъ исмѣпъ саволь,
Пазаспорился са дабрѣмъ канѣмъ,
Не а сто рублей, не а тыщѣ,
А заспорилъ саволь а буйнай галовушени:

*) Ауль въ Большой Чечнѣ.

Бязать каню па чисту полю,
А саволикю лятѣть па снню морю
Да калодизя да студѣнава.
Вотъ конь бяжить—ровна громъ грымть,
А саволь лятить—калаколь звянить...
Конь стаять часъ у калодизя,
И другой пашоль—саволь лятить,
И упалъ онъ каню ва рѣзвы ноги:
— „Не убей мене, добрый конь!
У саволика глазѹшки завидушшии,
А крылушки иво загребушшии,—
Налятѣль я на гусей-лебедей,
На сѣрыхъ утушкавъ,
И затѣмъ я призамѣшкался.
Гаварить яму тада добрый конь:
— „Аставляю тебе живымъ маладымъ,
Да не спорь ты а буйнай галовушки.“—*)

Пѣсни шуточныя и плясовыя.

1. Между Наўрамъ межъ Галюгаемъ
Пасялилси гарадокъ: **)
Палавина на гарѣ,
Палавина въ балки;
Пѣ два вѣра на дварѣ,
На улицы *сѣлки*. ***)
Живуть ани при дароги,

*) Ср. „Сборникъ матеріаловъ для опис. мѣсти. и плем. Кавказа“, вып. VII, 122. Печатаемая теперь пѣсня отличается гораздо большей полнотой и законченностью. *Ред.*

**) Ишоры—станция около Галюгаевской, ниже по Тереку въ 18 верстахъ.

***) Драки, скандалы.

У нихъ частыи тревоги,
Грабежѣ да кражи,
Разбѣйки, прапажи.
Живуть ани, ни гаркуютъ,
Што папала, то варуютъ...
Ходють въ прагулку
На широкаму праулку,
Ходють—пѣсинки *тачають*, *)
Гдѣ што плоха, примачають.
День у нихъ въ трудахъ,
Ночь въ дабычахъ.
Харошіи люди тамъ рѣдеа,
Зато запираюцца ани крѣпка:
Чуланную дверю на *запѣрку*, **)
Избяную на крючокъ,
Въ галавахъ владѣть ружейца,
А падъ бокъ *дрючокъ*. ***)
Вотъ бднннхъ спить-начуить. .
Воръ лѣзить—онъ ни чуить,
А хотъ и чуить, такъ малчить.
А затѣмъ онъ малчить,
Што кинжалъ у горла тарчить.
Ему ни хочицца памирать,
А воръ лѣзить абирать...
Стали рѣже варавать,
Стали мѣртвыхъ атрывать;
Рокуть—спяшать,
Вырають—*растѣлешать*. ****)
Пазабыли Бога и отца—

*) Напѣвають, мурлыкають.

**) Засовъ.

***) Дрючокъ—дубина, колъ, суковатая толстая палка.

****) Раздѣннуть донага.

Обдирають даже мертвеца.

2. Прі́ехали таргаши,
Рибятушки хараши,
Всяво многа привязли.
— „Здрастуй, тѣтя, здрастуй, тѣтя,
Здрастуй, тѣтинька мая!
Иди, бярн бялила!
За бялилу—кабылу.
Иди, бярн румяну!
За румяну—скирдъ авса.
Иди, бярн чорну бровь!
За брову—варову“.
- На тотъ часъ и мужъ на дворъ.
— „Што жъ ты, жана, бѣлая?“—
— „Муку, судырь, сѣяла.“—
— „Што жъ ты, жана, румяна?“—
— „Проти жару стаяла,
Кисель ложкаю мяшала,
Аттаво румяна стала.“—
— „Што жъ ты, жана, чарнаброва?“—
— „Я лучину, судырь, драла
И за бровушку шшипала,—
Съ таво жъ ана чорна стала.“—
— „Идѣ, жана, кабыла?“—
— „Паить, судырь, вадцала,
Въ трясинушку утапила.“—
— „Идѣ, жана, корова?“—
— „А наша варова
Што-та стала низдарова,
Задрала хвостъ дугою,
Бяжала въ дуброву.“—
— „Идѣ, жана, скирдъ авса?“—

— „Маланьюшка *) падажгла.“ —

— „Идѣ, жана, *побелу?*“ — **)

— „Развѣяла по палю.“ —

3. Каваль ты мой, кавалѣчикъ!

Раздуй сибѣ аганѣчикъ,

Скуй Ванюши тапарочикъ!

Пашолъ Ваня ва лисочикъ,

Срубилъ въ ясу *асяночикъ*, ***)

Здѣлалъ Тани *хладочикъ*, ****)

Штоба мухи ни лятали,

Камарики ни кусали.

Аткуль взялси авадочикъ,

Укусиль Таю за лабочикъ.

.

4. Я въ ясу бывалъ—бярѣзу рубалъ,

Бярѣзу рубалъ—на возикъ складалъ,

На возикъ складалъ—арканамъ вязалъ,

Бурѣнку прыгалъ—бичомъ паганялъ,

Бичомъ паганялъ—бичомъ ни па чомъ.

Въ Маздокъ атсылалъ—армянамъ прадалъ,

Армянамъ прадалъ—деньги палучалъ,

Деньги палучалъ—хадилъ па начамъ,

Хадилъ па начамъ—дивчонку видалъ,

Дивчонку видалъ—за груди хваталъ,

За груди рукой—за кунку другой.

5. Заиграй, мая валыника!

Люба, люба, люба, люба!

*) Молнія.

**) Т. е.—куда же дѣлся пепелъ?

***) Молоденькую осинку.

****) Балаганъ, шалашикъ.

Ой, чобъ, мая чибаточки,
Вы премилиаи дружочки!
Если бъ чарачку гарѣлки,
Я ба пьяна напилася.
Жарковица на тарелки,
Я на мужу скучилася.
А мой мужъ на такѹ, на такѹ,
А я ему пироговъ напиаву;
Мой мужъ изъ-падъ горячки катѣть,
А я ему самаваръ кипятить;
Мой мужъ на парогъ, на парогъ,
А я ему на тарелачки пирогъ;
Меня мужъ батагомъ, батагомъ,
А я ему на зубамъ пирогомъ
Баць! *)

6. Силизѣнь заганяль утку:

— „Пади, утица, дамой!
Пади, сѣрая, дамой!
У те семира дитей,
Васьмой силизѣнь,
Сѣлизинь Васютка;
Дивятая утка,
Утка Мареутка.“ —

Хороводная пѣсня.

Пайду, млада, въ тѣмный лѣсь,
Ой, дѣва, ранѹ, въ тѣмный лѣсь.
Сарву, млада, кленовъ листь,
Ой, дѣва, ранѹ, кленовъ листь.

*) Пѣсня, очевидно, малорусскаго происхожденія.

Спишу, млада, грамату,
Ой, дѣва, ранѣ и т. д.
Па бѣламу бархату,
Пашлю, млада, къ батюшка,
Къ сударыни-матушки:
— „Судырѣ ты мой, батюшка,
Сударыня-матушка,
Ведите ль мнѣ паиграть,
Въ карагоды *) паплясать?“ —
— „Играй, наша дятитка,
Пляши, наша милая!
Какъ старая будишь,
Играть ужъ ни будишь.“ —
— „Я старости ни хачу,
Въ нагахъ иѣ застапчу.“ —**))

Духовные стихи сектантовъ.

1. Ой, праспали мы, прадрымали мы
Да всю царствію небесную.
— „Ужъ вы, голуби, да вы, бѣлы!“ —
— „Мы ни голуби, мы ни бѣлы,
А мы ангелы да хранители,
Да душамъ вашимъ пакравители.
Мы лятали па душамъ грѣшнымъ,
И видали мы дива дивная,
Дива дивная, чуда чудная:
Какъ душа съ тѣламъ раставалася,
Какъ ана съ грѣшнымъ распращалася.
Раставалася, распращалася:

*) Карагодъ—хороводъ.

**) Ср. „Сборникъ матеріаловъ“, вып. XV, стр. 157.

— „Ты прасти-пращай, тѣла грѣшная!
И въ тебѣ прибила,
Какъ въ тюрьмѣ прабила.
Какъ тибѣ, тѣла, въ сыру землю итить,
А мнѣ, душѣ, на тотъ свѣтъ лѣтить (sic),
Пиридь Госпадамъ быть,
Предъ престоламъ стаять,
Грѣхи Богу здавать.
Какъ грѣшнымъ душамъ раздѣленіе есть:
Грѣшники на лѣвую сторону стаять,
А правидники на правую.
Правидникамъ царствіе небесная,
А грѣшнымъ душамъ мука вѣчная,
Мука вѣчная— бизканечная.“—*)

-
2. Сатвариль Гасподь землю и неба
И Адама у раю.
Запавѣдалъ Гасподь райская древа
Тибѣ, Ева, искушать.
Но идоль щасливый,
Духъ прельстивый,
Началъ Еву искушать:
— „Искуси ты, Ева,
Съ этава древа,
Вавѣкъ будишь багавать!“—
Ева пахадила,
Вѣтачку схилила,
Иіе въ руку сарвала;
Сарвала ана ва руку,
Искусила адну штуку
И Адаму падаётъ,

*) Сравни „Сборникъ русскихъ духовныхъ стиховъ“, составлен-
ный В. Варенцовымъ, стр. 144—145,—„Стихъ о грѣшной душѣ“. *Ред.*

А онъ иѣ ни бирѣтъ;
Онъ ни принимаить,
Чи жало вздыхаить,
Самъ на неба пазираить:
„Што жа ты, Ева, сіе сатварила
И въ раю прегрѣшила!“ —
Ангелъ прилятаить
И бичомъ махаить —
Адама съ раю выганяить:
— „Иди, Адамъ, съ раю
Ка земному краю
Хлѣба-соли искушать
И ва потѣ рабатать!“ —*)

3. Въ Виѳлееми Исусъ радилси,
Прастанародью онъ явилси.
Ангелъ пастушкѣмъ сказаъ,
Онъ звязду имъ указаъ:
— „Зрите, братцы, во звизда.
Валхвы сыщуть вамъ Христа!“ —
Пастушкѣ скоро пашли
И Спасителя нашли.
Гасподь въ яслицахъ ляжить,
Онъ свитымъ духомъ блажить.
Сталъ Сынъ Божій вырастать,
Тайнымъ духамъ рабатать,
Грѣшнымъ мытарямъ працать
И балѣзни атпущать.
На дарожки Царь пашоль,
Рыбаря Пятра нашоль.
— „Полна, Петро, съ рыбаи вазица,
Мы пайдѣмъ Богу молицца!“ —

*) Сравни. тамъ же, стр. 44—45,— „Плачь Адама“.

Петро ризу пиртянулъ,
Самъ заплакалъ, ваздахнулъ,
За Спасителемъ пашолъ.
Гасподь Пятра ублажилъ,
Даръ апостальскій влажилъ.
Вовѣки вѣковъ аминь,
Тебе, Госпади, хвалимъ.

4. О Божа миласердный!

Да какой жа я сталъ ниваздержный!
Да какъ прежде я жилъ,
Прежде Бога любилъ,
А типерь сталъ я Бога забывать,
И врагъ на мене сталъ нападать
И са всѣхъ старонъ сѣти закидать.
Я душу сваю сталъ абличать,
И винецъ райскій сталъ я уранять;
Кровь ва мнѣ стала застывать,
И Богъ ать мене сталъ атступать.
Онъ вѣрныхъ сваяхъ укрипляить.
Какъ ва Иво саду святы святуть,
Райскіи птицы стихи пають,
Ани пають: „Аллилуія,
Аллилуія, памилуй насъ!“

Всѣ эти пѣсни и духовные стихи записаны отъ казаковъ
и казачекъ станицы Галюгаевской.

М. Карауловъ.

ОТДѢЛЪ ІV.

ЧЕЧЕНСКИЕ ТЕКСТЫ.

1. Младший из шестидесяти сыновей.

Мацах цхёниң зәмалах дехиш хилла мисвал сәба
Когда-то въ одно время живя были отъ бѣдности подалниѣ
дехуш доккуң мәр, сте. Мискачу стагана зудчуа цхёниң
прося большіе мужь, жена. Бѣдному челоѣву женщина въ одну
бусу вина хилла күзтка қант. Цул шіена зудчуа
ночь родила было шестидесять сыновей. Столько себѣ женщина
бѣриш дичах, іуш мұха кәбалур-ду ца-хууш, вѣдда вахана
дѣтей родивъ, ихъ какъ кормить есть не зная, бѣжавъ пошелъ
вайна і. Цаъб̄-а ца-леш, нанае нёхиң рбнциң кббуш,
пропалъ онъ. Ни одинъ не умирая, мать народа помощью корми,
бәккің хилла іуш. Шеш дәккің хилчах, қәр хёттена шајң
большими стали они. Сами большими ставши, они спросили свою
нене: „Нун̄ це јоккур-ју тхоге нәха, схадіца тхјәга,
мать: „Какое имя произвезъ есть насъ народъ, скажи намъ,
нуң це јара цуіниң, діна-ву і, вѣлле-ву і, вѣллех
какое имя было у него, живъ есть онъ, умеръ есть онъ, если умеръ
баш діца, ца-вѣллех мича вахана діца“. „Шуң дёң це
могиу укажи, не умеръ куда пошелъ скажи“. „Вашъ (его) отца имя
јоккуш ца-хезна суана, нәха мискаң стәг олуп-бі-
произноса не слышала мнѣ (я), народъ бѣдный челоѣкъ говора больше
ең“. „Мискачу дёң бѣриш бохуриг-а јәц вуаң це“,
ничего“. „Бѣднаго отца дѣти что говорятъ (нѣтъ не) хороша(о) имя“,
ёлле қанташа. Тәкка жимах-волчу қанта ёлле вѣжершка:
сказали сыновья. Затѣмъ младшій есть сынъ сказалъ братьямъ:
„дә лахаң ара-дөвла вај, ах дујенәнах ас ләхаң
„отца искать вонъ выйдемъ мы, половина(ѣ) въ свѣтѣ(а) самъ искать

сәйна тә-лөцу, ах дүженәнах аш-а лаха". Ара-бәлир
себь беру на себя, половина въ свѣтѣ вы ищите". Вонъ вышли
қенті дә лахаң. Жимәх-вәриг дүка, қәзіг іјехуш кәчир
сыновья отца искать. Младшій есть много, мало уходя прибыль
сәј әккәйна вбручу цхәниң стагана-тә. Вбккучу стагана
олень(я) гоня идущему(аго) одного на человекѣ. Большому человекѣу
бүллук даң, цуа пхо тјехна, сәј бина. Күнна баркала
дәмо сдѣлать, онъ стрѣла(ой) ударивъ, оленя убилъ. Ему спасибо
әлле, цуа хеттер цуинге: „Һуң әсна ара-вәлле хуа“. „Дә
сказавъ, онъ спросилъ его: „Что неся вонъ вышелъ ты“. „Отца
лахаң ара-вәлле суа“ әлир цуа. „Һуң стәг-вар хәң
искать вонъ вышелъ я“ сказавъ онъ. „Что (за) человекъ былъ твой
дә“ әлле шіәга хәттечах, қанта әлир: „Саң дә мис-
отець“ сказавъ себя спросивши, сынъ сказалъ: „Мой отецъ бәд-
каң стәг әлле ңе јахана хілла, шіәна зудчуа цхәниң
нмй человекъ сказавъ имя пошли былъ, себь женщина въ одну
бусу күзтқа қәнт вичах, вәдде вәхана і“. „Хәң
ночь шестьдесятъ сыновей когда родила, бәжавъ пошелъ онъ“. „Твой
дә суа ву“ әлле, қәнт маравјеллар вбккучу стәга.
отець я есть“ сказавъ, сынъ(а) обнялъ большой человекъ
Таққа цигариң ңа вахана-ву і шјә-а. Дүка хәң јала-
Затәмь оттуда домой пошелъ(ли) есть они оба. Много время не про-
лә, вуиш қенті ңа кешна. Қәнтех вбккучвеш, цәрна
шло, другіе сыновья домой прибыли. Сыновей(ьямъ) радуясь, имъ
јуккех гуттурә-а цха барт хіләр лууш, цәрна
въ серединѣ всегда одно согласіе (миръ) чтобы было хотѣвши, имъ
цхәниң дәң, нәниң зударш лахаң ара-вәлир пәриң дә.
одного отца, матери женщины(щинъ) найти вонъ вышелъ ихъ отецъ.
Дүка, қәзіг іјехуш кәчир і цхәниң халаң јасанаш-
Много, мало уходя нагналь зготъ одного съ трудомъ съ помощью ко-
цаң вәдеш-вблчу стәганатә. „Ах һуң ләладуа“ әлле шјәга
стмлей идя есть (идущаго) человекѣ. „Ты что носишь“ сказавъ себя
хәттечах, цуа әлир: „күзтқа јуоь ју саң, цәрна
спросивши, онъ сказалъ: „шестьдесятъ дочерей есть у меня, имъ

цхѣниң дѣң, нѣниң кўзтка қант лѣхуш лѣла суа^а ѳлле.
одного отца, матери шестьдесятъ сыновеѣ ища хожу „^а“ сказаць.

„Ас лѣхуриг-ву хуа, саң-ву кўзтка қант, царна
„Самъ что ишу есть ты (у тебя), у меня есть шестьдесятъ сыновеѣ, имъ

кўзтка јуоѣ цхѣниң дѣң, нѣниң лахаң ара-ваглер суа^а
шестьдесятъ дочерей одного отца, матери найти вонъ вышелъ а“

ѳлле цуинциң зѣхалу-а дїна, ца веар і. І ца
сказаць съ нимъ засватанье сдѣлавъ, домой пришелъ онъ. Онъ домой

кѣшчахъ, қенті тохабѣлле зудурш бѣлуаң бѣхаң. Поруш
приѣдъ, сыновья собрались женщины чтобы привести пойти. Эти

тохабелчахъ, жїмах-волчу-а ѳлле: „суана тѣм ца-хѣта
собрались, меньшїй что есть сказаць: „миѣ прилично не кажется

шуициң ваң, ѳс сајң меттѣ стѣг воўјтур-ву“. Шѣ вахај-
съ вами пойти, я себя (в)мѣсто человекѣ пошлю есть“.

Самъ поспа-
точу стагѣ кўа ѳлле: „шу јўха дїрзачахъ, нѣкиң јїсте
лаемому человекѣ онъ сказаць: „вы назадъ вернувшись, дороги краю

лѣттачу ца-чу саң вѣжірі мѣбахајтаң хажалахъ, шу
стоявшему(аго) домъ(а) внутрь моихъ братьевъ не пускать посмотри, вы

чубѣахъ, дѣла-тѣхарг хїр-ду шуна. Шѣш јўха бїрза-
зайдете, Богъ что ударить(ъ) будетъ есть вамъ. Сами назадъ когда вер-

чахъ, шајцаң веанчу стѣгана јїттїна, оцу цачу бахар
нудись, съ собою пришедшаго человекѣ побивъ, этотъ въ домъ зашли

јуш. Поруш чѣх-ѣаш, оцу цїниң гуа лѣцир сѣрмикуа.
они. Эти внутри сядя, этотъ(го) дома кругъ заняла змѣя-чудовище.

Цуа ѳлір цѣргї: „Саң кѣрахъ-ду шу, шѣјна ла-ахъ, шу
Она сказала имъ: „Моиъ рукахъ есть вы, себѣ (какъ) хотите, вы

поўзткѣ тїсунѣ ваша, шуң нускулуш дуур-ду ас, ца-
сорокъ девятнадцать братьевъ, ваши невѣсты съѣмъ есть я, не

ла-ахъ, шајң цѣахъ вїсначу вѣшїң нускул суана-а дїтѣ,
хотите, своего дома оставшаго брата невѣсту миѣ оставивъ,

ца жуа. Кѣра-а-бѣлла, жїмах-волчу вѣшең нускул сѣрми-
домой идите“. Струсивши, младшїй есть брата невѣсту змѣю-

жана-а дїтина ца бѣхвїна јуш. Шїең нускул дѣцуш,
чудовищу оставивъ домой пришли они. Свою невѣсту не имѣя,

іуш ца-бѣхкічахъ, цунах хілларг хі-іпа, і лахаң
они домоу когда пришли, съ ней что случилось узнавъ, этотъ(у) искать
• ара-вѣлла і. Дука, рѣзіг іехуш цхѳнің гѣнің мѣхка і
вонъ выхалъ этотъ. Много, мало ухъжая въ одно далекое мѣсто этотъ
вѣлчахъ, лѣмана басахъ бѣжина риллучу сѣрмікан-те
когда вышелъ, горы склона легши лежащему на змѣй-чудовище
кѣшна-ву і. Сѣрмікана ұллауа джелхуш җаш хілла куінің
прибыль есть этотъ. Змѣй-чудовище около плача сидя была его
нускул. Мѣжар туап јетташ, терсмајимал тур-а дѣтташ
невѣста. Маджарское ружье біа, тшарсмајималскую шапку біа
і сѣрмік-а біна, шіең нускул дәлуаш ца-вѣар
эта(ого) змѣй-чудовище убивъ, свою невѣсту веда домоу прибыль
і мајра пѣнің җант.
этотъ храбрый матери сынъ.

Въ давнее время гдѣ-то жили очень бѣдные мужъ и жена.
Жили они только подаяніемъ. Въ одну ночь жена родила мужу
шестьдесятъ сыновей. Сдѣлавшись отцомъ столькохъ сыновей и
не имѣя возможности по крайвей бѣдности своей кормить ихъ,
онъ бѣжалъ, неизвѣстно куда, бросивъ на произволъ судьбы же-
ну и дѣтей. Мать съ помощью добрыхъ людей вырастила сы-
новей. Когда они подросли, то спросили мать: «Скажи намъ,
чьи мы дѣти; живъ ли нашъ отецъ, или умеръ онъ; если живъ,
то скажи намъ, куда онъ ушелъ, а если умеръ,—укажи намъ
его могилу!» Мать отвѣчаетъ: «Не слышала я, какъ зовутъ ва-
шого отца; знаю только, что онъ былъ извѣстенъ въ народѣ
подъ именемъ бѣднаго человѣка». — «И это доброе имя» сказали
братья: «будемъ отнынѣ называться дѣтьми бѣднаго человѣка!»
Затѣмъ младшій братъ говоритъ остальнымъ: «будемте вездѣ
искать отца; одну половину земли предоставьте мнѣ, а другую
берите себѣ». Братья согласились съ предложеніемъ младшаго
брата, и они всѣ выхали искать отца. Долго ли, мало ли халъ
младшій братъ, но захалъ онъ очень далеко, гдѣ увидѣлъ человѣ-
ка, гнавшагося за оленемъ. Желая оказать человѣку услугу, онъ
убилъ оленя. Человѣкъ выразилъ ему искреннюю благодарность
и спросилъ, что заставило его захать въ этотъ край. «Я ищу
своего отца», отвѣтилъ онъ. «Какого имени онъ и роду» спросилъ

человѣкъ. «Имени своего отца я не знаю; онъ въ народѣ извѣ-
стеяъ былъ подъ именемъ бѣднаго человѣка; скрывается онъ съ
тѣхъ поръ, какъ въ одну ночь жена родила ему шестьдесятъ
сыновей». — «Ты нашелъ своего отца», сказалъ человѣкъ и крѣпко
обнялъ своего сына. Затѣмъ отецъ съ сыномъ поѣхали домой.
Скоро пріѣхали съ поисковъ и другіе. Отецъ не можетъ нагла-
дѣться на сычовей, дивится ихъ уму и мужеству. Одна мысль у
него—женить сыновей на дочеряхъ одного отца и одной матери,
чтобы они всегда жили въ мирѣ и согласіи; онъ зналъ, что если
сыновья возьмутъ въ жены дѣвицъ, не родственныхъ между со-
бою, то тѣ вооружать брата противъ брата. Простившись съ сы-
новьями, онъ посвятилъ ихъ въ свою мысль и вышелъ изъ дому.

Долго онъ шелъ, шелъ, пока, наконецъ, не увидѣлъ стари-
ка, съ трудомъ плетущагося по дорогѣ, при помощи костылей.
Поздоровавшись съ нимъ, онъ спросилъ его о цѣли путешествія.
Старикъ сказалъ: «У меня шестьдесятъ дочерей; ни я ни жена
не желаемъ выдавать ихъ въ разныя стороны; цѣль же моего
путешествія—найти для нихъ мужьями сыновей одного отца и
одной матери». — «Богъ устроилъ нашу встрѣчу» воскликнулъ онъ,
и объяснивъ, почему онъ вышелъ изъ дому, предложилъ старику
породниться. Старикъ со слезами радости изъявилъ свое согласіе
выдать за его сыновей своихъ дочерей. Возвратившись домой, онъ
обрадовалъ сыновей находкой и сказалъ, чтобы они готовились
ѣхать за невѣстами. Когда братья собрались ѣхать, младшій изъ
нихъ говоритъ имъ: «мнѣ неловко ѣхать съ вами, какъ младшему
брату, пошлю я за себя кого-нибудь». Посылаемому имъ человѣку
онъ сказалъ: «Когда будете возвращаться, то увидите на краю
дороги домикъ; братья мои пожелаютъ зайти туда отдохнуть, но
ты постарайся не допустить ихъ туда: если братья мои зайдутъ,
то быть большой бѣдѣ». Когда братья увидѣли домикъ, то захо-
тѣли туда зайти; человѣкъ ихъ не пускалъ, но они его побили и
зашли туда отдохнуть.

Лишь только они расположились отдохнуть, какъ домъ былъ
окруженъ змѣемъ-чудовищемъ. Послѣдній заговорилъ: «вы всѣ во
власти моей, выбирайте изъ двухъ одно: либо вы—пятьдесятъ
девять братьевъ съ невѣстами сдѣлаетесь жертвою моею, либо
оставьте мнѣ невѣсту младшаго брата и тогда вольны вы уѣхать
отсюда». Братья струсили и, пожертвовавъ невѣстой младшаго

брата, поспѣшили домой. По возвращеніи они рассказали меньшому брату о случившемся. Узнавши это, онъ вооружился маджарскимъ ружьемъ, чарсмаймальной пашкой, и поѣхалъ выручать свою невѣсту. Долго ли, мало ли онъ ѣхалъ, но, наконецъ, заѣхалъ въ ущелье, гдѣ на склонѣ горы увидѣлъ чудовище и взглянулъ на плачущую свою невѣсту. Чудовище, разинувъ страшную пасть, кинулось на него; не струсилъ и онъ: выстрѣливъ изъ маджарскаго ружья, онъ съ чарсмаймальной пашкой, какъ левъ, бросился на чудовище и отрубилъ ему голову; затѣмъ съ освобожденной невѣстой своей вернулся домой, гдѣ счастливо зажилъ съ молодой женой.

2. Отцовское наследство.

Шитта-езир џе-јџккуџ, цѣніџ шехар-јуиртаџ,
 Двѣнадцать тысячъ (въ) имя извлекаясь, въ одномъ большомъ селѣ
 вѣхш хилла Нѣлбіџ Чуѣра бџхуш џант. І
 жыва былъ Нельбіевичъ Чуара говора молодой человекъ (сынъ). Этотъ
 вара бџху куѣлла валаџ вџллуш. Цуа ѣлле нѣне:
 былъ говорятъ отъ бѣдности умирать собираясь. Онъ сказалъ матери:
 „Те-хааџ дџџ баџ саџ, дѣхаџ гѣрз дџџ саџ,
 „Верхъ(омъ) сѣсть коня нѣтъ у меня, опоясаться оружія нѣтъ у меня,
 јуџаџ бедер јџџ сџџ, сѣл кѣџ суа дуџенѣна вѣккі-
 одѣться одежды нѣтъ у меня, столь бѣднымъ я (меня) въ свѣтъ который
 на сџџ дџ һуџ стџџ хилла макіџџ хилла хір-ву і?“
 вывелъ мой отецъ что человекъ былъ бѣдный былъ будетъ есть этотъ?“
 Нџнас ѣлле: „Хџџ дџ кѣџџ вџџара, цунаџ бісна дџџ-
 Мать сказала: „Твой отецъ бѣденъ не былъ, отъ него оставшія коня
 бу ѣџџ, мџкуз бууш бџжлі-чуаџ бџллуш; хџџ-бу і,
 есть желѣзо, кремень ѣдя въ конюшнѣ находящійся; твой есть этотъ.
 хуа цунна нуір тѣллана, те-хааџ ваџаџ; бџџ-а-
 ты ему сѣдло осѣдлавши, верхъ(омъ) сѣсть (если) не побойшься; брони(я)
 ду пхѣтта кеанчу јуџџ-у-а-біџџ мѣттаџа ца-хџџ-
 есть пятнадцать(и) взрослых(и) дѣвнца(и) не меньше съ мѣста не сди-
 деш, і хџџ-ду, хуѣ-га лџџаџ; гѣрзаш-ду, цунаџ
 муть, эта твоя есть, у тебя (тебѣ) если по силамъ; оружіе есть, отъ него

дїсна, хїаң-ду іуш, хїаң дїс сїнна хуїга лїл-
оставшихся, твои есть эти, свой (твой) отецъ какъ онъ у тебя (ты) если можешь
лаъ“. Дїх бїсначу дїнна нуїр тїллана, цуїнің рїа-а
носятъ“. Отца (послї) оставшаго коня сїдло(мъ) осїдлавъ, его броя(ю)

дуїхана, гїрзаш-а дїхана, шїең дїс сїнна ка-а буара-тїх
надївъ, оружїа оюясавши, свой (его) отецъ какъ онъ три черезъ запора
дїң-а тесна, ара-вїлїр і Налбїең Чуара. Дїка, рїзїг
коня бросивъ, вонъ вїхалъ этотъ Нельбїевичъ Чуара. Много, мало

їїехуш, гїең мїхка хара вїлчаъ, нївккаъ бїхіна
уїзжая, далекое мїсто (въ) этотъ когда вїхалъ, на дорогї оупїагївъ(шихъ)
бїшіна-рїохкучу вуарн нерт-ерхстуашна тїкїчїр і. Нара
спавшимъ(хъ на) семь нартъ-эрхустойдамъ(евъ) нахалъ этотъ. Этотъ

цїрна тїкашчаъ, цїрїң доїша їлїр куїне дїнї: „Нахаруа
нмъ (на нихъ) когда нахалъ, ихъ кони сказали его коню: „Плугомъ
сїнна бїал-а бїкккуш уїепануа сїнна лїт сїсуаш ахъ нїң
какъ борозду извлекая кротъ какъ земля(ю) поднимаая ты что

лїладуа, іуш самабїрїг-бацахар хуїїга вуаң-дї
несешъ съ собою, они если бы не проснулись, съ тобою не хорошїй день
дохїаїтур-дїр бху“. „Суї бїхїң нїк дагалїсна ца-
нести заставили бы мнї“. „Я длинную дорогу въ сердцї мїя не

бїїдахар, ас бїең тхї дїна, лїттї їлхуар-їар
шелъ бы, самъ травы (съ) росу сїлаваъ, въ землї низвергнуть есть(улъ бы)
шу їлле“, тїх-їїлле і. Іїехуш, іїехуш цїїнїң їкккучу
васъ сказаваъ“, впередъ вышелъ этотъ. Ъдучи, їдучи въ одно большої

шехарте кїшна-ву і Нїлбїең Чуара. Шїа шехарчу
въ городъ прибылъ есть этотъ Нельбїевичъ Чуара. Самъ въ городъ
кїчущ, урх тїсна-а їтїана: „суїана пїїда боллучу, хїїна
подїзжая, поводъ бросивъ оставилъ: „мнї прибылъ гдї есть, себї(тебї)

їхна дїллочу, рїїла хуа“ їлле шїең дїнї. Шїхар
все вдоволю гдї есть, пусть пойдешъ ты“ сказалъ своему коню. Городъ

хїїна ара бїллучоъ цїїнїң жїруачуң верта бахар і.
отрїзавъ вонъ выхода въ одинъ (одной) вдови дворї пошелъ этотъ.

Цїгаъ буїса їаккаң сеңїр і. Буса вїїїна-рїїллуш
Тамъ ночь провести оставовїлся этотъ. Ночью легши когда лежалъ

і волуш цунна-тєх дєгна нїр, стїглах мѳрхуш јѳц-
этотъ быгъ, надъ нимъ блеснула молнїя, на небѣ облаковъ хотї
цушехъ. Цунах тамаша-а бїна, зїра цуа хѣттена жєруачѣ:
не было. Съ него удивленїе сдѣлавъ, утромъ онъ спросилъ вдову:

„Пўң дара і“ ѣлле. „Нѳку зїлѣчурчу паччахаң јў
„Что было этотъ“ сказавъ. „Въ этомъ городѣ царя есть
хѣцаң јуоѳ; ѳцу јуоѳа буса јїжина зїллуш, ха хѣр-
красивая дочь; эта дочь ночью легши когда лежитъ, бедро когда

цїчахъ дѳлуң нур-ду і“ ѣлле жєруачуа ѣлчахъ,
перемѣнить выходя молнїя есть этотъ“ сказала вдова сказавъ,

Чуарас јахајтар і паччахъ вѳлчу шїєна цувиң јуоѳ
Чуара послалъ эту царь гдѣ находится себѣ его дочь

хїхуаң. Паччаха ѣлле жєруачѣ: „суїна, цїнна-а пїжда-
засватать. Царь сказалъ вдовѣ: „мнѣ, ему грибылъ

ѳѳцуш ју сїѳ јуѳѳ; і нїцкахаң јїгаң вѳѳу ѳѳху цѳѳєнїң
не имѣя есть моя дочь; эту силою увезти идетъ говорилъ одного

паччахаң қїнт бѳѣ-ткѣ бєрї улуа вѣккіпа. І ха-
царя сынъ, сто двадцать джигитовъ около имѣя. Этотъ раз-

бар дахаш жєруа јўха жеачахъ, Нелбїєң Чуара ва-
говоръ неся вдова назадъ когда пришла, Нельбїевичъ Чуара по-

хана вѳѳучу паччахаң қїнтана дуїхїл. Дўка, қєзїг іѣхуш,
ѳхалъ ѳдущему царя сыну навстрѣчу. Много, мало уѳзжал,

і кѣчїр цїннаѳе. Паччахаң қїнта ѣлїр куїнга: хїежущ,
этотъ прибылъ на него. Царя сынъ сказалъ на него (ему): смотря,

кунах цавѣшїш: „Пўң ју суїна нѳвка дуїхїл јѳѳу-
на него смотря свысока: „Что есть мнѣ по дорогѣ навстрѣчу ѳду-

рїг“. „Суа-ву Нелбїєң Чуара, стїглахула дїѳдучу ѳлхузуруа
шїй“. „Я есть Нельбїевичъ Чуара, по небу летящая итица

ѳїѳеранна пѣлаг тосуш, лѣттахула дїѳдачу ѣкуа бїѳеранна
въ видѣ дани перо бросаю, по землѣ идущїй звѣрь въ видѣ дани

бѳрг тѳсуш волуң Нелбїєң Чуара, ѳс сїјң хїл
копнито бросаю, (вотъ) что есть Нельбїевичъ Чуара, самъ свое богатство

хо-ѳјтур шуна“ ѣлле, шїєң дїна шїд-а тїѳхна тѳрсмај-
дамъ знать вамъ“ сказавъ, своего коня плеть(н) ударивъ, чарсмай-

малаң түр-а дэккіна чувѣржір цѣрна Нельбіең Чуара.
малыкую шашку обваживъ, бросилъ на нихъ Нельбіевичъ Чуара.

Қелха нисвелларіг дінуа міраш бѣтташ вуіш, ұллуа нис-
Визу порсвиявшогося конь ног(ам) ударяя убиваль, около по-

велларіг Чуарас түр дѣтташ вуіш, іуш һаллак-а-біна
ровнявшогося Чуара шашку(ой) ударяя убиваль, ихъ уничтожилъ,

јуха і паччаха вѣхичу фалечу ша кѣшчах, јахајгар
назадъ этотъ царь гдѣ живеть въ городъ самъ прибывъ, послалъ

цѣа жѣруа паччахе алаң: „Хаң жуоъ жігаң вѣбучу паччахаң
онъ вдову царю сказать: „Твою дочь увезти ѣдущему царя

қантѣ һоттіна-дѣ һоттѣр-ду бѣху Чуарас, ахъ хең жуоъ
съ сыномъ что случилось, случится, говоритъ Чуара, ты свою дочь

шісна пошта-а ха-ајна ара-цајаккахъ“. Паччаха шіең
себѣ на экипажъ посадить, вонъ если не выведешь“. Царь свою

жуоъ јелір цунна. Тѣкка цуінцің пошта-а хиіна, дің тѣха-а
дочь далъ ему. Затѣмъ съ нею въ экипажъ сѣвъ, кони сздац

тѣсна, цѣхівірзір Нельбіең Чуара. Цѣ бѣбуш іуш
привязавъ, домой вернулся Нельбіевичъ Чуара. Домой ѣдучи они

кѣчір вуарһ вѣшең нѣрт-ѣрхстуашна-те. Гѣрз дѣцуш
прибыли семь братьевъ на (къ) вартъ-эрхустойцевъ. Оружія не имѣя

цѣрна і тѣшеттечахъ тѣшнабѣхъ-а біна пошта-а
имъ этотъ надъ ними сталъ, обманъ сдѣлавъ, на экипажъ

хѣјшана дѣдір цѣр цуінің нѣскул. Хецабелчу шіең діна-а
сѣвъ, увезли они его невѣсту. На отвязавшагося своего коня

хиіна, тѣха-вѣлір Нельбіең Чуара. Тѣха-кѣічахъ, і
сѣвъ, за ними поѣхаль Нельбіевичъ Чуара. Настигнувъ, этотъ

вісір туахаң гѣрз дѣцуш. Ёттуа бѣлітана поштарчу
остался ударить оружія не имѣя. Удобство когда вышло, въ экипажъ(ѣ)

нѣскулуа дѣлір цуінга цуінің түр. Түр кѣрі-кѣш-
невѣста дала ему его шашку. Шашку(а) въ руки когда при-

чахъ, і дѣттіна, іуш бај-ана, нѣскул ѣсна, цѣ-вахар і.
была, эту(ой) ударяя, ихъ перебивъ, невѣсту взявъ, домой поѣхаль этотъ.

Цѣкѣшпачу буса јіллана нѣѣрт јѣцушехъ, дѣллана
Домой прибывшую(и) ночь(ю) отворенныхъ дверей хотя не былъ(о), отворенныхъ

кӯараш до̄цуше̄х д̄а̄р цӯіні̄ң н̄үскул. Һура самав̄елча̄х,
 оконь хотя не был(о) пропала его невеста. Утромъ проснувшись,
 н̄үскул д̄а̄йна-а кара̄йна, б̄е̄ргех хі мел-до̄буң хіх
 невеста(у) пропавшая(ую) найди, изъ глазъ вода (слеза) сколько идетъ водой
 в̄лхір і, ы̄-мел-до̄буң, ы̄х в̄лхір і. Та̄кка діна-а
 плакаль этотъ, кровь сколько идетъ, кровью плакаль этотъ. Затѣмъ на коня
 хііна і л̄ахаң ара в̄елір Нелбіең Чуара. Дука, қ̄езіг,
 с̄в̄ь этотъ, искать вонь вы́халъ Нельбіевичъ Чуара. Много, мало,
 і̄ехуш, г̄енің махка велча̄х, і к̄ечір әсің бӯң-
 ӯзжая, далекос м̄ѣсто прибывъ, этотъ прибыль телята(ъ) на (къ) пас-
 те. І жу б̄рзут̄ерің л̄етта к̄аччалц в̄јелхаш
 туха(у). Этотъ пастухъ съ кургана до земли пока не дойдетъ смѣшійся
 хілла, л̄еттерің б̄рзут̄е-в̄аллалц в̄јелаш хілла. Те-а-
 былъ, отъ земли на курганъ пока не дойдетъ плачущій былъ. На-
 вахана цуа х̄еттер жӯіне: „Ах̄ һуң м̄еладуа в̄јелхаш, в̄јелаш“,
 ъхавъ онъ спросилъ его: „Ты что носишь плача, смѣясь“,
 ѳлле шіега хеттеча̄х, цуа әлір: „В̄јелха суа н̄үскул да̄-
 сказавъ себя (отъ) спросивши, этотъ сказала: „Плачу я невеста про-
 начу Нелбіең Чуарех к̄а х̄етап, в̄јела суа с̄а̄йна
 павшаго(пала что) Нельбіевича Чуара гр̄ѣхъ думая, смѣюсь я себѣ (мнѣ)
 ы̄а-вахча̄х луңдолчу жӣзчах, х̄окумах в̄о̄ккуң-в̄еш“. „Міча
 домой придя что дадутъ мяса, хлѣба радуясь“. „Какое
 ма̄хва дігінат̄сха Нелбіең Чуара̄ң н̄үскул, хаң ла̄чк̄інат̄сха
 м̄ѣсто (въ) повели Нельбіевича Чуари невеста(у), кто укралъ
 і“ ѳлле шіега хеттеча̄х, цуа әлір: „І̄о̄ку жӯрт̄арчу
 эту“ сказавъ себя (отъ) спросивши, онъ сказалъ: „Въ этомъ въ аулѣ
 н̄о̄бечуа ла̄чк̄іна і, тх̄овса дӯйх̄хір чув̄једуң бӯса
 когаецъ укралъ эту, сегодня ночью первый разъ (въ) комнату пойти ночь(и)
 жу цӯінің“ ѳлле шіега а̄лча̄х, ша м̄іла-ву-а діціна,
 есть его“ сказавъ себѣ сказалъ, самъ кто есть разсказавъ,
 цунах дагав̄елла-ву і. Һӯінуа діна ц̄үнна х̄е̄хар: „Саң
 съ нимъ посовѣтоваася есть этотъ. Пастухъ сд̄ѣлалъ ему совѣтъ: „Мое
 бедерш-а ј̄ух̄е, ц̄арна қ̄ел-т̄ур ла̄цкада̄ј әсі л̄ах̄е
 платъ надѣвъ, имъ (его) вынзъ шапку спрятавъ, телята погналь,

җуа јуірта җуа. Җаң дің ләсна сҗа куззаҗ җір-ву. Ёсіша
 тн въ ауль пойдн. Твоего коня держа, я здѣсь посижу. Телята
 оцу нѡбајң кѣрта вуігір-вӯ җуа. Дҗа-кѣшчаҗ, җуәна
 этого ногайца во дворъ приведуть есть тебя. Туда приѣд, тебѣ
 лур-ду жїжїг, хѡкум, іуш ёцај нҗс дѣкел јаң ва-
 дадуть мясо, хлѣбъ, ихъ взявѣ, невѣсту поздравить сдѣлатъ до-
 хәјта суа әлѣ аҗ дѣха нѡбајче; цуа җуа вохојтур. Чу-
 пустить я (меня) сказалъ ты проси ногайца; онъ тебя допустить. Въ
 вахчаҗ, хәјң нҗскулна җуа војәір-ву. Нѡбај чувәлмалң
 комнату зайдн, твоя невѣста тебя узнаеть. Ногаецъ пока не зайдеть,
 дуімітїха лачкалаҗ. Чу-веачаҗ, цҗнна һҗң даң дѣза
 за ширмы спрячься. Когда зайдеть, ему что сдѣлать слѣдуетъ
 хәјна хуур-җуәна“. Һуінуа бѣхнїріг діна цуа; нѡбајчуа
 себѣ (самъ) узнаеть тебѣ“. Пастухомъ сказанное сдѣлавъ онъ; ногаецъ
 нҗс дѣкіл јаң чувахајтір і; чу-вахчаҗ дуімінтїха
 невѣсту поздравить сдѣлать допустилъ этотъ; зайдн за ширмы
 дҗа-әлоҗкір і. Буісана цҗха хәң јѣлчаҗ, нѡбај вѣ-
 спрятался этотъ. Ночн одно время когда прошло, ногаецъ при-
 ар-чу. Шә чувеачаҗ, цуа ёлір зудче: „суа
 шель въ комнату. Самъ когда зашелъ, онъ сказалъ женщинѣ: „я
 ца-вѡјза җуәна, нѣні кѣрір бѣр лачк-дуа, ас нәнна-а
 не узнаеть тебѣ (ты), матери изъ рукъ дитя краду есть, самъ матери
 ца-хаојтуш, мәрана цахууш цуінің зудаң лачк-јо-а әс,
 не давалъ знать, мужу не давалъ знать его женщину краду самъ,
 јҗххѣ вїжина мәр җллушеҗ“ цуа алчаҗ, зудчуа
 около легши мужъ хотя лежитъ“ этотъ сказалъ когда, женщина
 ёлле: „Тҗр дікің тҗхуш, Нѣлбіецъ Чуара-а ву“. Шїёга
 сказала: „Шашку(ой) хорошо ударяеть Нельбіевичъ Чуара есть“. Себѣ
 зудчу-а і әлчаҗ, цуа ёлір: „Җуа зуд-ду, Нѣлбіецъ
 женщина это сказавъ, этотъ сказалъ: „Ты сучка есть, Нельбіевичъ
 Чуара қллу-ву“, ёлле зудчунна шад туікір цуа. Оцу
 Чуара трусъ есть“, сказавъ женщинѣ(у) плеть(ю) ударилъ онъ. Это
 хѣнаҗ гучу-вѣллечу Нѣлбіецъ Чуарас тҗр тјѣхна, нѡбајчуң
 время показавшїйся Нельбіевичъ Чуара шашку(ой) ударивъ, ногайца

куарта бѣжир цуішің куагашка. Цултеха нѣрајчуң дергѣ
 голова улала его къ ногамъ. Послѣ этого ногайца все
 хѣл ѣсна, цунах да-ал, дѣхал валлѣлц ѣуіна-дѣлла,
 богатство взявъ, изъ него поѣсть, одѣваться до смерти пастуху давъ,
 шіең нѣскул дѣлош ца-вѣар Нельбіең Чуара.
 свою невѣсту ведя домой пришелъ Нельбіевичъ Чуара.

Въ селѣ съ двѣнадцатитысячнымъ населеніемъ жилъ когда-то человекъ, по имени Чуара Нельбіевичъ, до такой степени бѣдный, что чуть не помиралъ съ голоду. Разъ онъ спрашиваетъ свою мать: «У меня нѣтъ коня, чтобы ѣздить, ни порадочной одежды, чтобы одѣться, ни оружія, чтобы опоясаться; видно, что тотъ, который произвелъ меня на свѣтъ, былъ бѣднымъ; едва ли и я выйду изъ бѣдности!» Мать сказала: «Отецъ твой не былъ бѣденъ. Послѣ его смерти остался конь; онъ 15 лѣтъ стоитъ въ темной конюшнѣ и кормится только кремнемъ и желѣзомъ; онъ очень золъ и страшенъ; если есть у тебя смѣлость осѣдлать его, то онъ твой. Осталась также броня; она тяжела; 15 дѣвиць только могутъ сдвинуть ее съ мѣста; она твоя, если можешь ее носить. Осталась также шашка, если можешь владѣть ею».

Чуара Нельбіевичъ осѣдлалъ отцовскаго коня, легко поднялъ и надѣлъ его броню, опоясался его шашкой и, перепрыгнувъ на конѣ черезъ три преграды, выѣхалъ бродить по бѣлу свѣту. Долго онъ ѣхалъ, ѣхалъ, но, наконецъ, натевулся на семь братьевъ нартовъ-эрхустойцевъ, спавшихъ на дорогѣ крѣпкимъ сномъ. При его приближеніи кони спавшихъ нартовъ сказали его коню: «Куда путь держишь, бороздя какъ плугомъ дорогу и какъ кротъ поднимая землю; если бы мы не боялись разбудить своихъ хозяевъ, то день настоящій былъ бы для тебя послѣднимъ днемъ». — «Если бы я не спѣшилъ въ далекій невѣдомый край, то я, какъ росу съ травы, стеръ бы васъ съ лица земли», сказалъ конь Чуары и проѣхалъ мимо.

Долго ли, мало ли ѣхалъ Чуара Нельбіевичъ, но доѣхалъ онъ до большого города. Подѣзжая къ городу, онъ бросилъ поводъ, предоставивъ коню завернуть въ тотъ дворъ, гдѣ имъ обомъ было бы хорошо. На другомъ краю города стоялъ особнякомъ домъ вдовы; въ этотъ дворъ завернулъ конь Чуары. Вдова радушно приняла незнакомца. Чуара, утомленный отъ дороги,

рано легъ спать. Поздно ночью онъ увидѣлъ, какъ блеснула молнія, хотя небо кругомъ было ясно. На другой день Чуара разсказалъ вдовѣ о ночномъ явленіи. Вдова объяснила, что городъ этотъ озаряется свѣтомъ молніи въ тотъ моментъ, когда царская дочь во время сна переворачивается съ боку на бокъ. Узнавъ отъ вдовы, что царевна очень красива, Чуара послалъ ее къ царю спросить о томъ, не выдастъ ли онъ за него свою дочь. Вдова передала желаніе Чуары царю; послѣдній на это сказалъ, что онъ не въ правѣ распоряжаться дочерью, такъ какъ къ нему ѣдетъ со 120 всадниками царевичъ, чтобы силою увезти ее. Узнавъ это, Чуара Нельбіевичъ сѣлъ на своего коня и спѣшить навстрѣчу тому царевичу. Долго онъ ѣхалъ и, наконецъ, встрѣтился съ царевичемъ. Послѣдній говоритъ съ полнымъ пренебреженіемъ: «Что это за созданіе ѣдетъ намъ навстрѣчу?» Чуара съ достоинствомъ отвѣтилъ царевичу: «Ты видишь предъ собою Чуару Нельбіевича, которому пролетающая птица бросаетъ въ видѣ дани перо, а проходящіе звѣри—копыто. Какое я, скоро увидите!» Сказавъ это, онъ ударилъ плетью своего коня и бросился на нихъ съ обнаженной чарсмаймальскою шашкою. Конь давить тѣхъ, которые попадаютъ ему подъ ноги; кто попадаетъ подъ руки, того убиваетъ Чуара Нельбіевичъ.

Перебивъ всѣхъ, онъ вернулся обратно въ тотъ городъ и послалъ опять вдову сказать царю, что съ нимъ будетъ то же, что случилось съ царевичемъ, если онъ не выдастъ за него свою дочь. Царь поспѣшилъ изъявить согласіе. Затѣмъ Чуара Нельбіевичъ съ красавицей-невѣстой въ экипажѣ поѣхалъ къ себѣ домой. Возвращаясь, онъ опять наткнулся на братьевъ нартовъ-эрхустойцевъ. Они его обманули, *устроивъ въ своей дружбѣ*: Чуара Нельбіевичъ подошелъ къ нимъ безъ оружія. Этими воспользовались братья нарты-эрхустойцы; они сѣли въ его экипажъ и помчались съ его невѣстой. На своемъ конѣ, который случайно отвязался отъ экипажа, Чуара поскакалъ за ними. Въ мигъ онъ ихъ догналъ; но, догнавши ихъ, онъ не знаетъ, что дѣлать безъ оружія. Воспользовавшись удобнымъ моментомъ, невѣста передаетъ ему его чарсмаймальскую шашку. Засверкала шашка, покатились на землю головы нартовъ.

Съ освобожденной невѣстой, безъ новыхъ приключеній, прибылъ домой Чуара Нельбіевичъ. Они обвѣнчались. Въ первую

ночь, когда они, обнявшись, мирно спали, жена Чуара, неизвестно кѣмъ, была похищена, хотя ни двери ни окна не были открыты. Проснувшись, онъ не нашелъ молодой жены возлѣ себя. Тогда онъ сталъ плавать, пока слезы не изсякли—плакать кровью, насколько крови хватало. Затѣмъ онъ выѣхалъ изъ дому на поски. Долго ли, мало ли онъ ѣхалъ, но онъ заѣхалъ очень далеко, и тамъ въ сторонѣ отъ дороги увидѣлъ пастуха, пасшаго телятъ. Пастухъ этотъ то взбирался на курганъ, смѣясь, то спускался съ него, плача. Странное поведеніе пастуха привлекло его вниманіе, и онъ, подѣхавъ къ нему, спрашиваетъ, въ чемъ дѣло. Пастухъ отвѣчаетъ: «Плачу я, спускаясь съ кургана, потому, что жалѣю Чуара Нельбѣевича, у котораго въ первую ночь похитили молодую жену; смѣюсь потому, что миѣ по возвращеніи домой дадутъ мяса и хлѣба». — «Кто похитилъ жену Чуары, гдѣ живетъ ея похититель?», спросилъ онъ пастуха. «Ногаецъ села, что неподалеку отсюда», отвѣтилъ пастухъ. Затѣмъ Чуара сказалъ ему, кто онъ такой, и попросилъ у него совѣта, какъ освободить жену изъ когтей этого ногайца. Пастухъ далъ ему такой совѣтъ: «Въ наступающую ночь ногаецъ собирается въ первый разъ пойти къ твоей женѣ; надѣнь мое платье, подъ платьемъ спрячь свою пашку; вечеромъ съ телятами отправляйся въ то село; телята приведутъ тебя во дворъ ногайца; тамъ дадутъ тебѣ мяса и хлѣба; тогда проси его допустить тебя съ этими дарами къ невѣстѣ съ поздравленіемъ: онъ тебя допуститъ. Когда войдешь въ комнату жены, она тебя узнаетъ, и, спрятавшись съ ея помощью за ширмы, жди прихода ногайца. Когда ногаецъ войдетъ, самъ знаешь, что съ нимъ подѣлать».

Чуара Нельбѣевичъ въ точности все исполнилъ. Предсказаніе пастуха оказалось совершенно справедливымъ: онъ былъ допущенъ въ комнату жены. По наступленіи ночи, ногаецъ не замедилъ прійти. Войдя въ комнату, онъ сталъ хвастаться предъ его женой: «Я краду дѣтей изъ рукъ матерей такъ ловко, что онѣ и не замѣчаютъ этого; краду молодыхъ женъ, хотя мужья спятъ съ ними, обнявшись». Она сказала ему: «Хотя ты и ловко крадешь дѣтей и женъ, но пашкой никто не владѣетъ такъ, какъ Чуара Нельбѣевичъ». Слова эти разсердили ногайца, и онъ ее обозвалъ сучкой, а Чуару трусомъ и ударилъ ногайкой. Въ этотъ моментъ выскочилъ изъ-за ширмы Чуара Нельбѣевичъ и однимъ ударомъ

отрубилъ голову погайцу. Затѣмъ, забравъ все добро погайца и давъ добрую часть пастуху, Чуара Нельбьевичъ вернулся съ молодой женою къ себѣ домой.

3. Три диковинки.

Цхѣнің паччахаң јуоѳ-тѣ хізіш хілла ка-а паччахаң
У одного царя за дочерью ухаживая были трех царей

кѡ қант ка-ангѣ-а бѣзам-а-бѡлуш, църхің муїлха кѡстуар-ву
три сына, къ тремъ любовь имѣя изъ нихъ кого выборъ сдѣлать

шіѣна ца-хаарцаң, цуа ѣлле церга: „цхѣнца бѳѣ-туї-
себѣ не знала, она сказала имъ: „по одной(му) сто десять

мі-ду шуна, цхѣнца аѳуар-ѳѡј шѳѳга дѣлечу ахчанах
(разъ) руб. есть вамъ, по одной сторонѣ идя себѣ данныя на деньги

мѡх-бѣ; мѡх дѳвің бінчуинга суа ѳуїр-ју“.
торговля(ю) сдѣлайте; торговля(ю) хорошо сдѣлавшему я пойду есть“.

Шѳѳга дѣлечу ахчанца ара-бѣлір паччахиң қѣнті. Дука,
Себѣ данныя деньгами вошъ выѳхали царей сыновья. Много,

қѣзіг іѣхуш, іуш кѣчір цхѣнің чурт-тѣ. Ціггах нѣк
мало ухода (уѳзжая), они прибыли къ одному памятнику. Тамъ дорога

бѣкулуш хілла кѡ-а нѣке. Қѣнташа бѡрт-бір
дѣлилась было на три дороги. Сыновья (молодые люди) согласіе сдѣлали

цхѣнца новка, цхѣнца вахаң: хѡлха јуха вірзанаріг,
по одной дорогѣ, по одному поѳхать: впередъ назадъ вернувшійся,

чурт доллучоҳ сацар вуїш тѣкѡччалца. Цѡ-
памятникъ гдѣ находится остановившись, другіе пока не придутъ. Изъ

рахаң цаѳ іѣхуш, іѣхуш кѣчір јѡккучу ѳѡлечу. Шѡ
нихъ одинъ ѳлучи, ѳлучи прибылъ въ большой городъ. Самъ

ѳѡлечу кешчах, і вахар базара мѡх баң.
въ городъ прибывъ, этотъ пошелъ на базаръ торговля сдѣлать (совершить).

Базарах лѣлаш і кѣчір стѡка дѳхѳуш ѳачу ста-
На базарѣ бродя этотъ прибылъ стаканъ продавая сидящему чело-

ган-тѣ. Цуа хѣттер: „Пуң дѣху ахъ стаканнах“. „Бѳѣ-
ѳѡка настигнуть. Онъ спросилъ: „Что просишь ты за стаканъ“. „Сто

- туіма-дѣху“ ѳлір цуа. „Тхаң мѣхваѣ хѣра сѣнна
десять (разъ) руб. прошу“ сказаль онъ. „Въ нашемъ краѣ этотъ какъ
долчу ставанах ші шај-біең ца-луа, сѣл дѣка хѣнда
естъ за стаканъ два пятака не больше не дають, столь много зачѣмъ
дѣху аѣ цунах“, ѳлле шіѳга ѣлчаѣ, оцуа ѳлір:
запршиваешь ты за него“, сказавъ себя(ѣ) когда сказаль, онъ сказаль:
„Шуң мѣхваѣ хѣра сѣнна-дѣлуң става дѣц, кѣнах
„Въ нашемъ краѣ этотъ какъ естъ стаканъ нѣтъ, въ немъ
• хуң хѣнір дѣлла-хѣйна ха-аѣѣр, ас дѣ-
какое свойство, качество, находится себѣ если бы зналъ самъ (а) что
хуң аѣча дѣка хѣтардѣцар хѣйна“. „Пуң хѣнір-ду
прошу деньги много не показалося бы тебѣ“. „Какое свойство естъ
хѣку ставанах“, ѳлле шіѳга хеттачаѣ, оцуа ѳлір: „Лѣш-
въ этомъ стаканѣ“, спазавъ себя спросивши, онъ сказаль: „Ум-
вѣллучу стага хѣку стакаң чу-а-дѣттена хің цѣѣ кѣрд
равнѣй чѣловѣкъ этого стакана туда наливь води одинъ глотокъ
бѣѣ, шѣ нѣнас ма-вар хір-ву і“. „І хѣнір
если сдѣлаешь, самъ мать какъ ро нла будетъ“. „Это качество
долчу ставанах, бѣѣ-туіма дѣку дѣц“ ѳлле і
нмѣющій за стаканъ, сто десять (разъ) руб. много нѣтъ“ сказавъ этотъ
стака-а ѳсна цѣѣ-вирзір пѣччаѣң қант. Вѣка нѣвка
стаканъ купивъ домоѣ направилъ царскій сынъ. По другой дорогѣ
вахана пѣччаѣң қант кѣчір і сѣнна јѣккучу рѣлечу.
ноѣхаль царскій сынъ прибыль этотъ какъ въ большой городъ
Бѣзара вахчаѣ, і кѣчір кѣізга дѣхвѣш-ѣачу
На базаръ когда пошелъ, этотъ прибыль зеркало продавая сидящему
стаган-ѣѣ. Шіѳга мѣх хеттачаѣ, цуѣ ѳлір: „Бѣѣ-туі-
на чѣловѣка. Себа (его) цѣну когда спросили, этотъ сказаль: „Сто десять
ма-дѣху“ ѳлле. „Тхаң мѣхваѣ хѣра сѣнна долчу
(разъ) р. прошу“ сказаль. „Въ нашемъ мѣстѣ (краѣ) этотъ какъ естъ
кѣізганах цѣѣ сѣм, ші сѣм дѣлчаѣ, кің лурдѣцар“ ѳлір
за зеркало одинъ руб., два руб. давъ, больше не дають“ сказаль
цуа. „Хѣку кѣізганах дѣккучу хѣнір доллу, чу-
этотъ (онъ). „Въ этомъ зеркалѣ большое качество находится, въ него

хѣжчах, ца-хууш. һумма-а: дѣсур дѣц. I куизга-а
посмотрѣвъ, не зная ничего останется имъ. Это: зеркало

ѣсна i-а цѣки-вирзир. һорун сѣнна вѣж пѣччахаң
купивъ и этотъ домой направился. Это: какъ другой царскій

қант кѣшна-хѣлла жѣккочу дѣлѣчу. I-а вахар бѣзара
смыз прибылъ былъ въ большой городъ. И этотъ пошелъ на базаръ

мѣх-баң. Духкучу вѣртен-те кѣчир. i. Цунах
торговля(ю) сдѣлать. Продающему на бурку наткнулся этотъ. За нее

шѣга: бѣе-туима дѣхчах, тѣмашбѣна лѣттер цу-а:
себѣ сто десять (драг) руб. когда спросили, удивившись спросилъ они:

„Нун хунир-ду һѣку вертенех“. Оцуа элѣр: „Цѣа мѣ-
„Какое дѣшево: есть въ этой буркѣ“. Этотъ сказалъ: „Одна ми-

нут жѣла-ле хаң уѣлла лѣттечу кѣчуаш-ду i“. I
нута не пройдетъ время(ени), дума гдѣ стоять, доставить есть эта“. Это

шѣга алчах, i вѣрта-а. ѣсна i-а вирзир ца.
себѣ когда сказалъ, эту бурку купивъ и этотъ направился домой.

Жука бирвѣчах, чурт дѣлчоң гѣл-белѣр iуш.
Назадъ когда направился, памятникъ гдѣ находится собрался они.

Шѣш бѣна мѣх вовпушва-а бѣцина, куѣ-а цѣхѣне
Сами сдѣлали торговля(ю) другъ другу рассказали, трое въ одно время

куизганчу хѣжсар iуш. Куизганчу хѣжчах, цѣрна жѣр
въ зеркало посмотрѣли они. Въ зеркало посмотрѣвъ, имъ (они) увидѣли

шѣш дѣг-дѣхуң пѣччахаң жуѣ лѣш-жѣллуш. Тѣкка вѣртең-
сами ухаживающіе царскую дочь умирать собирались. Затѣмъ на бур-

те-а кошпена, минут жѣлале, пѣччахаң жуѣ-те
ку сѣвши, минута не прошла, царская дочь гдѣ находится

кѣчир iуш. Шѣш текѣшчах, ставанчуах хѣ-а малайна,
прибыли они. Сами прибывъ, въ ставанѣ воды дѣвъ выпить,

тајир цѣр i пѣччахаң жуѣ. Цѣр бѣнчу мѣхе ма-
поправили они эту царскую дочь. Они сдѣланной торговлѣ при-

дѣжчах, цархаң шѣена мулха кѣстуар-ву цахууш iсна
слушавшись, изъ нихъ себѣ кого выбрать есть не зная, осталась

пѣччахаң жуѣ. Хѣнна жѣзур i пѣччахаң жуѣ?
царская дочь. Кому должна была достаться эта царская дочь?

Три царевича добивались руки прекрасной царевны. Царевна одинаково ихъ любитъ, а потому не знаетъ, кому отдать предпочтеніе. Изъ этого затрудненія она выходитъ такъ: каждому она даетъ по тысячѣ руб. и посылаетъ купить на эти деньги какую-нибудь вещь, съ обѣщаніемъ принадлежать тому изъ нихъ, кому удастся купить лучшую вещь. Царевичи выѣхали. Долго ли, мало ли они ѣхали, но доѣхали они до памятника, гдѣ дорога развѣтвлялась въ три стороны. У памятника они условились развѣтвляться съ тѣмъ, чтобы тотъ, кто раньше вернется, ждалъ здѣсь прибытія другихъ. Одинъ изъ нихъ ѣхалъ, ѣхалъ и, наконецъ, доѣхалъ до большого города. Остановившись въ городѣ, царевичъ на другой день пошелъ на базаръ, гдѣ случайно наткнулся на человѣка, продававшего стаканъ. Подойдя, царевичъ изъ любопытства спросилъ торговца: «За сколько ты продаешь стаканъ?» — «За тысячу рублей», былъ отвѣтъ. «Въ нашемъ краѣ такой стаканъ стоитъ не больше 10—15 коп.; почему ты такъ много запрашиваешь?», спросилъ царевичъ. Торговецъ отвѣтилъ: «Если бы ты зналъ, какое чудное свойство имѣетъ мой стаканъ, то не такъ много показали бы тебѣ за него тысяча рублей». На вопросъ царевича, какое свойство имѣетъ этотъ стаканъ, торговецъ сказалъ: «Если умирающій сдѣлаетъ одинъ глотокъ воды изъ моего стакана, то онъ выздоровѣетъ». Царевичъ купилъ этотъ стаканъ за тысячу руб. и поѣхалъ обратно. Царевичъ, поѣхавшій по другой дорогѣ, тоже ѣхалъ, ѣхалъ и, наконецъ, доѣхалъ до большого города. Остановившись въ городѣ, царевичъ на другой день пошелъ на базаръ, гдѣ наткнулся на человѣка, продававшего зеркало. «Сколько просишь за зеркало?», спросилъ царевичъ. «Тысячу руб.» отвѣтилъ торговецъ. «Въ нашемъ краѣ такое зеркало стоитъ одинъ или два руб.; почему ты такъ много запрашиваешь?», спросилъ царевичъ. Затѣмъ, узнавъ, что это зеркало имѣетъ свойство отражать все, что совершается въ данное время на землѣ, царевичъ купилъ это зеркало и поѣхалъ обратно. Третій царевичъ тоже пріѣхалъ до большого города, гдѣ на базарѣ купилъ за тысячу руб. бурку, имѣющую свойство съ быстротой мысли переносить съ мѣста на мѣсто. У памятника его ждали два другихъ царевича. Рассказавъ другъ другу о своихъ покупкахъ, царевичи пожела- ли посмотреть въ зеркало. О, ужасы! въ зеркалѣ они увидѣли ца-

ревну умирающей. Живо съли они на буреу; въ моментъ они стояли у постели больной. Затѣмъ царевичи дали больной выпить воды изъ чудеснаго стакана. Сдѣлавъ одинъ глотокъ, царевна выздоровѣла. Затѣмъ царевичи рассказали царевнѣ о своихъ покусахъ; ждутъ они ея слова, но царевна ничего не могла сказать. Кому должна была принадлежать царевна?

4. *Хитрая лисица.*

Ламана басахъ ѱадда бѣжипш боллуш хїлла ѱахара.
Горы на склонѣ мирно пасся бивъ былъ барашекъ.

Мїчхашхаң јѳу ца-хууш, цуннаѳе-кѳшна јуїзна бѳрз. Шѱ
Откуда идетъ не зналъ, на него пришелъ сытый волкъ. Самъ

цунна ѳекѳшчахъ, барзуа ѳлле: „Сѱң мѱхвѳтѳхъ һунда бѳ-
ему (его) когда наступитъ, волкъ сказалъ: „Мое(й) на землѣ зачѣмъ на-

жї хуа, һуң јипш јара хѱң кузахъ бѱжаң, ѳс тѱзар
сѣшься ты, что право имѣлъ твое здѣсь пастись, я наказаніе

дїр-ду хуѱна“. „Кїңхѳтам-бѳ суѱх, хѱң бѱц һѱра мѳхѳ,
сдѣлавъ тебѣ“. „Пожалѣть сдѣлай съ меня, твое нѣтъ это мѣсто

Дѳлің-бу і“. „Суѱна дуїхїл лѳр сѳнтал ју
(земля), Вога есть этотъ (это)“. „Мнѣ противъ говорить глудость есть

хѱң, һѱра сѱң бујла массѳршна-а хе-а: цахууригъ хуа-
твое(я), это мое что есть всѣ знаютъ: не знающїй кромѣ

біең бѱц“ ѳлле кѱна шѱ мацїлчахъ ѱахара ба-аң
тебя никого нѣтъ“ сказавъ завтра самъ проголодавшїйся барашекъ съѣсть

уѳјла хїлла цуїнга ѳлле барзуа: „Хѱјң теш-а вѱлуаш
думаа имѣла ему сказалъ волкъ: „Своего свидѣтеля веда

кѱна кѳвза бїеллалахъ, сајң тѳш вѱлуаш суѱ јѳвур,
завтра сюда приходя, своего свидѣтеля веда я приду,

ѳѱкка хѳттур вајша“ ѳлле, бѳр дѱѱ-јахана, ѱахар-а ца-
затѣмъ спросимъ мнѣ“ сказавъ, волкъ туда ушелъ, барашекъ домой

бѳана. Шѳлзучу дїнахъ дѳккуң джѱале-а ѳсна ѱахар ба-
пришелъ. На другой день большую собаку веда барашекъ по-

хана. Шя дьакешчах, цуа даукина шя дедина джѣла
 шелъ. Самъ прибывъ, онъ спряталъ самъ приведенную собаку
 вул-тѣха. Дука хаң јамаде тѣшуллаина цѣбогала-а
 за кустъ. Много время(евн) не прошло въ качествѣ свидѣтеля
 дѣлуаш сѣакѣчир бѣрв. Барѣ зѣхаруа ѣлір; Суїна тѣш
 веда прибывъ волка. Волку барашникъ сказавъ: „Май свидѣ-
 ца-караїна, хаң тѣшуа тѣшулла дахъ, ахъ бѣ-
 тела не нашелъ, твой свидѣтель показаніе если сдѣлаетъ, ты что
 хуріг бак-ду“. Цѣбогалау ѣлде: „Пара мѣхк һѣку бѣр-
 говоримъ правда есть“. Лиса сказала: „Это мѣсто этого вол-
 зиң буїла, массарна-а хе-а; і цахууріг хуабіең-бац“.
 на что есть, волъ знаетъ, это неважущій ты больша имито нѣтъ“.
 Дүї ба-ал аїха бѣхуріг бак дѣлех һѣку
 Присяга(гу) поужай (принеси), самъ что говоришь правда если есть, (на) отиць
 куллахъ, шіѣга зѣхаруа алчахъ, цѣбогал дахана кўлте дүї
 кустомъ, себѣ барашникъ сказавъ, лиса пошла къ кусту присягу
 ба-аң. Дүї ба-аң кўлте һѣттечахъ, шіѣга
 свѣсть (привести). Присягу свѣсть (принесли) къ кусту ставъ, себѣ
 жежущ бѣккуң джѣлең бѣберг-а баїна, жуа-а іккіна, цуа
 смотря большой собаки глаза увидѣвъ, назадъ просившись, она
 ѣлір: „Халха мѣлхе бѣлчу дѣс ба-аң
 сказала: „Впередъ мѣсто идущій(ему) огонь (хозяйку) свѣсть (принести)
 бѣза дүї, цўлтѣха буур ас“. Такка кўлте-а
 слѣдуетъ присягу, послѣ него свѣсть (принесу) самъ“. Затѣмъ къ кусту
 јахана, куарте-а аїбіна бѣрв дүї ба-аң һѣттечахъ, текѣт-
 подойда, голову поднавъ волкъ присягу свѣсть ставши, бросивъ
 тачу джѣлуа лѣг-а хадіна бѣрв іїна; коллѣшна-а ік-
 шался собака горю перерѣзавъ волка убилъ: въ кусты бро-
 кіна цѣбогал-а дѣлда дахала.
 свившись лиса бѣгомъ пошла.

Гдѣ-то на склонѣ горы мирно пасся агненокъ. Вдругъ, от-
 куда ни возьмись, приходитъ смѣтый волкъ. Увидѣвъ агненка, онъ
 набросился на него, говоря: «Какое ты имѣешь право вѣстись на
 моей землѣ? я тебя за это накажу». — «Помилуй», говоритъ агне-
 нокъ: «вѣдь это не твоя, а Божья земля». — «Я не думалъ, что

ты настоять глупе, чтобы возражать итѣ; все звѣри знаютъ, что эта моя земля; завтра приходи сюда со свидетелемъ, и я приду со своимъ свидетелемъ; если ты окажешься виновнымъ, то я тебя съѣмъ». Съ этими словами волкъ ушелъ. Пошелся домой и агненокъ. На другой день, взявъ въ свидетели громаднаго пса, пришелъ онъ на спорное мѣсто, при чемъ спряталъ пса въ кустъ. Не заставилъ себя ждать голодный волкъ. Онъ привелъ съ собою въ качествѣ свидетеля лису. Агненокъ заявилъ, что онъ пришелъ безъ свидетеля и что удовлетворится показаніемъ лисы. Лиса выступила впередъ и говорить: «Глупый агненокъ! Развѣ ты не знаешь, что эта земля принадлежит волку. И и все звѣри подтвердятъ это». — «Если твои слова не ложны, подойди къ этому кусту и побожись имъ, что ты говоришь одну правду» сказала агненокъ. Лиса подходитъ къ кусту, замѣтивъ изъ-за куста устремленный на нее большой собачій глазъ, лисица отсочила и говорить, указывая на волка: «Пусть владѣлецъ земли побожится сперва, а за нимъ побожусь и я». Волкъ, ничего не подозревая, подходитъ къ кусту и, поднявъ кверху голову, начинаетъ божиться. Вдругъ изъ-за куста выскочилъ песь и перерѣзалъ волку горло. Увидя это, лиса бросилась въ кусты и исчезла.

5. Лиса и куропатка.

Мѣцалла дѣлаң дѣллуш хуні-кѣлхухулу дѣдеш хілла
 Отъ голода умирать собирався по лѣсу по низу иди была
 цѣбгал. Цунна јѣвна гентѣх-ѣаш ѣка-куатам. Цѣбгал
 лиса. Эта увидѣла на вѣтѣ сидящую дикую курицу. Лиса(у)
 шіена дајчах, кѣра-а-јелла куатамуа мох ѣлле. Пуа мох
 себѣ увидѣвъ, испугавшись курица крикъ сказала. Эта(отъ) крикъ
 ѣлчах, цѣбгалуа ѣлле: „Ас бѣң тѣмаша, ѣх сѣнах
 сказаъ, лиса сказала: „Сам(а) дѣлао удивленіе, ты изъ него
 буа тѣмаша“ ѣлле шіѣга хеттечах, цѣбгалуа ѣлр:
 дѣлаеш удивленіе“ сказаъ себѣ спросивши, лиса сказала:
 „һинцаца ѣни мох багах ѣлу мјетташ дѣр-суа, ѣш
 „до сихъ поръ вы крикъ черезъ ротъ говори думал есть я, вы

хиллэне і бѣрегех олш^а. „Багах ол ас на самомъ дѣлѣ этотъ черезъ глаза говорѣ“. „Черезъ ротъ говорю самъ мѡх^а“ ака-куатамуа алчахъ, цуа елір: „нѣ, нѣ, хуѣна крикъ“ дикая курица сказавъ, эта сказала: „нѣтъ, нѣтъ, тебѣ (ты)

цахѣ-а аѣха мѡхъ мичхашхула ѡла; ас бѡхуріг хѣйна не знаешь самъ(а) крикъ черезъ что говорить; самъ(а) что говорю себѣ бѡк цахѣтахъ, ѡха-а јѡссѣ, суѣга бѣргіште куігаш-а (что) правда не думаешь, внизъ слѣзши, мнѣ (я) на глаза руки

дахкајтѣ, тѡхал мѡх^а ѣлле цхѡгалуа. „Ахъ ѡха-јѡссетахъ положивъ, ударяи крикъ“ сказала лиса. „Ты внизъ когда спушись

суа јуур-ју“ ака-куатамуа алчахъ, цхѡгалуа елір: „ас я (меня) съѣшь“ дикая курица когда сказала, лиса сказала: „сама

ака-куатам ца-ја-аң туѡба дѣна, јѡ-ахъ гірзіш дѣрду дикая(ую) курица(у) не ѣсть платва(у) сдѣлала, если съѣшь, чesотка будетъ суѣна“ цуа алчахъ, ака-куатам ѡха-а јѡссена. Ака-мнѣ“ она сказавъ, дикая курица внизъ спустилась (слетѣла). Дикой

куатамаң куѣгаш бага-а дјохкана, цхѡгалуа елле: „Јовдал курицы ноги въ пастъ засунувъ, лиса сказала: „Дура

ју хуа, ас хуа јуур-јјула ца-хе-ар-хуѣна“ цуа алчахъ, есть ты, самъ тебя что съѣшь не знала тебѣ (ты)“ эта когда сказала,

ака-куатамуа елір: „Ахъ хѣла-а хѣжна, „бісміллѣһір-дикая курица сказала: „Ты вверхъ посмотришь, „съ великимъ именемъ ррохмѣһір-ррѡхім“ ѣлле суа јуѡла-јахъ, суа цхѣнің Божьимъ начинаю дѣло“ сказавъ я (меня), если начнешь, я (меня) въ одинъ

шарахъ ја-аң тоар-ју хуѣна“. І шіѣга аллѣріг алаң кѣа годъ ѣсть хватить тебѣ“. Это себѣ сказанное сказать эта

бага ѣттїахъ, „пуррр“ ѣлле тѣмїш-а тјехна гѣнтѣ хїіна пастъ разинувъ, „пр-р-р-р“ сказавъ крылья(ми) ударивъ на вѣтку сѣла

ака-куатам, „суѡл кѣтам бѡ-цушма хуа хїлла“ ѣл-дикая куропатка, „больше меня понятие не имѣя ты была“ ска-

ле. Тѡкка мѣкїрдѡлле: „чуа лѡзѡ шіѣң ѣлле завъ. Затѣмъ хитрымъ сказавшись: „животъ болитъ у меня!“ сказавъ

дјехна і. Пѡра іштаң јїллуп тѣ-качаңбѡхуш, дукка-а упала эта. Эта такъ когда лежала приближалась, много

цѣлеш дѣлуш, мехрї дѣтташ бѣбуш хїлла іччїрохї. „Суѣна собакъ мнѣ, крики удара, ила били охотники. „Мнѣ

хезерш нѣц мехрї-ду“ ѣлле шїѣга цѣбгалау хѣттечахъ, слышно что крики есть“ сказаъ себя лиса когда спросила,

ѣка-куатамуа ѣлїр: „їуш вѣјнаѣ ца-бѣбу, бѣрз ѣккіна дикая курица сказала: „они на насъ не идутъ, волка погнавъ

бїолха ѣї-бу іуш“ ѣлле. Леттахъ кѣрчаш ѣллучу идущїе пастухи есть они“ сказала. Въ (на) землї переворачиваясь лежала

цѣбгалнаѣ, кѣшна іччїрохї шајц цѣлешпац. Дѣа-гдѣ находится лиса, приблии охотники со своими собаками. Туда

їккіна цѣбгал дѣдда, цунна тѣха хѣјда цѣлеш. бросившись лиса побѣжала, ему въ слѣдъ бросились собаки.

Цѣлеша цѣгу-а дѣккена ша кѣлжерїцѣлчахъ, цѣбгалау уѣјла Собаки хвостъ оторваъ сама когда спаслась, лиса дума(у)

їна: „Бїсмїл-лѣнїр-ррохмѣнїр-ррѣхїм“ бѣхуш лѣллѣр сдѣлала: „Съ великимъ именовъ Бога начинаю это дѣло“ говоря жила

сац дѣ, тѣјпа? ѣка-куатамуа ѣїѣнчу ѣс ѣара мой отецъ, родъ? дикая(оѣ) курица(еѣ) обманутая сама этотъ(мѣ)

дујене дѣ-ац ца-дѣзара“ ѣлле цуа. свѣтъ(ѣ) ѣсть не слѣдуетъ“ сказала она.

Однажды, по лѣсу бѣжала голодная лиса и увидѣла сидящую на вѣткѣ куропатку. Увидѣвъ приближающуюся лису, куропатка испугалась и издала крикъ. Лиса садится подъ то дерево и, умиленно поглядывая на куропатку, говоритъ: «Удивительное дѣло; до сихъ поръ я думала, что куропатки кричатъ горломъ, а оказывается, что онѣ кричатъ глазами». — «Нѣтъ, лиса, мы кричимъ горломъ, а не глазами» говоритъ куропатка. «Да нѣтъ же: ты не знаешь сама, что говоришь. Если не вѣришь мнѣ, то слети ко мнѣ; я закрою твои глаза, и если ты тогда закричишь горломъ, то твоя правда». — «Я боюсь слетѣть, ты меня съѣшь» говоритъ куропатка. «Напрасенъ твой страхъ» отвѣтила лиса: «я поклялась съ прошлаго года никогда не ѣсть мяса куропатки; если я нарушу клятву, то умру отъ чесотки». Куропатка повѣрила лисѣ и слетѣла къ ней. Лиса, схвативъ куропатку за ноги, говоритъ: «Глупа ты; развѣ можно мнѣ вѣрить;

теперь я тебя съѣмъ». — «Не ѣшь меня такъ; если ты, прежде чѣмъ съѣсть меня, обратишься къ Богу со словами: «съ Великимъ Божьимъ именемъ я надцнаю тебя», то мяса моего хватитъ тебѣ на цѣлый годъ». Лиса повѣрила; лишь только она разинула пасть, чтобы обратиться къ Богу, какъ куропатка, освободившись, взмахнула крыльями и съѣла на прежнюю вѣтку, со словами: «Вотъ теперь ты въ дуракахъ осталась!» Обманутая лиса не знаетъ, что дѣлать. Она притворилась больной и жалуется, что у нея болитъ животъ; охая и визжа, она катается подъ деревомъ. Въ это время до слуха лисы доходятъ крики охотниковъ и лай собакъ. Лиса спрашиваетъ: «Что это за шумъ?» Куропатка отвѣчаетъ: «Не безпокойся; это пастухи погнались за волкомъ». Но тутъ появились охотничьи собаки и бросились на лису. Лиса пустилась бѣжать, но вслѣдъ за нею погнались собаки. Съ трудомъ лиса спаслась, но безъ хвоста. Усталая, мучимая голодомъ и болью, лиса-калѣва говоритъ: «Развѣ мои предки начинали какое-нибудь дѣло со словами: „бисмилляһир-ррѣхманір-ррѣхїмъ“? какой срамъ! меня перехитрила куропатка, и теперь мнѣ жить не стоять!»

6. Старая злѣть-соль забывается.

Цѣа мѣснѣ стѣг хїлла Гїблаг бѣлуш дѣ јѣлуш.
 Одиѣ бѣднїи челоѣкъ былѣ Гелатѣ говора имѣ нїлѣ.
 Цуа хуїнкахъ бјезїнчу гѣруа лѣсна цѣѣгал. Ша дїѣѣ
 Омѣ въ хѣсу (ѣ) песталеннїи лѣпканѣ пѣшмалѣ лїсу. Себїи (омѣ) убїтї
 і вѣлчахъ цуа ѣлїр цуїнга: „мадїѣхѣр ахъ суа,
 ототѣ(у) когда началѣ, она сказала ему: „не убївай ты я (меня),
 саѣ цѣѣбанахъ хуана јѣлх-ѣпспезѣбїеѣ лур-даѣ, саѣ муїстїѣ
 моя(ю) за шкуру тебѣ шесть двадцать коп. не дадутѣ, мое кїслоѣ
 жїжг ахъ дуур-даѣ, ас дукка-а дїѣнїш дѣр хуана ахъ
 мясо ты не станешь ѣсть, я много добрыхъ дѣлѣ сдѣлаю тебѣ ты
 суа падїѣх ѣлле. Цѣѣгалуа шїѣга дѣхар дїѣахъ, Гїѣлага
 я (меня) не убїешь“ сказала. Лиса себя просьбу сдѣлаѣ, Гелатѣ
 цѣѣгал падїѣна. Тѣкка цѣѣгалуа хѣттена Гїѣлага: „ѣхча дїї
 лїсу. не убїлѣ. Затѣмъ лиса спросїла Гелата: „денїшѣ естѣ

хуѣга^а, ѡлѣ. Вуарн-ѡпшеза ду^а Гѣлага^а ѡлча^а;
у теба^а, сказала. „Семь двадцать копъ есть“ Гѣлага^а тогда сказа^а,
„суана тѣхавѣла“ мунига. Ѧлле доладѣлѣр цѣбнал. Дукка, цѣзѣт
„мѣлѣ за мной“ идѣ. еку. сказа^а пошла. „Много, много
іѣхуш іуш-кѣчѣр цѣвнѣц іоккучу бѣлечу. Оцу бѣлечу
укода они прибылѣ въ одинъ большой городъ. Въ этомъ городѣ
вѣхѣш жѣлла дѣма жѣл долуш цѣка стаг. Оца отаг
жѣла былъ много богатство(а) имѣющій одинъ человекъ. Отогъ человекъ
вѣлчу дѣлава цѣбгалуа ѡлле: „ѡкча дустан гѣрда
гдѣ находятсѣ. пошла гѣрда сказа^а, „онѣгѣ смѣрѣть мѣру
бѣц даајтана суана іш. іолчу Гѣлага^а. Сем ѡкча
нести послана(гъ) ѡ(жѣла) богатство имѣющій Гѣлага^а. Отолько денегъ
цѣвнѣц слѣгѣ хѣларх. таманава бѣна, гѣрдава бѣлла да-
(у) одного человекъ что есть удивленіе сдѣла^а, мѣру да^а при-
ајтѣр жѣл долуш стага, цѣбнал. Шѣлучу дѣна гѣрда
сла^а богатство имѣющій человекъ лѣса(у). На другой день (въ нѣрѣ)
бѣрду, Гѣлага^а цѣжарѣц вуарн-ѡпшезава доладана гѣрда
гдѣ гредѣла Гѣлага. послѣднѣе семь двадцать копъ засну^а мѣру
дѣбѣлац дахана цѣбгал. Гѣрдачуа ж шѣна ѡкча карај-
обратно отдалъ пошла лѣса. Въ нѣрѣ себя деньги най-
ча^а, жѣл долуш стага ѡлѣр цѣбгѣле: „дѣцѣла гѣр-
да, богатство имѣющій человекъ сказа^а лѣлѣ: „жѣбнѣвъ въ нѣ-
дачуа ѡкча дѣсна Гѣлага^а дѣжуа іѣ“ ѡлле шѣга
рѣ деньги осталѣсѣ Гѣлага, наза^а неси эта(ш)“ сказа^а себя
ѡлча^а. „дуа тѣргалдѣц нѣма дац іѣ“ ѡлле, іука
сказа^а, „онѣ смѣрѣтъ дѣла^а что-нибудь нѣтъ это“ сказа^а, наза^а
дѣар цѣбгал. Така шѣна цѣка Гѣлагава ѡккана ѡра-
прѣла лѣса. Затѣмъ себя наза^а Гѣлага наглѣши возъ
дѣлѣр цѣбгал. Іѣхуш, іѣхуш іуш-кѣчѣр цѣвнѣц іоккучу
вышла лѣса. Идѣ, идѣ они прибылѣ въ одинъ большой
вѣлѣде доккучу хѣтѣх іѣнну. Мѣсвачу Гѣлагѣ шѣнѣ
городъ большой на водѣ построенный. Бѣдѣму(а) Гѣлагу(а) свои
тѣлхѣгѣш хѣчу-а кѣсѣтина, цѣкуа кузѣах бѣлаха^а. ѡлле
мѣчки (одежды) въ воду застави^а бросѣть, „ты здѣсь сидѣ“ сказа^а

цуинга-а ёлле, дёдде дахар цхёгал фалечу. Ша фалечу
ему сказавъ, бѣгомъ пошла лиса въ городъ. Сама въ городъ
кешчахъ, цуа орцу дёккір бохуш: „бўсурбаң-вёжрі, јіш-
прибнвъ, она тревогу поднала говора: „мусульмане-браты, богатство

јолуң Гіёлаг хё вуахиң, дің біна, гёр, бедер јіхна
нѣжюцій(аго) Гелагъ(а) вода разбила, коня убила, оружіе, одежда(у) увесни
вітің һёку фалерчурчу ёлің јуофё хёжаң вёбучур;
оставила этоъ въ городѣ князя на дочь посмотрътъ фдучи(шаго);

тјёлла дің ара бакка, харжё гёр, бедер јакка ара
лучшаго коня вонъ выводите, выбравъ оружіе, платье выносите вонъ

цўнна, цуа шіёна һінца фб-а дїнарїг віц-вїр-вац“.
ему, онъ себѣ (ему) теперь помощь сдѣлавшаго не забудеть“.

Нёха бёллечу дїкїчу дїна-а хїна, дешї дїллана гёр-
Народомъ даннаго хорошаго на коня сѣвъ, золото положенное ору-
заш-а дїхвана, цїнің бедерш јуїхіна Гіёлаг вечвелчахъ,
жія оюласавъ, новши платья надѣвъ Гелагъ когда прїготовнїся,

„суана тѣха-вёла мїскїң Гіёлаг“ ёлле, і шіёна тѣха-а
„мїѣ (меня) сзаци фжай бїднїй Гелагъ“ сказавъ, этотъ себѣ (ей) сзаци

вёккена дахар цхёгал ёлің јуоф јолчу. Шеш дјелхїш
нзавеснї пошла лиса князя дочь гдѣ находится. Сани идя

цхёгалуа дїна Гіёлагана хїехар: „Гёрзашка, бедершка.
лиса сдѣлала Гелагу совѣтъ: „На оружїе, на платье,

чўрчу һўманашка махёжалахъ, дўка-а малёлахъ“, ёлле.
въ комнатѣ на вещи не поглядывай, много не говори“, сказала.

Ёлуа чуёсна іуш, Гіёлаг вёлчу шїең јуоф јахајтана.
Князь привалъ ихъ, Гелагъ гдѣ находится свод дочь послалъ

Јуоф шё вёлчу је-ачахъ, цуинга хёжаң цаку-
Дочь самъ гдѣ находится когда пришла, на нее посмотрътъ не уснї-

їш, цевёлле шїең бедершка, гёрзашка, чўрчу һўманашка
вал, пугливо свое на платье, на оружїе, въ комнатѣ на вещи

і хїёжаң велчахъ, ара-а јалле јуофа хёттена
этотъ посматривать когда сталъ, вонъ вышедши дочь спросила

цхёгале: „Һўң-ду цуїнің іштаң хёжар, је мїскїң-ву
лису: „Что есть его такъ посматривать, или бїднїй есть

і, је љовдал-ву і“. Цхѡгалуа ёлле: „Јуіхана
этотъ, или дуракъ есть этотъ“. Лиса сказала: „Надѣванная
бѣдер, дѣхана гѣр, чуран һуманаш шіѣнаш санна ді-
одежда, опоясанное оружіе, внутри вещи свои какъ хо-
вѣцъ јѡцуцѣле тѣмаша беш хѣжу і“. Шіѣцъ јуѡѣна
рошіе такъ какъ нѣтъ, удивленіе дѣлаа смотреть этотъ“. Своей (его) дочери
Гіѣлагъ тајчахъ, ёлі рѣзіхілір і цунна јалаѣ. Тѣкка
Гелагъ поправился, князь согласіе далъ эту ему дать. Затѣмъ
цхѡгалуа ёлле ёле: „Цѣріцъ замој, вѣрс тхуѣга
лисa сказала князю: „Изъ дома всадинокъ, все необходимое намъ
воушах-беттічул, хѣјцъ вѣрсацаѣ, пошта-а
вмѣсто того, чтобы насъ беззаконъ свое всѣмъ необходимымъ, на экливахъ
ха-ајна, ара јаккар ахъ хѣјцъ јуѡѣ“. Ёлуа цхѡгална дѣлла
посадилъ, монъ измѣлаться ты своа дочь“. Князь лисѣ далъ
шіѣга діна дѣхар. Дуска бѣреш удлуа-бехна нѣскул
себя сдѣланную просьбу. Много всадинокъ воелѣ имѣла невѣсту
нѡвка-а дѣккена, цхѡгал хѣлха дахана, цѣрга шіѣна тежа
на дорогу проводилъ, лиса впередъ пошла, имъ себѣ сзади
дуіла-а ёлле. Іјехуш, іјехуш цхѡгал кашна цхѣніцъ јѡккучу
ѣхатъ сказавъ. Ида, ида лиса прибыла въ одинъ большой
рѣманте. Ёуішка цхѡгалуа ёлле: „Цѣрціцъ, туірціцъ дѡллу
табуиъ. Пастухамъ лиса сказала: „Огнемъ, мечомъ все
һума һаллакдеш, вѡккунігъ вуіш, жімінігъ лај-ваѣ
что есть уничтожая, большого убивая, малаго работъ сдѣлать
вуігін вѡѣу ницк бѡлуш вѡлуѣ Гіѣлагъ бѣѣціцъ“; і шаж-
увода ѣдетъ сила(у) имѣищій что есть Гелагъ съ войскомъ“: это се-
га алчахъ, ѣуша ёлле: „Һуѣ даѣ дѣза ѡху“. „Рѣ-
бѣ сказавъ, пастухи сказали: „Что сдѣлать слѣдуетъ ми (намъ)“. „Та-
ма-а јіте, шажцъ јішмелјуѣ довда“ ёлле шажга
буиъ оставилъ, свое сила сколько есть убѣгайте“ сказавъ себѣ
цхѡгалуа алчахъ, рѣма-а јітана бојда бахар іуш. Вѣхкіна
лисa сказавъ, табуиъ оставилъ бѣжавъ пошли они. Ёлучи
нѣскул дѣлуаш бѡвуріш шіѣна текешчахъ, цхѡгалуа ёлір:
невѣсту веда ідуціе себѣ когда настигли, лиса сказала:

Дара рема Гелатагъ жу, шајцаң јала јеланг душ елле,
„Этогъ табунъ Релатагъ есть, съ собовъ гоните ихъ“ сказавъ,

халха дахана цогал дьрга шізна чежа дуіза а биле.
впередъ пошла маса имъ собъ(я) сзиди ххатъ сказавъ.

Іекуш, іекуш і кешна хура жаф, бешніш
Ида, иди ета приблима много стада овецъ, стада рогатого скота

дѣнуаш бѣнуу бѣнуаш бѣнуаш. Цуа шајга: „цѣрцің, туірцің
насуцимъ(хъ) оидацимъ(хъ) напастуховъ. Эта собъ: „огнемъ, мечомъ

дѣлу нума халлак-а-деш вѣбуу ниік болуң Гелат,
кѣ что есть уничтожаи хдетъ (идеть) силу имѣюціи Гелатъ,

вѣкуниг вуиш, вѣгінинг аеш-баң буигаш, алчакъ, жа-
большого убиваи, малыхъ рабовъ сдѣлатъ урвди“ сказавъ, стадо

а, бешніш дѣгінә бѣдда балана жуу. Вешгінә
овецъ, стадо рогатый скотъ оставивъ бѣгомъ поили пастухи. Вдучи

замој шіснәтѣ кечгчакъ, хара жа, беш-
враднши на-себа (из ней) прибливъ, ета стада овецъ, стада ро-

гитий скотъ Гелатагъ жу, шајцаң дѣлде елле халха-а
гитий скотъ Гелатагъ есть, съ собовъ гоните ихъ“ сказавъ впередъ

Іекина дахана цогал. Іекуш, іекуш і кешна елкің
бросившись пошла маса. Ида, иди ета приблима, желѣзний

хѣку гѣхуш, цѣснң сара бѣддш-гуанә вѣрт јѣлуш
вошь удараи, хѣдннш хворость выши кругомъ, плетень имъ

јѣккің баланашѣ. Царна чуах бѣхін хілла сѣрмі:
большиа на (къ) башни(имъ). Имъ(ихъ) внутрн жнль бѣнъ имѣ-худовице.

Дѣмкунш, гуар дѣгталуш кѣх чухѣдда цогалуа
Плата, вы поили ударилъ, ворота внутр побѣжала тѣс

ѣлге: „Цѣрцің, туірцің ша вѣбууң мохъ халлак-а-беш,
(и) сказавъ: „Огнемъ, мечомъ самъ вдучи мѣсто уничтожаи,

дѣккунъ ѣскір тѣжа-а дѣккена вѣбуу тѣкаччаң-вѣлмунш
большое войско сзиди имѣи хдетъ (идеть) очень близко отъ тебѣ

ниік болуң Гелат, бѣдчакъ вѣлкірін-бѣлал кан бѣң
силу имѣюціи Гелатъ, бѣжавши нѣ-подъ него выйти время небольшое

јаң хуана. І шісна хевчакъ, бѣдда вгарн лѣмана тѣка
нѣтъ тебѣ“. Это собъ увеличавъ, бѣжавъ самъ горн(ъ) сзиди

іккіна, бајна і сёрмік, Бёккіна, нускул дёлуш,
бросивъ, пропавъ этотъ змѣй-чудовище. Блуди мѣвсту, вадъ,
рѣма, дѣхні дёлуш јуш сха-кешчахъ, „Гіёлагъ вѣхн мѣтн
табушъ, скоты(ъ) ведя они, сюда прибыли, „Гелэгъ(а) жвудее мѣсто
һара ју!“ ёлде, дуіхл, дбала царна цхбгалъ. Гіёлагъ, шпешъ
это естъ!“ сказавъ навстрѣчу вышла имъ лиса. „Гелэгъ(со) своей
нускулцн вѣхаң хііна цха хѣн јелчахъ: „дѣлчахъ мѣл
невѣстой жить сѣвши, одно времѣ прошло: „когда умру, сколько
сї, дїрдартехъ, саң Гіёлага?“ ёлде, дѣлча санна, дѣжда
почета сдѣлалъ бы мой Гелэгъ?“ сказавъ, умерла, дакъ, естъ, дагда
і. Цхбгалъ дѣлде-а моетлена, Гіёлага, ёлде: „Цогу-а вѣпѣ
ета Лиса, (что) умерла, думалъ, Гелэгъ, сказавъ: „Хоротъ, цойматъ
гѣнна-а дѣкке дѣакббса і“. Гіёлагъ, аллѣрн-а хезна
длеко вѣнеси, бросъ вѣта(у)“. Гелэгъ(омъ) сказанное, уелншатъ
цхбгалуа хѣла-а іккіна ёлде: „ас хѣйна днчу дн-
хса, вѣрхъ подннвшисъ, сказала: „самъ (шюо) тебъ сдѣланнмъ доб-
вншна, дуіхл, суана, ахъ дең, дннц, маду?
рмшъ дѣламъ, протнвъ мнѣ (меня) ты это дѣлаешъ, доброе дѣло, какое естъ?
ббку, вѣлнннцхохъ жуа, кнцъ вѣхнр, вад, гоуранъ, бемнш
вѣ этѣхъ дѣ бнннцхъ, ты, (тебѣ) еще, жить, нѣтъ, допалъ, флнннннн
кнцъ хуѣгахъ лѣттеръ дацъ“ ёлде сёрмікъ, балуаң дѣлда
еще, у тебѣ, стоитъ нѣтъ“ сказавъ, змѣй-чудовище, прнвѣстн бнгомъ
дахана цхбгалъ. Дукъ, кѣзгъ іѣхуш ша цуннате, кѣшчахъ,
пшла лиса. Много, мало, уходя, сама на него (къ нему) прнбнвъ,
цхбгалуа, ёлде: „Доходъ, ннцкъ болуң, Гіёлагъ, нннца, ннцк
лисъ, сказала: „Когда-то, снду, ннннншнй Гелэгъ, теңеръ, слла(у)
ббдуш-ву, жуа, јуна, ббгахъ, і, кнра-а-вѣлда, вб-
не, нннн, естъ. Ты, еслн прндешь, лнцелъ, этотъ, испуганнннн, тебѣ-
дурву“. Сёрмікъ, кѣруш, цаббодашъ хнла. Ша, цхбгалуа
шнннн. Змѣй-чудовище, болсн, не, ннн, бнтъ. Сннн, лиса(у)
цабнтчахъ, бахана і, шнѣхъ, цхбгалъ-а, днхкіна, Дѣакешчахъ,
не, оставнвъ, пошелъ, этотъ, съ, собою, лису, прнвнзавъ. Тула, прнбнвъ,
цхбгалуа, кнннана, ара, вѣккіна, Гіёлагъ, Ша, ара, вѣлчахъ
лисъ, провалъ, нонъ, вѣлада, Геллага, Сннн, нонъ, когда, ннннннн

сёрмик-а бѣйна цѣа ёлле: „Хѣйга доллучу дѣкаріна
 змѣй-чудовище увидѣши этотъ сказавъ: „За тобою что имѣю за долгъ
 бѣліна хірбу ахъ і“. І піёна хезчахъ, кѣра-а-
 привела будетъ можетъ быть ты эта(ого)“. Это себѣ услышавъ, искугав-
 бѣлла, лѣттахъ тѣохна цѣбгал дѣна, бѣдда бахана і.
 шисъ, о землю ударивъ лису убивъ, бѣгомъ пошелъ этотъ.

Жилъ-былъ гдѣ-то нѣкій человѣкъ, Гелагъ; онъ былъ
 очень бѣденъ. Случилось, что въ капканъ, поставленный имъ въ
 лѣсу, поймалась лиса. Когда Гелагъ собрался ее убить, она ска-
 зала: «Не убивай меня; въ моей смерти мало пользы тебѣ: воню-
 чаго мяса моего ты ѣсть не станешь, за шкуру дадутъ тебѣ
 только шесть двугривенныхъ; даруй мнѣ жизнь, а за то я сдѣ-
 лаю тебѣ много добрыхъ дѣлъ». Гелагъ даровалъ жизнь лисицѣ.
 Затѣмъ лиса спросила его: «Есть ли у тебя деньги?»—«Есть
 семь двугривенныхъ» сказалъ Гелагъ. Взявъ у него эти деньги,
 лисица пошла впередъ, сказавъ Гелагу, чтобы онъ слѣдовалъ за
 нею. Много ли, мало ли они шли, а пришли они въ большой
 городъ, гдѣ жилъ человѣкъ, обладающій большими богатствами.
 Къ нему пошла лисица и сказала: «Извѣстный богачъ Гелагъ
 прислалъ меня просить у тебя мѣрку; она ему нужна, чтобы
 измѣрить, сколько у него денегъ». Выразивъ удивленіе, что на
 свѣтѣ одинъ человѣкъ можетъ владѣть столькимъ богатствомъ,
 богачъ далъ лисицѣ мѣрку. На другой день лиса понесла обрат-
 но мѣрку, при чемъ въ щели понатыкала семь двугривенныхъ—
 послѣднія деньги Гелага. Богачъ, замѣтивъ въ щеляхъ деньги,
 велѣлъ лисѣ отнести ихъ Гелагу. Но лиса отказалась ихъ взять,
 сказавъ, что Гелагу эти деньги ни по чемъ, и отправилась къ
 своему хозяину. Вѣсть, что есть богачъ по имени Гелагъ, измѣ-
 ряющій свое богатство мѣркой, распространилась быстро повсюду.
 Это и нужно было лисѣ. Затѣмъ лиса съ Гелагомъ какъ можно
 скорѣе ушли изъ города.

Долго они шли, шли и, наконецъ, увидѣли большой городъ
 на большой рѣкѣ. Лиса привела Гелага къ рѣкѣ. Здѣсь она за-
 ставила его раздѣться и ветхую одежду бросить въ рѣку, а сама
 пошла въ городъ и подняла тревогу, говоря: «Извѣстный всему
 міру богачъ, Гелагъ, ѣхалъ посмотрѣть на дочь князя, живущаго
 въ этомъ городѣ. Переправляясь черезъ рѣку, онъ лишился коня,

одежды, оружія и самъ едва спасся; братья-мусульмане! выводите ему лучшаго коня, несите лучшую одежду, богатое оружіе; кто теперь окажетъ ему помощь, того онъ не забудетъ». Горожане привели Гелагу лучшаго въ городѣ коня, богатое оружіе и одежду. Гелагъ надѣваетъ одежду, опоясывается шашкой, садится на коня. Тогда лиса говоритъ ему: «Бѣдный Гелагъ, слѣдуй за мной, я поведу тебя къ дочери князя; когда придемъ, то не обращай вниманія на одежду и оружіе; въ комнатѣ, не смотри дико на обстановку; говори мало и отвѣчай только на вопросы». Сдѣлавъ такое наставленіе Гелагу, лиса сиѣшитъ съ нимъ къ князю. Князь принялъ ихъ радушно, отвелъ для Гелага особую комнату и послалъ къ нему дочь свою, чтобы тотъ поглядѣлъ на нее. Когда княжна вошла къ нему въ комнату, Гелагъ растерялся: онъ дико поглядываетъ то на блестящую обстановку, то на свое платье и оружіе. Княжна не знаетъ, чѣмъ объяснить себѣ странное поведеніе Гелага. Она пошла къ лисѣ и говоритъ: «Гелагу некогда взглянуть на меня; онъ все время смотритъ то на комнатную обстановку, то на платье свое и оружіе, будто онъ въ первый разъ надѣлъ богатое платье и опоясался дорогой шашкой. Не ищій ли онъ, или дуракъ?» Лиса говоритъ: «На платье, оружіе свое и комнату онъ смотритъ потому, что ему въ первый разъ пришлось надѣть такое скромное платье, опоясаться такой же шашкой и попасть въ слишкомъ скромно обставленную комнату». Княжна удовлетворилась объясненіемъ лисы и дала свое согласіе стать женой Гелага. Далъ свое согласіе и князь. Тогда лиса попросила князя отпустить съ женихомъ невѣсту, не стѣсняясь приданымъ, котораго жениху и не нужно, но дать въ его распоряженіе экипажъ и всадниковъ для прикрытія.

Въ роскошномъ экипажѣ, въ сопровожденіи джигитовъ, выѣхалъ изъ дома князя Гелагъ съ невѣстой-красавицей. Пока они не выѣхали изъ города на большую дорогу, ихъ сопровождала лиса. Потомъ, приказавъ имъ ѣхать за нею, она побѣжала впередъ. Вѣжала, бѣжала лиса и, наконецъ, встрѣчаетъ большой табунъ лошадей. Она подбѣгаетъ къ табунщикамъ и говоритъ съ волненіемъ: «Въ эту сторону идетъ свирѣпый Гелагъ съ большимъ войскомъ, огнемъ, мечомъ все уничтожая: взрослыхъ онъ убиваетъ, малыхъ беретъ въ плѣнъ и обращаетъ въ рабство». — «Что намъ дѣлать?» спрашиваютъ пастухи. Лиса имъ даетъ такой совѣтъ: «бѣгите безъ

огляден скорбе, куда глаза глядеть, бросивъ табунъ!» Пастухи испугались и, бросивъ табунъ на произволъ судьбы, пустились бѣжать въ разныя стороны. Лиса не отходитъ отъ табуна. Она ждетъ своихъ. Вотъ они показались. Лиса бѣжитъ имъ навстрѣчу. Она говоритъ джигитамъ: «Этотъ табунъ принадлежитъ Геллагу. Лошади нужны будутъ дома; гоните ихъ съ собою». Сказавъ это, лиса опять побѣжала впередъ. Бѣжала, бѣжала лиса и, наконецъ, увидѣла большія стада овецъ и рогатого скота. Подбѣгаетъ она къ пастухамъ и говоритъ: «Сюда идетъ свирѣпый Геллагъ съ многочисленнымъ войскомъ, огнемъ и мечомъ все на пути уничтожая: взрослыхъ ошь убиваетъ, малыхъ беретъ въ плѣнъ, и обращаетъ въ рабство, если кто-нибудь останется въ живыхъ, то бѣгите; не теряя ни минуты, бросивъ стада, а то будетъ поздно». Пастухи испугались и обратились въ бѣгство, бросивъ стада свои. Скоро появился Геллагъ съ невестой, со множествомъ всадниковъ-джигитовъ. Последнимъ лиса говоритъ: «Эти стада принадлежатъ Геллагу; они нужны будутъ дома; гоните ихъ съ собою». Сказавъ это, лиса опять побѣжала впередъ. Бѣжала, бѣжала, лиса и, наконецъ, приближалась къ замку, стороженному плетнемъ изъ желѣза и мѣди: кольца желѣзные, прутья мѣдные. Въ этомъ замкѣ жилъ амбй-чудовище. Лиса съ видомъ перепуганнымъ, поминутно прерывая разговоръ плачемъ, говоритъ чудовищу: «Сюда идетъ съ большимъ войскомъ свирѣпый Геллагъ, все на пути уничтожая огнемъ и мечомъ». — «Что я долженъ дѣлать?» спрашиваетъ амбй: «Ты долженъ, не теряя ни минуты, бѣжать и скрыться за горами, если хочешь носить голову на плечахъ», сказала лиса. Чудовище повѣрило лисѣ и, страшно испугавшись, обратилось въ бѣгство. Оно скрылось за горами. Описавъ замокъ отъ чудовища, лиса пошла навстрѣчу своимъ. Встрѣтившись съ ними, она пошла впередъ, показывая имъ дорогу. Когда побѣдъ приближился къ замку, лиса говоритъ джигитамъ, что это жилище Геллага. Последний скоро обвѣнчался съ невестой и женился съ молодой женой въ этомъ замкѣ, ни въ чемъ не видя нужды.

Спустила немного времени лиса прикинулась мертвой; она хотѣла узнать, какое впечатлѣнiе произведетъ на Геллага ея смерть. Прогуливаясь по двору, она наткнулся на лису. Подумавъ, что она мѣртва, она приказалъ дворнику вытащить ее за хвостъ и бросить подальше. Услышавъ это, лиса вскочила и го-

ворить: «Неблагодарный, ты такъ платишь мнѣ за услуги! не жить тебѣ въ этомъ замкѣ, не владѣть стадами и табуномъ». Сказавъ это, лиса побѣжала быстро въ ту сторону, куда скрылся змѣй-чудовище. Долго она бѣжала и, наконецъ, добѣжала до чудовища. Она говоритъ чудовищу: «Когда-то сильный, а теперь всѣми покинутый, слабый и большой трусъ, Гелагъ, поселился въ твоёмъ замкѣ. Воротимся обратно и прогонимъ его». Чудовище упирается, не вѣритъ словамъ лисы, но, наконецъ, уступаетъ ея краснорѣчю и рѣшается вернуться въ свой замокъ. Когда они вошли во дворъ, лиса кричитъ: «Выходи, Гелагъ, конецъ твой насталъ». Гелагъ вышелъ, но не потерялся при видѣ чудовища и говоритъ лисѣ: «Ты, вѣроятно, привела ко мнѣ это чудовище вмѣсто денегъ, которыя ты мнѣ должна». Услышавъ это, чудовище испугалось и бросилось бѣжать, убивъ ударомъ объ землю бѣдную лису.

Записаны Т. Эмдархановымъ.

З а м ѣ т к и.

Считаю пужнымъ помѣстить нѣсколько примѣчаній къ тексту № 1, которыми можно воспользоваться и при разборѣ остальныхъ текстовъ.

— стр. 1. дехіш хілла (у Услара хілле)—дѣепричастіе наст. вр. гл. ѡхар жить, въ соединеніи со вспом. гл. хілар быть, дѣлаться. Аналогичныхъ случаевъ въ текстахъ много, напр. на той же стр.: јоккуш и блуш цахезна. Этотъ оборотъ служитъ для выраженія русскаго многократнаго вида или дѣйствія, вошедшаго въ обыкновеніе, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ соотвѣтствуетъ простому усиленію дѣйствія. Къ данному случаю болѣе всего подходитъ переводъ—*жилъ-былъ*. Усларъ (Чеч. яз., стр. 113) совѣтуетъ чеч. дѣепричастіе передавать по-русски отглагольнымъ существительнымъ, напр. охуш карајна во время *паханія* нашлось; по моему мнѣнію, эта описательная форма только въ рѣдкихъ

случаяхъ можетъ быть передаваема подобнымъ образомъ; къ тому же, она употребляется не только при поименованныхъ у Услара (§ 66) глаголахъ, но вообще при всѣхъ среднихъ глаголахъ;

ведда собст. прич. прош. вр.; слѣд. перевести *побѣжавшій*;

jokkur-ju тоже описательная форма, состоящая изъ неокончательнаго накл. (окончаніе ur не отмѣчено Усларомъ), въ соединеніи со вспом. глаголомъ; эта форма служитъ для выраженія дѣйствія непрерывнаго или продолженнаго;

ббхуріг-а отъ ббахар—2-я форма прич. наст. вр. ббхур-іг; вонечное а имѣетъ знач. соединительнаго гласнаго; волчу приложно-глагольная форма (по Услару) при жімах; слѣд. перевести *сущій*;

— стр. 2. еккаина дат. п. неоконченнаго накл. еккар; слѣд. перевести *мать*;

даң прич. наст. вр.=*дѣлающій*;

тјехна прич. прош. вр.=*ударившій*;

ѣлле=*ѣллеріг*; во всѣхъ случаяхъ слѣд. передавать по-русски: *сказавъ*; ѣсна прич. прош. вр.=*принесшій*;

ѣе-жахана; слѣд. исправить въ ѣеј-жахана отъ гл. ахар; слѣд. перевести: *имена, произносимыя многими*;

саң... хіла; слѣд. перевести: *мой отецъ, о которомъ... сказавъ, имена пошли, былъ...*

суа ву, собств.: *я есмь*;

— стр. 3. лѣла вм. ліѣла отъ гл. ліѣлар;

ас... хуа слѣд. перевести: *мною искомый еси ты*;

ша, собств.: *онъ самъ*;

кѣа=*нокуб*, собств.: *этимъ*.

Л. Л.

АДЫГСКИЕ ТЕКСТЫ.

I. Кабардинское нарвчје.

1. Силачъ Куаловъ.

Куалко-зыр зы-снѣе куао, кекозре-пет пѣа-пехем
Куаловъ старый куда-то уѣхавъ, возвращаясь находясь, дрова везущимъ
ка'уѣа: ја-выхер хувнѣо габем да-мн-шнѣо.
встрѣтил(ся): ихъ быки ставши на гору они не вывезти въ состоянїи будучи.
„Слеу мн-выхер се-в-хукыр?“ жѣрі ја-хунѣа. Тхе-
„Зачѣмъ этихъ быковъ вы убивающіе?“ онъ сказавъ ихъ спросилъ. Богомъ
км-с-хо-ѣ-оме, ссе фху-де-с-шнѣс, зы-цнху-і
поклонитесь мнѣ вы если, я вамъ вывезу, ни одному человѣку и
же-в-мн-'ано!“ жѣ'аѣ. „Зы-цнху жед-мн-'анке“
вы не высказали чтобы!“ онъ сказалъ. „Ни одному человѣку мы не скажемъ!“
жѣрі, Тхе-хуа-'оаѣ. Јепснхс абі аѣхер
они сказавъ Богомъ ему они поклонились. Онъ слѣзъ съ лошади ихъ и сани
зе-кѣрѣфері, 'аѣеннкоке аѣѣнхухер зер-зера-пем
другъ къ другу привязавъ, одной рукой сани маленькія, какъ возять
ходо: хадеке км-трі-зеѣ, мндеке км-трі-зеѣ абі км-дншѣс;
такъ: туда бросилъ, сюда бросилъ ихъ и онъ вывезъ;
језырї јі-шмм шеснзѣс; сн-шеснзмн: „Хет ху-снѣ“
самъ и (на) свою лошадь слѣзъ опять; онъ слѣзъ когда: „Чей ты еси? они“
жѣрі kehунѣа. „Сн-з-снѣснм хуві-'оху сн'акѣм!“ жѣ-
они сказавъ спросили. „Чей я есмь вамъ и дѣло есть не!“ онъ
рі зы-снѣср ја-ж-рі-мн-ау кекозѣс. На пѣа-
сказавъ, чьего онъ рода имъ онъ сказавъ не онъ возвратился. Этихъ дрова
пехем зы ѣале кахекрі јі-хуѣ кнѣа. Куалком
везущихъ одинъ юноша выиди его по слѣдамъ пошелъ. За Куаловымъ
јі-хуѣ-јігоре куажем кесрі хуноу з-днѣер
его по слѣдамъ онъ находясь аулъ въ прїѣхавъ (въ) домъ какой заѣдетъ,

зрі-бе́еуа́с. ҫалер Пете́хҫоко Мибемет-цнҫкү́ жіде́й ко-
себѣ́ онъ показаль. Юноша (въ) Атажукину Магомету малому домой по-
рі ж-рі-'а́с: „Мибм́ ходо пелуан кн-пху-ҫе-з-зе-
шедши ему онъ сказа́ль: „Такимъ образомъ силача тебѣ́ для я ва-
ка́с!“ жѣ́рі. „ко́и кн-схо-ше!“ жѣ́рі ҫалем ж-
шелъ!“ онъ сказа́вь. „Иди и мѣ́ ты приведи!“ онъ сказа́вь, юношей е́му
ху́й-'а́ пелуаннр кн-рі-решено жі-ве́уа́с. ҫалем кнҫи-
сказаннаго силача е́му привести чтобы́ были посланы. Юноша онъ в-
шем Куалнкозир рао кнҫе́ка́с. Куалнкозирм пснм
звалъ когда, Куаловъ старый онъ суші́й оказа́лся. Куаловъ старый князь
зырі-мн-зоммсо хоіза́с. Жітане ҫалем кн-ра-гері жі-ра-
онъ не сознава́ясь нача́ль. Потому́ юношу его они позва́вши его они
зоммсна́с. „Лу́й-анезрі́ кешезі́ сі-пҫанте́ ке-
заставили созна́ться. „Твою́ мать старуху и приведи и (въ) мой дворъ вер-
ко́зі кнҫде́цншез!“ ж-рі-'а́с пснм Куалнкозирм. „Хунке!“
солись и поселись!“ е́му онъ сказа́ль князь Куалову старому. „Хорошо!“
жѣ́рі ј-анері́ кншезрі́ пснм жі-пҫанте́ Куалнкозир
онъ сказа́вь свою́ мать и привезши князя (въ) его дворъ Куаловъ старый
кнҫде́цншеза́с. „Ссе́ сі-ннзыпнншо, ссе́ сі-п-ҫн-мн-ро
переселись. „Я моего́ прия́тва безъ, я я (при) тебѣ́ не находя́сь
хегі́к јеу-мн-дао, хет кнҫа́кокі́ һу-ми́ко!“ жѣ́рі
никого́ ты не слуша́ясь, кто бы ни присла́ль и ты не уходи!“ онъ сказа́вь
һунафе ху́й-ҫа́с. „Знмі́к се-де'онка́м!“ жѣ́рі жі-
распора́женіе е́му сдѣ́лалъ. „Никого́ я послушаю́сь не!“ онъ сказа́вь онъ
ве́гува́с. Пете́хҫоко Мибемет-цнҫур зем ку́ят. зем
обѣщаніе́ далъ. Атажукинъ Магометъ малый на войну́ уѣзжалъ. На войну́
ҫн-ком, ҫнҫо жі-пҫ никокозурм је-шхе је-р-ешхо
онъ шелъ когда, тогда́ его князя́ соперники́ вду́ питье́ большо́е
жі-ҫа́с. „Је-шхе је-фем ка́ко!“ жѣ́рі Куалнкозирм
они сдѣ́лали. „Вду́ питье́ на приходи!“ онъ сказа́вь Куаловымъ старымъ за
кнҫе́льнҫекуа́с. Куалнкозир ку́акам. Јетане ҫси́ кнҫе́ла-
они послали. Куаловъ старый пошелъ не. Потому́ три́ раза́ они посла-
ве́куа-ҫне́ке, јахо-ку́акам. ҫахо-мн-ком Мибемет-
лали́ хотя, но́ нихъ́ для́ пошелъ не. (Къ) нимъ́ пошелъ не когда, Магомета́

кър Куалком j-нлштi хар жи'ац: „Поре сере сиб-
 шій Куалова его родня была и это онъ сказалъ: „Ты и я и меля
 худннеме, днзу-мы-зебен: лмре лепре зехе-
 ты повалишь если бь, мы не дай поборемся: мясо и подивку и вистьт мн
 думн-заке!“ Парше адреим си-ми-дем ki-'убидри
 не будемъ сливать!“ Но другой не захотѣлъ когда его поймали
 луткур се келекмо ji-демашем тело ки-ри-бекри ji-зе-
 арену три обношеніе его плечахъ на лежа его обнесши его онъ
 лувсри харгоро је-леуац „лукземн-бен!“ жѣри
 поставивши снова олят его попросилъ „ты со мной не борись!“ онъ сказалъ,
 кнхуйдѣкѣм. „Жи-нѣ хараме ки-зе'а! жи'ац Куа-
 онъ ему согласился не. „Ну, такъ если за меня хватись!“ сказалъ Куа-
 лкозм. Ке'-а-шеке хожехеjiакѣм. Јитане Куалкозир
 ловъ старій. Онъ взялся хотя, не могъ сдвинуть. Потомъ Куаловъ старій
 се-'ам ji-зезитi хикутнри језири кнпхуатери пке-
 онъ взялся когда его ребра два поломавши самого и подхвативши столбъ
 луйтнм ја-шедизмхри ји-хуйац. „Кизебеннвор
 два черезъ нихъ перебросивши его онъ убилъ. „Кто будетъ бороться (со
 јитри киды-рей-ѣ!“ см-жи'ам, веке бозре
 мною) теперь и онъ пусть выдѣтъ!“ онъ сказалъ когда, чувши желтыя и
 лебозре смбо зми абрешохо луткум kibac.
 ноговицы желтыя и надѣтныи одинъ громадный арену на онъ вывелъ.
 Куалкозир је'ари ји-вакер кнцитхри ји-шем фикоари
 Куаловъ схвативши его чужаки стащивши его голову на натянуши.
 ki'убидо пкоѣм шедизмхно см-хоизем, псир кесри
 поймавши столбъ черезъ перебросить началъ когда онъ, князь подождя
 кнземрибовмѣс: „Асу ззе ф-увма бахснме-бзе змриз
 его онъ приостановилъ: „Ну, ну, пока вы стойте: бузы чаркѣ по одной
 фе-ифи . јитане фмзе-бен!“ жѣри. Бахснмебзѣт ка-
 вы выпивши потомъ вы боритесь!“ онъ сказалъ. Бузы чарки двѣ они при-
 нѣс: змр Куалкозмн шеке негасер хело, адреири
 несли: одну Куалова ради игла для пнжей находясь, другую
 бахснме кабзо језим ја-пелуаннм пайфе. Бахснмем сеi-
 а (съ) бузой чистой самому ихъ силача для ради. Бузу вынули

фехем **Куалыкозым** **һеғасер** **ји-бзем** **тенери** **һуағешхо**
 когда они Куалову игла его груди въ застравши рана большая

сн-хум, **гузаве-хүри** **пелуан** **зебеныр**
 она образовалась когда поторопиться ставши силача, съ которымъ борется,

ки-’убидри **ји-зажері** **ји-кутери** **језыри** **пком** **сһедизхри**
 схвативши его ребра онъ словомавши его и столбъ черезъ перебросивши

ји-һукӑс; **језыри** **техори** **һӑс.**
 онъ убилъ; самъ и упавши умеръ.

Куалыкозым **кы-ра-сӑ** **псорік** **Мыһемет-цнкӱ** **ји-блазо**
 Куаловымъ съ ими сдѣлавное все Магомета малаго его пріятель

ззы **шешен:** **Куалыкозым** **де-куӑти,** **ји-ле-**
 одинъ чеченець: (онъ) Куаловымъ старымъ съ виѣстѣ ѣздилъ и онъ уви-

буӑти **пснр** **зем** **кикізри:** „**Куалыкозыр** **тене** **сн’а?**“
 дѣлъ и князь войны съ вернувшись: „Куаловъ старій гдѣ есть?“

сн-жі’ам **зерн-хуӑхер** **зеднко** **ж-ри-’ӑс.** **Мыһемет-**
 онъ сказалъ когда, случившіяся все онъ разсказалъ. Магометъ

цнкӱ **кори** **Куалыком** **ји-һедер** **кнс-ри-зехри**
 малій поѣхавши Куалова его трупъ онъ заставивши изъ земли выкопать

сн-зегуірезым **һеғасер** **ји-бзем** **хенӑо** **хельо** **кн-хи-**
 онъ разрѣзалъ когда, иголку груди въ застравшей находясь онъ вы-

хизӑс. **Һедер** **дахо** **зегуіре-дезри** **јари-зепскри**
 нулъ. Трупъ хорошенько заставивъ посмывать ихъ онъ заставивъ выкупать

сн-ризеһеари; **мо-ке** **цннем** **теі-’абери** **јете**
 онъ заставилъ похоронить снова; эту могилу снруу на дотронувшись земли

’абзибі **кыстери** **жі’ӑс:** „**Мы** **Куалыкозыр** **мыбы** **ходо**
 горсть и взявши онъ сказалъ: „Этого Куалова стараго этого такъ

зи-һукӑр **мыбы** **сн-кельн-з-мырӑкозке** **напе** **сн’акӑм** **јики** **сн-**
 кто убилъ за нимъ вслѣдъ не убью если, лица имѣю не и я

оркӑм!“ **жѣри.** **Пснм** **јидеі** **јірекуӑс:** „**Һуі-һегисе**
 дворянинъ не!“ онъ сказалъ. Князю къ домой онъ послалъ: „Твои игла (отъ

тене **сн’а?**“ **жѣри.** „**Мыр-ӑс** **сі** **һеғасер!**“ **жѣри,**
 ружья) гдѣ есть?“ онъ сказалъ. „Эта есть моя игла!“ онъ сказалъ,

һеғасе **һехӱ** **кн-ри-зепӑс.**
 иглу временную онъ прислалъ.

Псыр кезеу хуаҥ: „Ди-һиҥ зерн-шиха-ҫеке де
 Князь просить сталъ: „Наши собаки двѣ погрызли ради мнѣ
 ды-зу-мы-ҫебii! The зехо-дн-ҫа'oi!“ дн-
 мы (да) не будемъ враждовать! Богомъ мы другъ другу присягнемъ!“ и мы
 зе-ҫеҫиҫ!“ жәри. „Хуҫ!“ жарі The зехуа-
 (давай) помиримся!“ онъ сказавъ. „Хорошо!“ они сказавъ Богомъ другъ другу
 'оно Тетертуп кәри, шше зм-зедн-паҫмкәри
 поклясться (кә) Татартупу поҫхавши, стрѣлу вмѣстѣ они переломивши
 шентаим ҫәкәри „Тетертуп пенҫесен!“ жәри кәкәз-
 перелѣзши „Татартуҫ !“ они сказавъ, возвра-
 херт ҫуси-ја-ҫыҫо. ҫе-ҫиҫхем „теҫу
 щались они товарищами съ ними вмѣстѣ. Утомились они когда „немного
 зм-д-ҫепсехуҫ!“ жәри ҫеҫипснххем псым
 мы отдохнемъ!“ они сказавъ, слѣзли они съ лошадей когда князь
 ҫи-ҫусе-закор хәрбыҫне ја-ҫеҫуаҫ „ку-мы-һо һу-
 его товарища единственнаго арбузами за они послали „ты не принесши ты
 ке-мы-кәз“ жәри. Мыҫмет-ҫыҫу шешеныр ҫи-ҫусе-
 не возвращайся“ они сказавъ. Магомета малаго чеченецъ его товари-
 ҫаҫ *). „По һу-мы-ҫеи, псыр ҫы-хеҫеке, ссе ҫы-кеҫе-
 щемъ былъ. „Ты ты не спи, князь заснетъ когда, меня меня ты раз-
 һуҫи с-һуҫыҫ; зм-горке с-хо-мы-һуҫ-һуме кы-з-де'апыҫуи
 буди и (его) я убью; какъ-нибудь я не убить смогу если, мнѣ помоги и
 де-ҫеһуҫ!“ ҫи'аҫ. Псыр ҫы-ҫеим ҫыҫо Мыҫмет-
 мы убьемъ!“ онъ сказаъ. Князь онъ заснулъ когда, тогда Магомета
 ҫыҫу ки-ҫеһуҫаҫ. Кетегри мо ҫеим ҫеҫыҫһери
 малаго онъ разбудилъ. Онъ вставши этого спавшаго на онъ подошелъ
 сешхоке ҫи-ҫнем ҫе'ори ҫи-һу'ам, кәһуҫри,
 шашкой его голову на онъ ударивъ, онъ ранилъ когда, онъ проснувшись,
 кәһори ҫи-ҫакор ҫи-һубидри зериҫеҫеҫаҫ кәмеке
 протянувшись его ногу онъ поймавши къ себѣ онъ притянулъ князю
 киҫыҫи ҫимурадо: „һу-ке'оке!“ жәри кы-ҫы-гом, ше-
 заколотъ онъ думая: „ты бей же!“ онъ сказавъ, онъ крикнулъ когда, че-
 шеныр кәрахоке ҫи-ҫнем ҫе'ори ҫи-һуҫаҫаҫ. Псым ҫере-
 ченецъ револьверомъ его голову въ выстрѣливъ онъ убилъ. Князь умералъ

*) = ҫи-ҫусе ҫы'аҫ.

пет жи'ақ: „Ззе-уоғорі хунти!“ жәрі. Пемо
находьсь онъ сказаль: „Одного удара было бы!“ онъ сказавъ. Князь сущій

ја-лукәр зе-шиблнм ја-кано снтас. Мибн j-ателнкхем
ими убитый братьевъ семи ихъ каномъ былъ. Этнхъ ихъ аталнковъ

зн һамалке да-фе-мн-кме зн да-кеи-
какой-нибудь хитростью мы не обойдемъ если, никогда мы (огъ) ннхъ

лнкәм; п-џенор рас: коі „фн-капыр снмагәсі
избавимся не; ты сдѣлающій вотъ что: поѣзжай „вашъ канъ боленъ есть и

кырї-т-мезмно гу џе-в-бехү!“ ја-же'а. Дн-
на чемъ памъ привезти чтобы арбу вы дайте погнать!“ имъ скажи. Мы

неконџ снт жа'аме зн ја-ху-мн-де:
поѣдемъ (и еще) что они скажутъ если никогда съ ними не соглашайся:

„Дунеікі ахреткі сн-разнкәм како-
„Свѣтомъ и загробнымъ свѣтомъ и я доволенъ не, (чтобъ кто) прїѣхавши

ао—жіақ!“ жн-н. Шешеныр корі гу кнхрі һедем
суда—сказаль!“ скажи и. Чеченець поѣхавъ арбу онъ пригнавши труппа на

џақор тн-ра-пхорі кашезо куабзем кн-сннеснм j-ате-
бурку они надѣвши они везя домой воротъ до, они доѣхали когда его ата-

лнк-анер һуненутхері џнзо снмагем пелас. „џехо—
лычка мать рабыни и вмѣстѣ больному навстрѣчу вышли. „Скорбе—

ма'ері һуї-бн-знше тскү һу-бехоз!“ сн-жа'ам
онъ умираетъ такъ своего молока немного ты дай въ ротъ!“ они сказали когда,

j-ателнк-һансн јї-бнзыр кндехā сн-неснм, Мнһемет-
его аталнчка мать свои сосѣди она вынувши она дошла когда, Магометъ

цнкү зн-кнџїзері кнџнџефас; јнһузке 'охур зерїхуарї
малый бросившійся и силою нососаль; потомъ дѣлю случившееся и

зн-тетрї псорї кнж-рї-'ао j-ателнкхер кн-џ-зе'уџезнм
бышее и все онъ разсказавши его аталнки они собрались когда

Мнһемет-цнкү ја-һукнно хонзā-џеке j-анем рї-бегу-
Магомета малаго они убить чтобы начали хотя, его мать его она дала

кākәм. „Ъар сі-бнзыше јефамїк мнрїк јефас! мнрїк
убить не. „Умершій мое молоко ннль если я этотъ и тоже пилъ! онъ и

сн-канџ!“ жәрі. Мнһемет-цнкү џї-һукәр џа-
мой канъ есть!“ она сказавъ. Магометъ малый (чего ради) убившій нмъ

рі-’отеэме: „хофаѣер кичиѣаѣ!“ жәрі, зеблаѣо, Ми-
онь разсказалъ когда: „достойное сдѣлалось!“ они сказавъ, друзьями, Ма-
бемет-ѣиккү ја-кано мохер ј-атаикко, кенеѣахеѣ.
гометъ малый ихъ каномъ будучи, они его аталкками, остались они.

Однажды выѣхалъ куда-то Куаловъ. На обратномъ пути ему попались навстрѣчу крестьяне съ саними, нагруженными дровами. Быки не могли втащить на гору тяжелыхъ саней и не двигались съ мѣста, сколько ихъ крестьяне ни истязали, выбиваясь и сами изъ силъ. «Чего вы мучите быковъ?» спросилъ ихъ Куаловъ съ негодованіемъ: «я вамъ подсоблю; но вы должны мнѣ дать клятву въ томъ, что ни одному человѣку не скажете, кто васъ выручилъ изъ бѣды!»—«Никому не скажемъ: клянемся въ томъ!». Куаловъ слѣзъ лошади, связалъ сани однѣ съ другими, схватилъ ихъ одной рукою, какъ будто это были игрушечныя сани, повернулъ ихъ то въ ту, то въ другую сторону, и, какъ ни въ чемъ не бывало, втащилъ на гору. Когда онъ уже сѣлся на лошадь, то его спросили крестьяне; «кто ты, скажи на милость!».—«Какое вамъ дѣло до меня» сказалъ Куаловъ, стегнулъ свою лошадь и былъ таковъ. Этимъ не удовлетворились крестьяне и послали по слѣдамъ за нимъ мальчика, бывшаго съ ними. Мальчикъ прослѣдилъ издали за всадникомъ до одного аула и хорошо запомнилъ домъ, въ который заѣхалъ незнакомецъ. Тогда мальчикъ побѣждалъ къ князю Магомету Атажукину и сказалъ: «я нашелъ для тебя силача!».—«Ступай, приведи его!» сказалъ Атажукинъ, отдавъ приказъ привести къ себѣ силача, на котораго указалъ мальчикъ. Силачъ, указанный мальчикомъ, оказался Куаловымъ. Сначала Куаловъ не сознавался князю въ томъ, что у него такая сила, но когда позвали мальчика, и тотъ его уличилъ, то онъ уже не могъ заператься. «Приведи свою старуху-мать!» сказалъ князь: «и переселись во дворъ ко мнѣ!». Куаловъ долженъ былъ согласиться, и перебрался со своей старухой-матерью въ дворъ къ князю. Князь приказалъ ему не отлучаться изъ дому, кто бы за нимъ ни прислалъ, и не слушаться вообще чьихъ бы то ни было приказаній. Куаловъ обѣщался свято исполнить его волю—не слушаться кого бы то ни было. Такъ распорядился Магометъ Атажукинъ предъ выступленіемъ на войну.

Когда онъ ушелъ на войну, то князья, соперники его,

устроили большой пиръ и послали приглашеніе Куалову. Куаловъ не поѣхалъ, несмотря на то что за нимъ посылали три раза. Въ виду упорнаго отказа Куалова, рѣшили послать за нимъ княгиню, жену Магомета. Когда та начала упрашивать его, то онъ постѣсился отказать самой княгинѣ и пошелъ за нею. Когда тотъ явился, то князь сказалъ съ негодованіемъ: «Однако, Куаловъ, какъ ты дорожишь собою». — «Не являлся я такъ долго», отвѣтилъ Куаловъ: «потому, что мой князь мнѣ запретилъ это строго-на-строго!» — «Ну, хорошо, гостемъ будешь» сказалъ князь и приказалъ принести разныхъ кушаньевъ, но побольше бузы. Куалова напоили бузой, такъ что онъ не помнилъ себя. «Ну, будешь теперь бороться?» спросилъ князь Куалова. — «Отчего не поборотся», сказалъ Куаловъ: «поборюсь; но есть ли у тебя такой силачъ, который бы въ состояніи былъ согнуть мой большой палецъ!» Къ этому онъ съ задоромъ прибавилъ: «Высылай побольше твоихъ силачей!» Съ этими словами онъ протянулъ свой палецъ. Тогда закричалъ князь: «Кто въ состояніи согнуть его палецъ, пусть выступитъ на арену!», а затѣмъ сдѣлалъ распоряженіе объ устройствѣ арены.

Когда арена была уже готова, вбили два столба съ перекладной наверху; побѣдитель долженъ былъ побѣжденнаго перебросить черезъ перекладину. По окончаніи пира, Куаловъ вышелъ на арену и сталъ вызывать желающаго съ нимъ бороться. На зовъ вышелъ одинъ, но онъ оказался близкимъ родственникомъ Куалова. Увидѣвъ его, Куаловъ сказалъ: «Какъ бы ты силенъ ни былъ, не подобаетъ намъ бороться: мясо и подливку не смѣдустъ сливать вмѣстѣ!». Противникъ не согласился. Тогда Куаловъ его схватилъ своими мощными руками, обнесъ три раза на своихъ плечахъ и, поставивъ на мѣстѣ, сказалъ: «Будетъ намъ бороться!». Но тотъ опять не согласился. Куаловъ крикнулъ ему: «Возьми меня въ обхватъ!». Тотъ взялъ его въ обхватъ, но не могъ сдвинуть съ мѣста. Тогда Куаловъ схватилъ своего противника, сжалъ такъ крѣпко, что сломались два ребра, и перебросилъ черезъ перекладину. Тутъ ему и былъ конецъ! «Кто теперь хочетъ со мною бороться, пусть выйдетъ!» крикнулъ Куаловъ. Тогда выступилъ великанъ, въ желтыхъ чувыкахъ и такихъ же ногавицахъ. Куаловъ схватилъ его, стащилъ съ него чувыки и, надѣвъ ихъ ему на голову, собирался и его пере-

бросить через перекладину, но князь остановилъ борьбу: «Ну, отдохните немного; выпейте сначала по чаркѣ бузы, а потомъ уже боритесь!». Принесли двѣ чарки бузы: одну для Куалова съ иглкой (для пыжей) на двѣ ея, а другую—безъ иглки для силача. Когда выпили бузы, иглка застряла въ тѣлѣ Куалова и причиняла ему страшную боль. Куаловъ хотя и изнывалъ отъ боли, но схватилъ силача съ такой силой, что поломалъ ему ребра и перебросилъ бездыханнаго черезъ перекладину. Но и самъ онъ повалился мертвымъ.

Все то, что случилось съ Куаловымъ, видѣлъ чеченецъ, пріятель Магомета, знавшій хорошо Куалова. Когда князь вернулся съ похода, то сейчасъ же спросилъ: «Гдѣ мой Куаловъ?» Тогда чеченецъ все разсказалъ Магомету. Князь Магометъ заставилъ вырыть трупъ Куалова и вскрыть его: нашли застрявшую въ груди иглку. Князь велѣлъ трупъ обмыть и похоронить съ почестями; взявши съ сырой могилы горсть земли, онъ сказалъ торжественно: «Если я не отомщу убійцѣ Куалова, то нѣтъ у меня чести, и я не дворянинъ!» Затѣмъ онъ послалъ на домъ къ князю попросить иглку отъ ружья. Князь прислалъ Магомету другую иглку, увѣряя его, что это и есть настоящая.

Догадался князь, что Атажукину все извѣстно, и пріѣхалъ къ нему. «Наши двѣ собаки погрызлись: не будемъ изъ-за этого враждовать другъ съ другомъ; дадимъ другъ другу клятву жить въ мирѣ!»—«Я согласенъ!» сказалъ Атажукинъ, и чтобы дать другъ другу клятву они отправились въ Татартупъ, гдѣ стрѣлу вмѣстѣ переломили и черезъ шенталь *) перелѣзли. Татартупской святыней (пенжесен **) они поклонились. Возвращались всѣ вмѣстѣ друзьями. Когда они устали, то слѣзли съ коней и прилегли отдыхать. Единственнаго товарища князя услали за арбузами, при-

*) Слово неизвѣстнаго происхожденія.

**) Отъ греч. слова *Παχυτα* Пречистая, Пресвятая. На Татартупѣ (татарскомъ холмѣ), мѣстности на лѣвомъ берегу Терека, гдѣ рѣка прорывается черезъ южный Кабардинскій хребетъ, были еще въ концѣ прошедшаго столѣтія видны развалины мечети, башень, двухъ церквей; въ одной изъ нихъ академикъ Гюльденштедтъ могъ еще различить изображеніе Богородицы. Произнесенная на Татартупѣ клятва считалась у кабардинцевъ и чеченцевъ священной. См. объясненіе Е. Г. Вейденбаума въ Сбор. мат., вып. XVII, отд. I, стр. 172.

казавъ ему достать ихъ во что бы то ни стало. Чеченецъ былъ товарищемъ Атажукина. «Смотри, не спи!», сказалъ ему Атажукинъ: «когда князь заснетъ, то ты меня разбуди, и я его убью; если мнѣ трудно будетъ совладать съ нимъ, то ты поможешь!» Когда князь уснулъ, то чеченецъ разбудилъ Магомета. Тотъ вскочилъ и, подойдя къ спавшему, ударилъ его шашкой по головѣ. Тяжело раненый князь, сдѣлавъ усиліе, схватилъ Магомета Атажукина за ногу и притянулъ къ себѣ, чтобы заковать кинжаломъ. Тогда Атажукинъ крикнулъ: «Бей его!» Чеченецъ выстрѣломъ изъ револьвера покончилъ съ княземъ. Умирая, князь еще сказалъ: «И одного удара было довольно!» Убитый князь былъ воспитанникомъ семи братьевъ. «Этихъ аталковъ если мы какой-нибудь хитростью не обманемъ», сказалъ Атажукинъ: «то отъ нихъ никакъ не избавимся. Сдѣлаемъ вотъ какъ: ты поѣзжай въ аулъ и скажи имъ, что ихъ воспитанникъ боленъ и что нужна арба для перевозки больного. Если они захотятъ провожать тебя, то ты не соглашайся. Клянись, на чемъ свѣтъ стоитъ, что это для больного будетъ неприятно!» Чеченецъ уѣхалъ. Когда онъ вернулся съ арбой, то на нее положили трупъ, прикрывши его буркой. Арбу привезли до воротъ дома, и навстрѣчу больному вышла вскормившая его воспитательница со своими рабынями. «Скорѣе дай пососать больному, не то—умреть!» крикнули провожающіе, и лишь только молочная мать приготовилась дать пососать больному, какъ Магометъ бросился къ ней и пососалъ ей грудь *). Послѣ этого онъ разсказалъ все, какъ случилось. Когда собрались молочные братья князя, то хотѣли убить Магомета, но молочная мать заступилась за него. «Хотя умершій пилъ мое молоко», сказала она: «но и тотъ тоже: и онъ мой воспитанникъ!» Когда Магометъ все разсказалъ молочнымъ братьямъ, то они сказали въ одинъ голосъ: «Его постигла заслуженная кара!» Съ тѣхъ поръ они сдѣлались вѣрными друзьями и аталками Магомета Атажукина.

*) У горцевъ Сѣвернаго Кавказа даже посторонній человѣкъ, пососавъ грудь вѣтрѣчной женщины, пріобрѣталъ въ старое время права аталка. Этимъ пользовались преступники, чтобы поступить подъ защиту известнаго рода и такимъ образомъ остаться безнаказанными.

2. Преданіе о Гошегати.

Бібердыко-снхым зы-пху-цнху зако жі-ао сн'ас—
 Бибердовъ-шейхъ одну дочь маленькую только онъ имѣя былъ—
 нере набзере зы-тстым ха-нех-дахі ха-нехн-
 глаза и брови и комъ стоять на этихъ болѣе красива и этихъ болѣе
 фн хупке снгузхо. Жакомыготре Шузејіпере-ке је-
 хороша будетъ что надѣясь все. Якомыготомъ и Шужанишемъ и они
 го зе-пшт сн'ас. Жакомыгот нехн-з-ті физ-кн-
 назывался брата два были. Якомыготъ болѣе старій былъ и жену взять
 ра-решено сн-ра-резым шшу заһул зы-снзрі
 чтобы они пристали когда верховыхъ нѣсколько съ собою взявши
 хнгебзы-пље жежѡ коре-пет Бібердыко-снхым жі-
 дѣвиць смотрѣть, отправившись ѣдучи-находясь Бибердова-шейха (въ) его
 куаже дебере-пет хнгебз-цнху заһул гего вонса-
 аулъ вѣзжая находясь дѣвиць малыхъ нѣсколько играя шелухъ про-
 ѣем хесо ја лѣуаѣс. Мо шшу кекохер жі-мн-лѣжо
 сной въ сидя ихъ увидалъ. Этихъ верховыхъ ѣдущихъ она не выдавши
 зы-хнгебз-цнху днсе-пна сбер-нзо кахекри снб
 одна дѣвица малая золотую шапку (на) головѣ держа она выйдя (на) дворъ
 жі-кыно тнсѡ кнсн-плем шухер кі-лазрі сн-лети-
 выйти чтобы садясь она посмотрѣла когда верховыхъ она увидѣвши она вско-
 зѣс, мо шухем жі-сѣр јарі-мн-рејцнхун-схеке гегоре
 чила, этимъ верховымъ ими дѣланное имъ не дать знать чтобы игралъ
 жі-днсе-пнар мамео жі-сѣм т-рі-рејцнхас. Хнгебз-
 свою золотую шапку какъ сущій ею сдѣланный она посадила. Дѣвица
 цнхуѣм жі-сѣр Јамыготыпснм сн-лабуѣм жі-
 малая (что) она сдѣлала Ямыготынъ князь онъ увидалъ когда, онъ ска-
 'ас: „Мнходоно гулнте-пшо зі'ар, цнху хуно
 залъ: „На столько смѣтливость большая у кого есть, человекъ будетъ
 кнфкннсі: ссе мнбн сн-блеко невоѣ лнхуапе
 должно быть: я этого меня мимоходомъ (въ) другомъ мѣстѣ исканіе
 с-снзснокам, днв-реһі кехуме физ-ско-
 и сдѣлаю снова не, мы тебѣ унесемъ и она вырастетъ если женой мнѣ

хунц! **сн-жі'ам** „**хунц!**“ **жәрі** **хигебз-цнқұ**
 будеть!“ онъ сказалъ когда „хорошо!“ они сказавъ, (изъ) дѣвиць малыхъ
зн-хетнм **хапхотнкрі** **зн-һаі** **зн-шехәі** **ја-ми-џо**
 котормя стояли они выхвативши кто унесъ и кто съѣлъ и они не зная
ја-һрi **козәхес.** **Биберджко-снхмм** **дунеир** **хурею** **јi-**
 они взявши возвратились они. Бибердовъ-шейхъ свѣтъ кругомъ свою
пху **заком** **јилнхуако** **к-рi-рекуһақ,** **һарҗһе** **ја-џотәкәм,**
 хочъ единственную размыкая заставилъ обойти, но они нашли не,
јi-хмбарі **каҗен** **ја-лекакәм.** **Јахомыҗотнпс** **Гоҗеҗаҗ** (**хигебз-**
 ея вѣсти и узнать они могли не. **Јахомыҗотнпш** **Гошеҗагу** (**дѣвиць**
цнқум **јi-җер** **Гоҗеҗаҗт)** **сн-һмм** **ј-ателнк-јанем**
 малой (я ния Гошеҗаҗъ было) онъ увезъ когда своей молочной его матери въ
ху-һрi **рi-таҗ:** „**мыбм** **зн-цнхуi** **теми-**
 къ ней отпесни ея онъ отдалъ: „(на) нее ни одному челоуѣку и на нее не
җаҗло **пнлеҗ** **зерм-хуно** **хухке!**“
 давая взглянуть воспитай старательно какой сдѣлаться станеть пока!“
Гоҗеҗаҗнм **цнхұ** **т-ра-ми-җаҗло** **һуне** **сҗехоке** **ја-**
 Гошеҗагу на челоуѣку она не давая взглянуть саклей отдѣльной они
по **зе-ра-шоре** **хигебз** **јi-шеҗо** **хуао** **Јахомыҗотнр**
 вскармливая они возясь дѣвицей его невѣстой ставши **Јахомыҗотъ**
лҗақ. **Јахомыҗотнр** **сн-лҗем** **ј-ателнк-јанер** **ј-ане** **ке-**
 умеръ. **Јахомыҗотъ** онъ умеръ когда его молочная его мать матери его
зн-лхуам **јидеi** **какорі** **кыҗ-рi-аҗ:** „**Мыбм** **ходо** **сі-**
 его родившей въ домоу пришедши она сказала: „Такимъ образомъ мой
каннм **сі-репо** **зн-хигебз-гор** **сн'а-сҗеке**
 канъ меня заставляя воспитывать одну дѣвицу какую-то ея имѣю хотя
језыр **лҗақ;** **снт** **јес-җезин?**“ **жәрі.** „**Снт**
 самъ онъ умеръ; что (съ ней) я сдѣлать снова?“ она сказавъ. „Что
је-б-җезын: **зми-пхум** **је-б-реҗотнзннс,** **һао**
 (съ ней) тебѣ сдѣлать снова: чья дочь тому ты ее вернешь снова, по
зн-фнз-заһуl **шеi** **кахе-реһуvi** **капi** **јi-**
 женщиныи нѣсколько поведи и среди нихъ ее поставь и приведи и его
һеде **је-реҗејiҗ!“** **ж-рi'ақ.** „**Хунц**“ **жәрі** **јадеi**
 трупъ его заставъ оплакать!“ она сказала. „Хорошо“ она сказавъ домоу

козрі Гоцебаг физ-бусо ја-хео како-пет
 вернувшись Гошегаг женщинъ товарищей ихъ имѣя, ѣдучи находясь
 жыжо Бібердыко-сѣхѣр пвері јі-џмхузѣс јі-пху са-
 издали Бибердовъ-шейхъ посмотрѣвши узналъ свою дочь ре-
 бно кодмѣр: „Јеу-оі! Јахомнѣот сі-благеке си-гуѣ-
 бенкомъ. пропавшую: „Ей, ей! Јахомнѣотъ моимъ другомъ я подумалъ
 сѣеке сі-мн-блазо кнѣкѣі снѣе дупсир зерн-зі-
 хота, моимъ не другомъ оказался и зачѣмъ свѣтъ меня заставилъ пе-
 резека јі-ѣар кн-з-жимъ'ао; сі-пхум хои-'аме хар,
 ревернуть, сдѣланное мнѣ не говоря; моя дочь, ему нужна если она,
 ссе пе-з-убидино снт-а? Пар кн-зезнѣ јі-недасѣі
 мнѣ пренятствовать чтобы что было? Это мнѣ сдѣлавшій его прахъ и
 си-хоізкѣм!“ жѣрі декизѣс. Гоцебагі недем јі-
 мнѣ нуженъ не!“ онъ сказавъ онъ выѣхалъ. Гошегага и покойника его
 охѣ-хоѣсехер снѣекекам ј-аде јі-хуне козѣс.
 дѣло касавшееся прошло когда его отца его домъ (въ) вернулась.

Шузејіпснм јі-тахе кнѣ-з-миѣ-ѣр Јахомнѣо-
 Шужаипша его недостатки не обнаруживать давающій Јахомнѣо-
 тпцті хар сн-ѣем воде хомнхо жылем јахео
 тышиш и онъ умеръ когда очень лодыремъ ауламъ по по нимъ скитааясь
 сѣхѣм, Бібердыко-сѣхѣр Јахомнѣот јі-блебасі: „абі-
 сталъ когда, Бибердовъ-священникъ Јахомнѣота его другъ былъ и: „чему
 јідеі сн-копсі сн-сн-'аме џмхуі с-ѣаунѣс, џмхумі сн-
 къ я поѣду и я буду жить если людей и я увижу, люди и меня
 каѣаунѣ!“ жѣрі мурад јі-ѣрі куѣс. Бібердыко-сн-
 они увидятъ!“ онъ сказавъ цѣль онъ сдѣлавъ поѣхалъ. Бибердовъ-священ-
 ѣр водо кнхо-неѣ-ѣмѣс: „снт ху-кнѣкеуѣр? ху-з-хоі-
 никъ очень ему радъ былъ: „зачѣмъ ты пріѣхавшій? тебѣ меня нужно
 'аме, кн-з-же'а!“ жѣрі. „Нео былим сн-хоі-хуі сн-
 если, мнѣ говори!“ онъ сказавъ. „Нѣтъ богатство мнѣ нужно твое я
 кекуакѣм, хао ху-неѣ кн-с-снхоме хуідеі сн-сн-
 пріѣхалъ не, но только ты милостивъ. мнѣ будешь, если тебя у я пожить
 'апо сн-кекуѣс!“ сн-жі'ам: „Кодо фнѣ!“ жѣрі пѣап-
 чтобы я пріѣхалъ!“ онъ сказалъ когда: „Очень хорошо!“ онъ сказавъ дворѣ

тем һунефес ходо дїеҕиҥсһаҕ. Шуҕејіҕиҥм Бїберднком
во распорядитель какъ его онъ посадилъ. Шужаиҥшь Бибердова

јідеі сн-'аоре ҕерно хуаҕ: феке азо, пшынеке
домъ въ живя знаменитъ сталъ: шорникомъ мастеромъ, скрипкѣ (на)

азо, зы зерымн'апе 'азе-снмм'ао. Бїберднко-снхым
мастеромъ, ничего не было искусства не зная. Бибердова-священника

јі-пху пехнзр Шуҕајіҕс кегокуаҕ, нехїсем језі
его дочь старшая Шужаиҥша въ влюблена была, младшую въ самъ

Шуҕајіҕс јегокуа-сбеке јірі-мн-коре кодре
Шужаиҥшь въ нее влюбленъ былъ хотя, онъ не осмѣливаясь и долго и

снҕао, Бїберднко-снхыр зыснҕе куао-кето Гоҕебаҕ
бывши, Бибердовъ священникъ куда-то уѣхавши отсутствуя Гошегау

јіҕеку'асері феҕаҕеке Кебердеі Ғетехуҕоко Казі јідеі је-
ее онъ похитивши защиту на Кабарду (въ) Атажукину Казі къ по-

колезрі кодре снҕаҕ. Абы снҕаоре зыпх-цнҕкү јаҕотā-ті Каз
ѣхавши долго и былъ. Тамъ находясь одну дочурку они нашли и Казъ

ҕео фаҕаҕ. Ғетехуҕокохе јадеі кїкїзрі, Бїберднком
именемъ они дали. Атажукинныхъ нихъ отъ уѣхавши, Бибердовымъ съ

се-іҕнзā-неһузм, кекозре-пет һаргоро псеҕе-цнҕкү
онъ помирился послѣ когда возвращаясь находясь опять дѣвочку

ја-ҕотāті Катіне фаҕаҕ. Шуҕајіҕс кекозрі һунабуі
они нашли и Катина они назвали. Шужаиҥшь вернувшись хозяйствомъ и

јіҕао-снҕо Гоҕебаҕ јі-шыпху нехнзр шхнпї фа-
обзаведшись находясь Гошегага ея сестра старшая кушанья и напиток

ді кодо кїшері „сі-маҕхер с-ҕытенос!“ жері ке-
ковъ и много привезши „моего зятя я почтить хочу!“ сказавъ она прї-

куаҕ. Шыпху неҕо кекуам Гоҕебаҕ кн-жрїар мыр-аҕ:
ѣкала. Сестра въ гости прїѣхавшая Гошегаҕъ сказавшая вотъ это:

„һыҕебе һуі-ҕыр кысн-козке һуі-снҕннке
„сегодня вечеромъ твой мужъ, придетъ когда (спать) твоей одеждой

зызе-ҕе-хуапї о һуі-неке сн-ды-ҕе-ҕнҕе, нео жн-п-
дай одѣться и ты тебя имѣсто мнѣ къ нему дай войти, нѣтъ ты гово-

аме белннр ф-јаку де-с-ҕнҕенсі сн-деҕнзнҕс: тум-
ришь если, несчастье вами между я положу и я уѣду: дужь

ці **хуз-хоір** **кахех:** **ссе** **ху-км-с-хебезо** **ми** **куазер**
 такъ что хочешь **выберн:** **я** **съ** **тобою** **я** **обвѣнчавшисъ** **этого** **ауль**
хуі-куазо, **хунері** **хуі-хуно,** **орі** **ху-зе-**
 твоимъ ауломъ **будучи,** **домъ** **тоже** **твоимъ** **домомъ** **будучи,** **ты** **и** **ты** **ка-**
ры-снтām **ходо** **ху-хузнре;** **је** **ми-ху-зерн-фагем** **хо-**
кимъ **былъ** **такимъ** **тебѣ** **стать** **снова;** **или** **этимъ** **ты** **прокаженнымъ** **какъ**
до **ху-кененре;** **тум** **ја-дезор** **о-оіс!** **жѣрі** **гуасем**
 есть **тебѣ** **остаться;** **изъ** **двухъ** **ихъ** **выборъ** **тебѣ** **твой** **есть!**“ **сказавъ** **княгиня,**
кыс-жріām **јаперер** **абеке** **кістās.** **Мехо-пснуктхуке**
 она **сказала** **когда** **первое** **долей** **(себѣ)** **взялъ.** **Дней** **пятнадцать**
нех **џнн** **јемн-фо** **зерн-снтām** **ходо** **сапме-сао**
 только **лѣкарство** **не** **выпивши,** **какимъ** **былъ** **такимъ** **здоровнымъ** **сидящимъ**
хузрі, **гуасем** **хебезо** **зизахуре** **снтāо,** **жешым**
 ставши, **княгиней** **съ** **обвѣнчавшисъ** **нѣкоторое** **время** **бывши,** **ночью**
пем **здыхельмм** **јејо** **снхесетнкās,** **ј-физымре** **ји-пху-**
 постели **въ** **гдѣ** **лежитъ** **сильно** **вдохнулъ,** **свою** **жену** **и** **своихъ** **дочерей**
цнкуитнмре **ји-гу-кекрі.** **„Пап-ходізо** **ху-снхесетнкар**
малыхъ **двухъ** **и** **ихъ** **вспомнивши.** **„Такъ** **ты** **сильно** **ты** **вдохнулъ** **отчего,**
км-з-ж-умн-āо **хунокām!**“ **жѣрі** **ји-физым** **с-рі-везым**
миѣ **ты** **не** **сказавши** **нельзя!**“ **сказавъ** **его** **жена,** **она** **пристала** **когда,**
ж-рі'ās. **„Параме** **хуі-гоннлі** **см-хоікām** **ззм-јілес** **пале**
онъ **сказалъ.** **„Такъ** **если** **твоего** **грѣха** **миѣ** **нужно** **не** **одинъ** **годъ** **сроку**
ос-тынці **хуі-фнзи** **хуі-хнгебз** **цнвухері** **кежазұ** **кекоз!**“
тебѣ **я** **дамъ** **и** **свою** **жену** **и** **своихъ** **дочерей** **малыхъ** **и** **повидай,** **вернись!**“
снжіāам, **Шузајіпс** **кодо** **гуфās.** **Зізебезыррі** **језе-**
сказала **когда,** **Шужаипшъ** **очень** **обрадовался.** **Приготовившисъ** **отпра-**
пен **снхум,** **зн-џнн** **горі** **јірі-трі** **жрі-**
вляться **онъ** **сталъ** **когда,** **одно** **лѣкарство** **какое-то** **ему** **она** **давши** **она**
'ās: **„Ззм-јілеср** **ху-фекодндо** **нобе** **ху-фоѣ,**
сказала: **„Одинъ** **годъ** **тебѣ** **показывался** **многимъ** **сегодня** **тебѣ** **кажется,**
һарсхе **ху-снтхеке** **јілеср** **зн-махо** **је** **зн-мазе**
но **тебѣ** **счастьѣ** **въ** **годъ** **однимъ** **днемъ** **или** **однимъ** **мѣсяцемъ**
ходіз **нех** **хуркām,** **һараці** **пале** **ос-тā** **јілесым**
столько **больше** **бываетъ** **не,** **это** **такъ** **срокомъ,** **тебѣ** **я** **что** **дала** **году** **къ,**

жітнірі зы-жілес кі-зо-беҳуз, жітани хет жісере мн-
теперь еще одинъ годъ прибавляю, послѣ этого и кто знаетъ ничего

хузмхе хуме мн-зын ос-тѣм о-јефе-
выходить не будетъ если это лѣкарство, тебѣ я дала которое ты выпьешь

ме зы-жілес зе-пј-узеќызніс. Пао жітани ху-зери-з-
если одинъ годъ ты протянешь еще. Но послѣ этого и тебѣ я (даю)

бегувер рас: хуі-пхуітвр ка-п-шеме сі-
обѣщаніе это есть: своихъ дочерей двухъ ты привезешь если, моего (изъ)

нибе кіѣхер зери-с-ѡауном ходо с-ѡаунке; Гоцеѡаѡ
живота вышедшихъ я любить (какъ должна) такъ я любить буду; Гошегаѡ

к-умн-ше, һабм-снѡом ды-зезејінкѣм: ссе куаѡым см-кн-
ты не привези, тогда мы сождемся не: я кутѣ въ я забро-

конозінс“. Шузајіпс кѡзѡс жілесрі жі-мн-ко: „кеќозынн“
шенной останусь“. Шужанпшъ ухѣалъ года и не пробывши: „возвращусь“,

жі-оу, һарсће, жілесрі куѡс, жі-лесітрі куѡс, јаценереір
говоря, но, годъ и прошель, года два и прошло; ихъ третій

кѣіһем Шузајіпс һукојо снхоізем зын жі-нѡѣм
наступилъ когда Шужанпшъ обѣзять сталъ когда, лѣкарство, имѣлъ ко-

јефері јаѡе-жемнѡоре һарі куѡс; жітани Шу-
торое выпивши, ничего не случаясь этотъ и прошель; потомъ и Шу-

зајіпс зерн-снѡр фе-маѡеті кѡзыфнтекѣм. Һаргоро
жанпшу пробылъ сколько казалось мало, возвратиться могъ не. Опять.

һукојо снхоізем, Казре Катінере жішері кѡжынн сн-
обѣзять началъ когда, Казъ и Катину и повезши возвратиться на-

хоізем Гоцеѡаѡ кахонен жі-мн-до Шузајіпс жі-ќер ху-
чалъ когда Гошегаѡ оставаться не желалъ Шужанпша его полн пой-

быдрі дезао јераѡке ј-атапко Ботесќко зе-шітїм кнѡе-
мавши отправившись насильно ея атапкы Богашевы брата два отъ него

ра-тхнѡс. Пснзісће һар кнздеке-ра-тхѣм жідеі
они оторвали. Кубани верховьяхъ (въ) это ее они оторвали гдѣ, тамъ

пснне снѡ хѡрзыне побе кнз-деснмі жі-ас „Го-
ключъ холодный хорошій дня сущаго сегодняшняго до тамъ есть „Го-

сѡѡаѡ жі-псннеке“ јегео. Һа псннер Гоцеѡаѡ тһе’усмхеме
шегаѡ ея ключомъ“ называясь. Этотъ ключъ Гошегаѡ жалуюсь

ледакеке здеі-ом јідеі кифезао жа'а. Гошегаз јіѣб-
 пятками она била гдѣ тамъ сталь бить они говорятъ. Гошегага жалобная
 зер кеберде-јібзекі, кереше-јібзекі, сн'асъ.
 пѣсьн кабарданскомъ на и карачаевскомъ языкахъ и есть.

У священника Бибердова была дочь—красавица, какихъ мало: ни у кого не было такихъ чудныхъ глазъ, такихъ красивыхъ бровей, а съ годами она должна была сдѣлаться еще красивѣе. Были два брата-князя, Яхомыготъ и Шужей. Яхомыготъ былъ старше, и всѣ къ нему приставали, чтобы онъ женился. Онъ выѣхалъ въ сопровожденіи небольшой свиты, чтобы высмотрѣть себѣ невѣсту. Заѣхавши въ аулъ священника Бибердова, онъ увидѣлъ нѣсколькихъ дѣвочекъ, играющихъ въ просяной шелухѣ. Дѣвочки не замѣтили всадниковъ. Одна изъ нихъ, съ золотой шапочкой на головѣ, вышла для нужды на дворъ и присѣла тамъ, какъ вдругъ она замѣтила всадниковъ. Она вскочила, а чтобы не дать замѣтить всадникамъ, что она дѣлала, она прикрыла это мѣсто золотую свою шапочкой. Когда князь Яхомыготъ замѣтилъ, какъ поступила дѣвочка, то онъ сказалъ: «По смѣтливости этой дѣвочки видно, что это будетъ за женщина! Зачѣмъ мнѣ искать въ другомъ мѣстѣ? Похитимъ ее, а когда она вырастетъ, то мнѣ лучшей жены и не нужно!»—«Хорошо!» сказали его спутники въ одинъ голосъ, и похитили изъ числа дѣвочекъ ту дѣвочку, на которую указалъ князь: никто не зналъ, кто ее унесъ и куда ее дѣвали. Со своею добычей дружина возвратилась домой. Священникъ Бибердовъ чуть ли не по всему свѣту разыскивалъ свою любимую дочь, но и слѣдъ ея простылъ: нигдѣ о ней ни слуху ни духу! Князь Яхомыготъ отвезъ дѣвочку, которой имя было Гошегага, къ своей молочной матери и приказалъ ей строго-на-строго воспитывать дѣвочку старательно до совершеннолѣтія, но никому ее на глаза не показывать. Молочная мать князя держала ее въ строгости въ отдѣльной сажлѣ, не позволяя никому даже заглянуть туда. Когда изъ Гошегаги вышла уже взрослая дѣвица, Яхомыготъ умеръ. По смерти князя молочная его мать явилась къ родной матери и сказала: «Мой воспитанникъ поручилъ мнѣ воспитать одну дѣвушку; что же мнѣ теперь съ нею дѣлать послѣ его смерти?»—«Ничего другого не остается дѣлать!» отвѣтила кня-

гиня: «какъ отдать дѣвушку отцу; отвези ее къ нему, въ сопровожденіи нѣсколькихъ женщинъ, и пригласи его оплакивать нашего сына!»—«Хорошо» сказала та и, вернувшись домой, отослала съ женщинами Гошегагу къ Бибердову. Бибердовъ еще издали узналъ свою дочь, пропавшую ребенкомъ. *На похороны онъ поѣхалъ съ дочерью. Увидѣвши тѣло Яхомыгота, онъ сказалъ съ досадою:* «Эхъ, я считалъ Яхомыгота всегда своимъ другомъ, но онъ оказался хуже врага. Зачѣмъ онъ заставилъ меня перевернуть весь свѣтъ вверхъ дномъ, а не сказалъ прямо, что это онъ сдѣлалъ? Если бы я зналъ, что ему пришлось по душѣ моя дочь, то развѣ я препятствовалъ бы браку? Послѣ этого, что онъ мнѣ сдѣлалъ, не стану я его оплакивать!» Сказавъ это, Бибердовъ уѣхалъ прочь, но Гошегагу *оставилъ*. Послѣ похоронъ своего жениха она вернулась въ домъ отца.

Яхомыготъ, *пока былъ живъ*, скрывалъ недостатки Шузей. Послѣ его смерти Шузей сталъ настоящимъ лодыремъ и началъ валадаться безъ дѣла по всѣмъ ауламъ. Онъ былъ другомъ Бибердова. Тогда ему пришло въ голову поѣхать къ нему въ гости, чтобы людей повидать и себя показать. Бибердовъ былъ очень радъ гостю. «По какому дѣлу ты пріѣхалъ?» сказалъ Бибердовъ: «говори откровенно».—«Мнѣ не нужно ничего!» отвѣтилъ Шузей: «я ишу только твоего гостепріимства; позволь мнѣ пожить у тебя немного!»—«Милости просимъ!» сказалъ Бибердовъ и сдѣлалъ его управляющимъ своего дома. Живя въ домѣ Бибердова, Шузей пріобрѣлъ извѣстность: онъ былъ шорникомъ, развлекалъ всѣхъ игрой на скрипкѣ,—однимъ словомъ, не было ничего, чего бы онъ не зналъ. Старшая дочь Бибердова влюбилась въ Шузей, а въ младшую—Гошегагу онъ самъ влюбился, хотя и не осмѣливался никому сказать объ этомъ. Однажды, когда Бибердовъ куда-то уѣхалъ, Шузей похитилъ Гошегагу и уѣхалъ въ Кабарду къ Кази Атажукину, прося у него защиты. Тамъ онъ гостилъ долго. Въ домѣ Атажукина у него родилась дочь, которой дали имя Каза. Уѣхавши отъ Атажукиныхъ, онъ задумалъ вернуться къ Бибердову, чтобы съ нимъ помириться. На обратномъ пути у него родилась вторая дочь, которой дали имя Катина. Вернувшись къ тестю и помирившись съ нимъ, Шузей обзавелся хозяйствомъ и зажилъ своимъ домогъ. Тѣмъ временемъ пріѣхала въ гости къ нему старшая сестра Гошегаги,

привезя съ собою рѣдкія кушанья и напитки, подѣ тѣмъ предложомъ, чтобы попотчивать на славу своего зятя. Однажды старшая сестра сказала по секрету младшей: «Когда сегодня вечеромъ придетъ твой мужъ спать, давай я одѣнусь въ твое платье и лягу съ нимъ, вмѣсто тебя. Если ты несогласна, то я разстрою ваше счастье и потомъ уѣду домой: выбирай изъ двухъ, что хочешь!» Гошегага *сначала съ негодованиемъ отвергла это предложеніе*, но потомъ, когда ея злая сестра стала ее запугивать, она начала колебаться и, наконецъ, дала свое согласіе. Когда Шужей вернулся домой, то старшая сестра надѣла платье Гошегаги, обвязала свою голову платкомъ, такъ что ея узнать нельзя было, и зашла въ спальню. Шужей хотя и лежалъ, прислонившись къ стѣнкѣ, по съ перваго же взгляда узналъ, что это не его жена. Ничего не говоря, онъ всталъ съ постели и, подвязавшись кушакомъ, ушелъ въ кунацкую, велѣвъ принести туда постель, гдѣ и переночевалъ. «Я, вѣдь, говорила», сказала сестрѣ Гошегага: «что онъ тебя узнаетъ! Что ты надѣлала!» Но эта подлая женщина, какъ ни въ чемъ не бывало, на слѣдующее утро послала къ Шужею сказать, что закликаетъ своего зятя прійти, чтобы повидаться съ ней; она хочетъ его попотчивать на славу!

Когда Шужей пришелъ, то она подошла къ нему и сказала привѣтливо: «Сдѣлай милость, выпей изъ моей руки бокаль вина!» Хотя тотъ и отпѣкивался, но ничего не помогло: она заставила его выпить. Въ этотъ напитокъ было положено какое-то зелье, и лишь только Шужей выпилъ, то одинъ его усъ сейчасъ же облѣзъ. Шужей догадался, какимъ зельемъ напоила его свояченица, и велѣлъ ей въ тотъ же день уѣхать домой, сдѣлавъ на этотъ счетъ всѣ необходимыя распоряженія. Съ тѣхъ поръ волосы у него стали лѣзть, и онъ заболѣлъ проказой. Тогда онъ обвязалъ свою голову платкомъ и, не показываясь больше людямъ, поѣхалъ, куда глаза глядятъ, — готовъ скорѣе погибнуть, чѣмъ въ такомъ видѣ возвращаться домой. Долго ли, коротко ли онъ ѣздилъ, неизвѣстно, но по дорогѣ онъ заѣхалъ въ какой-то аулъ; князь этого аула умеръ, а молодая княгиня сидѣла вдовой. Шужей постучался у воротъ княжескаго дома, прося ночлега. Его впустили *и приняли гостепріимно*. Когда приходилось кушать или раздѣваться, чтобы лечь спать, Шужей, не желая

никому показать своего лица, высылалъ прислугу. Ночь онъ переночевалъ въ кунацкой. На слѣдующее утро прислала къ нему княгиня, прося его зайти въ домъ. «Нѣтъ, я не могу зайти», сказалъ посланному Шужей: «я боленъ; моя болѣзнь не позволяетъ мнѣ показываться на глаза кому бы то ни было!» Но княгиня велѣла передать, что она это знала, что онъ боленъ, и чтобы онъ, несмотря на свою болѣзнь, все-таки къ ней явился. Пришлось ему покориться и явиться къ княгинѣ. Она его встрѣтила со слѣдующими словами: «Когда ты еще ѣхалъ, Шужей, то я, увидѣвъ тебя, сейчасъ же догадалась, чѣмъ ты боленъ. Теперь тебѣ я предоставляю на выборъ одно изъ двухъ: или ты женишься на мнѣ, и этотъ аулъ сдѣлается твоимъ ауломъ, а этотъ домъ твоимъ домомъ, и ты станешь такимъ, какимъ былъ прежде, или ты останешься прокаженнымъ, какъ и теперь! Выбирай любое!» Шужей выбралъ первое. Двѣ недѣли онъ долженъ былъ пить лѣкарство, пока къ нему не вернулось прежнее здоровье. Обвѣнчавшись съ княгиней, онъ былъ доволенъ своею судьбою. Но какъ-то ночью, лежа въ постели, онъ тяжело вздохнулъ, вспомнивъ свою жену и обѣихъ своихъ дочерей. «Отчего ты тяжело вздохнулъ, скажи, пожалуйста!» сказала жена и такъ стала къ нему приставать, чтобы онъ ей сообщила причину, что онъ ей во всемъ сознался. «Мнѣ не нужно твоего грѣха на душу», сказала жена: «я тебѣ даю срокъ цѣлнй годъ, чтобы ты повидался со своей женою и дочерьми, а потомъ вернись ко мнѣ!» Шужей очень обрадовался. Когда онъ уже приготовился въ путь-дорогу, то княгиня дала ему какое-то лѣкарство и сказала на прощаніе: «Тебѣ одного года сегодня показалось много, но когда минетъ годъ твоего счастья, то тогда годъ тебѣ покажется или днемъ или мѣсяцемъ—ни больше ни меньше. Ну, такъ знай, что къ этому сроку я прибавляю еще одинъ годъ: на этотъ срокъ лѣкарство будетъ имѣть силу; послѣ этого, если станешь пить еще лѣкарство, что я тебѣ дала, то ты протянешь еще одинъ годъ—не больше. Но даже и послѣ этого возвращайся, и я тебѣ даю обѣщаніе любить твоихъ дочерей, какъ родныхъ; но Гошегаги не привози: мы не уживемся подъ одной крышей; мнѣ тогда пришлось бы жить заброшенной гдѣ-нибудь въ углу дома!» Когда Шужей уѣхалъ, то ему казалось, что онъ по истеченіи года вернется; но прошелъ одинъ годъ, а затѣмъ

два; когда наступилъ третій годъ и Шужей сталъ облизать, то онъ снова выпилъ этого лѣкарства, и ничего съ нимъ не случилось: годъ прошелъ благополучно. Но затѣмъ Шужю, сколько онъ ни пробылъ, все-таки казалось мало, и онъ не могъ собраться съ силами, чтобы возвратиться. Когда онъ опять началъ облизать, то уже на самомъ дѣлѣ собрался въ путь, рѣшившись взять съ собою Казу и Катину и оставить Гошегагу; но та стала плакать и убиваться, прося ее взять съ собою, и, ухватившись за полы черкески мужа, не отставала отъ него. Тогда подбѣжали два брата Боташевы и силою оттащили отъ мужа несчастную Гошегагу. У верховьевъ Кубани, на томъ мѣстѣ, гдѣ была задержана Гошегага, брызнулъ изъ скалы ключъ чистой и холодной, какъ ледъ, воды, который до настоящаго времени называется ключомъ Гошегаги. Онъ, какъ говорятъ, сталъ бить тамъ, гдѣ билась пятками объ скалу неутѣшная Гошегага. До сихъ поръ поется на кабардинскомъ и карачаевскомъ языкахъ жалобная пѣсня Гошегаги.

Иаго Тамбиевъ.

22 марта 1897 г.

Г. Майкопъ.
